

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus[®]

Clarivate
Web of Science[™]

OPEN
ACCESS

We are
Crossref
Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU
РИНЦ

DOAJ

NSD ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Dimensions

Google
scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 13, выпуск 5, 2024

NAUCHNYI DIALOG
Volume 13, Issue 5, 2024

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 13, выпуск 5, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Анталия (Турция)	Новосибирск
	Архангельск	Орел
	Брянск	Ростов-на-Дону
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Киров	Тамбов
	Краснодар	Тюмень
	Магнитогорск	Ургенч (Узбекистан)
	Махачкала	Чжэньцзян (Китай)
	Москва	Якутск
	Нижний Новгород	
Авторы, имеющие ученую степень	87 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2024

Дата выхода в свет 25.06.2024

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 13, Issue 5, 2024

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal's web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Александр Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алёшин А. С.</i> Паремии сравнительной семантики о бедности и богатстве в шведском и русском языках : структурный и лингвокультурологический подходы	9
<i>Васильева Г. М., Виноградова М. В.</i> Динамика отражения экологической проблематики в содержании лексемы <i>зеленый</i> (по данным толковых словарей и ассоциативных экспериментов).....	28
<i>Данилов И. А.</i> Якутский язык в северном промышленном моногороде : языковая дистрибуция в речевом репертуаре саха.....	48
<i>Дубовицкая М. А.</i> Мена коммуникативных ролей через субкодное переключение и смешение в произведениях Зэди Смит	67
<i>Кулешова А. В., Сланикова Т. В.</i> Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов : функционально-прагматический и функционально-семантический подходы	84
<i>Оношко В. Н.</i> Лексико-стилистические особенности перевода памятников древнерусской литературы на русский и английский языки (на материале произведения «Слово о полку Игореве»)	104
<i>Рябцева Н. К.</i> Межъязыковая научная коммуникация, современные «цифровые» терминологические неологизмы в английском языке и проблемы перевода	124
<i>Шулежкова С. Г.</i> Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса	140

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Болтуц О. А., Лучинский Ю. В.</i> Литературно-краеведческая тематика курортной прессы Черноморской губернии	161
<i>Гришина К. В., Щетинин М. В.</i> СМИ и социальные сети о трудовой дискриминации женщин в XXI веке	180

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Барецкая А. Е.</i> Классицистическая разработка топоса «отец — сын» в «Приключениях Телемака» Фенелона	198
<i>Жданов С. С.</i> Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова	215
<i>Кихней Л. Г., Устиновская А. А.</i> Перевод Вяч. Иванова пятого сонета Микеланджело : проблема эквивалентности и переводческих трансформаций.....	240
<i>Кузьмина А. А.</i> Русский мир в якутском героическом эпосе олонхо	256

<i>Мэн Линди, Сай На.</i> Рецепция творчества А. А. Фета в Китае	274
<i>Ушакова Е. В.</i> Поэтика заглавия рассказа И. А. Бунина «Смарагд».....	290
<i>Шарыпина Т. А.</i> Иной и Чужой : лики Меден в драматических и сценических интерпретациях XX—XXI веков	304
<i>Шестакова Е. Ю.</i> Образ России в автобиографической прозе о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева	335

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бондарев В. А.</i> Агитационно-пропагандистские меры активизации казачьего добровольческого движения на Дону в годы Великой Отечественной войны	353
<i>Букалова С. В.</i> Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны : финансовые аспекты.....	371
<i>Ерохина О. В.</i> Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914—1917 годы)	390
<i>Ильин П. В.</i> П. Я. Ренненкампф : незамеченный декабрист-заговорщик	409
<i>Науменко О. Н., Абдуллаев У. И.</i> Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков	437
<i>Озтюрк М., Вагабов М. М., Газиева А. А.</i> Сталинградская битва : отражение событий и оценка в турецкой прессе периода Второй мировой войны.....	456
<i>Сагимбаев А. В.</i> Фактор коммунизма в эволюции политической ситуации в Британской Индии (1920—1930-е годы).....	475
<i>Слезин А. А., Якимов К. А.</i> Изъяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы : взгляд крестьянства	494
<i>Суслова Л. Н., Костецкая Е. В., Аксенова В. А.</i> Правительственная политика по отношению к сектантам и ее реализация в Тобольской губернии в XIX веке	516
АВТОРАМ.....	542
CONTENTS.....	548

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

Алексей Сергеевич Алёшин, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Анна Васильевна Кулешова, канд. филол. наук (Москва)
Вячеслав Николаевич Оношко, канд. филол. наук (Киров)
Галина Михайловна Васильева, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Игорь Альбертович Данилов, младший научный сотрудник (Москва, Якутск)
Марина Владимировна Виноградова, канд. пед. наук (Санкт-Петербург)
Мария Анатольевна Дубовицкая, канд. филол. наук (Москва)
Надежда Константиновна Рябцева, д-р филол. наук (Москва)
Светлана Григорьевна Шулежкова, д-р филол. наук (Магнитогорск)
Тамара Васильевна Сланикова, канд. филол. наук (Москва)

Информация для цитирования:

Алешин А. С. Паремии сравнительной семантики о бедности и богатстве в шведском и русском языках : структурный и лингвокультурологический подходы / А. С. Алёшин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-9-27.

Aleshin, A. S. (2024). Proverbs of Comparative Semantics on Poverty and Wealth in Swedish and Russian Languages: Structural and Linguacultural Approaches. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-9-27. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Паремии сравнительной семантики о бедности и богатстве в шведском и русском языках: структурный и лингвокультурологический подходы

Алёшин Алексей Сергеевич

orcid.org/ 0000-0001-6058-8844

кандидат филологических наук, доцент,

заведующий кафедрой

иностранных языков

факультета социальных

цифровых технологий

alexis001@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
(Санкт-Петербург, Россия)

Proverbs of Comparative Semantics on Poverty and Wealth in Swedish and Russian Languages: Structural and Linguacultural Approaches

Alexey S. Aleshin

orcid.org/0000-0001-6058-8844

PhD in Philology, Associate Professor,

Head of the Department

of Foreign Languages,

Faculty of Social

Digital Technologies

alexis001@mail.ru

The Bonch-Bruевич
Saint Petersburg State
University of Telecommunications
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются сходства и различия структурной организации и выражаемых установок культуры шведских и русских паремий сравнительной семантики о бедности и богатстве. Приводится классификация языковых единиц (35 шведских и 60 русских паремий) с точки зрения выражения ими тождества, сопоставления, противопоставления и их синтаксической организации. Установлено, что в шведском языке имеют количественные преимущества паремии, выражающие сопоставление с прилагательным в сравнительной степени, в русском языке — паремии, выражающие противопоставление. В шведских и русских паремиях сравнительной семантики о бедности и богатстве можно отметить сходные установки культуры:

— имущественное положение богача несравненно выше бедняка, но бедный человек превосходит богатого в нравственном отношении;

— богатый человек всегда хочет еще большего, он пресыщен своим богатством;

— законы работают неодинаково для богатых и бедных;

— богатство преходяще, если им не пользоваться разумно.

Различия заключаются в частных установках культуры. Так, шведские паремии акцентируют дочь богатого человека, которая служит желанной добычей для искателей легкого обогащения. Русские паремии отмечают интенсификацию некоторых качеств человека в зависимости от степени бедности / богатства (чем человек беднее, тем он щедрее, мудрее, умнее, смелее, хитрее) и др.

Ключевые слова:

паремии; шведский язык; русский язык; бедность; богатство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study identifies similarities and differences in the structural organization and cultural attitudes expressed in Swedish and Russian proverbs of comparative semantics on poverty and wealth. It provides a classification of linguistic units (35 Swedish and 60 Russian proverbs) based on their expression of identity, comparison, contrast, and syntactic organization. The research reveals that in the Swedish language, proverbs expressing comparison with adjectives in the comparative degree have quantitative advantages, while in the Russian language, proverbs expressing contrast prevail. Similar cultural attitudes in Swedish and Russian proverbs of comparative semantics on poverty and wealth include:

(1) The wealthy person's material status is incomparably higher than that of the poor, but the poor person surpasses the wealthy in moral terms.

(2) The wealthy always desire more, being unsatisfied with their wealth.

(3) Laws operate differently for the rich and the poor.

(4) Wealth is fleeting if not used wisely.

Differences lie in specific cultural attitudes. For instance, Swedish proverbs focus on the wealthy person's daughter as a coveted prize for those seeking easy enrichment, while Russian proverbs intensify certain qualities of individuals based on their degree of poverty / wealth (the poorer a person is, the more generous, wise, intelligent, brave, cunning they are, etc.).

Key words:

proverbs; Swedish language; Russian language; poverty; wealth.

УДК 811.113.6'37+811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-9-27

Научная специальность ВАК

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Паремии сравнительной семантики о бедности и богатстве в шведском и русском языках: структурный и лингвокультурологический подходы

© Алёшин А. С., 2024

1. Введение = Introduction

Паремии о бедности и богатстве неоднократно привлекали к себе внимание исследователей на материале различных языков. Интерес к этому языковому материалу не затухает и в последние годы. Так, типологии пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности на европейском паремиологическом фоне посвящена работа М. А. Бредиса и Е. Е. Иванова [Бредис и др., 2021], особенности репрезентации фрейма «бедность — богатство» в семантике аварских и английских паремий рассматриваются в статье А. А. Микаиловой [Микаилова, 2014]. В большинстве научных трудов исследуется репрезентация концептов БЕДНОСТЬ и БОГАТСТВО в паремиях разных языков. Например, можно отметить исследования на материале германских языков (английского и немецкого) [Гордеева и др., 2021], табасаранского и агульского языков [Гасанова и др., 2015], русского языка [Ижбаева и др., 2018], русского и лезгинского языков [Джалилова и др., 2022] и др. Пословицам о деньгах (как одной из составляющих концепта БОГАТСТВО) посвящена монография М. А. Бредиса [Бредис, 2019], рассматривающего представления о деньгах и денежных отношениях на материале русских, латышских, латгальских, литовских, немецких и английских пословиц.

Сопоставительное изучение паремий о бедности и богатстве русского и шведского языков до настоящего времени не проводилось.

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью паремий сравнительной семантики на материале разных языков. Новизна исследования видится в структурной систематизации и лингвокультурологическом рассмотрении тематической группы паремий о бедности и богатстве на материале двух языков различных языковых групп. Принимается широкий подход к пониманию категории сравнения.

Научная новизна данного исследования заключается также в том, что в нем анализируются единицы сравнительной семантики, представляющие

собой особый раздел паремий. Результатом исследования категории сравнения как разноуровневого образования является разделяемый нами вывод ряда ученых о том, что «сравнение — слабо центрированное функционально-семантическое поле, которое опирается не на грамматическую, а на семантическую категорию» [Постникова, 2009, с. 272]. Принимая точку зрения на сравнение как философскую категорию познания, мы разделяем широкое понимание данной категории и рассматриваем не только эксплицитные средства ее выражения, но и имплицитные. В этом случае большую роль играют отношения противопоставления, тождества, логической рядоположенности — всё то, что М. И. Конюшкевич называет «отчужденным во времени результатом операции сравнения» [Конюшкевич, 2001].

Все языковые средства выражения сравнения функционируют на синтаксической основе, поскольку «сравнение — это некая общая схема построения словесного знака любого уровня сложности» [Черемисина, 2006, с. 18]. В структурном отношении можно вывести типичные для каждого языка модели паремий, выражающих сравнительную семантику.

Мы разделяем точку зрения Н. Н. Самчик о том, что сравнение является средством формирования концептуальной картины мира, одним из системообразующих элементов языковой картины мира и ее продуктом. Исследование сравнительных конструкций позволяет получить ценные сведения не только о языке различных этносов, но и об их культуре, особенностях этнической ментальности, выявить факторы, которые оказывают влияние на национально-культурные особенности компаративных единиц, характерных для разных языков [Самчик, 2019, с. 362]. Сопоставительно-лингвокультурологический анализ паремий сравнительной семантики как элемента этноязыковой картины мира, таким образом, может предоставить ценные сведения об общем и специфическом в языковом сознании представителей разных этносов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования в данной статье являются паремии сравнительной семантики шведского и русского языков о богатстве и бедности.

Источниками для извлечения материала послужили фразеологические словари шведского языка, включающие пословицы и поговорки, П. Хольма [Holm, 1984] и Ф. Стрёма [Ström, 1929], словари русских пословиц В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой [Мокиенко и др., 2010] и В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [Мокиенко и др., 2011].

Для анализа из указанных словарей было отобрано 35 паремий шведского языка и 60 единиц русского языка. Количественная диспропорция объясняется большей паремиографической разработанностью пословично-поговорочного фонда русского языка, наличием большого количества

авторитетных специализированных словарей русских пословиц и поговорок по сравнению со шведскими лексикографическими источниками.

Целью данной статьи стало выявление сходств и различий в структурной организации и выражаемых установках культуры шведских и русских паремий сравнительной семантики о бедности и богатстве.

Для достижения поставленной цели используются описательный метод, метод компонентного анализа, метод лингвокультурологического комментария, прием сплошной выборки единиц из словарей, прием количественной характеристики.

Предлагается двухэтапная методика анализа материала: на первом этапе для каждого языка проводится классификация структурных моделей паремий сравнительной семантики, выявляются преобладающие в количественном отношении модели, характеризуются некоторые типичные для данного языка модели. На втором этапе исследования анализируются культурные установки, ценности и образность паремий.

Паремиологи, как правило, не выделяют единицы сравнительной семантики в отдельный разряд, исключения составляют работы фольклориста С. Г. Лазутина [1986] и фразеолога и паремиолога Е. К. Николаевой [2010], предложивших типологию подобных единиц на материале русского языка. Исследователи выделили 5 и 11 моделей пословиц с компаративной семантикой соответственно.

Е. К. Николаева отмечает, что «компаративное пространство русской пословицы может быть выражено следующими конструкциями: 1) сравнительными оборотами, вводимыми союзом *как* и его синонимами, 2) с творительным сравнения, 3) с формами сравнительной степени прилагательных при существительных в родительном падеже, 4) с лексическими элементами *похож*, *походить на кого-*, *что-л.*, *подобный кому-*, *чему-л.*, 5) с наречиями, образованными от притяжательных прилагательных при помощи форманта *по-*, 6) с придаточными сравнительными предложениями, 7) винительный падеж существительного с предлогом *с*, 8) винительный падеж с предлогом *в*, 9) бессоюзные формы сравнений в предложениях тождества, 10) сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма, 11) отрицательные сравнения» [Николаева, 2010, с. 239—241].

В данной статье не рассматриваются предположно-падежные способы выражения сравнения в паремиях русского языка как нерелевантные для сопоставления со шведским языком. В свою очередь также не являются объектом анализа композиты шведского языка.

Относительно других языков (и шведского языка, в частности) исследований пословиц и поговорок сравнительной семантики обнаружено не было.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Проведем анализ паремий шведского и русского языков сравнительной семантики о бедности и богатстве согласно принятой методике.

3.1. Шведские паремии сравнительной семантики о бедности и богатстве

3.1.1. Структурная классификация

В каждой тематической группе паремий сравнительной семантики шведского и русского языков преобладают различные типы моделей, ср., например, [Зиновьева и др., 2022].

В рассматриваемом корпусе шведских паремий о бедности и богатстве можно выделить следующие:

1) Паремии, выражающие сопоставление и включающие в свой состав прилагательное в сравнительной степени (15 единиц): *Den som föraktar rikedom är rikare än den som äger den* ‘Тот, кто презирует богатство, богаче того, кто им владеет’; *Den fattige får köpa dyrare än den rike* ‘Бедному приходится покупать дороже, чем богатому’; *Den fattige hjälper fler än den rike* ‘Бедный помогает большему количеству людей, чем богатый’; *Den fattige ger förr ur korgen än den rike ur visthusboden* ‘Бедный раньше даст из корзины, чем богатый из погреба’; *Rik mans hora har det bättre än fattig mans hustru* ‘Шлюха у богатого живёт лучше, чем жена у бедного’; *Tungt är att tråla, tyngre att tigga* ‘Тяжело батрачить, тяжелее нищенствовать’.

В этой группе шведских паремий выделяются такие конструкции, как:

a) Bättre... än... («лучше ..., чем ...»): *Bättre arm och ärlig än svekfull och härlig* ‘Лучше бедный и честный, чем коварный и прекрасный’; *Bättre att börssen lider än hjärtat* ‘Лучше пусть страдает кошелек, чем сердце’; *Bättre en lus i kålen än inget fläsk alls* ‘Лучше вошь в капусте, чем вообще без мяса’; *Bättre tigga än stjäla* ‘Лучше нищенствовать, чем воровать’; *Bättre ett gott rykte, än stora rikedomar* ‘Лучше добрая слава, чем большие богатства’; *Bättre fattig med ära, än rik med skam* ‘Лучше бедный с честью, чем богатый с позором’;

б) Ju... desto... (ju...) («чем...тем»): *Ju svagare bettlaren är desto starkare kryckan* ‘Чем слабее нищий, тем крепче его костыль’; *Ju rikare, ju armare* ‘Чем богаче, тем несчастнее’; *Ju äldre, ju argare, ju rikare, ju kargare* ‘Чем старше, тем злее, чем богаче, тем скупее’. В последней четырехчастной паремии можно отметить синтаксический параллелизм.

2) Паремии, выражающие противопоставление

Эти паремии представляют собой сложное предложение

a) с бессоюзной связью (10 единиц): *De rika stå över lagen, de fattiga ligger under den* ‘Богатые стоят над законом, бедные лежат под ним’; *Den fattige har många barn, Holmden rike många hästar* ‘У бедного много детей, у богатого много лошадей’; *Den rike är lösaktig, den fattige är slösaktig* ‘Бо-

гаты — беспутный, бедный — расточительный'; *Den fattige fattas mycket, den girige allt* 'Бедному не хватает многого, богатому — всего'; *Den fattige studerar, den rike jubilerar* 'Бедный учится, богатый празднует'; *Fattig man ber om mat, rik man om lust att äta den* 'Бедный просит еды, богатый — желания её съесть'; *De fattiga hjälpa varandra, de rika stjälpa varandra* 'Бедные помогают друг другу, богатые сталкивают друг друга'; *Den fattige trampar cykeln, den rike åker bil* 'Бедный жмёт педали на велосипеде, богатый едет на машине'; *Den som spinner har en särk, den som icke spinner har två* 'Тот, кто прядёт, имеет сорочку, кто не прядёт, имеет две'; *Den fattige får icke länge behålla sina höns, den rike sina döttrar* 'Бедному не сохранить надолго своих кур, богатому — своих дочерей';

б) с противительным союзом *men* (1 единица): *Rikedom förgår, men dygd består* 'Богатство проходит, но добродетель остаётся'.

3) Паремии, выражающие уподобление через рядоположение (7 единиц): *Rikedom utan förstånd och häst utan betsel håller inte längre* 'Богатство без разума и лошадь без узды долго не держатся'; *Rik mans dotter och fattig mans föl går snart åt* 'Дочь богача и жеребец бедняка быстро идут в расход'; *Satan tycker om rika änkor och feta präster* 'Сатана любит богатых вдов и жирных священников'; *Rik mans dotter och fattig mans oxen får icke nog tid att växa* 'Дочери богача и быку бедняка не хватает времени вырасти'; *Rik kvinna och kornfet häst yttra snart mod* 'Богатая женщина и сытая лошадь быстро показывают характер'; *Rikt folks döttrar och fattigt folks kalvar bli snart stora* 'Дочери богачей и телята бедняков вырастают быстро'; *När den fattige steker fläsk och den rike dör hörs lika långt* 'Когда бедный жарит свинину и когда богатый умирает, слышно одинаково далеко'.

Рядоположение играет большую роль в отражении национального менталитета, эта когнитивная операция входит в значимую оппозицию, позволяющую отнести людей или предметы к одному классу, роду, группе. В данный разряд мы включаем паремии с формальной выраженностью компарации — синтаксической и логической рядоположенностью. Под логической рядоположенностью понимается объединение в сознании носителей определенной лингвокультуры двух субъектов из различных денотативных сфер путем выявления у них общего признака или общей характеристики, обозначаемых предикатом в синтаксической модели паремии.

В анализируемом материале рядоположаемые субъекты могут выступать как в роли подлежащего: *Rik mans dotter och fattig mans föl går snart åt* 'Дочь богача и жеребец бедняка быстро идут в расход', так и в роли дополнения: *Satan tycker om rika änkor och feta präster* 'Сатана любит богатых вдов и жирных священников'. Кроме того, в качестве рядоположаемых выступают придаточные предложения времени в сложноподчиненном предложении: *När*

den fattige steker fläsk och den rike dör hörs lika långt ‘Когда бедный жарит свинину и когда богатый умирает, слышно одинаково далеко’.

Поскольку поговорки складывались в крестьянской среде, то абстрактное (богатство), а также наименования лиц (дочери богача, богатые вдовы и священники) сравниваются с конкретным, реалиями быта, наименованиями скота: богатство без разума — лошадь без узды; дочь богача — жеребец бедняка, дочь богача — бык бедняка, дочери богачей — телята бедняков, богатая женщина — сытая лошадь, богатые вдовы — жирные священники. Рядопологаются, казалось бы, несопоставимые ситуации: бедный жарит свинину — богатый умирает.

Следует отметить, что поговорки с рядоположенностью компонентов являются одним из наиболее объемных разрядов традиционных шведских компаративных поговорок. Этот разряд включает в себя 120 единиц, полученных методом сплошной выборки из словарей П. Хольма «3530 ordspråk och talesätt» и Ф. Стрёма «Svenska ordspråk», см. об этом подробнее в [Алёшин, 2023].

4) Поговорки, выражающие сопоставление посредством компаративного союза *som* (2 единицы): *Den fattiges visdom är som slottet i öknen* ‘Мудрость бедняка как замок в пустыне’; *Ett stort hjärta bland lumpor är som silver i trasiga strumpor* ‘Большое сердце среди тряпья как серебро в рваных носках’.

Таким образом, в рассматриваемой тематической группе шведских поговорок о бедности и богатстве сравнительной семантики количественно преобладают единицы, выражающие сопоставление и включающие компонент-прилагательное в сравнительной степени. Меньшим количеством единиц представлена модель, выражающая эксплицитное сопоставление с помощью формального показателя — сравнительного союза *som*.

3.1.2. Культурные установки и ценностные предпочтения, вербализуемые поговорками шведского языка

Установки культуры — это ментальные предписания (предписания), оценивающие социальные и духовные практики человека [Телия, 2004].

1. В большинстве шведских поговорок сравнительной семантики о бедности и богатстве противопоставляются бедный и богатый человек.

Поговорки образно подчеркивают разницу в материальном положении бедных и богатых: *Den fattige trampar cykeln, den rike åker bil* ‘Бедный жмёт педали на велосипеде, богатый едет на машине’. У бедняков большие семьи, у богатых большое имущество: *Den fattige har många barn, den rike många hästar* ‘У бедного много детей, у богатого много лошадей’.

Богатые живут в достатке, но хотят еще большего: *Den fattige fattas mycket, den girige allt* ‘Бедному не хватает многого, богатому — всего’. Богачи страдают от пресыщения: *Fattig man ber om mat, rik man om lust att äta den* ‘Бедный просит еды, богатый — желания её съесть’.

Шведская паремия прямо указывает на межличностные отношения внутри бедных и богатых, опять же отмечая нравственное превосходство бедных: *De fattiga hjälpa varandra, de rika stjälpa varandra* ‘Бедные помогают друг другу, богатые сталкивают друг друга’.

Законы имеют разную силу для богатых и бедных: *De rika stå över lagen, de fattiga ligga under den* ‘Богатые стоят над законом, бедные лежат под ним’.

Бедному человеку всё достается труднее, чем богатому: *Den fattige får köpa dyrare än den rike* ‘Бедному приходится покупать дороже, чем богатому’. Бедняк много трудится, но мало имеет: *Den som spinner har en särk, den som icke spinner har två* ‘Тот, кто прядет, имеет сорочку, кто не прядет, имеет две’. Члены его семьи живут в тяжелых условиях: *Rik mans hora har det bättre än fattig mans hustru* ‘Шлюха у богатого живёт лучше, чем жена у бедного’.

Отмечается положительная оценка бедняка, приоритет бедного человека перед богатым по внутренним качествам: *Den som föraktar rikedom är rikare än den som äger den* ‘Тот, кто презирает богатство, богаче того, кто им владеет’; *Den fattige hjälper fler än den rike* ‘Бедный помогает большему количеству людей, чем богатый’; *Den fattige ger förr ur korgen än den rike ur visthusboden* ‘Бедный раньше даст из корзины, чем богатый из погреба’; *Ett stort hjärta bland lumpor är som silver i trasiga strumpor* ‘Большое сердце среди тряпья как серебро в рваных носках’; *Bättre fattig med ära, än rik med skam* ‘Лучше бедный с честью, чем богатый с позором’; *Den fattige studerar, den rike jubilerar* ‘Бедный учится, богатый празднует’. В паремии *Bättre arm och ärlig än svekfull och härlig* ‘Лучше бедный и честный, чем коварный и прекрасный’ богатч представлен имплицитно, как обладатель названных характеристик — коварный и прекрасный.

2. Жениться на дочери богатого хотят многие, поэтому паремия констатирует: *Den fattige får icke länge behålla sina höns, den rike sina döttrar* ‘Бедному не сохранить надолго своих кур, богатому — своих дочерей’; *Rik mans dotter och fattig mans föl går snart åt* ‘Дочь богача и жеребец бедняка быстро идут в расход’; *Rik mans dotter och fattig mans oxe får icke nog tid att växa* ‘Дочери богача и быку бедняка не хватает времени вырасти’; *Rikt folks döttrar och fattigt folks kalvar blir snart stora* ‘Дочери богачей и телята бедняков вырастают быстро’.

3. Паремии свидетельствуют, что труд бедняка тяжел, но жить в нищете еще хуже: *Tungt är att tråla, tyngre att tigga* ‘Тяжело батрачить, тяжелее нищенствовать’. С другой стороны, если выбирать между нищенствованием и воровством, то паремия однозначно провозглашает: *Bättre tigga än stjåla* ‘Лучше нищенствовать, чем воровать’.

4. Бедняк мудр, но применить эту мудрость негде: *Den fattiges visdom är som slottet i öknen* ‘Мудрость бедняка как замок в пустыне’.

5. Богатство, если им распоряжаться необдуманно, преходяще: *Rikedom utan förstånd och häst utan betsel håller inte längre* ‘Богатство без разума и лошадь без узды долго не держатся’.

6. Богатство, деньги противопоставляются в шведских поговорках доброй славе, чувствам, добродетели. При этом народная мудрость определённа на стороне последних: *Bättre ett gott rykte, än stora rikedomar* ‘Лучше добрая слава, чем большие богатства’; *Bättre att börsen lider än hjärtat* ‘Лучше пусть страдает кошелёк, чем сердце’; *Rikedom förgår, men dygd består* ‘Богатство проходит, но добродетель остаётся’.

Ряд поговорок о богатстве и бедности ироничны: *Bättre en lus i kålen än inget fläsk alls* ‘Лучше вошь в капусте, чем вообще без мяса’; *Den rike är lösaktig, den fattige är slösaktig* ‘Богатый — беспутный, бедный — расточительный’; *Satan tycker om rika änkor och feta präster* ‘Сатана любит богатых вдов и жирных священников’.

Система образов исследуемого корпуса шведских поговорок основана на наименованиях реалий крестьянского быта: домашних животных и птиц *en häst* (лошадь), *kalvar* (телята), *en ox* (бык), *en föl* (жеребец), *höns* (куры), паразитирующих насекомых — *en lus* (вошь), предметов домашнего обихода — *en korg* (корзина), одежды — *en särk* (сорочка), *lumpor* (тряпье), *strumpor* (рваные носки), подсобных помещений — *en vishusbod* (погреб), еды — *ett fläsk* (свинина), *en kål* (капуста), *en kött* (мясо).

3.2. Русские поговорки сравнительной семантики о бедности и богатстве

3.2.1. Структурная классификация

1) **Поговорки, выражающие противопоставление.** Это модели, представляющие собой сложное предложение (28 единиц):

а) сложносочиненное с противительным союзом *a* (21 единицы): *Богат ждёт пакости, а убог — радости; Богатство гинет, а нищета живёт; Богатый силен мошной, а рак клеиней; Хорошо богатство, а согласие лучше; Бедность плачет, а богатство скачет; Бедность учит, а богатство портит; Богат шепчет с кумой, а убог — с сумой; Богатому ветер в спину, а бедному — всё в лицо; Богатому деньги, а бедному — дети; Богатому житьё, а бедному вытьё; Богатому человеку чёрт детей колышет, а бедный и няньки не сыщёт; Богатому, как хочется, а бедному, как может; Богатый — на деньги, а бедный — на выдумки; Богатый в драке бережёт рожу, а бедный — одежду; Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник (и в праздники) горюет; Богатый как хочет, а бедный — как может; Богатый сладко спит, а бедный ночи в окно глядит; Богатый строит себе*

дом годами, а бедный — днями; У богатого груз в корабле, а у бедного — хлеб в суме; Убогий рад киселю, а богатому и золото в горло не идёт.

б) с бессоюзной связью частей (8 единиц): *Богатство губит, ум спасает; Сыта свинья — всё жрёт, богат мужик, а всё копит; Богатому жаль корабля, нищему кошеля; Богатому жаль корабля, убогому костыля; Богатому идти в суд — трын-трава, бедному — долой голова; Богатый о корабле, бедный о кошеле; У Фомушки денежки — Фомушка Фома, у Фомушки ни денежки — Фомка Фома.*

В данном разряде русских паремий широко используется прием синтаксического параллелизма.

2) Паремии, выражающие сопоставление и включающие в свой состав прилагательное в сравнительной степени (20 единиц): *Богатому душа дешевле гроша; Легче в пещере со змеей жить, чем с богатым дружить; Нет ничего сильнее туго набитой мошины; Бедность хуже всего; Лучшие нужду неси, а взаймы не проси.*

Внутри данного разряда выделяются конструкции:

а) «лучшие... чем» (9 единиц): *Лучше бедность, да честность, чем (нежели) прибыль, да стыд; Лучшие нужда да стужа, чем жить с немилым мужем; Лучшие с милым в бедности, чем с постылым в богатстве; Нищета прочней богатства; Лучшие быть бедным и здоровым, чем богатым и больным; Лучшие быть честным бедняком, чем богатым подлецом; Лучшие дому лишиться, чем с богатым всегда браниться; Лучшие жить бедняком, чем разбогатеть со грехом; Лучшие нищий праведный, чем богач ябедный;*

б) «чем ... тем» (6 единиц): *Чем богаче, тем скунее; Чем беднее, тем щедрее; Чем голее, тем мудрее; Чем голее, тем смелее; Чем голее, тем умнее; Чем голее, тем хитрее.*

3) Паремии, выражающие сопоставление посредством компаративного союза как или что (6 единиц): *В богатом житье — как в море; (Мужик) богатый — что бык рогатый: в тесные ворота не влезет; Знатьность без богатства что красота без приятства; Гольи что святой; с голого как со святого: ничего не возьмёшь; с голого что с мёртвого: ничего не возьмёшь.*

4) Паремии, выражающие отождествление (3 единицы): *Богатство — вода: пришла и ушла; Богатство — грязь, ум — золото; Самая жалкая нищета — скупость.* Как отмечает З. К. Тарланов, сказуемое в предложениях тождества совмещает функцию сравнения [Тарланов, 1999, с. 343].

5) Паремии, использующие различные комбинированные средства выражения сравнения (4 единицы):

— устойчивое сравнение + противопоставление с союзом «а»: *Богат как Крез, а живёт как пёс;*

— противопоставление с союзом «а» + сравнительная степень наречия: *Лихо жить в нужде, а в горе и того хуже*;

— противопоставление с союзом «а» + отождествление: *У убогого лицо дерн, а на богатом платье — равная обида*.

— противопоставление + дезидентификация: *Богатый не золото глотает, а бедный не камни гложет*. Термины дезидентификация, дезидентифицирующие пословицы введены Т. Г. Бочиной [Бочина, 2002, с. 110]. Подобные предложения называются также «отрицательные предложения тождества» [Тарланов, 1999, с. 154]. Т. Г. Бочина рассматривает дезидентификацию в пословице как «своеобразный диалог времен, отражающий разные стадии развития человеческого мышления и миропонимания» [Бочина, 2023, с. 39].

Таким образом, в исследуемом корпусе русских паремий сравнительной семантики о бедности и богатстве преобладают единицы, выражающие сравнение через противопоставление при помощи противительного союза или с бессоюзной связью. Разряд паремий, использующих комбинацию различных средств сравнения, представлен наименьшим количеством единиц.

3.2.2. Культурные установки и ценностные предпочтения, вербализуемые паремиями русского языка

1. Как и в проанализированных паремиях шведского языка, в исследуемом корпусе русских единиц преобладает противопоставление бедного и богатого человека. Лексическими репрезентантами бедного человека в русских паремиях являются субстантивированные прилагательные *бедный*, *нищий*, прилагательные *убогий* и *голый*, существительное *бедняк*. Богатый человек номинируется субстантивированным прилагательным *богатый*, а также существительным *богач*.

1.1. Как и в шведских паремиях, богатый и бедный противопоставляются по имущественному положению: *Богат шепчет с кумою, а убог — с сумою*; *У богатого груз в корабле, а у бедного — хлеб в суме*. Как и в шведском языке, противопоставляется имущество богатого и дети бедного: *Богатому деньги, а бедному — дети*. Недостаток средств бедный компенсирует смекалкой: *Богатый — на деньги, а бедный — на выдумки*. Опасения ущерба, испытываемые богачом и бедняком, несоизмеримы. Эталонном утраченного богатым служит корабль, а бедного — кошель или костыль: *Богатому жаль корабля, нищему кошель*; *Богатому жаль корабля, убогому костыля*; *Богатый о корабле, бедный о кошеле*. Если богатый боится за свое лицо в драке, то бедный боится порвать одежду: *Богатый в драке бережёт рожу, а бедный — одежду*; *У убогого лицо дерн, а на богатом платье — равная обида*.

1.2. Богатому в целом живется хорошо и благополучно, бедному — плохо: *Богатому житьё, а бедному вытьё.*

У богатого праздник каждый день, а у бедного и в праздники не весело: *Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник (и в праздники) горюет.*

Богатому сопутствует везение, бедному — неудача, что передается через образ ветра в спину или в лицо: *Богатому ветер в спину, а бедному — всё в лицо.*

Бедному недоступно то, что доступно богатому: *Богатому человеку чёрт детей колышет, а бедный и няньки не сыщет.*

Богатый живет так, как хочет, бедный — как может: *Богатому, как хочется, а бедному, как можется; Богатый как хочет, а бедный — как может.*

Богатый спит спокойно, бедному от проблем не спится: *Богатый сладко спит, а бедный ночи в окно глядит.*

Закон и справедливость, как и в шведских паремиях, различны для богатых и бедных. Соприкосновение с законом (обращение в суд) окажется не в пользу бедного, чревато бедой для бедного: *Богатому идти в суд — трын-трава, бедному — долой голова.*

Как и в шведских паремиях, в русских единицах отмечается пресыщенность богатого: *Убогий рад киселю, а богатому и золото в горло не идёт.*

Но в отличие от богатого, который постоянно ожидает чего-то плохого, бедный человек ждет в жизни радости: *Богат ждёт пакости, а убог — радости.*

Русская паремия отмечает изменение отношения к человеку в зависимости от изменения его имущественного положения. Это демонстрируется при помощи изменения обращения, использования личного имени в уменьшительно-ласкательной форме — *Фомушка* и пренебрежительной — *Фомка*: *У Фомушки денежки — Фомушка Фома, у Фомушки ни денежки — Фомка Фома.*

1.3. Русские паремии прямо декларируют жизненные приоритеты, чему способствует конструкция «лучше ... чем»: *Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным; Лучше быть честным бедняком, чем богатым подлецом; Лучше нищий праведный, чем богач ябедный.* Быть бедным, здоровым, честным, праведным предпочтительнее, чем богатым, но больным, подлым и ябедником.

Паремии русского языка указывают на интенсификацию некоторых качеств человека в зависимости от степени бедности / богатства: *Чем богаче, тем скупее; Чем беднее, тем щедрее; Чем голее, тем мудрее; Чем голее, тем смелее; Чем голее, тем умнее; Чем голее, тем хитрее.*

2. Богатый привыкает к своему имущественному положению, он образно сравнивается с быком, который не может протиснуться в тесные ворота: *(Мужик) богатый — что бык рогатый: в тесные ворота не влезет*. Богач не может остановиться в своей алчности, эталоном сравнения становится свинья: *Сыта свинья — всё жрёт, богат мужик, а всё копит*. Богатый становится скупым, на всем экономит: *Богат как Крез, а живёт как пес*.

Богатый однозначно отрицательно оценивается в нравственном отношении: *Богатому душа дешевле гроша; Легче в пещере со змеей жить, чем с богатым дружить; Лучшие нужду неси, а взаймы не проси*.

3. Бедный человек неимущ настолько, что сравнивается со святым и мертвым по степени своей бедности: *Голый что святой; с голого как со святого: ничего не возьмёшь; с голого что с мёртвого: ничего не возьмёшь*.

4. Русские паремии противопоставляют и абстрактные понятия «богатство» и «бедность». С одной стороны, богатство, деньги могут многое: *Нет ничего сильнее туго набитой мошины*. Однако народная мудрость отождествляет богатство с водой, поскольку оно преходяще: *Богатство — вода: пришла и ушла; с грязью: Богатство — грязь, ум — золото* (ср. В шведской паремии: буквально ‘Богатство без разума и лошадь без узды долго не держатся’). С точки зрения русской народной мудрости: *Самая жалкая нищета — скупость*. В русских паремиях — предложениях тождества используются метафоры: богатство — вода, грязь, ум — золото. Признаком сравнения (сходства) выступают такие свойства, как текучесть, непостоянство воды и богатства, способность грязи запачкать, как и наличие богатства, высокая стоимость золота, как и важность, высокая значимость наличия ума у человека.

Богатство и бедность олицетворяются: *Бедность плачет, а богатство скачет; Бедность учит, а богатство портит*.

Жить в богатстве просторно и легко, такая жизнь сравнивается с морем: *В богатом житье — как в море*. Нищету трудно избыть: *Нищета прочней богатства*. Жить в нужде (бедности) тяжело: *Бедность хуже всего, но в горе ещё хуже: Лихо жить в нужде, а в горе и того хуже*.

Богатство противопоставляется согласию между людьми в пользу последнего: *Хорошо богатство, а согласие лучше*.

Русские паремии прямо заявляют о ценностных предпочтениях: *Лучше бедность, да честность, чем (нежели) прибыль, да стыд*. Паремии дают совет: *Лучше нужду неси, а взаймы не проси*.

От лица женщины в паремиях говорится: *Лучше нужда да стужа, чем жить с немым мужем; Лучше с милым в бедности, чем с постылым в богатстве*. Предпочтение отдается любимому человеку, пусть и в бедности.

Система образов исследуемого корпуса русских паремий основана на наименованиях реалий крестьянского быта: как и в шведских единицах, это наименования домашних животных (бык, свинья, пес), хозяйственно-бытовых реалий (ворота, сума, кошель, мошна), еды (кисель, хлеб). Как и в паремиях шведского языка, функционируют наименования лиц, термины родства: *муж, кума, нянька*.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

С точки зрения структуры в рассмотренном корпусе тематической группы шведских паремий о бедности и богатстве сравнительной семантики количественно преобладают единицы, выражающие сопоставление и включающие компонент-прилагательное в сравнительной степени. Наименьшим количеством единиц представлена модель, выражающая эксплицитное сопоставление с помощью формального показателя — сравнительного союза *som*. В исследованном корпусе русских паремий сравнительной семантики о бедности и богатстве преобладают единицы, выражающие сравнение через противопоставление при помощи противительного союза или с бессоюзной связью. Для подобных моделей характерен синтаксический параллелизм. Паремии, выражающие сравнение эксплицитно с помощью формальных показателей — союзов *как* и *что*, так же малочисленны, как и в шведском корпусе.

Отличительной чертой структуры шведских паремий в исследованном материале является наличие разряда единиц, выражающих рядоположенность компонентов, основанную на ассоциативных связях. В проанализированных русских паремиях отмечается разряд паремий, выражающих отождествление. Предложения тождества с использованием метафор не характерны для исследованных шведских единиц. Кроме того, модели паремий русского языка сравнительной семантики могут представлять собой комбинацию разных способов выражения сравнения.

Нужно отметить, что и шведские, и русские паремии сравнительной семантики о бедности и богатстве в большинстве своем прямолинейны, лишены семантической неопределенности, четко расставляют приоритеты и оценки. Этому способствует использование конструкций «лучше...чем» и «чем...тем» в обоих языках.

В шведских и русских паремиях сравнительной семантики о бедности и богатстве можно отметить сходные установки культуры:

— имущественное положение богача несравненно выше бедняка, но бедный человек превосходит богатого в нравственном отношении;

— богатый человек всегда хочет еще большего, он пресыщен своим богатством;

— законы работают неодинаково для богатых и бедных;

— богатство преходяще, если им не пользоваться разумно.

Различия заключаются в частных установках культуры. Так, шведские паремии акцентируют дочь богатого человека, которая служит желанной добычей для искателей легкого обогащения. Русские паремии отмечают интенсификацию некоторых качеств человека в зависимости от степени бедности / богатства (чем человек беднее, тем он щедрее, мудрее, умнее, смелее, хитрее) и изменение отношения к человеку со стороны других людей в зависимости от его имущественного положения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Большой словарь русских пословиц* / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. — Москва : ОлмаМедиаГрупп, 2010. — 1024 с. — ISBN 978-5-373-03250-6.
2. *Народная мудрость. Русские пословицы* / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОлмаМедиаГрупп/Просвещение, 2011. — 416 с. — ISBN 978-5-373-03942-0.
3. *Holm P. 3530 ordspråk och talesätt : "ett ord i rätten tid"* / P. Holm. — Stockholm : Bonnier fakta, 1984. — 260 s.
4. *Ström F. Svenska ordstäv* / F. Ström. — Stockholm : Tidens Förlag, 1929. — 396 s.

Литература

1. *Алёшин А. С.* Шведские компаративные пословицы с рядоположенностью компонентов (когнитивно-прагматический подход) / А. С. Алёшин // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3(54). — С. 699—703.
2. *Бочина Т. Г.* Пословица на века молвится. Избранные труды по русской паремиологии / Т. Г. Бочина. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2023. — 286 с. — ISBN 978-5-00130-661-0.
3. *Бочина Т. Г.* Стилистика контраста : Очерки по языку русских пословиц / Т. Г. Бочина. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2002. — 194 с. — ISBN 5-7464-0760-7.
4. *Бредис М. А.* Типология пословиц прибалтийско-финских народов России ио богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Вестник утраведения. — 2021. — Т. 11. — № 4. — С. 607—615. — DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615.
5. *Бредис М. А.* Человек и деньги : Очерки о пословицах русских и не только / М. А. Бредис. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2019. — 296 с. — ISBN 978-5-85803-527-5.
6. *Гасанова С. Н.* Лингвокультурологический анализ концепта богатство в паремиологической картине мира табасаранского и агульского языков / С. Н. Гасанова, М. А. Гасанова // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 6 (55). — С. 364—366.
7. *Гордеева Н. В.* Концепт «богатство и бедность» в пословицах германских языков (на примере английского и немецкого языков) / Н. В. Гордеева, А. К. Дятлова //

Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 72. — Ч. 5. — С. 58—60. — DOI:10.18411/lj-04-2021-188.

8. Джалилова Г. Ю. Концепты бедность и богатство в пословичной картине мира русского и лезгинского языков / Г. Ю. Джалилова, М. А. Гасанова // Вестник Дагестанского государственного университета. — Серия 2. Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 37. — Выпуск 4. — С. 131—137. — DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-131-137.

9. Зиновьева Е. И. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков / Е. И. Зиновьева, А. С. Алёшин // Новые исследования Тувы. — 2022. — № 1. — С. 131—145. — DOI: 10.25178/nit.2022.1.9.

10. Ижбаева Г. Р. Концепт «богатство» в паремиологических единицах русского языка / Г. Р. Ижбаева, А. С. Мырзагалиева // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2018. — № 2. — Т. 2. — С. 108—114.

11. Конюшков М. И. Категория сравнения и её место в системе языка / М. И. Конюшков // Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. — Гродно : ГрГУ, 2001. — С. 82—94.

12. Лазутин С. Г. Сравнения в пословицах и поговорках / С. Г. Лазутин // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1986. — С. 3—9.

13. Микаилова А. А. Особенности репрезентации фрейма «бедность — богатство» в семантике аварских и английских паремий / А. А. Микаилова // Язык. Словесность. Культура. — 2014. — № 6. — С. 48—62.

14. Николаева Е. К. Устойчивые сравнения в русских пословицах / Е. К. Николаева // Проблемы истории, филологии, культуры : науч. журнал РАН / под ред. М. Г. Абрамзона. — Москва-Магнитогорск-Новосибирск : Изд-во ООО «Аналитик» ; тип. МПТК, 2010. — С. 238—245.

15. Постникова С. В. К вопросу о центре функционально-семантического поля сравнения (на материале немецкого языка) / С. В. Постникова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2009. — № 5. — С. 272—276.

16. Румянцева М. В. Типологические особенности компаративных конструкций (на материале русского и немецкого языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. В. Румянцева. — Челябинск, 2007. — 22 с.

17. Самчик Н. Н. Категория сравнения и этноязыковая картина мира / Н. Н. Самчик // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 3 (28). — С. 360—362. — DOI: 10.26140/bgz3-2019-0803-0090.

18. Тарланов З. К. Русские пословицы : синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. — Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1999. — 448 с. — ISBN 5-8021-0037-0.

19. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция, ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 19—30.

20. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. — Москва : КомКнига, 2006. — 272 с. — ISBN 978-5-484-00574-1.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 21.06.2024.

Material resources

- Folk wisdom. Russian proverbs.* (2011). Moscow: OlmaMediaGroup/Enlightenment. 416 p. ISBN 978-5-373-03942-0. (In Russ.).
- Holm, P. (1984). *3530 ordspråk och talesätt: "ett ord i rättan tid"*. Stockholm: Bonnier fakta. 260 s. (In Swed.).
- Ström, F. (1929). *Svenska ordstäv*. Stockholm: Tidens Förlag. 396 s. (In Swed.).
- The Great Dictionary of Russian proverbs.* (2010). Moscow: OlmaMediaGroup. 1024 p. ISBN 978-5-373-03250-6. (In Russ.).

References

- Aleshin, A. S. (2023). Swedish comparative proverbs with a number of components (cognitive-pragmatic approach). *Cognitive language studies*, 3 (54): 699—703. (In Russ.).
- Bochina, T. G. (2002). *Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs*. Kazan: Kazan Publishing House. Unita. 194 p. ISBN 5-7464-0760-7. (In Russ.).
- Bochina, T. G. (2023). *The proverb is said for centuries. Selected works on Russian paremiology*. Kazan: Publishing House of Kazan University. 286 p. ISBN 978-5-00130-661-0. (In Russ.).
- Bredis, M. A. (2019). *Man and money: Essays on Russian proverbs and not only*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 296 p. ISBN 978-5-85803-527-5. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E. (2021). Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on a European paremiological background). *Bulletin of Ugrovedenie*, 11 (4): 607—615. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (2006). *Comparative constructions of the Russian language*. Moscow: KomKniga. 272 p. ISBN 978-5-484-00574-1. (In Russ.).
- Gordeeva, N. V., Dyatlova, A. K. (2021). The concept of “wealth and poverty” in the proverbs of the Germanic languages (using the example of English and German). *Trends in the development of science and education*, 72 (5): 58—60. DOI:10.18411/lj-04-2021-188. (In Russ.).
- Hasanova, S. N., Hasanova, M. A. (2015). Linguistic and cultural analysis of the concept of wealth in the paremiological picture of the world of Tabasaran and Agul languages. *The world of science, culture, and education*, 6 (55): 364—366. (In Russ.).
- Izhbaeva, G. R., Myrzagalieva, A. S. (2018). The concept of “wealth” in the paremiological units of the Russian language. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2 (2): 108—114. (In Russ.).
- Jalilova, G. Y., Hasanova, M. A. (2022). Concepts of poverty and wealth in the proverbial picture of the world of Russian and Lezgian languages. *Bulletin of Dagestan State University. Series 2. Humanities*, 37 (4): 131—137. DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-131-137. (In Russ.).
- Konyushkevich, M. I. (2001). The category of comparison and its place in the language system. In: *Questions of functional grammar: collection of scientific tr.* Grodno: GrSU. 82—94. (In Russ.).
- Lazutin, S. G. (1986). Comparisons in proverbs and sayings. In: *Language and style of folklore works. Interuniversity collection of scientific papers*. Voronezh: Publishing House of Voronezh University. 3—9. (In Russ.).
- Mikhailova, A. A. (2014). Features of the representation of the “poverty — wealth” frame in the semantics of Avar and English parodies. *Language. Literature. Culture*, 6: 48—62. (In Russ.).

- Nikolaeva, E. K. (2010). Stable comparisons in Russian proverbs. In: *Problems of history, philology, culture: scientific Journal of the Russian Academy of Sciences*. Moscow-Magnitogorsk-Novosibirsk: Publishing house of LLC "Analyst"; type. MGPK. 238—245. (In Russ.).
- Postnikova, S. V. (2009). On the question of the center of the functional-semantic field of comparison (based on the material of the German language). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 5: 272—276. (In Russ.).
- Rumyantseva, M. V. (2007). *Typological features of comparative constructions (based on the material of the Russian and German languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 22 p. (In Russ.).
- Samchik, N. N. (2019). The category of comparison and the ethnolanguage picture of the world. *Baltic Humanitarian Journal*, 8 / 3 (28): 360—362. DOI: 10.26140/bgз3-2019-0803-0090. (In Russ.).
- Tarlanov, Z. K. (1999). *Russian proverbs: syntax and poetics*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. 448 p. ISBN 5-8021-0037-0. (In Russ.).
- Telia, V. N. (2004). Cultural and linguistic competence, its high probability and deep intimacy in units of phraseological composition of the language. In: *Cultural layers in phraseological units and in discursive practices*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 19—30. (In Russ.).
- Zinovieva, E. I., Alyoshin, A. S. (2022). Family in comparative paroemias of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New studies of Tuva*, 1: 131—145. DOI: 10.25178/nit.2022.1.9. (In Russ.).

*The article was submitted 04.05.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 21.06.2024.*

Информация для цитирования:

Васильева Г. М. Динамика отражения экологической проблематики в содержании лексемы *зеленый* (по данным толковых словарей и ассоциативных экспериментов) / Г. М. Васильева, М. В. Виноградова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 28—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-28-47.

Vasilyeva, G. M., Vinogradova, M. V. (2024). Dynamics of Ecological Issues Reflection in Semantic Content of Lexeme 'zelenyy' [green] (Dictionary Definitions and Associative Experiments). *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 28-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-28-47. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Динамика отражения экологической проблематики в содержании лексемы *зеленый* (по данным толковых словарей и ассоциативных экспериментов)

Васильева Галина Михайловна
orcid.org/0000-0002-4169-0330
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра межкультурной коммуникации
корреспондирующий автор
galinav44@mail.ru

Виноградова Марина Владимировна
orcid.org/0000-0001-7149-2549
кандидат педагогических наук
marinavla2008@rambler.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00464, <https://rscf.ru/project/23-28-00464/>

Dynamics of Ecological Issues Reflection in Semantic Content of Lexeme 'zelenyy' [green] (Dictionary Definitions and Associative Experiments)

Galina M. Vasilyeva
orcid.org/0000-0002-4169-0330
Doctor of Philology, Professor
Department of Intercultural
Communication
Corresponding author
galinav44@mail.ru

Marina V. Vinogradova
orcid.org/0000-0001-7149-2549
Candidate of (Pedagogy)
marinavla2008@rambler.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was conducted with financial support from the Russian Science Foundation, project № 23-28-00464, <https://rscf.ru/project/23-28-00464/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению динамики семантического объема лексемы *зеленый* по данным словарей и современного ассоциативного эксперимента. Лексема *зеленый* в толковых словарях XX века не имела отношения к семантическому полю «Экология». Однако в словарях XXI века намечается тенденция к вхождению семантического деривата этого слова в сферу номинаций различных явлений, связанных с охраной окружающей среды. Сопоставление словарей ассоциативных норм разных лет и современного ассоциативного эксперимента выявило заметную динамику экологической составляющей ассоциативного поля «Зеленый». Прослеживаются корреляции между динамикой семантических процессов и языковым сознанием российских студентов. Установлено опережающее расширение экологической составляющей в языковом сознании в сравнении с динамикой семантического объема слова. Обнаруженные различия можно объяснить не только внешними причинами (экологическими процессами и изменениями в природоохранной политике государства), но и ценностными изменениями в сознании молодого поколения. По результатам анализа ассоциативных полей выявляется концептуальный сдвиг в содержании слова, а именно — преобразование его содержания, переход из сферы физических объектов и процессов в сферу оценочного отношения. Амбивалентная оценка стимула, зафиксированная в современном эксперименте, отражает противоречивые характеристики «зеленого движения» и позволяет прогнозировать дальнейшую деривационную направленность семантики лексемы *зеленый*.

Ключевые слова:

лексема *зеленый*; лексикография; семантика слова; ассоциативный потенциал; концептуальный сдвиг.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aims to identify the dynamics of the semantic scope of the lexeme 'zelenyy' [green] based on dictionary definitions and modern associative experiments. In the dictionaries of the XX century, the lexeme 'zelenyy' [green] was not associated with the semantic field of "Ecology". However, in XXI century dictionaries, there is a tendency for the semantic derivative of this word to enter the sphere of designations for various phenomena related to environmental protection. A comparison of dictionaries' associative norms from different years and modern associative experiments revealed a noticeable dynamic in the ecological component of the associative field of "Zelenyy" [Green]. Correlations between the dynamics of semantic processes and the linguistic consciousness of Russian students are traced. It is established that there is a leading expansion of the ecological component in linguistic consciousness compared to the dynamics of the word's semantic scope. The differences found can be explained not only by external factors (ecological processes and changes in the state's environmental policy) but also by value changes in the consciousness of the younger generation. The analysis of associative fields reveals a conceptual shift in the content of the word, namely, a transformation of its content from the sphere of physical objects and processes to the sphere of evaluative relationships. The ambivalent evaluation of the stimulus recorded in the modern experiment reflects the contradictory characteristics of the "green movement" and allows for predicting further derivational trends in the semantics of the lexeme 'zelenyy' [green].

Key words:

lexeme *zelenyy*; green; lexicography; word semantics; associative potential; conceptual shift.

УДК 811.161.1'37::504+81'23

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-28-47

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

Динамика отражения экологической проблематики в содержании лексемы *зеленый* (по данным толковых словарей и ассоциативных экспериментов)

© Васильева Г. М., Виноградова М. В., 2024

1. Введение = Introduction

Как известно, проблемы экологии и охраны окружающей среды определяют ведущую тенденцию развития современного общества и составляют приоритетное направление деятельности правительства Российской Федерации. Согласно общему мнению лингвистов, важнейшие проблемы, решаемые обществом, оказывают влияние на характер языковых изменений. Глобальность экологической проблематики не могла не отразиться как в языковом сознании носителей языка, так и в лексических и семантических процессах, поскольку, как известно, именно лексика в первую очередь откликается на общественные изменения. Лексема *зеленый*, включенная, согласно «Системе лексических минимумов современного русского языка» под ред. В. В. Морковкина, в список 1000 самых важных слов русского языка [СЛМСРЯ, 2003, с. 55], в последние десятилетия активно используется при номинации различных явлений, связанных с охраной окружающей среды, а также в современных контекстах, относящихся к экологической проблематике. Так, например, согласно данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ], синтагматический и идиоматический потенциал лексемы *зеленый* свидетельствует о ее прямой включенности в семантическое поле *экология*. Ср., например, устойчивые словосочетания: *зеленое движение*, *зеленая идеология*, *зеленая повестка*, *зеленый поворот*, *зеленый радикализм*, *зеленая энергетика*, *зеленые университеты*, *зеленые (о партиях)*, *зеленый фашизм* (синонимично словосочетанию *экологический фашизм*) и др.; названия Российских партий и объединений: *«Зеленые»*, *«Зеленый крест»*, *«Зеленый мир»*, *«Зеленый фронт»*, *«Альянс зеленых»*, *«Зеленые вузы России»*; названия экологически ориентированных изданий: *«Зеленый мир»*, *«Зеленый луч»*, *«Зеленый лист»*, *«Зеленые острова»*.

«Экологическая активность» лексемы *зеленый* не нашла отражения в толковых словарях русского языка XX века, где семантический объем этого слова не содержал «экологических компонентов». Изменения семантики, свидетельствующие о вхождении данной языковой единицы в семантическое поле «Экология», фиксируются толковыми словарями XXI века, что во многом обусловлено процессами, происходящими в обществе. Однако, поскольку, как известно, языковое сознание носителей языка гораздо оперативнее реагирует на любые общественные изменения по сравнению с толковыми словарями, в данной статье была поставлена цель установить характер корреляций между семантическим объемом лексемы *зеленый*, зафиксированным в толковых словарях русского языка, и динамикой ассоциативного потенциала соответствующего стимула в сознании российских студентов, выявленного методом свободного ассоциативного эксперимента. В соответствии с полученными результатами представляется возможным прогнозировать направленность процессов семантической деривации лексемы *зеленый*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Несмотря на то, что задачи данной работы связаны с исследованием тех динамических процессов в содержании лексемы *зеленый*, которые обусловлены экологической проблематикой и нашли отражение в толковых и ассоциативных словарях современного русского языка, следует учесть, что она представляет интерес и для исследований иного характера, свидетельствующих о ее значительном семантическом и образном потенциале.

Так, например, лексема *зеленый* рассматривалась в составе идиом и фольклорных текстов [Праведников, 2010; Козлова, 2010], в языке специальности [Непшекуева и др., 2015], в сопоставлении с функционированием ее коррелятов в других языках [Спиридонова, 2009; Андреева и др., 2024; Шарейко, 2023]. Исследовался образный и метафорический потенциал данной лексемы [Таныгина, 2021].

Объектом данного исследования являются русские толковые словари и словари ассоциативных норм, выступающие в качестве фиксаторов изменений содержания языковой единицы, обусловленного экологической проблематикой. Лексикографами справедливо отмечается принципиально важная роль словарей в социокультурной ситуации последних десятилетий [Козырев, Черняк, 2014, с. 6], а также тот факт, что существенные проблемы, решаемые в обществе, не могут остаться вне толковых словарей, поскольку «словарная продукция — это главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом» [Морковкин, 1987, с. 33].

Поскольку особенности развития лексики, находящейся в фокусе особого внимания общества, могут оказаться зеркалом значимых изменений,

происходящих в сознании носителей русского языка, представляется актуальной цель проследить хронологический путь слова по материалам толковых словарей XX—XXI веков: «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [ТСРЯ, 1935], «Словарь русского языка» в 4 томах [СлРЯ], «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах [ССРЛЯ], «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В. В. Морковкина [БУСРЯ, 2016], «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Складчиковой [ТСРЯ АЛ, 2006]. В данной статье будут рассматриваться материалы общих толковых словарей, так как в задачи исследования не входил учет функционирования языка в специальных сферах.

Для установления корреляций между семантикой слова, зафиксированной толковыми словарями разных периодов, и языковым сознанием носителей языка были использованы материалы словарей ассоциативных норм: «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю. Н. Караулова (2002) [РАС], Словарь-тезаурус ЕВРАС (2014) [ЕВРАС]; «Русский региональный ассоциативный словарь» [СИБАС, 2014]. В дополнение к этим словарям в 2024 году был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 210 студентов из вузов Санкт-Петербурга (РГПУ им. А. И. Герцена и Российского государственного гидрометеорологического университета).

При анализе перечисленных источников использовались методы лексикографического и семантического анализа (для толковых словарей), метод свободного ассоциативного эксперимента, метод математической обработки данных и метод семантического гештальта (для словарей ассоциативных норм и экспериментов).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантический объем лексемы *зеленый* в толковых словарях XX века

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, отразившем изменения, произошедшие в общеупотребительном лексическом составе русского языка в послеоктябрьскую эпоху, лексема *зеленый* имеет 8 значений:

Зеленый — 1. Цвета зелени, травы, листья (обозначение одного из семи цветов солнечного спектра). 2. Растительный, состоящий из зелени. 3. Прилагательное по значению: связанное с насаждением растительности в местах поселения (нов., спец). Зеленый город. 4. Приготовленный, состоящий из зелени, овощной. Зеленые щи. 5. Недозревший, неспелый (о плодах). 6. (перен.) Неопытный по молодости, не созревший, не оформившийся (о людях). 7. Составная часть многих ботанических обозначений.

ний. Зеленый чай. 8. В знач. сущ. Зеленые. Крестьянские отряды во время гражданской войны 1919—20 гг., составлявшиеся из дезертиров и ведущие борьбу гл. обр. против белых, действовавшие в тылу у них, но также иногда и против красных, являясь в этом случае орудием кулачества (название от того, что скрывались в лесах; нов. истор.) [ТСРЯ, 1935, т. 1, с. 1091—1092].

В [СлРЯ] семантический объем лексемы *зеленый* также остается за рамками экологической проблематики, ср.: *Зеленый*: 1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между желтым и голубым. 2. Поросший растительностью; образованный зеленью. 3. Состоящий из свежей зелени. 4. Недозрелый, неспелый (о плодах, злаках). 5. Перен. Очень юный, не достигший зрелости; неопытный вследствие молодости [СлРЯ, т. 1, с. 606].

Из семантического объема лексемы выпадает потерявшее актуальность выделенное в словаре Ушакова значение имени существительного *зеленые*, называющего крестьянские отряды, действовавшие во время гражданской войны 1919—20 годов, состоявшие из дезертиров и скрывавшиеся в лесах.

В [ССРЛЯ] лексема *зеленый* фиксируется следующим образом: 1. Один из цветов солнечного спектра, находящийся между желтым и голубым. 2. Разг. Очень бледный, землистого оттенка. О цвете лица, кожи человека. 3. Относящийся к зелени, растительности, образуемый ею. 4. Недозрелый, неспелый. О фруктах, плодах, злаках. 5. Перен. Разг. Очень юный, неопытный по молодости [ССРЛЯ, т. 4, с. 1188—1190].

Совокупное множество устойчивых словосочетаний, зафиксированное в этих толковых словарях, составляют следующие единицы: *зеленая скука (тоска)*, *зеленое вино*, *зеленое мыло*, *елки зеленые*, *зеленый горошек*, *зеленая улица*, *зеленый чай*, *до зеленого змея*.

В рамках динамического подхода к семантике лексики, направленного на описание трансформаций, выявляемых через преобразования, фиксирующие изменение смысла слова, внимание фокусируется на явлении семантических дериваций [Падучева, 2004, с. 15]. В связи с этим следует отметить, что многотомные толковые словари XX века фиксируют пример регулярной семантической деривации, представляющей собой устойчивую модель возникновения многозначности. Характер основного перехода, «семантический мостик», связывающий производное значение с исходным, очевиден: цвет > объект, имеющий такой цвет; объект, имеющий то или иное отношение к данному цвету. Значение с пометой (перен.) — *Неопытный по молодости, не созревший, не оформившийся (о людях)* — также соответствует традиционной модели антропоморфных метафорических переносов: неодушевленный объект > человек, характеризующийся тем же

свойством. В данном случае: зеленый, незрелый плод > незрелый (зеленый) человек. То есть основу вторичной номинации в данных словарях составляет мотивационный признак сходства по цвету, что определяет преобладающие метафорические модели: цвет > предмет, цвет > человек.

Принципиально важным является тот факт, что, несмотря на внушительный семантический объем, лексема *зеленый* осталась в этих словарях за пределами семантического поля «Экология». Все семантические трансформации лексемы в ее основном «колористическом» значении остались в пределах семантической сферы, называемой в семантических и идеографических словарях либо «Живая природа» [БТСРП, с. 67], либо «Имена существительные: все живое» [РСС, 2003, с. 784].

Таким образом, в толковых словарях русского языка XX века расширение семантического объема происходит без принципиальной перестройки базовой семантики данного слова, при которой, по словам исследователей, происходит лишь логически предсказуемая «перефокусировка внимания» [Зализняк, 2006, с. 37], в данном случае с цветового обозначения на объекты, имеющие такой цвет, остающиеся при этом в пределах семантического поля наименований живой природы. Однако при этом не происходит изменения одного из важнейших параметров лексического значения, а именно — тематического класса (или, другими словами, семантического поля лексемы) [Падучева, 2004, с. 151], что не позволяет говорить о принципиальном, категориальном сдвиге в семантике слова.

Однако изменения лексической семантики, имея в основе общие модели, характеризуются различной степенью динамики, интенсивности и широты, осуществляясь не только по логически предсказуемым, тривиальным векторам развития слова, но и по индивидуальным траекториям.

3.2. Семантический объем лексемы *зеленый* в толковых словарях XXI века

Принципиальные изменения в семантическом объеме лексемы *зеленый* зафиксированы в «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В. В. Морковкина [БУСРЯ, 2016, с. 352], в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Складчиковой [ТСРЯ АЛ, 2006, с. 379—380] и в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой (Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин) [ТСРЯ, 2011, с. 276].

В словаре Морковкина (в отличие от всех рассмотренных ранее словарей) полисемия слова представлена не как цепочечная, а как радиально-цепочечная, ср.:

1. Такой, как у свежей зелени, листвы, а также цвета зеленой травы, листвы. 1.1. Очень бледный, зеленого оттенка (о цвете лица).

2. Поросший растительностью. 2.1. Такой, где много деревьев и другой растительности. 2.2. Образованный растительностью. 2.3. Такой, который состоит из свежих растений.

3. Такой, который не достиг спелости.

4. Такой, у которого нет никакого опыта вследствие молодости.

5. Здесь относит. Такой, который относится к движению защитников окружающей среды. 5.1. Сущ. Зеленый.

6. Здесь относит. Такой, который работает со сниженным потреблением энергии (об аппаратном обеспечении) [БУСРЯ, 2016, с. 352].

Несмотря на появление значений, связанных с экологической проблематикой (значения 5 и 6), в словаре не было зафиксировано устойчивых словосочетаний, отражающих «экологическую тематику», ср.: *зеленый чай, скука зеленая, зеленая улица, молодо-зелено, зеленый змей* [БУСРЯ, 2016, с. 352].

В словарь Складневской включены две словарные статьи с заголовочными словами *зеленый* и *зеленые*, относящиеся к семантическому полю *экология*:

Зеленые. — Соц. Общественное движение, объединяющее защитников окружающей среды, выступающих за сохранение экологического равновесия на земле; представители этого движения [ТСРЯ АЛ, 2006, с. 379].

Зеленый — 1. Соц. Относящийся к движению защитников окружающей среды; разделяющий их взгляды. 2. Информ. Характеризующийся сниженным потреблением энергии, уровнем шумов и содержанием вредных материалов (об аппаратном обеспечении) [ТСРЯ АЛ, 2006, с. 380].

В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой зафиксировано значение слова *зеленый*, относящееся к экологической проблематике: *Зеленый*. 6. Сторонник, участник общественно-политического движения в защиту чистоты окружающей среды, за сохранение природы. *Партия зеленых* [ТСРЯ, 2011, с. 276].

В толковых словарях русского языка XX века в семантическом объеме лексемы *зеленый* не содержался «экологический компонент», однако в XXI веке в нем уже фиксируется экологическая тематика. Данная модель переноса мотивирована связью экологической тематики с зеленым (природным, фитонимическим) цветом, символизирующим, по мнению специалистов в области экологии, рост, развитие и гармонию в природе [Введенская, 2018, с. 226], при этом имеет универсальный характер (ср.: «Зеленая партия» в Германии и затем других странах, а также GREENPEACE и др.).

Данные толковых словарей свидетельствуют о генерализации значения слова *зеленый*, связанной с распространением деривационных процессов

в сферу номинаций явлений социального характера (направленных ранее из области номинаций колористических характеристик объекта в сферу наименований явлений живой природы). Здесь уместным представляется вспомнить актуальное и ныне утверждение авторов известного труда «Русский язык и советское общество», посвященного обзору социальных и языковых процессов, произошедших в послеоктябрьский период, о том, что «одним из самых характерных процессов лексико-семантического развития русского языка за последние десятилетия является, может быть, перемещение значительных лексических пластов в сторону их отвлеченно-переносного употребления, связанного с общественной жизнью» [Русский язык ..., 1968, с. 97].

Представляется, что объяснить изменение характера деривационных процессов невозможно без учета экстралингвистических факторов. Возникновение значения прилагательного *зеленый*, связанного с экологической проблематикой, отражает принципиальный перелом в жизни мирового сообщества (именуемый экологами «зеленым переломом», положившим начало «зеленому движению»). Данное международное движение возникло в результате осознания общественностью неотвратимости надвигающегося экологического кризиса в глобальном масштабе и необходимости борьбы за сохранение гармонического развития человечества. В настоящее время проблемы «зеленого движения» широко изучаются российскими историками, политологами, философами. По мнению специалистов, занимающихся историей и идеологией «зеленого движения», само явление и его обозначение оформилось в России (вслед за активизацией «зеленого движения» в странах западной Европы и США) в конце XX века: Российская партия «Зеленые» была зарегистрирована в 1994 году; в это же время в России стали появляться отделения международных экологических организаций, таких как GREENPEACE и самостоятельные организации такого плана [Введенская, 2018, с. 226; Матвеева, 2016, с. 129]. Исследователями отмечается, что английский коррелят имеет четкую соотнесенность с экологической тематикой, ввиду чего многие словосочетания со словом *зеленый* могут рассматриваться как кальки с английского [Непшекуева и др., 2015]. В настоящий момент в России существует уже около тысячи экологически ориентированных неправительственных организаций и объединений, в названиях которых используется лексема [Введенская, 2018, с. 226].

Поскольку рассматриваемая общественная тенденция имеет социальный (ср., например, пометы «соц.» в словаре Скляревской) и политический характер, то можно предположить, что экологически маркированные значения слова *зеленый* намечают распространение его семантики в социальную и политическую сферы, чего не было зафиксировано в толковых словарях XX века (за исключением значения существительного *зеленые* в словаре

Ушакова: ‘крестьянские партизанские отряды, действующие по время гражданской войны’). В когнитивных исследованиях отмечается важность для развития семантики слова социального аспекта знания, поскольку «человеческое познание всегда социально» [Ирисханова, 2015, с. 567]. Наблюдения над лексикографической фиксацией слова *зеленый* подтверждают эту мысль и дают возможность трактовать его деривационные возможности в том числе как результат влияния социальных и политических процессов.

3.3. Стимул *зеленый* в словарях ассоциативных норм и экспериментах

В соответствии с названной выше целью установить корреляции между семантическим объемом слова и ассоциативным полем соответствующего стимула была предпринята попытка выявить место экологической проблематики в языковом сознании российских студентов разных поколений методом психолингвистического эксперимента. Возможная динамика определялась путем сопоставления ассоциативно-вербальных полей *зеленый*, зафиксированных в различные периоды. С одной стороны, это респонденты РАС (студенты вузов Москвы) [РАС, 2002], эксперимент среди которых проводился составителями словаря в 80-е годы XX века. С другой стороны, это современные студенты, так как последний эксперимент проводился в 2024 году. Между поколениями более 40 лет.

Ю. Н. Караулов подчеркивал, что его словарь имеет прогностический характер, поэтому респондентами его словаря являются студенты столичных вузов, которые в ближайшие 30 лет будут определять жизнь страны. Придерживаясь его концепции, мы проводили эксперимент в аналогичной аудитории.

Как известно, исследование языкового сознания опирается на данные ассоциативных экспериментов, использование которых в качестве эффективного метода изучения лексического значения и ассоциативного поля слова обосновал А. А. Леонтьев [Леонтьев, 1983, с. 192]. По мнению психолингвистов, обращение к ассоциативным полям позволяет решить многие исследовательские задачи, в том числе выявить деятельность и оценочное отношение человека к миру [Караулов, 1999, с. 5]. Одной из задач психолингвистических экспериментов исследователи считают прогнозирование возможных языковых изменений, поскольку ассоциативные поля содержат потенции для семантического развития слова. Исследователи отмечают, что «психолингвистический подход позволяет значительно расширить рамки изучения оснований семантической подвижности, ведь смысл слова складывается в активном деятельностном процессе, который отражает как специфику речевой ситуации, так и индивидуальность содержания ассоциативно-вербальной сети человека» [Там же, с. 43].

В рамках российской лексикографии большими авторскими коллективами на основе свободных ассоциативных экспериментов, проведенных, главным образом, среди российских студентов, созданы авторитетные словари ассоциативных норм. К таким словарям в первую очередь относятся «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А. А. Леонтьева [САНРЯ, 1977], «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю. Н. Караулова [РАС, 2002], «Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России)» [ЕВРАС, 2014] и «Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток)» [СИБАС, 2014]. Три из перечисленных словарей (РАС, ЕВРАС, СИБАС) содержат стимул *зеленый*. В дополнение к этим словарям в 2024 году был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 210 студентов из вузов Санкт-Петербурга (РГПУ им. А. И. Герцена и Российского государственного гидрометеорологического университета).

По данным словарей и современного ассоциативного эксперимента (далее — СЭ) была выделена ядерная зона ассоциативных полей, состоящая из повторяющихся, стереотипных реакций.

Рассмотрение основного содержания ассоциативного потенциала слова-стимула требует не только количественной обработки, предполагающей выявление наиболее частотных реакций, но и моделирования его содержания на тех или иных основаниях. В нашем исследовании будет использован метод семантического гештальта, предложенный Ю. Н. Карауловым, предполагающим, что «семантический гештальт» отражает внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности жизни [Караулов, 2000, с. 107]. Данный метод, предполагает тематическое сегментирование ассоциативных полей, позволяющее выделить основные направления (векторы) ассоциирования того или иного стимула.

Перечислим основные векторы ассоциирования, выделенные в содержании ассоциативных полей *зеленый* в ассоциативных словарях и экспериментах.

Как видно из таблицы 1, многие векторы ассоциирования совпадают с основными значениями слова, выделенными в толковых словарях XX века:

— *имеющий окраску одного из основных цветов спектра* — среднего между желтым и голубым: РАС (свет, лист, трава, огурец, дерево, чай, шарф, костюм, фургон, мяч, забор, змей, фургон, огонек, берет и др.); ЕВРАС (цвет, чай, лист, светофор, глаз, забор, изумруд, змей, берет и др.); СИБАС (цвет, чай, светофор, шарф, змей, змий, доллар); СЭ (цвет, чай, лист, трава, куст, змий, доллар);

Таблица 1

Содержание ядерной зоны ассоциативного поля *зеленый*
по данным ассоциативных экспериментов (2002—2024)

Наименование словаря	Ядерные ассоциации
РАС	Свет 68; лист 31; цвет 30; лес 27; луг 19; красный 18; трава 17; лук 16; огурец, светофор 14; желтый 13; змей 12; горошек, сад 11; дерево, крокодил 10; чай 8; молодой 7; змей 6; синий 5; голубой, двор, дуб, забор, луч, перец, человек 4; город, ковер, кузнечик, лето, помидор, портфель, шар, шарф 3; арбуз, берет, бор, горох, дом, друг, еще, живой, как трава, костюм, красивый, куст, листок, мяч, огонек, салага, фургон, цветной 2.
ЕВРАС	Цвет 79; чай 54; свет 39; трава 37; лес 35; лист 22; сад, светофор 16; красный 15; луг 14; огурец 10; горошек 8; дерево 7; мир, синий 6; желтый, куст, яблоко 5; весна, листок, молодой 4; глаз, горох, забор, змей, коридор, листья, лук, попугай, природа, человек 3; берет, газон, голубой, город, доллар, елка, жук, изумруд, круг, лето, молодость, радость, салатовый, сигнал, фонарь, черный 2.
СИБАС	Цвет 61; трава 42; свет 37; чай 31; лист 30; лес 22; луг, светофор 19; сад 13; синий 11; красный 10; огурец 8; молодой 7; дом 5; город, горох, горошек, желтый, мир, природа 4; газон, глаз, глаза, гоблин, доллар, змий, кузнечик, лук, человечек, яблоко 3; змей, идти, коридор, листва, листик, остров, растение, салат, спокойный, укроп, цветок, шарф 2.
Современный эксперимент (СЭ)	Цвет 83; чай 80; экология 50; трава 47, лист 41, лес 38, охрана окружающей среды 34; экопровокации, защитник природы, сбербанк 20; доллар, защита природы 17; армия, куст, луг 10, инопланетянин, раздельный сбор мусора 5; протесты, человечки 4; экоактивисты, Грета Тунберг, ПП (полезное питание) 3; агрессивные зеленые, акционеры, ангажированные, газон, сумасшедшая Грета, змий, карьеристы, лук, молодцы!, политика, радиоактивные выбросы, портят картины, переработка, скандальные акции, солдат, студент 2.

— *поросший растительностью; образованный зеленью*: РАС (лес, луг, двор, поляна и др.); ЕВРАС (трава, лес, сад, газон); СИБАС (лес, луг, сад, газон, остров); СЭ (лес, луг, газон);

— *недозрелый, неспелый* РАС (помидор, арбуз); ЕВРАС (-); СИБАС (-); СЭ (-).

— *очень юный, не достигший зрелости; неопытный вследствие молодости* РАС (салага, молодой); ЕВРАС (молодой, молодость); СИБАС (молодой); СЭ (студент).

Зафиксированы и направления ассоциирования, не коррелирующие со значениями, выделенными в толковых словарях, не относящиеся к «экологической тематике», например:

- *военная тематика*: РАС (-); ЕВРАС (-); СЭ (армия, солдат);
- *полезное питание*: РАС (-); ЕВРАС (-); СИБАС (-); СЭ (ПП).

Экологическая тематика, зафиксированная в толковых словарях XXI века, не вошла в ядерную ассоциативную зону стимула *зеленый* в словарях ассоциативных норм и отразилась в ассоциативных полях следующим образом:

— *экологическая тематика*: РАС (Green Peace, Гринпис — единичные реакции, не входящие в ядерную зону ассоциативного поля); ЕВРАС (гринпис — единичная реакция); СИБАС (гринпис — единичная реакция); СЭ (защитник природы, протесты, Грета Тунберг, акции, политика, раздельный сбор мусора, эоактивисты, политика, агрессивные зеленые, Молодцы!, переработка, карьеристы, сумасшедшая Грета, портят картины, ангажированные).

3.4. Обсуждение

Количественный и тематический анализ реакций на стимул *зеленый*, зафиксированных в сопоставляемых ассоциативных полях, позволяет заключить, что все четыре ассоциативных поля содержат значительное количество ассоциаций, коррелирующих с лексическими значениями, выделенными в толковых словарях.

В ассоциативном поле *зеленый* превалирует экологическая составляющая (более 50 % базовых реакций), что невозможно объяснить без учета экстралингвистического фактора. Экологический бум, экологический поворот в мировой и российской политике принципиально повлияли на сознание носителей языка, что уже прослеживалось и на других единицах языка [Васильева, 2023; Васильева и др., 2023]. Экологически мотивированные реакции, зафиксированные в современном эксперименте, оказались неоднородными по содержанию; они включают следующие направления:

- *состояние окружающей среды, экология* (экология, глобальное потепление, радиоактивные выбросы);
- *деятельность человека, направленная на защиту окружающей среды* (охрана окружающей среды, защита природы);
- *конкретные формы защиты окружающей среды* (раздельный сбор мусора, переработка, электромобиль);
- *социальные, организованные формы деятельности, направленной на защиту окружающей среды* (зеленые, акции, эоактивист, Грета Тунберг, политика, протесты);

— оценка зеленого движения (молодцы! защитник, активист / экопровокации, портят картины, злобная Грета, скандальные акции, ангажированные).

Различный характер оценочных ассоциаций может быть обусловлен современным состоянием зеленого движения. Специалисты в этой области пишут о неоднородности и неоднозначности современных «зеленых», об изменении характера зеленого движения. Наряду с мощным общественным движением, направленным непосредственно на защиту природы и окружающей среды, по мнению исследователей, отмечается и его превращение в партийные структуры левой ориентированности (прежде всего, в западно-европейских странах) (ср.: *еврозеленые, политические зеленые*); радикализация зеленого курса (ср.: *зеленые радикалы*); взаимосвязь между зелеными и популистскими организациями (ср.: *зеленый популизм*), утрата некоторыми направлениями зеленого движения связи с искренней заботой об окружающей среде, приобретение ими показного характера (ср.: *зеленый PR-проект, зеленые провокации* (которые проявляются в том числе в нападениях на шедевры мировой культуры) [Бардин и др., 2020, с. 96; Цепилова, 2022, с. 96—97; Ровинская, 2021, с. 23—24]. Представляется, что общественно значимая информация не могла не повлиять на языковое сознание российских студентов.

Материал современного эксперимента позволяет говорить о возникновении оценочного направления ассоциирования. Используя введенные в исследованиях лексической семантики понятия, возможно сделать вывод о его переходе из энергетической сферы (физический мир, мир материальных объектов, физических процессов и физических воздействий) в информационную (ощущение, восприятие, эмоциональное состояние, мнение, отношение, сознание, социальное взаимодействие) [Кустова, 2005, с. 3—4]. Исследователи подчеркивают категоризирующую роль оценочного знания, отмечая, что оценочная категоризация ориентирована на систему ценностей, общих и частных оценок, мнений, установок, стандартов, которые служат базой для формирования аксиологических категорий и соответствующей классификации объектов в языке [Караулов, 2014, с. 181]. Таким образом, результаты современного свободного ассоциативного эксперимента свидетельствуют о концептуальном сдвиге в ассоциативном поле слова, выводящем его в ценностно-оценочную сферу.

4. Заключение = Conclusions

Как видно из результатов эксперимента, тематика экологической составляющей ассоциативного поля *зеленый* в СЭ значительно шире той, которая зафиксирована в словарях ассоциативных норм. Многие различия

можно объяснить внешними причинами, то есть собственно экологическими процессами, произошедшими в стране и мире за последние десятилетия, а также изменениями в природоохранной политике государства. Так, например, современные студенты (в отличие от респондентов словарей ассоциативных норм) продемонстрировали широкую информированность о конкретных формах защиты окружающей среды и новых экологически ориентированных организациях и движениях, прежде всего, об активизации «зеленого движения».

Однако результаты эксперимента отразили не только процессы, произошедшие в действительности, но и изменения ценностного сознания молодого поколения. Прежде всего, в сознании участников СЭ возникло деятельностное отношение к защите окружающей среды, которое проявилось в актуальности для них конкретных форм участия в процессе решения экологических проблем.

Существенным является и неоднозначное, нередко критическое отношение современных студентов к деятельности некоторых радикальных движений зеленых активистов, не всегда отвечающее целям реального сохранения природы и окружающей среды. Неоднозначность оценки может быть обусловлена не только чрезвычайной активностью таких движений, но и их радикальностью, направленностью на публичные акции (экоакционизм), а нередко и политической ангажированностью, которые не согласуются с реальной, бескорыстной заботой о природе и окружающей среде. Оценочное отношение современных студентов к явлениям, стоящим за лексемой *зеленый*, имеет выраженный социальный характер, поскольку «любой субъект является в той или иной степени членом какой-либо социальной группы, а значит, наследует и их ценности, взгляды и модели поведения» [Ирисханова, 2015, с. 567].

Интегративный подход к изучению семантики, при котором слово рассматривается не только как лексико-семантическая единица, но как психологическая структура [Стернин, 2007, с. 36], предполагает, что моделирование ассоциативных полей способно обнаружить изменения, произошедшие в сознании носителей языка, которые в силу своей устойчивости и стереотипности могут повлиять на структуру лексического значения слова, зафиксированную в толковых словарях. Представляется, что понятийное и оценочное развитие знания обычно сопровождается языковыми процессами. Поскольку структура и содержание ассоциативных полей дают представление о потенциальных возможностях закрепления определенных смыслов и оценок, то можно предположить, что эти новые направления ассоциирования в дальнейшем повлияют на семантический объем слова *зеленый* в толковых словарях русского языка.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БУСРЯ, 2016 — *Большой универсальный словарь русского языка* / под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Словари XX века ; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. — 1456 с. — ISBN 978-5-9907385-0-8.
2. БТСРП — *Большой толковый словарь синонимов русской речи* / под ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : Аст-Пресс, 2008. — 784 с. — ISBN 978-5-462-00893-1.
3. ЕВРАС — *Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : в 2 т. От стимула к реакции* / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. — Москва : Московская международная академия, 2018. — Т. 1. — 542 с. — ISBN 978-5-904360-73-3.
4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 04.03.2024).
5. РАС — *Русский ассоциативный словарь* в 2 тт. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. — Москва : АСТ. Астрель, 2002. — Т. 1. — 781 с. — ISBN 5-17-013319-7.
6. РСС — *Русский семантический словарь* под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 2003. — Т. 1. — 807 с.
7. САНРЯ, 1977 — *Словарь ассоциативных норм русского языка* / под ред. А. А. Леонтьева. — Москва : Изд-во Московского университета, 1977. — 192 с.
8. СИБАС — *Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток)* — 2008—2023 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://adict.ru> (дата обращения 04.03.2024).
9. СЛМСРЯ, 2003 — *Система лексических минимумов современного русского языка. 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных слов русского языка* / Под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Астрель-Аст, 2003. — 768 с. — ISBN 5-17-018143-4.
10. СЛРЯ — *Словарь русского языка : в 4 томах* / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1981. — Т. 1. — 698 с.
11. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / под ред. С. Г. Бархударова, В. В. Виноградова, С. П. Обнорского и др.* — Москва — Ленинград : Наука, 1955. — Т. 4. — 1367 с.
12. ТСРЯ, 1935 — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1935. — Т. 1. — 1562 с.
13. ТСРЯ, 2011 — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1175 с.
14. ТСРЯ АЛ, 2006 — *Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика* / под редакцией Г. Н. Складневской. — Москва : Эксмо, 2006. — 1133 с.

Литература

1. Андреева Л. А. Ассоциативная лингвоцветовая картина мира русских и африканских студентов Югорского государственного университета / Л. А. Андреева, Н. Силунгве // Язык,

культура, технологии: междисциплинарная парадигма исследований : Сборник материалов Всероссийской научной конференции, Ханты-Мансийск, 22—24 ноября 2023 года. — Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2024. — С. 42—51.

2. Бардин А. Зеленый дискурс как разновидность нового левого популизма / А. Бардин, С. М. Сигачев // Мировые экономические и международные отношения. — 2020. — № 11. — Т. 64. — С. 96—105. — DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105.

3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Курс лекций / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с. — ISBN 978-5-89016-938-9.

4. Васильева Г. М. Экология : динамика семантических изменений в зеркале русских толковых словарей XX — начала XXI в. / Г. М. Васильева // Вопросы лексикографии. — 2023. — № 29. — С. 71—86. — DOI: 10.17223/22274200/29/4.

5. Васильева Г. М. Экологическая составляющая ассоциативно-вербального поля природа в языковом сознании носителей русского языка (по данным словарей ассоциативных норм) / Г. М. Васильева, М. В. Виноградова // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 3 (100). — С. 353—456.

6. Введенская О. В. Идейная основа и коммуникативное воплощение идеологии «зеленых» / О. В. Введенская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 2 (80). — Ч. 2. — С. 226—229.

7. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 672 с. — ISBN 5-9551-0114-4.

8. Ирисханова О. К. Социальность познания как фактор конструирования объектов и событий природы / О. К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. — Тамбов : Тамбовский государственный педагогический университет им. Г. Р. Державина, 2015. — Выпуск XXI. — С. 566—569. — ISBN 978-5-89016-442-1.

9. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. — Москва : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. — 180 с.

10. Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание : содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. — Москва : Современный писатель, 2000. — С. 107—109.

11. Козлова Н. Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета (на материале фразеологизмов с колоративами green/зеленый) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. Н. Козлова. — Иркутск, 2010. — 178 с.

12. Козырев В. А. Лексикография русского языка. Век нынешний и век минувший / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — Санкт-Петербург : Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. — 571 с. — ISBN 978-5-8064-2129-7.

13. Кустова Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспириенциальной сферы / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2005. — № 3. — С. 1—24.

14. Леонтьев А. А. Образ мира. Избранные психологические произведения / А. А. Леонтьев. — Москва : Педагогика, 1983. — С. 251—261.

15. Матвеева Е. В. Институционализация экологических движений Европы : от появления общественных организаций до политических партий / Е. В. Матвеева // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 413. — С. 129—137. — DOI: 17223/15617793/413/20.

16. Морковкин В. В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В. В. Морковкин // Вопросы языкознания. — 1987. — № 6. — С. 33—36.

17. *Непшекуева Т. С.* Цветообозначения в языке экономики / Т. С. Непшекуева, С. Ю. Губиева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 110. — С. 995—1005.
18. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 608 с. — ISBN 5-94457-161-6.
19. *Праведников С. П.* Зеленый в русском песенном фольклоре / С. П. Праведников // Традиционная культура. — 2010. — № 2 (38). — С. 68—76.
20. *Ровинская Т. Л.* Европейское зеленое движение в условиях кризиса : новые подходы. / Т. Л. Ровинская // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2021. — № 4. — С. 24—32. — DOI: 10.20542/afij-2021-4-24-33.
21. *Русский язык и советское общество.* Лексика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / под ред. М. В. Панова. — Москва : Наука, 1968. — 185 с.
22. *Спиридонова И. И.* Цветообозначения в языке : параллели между русским и немецким языками / И. И. Спиридонова // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 4. — С. 119—125.
23. *Стернин И. А.* Психоллингвистика и концептология / И. А. Стернин // Вопросы психоллингвистики. — 2007. — № 5. — С. 33—40.
24. *Таныгина Е. А.* Исследование образа цветообозначения зеленый в сознании носителей русской культуры / Е. А. Таныгина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : Лингвистика и педагогика. — 2021. — Т. 11. — № 3. — С. 79—94.
25. *Цепилова О. Д.* От институционализации к политизации : сравнительный анализ возникновения и развития зеленых партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России / О. Д. Цепилова // Власть и элиты. — 2022. — Т. 9. — № 2. — С. 96—121. — DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>.
26. *Шарейко А. А.* Славянский цветовой код (черный и зеленый цвета) : ассоциативная составляющая / А. А. Шарейко // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 : Филология. — 2023. — № 2 (123). — С. 50—57.

*Статья поступила в редакцию 29.03.2024,
одобрена после рецензирования 13.06.2024,
подготовлена к публикации 19.06.2024.*

Material resources

- BAS — *Dictionary of modern Russian literary language. In 17 volumes, 3.* (1954). Moscow — Leningrad: Nauka. 1339 p. (In Russ.).
- BTSSRR — *A large explanatory dictionary of synonyms of Russian speech.* (2008). Moscow: Ast-Press. 784 p. ISBN 978-5-462-00893-1. (In Russ.).
- BUSRYA, 2016 — *The Great Universal Dictionary of the Russian language.* (2016). Moscow: Dictionaries of the XX century; AST-PRESS SCHOOL. 1456 p. ISBN 978-5-9907385-0-8. (In Russ.).
- EVRAS — *Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A. (2018). Russian regional associative dictionary (European part of Russia): in 2 volumes, 1. From stimulus to reaction.* Moscow: Moscow International Academy. 542 p. ISBN 978-5-904360-73-3. (In Russ.).
- MAC — *Dictionary of the Russian language. In 4 volumes, 1.* (1981). Moscow: Russian language. 698 p. (In Russ.).

- NKRYA — *The National Corpus of the Russian language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 03.04.2024). (In Russ.).
- RAS — *Russian associative dictionary in 2 volumes, 1. From stimulus to reaction*. (2002). Moscow: AST. Astrel. 781 p. ISBN 5-17-013319-7. (In Russ.).
- RSS — *Russian Semantic Dictionary, 1*. (2003). Moscow: Azbukovnik. 807 p. (In Russ.).
- SANRYA, 1977 — *Dictionary of associative norms of the Russian language*. (1977). Moscow: Publishing House of the Moscow University. 192 p. (In Russ.).
- SIBAS — *Russian regional associative database (Siberia and the Far East) — 2008—2023*. Available at: <http://adictu.nsu.ru> (accessed 03.04.2024). (In Russ.).
- SLMSR, 2003 — *The system of lexical minima of the modern Russian language. 10 lexical lists from 500 to 5000 of the most important words of the Russian language*. (2003). Moscow: Astrel-Ast. 768 p. ISBN 5-17-018143-4. (In Russ.).
- TSRYA AL, 2006 — *Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century: current vocabulary*. (2006). Moscow: Eksmo. 1133 p. (In Russ.).
- TSRYA, 1935 — *Explanatory dictionary of the Russian language, 1*. (1935). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1562 p. (In Russ.).
- TSRYA, 2011 — *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words*. (2011). Moscow: Azbukovnik. 1175 p. (In Russ.).

References

- Andreeva, L. A., Silungwe, N. (2024). Associative linguistic color picture of the world of Russian and African students of Yugra State University. In: *Language, culture, technologies: interdisciplinary research paradigm: Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference, Khanty-Mansiysk, November 22—24, 2023*. Khanty-Mansiysk: Yugra State University. 42—51. (In Russ.).
- Bardin, A., Sigachev, S. M. (2020). Green discourse as a kind of new left populism. *World economic and International relations*, 11 (64): 96—105. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2014). *Cognitive semantics. An introduction to cognitive linguistics. Course of lectures*. Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin. 236 p. ISBN 978-5-89016-938-9. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2015). Sociality of cognition as a factor of constructing objects and events of nature. In: *Cognitive studies of language, XXI*. Tambov: Tambov State Pedagogical University named after G. R. Derzhavin. 566—569. ISBN 978-5-89016-442-1. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1999). *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of Russian Studies of the Russian Academy of Sciences. 180 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2000). Semantic gestalt of the associative field and images of consciousness. In: *Linguistic consciousness: content and functioning. XIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Abstracts of the reports*. Moscow: Modern Writer. 107—109. (In Russ.).
- Kozlova, N. N. (2010). *The cognitive mechanism of color metaphorization (based on phraseological units with coloratives green/green)*. PhD Diss. Irkutsk. 178 p. (In Russ.).
- Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2014). *Lexicography of the Russian language. The present century and the past century*. St. Petersburg: Publishing House of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 571 p. ISBN 978-5-8064-2129-7. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2005). On the semantic potential of words in the energy and experimental sphere. *Questions of linguistics*, 3: 1—24. (In Russ.).

- Leontiev, A. A. (1983). *The image of the world. Selected psychological works*. Moscow: Pedagogy, 251—261. (In Russ.).
- Matveeva, E. V. (2016). Institutionalization of environmental movements in Europe: from the emergence of public organizations to political parties. *Bulletin of Tomsk State University*, 413: 129—137. DOI: 17223/15617793/413/20. (In Russ.).
- Morkovkin, V. V. (1987). On the scope and content of the concept of “theoretical lexicography”. *Questions of linguistics*, 6: 33—36. (In Russ.).
- Nepshekuyeva, T. S., Gubieva, S. Yu. (2015). Color designations in the language of economics. *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, 110: 995—1005. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2004). *Dynamic models in the semantics of vocabulary*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 608 p. ISBN 5-94457-161-6. (In Russ.).
- Pravovnikov, S. P. (2010). Zeleny in Russian song folklore. *Traditional culture*, 2 (38): 68—76. (In Russ.).
- Rovinskaya, T. L. (2021). The European Green movement in a crisis: new approaches. *Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS*, 4: 24—32. DOI: 10.20542/afj-2021-4-24-33. (In Russ.).
- Shareiko, A. A. (2023). Slavic color code (black and green): an associative component. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 2 (123): 50—57. (In Russ.).
- Spiridonova, I. I. (2009). Color designations in language: parallels between Russian and German languages. *Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, 4: 119—125. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2007). Psycholinguistics and conceptology. *Questions of psycholinguistics*, 5: 33—40. (In Russ.).
- Tanygina, E. A. (2021). Investigation of the image of the color designation green in the minds of native speakers of Russian culture. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 11 (3): 79—94. (In Russ.).
- The Russian language and Soviet society. The vocabulary of the modern Russian literary language. Sociological and linguistic research*. (1968). Moscow: Nauka. 185 p. (In Russ.).
- Tsepilova, O. D. (2022). From institutionalization to politicization: a comparative analysis of the emergence and development of green parties in Western Europe and the political wing of the green movement of Russia. *Power and elites*, 9 (2): 96—121. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. (In Russ.).
- Vasilyeva, G. M. (2023). Ecology: dynamics of semantic changes in the mirror of Russian explanatory dictionaries of the XX — early XXI century. *Questions of lexicography*, 29: 71—86. DOI: 10.17223/22274200/29/4. (In Russ.).
- Vasilyeva, G. M. (2023). The ecological component of the associative-verbal field nature in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language (according to dictionaries of associative norms). *The world of science, culture, and education*, 3 (100): 353—456. (In Russ.).
- Vvedenskaya, O. V. (2018). The ideological basis and the communicative embodiment of the ideology of the “greens”. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2 (80) / 2: 226—229. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2006). *Polysemy in language and ways of its representation*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 672 p. ISBN 5-9551-0114-4. (In Russ.).

*The article was submitted 29.03.2024;
approved after reviewing 13.06.2024;
accepted for publication 19.06.2024.*

Информация для цитирования:

Данилов И. А. Якутский язык в северном промышленном моногороде : языковая дистрибуция в речевом репертуаре саха / И. А. Данилов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 48—66. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-48-66.

Danilov, I. A. (2024). Sakha Language in a Northern Industrial Monotown: Linguistic Distribution in Speech Repertoire of Sakha People. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 48-66. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-48-66. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Якутский язык в северном промышленном моногороде: языковая дистрибуция в речевом репертуаре саха

Данилов Игорь Альбертович^{1,2}
orcid.org/0000-0002-1974-3088

¹ младший научный сотрудник,
Центр социолингвистических исследований;
² младший научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям
igor_danilov_2000@mail.ru

¹ Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

² Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-01318,
<https://rscf.ru/project/23-28-01318/>

Sakha Language in a Northern Industrial Monotown: Linguistic Distribution in Speech Repertoire of Sakha People

Igor A. Danilov^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1974-3088

¹ junior research scientist,
Center for Sociolinguistic Studies;
² junior research scientist,
Research Center on Ethnic and
Language Relations
igor_danilov_2000@mail.ru

¹ Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

² Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01318,
<https://rscf.ru/project/23-28-01318/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается функционирование якутского языка в условиях северного промышленного моногорода Мирный (Республика Саха (Якутия)). Выявляются особенности языковой дистрибуции в речевом репертуаре этнических саха на основе данных социолингвистического опроса и интервью (n=279). Используются методы описательной статистики и контент-анализа. Результаты показывают асимметричный характер якутско-русского двуязычия с преобладанием русского языка в публичной коммуникации. Высокий уровень языковой компетенции саха в якутском языке сочетается с ограниченностью сфер его применения. В семейном и дружеском общении якутский язык сохраняет значимые позиции, однако в профессионально-деловой сфере, особенно в промышленности, его востребованность минимальна. Среди лиц с высшим образованием доля говорящих по-русски на работе достигает 68,34 % против 55,77 % у имеющих лишь среднее специальное образование. В управлении, сфере услуг и силовых структурах абсолютно доминирует русский язык (75—100 %). И лишь в таких сферах, как здравоохранение, образование, культура, якутский язык сохраняет прочные позиции. Родной язык воспринимается саха преимущественно как символический маркер идентичности, уступая русскому по социальному престижу и коммуникативной мощности. Перспективы витальности якутского языка в городе оцениваются неоднозначно и связываются с эффективностью языковой политики в ключевых институциональных контекстах (образование, СМИ, госуправление).

Ключевые слова:

якутский язык; языковая дистрибуция; языковое поведение; языковая политика; языковая ситуация; город Мирный.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the functioning of the Yakut language in the conditions of the northern industrial monotown Mirny (Republic of Sakha (Yakutia)). The study identifies the features of linguistic distribution in the speech repertoire of ethnic Sakha based on data from a sociolinguistic survey and interviews (n=279). Descriptive statistical methods and content analysis are employed. The results reveal an asymmetric nature of Yakut-Russian bilingualism with Russian language predominance in public communication. While Sakha individuals exhibit a high level of language competence in the Yakut language, its application is limited. In familial and friendly communication, the Yakut language maintains significant positions; however, its demand is minimal in the professional-business sphere, especially in industry. Among individuals with higher education, the percentage of Russian speakers at work reaches 68.34% compared to 55.77% among those with only secondary vocational education. Russian language dominates in management, service sectors, and law enforcement (75—100%). Only in fields such as healthcare, education, and culture does the Yakut language maintain strong positions. The native language is primarily perceived by Sakha as a symbolic marker of identity, yielding to Russian in social prestige and communicative power. The vitality prospects of the Yakut language in the city are assessed ambiguously and are linked to the effectiveness of language policy in key institutional contexts (education, media, government).

Key words:

Yakut language; linguistic distribution; language behavior; language policy; language situation; Mirny city.

Якутский язык в северном промышленном моногороде: языковая дистрибуция в речевом репертуаре саха

© Данилов И. А., 2024

1. Введение = Introduction

В условиях активного языкового сдвига, характерного для многих языков коренных народов Российской Федерации, актуализируется необходимость проведения социолингвистических исследований, требующих выхода на прогностический уровень [Биткеева и др., 2019; Биткеева, 2022]. В этом ключе наличие локальных исследований, направленных на изучение функционирования миноритарных языков в контексте разных ситуаций, в особенности в полиэтнической городской среде, позволило бы обеспечить надежность прогнозов развития языков.

В этом отношении особого внимания заслуживают языки этнических групп, признанные на региональном уровне государственными наравне с русским языком и конкурирующие с ним. Учитывая, что титульные языки так называемых национальных субъектов занимают значительное место в социально-коммуникативной системе городов, в последнее время широко масштабно реализуются социолингвистические исследования функциональной дистрибуции государственных языков в речевом поведении горожан, например, жителей городов Башкортостана [Салихова и др., 2021], Бурятии [Дырхеева и др., 2022], Дагестана [Шахбанова, 2022], Татарстана [Государственные ..., 2016], Тувы [Каплунова, 2022], республик Южной Сибири [Боргоякова и др., 2022] и др., которые свидетельствуют о явном сужении общественных функций этнических языков в условиях города.

В фокусе данной статьи — якутский язык, государственный язык Республики Саха (Якутия), количество носителей которого по данным Всероссийской переписи населения — 2020 составляет 377 722 человека, из которых 96,1 % использует его в повседневной жизни. Несмотря на, казалось бы, устойчивое положение якутского языка, современные исследования свидетельствуют о начальной стадии его смещения: «Зафиксирована кризисная ситуация с сохранностью якутского языка у детей и молодежи,

закрывающаяся в стремительном снижении их языковой компетенции и одновременно распространяющаяся как в городском, так и в сельском социуме» [Иванова и др., 2021, с. 80].

Традиционно под *средой активного функционирования якутского языка* понимаются моноэтнические сельские районы региона и столица Республики Саха (Якутия) — г. Якутск. Промышленные районы, в том числе города, вследствие минимальной представленности этнических саха в них, редко становятся территорией специального социолингвистического обследования.

Актуальность исследования языковой ситуации в промышленных моногородах Якутии обусловлена рядом факторов. Во-первых, эти города играют ключевую роль в экономике региона, концентрируя значительные трудовые ресурсы и привлекая мигрантов из других частей республики, страны и зарубежных государств. Во-вторых, они являются центрами модернизации и урбанизации, что неизбежно влияет на традиционный уклад жизни и языковое поведение саха, проживающих в них. В-третьих, в условиях интенсивных межэтнических контактов и доминирования русского языка во многих сферах коммуникации встает вопрос о сохранении и развитии якутского языка как важнейшего компонента этнической идентичности саха.

Одним из крупнейших промышленных центров Якутии является город Мирный, возникший в 1950-е годы в связи с освоением алмазных месторождений. Сегодня он представляет собой типичный северный моногород с разнообразным этническим составом населения. Несмотря на то, что якутский язык имеет статус государственного на территории Республики Саха (Якутия), в Мирном он находится в неравном положении с русским языком, доминирующим в большинстве социально значимых сфер общения.

В связи с этим ставится цель выявления особенности языковой дистрибуции в речевом репертуаре этнических саха, проживающих в г. Мирный. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- определить уровень языковой компетенции саха в якутском и русском языках, а также степень функционального распределения языков в различных коммуникативных сферах;
- проанализировать влияние социальных факторов (возраст, образование, профессия и др.) на языковое поведение и установки разных групп саха;
- выявить основные тенденции и проблемы функционирования якутского языка в условиях промышленного моногорода и наметить возможные пути их решения.

Изучением языковой ситуации и языковых проблем в промышленных районах Республики Саха (Якутия), в частности, занимается Р. И. Василье-

ва [Современная ..., 2013; Васильева, 2023], в трудах которой рассматриваются вопросы языковой дистрибуции, языковой компетенции и идентичности студенческой молодежи, обучающейся в г. Мирный и Нерюнгри.

В рамках данного же исследования во внимание берется этническая группа в целом, рассматриваемая нами как единое языковое сообщество. Кроме того, впервые предпринимается попытка комплексного анализа современной языковой ситуации в условиях интенсивных миграционных и урбанизационных процессов на локальном уровне отдельного промышленного города.

Результаты данного исследования могут послужить материалом при разработке и реализации муниципальных программ по поддержке и якутского языка. Предложенные в работе рекомендации и мероприятия по расширению сфер использования якутского языка и повышению его социального престижа в условиях города могут найти применение в деятельности органов власти, образовательных и культурных учреждений г. Мирный и других промышленных центров республики. Собранные количественные и качественные данные представляют интерес для мониторинга языковой ситуации в регионе и могут послужить основой для проведения дальнейших социолингвистических исследований.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для настоящего исследования послужили данные социолингвистического опроса и серии интервью, проведенных автором в г. Мирном Республики Саха (Якутия) в 2023—2024 годах.

Опрос проводился методом анкетирования среди жителей города Мирный. Всего в анкетировании приняли участие 815 горожан, в настоящем исследовании анализируются ответы 279 саха в возрасте от 16 лет с разным уровнем образования и социально-профессиональным статусом. Анкета включала более 80 вопросов, из которых для данной статьи были отобраны вопросы, направленные на выявление уровня языковой компетенции респондентов в якутском и русском языках, сфер и частоты использования каждого из языков, а также языковых установок и предпочтений в различных коммуникативных ситуациях.

Для углубленного изучения языкового поведения и представлений респондентов о языковой ситуации в городе были проведены также 10 полуструктурированных интервью. Информантами выступили мужчины и женщины разных возрастных групп и социально-профессиональных категорий (служащие бюджетной сферы, представители власти, студенты, пенсионеры и др.). Гайд интервью включал 8 основных вопросов, касающихся языковой биографии, идентичности, использования якутского и русского

в повседневной жизни, отношения к языкам и языковой политике в республике и городе, видения перспектив якутского языка и др.

Инструментарий, включая анкетные вопросы и гайд для интервью, был разработан научным коллективом, реализующим проект «Урбанизация, языковое многообразие и / или языковая конкуренция в Арктической и Субарктической зоне РФ: новые вызовы и перспективы развития» (рук. А. Н. Биткеева), поддержанный Российским научным фондом.

Полученные количественные данные обрабатывались методами описательной и аналитической статистики (расчет процентных распределений, коэффициентов корреляции) с использованием программы MS Excel. Качественные данные интервью анализировались методом контент-анализа с выделением ключевых тем, категорий и моделей аргументации. На основе сопоставления результатов количественного и качественного анализа были выявлены основные тенденции и факторы языковой ситуации в якутском сообществе г. Мирный.

Автором учитывался опыт предыдущих эмпирических исследований языковой ситуации в Республике Саха (Якутия). В частности, принимались во внимание результаты социолингвистических исследований, проведенных Н. И. Ивановой [Иванова, 2022; Иванова, 2023; Данилов и др., 2023 и др.].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Динамика языковой ситуации в свете демографических изменений

Языковая ситуация в г. Мирный характеризуется рядом специфических черт, обусловленных особенностями формирования населения города. Возникнув как центр алмазодобывающей промышленности, Мирный исторически развивался как преимущественно русскоязычный город, где якутский язык длительное время занимал периферийное положение в коммуникативном пространстве из-за минимальной представленности саха в нем.

За неимением статистических данных этнодемографических показателей г. Мирного в динамике приведем сведения по количеству саха в Мирнинском районе, полученные в результате всесоюзных и всероссийских переписей населения (табл. 1). Для сравнения представим данные по численности русских в Мирнинском районе.

Так, в последние десятилетия наметились существенные демографические сдвиги, связанные с притоком в город саха из сельских районов республики. Причем значительную часть якутоязычных мигрантов составляет молодежь, приезжающая в город на учебу или в поисках работы.

Таблица 1

Динамика численности якутского и русского населения
в Мирнинском районе¹

Год	Национальность	Численность, чел.	Прирост, в %
1970	Саха	1596	—
	Русские	15836	—
1979	Саха	1744	9,3
	Русские	22669	43,1
1989	Саха	2015	15,5
	Русские	35993	58,7
2002	Саха	5735	184,6
	Русские	59096	64,2
2010	Саха	6686	16,6
	Русские	46929	-20,6
2020	Саха	7096	6,1
	Русские	46262	-1,4

¹ Данные с 1970 по 1989 годы рассчитаны по информации, представленной в книге В. Б. Игнатьевой [Игнатьева, 1994, с. 120, 129], с 2002 по 2020 — по результатам всероссийских переписей населения, проведенных в 2002, 2010, 2020 годах.

Этот демографический тренд создает принципиально новую ситуацию для функционирования якутского языка в городском пространстве. Если раньше саха были представлены в Мирном лишь небольшими дисперсными группами, то сейчас можно говорить о формировании полноценного якутоязычного сообщества, обладающего достаточным коммуникативным потенциалом для расширения сфер использования этнического языка.

Важно подчеркнуть, что увеличение доли саха среди горожан происходит на фоне определенного оттока русскоязычного населения, наметившегося в последние годы. Многие русские специалисты, приехавшие в Мирный в период активного освоения алмазных месторождений, сегодня возвращаются в регионы исхода. Тем самым меняется не только этнический, но и социально-профессиональный состав населения города. По мнению Е. Г. Маклашовой, «миграция русских в основном носит возвратный характер. Основная часть русских Якутии, это — мигранты во втором и последующих поколениях, приехавшие в северный край во имя идеи промышленного и культурного освоения, процветания народов СССР или за “длинным рублем”. В условиях трансформации социально-политической системы России и ее автономных республик они предпочли вернуться в места исхода своих родителей» [Маклашова, 2020, с. 78].

Все это создает предпосылки для постепенной трансформации языкового баланса в Мирном. Хотя русский язык, безусловно, сохраняет доминирующие позиции в большинстве коммуникативных сфер, появление значительного якутоязычного контингента объективно расширяет возможности для функционирования якутского языка в различных общественных доменах — от образования и культуры до экономики и управления.

3.2. Языковая компетенция и речевое поведение саха

Согласно результатам опроса, подавляющее большинство саха г. Мирный (90,68 %) считают якутский язык родным. При этом около 8 % назвали родным русский язык, а 1,43 % — оба языка. Несмотря на высокий статус якутского как этнического маркера, уровень владения русским языком среди саха оказался весьма высоким. Так, более 90 % респондентов заявили, что свободно понимают и говорят по-русски, а также читают и пишут на нем.

Иная картина наблюдается в отношении якутского языка. Хотя большинство опрошенных (около 80 %) свободно понимают и говорят на нем, доля свободно владеющих письменными навыками заметно ниже — около 67 %. При этом у младших респондентов уровень языковой компетенции в якутском ниже: если в группе старше 50 лет свободно говорит по-якутски 95,45 %, то среди молодежи 16—25 лет — 77,06 %.

В целом уровень якутско-русского двуязычия среди саха г. Мирный достаточно высок. Абсолютное большинство респондентов (более 90 %) в той или иной степени владеют обоими языками. Таким образом, речевой репертуар саха г. Мирный характеризуется одновременно высоким уровнем якутско-русского билингвизма и функциональной дистрибуцией двух языков. Русский язык явно доминирует в письменной коммуникации, тогда как устное общение более сбалансировано. При этом языковая компетенция в якутском языке, особенно в его литературной форме, постепенно снижается от старшего поколения к младшему.

Языковое поведение саха обнаруживает четкую функциональную дистрибуцию якутского и русского языков в зависимости от сферы коммуникации. Очевидно, что распределение языков существенно варьирует в зависимости от типа внутрисемейной коммуникации и возраста участников общения.

Наиболее сбалансированная ситуация якутско-русского двуязычия наблюдается в общении респондентов со своими детьми. Более трети опрошенных (35,13 %) используют в этом случае оба языка примерно в равной мере, что свидетельствует о значительной распространенности билингвальных речевых практик в младшем поколении саха. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что исключительно на якутском языке с детьми общается лишь 17,2 % респондентов, тогда как только на рус-

ском — более трети (36,2 %). Таким образом, русский язык является основным или преобладающим средством коммуникации для большинства саха г. Мирный в общении с младшим поколением.

В коммуникации с супругами явно доминирует якутский язык — более половины респондентов (51,25 %) говорят с мужем или женой преимущественно по-якутски. Доля использующих с супругами только русский язык почти втрое ниже — 19 %. Характерно также, что билингвальное общение в этом случае практикуют лишь 16,13 % опрошенных, то есть вдвое меньше, чем в общении с детьми. По-видимому, выбор языка супружеского общения в значительной мере определяется этнической принадлежностью супругов: в моноэтнических якутских семьях абсолютно преобладает якутский язык, тогда как в смешанных превалирует русский модус коммуникации.

Самая высокая степень витальности якутского языка обнаруживается в общении представителей среднего и старшего поколений саха с родителями, бабушками и дедушками. От 40 до 50 % респондентов используют якутский язык как основное средство коммуникации в общении со старшими членами семьи. Таким образом, в традиционной модели внутрисемейной иерархии, представленной тремя поколениями, якутский язык продолжает выполнять доминирующую функцию, выступая одновременно маркером межпоколенческой трансмиссии этнической культуры.

В целом, выявленное распределение языков семейного общения свидетельствует о постепенном снижении степени межпоколенческой передачи якутского языка в исследуемой группе. Если в коммуникации представителей старшего и среднего поколений он остается основным средством общения, то в младших возрастных когортах его роль заметно снижается, уступая языковому доминированию русского.

Вместе с тем достаточно высокий уровень сохранности якутского языка в моноэтнических семьях и широкое распространение билингвальных практик в общении с детьми указывают на то, что процесс языкового сдвига в данной локальной группе саха еще не приобрел необратимого характера. Очевидно, что сфера семейного общения выступает одним из ключевых доменов поддержания витальности якутского языка и его устойчивой межпоколенческой передачи в условиях городского сообщества.

В дружеском общении наблюдается достаточно сбалансированное использование якутского и русского языков с небольшим преобладанием билингвальных практик. 47,67 % респондентов общаются с друзьями примерно в равной мере на обоих языках, четверть — только на русском, еще четверть — только на якутском. Таким образом, сфера неформальной коммуникации характеризуется более равномерным функциональным рас-

пределением двух языков и значительным присутствием якутско-русского переключения кодов.

Достаточно высокий уровень использования якутского языка в дружеском общении, очевидно, связан с преимущественно моноэтническим составом соответствующих социальных сетей. Большинство респондентов, по-видимому, поддерживают дружеские связи в основном внутри своей этнической группы (родственники, соседи, земляки и т. п.), что предполагает, как минимум, периодическое использование этнического языка. При этом билингвальный характер дружеской коммуникации указывает на то, что сами эти якутоязычные социальные сети в значительной мере интегрированы в доминирующее русскоязычное городское сообщество, что неизбежно требует переключения на русский язык.

Совсем иначе выглядит языковая дистрибуция в публичных сферах коммуникации. Наиболее явное доминирование русского языка наблюдается в профессионально-деловой коммуникации. Почти две трети респондентов (64,87 %) используют на работе или учебе исключительно русский язык. Только по-якутски в этой сфере общаются менее 4 % опрошенных, а билингвальные практики распространены среди 30,82 %. Таким образом, русский язык выступает безусловно основным средством институционального общения для представителей саха в условиях городского пространства.

Столь заметный дисбаланс в функциональном распределении языков в профессиональной сфере обусловлен рядом факторов. Во-первых, абсолютное большинство саха г. Мирный работает в смешанных многонациональных коллективах, где русский язык традиционно выполняет функцию лингва франка. Во-вторых, подавляющая часть профессионального делопроизводства и документации на предприятиях и в организациях города ведется на русском языке, что существенно ограничивает функциональные возможности якутского. Наконец, многие профессии, прежде всего в промышленном секторе, требуют специального образования, полученного, как правило, на русском языке, что также способствует его преимущественному использованию в трудовой деятельности.

Сфера обслуживания (магазины, транспорт, медицина и т. п.) практически полностью русскоязычна: более 90 % саха используют здесь только русский язык. В целом, выявленное соотношение языков в ключевых доменах публичной коммуникации свидетельствует о безусловном функциональном доминировании русского языка в большинстве социально значимых сфер городской жизни.

Дисбаланс сфер использования языков и растущее давление русского языка в профессионально-деловой коммуникации в перспективе могут

способствовать дальнейшему сужению функционального диапазона якутского и нарастанию ассимиляционных процессов в исследуемой группе.

Таким образом, можно констатировать достаточно типичную для современного города диглоссную ситуацию с четким распределением функций между языками. При этом якутский язык продолжает выполнять роль основного средства внутриэтнического общения, маркера этнокультурной идентичности саха. В то же время русский язык выступает в качестве универсального средства коммуникации в социально значимых сферах жизнедеятельности горожан.

Распределение якутского и русского языков в речевой практике саха тесно связано с действием целого комплекса социальных переменных. Наиболее значимыми из них, судя по результатам исследования, являются возраст, уровень образования и профессиональный статус.

Существует явная корреляция между возрастом и использованием якутского языка: чем старше респонденты, тем чаще они говорят по-якутски в семье и с друзьями. Так, если среди молодежи 16—25 лет лишь 15 % общается с детьми на якутском, то среди лиц старше 50 лет таких уже 30 %. При этом с возрастом снижается и уровень владения русским языком: доля свободно говорящих по-русски падает с 93,18 % у молодежи до 77,27 % у пожилых.

Уровень образования, напротив, положительно коррелирует с использованием русского языка. Среди лиц с высшим образованием доля говорящих по-русски на работе достигает 68,34 % против 55,77 % у имеющих лишь среднее специальное образование. Любопытно, что даже в семейном общении высокообразованные саха чаще выбирают русский язык: на нем говорят с детьми 40,7 % респондентов с высшим образованием и лишь 26,92 % со средним.

Дистрибуция языков сильно варьирует и в зависимости от профессии. Так, в управлении, сфере услуг и силовых структурах абсолютно доминирует русский язык (75—100 %). И лишь в таких сферах, как здравоохранение, образование, культура, якутский язык сохраняет относительно прочные позиции: 44—54 % респондентов общаются на якутском и русском языках в равной степени.

Подавляющее большинство респондентов (61,76 %), работающих на промышленных предприятиях, используют русский язык как единственное средство профессионального общения. Только по-якутски на работе говорят менее 3 % опрошенных, а билингвальные практики распространены примерно среди трети (35,29 %). Примечательно, что билингвальные практики, предполагающие попеременное использование якутского и русского языков, распространены в этой сфере. Периодическое использование

якутского языка допускается, вероятно, в ситуациях неформального общения между саха-билингвами в ходе производственного процесса.

В целом, языковое поведение саха обнаруживает черты классического «диаграфического» распределения с возрастной, образовательной и профессиональной детерминацией выбора языка. Если для старших возрастных когорт якутский язык пока остается основным средством внутризтнического общения, то молодежь, особенно получившая высшее образование и занятая в индустриальном секторе, все более тяготеет к русскому языку во всех сферах коммуникации.

3.3. Языковые установки и ориентации саха

Результаты социолингвистического опроса также позволяют охарактеризовать основные особенности языковых установок и представлений жителей г. Мирный в отношении якутского и русского языков, а также оценить перспективы витальности якутского языка в восприятии самих носителей.

Прежде всего, обращает на себя внимание достаточно противоречивый характер оценок престижности якутского языка в городской коммуникативной среде. С одной стороны, более половины респондентов (52,69 %) считают, что говорить на якутском языке в Мирном в той или иной степени престижно. С другой стороны, почти треть опрошенных (31,18 %) затруднились ответить на этот вопрос, а 16,13 % полагают, что использование якутского языка в городе скорее или совершенно не престижно. Таким образом, среди саха отсутствует однозначно доминирующее представление о высоком социальном статусе родного языка в локальном сообществе, а сам вопрос о его престижности вызывает значительную неопределенность в массовом сознании.

При этом абсолютное большинство респондентов (85,3 %) выступают за придание якутскому языку, наряду с русским, статуса государственного языка Республики Саха (Якутия). Лишь 1,43 % опрошенных считают, что русский язык должен быть единственным государственным языком республики, а 8,24 % полагают, что в многонациональном государстве ни один из языков не должен обладать особым юридическим статусом. В этой связи интересно, что 70,25 % респондентов рассматривают знание обоих государственных языков — якутского и русского — как гражданский долг каждого жителя республики. Очевидно, в языковом сознании саха официальный статус родного языка выступает ключевым фактором его общественного престижа и социальной значимости, а владение им мыслится как неотъемлемый атрибут региональной гражданской идентичности.

Вместе с тем подавляющее большинство респондентов не связывают знание якутского языка с возможностями социальной мобильности и карьерного роста. Лишь 0,72 % опрошенных полагают, что якутский язык

дает наибольшие жизненные шансы в плане получения образования, трудоустройства и материального преуспевания. Для сравнения: исключительно с русским языком такие перспективы ассоциируют 14,34 % респондентов, а с владением русским и каким-либо иностранным — почти 60 %. Характерно также, что, в представлениях более 40 % опрошенных, саха, не владеющие русским языком, в принципе не имеют возможности получить хорошую работу в г. Мирном, а еще треть согласна с таким утверждением частично. Таким образом, в массовом сознании саха инструментальная ценность якутского языка как ресурса социального продвижения крайне низка, а его практическая востребованность в большинстве профессионально-деловых контекстов ставится под сомнение.

Оценивая перспективы якутского языка, большинство респондентов (59,14 %) выражают тревогу за его будущее в масштабах Российской Федерации. Лишь 15,41 % опрошенных смотрят на языковую ситуацию в республике и стране с уверенностью, в то время как 12,19 % оценивают положение родного языка с чувством отчаяния. Очевидно, в массовом сознании саха растущее давление доминирующего русского языка и нарастание ассимиляционных процессов воспринимаются как основные факторы языкового сдвига, способные в перспективе поставить под угрозу витальность якутского языка как одного из ключевых компонентов этнической идентичности и культурного наследия народа саха.

Языковые установки и представления саха г. Мирный носят амбивалентный характер. С одной стороны, абсолютное большинство респондентов демонстрируют высокую степень приверженности родному языку, выступая за максимально высокий юридический статус якутского языка и рассматривая его сохранение и развитие в качестве приоритетной общественной задачи. С другой стороны, в повседневной коммуникативной практике и профессионально-деловой сфере якутский язык, по мнению значительной части опрошенных, все еще уступает русскому по своей социальной значимости и функциональной мощности.

Подобный мировоззренческий диссонанс указывает на известный разрыв между ценностным и инструментальным измерениями языковых установок носителей языка. Высокий символический статус родного языка как культурного достояния не вполне транслируется в его востребованность как прагматического ресурса, что в конечном счете снижает мотивацию к его использованию и воспроизводству в молодежной среде.

Таким образом, одной из важнейших задач языковой политики в республике должна стать гармонизация языкового сознания титульной этнической группы, предполагающая, с одной стороны, укрепление социально-го престижа якутского языка через его продвижение в ключевых коммуни-

кативных сферах (образование, делопроизводство, госслужба, массмедиа и др.), а с другой — повышение его инструментальной ценности и практической применимости в различных профессионально-деловых контекстах. Только в этом случае можно рассчитывать на преодоление языкового нигилизма и скептических настроений части городских саха и обеспечить благоприятные социально-психологические условия для стабильного и устойчивого развития якутско-русского двуязычия в городской среде.

3.4. Проблемы и перспективы якутского языка

Языковая ситуация в г. Мирный представляет собой динамичное и противоречивое явление. Увеличение доли саха в населении города создает благоприятные демографические предпосылки для расширения функций якутского языка, однако его реальные позиции в ключевых сферах общественной жизни остаются недостаточно прочными. Дальнейшие перспективы якутского языка в Мирном будут зависеть от эффективного использования имеющихся ресурсов и потенциала роста при одновременном преодолении структурных ограничений и дисбалансов в языковой политике и практике.

Прогнозировать дальнейшее развитие языковой ситуации в Мирном достаточно сложно. С одной стороны, высокая инструментальная ценность русского языка и его очевидное доминирование в большинстве социально значимых сфер общения будут и далее способствовать языковому сдвигу в локальной группе саха. С другой стороны, сохранение якутским языком функций семейного общения и его высокий символический статус в сознании саха являются факторами определенной этноязыковой стабильности.

Многое будет зависеть от конкретных мер по поддержке и развитию якутского языка в городе. Показательно, что сами саха весьма критически оценивают сложившуюся ситуацию. Так, 67,38 % опрошенных считают совершенно недостаточным количество школ с якутским языком обучения в Мирном, а 68,1 % придерживаются такого же мнения в отношении детских садов с якутским языком воспитания. Более того, соответственно 12,19 % и 12,54 % полагают количество таких учебных заведений «скорее недостаточным». Таким образом, в сумме почти 80 % респондентов отмечают отсутствие образовательных учреждений, в которых обучение и воспитание велось бы на якутском языке. Очевидно, что в условиях ограниченного предложения соответствующих образовательных услуг реализовать право на обучение детей на родном языке многим саха весьма непросто.

Иными словами, в сознании большинства саха г. Мирный сфера институционализированного образования продолжает оставаться сферой доминирования русского языка, не обеспечивающей достаточных возможностей и условий для полноценного усвоения и функционирования якутского языка.

Преодоление данного противоречия требует системной работы по оптимизации и совершенствованию языковой политики в городском образовательном пространстве. Очевидными приоритетами в этом отношении должны стать:

- 1) обеспечение более сбалансированного и равномерного распределения в городской образовательной сети учреждений и программ с якутским и русским языками обучения;
- 2) внедрение эффективных методик и технологий билингвального образования на всех ступенях обучения, обеспечивающих содержательную интеграцию преподавания якутского и русского языков;
- 3) повышение качества и разнообразия учебно-методических комплексов и дидактических материалов по якутскому языку с учетом коммуникативно-деятельностного подхода к обучению;
- 4) целенаправленная подготовка, переподготовка и повышение квалификации педагогических кадров для якутоязычного сегмента образовательной системы;
- 5) разработка системы социокультурных и социально-психологических стимулов, повышающих мотивацию учащихся и родителей к выбору образовательных стратегий и траекторий, связанных с активным использованием якутского языка.

Реализация указанных мер позволит обеспечить востребованность, доступность и качество обучения на якутском языке в городской образовательной среде, создаст необходимые предпосылки для полноценного развития якутско-русского и русско-якутского двуязычия среди подрастающего поколения саха как образовательной нормы и осознанной языковой потребности.

Таким образом, будущее якутского языка в Мирном во многом зависит от проводимой языковой и образовательной политики. Принципиально важно сохранить и упрочить позиции якутского в семейном общении, одновременно повышая его статус как в системе образования, так и в сфере профессионально-деловой коммуникации. Только в этом случае можно рассчитывать на стабилизацию языковой ситуации в городе и постепенное преодоление наметившихся ассимиляционных трендов.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно современного состояния и перспектив развития языковой ситуации в якутском сообществе северного промышленного моногорода Мирный.

Во-первых, языковая ситуация в городе характеризуется асимметричным якутско-русским двуязычием с функциональным доминированием

русского языка в большинстве социально значимых сфер коммуникации. Несмотря на количественный рост якутоязычного населения в последние десятилетия, якутский язык продолжает занимать подчиненное положение в городском коммуникативном пространстве, ограничиваясь преимущественно сферой внутрисемейного и непринужденного внутриэтнического общения.

Во-вторых, данные социолингвистического опроса свидетельствуют о достаточно высоком уровне языковой компетенции саха г. Мирный в якутском языке, особенно в его разговорной форме. В то же время наблюдаются признаки постепенного снижения уровня владения якутским языком в младших возрастных группах, связанные с преобладанием русскоязычной коммуникации в публичных доменах и ограниченным использованием якутского языка в системе школьного образования.

В-третьих, выявленные модели речевого поведения саха обнаруживают четкую функциональную дифференциацию использования якутского и русского языков в зависимости от коммуникативной сферы и социальной ситуации. Русский язык абсолютно доминирует в профессионально-деловой коммуникации и сфере услуг, тогда как якутский сохраняет свои позиции преимущественно в семейном общении. Вместе с тем довольно широкое распространение в повседневной коммуникации саха имеют различные смешанные якутско-русские речевые практики.

Дальнейшие перспективы якутского языка в г. Мирном представляются противоречивыми. С одной стороны, увеличение доли якутоязычного населения создает более благоприятный демографический фон и открывает новые возможности для расширения использования языка в различных социальных контекстах. С другой стороны, в условиях коммуникативного доминирования русского языка, ограниченного присутствия якутского в ключевых институциональных сферах (образование, массмедиа, госуправление и др.) и его невысокого практического престижа в молодежной среде процесс языкового сдвига может продолжиться.

Стабилизация и развитие якутско-русского двуязычия в г. Мирном возможны лишь при условии проведения эффективной и последовательной языковой политики на муниципальном и республиканском уровне. Необходим комплексный подход, направленный на повышение социального статуса и расширение функциональной базы якутского языка в различных институциональных контекстах. Ключевыми задачами представляются: обеспечение сбалансированного использования якутского языка в системе школьного и дошкольного образования; увеличение доли якутоязычного контента в локальных массмедиа и публичном пространстве города; внедрение программ обучения и стимулирования использования якутского языка в различных

профессиональных средах; реализация мер по повышению его инструментальной ценности и востребованности в молодежной среде.

Опыт локального изучения языковой ситуации в г. Мирном представляет несомненный интерес для изучения более общих закономерностей и механизмов взаимодействия миноритарных и доминирующих языков в условиях интенсивных процессов урбанизации и индустриального развития северных территорий России. Дальнейшие социолингвистические исследования языковой ситуации в промышленных городах Якутии позволят верифицировать выявленные тенденции, более четко определить специфику локальных языковых процессов в сравнении с другими регионами и выработать научно обоснованные рекомендации по сохранению и развитию миноритарных языков народов Севера в условиях современных социально-экономических и социокультурных трансформаций.

Таким образом, проведенное исследование вносит определенный вклад в изучение функционирования якутского языка в урбанизированном социокультурном пространстве и позволяет наметить возможные перспективы его дальнейшего развития в условиях промышленного моногорода. Полученные результаты могут послужить основой для разработки и реализации научно обоснованной языковой политики, направленной на гармонизацию якутско-русского двуязычия и обеспечение устойчивого развития якутского языка как одного из ключевых компонентов этнокультурной идентичности саха в современных условиях.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Биткеева А. Н. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации : социолингвистический аспект / А. Н. Биткеева, М. Вингендер, В. Ю. Михальченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2019. — Т. 18. — № 3. — С. 6—23. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.
2. Биткеева А. Н. Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России / А. Н. Биткеева // Новые исследования Тувы. — 2022. — № 4. — С. 38—52. — DOI: 10.25178/nit.2022.4.3.
3. Боргоякова Т. Г. Языки Южной Сибири в динамике социального контекста / Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова, К. А. Покаякова. — Абакан : Хакассский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2022. — 160 с. — ISBN 978-5-7810-2311-0.
4. Васильева Р. И. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) : социопсихолингвистический аспект / Р. И. Васильева, М. Г. Дегтярева, Н. И. Иванова, Л. Н. Семенова. — Новосибирск : Наука, 2013. — 252 с. — ISBN 978-5-02-019060-3.
5. Васильева Р. И. Функционирование якутско-русского билингвизма в современном коммуникативном пространстве промышленных районов Республики Саха (Якутия) (на материале полевого исследования) / Р. И. Васильева // Вестник Бурятского

государственного университета. Филология. — 2023. — № 3. — С. 79—88. — DOI: 10.18101/2686-7095-2023-3-79-88.

6. Габдрахманова Г. Ф. Государственные языки Республики Татарстан : множественность измерений / Г. Ф. Габдрахманова, Г. И. Макарова, З. А. Махмутов, Р. Н. Мусина, Э. А. Сагдиева, Л. В. Сагитова. — Казань : Артифакт, 2015. — 267 с. — ISBN 978-5-905089-30-5.

7. Данилов И. А. Языковая дистрибуция городской повседневности саха : социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.) / И. А. Данилов, Н. И. Иванова // Новые исследования Тувы. — 2023. — № 4. — С. 301—313. — DOI: 10.25178/nit.2023.4.21.

8. Дырхеева Г. А. Бурятский язык в полиэтничной Бурятии : функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации / Г. А. Дырхеева, Д. Д. Бадараев, Э. В. Хилханова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 116—135. — DOI: 10.42224/2227-1295-2022-11-5-116-135.

9. Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) : якутский язык в начале XXI в., этносоциопсихолингвистический аспект / Н. И. Иванова. — Новосибирск : Наука, 2022. — 284 с. — ISBN 978-5-02-041499-0.

10. Иванова Н. И. Языковая дистрибуция в семейном общении саха : традиции и инновации / Н. И. Иванова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 49—67. — DOI: 10.42224/2227-1295-2023-12-10-49-67.

11. Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Якутии. Этно-статистическое исследование / В. Б. Игнатьева. — Якутск : Якутский научный центр, 1994. — 144 с. — ISBN 5-7623-1085-4.

12. Каплунова М. Я. Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) / М. Я. Каплунова // Новые исследования Тувы. — 2022. — № 4. — С. 28—37. — DOI: 10.25178/nit.2022.4.2.

13. Маклашова Е. Г. Русское население в этносоциальной среде северного полиэтнического региона / Е. Г. Маклашова // Этносоциальные процессы в Якутии : современный ракурс и перспективы развития. — 2-е издание, дополненное. — Москва : Наука, 2022. — С. 67—94.

14. Салихова Э. А. Языковая мозаика г. Уфы : коллективная монография / Э. А. Салихова, Н. Г. Искужина, Ю. Р. Мурсалимов, Н. В. Исмагилова, Л. Л. Аюпова, Л. Ф. Дильмухаметова, М. Г. Ситдикова. — Уфа : Общество с ограниченной ответственностью «Азтерна», 2021. — 414 с. — ISBN 978-5-00177-138-8.

15. Шахбанова М. М. Языковые установки городского населения Дагестана / М. М. Шахбанова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2022. — № 2. — С. 265—271. — DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271.

Статья поступила в редакцию 12.05.2024,
одобрена после рецензирования 14.06.2024,
подготовлена к публикации 18.06.2024.

References

Bitkeeva, A. N., Wingender, M., Mikhhalchenko, V. Y. (2019). Forecasting and linguistic diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 18 (3): 6—23. DOI: 10.15688/jvolsu.2019.3.1. (In Russ.).

- Bitkeeva, A. N. (2022). Model of sociolinguistic forecasting and current trends in language policy in the regions of Russia. *New studies of Tuva*, 4: 38—52. DOI: 10.25178/nit.2022.4.3. (In Russ.).
- Borgoyakova, T. G., Huseynova, A. V., Pokoyakova, K. A. (2022). *Languages of Southern Siberia in the dynamics of social context*. Abakan: N. F. Katanov Khakass State University. 160 p. ISBN 978-5-7810-2311-0. (In Russ.).
- Danilov, I. A., Ivanova, N. I. (2023). Linguistic distribution of urban everyday life in Sakha: a sociolinguistic dimension (according to data from 2021). *New studies of Tuva*, 4: 301—313. DOI: 10.25178/nit.2023.4.21. (In Russ.).
- Dyrkheeva, G. A., Badaraev, D. D., Khilkhanova, E. V. (2022). Buryat Language in Multi-Ethnic Buryatia: Functional Distribution, Language Competence, Motivations. *Nauchnyi dialog*, 11 (5): 116—135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135> (In Russ.).
- Gabdrakhmanova, G. F., Makarova, G. I., Makhmutov, Z. A., Musina, R. N., Sagdieva, E. A., Sagitova, L. V. (2015). *State languages of the Republic of Tatarstan: multiplicity of dimensions*. Kazan: Artifact. 267 p. ISBN 978-5-905089-30-5. (In Russ.).
- Ignatieva, V. B. (1994). *National composition of the population of Yakutia. Ethno-statistical research*. Yakutsk: Yakutsk Scientific Center. 144 p. ISBN 5-7623-1085-4. (In Russ.).
- Ivanova, N. I. (2023). Language Distribution in Sakha Family Communication: Traditions and Innovations. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 49—67. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67> (In Russ.).
- Ivanova, N. I. (2022). *The linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language at the beginning of the XXI century, ethnosociopsycholinguistic aspect*. Novosibirsk: Nauka. 284 p. ISBN 978-5-02-041499-0. (In Russ.).
- Kaplnova, M. Ya. (2022). Assessment of the perception of the linguistic situation in the Republic of Tuva by the local population (based on the material of a field study in 2021). *New studies of Tuva*, 4: 28—37. DOI: 10.25178/nit.2022.4.2. (In Russ.).
- Maklashova, E. G. (2022). Russian population in the ethnosocial environment of the northern multiethnic region. In: *Ethnosocial processes in Yakutia: a modern perspective and development prospects. 2nd edition, expanded*. Moscow: Nauka. 67—94. (In Russ.).
- Salikhova, E. A. (2021). *Language mosaic of Ufa: a collective monograph*. Ufa: Aeterna Limited Liability Company. 414 p. ISBN 978-5-00177-138-8. (In Russ.).
- Shakhbanova, M. M. (2022). Linguistic attitudes of the urban population of Dagestan. *State and municipal administration. Scientific notes*, 2: 265—271. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271. (In Russ.).
- Vasilyeva, R. I. (2023). Functioning of Yakut-Russian bilingualism in the modern communicative space of industrial regions of the Republic of Sakha (Yakutia) (based on the material of a field study). *Bulletin of the Buryat State University. Philology*, 3: 79—88. DOI: 10.18101/2686-7095-2023-3-79-88. (In Russ.).
- Vasilyeva, R. I. (2013). *Modern ethnolanguage situation in the Republic of Sakha (Yakutia): sociopsycholinguistic aspect*. Novosibirsk: Nauka. 252 p. ISBN 978-5-02-019060-3. (In Russ.).

*The article was submitted 12.05.2024;
approved after reviewing 14.06.2024;
accepted for publication 18.06.2024.*

Информация для цитирования:

Дубовицкая М. А. Мена коммуникативных ролей через субкодовое переключение и смешение в произведениях Зэди Смит / М. А. Дубовицкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 67—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-67-83.

Dubovitskaya, M. A. (2024). Shifting Communicative Roles through Subcode Switching and Blending in Works of Zadie Smith. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 67-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-67-83. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мена коммуникативных ролей через субкодовое переключение и смешение в произведениях Зэди Смит

Дубовицкая Мария Анатольевна

orcid.org/0000-0002-7003-8392

кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языка
clouddancing@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Shifting Communicative Roles through Subcode Switching and Blending in Works of Zadie Smith

Maria A. Dubovitskaya

orcid.org/0000-0002-7003-8392

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Language
clouddancing@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Данное исследование выполнено в русле работ, посвященных вопросам переключения кодов в разговорном дискурсе. Целью данной статьи является описание частых случаев субкодовых переключений и смешений в мультикультурной среде, а также определение их участия в мене коммуникативных ролей на материале художественных текстов современной английской писательницы. Объектом описания являются примеры (суб)кодового переключения и смешения в художественных текстах Зэди Смит. Уделяется внимание роли мены коммуникативных ролей в контексте (суб)кодового переключения и смешения. Новизна исследования видится в том, что впервые исследуется мена коммуникативных ролей в мультикультурном контексте. В ходе исследования применялись методы лингвистического анализа, а также методы наблюдения, сопоставления и интерпретации. Автор выделяет темп мены коммуникативных ролей как важный индикатор определения характера взаимодействия в гетерогенной культурной среде. Актуальность исследования обусловлена важностью понимания сложного коммуникативного целого, включающего не только участников речевой деятельности, но и различные социальные параметры, интенции участников и ситуации речевого общения. Приводятся определения (суб)кодового смешения и (суб)кодового переключения с разграничением понятий кода и субкода.

Ключевые слова:

мена коммуникативных ролей; субкодовое переключение; субкодовое смешение; репликовый шаг; Зэди Смит.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is part of the discourse on code-switching in conversational discourse. The aim of this article is to describe frequent instances of subcode switching and mixing in a multicultural environment, as well as to determine their involvement in communicative role exchanges within the literary texts of a contemporary English writer. The object of description is examples of (sub)code switching and mixing in the literary texts of Zadie Smith. The research employs linguistic analysis methods alongside observation, comparison, and interpretation techniques to highlight the significance of role exchange in the context of subcode switching and mixing. The novelty of this study lies in its examination of role exchange in a multicultural setting. The author emphasizes the pace of role exchange as a crucial indicator of interaction dynamics in heterogeneous cultural environments. The relevance of this research stems from the importance of understanding complex communicative frameworks that involve participants, social parameters, intentions, and speech communication situations. Definitions of subcode mixing and subcode switching are provided, with a clear distinction between code and subcode concepts.

Key words:

role exchange; subcode switching; subcode mixing; conversational turn; Zadie Smith.

Мена коммуникативных ролей через субкодовое переключение и смешение в произведениях Зэди Смит

© Дубовицкая М. А., 2024

1. Введение = Introduction

Социокультурное пространство является комплексным образованием разных модусов бытия. Начало изучения неоднородности и многофакторности социокультурного многообразия было положено А. Тойнби, О. Шпенглером, М. Вебером, Л. Гумилевым, П. Сорокиным и др. Специфическая пространственно-временная целостность находится в динамичном и непрерывном процессе конструирования на фоне социальных связей и «культурных монад», или внутренних культурных миров [Моль, 2007]. Несомненно, городская среда со своей пестрой и разносторонней жизнью является интересным объектом для наблюдения.

Изучение характера коммуникативных процессов позволяет выявить важные черты социокультурного города. К таким коммуникативным процессам относятся переключение кодов и мена коммуникативных ролей; их объединяет то, что они являются не только лингвистическими, но и психологическими феноменами. Социально-коммуникативная система, внутри которой распределяются коммуникативные роли участников, определяют темы, стиль, статус и функции, служит источником для интерпретации неоднородного социального контекста. Исследование и анализ литературных источников способствуют пониманию социокультурного фона и контекста.

Важность талантливого писателя и его мастерства сложно переоценить, когда мы говорим о желании познакомиться с эпохой, местом и событиями, описываемыми в книге. В национальной портретной галерее Лондона висит портрет современной писательницы Зэди Смит, написанный нигерийско-американской современной художницей Тойин Оджи Одутой. Зэди Смит, автор романов, эссе и коротких рассказов, член Королевского литературного общества, получила признание за детальное описание психологических и культурных характеристик жителей районов Лондона

Уиллесден и Килберн. Тот факт, что книги этой писательницы могут служить источником для наблюдения за языковыми явлениями, объясняется «удалением автора», при котором текст «создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» [Барт, 1989, с. 384—391]. Читатель окунается в водоворот диалогов местных жителей, которые перестраиваются разговорными фразами, наречиями, диалектными словами и арготическими единицами. Наблюдение за субкодовыми переключениями, а также их организацией в репликовых шагах, или меной коммуникативных ролей, дает представление о речевом поведении и коммуникативных тактиках участников в разных ситуациях.

В данной статье мы ставим целью дать описание случаев субкодовых переключений и смешений в мультикультурной среде, имеющих высокую частотность, а также определить их участие в мене коммуникативных ролей на материале художественных текстов современной английской писательницы. Актуальность обсуждаемых нами аспектов языковых контактов в данной статье обусловлена языковой ситуацией и социально-культурным контекстом, описываемыми в произведениях Зэди Смит. Подвергаются анализу варианты субкодовых переключений и их реализация в секвенциях участников коммуникативного акта. Новизна исследования заключается в новом подходе к анализу контекстов, где кодовые и субкодовые переключения и смешения рассматриваются вместе с меной коммуникативных ролей в диалогическом взаимодействии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили три произведения Зэди Смит: «Белые зубы» (White Teeth, 2000), «Северо-Запад» (NW, 2012) и «Время свинга» (Swing Time, 2016). Количество проанализированного материала составляет 1333 страницы.

Так как целью данного исследования является описание субкодового переключения и смешения, а также их участия в мене коммуникативных ролей, необходимо решить следующие задачи: (1) определить суть субкодового переключения и смешения для конкретной языковой ситуации и описываемого в произведениях социокультурного контекста, (2) описать семантические, прагматические и структурные особенности субкодовых переключений и смешений, (3) проанализировать мену коммуникативных ролей в описываемом социокультурном пространстве, (4) выявить взаимосвязь упомянутых выше коммуникативных процессов и определить их социальный смысл.

В исследовании мы используем качественный контент-анализ, который ориентирован на идиографический подход, опирающийся на индуктивный

метод в познании. В основе такого подхода лежит попытка охватить всю сложность описываемых явлений, понять взаимосвязь между ними, подчеркивая их единичность и общность одновременно. Метод лингвистического анализа (описательно-аналитический метод, лингвостилистический, лексико-семантический, контекстуальный, дискурс-анализ), а также фонетический анализ были использованы на отдельных этапах исследования.

Субкодовое переключение — это переход говорящего в процессе речевого общения с одного стиля, диалекта или варианта на другой в зависимости от условий коммуникации и тактики говорящего. В отличие от кодового переключения участники могут оставаться в рамках одной языковой системы, при этом используя интерсентенциальные и интрасентенциальные вставки. Термины *переключение кодов* и *смешение кодов* используются при описании различных форм двуязычного поведения [Milroy, 1995; Gumperz, 1982].

Наряду с *переключением кодов* используется термин *смешение кодов* (СК) [Annamalai, 1989; Singh, 1985], который, согласно мнению ряда ученых, является гипонимом по отношению к первому термину [Muysken, 2000], в то время как другие ученые считают СК гиперонимом. Синтаксический принцип дифференциации этих терминов зависит от того, реализуется ли это явление внутри предложения (интрасентенциально) или между предложениями (интерсентенциально). В первом случае некоторые ученые предпочитают говорить об СК, а во втором — о переключении кодов [Чиршева, 2017; Гаврилова, 2013]. Наряду с синтаксическим подходом существуют социолингвистический и психолингвистический подходы, в рамках которых различают «непроизвольное», или спонтанное, СК и мотивированное, то есть целенаправленное, переключение кодов [Мутылина, 2011]. Ориентируясь на социум, К. Майерс-Скоттон вводит термины *модель маркированности* и *набор прав и обязанностей* [Myers-Scotton, 1993]. Так, если говорящий следует немаркированному набору прав и обязанностей, то он поступает в соответствии с ожиданиями слушающего, в то же время маркированный выбор отмечается как особенный и требует повышенного внимания для декодирования смысла, так как такой выбор выходит за рамки традиционного набора прав и обязанностей.

Перечисленные выше подходы также применимы к субкодовому переключению, то есть выбору субкода в рамках одной языковой системы в зависимости от коммуникативной ситуации, задач и установок.

Категория маркированности применяется также в социальных ситуациях, когда участники коммуникативного акта проявляют положительные или отрицательные эмоции, применяя целый ряд конверсационных элементов (симультанное говорение, перебивание, повторы). Немаркирован-

ные социальные ситуации характеризуются лишь обменом информацией и находятся в рамках постулатов Грайса и Лича [Грайс, 1985].

В процессе коммуникации происходит взятие речевого шага или нескольких шагов, а также речевого хода, или мена коммуникативных ролей, [Henne, 1982]. Это особый способ организации содержательной стороны разговора, результат которого определяется прагматическими пресуппозициями коммуникантов, их интенциями и контекстом. Родоначальниками концепта мены коммуникативных ролей являются Г. Сакс, Э. Щеглофф и Г. Джефферсон. Исследователи работали в рамках метода анализа разговоров, то есть конверсационного анализа, направляя основной фокус внимания на очередность в разговоре. Э. Щеглофф ввел термин *разговор-во-взаимодействии*, тем самым подчеркивая синтаксическую и психологическую сложность, стоящую за высказыванием [Schegloff, 1984]. Действительно, речевой шаг сопровождается метакоммуникативными сигналами, которые не несут содержательной стороны, однако выполняют функцию поддержания разговора и способствуют коммуникативной удаче.

Наш исследовательский интерес определяется вопросом о роли субкодового переключения в диалогическом взаимодействии и о его влиянии на очередность репликовых шагов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

На основании собранного материала мы выделили преднамеренные и непреднамеренные субкодовые включения. Преднамеренное использование другого стиля относится к субкодовому переключению и мотивировано разными причинами и установками. Непреднамеренный переход в речи, или спонтанное включение, относится к субкодовому смещению и также имеет под собой ряд причин.

3.1. Субкодовое смещение

Спонтанный, неконтролируемый участником переход на другой язык называется смещением кодов [Казакевич, 2000]. Такая импульсивность в речи, как правило, связана с ослаблением контроля в связи с неординарной ситуацией. Субкодовое смещение действует по тому же принципу, как видно из примера:

(1) *'I 'ave some materials of readin' for your perusal — 'She fumbled with the lock of the suitcase, flipped the catch with her thumb but neglected to hold the other side of the case. Fifty copies of the Watchtower spilled over the doorstep.*

'Bwoy, me kyant do nuttin' right today —'

'Your name's Clara,' said Ryan slowly. 'You're from my school, ain't ya?'

'Yes, man,' said Clara, so jubilant he remembered her name that she forgot the pain. 'St Jude's' [Smith, 2001, p. 36].

// — *Есть некоторые материалы для изучения... — Она неловко раскрыла свой чемоданчик, не спуская пальца с замка, но низ чемодана не придерживала. Пятьдесят экземпляров «Сторожевой башни» разлетелись по ступеням.*

— *Сёдня все из рук валится! — Она поспешно плюхнулась за ними на землю и оцарапала левую коленку. — Ой!*

— *Тебя зовут Клара, — произнес Райан. — Ты из нашей школы.*

— *Да, — сказала Клара, забывшая о боли от ликования: он помнит ее имя! — Из Святого Иуды [Смит, 2018, с. 52].*

Здесь мы можем наблюдать два репликовых шага со стороны главной героини. Первая реплика героини содержит лексическую единицу книжной лексики (*perusal*), что указывает на формальный характер беседы, которая прерывается нечаянным падением листовок, в результате чего темп произнесения второй реплики увеличивается и трансформируется в ямайский вариант английского языка, который близок героине, имеющей ямайские корни (*Bwoy, me kyant do nuttin' right today*). Перед нами пример акролекта, находящегося высоко в иерархии языковых вариантов посткреольского континуума в силу того, что происходит некое сближение с грамматической и лексикографической формами английского языка, однако мы можем наблюдать излишнюю дифтонгизацию (*bwoy; kyant*) и переход межзубного в глухой [t]. Речевой шаг с субкодовым смешением ускоряет ход, приводя к мене коммуникативных ролей и установлению контакта. Причиной непреднамеренного кодового смешения в этом примере является эмоциональная реакция на неожиданное событие (неловкость), в результате которой коммуникант неосознанно прибегает к родному для него наречию или диалекту, хотя по первой реплике героини мы можем говорить о ее желании соответствовать общепринятым языковым нормам и стандартам.

Если субкодовое смешение происходит за пределами круга «своих», то оно подвергается критике самим говорящим. Исследователи отмечают, что сами билингвы в таких случаях говорят о проявлении «лени» и «грязи» в речи, недопустимых при общении с носителями другого языка [Bhatia, 2004]. Рассмотрим пример субкодового смешения, который вызван эмоциями и является нежелательным для коммуниканта:

(2) *'Now, isn't that strange, Archie?' said Clara, filling in all her consonants. She was already some way to losing her accent and she liked to work on it at every opportunity...It's just we were just talking about you — you're coming to dinner tonight, yes?'*

'Yes, Samad mentioned it,' said Alsana, though Samad had not...

'You're pregnant?' said Clara surprised. 'Pickney, you so small me kyant even see it.'

Clara blushed the moment after she had spoken; she always dropped into the vernacular when she was excited or pleased about something. Alsana just smiled pleasantly, unsure what she had said.

'I wouldn't have known,' said Clara more subdued [Smith, 2001, p. 65].

— *Надо же, какое совпадение, Арчи? — проговорила Клара, произнося все звуки правильно. Она уже говорила почти без акцента и любила при случае практиковаться. Мы только что о вас говорили. Вы ведь сегодня ужинаете у нас, верно?*

— *Да, Самад мне говорил, — ответила Алсана, хотя Самад ничего такого ей не говорил.*

— *Ты беременна? — удивилась Клара. — Пусенька, такой маленький, совсем не видно. Сказав это, Клара тут же покраснела; когда она была чем-то взволнована или обрадована, то опять начинала говорить с акцентом. Алсана только мило улыбалась, не совсем поняв, что та сказала.*

— *Кто бы мог подумать, — добавила Клара, несколько успокоившись [Смит, 2018, с. 94].*

Размеренный темп взятия репликовых шагов нарушается эмоциональным переходом Клары на язык патуа, вызванным радостным удивлением в связи с беременностью знакомой (*Pickney, you so small me kyant even see it*). Здесь мы видим еще более приближенный вариант патуа к стандартному английскому в лексикографическом плане (*pikney* вместо *pikni*) и в грамматическом плане (отсутствие двойного отрицания), тем не менее сохраняется избыточная дифтонгизация. Эти черты говорят о желании героини изменить свой социальный статус, что видно по ее реакции на некодифицированную форму, произнесенную нечаянно. До этой реплики можно судить о размеренном разговоре со своевременной меной коммуникативных ролей. Метакоммуникативные сигналы (полные глагольные формы в вопросах) свидетельствуют о спокойном темпе разговора в соответствии с общепринятыми традициями ведения светской беседы. Разговорная реплика Клары, выходящая за рамки стандартной языковой формы, свидетельствует об эмоциональной составляющей ее родного наречия, к которому она обращается в моменты радостного удивления. Это наблюдение подтверждается ведущими учеными в области многоязычия и эмоций, которые отмечают, что использование родного языка в момент эмоционального всплеска, положительного или отрицательного, происходит неосознанно и автоматически [Kellman, 2000; Kinginger, 2004; Pavlenko, 2014]. Тем не менее для Клары описываемый спонтанный переход является предметом стеснения, чем и объясняется ее смущение и возвращение к «статусной» языковой модели (*I wouldn't have known*), выражающейся полной грамматической формой нереального условия в прошлом.

3.2. Субкодовые и кодовые переключения

В отличие от (суб)кодового смещения (суб)кодовое переключение является ситуативным и мотивированным [Blom, 2000]. В качестве индикаторов субкодового переключения могут выступать как интерсентенциальные вставки, представленные в примерах выше, так и интрасентенциальные включения. Это могут быть отдельные слова или выражения. Чтобы определить функциональную составляющую переключения, необходимо учитывать общий контекст в связи с оппозицией «свой — чужой». Посмотрим на примеры осознанного субкодового переключения с целью оценить его влияние на ход коммуникации.

Одним из таких слов выступает уничижительное жаргонное слово *coconut* (кокосовый орех), которое употребляется в качестве оскорбительной характеристики человека, имеющего смуглый цвет кожи или другие расовые признаки, составляющие его отличие от большинства в обществе, но ни в чем другом не отличающегося от представителей доминирующей группы людей, в Северной Америке ранее именуемой как WASPs (белые англосаксонские протестанты). В Англии это разговорное слово обозначает то же самое и подвергается табуированию. В произведении «Северо-Запад» героиня Кейша, впоследствии изменившая свое имя на более благозвучное *Natali*, которое гармоничнее сочетается с ее приобретенным высоким социальным статусом, вызывает у некоторых ассоциации с табуированным *coconut* как человек, желающий забыть о своих корнях и происхождении. Натали, дочь ямайских эмигрантов, родилась и выросла в неблагополучном районе Лондона Колдвелле, который не существует в реальности, но является двойником настоящего района Килбурн. Ее подруга Ли в разговоре с якобы их с Натали общей знакомой пытается напомнить ей о своей подруге, описывая ее внешность, и вслед за этим в речи собеседницы фиксируется резкая мена коммуникативных ролей:

(1) *'In school was Keisha...Natalie De Angelis now...Used to have a big Afro puff like' — Leah mimes an atomic mushroom behind her own head. Shar frowns. Shar responds by scoffing: — 'Yeah. Up herself. Coconut. Thought she was all that.'* [Smith, 2013, p. 10].

— Вообще-то, в школе она была Кейша. А теперь Натали Де Анджелис. Моих лет. У нее была здоровенная прическа афро... Ли изображает атомный гриб у себя за головой. Шар хмурится.

— Да. Самодовольная. Кокосовый орех. Много о себе думала [Smith, 2013, Перевод мой].

Намеренное субкодовое включение с помощью лексемы *coconut* сигнализирует о выражении оценки, принятой внутри группы, и не требует дешифровки, однако если в беседе есть участник из другой группы, то ис-

ход коммуникации может принимать разные формы вплоть до конфронтации. Реплика, содержащая подобный оценочный код, после некоторой паузы между коммуникантами либо вызывает последующую мену коммуникативных ролей с ускорением темпа разговора, либо является завершающей и не располагает к дальнейшей беседе, как показано в примере выше.

Похожий эффект производит слово *Paki*, произнесенное девочкой младшего подросткового возраста с темным цветом кожи в компании детей и присутствии взрослого человека со светлым оттенком кожи. Являясь уничижительным и табуированным, это слово приводит к завершению диалога, шокируя взрослого участника коммуникации.

(2) *'Whassisname — Mowgli? He looks like Kurshed, don't he? In our class. Don't he?'*

'Yeah, he does,' I called back. 'He looks just like this boy Kurshed in our class.'

'Perhaps his parents are from India.'

'Nah,' said Tracey casually, looking away, out of the window. 'Kurshed's a Paki.' We drove back to the house in silence [Smith, 2017, p. 78].

// — Как его там — Маугли? Он на Куршеда похож, а? У нас в классе. Правда?

— Ага, похож, — отозвалась я. — Вылитый Куршед у нас в классе.

Мать Лили проявила преувеличенный интерес — повернула голову совсем назад, когда мы приостановились у светофора.

— Вероятно, его родители из Индии.

— Не-а, — небрежно ответила Трейси, отвернувшись и глядя в окно. — Куршед — паки.

До самого дома мы ехали в молчании [Смит, 2019, с. 101].

Подруга главной героини Трейси намеренно употребляет разговорные и грамматически ненормативные формы (*Whassisname; Don't he*), выделяя некоторое пренебрежение или надменность перед мамой своей одноклассницы, которая до последнего пытается нормализовать диалог, предлагая приемлемый вариант: родители одноклассника девочек родом из Индии, чем и объясняется внешнее сходство с героем Р. Киплинга. Внешний протест Трейси и желание шокировать женщину не ее привычного окружения толкает героиню на намеренное пересечение социальных границ и игнорирование приличий: она использует лексику (*Paki*) с пейоративным оттенком намеренно, очерчивая границу между «своими» и «чужими», давая понять, что ее оттенок кожи дает ей право пренебречь социальными условностями.

Примеры (1) и (2) демонстрируют случаи субкодового переключения в смешанной группе, где присутствуют «свои» и «не свои», именно по-

этому субкодовое слово не способствует мене коммуникативных ролей, а полностью прекращает диалог. В первом примере разговор происходит между двумя одноклассниками, которые, однако, являются представителями разных социальных слоев, а во втором — между людьми не только разных возрастных категорий, но и разной классовой принадлежности.

Явление социолингвистической вариативности в отношении использования инвективной лексики можно наблюдать в примере со словом *half-caste* (человек смешанной расы), которое изначально не было оскорбительным, однако в процессе формирования социокультурных норм приобрело статус оскорбления. Тем не менее пейоративный оттенок зависит от того, употребляется ли это слово «среди своих» или «среди чужих». В произведении «Время свинга» мама главной героини, имеющая ямайские корни, очень остро реагирует на индикаторы неравенства в обществе, о чем и сообщается нам в начале романа: ... *'half-caste', a word I trembled to write down, as I knew from experience how completely it enraged my mother* [Smith, 2017, p. 32] // ...она была «полукровкой» — это слово я записывала с дрожью, поскольку из своего опыта знала, до чего оно злит мою мать [Смит, 2019, с. 43].

Как и слово *Paki*, лексема *half-caste* является частью субкода и в следующем примере не табуируется, так как употребляется «среди своих»:

(3) *'Jakie.'*

'Irie.'

'Pale, sir! Freckles an'everything. You Mexican?

'No.'

'Arab?'

'Half Jamaican. Half English.'

'Half-caste,' Jackie explained patiently. 'Your mum white?'

'Dad.'

Jackie wrinkled her nose. 'Usually de udder way roun.' [Smith, 2001, p. 273].

— Джеки.

— Айри.

— Ишь ты, светленькая. Даже с веснушками. Ты из Мексики?

— Нет.

— Арабка?

— Мать с Ямайки, а отец англичанин.

— Полукровка, — пояснила Джеки. — Мать, говоришь, белая?

— Нет, отец.

Джеки поморщилась.

— Обычно наоборот [Смит, 2018, с. 361].

Как видно из примера, субкодовое включение с табуированной лексикой не препятствует мене коммуникативных ролей, так как не воспринимается реципиентами как нарушение общего кода и социальных приличий в силу того, что участники коммуникации принадлежат к одной группе.

Кодовые и субкодовые переключения со стороны участника коммуникативного акта могут сигнализировать о желании выразить свою идентичность или о манифестации своей «инаковости». Так, в реплике героя романа «Белые зубы», выходца из Бангладеш, присутствуют интерсентенциональные кодовые включения, которые нацелены на эмоциональный отклик собеседника:

(4) *‘Amar durbol lagche.’*

‘What does it mean?’

‘It means,’ said Samad aloud, without missing a beat, ‘closed-mouth worship of the Creator.’

‘Amar durbol lagche. Wow,’ said Poppy Burt-Jones [Smith, 2001, p. 159].

— Амар дурбол лагче.

— Что это означает?

— Это означает, — вслух сказал Самад, считая удары своего сердца, — безмолвное благоговение перед Аллахом.

— Амар дурбол лагче. Впечатляет, — сказала Понни [Смит, 2018, с. 215].

Фраза с сакральным оттенком *“closed-mouth worship of the Creator”* произносится сначала на родном языке героя в связи с важностью затрагиваемой темы, которая имеет особое значение и эмоциональную привязку. Об эмоциональной связи с родным языком по сравнению с приобретенным писали многие ученые. А. Павленко, специализирующаяся на изучении отношений между двуязычием, познанием и эмоциями, говорит о психологической основе первого языка и его роли проводника основных положительных эмоций в сферах, ассоциированных с ними [Pavlenko, 2014]. Кодовое переключение на бенгальском языке не является центральной темой нашего исследования, однако сказанное то же самое на английском является субкодовым переключением, так как отличается от общего стиля коммуникантов и является частью религиозного дискурса. Тем не менее фразы, произнесенные с особой тональностью и отличающиеся стилистически, вызывают отклик у реципиента и способствуют диалогическому взаимодействию.

Рассмотрим другой пример желания выразить свою идентичность, связанный с употреблением обсценной лексики. Группа подростков во главе с одним из главных героев по имени Миллат демонстративно бросают вызов обществу, создавая конфликтные ситуации в общественных местах.

Возмущаясь ценами на билет, Миллат и его компания используют сочетание ямайского патуа, бенгальского, гуджаратского и английского языков:

(5) *'Please **what**, yeah? One for Bradford, yeah? You get me? One for Bradford. **Chief**.'*

'And would that be a return? For a child?'

*'Yeah, man. I'm fifteen, yeah?' Course I want a return, I've got a **barii** to get back to like everybody else.'*

'That'll be seventy-five pounds, then, please.'

*'You what? Takin' liberties! Seventy — **chaaa**, man. That's moody. I ain't payin' no seventy-five pounds!' ...*

'Somocami! '... [Smith, 2001, p. 230]

— Чего непонятного? Один до Брэдфорда, ага? Уловил? До Брэдфорда. **Голова**, однако.

— Туда и обратно? Детский?

— Ага, чувак. Мне пятнадцать, ага? Как и все, я имею **право** вернуться обратно.

— Тогда с вас семьдесят пять фунтов.

— Чего? Хамство! Семьдесят — **ни фига себе. Кисло**. Я не собираюсь отваливать семьдесят пять фунтов!

— **Сомоками!** [Смит, 2018, с. 308].

Среди слов, относящихся к субкодовому переключению, можно назвать жаргонизм *chief*, характерный для северной части Лондона и означающий в данном контексте 'дурак', а также прилагательное *moody* со значением 'отвратительный и наглый'. Стоит также упомянуть междометное высказывание *Cha*, выражающее крайнюю степень неодобрения. Субкодовые и кодовые переключения в группе «своих» происходят с быстрой меной коммуникативных ролей с частым дублированием вопросов или восклицаний, а также simultанным говорением. Участник, являющийся «чужаком», наоборот, дистанцируется, сводя свою реплику к строгому набору необходимых фраз. В данном отрывке присутствуют два примера кодового переключения: *bari* и *somokami*. Первое слово в переводе с бенгальского означает 'дом, жилище'. Второе слово *somokami* является крайне бранным наименованием человека нетрадиционной ориентации. Использование бранных слов табуируется в обществе в целом, однако в некоторых случаях считается позволительным, например, как катартическое средство, ругательства помогают уменьшить чувство гнева или даже физическую боль [Pinker, 2008, p. 365]. В молодежной среде бранные слова употребляются в силу своей эмотивности, экспрессивности и лапидарности, что значительно ускоряет мену коммуникативных ролей в диалогическом взаимодействии, повышая значимость каждого из коммуникантов. В примере

выше ругательное слово обладает перечисленными чертами, однако наряду с этим данное слово является речевым маркером оценочной категории «чужих» и маркером принадлежности к группе «своих». Многофункциональность употребления инвективной лексики с кодовым переключением заключается в желании выразить свою национальную идентичность, сигнализировать о своей принадлежности к группе, эмоционально парировать оппоненту, а также ускорить темп диалога. Автор останавливается на темпе мены коммуникативных ролей как основном индикаторе в диалогическом взаимодействии.

4. Заключение = Conclusions

Из анализа приведенных примеров (суб)кодового переключения и смешения в речи героев литературных произведений видно, что такие явления имеют глубокие социокультурные и эмоциональные корни. Переключение между различными языковыми (суб)кодами может служить средством выражения идентичности, манифестации своей «инаковости» или принадлежности к определенной социокультурной группе.

Субкодовое смешение, характеризующееся спонтанным переходом на родное наречие в результате эмоционального всплеска, помогает коммуникантам выразить свои эмоции, ослабив некоторое напряжение в определенном социокультурном контексте. Подобные непреднамеренные высказывания продиктованы глубинными психологическими процессами и часто выполняют паллиативную функцию.

Бранные слова и инвективная лексика, рассмотренные в рамках (суб)кодового переключения, хотя и табуируются в обществе, в определенных ситуациях могут быть использованы не только как средство эмоционального выражения, но и как способ выделения своей принадлежности к определенной социокультурной группе.

Таким образом, субкодовое переключение и кодовое переключение являются важными явлениями в современном языковом анализе, отражающими сложную социокультурную динамику и эмоциональные аспекты коммуникации. Осознание этих явлений позволит лучше понять языковые практики и взаимодействие в многоязычных и многокультурных обществах.

Из анализа приведенных примеров субкодового и кодового переключения в речи героев литературных произведений становится ясно, что такие явления играют важную роль в мене коммуникативных ролей и установлении контакта между участниками коммуникации. Темп мены коммуникативных ролей является индикатором качества взаимодействия коммуникантов. Например, субкодовое смешение может привести к быстрой мене коммуникативных ролей, вызывая интерес и ответную реакцию, в то время

как темп смены коммуникативных ролей в кодовом переключении зависит от (не)принадлежности к определенной социальной группе. Участник, не принадлежащий к определенному социальному кругу, может вынужденно отказаться от коммуникативного взаимодействия или принять такое решение из-за нарушения коммуникативного кодекса поведения. Если же коммуниканты находятся в поле «своих», то субкодовые переключения являются маркерами принадлежности и никак не препятствуют смене коммуникативных ролей, указывая на психологический комфорт и непринужденность беседы.

Рассмотрение смены коммуникативных ролей в рамках (суб)кодового переключения и смещения позволяет проанализировать диалогическое взаимодействие в условиях сложного и гетерогенного в мультикультурном плане контекста, раскрывая нюансы не только межличностного общения, но и «лингвистических уловок», декодирование которых может обогатить понимание некоторых культурных процессов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Смит З.* Белые зубы / З. Смит. — Москва : Эксмо, 2018. — 576 с. — ISBN 978-5-04-094875-8.
2. *Смит З.* Время свинга / З. Смит. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-04-090843-1.
3. *Smith Z.* NW / Z. Smith. — London : PINGUIN BOOKS, 2013. — 342 p. — ISBN 978-0-241-96526-9.
4. *Smith Z.* Swing Time / Z. Smith. — London : PINGUIN BOOKS, 2017. — 454 p. — ISBN 9780141036601.
5. *Smith Z.* White Teeth / Z. Smith. — London : PINGUIN BOOKS, 2001. — 548 p. — ISBN 9780140276336.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.
2. *Гаврилова В. Г.* Этноидентифицирующая функция переключения и смещения кодов / В. Г. Гаврилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6. — С. 53—56.
3. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — 1985. — Выпуск 16. — С. 217—237.
4. *Казакевич О. А.* Смешение и переключение кодов в речи северных селькупов / О. А. Казакевич // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — С. 14—21.
5. *Моль А.* Социодинамика культуры / А. Моль. — Москва : Издательство ЛКИ, 2007. — 404 с. — ISBN 5-484-00001-7.

6. Мутылина А. Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине) / А. Ю. Мутылина // Вестник ИГЛУ. — 2011. — Выпуск 1. — С. 52—60.
7. Чиршева Г. Н. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье / Г. Н. Чиршева, П. В. Коровушкин // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 48. — С. 84—97. — DOI: 10.17223/19986645/48/6.
8. Annamalai E. The language factor in code mixing / E. Annamalai // International Journal of the Sociology of Language. — 1989. — Vol. 74. — Pp. 47—54.
9. Bhatia T. K. Social and Psychological Factors in Language Mixing, Handbook of Bilingualism / T. K. Bhatia, W. C. Ritchie. — New Jersey : Blackwell Publishing, 2004. — Pp. 336—352.
10. Blom Jan-Petter. Social meaning in linguistic structures : Code switching in northern Norway. The Bilingualism Reader / Jan-Petter Blom, J. Gumperz. — London : Routledge, 2000. — Pp. 111—137. — ISBN 9781003060406.
11. Gumperz J. Discourse Strategies / J. Gumperz. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982. — 225 p.
12. Henne H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. — New York : Gruyter, 1982. — 336 p.
13. Kellman S. The Translingual Imagination / S. Kellman. — London : University of Nebraska Press, 2000. — 134 p.
14. Kinginger C. Bilingualism and emotion in the autobiographical works of Nancy Huston / C. Kinginger // Journal of Multilingual and Multicultural Development. — 2004. — V. 25(2/3). — Pp. 159—178.
15. Milroy L. One Speaker, Two Languages / L. Milroy, P. Muysken. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 365 p.
16. Muysken P. Bilingual Speech, a Typology of Code-Mixing. Cambridge / P. Muysken. — UK : Cambridge University Press, 2000. — 306 p.
17. Myers-Scotton C. Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching / C. Myers-Scotton. — Oxford : Clarendon Press, 1993. — 285 p.
18. Pavlenko A. The Bilingual Mind / A. Pavlenko. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 154 p.
19. Pinker S. The Stuff of Thought / S. Pinker. — London : PINGUIN BOOKS, 2008. — 500 p.
20. Schegloff E. A. On some questions and ambiguities in conversation / E. A. Schegloff. — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — Pp. 28—52.
21. Singh R. Grammatical constraints on code-switching : Evidence from Hindi-English / R. Singh // Canadian Journal of Linguistics. — 1985. — Volume 30. — Issue 1. — Pp. 33—45.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

Smith, Z. (2013). *NW*. London: PINGUIN BOOKS. 342 p. ISBN 978-0-241-96526-9.
Smith, Z. (2017). *Swing Time*. London: PINGUIN BOOKS. 454 p. ISBN 9780141036601.
Smith, Z. (2019). *Swing time*. Moscow: Eksmo. 480 p. ISBN 978-5-04-090843-1. (In Russ.).
Smith, Z. (2001). *White Teeth*. London: PINGUIN BOOKS. 548 p. ISBN 9780140276336.
Smith, Z. (2018). *White teeth*. Moscow: Eksmo. 576 p. ISBN 978-5-04-094875-8. (In Russ.).

References

- Annamalai, E. (1989). The language factor in code mixing. *International Journal of the Sociology of Language*, 74: 47—54.
- Barth, R. (1989). *Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. 616 p. (In Russ.).
- Bhatia, T. K., Ritchie, W. C. (2004). *Social and Psychological Factors in Language Mixing, Handbook of Bilingualism*. New Jersey: Blackwell Publishing. 336—352.
- Blom Jan-Petter., Gumperz, J. (2000). *Social meaning in linguistic structures: Code switching in northern Norway. The Bilingualism Reader*. London: Routledge. 111—137. ISBN 9781003060406.
- Chirsheva, G. N., Korovushkin, P. V. (2017). Mixed statements of bilingual children in a Russian-speaking family. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 48: 84—97. DOI: 10.17223/19986645/48/6. (In Russ.).
- Gavrilova, V. G. (2013). Ethnoidentifying function of switching and mixing codes. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6: 53—56. (In Russ.).
- Grice, G. P. (1985). Logic and speech communication. *New in foreign linguistics*, 16: 217—237. (In Russ.).
- Gumperz, J. (1982). *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.
- Henne, H., Rehbock, H. (1982). *Einführung in die Gesprächsanalyse*. New York: Gruyter. 336 p.
- Kazakevich, O. A. (2000). Mixing and switching codes in the speech of the northern Selkups. In: *Speech communication in conditions of linguistic heterogeneity*. Moscow: Editorial URSS. 14—21. (In Russ.).
- Kellman, S. (2000). *The Translingual Imagination*. London: University of Nebraska Press. 134 p.
- Kinging, C. (2004). Bilingualism and emotion in the autobiographical works of Nancy Huston. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 25(2/3): 159—178.
- Milroy, L. (1995). *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 365 p.
- Mol, A. (2007). *Sociodynamics of culture*. Moscow: LKI Publishing House. 404 p. ISBN 5-484-00001-7. (In Russ.).
- Mutyulina, A. Yu. (2011). On the differentiation of the concepts of “switching” and “mixing codes” (on the example of oral speech of Russian-Chinese bilinguals in Beijing). *Bulletin of the IGLOO*, 1: 52—60. (In Russ.).
- Muysken, P. (2000). *Bilingual Speech, a Typology of Code-Mixing*. Cambridge. UK: Cambridge University Press. 306 p.
- Myers-Scotton, C. (1993). *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press. 285 p.
- Pavlenko, A. (2014). *The Bilingual Mind*. Cambridge: Cambridge University Press. 154 p.
- Pinker, S. (2008). *The Stuff of Thought*. London: PINGUIN BOOKS. 500 p.
- Schegloff, E. A. (1984). *On some questions and ambiguities in conversation*. Cambridge: Cambridge University Press. 28—52.
- Singh, R. (1985). Grammatical constraints on code-switching: Evidence from Hindi-English. *Canadian Journal of Linguistics*, 30 (1): 33—45.

*The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Кулешова А. В. Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов : функционально-прагматический и функционально-семантический подходы / А. В. Кулешова, Т. В. Слестникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 84—103. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-84-103.

Kuleshova, A. V., Slastnikova, T. V. (2024). Discourse Markers in Works of Russian Linguists: Functional-Pragmatic and Functional-Semantic Approaches. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 84-103. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-84-103. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов: функционально-прагматический и функционально-семантический подходы

Кулешова Анна Васильевна¹

orcid.org/0009-0002-1494-5462

кандидат филологических наук, доцент

кафедра французского языка

корреспондирующий автор

ksas3@yandex.ru

Слестникова Тамара Васильевна²

orcid.org/0000-0001-9455-0254

кандидат филологических наук, доцент

кафедра романских языков

и лингводидактики

tomas59@mail.ru

¹Высшие курсы иностранных языков

Министерства иностранных дел

Российской Федерации

(Москва, Россия)

²Московский городской

педагогический университет

(Москва, Россия)

Discourse Markers in Works of Russian Linguists: Functional-Pragmatic and Functional-Semantic Approaches

Anna V. Kuleshova¹

orcid.org/0009-0002-1494-5462

PhD in Philology, Associate Professor

Department of French Language

Corresponding author

ksas3@yandex.ru

Tamara V. Slastnikova²

orcid.org/0000-0001-9455-0254

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Romance Languages

and Applied Linguistics

tomas59@mail.ru

¹Higher Language Training Courses

of the Ministry of Foreign Affairs

of the Russian Federation

(Moscow, Russia)

²Moscow City University

(Moscow, Russia)

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме дискурсивных маркеров, освещаемой в работах российских ученых. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления существующих научных подходов к рассмотрению данных языковых единиц. Выполнен обзор научных трудов исследователей XX—XXI веков. Охарактеризованы ключевые позиции в трактовке дискурсивных маркеров в рамках таких лингвистических подходов, как функционально-прагматический и функционально-семантический. Уделяется внимание таким аспектам изучения данного языкового феномена, как терминологическая номинация и принадлежность к языковому классу или языковой категории. В статье рассматриваются функции дискурсивных маркеров в каждом из обозначенных подходов. Отмечается полифункциональность отдельных дискурсивных маркеров. Представлены результаты сопоставительного анализа известных на настоящий момент типологий и классификаций. В результате авторы приходят к выводу о необходимости классификации дискурсивных маркеров на основе нескольких показателей данных языковых единиц. Констатируется факт преобладания функционально-прагматического подхода в исследованиях дискурсивных маркеров. Признается нерешенным вопрос терминологической номинации. Отмечается перспективность дальнейших исследований в области дискурсивных маркеров с позиции других подходов.

Ключевые слова:

дискурс; дискурсивная частица; дискурсивный маркер; типология дискурсивных слов.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of discourse markers as illuminated by the works of Russian scholars. The relevance of the study is justified by the necessity of theoretical understanding of existing scientific approaches to the examination of these linguistic units. A review of scholarly works from the XX—XXI centuries is conducted. Key positions in the interpretation of discourse markers within linguistic approaches such as functional-pragmatic and functional-semantic are characterized. Attention is given to aspects of studying this linguistic phenomenon, such as terminological nomination and belonging to a language class or category. The functions of discourse markers in each of the identified approaches are discussed in the article. The polyfunctionality of individual discourse markers is noted. The results of a comparative analysis of current typologies and classifications are presented. As a result, the authors conclude on the necessity of classifying discourse markers based on several indicators of these linguistic units. The predominance of the functional-pragmatic approach in discourse marker research is acknowledged. The unresolved issue of terminological nomination is recognized. The potential for further research in the field of discourse markers from the perspective of other approaches is highlighted.

Key words:

discourse; discourse particle; discourse marker; typology of discourse words.

Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов: функционально-прагматический и функционально-семантический подходы

© Кулешова А. В., Сластникова Т. В., 2024

1. Введение = Introduction

В течение долгого времени дискурсивные маркеры представляли собой предмет изучения главным образом зарубежных лингвистических исследований. Однако в последние десятилетия в связи с повышением интереса к исследованию различных дискурсивных практик [Ирисханова, 2014; Карасик, 2016; Михалева и др., 2022; Сулейманова, 2017; Шилихина и др., 2023] эта тема всё чаще поднимается в отечественных лингвистических кругах. Значимость подобных языковых единиц неоспорима. Они принимают участие в построении дискурса, обеспечивают его связность и целостность, помогают собеседникам устанавливать контакт и правильно интерпретировать высказывание.

Между тем по-прежнему остаются нерешенными некоторые проблемы. Во-первых, вопрос терминологической номинации. Напомним, что российский ученый С. В. Гринев-Гриневиц подчеркивает важность определения языковых единиц, призванных обозначить явления, которые изучаются в конкретной науке, и одновременно положение других специальных лексических единиц путем соотнесения именно с термином. Для правильного понимания сущности термина, по мнению автора, следует сформулировать приемлемое для всех определение на основе критического рассмотрения существующих дефиниций [Гринев-Гриневиц и др., 2022, с. 710]. Вариативность использования различных терминов по отношению к рассматриваемому языковому феномену достаточно высока. В отечественных исследованиях мы встречаем такие обозначения, как «дискурсивное слово» [Баранов и др., 1993; Викторова, 2014в; Ерофеева и др., 2019; Карасик, 2016; Киселева и др., 1998; Манаенко, 2017; Падучева и др., 2008; Хачатурян, 2000; Хитина, 2005; Шерстяных, 2016; Шляхов и др., 2022], «дискурсив» [Викторова, 2014а], «дискурсивные маркеры» [Голованова и др., 2018; Кибрик и др., 2009; Когут, 2016; Корсакова, 2017; Массалина и др., 2009; Путина, 2021; Хилханова и др., 2019; Шилихи-

на и др., 2023], «прагматемы» [Богданова-Бегларян, 2014], «дискурсные маркеры» [Каменский, 2007], «дискурсивные частицы» [Иванов, 2019; Кацман, 2017], «дискурсивные единицы» [Богданова-Бегларян, 2015], «дискурсивные элементы» [Авакова, 2017], «прагматические маркеры» [Богданова-Бегларян, 2019], «дискурсивные формулы» [Бейлинсон, 2008; Рахилина и др., 2021] и другие. Во-вторых, нет единого мнения относительно лингвистического статуса подобных языковых единиц. В-третьих, сложно определить четкие границы дискурсивных маркеров, а также обозначить критерии их выделения. В-четвертых, проблема типологизации и классификации. Процесс возникновения новых дискурсивных маркеров и переход некоторых из них в категорию устаревших, а также наличие множества подходов к исследованию данных языковых единиц не позволяют на настоящий момент представить их единую типологию и классифицировать по какому-то одному признаку в отдельно взятом языке. Последним нерешенным вопросом, который мы хотели бы обозначить, является проблема функционирования дискурсивных маркеров в разных типах дискурса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Еще в начале XX века лингвисты начинают проводить анализ единиц, выражающих субъективное отношение говорящего к сказанному и обеспечивающих связность речи. Так, например, А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» выделяет класс слов, которые «определяют сочетания со стороны тех или иных отношений, дают смысл или раскрывают значение этих сочетаний». Называя эти единицы союзами, ученый выделяет соединительные союзы, а также «союзы, обнаруживающие волю, настроение говорящего в пределах предложения» [Шахматов, 1925, с. 99], или выражающие мысли и цели говорящего.

Затем Л. В. Щерба, анализируя части речи в русском языке, приходит к выводу о существовании неких слов и выражений, которые нельзя отнести ни к какой из известных категорий. Формально это могут быть наречия, союзы, частицы, междометия (*надо, пора, жаль, черт вас всех подери! ах! уж и другие*), однако их функционирование в речи ставит под вопрос однозначное отнесение их к той или иной части речи [Щерба, 2004].

Другой классик отечественного языкознания В. В. Виноградов изучает модальные («вводные») слова и частицы, называя их частичными словами (*знать, дескать, мол, чай, де и т. п.*), ученый характеризует их как единицы, которые «не способны быть потенциальным минимумом предложения и лишены самостоятельного значения» [Виноградов, 1947, с. 10]. Исходя из этого определения, мы можем прийти к выводу о том, что В. В. Виноградов так же, как и его предшественники и современники, предпринимает

попытки исследования того, что в современной лингвистике обозначается *дискурсивными маркерами*.

С середины XX века в отечественной лингвистике начинается активное изучение данных языковых единиц в рамках становления коммуниктивно-прагматического подхода как основного в филологических исследованиях, а затем они становятся предметом исследования и с позиции других теоретических подходов и теорий.

В связи с этим теоретическую базу данного исследования составляют труды отечественных специалистов, рассматривающих дискурсивные маркеры в рамках функционально-прагматического [Богданова-Бегларян, 2014; Богданова-Бегларян, 2019; Викторова, 2014а; Викторова, 2014б; Викторова, 2014в; Хачатурян, 2000; Шилихина и др., 2023] и функционально-семантического подходов [Баранов и др., 1993; Голованова и др., 2018; Зализняк и др., 2018; Иванов, 2019; Кацман, 2017; Хилханова и др., 2019].

При этом дискурсивные маркеры изучались и продолжают активно анализироваться в разных типах дискурса как в устной [Богданова-Бегларян, 2014; Богданова-Бегларян, 2019; Викторова, 2014б; Голованова и др., 2018; Ерофеева и др., 2021; Кибрик и др., 2009; Корсакова, 2017; Хитина, 2005; Шилихина и др., 2023], так и в письменной речи [Авакова, 2017; Викторова, 2014б; Викторова, 2014в; Зализняк и др., 2018; Когут, 2016; Михалева и др., 2022; Шерстяных, 2016].

Целью данной статьи является критический обзор некоторых из существующих в отечественной лингвистике точек зрения в отношении дискурсивных маркеров, сопоставлении и осмыслении функционально-прагматического и функционально-семантического подходов к исследуемому языковому явлению, выявление общих положений, а также различий в представлении данного феномена.

Основными методами исследования являются общелогические методы, такие как метод обобщения, анализа и синтеза; метод сравнения как метод эмпирического исследования, а также методы систематизации научного знания: типологизации и классификации.

В данной статье в качестве базового и наиболее точно отражающего сущность анализируемого понятия мы принимаем термин *дискурсивный маркер* (далее — ДМ).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Функционально-прагматический и дискурсивно-прагматический подходы в исследовании дискурсивных маркеров

Многие отечественные ученые рассматривают ДМ с позиции функционального и / или прагматического, а также дискурсивного подхода. Так,

например, Е. В. Хачатурян обозначает ДМ как *дискурсивные слова* и представляет их как текстообразующий элемент, улучшающий связность текста и устанавливающий отношения между коммуникантами. Кроме того, ДМ выражают отношение говорящего к сказанному и придают дополнительную характеристику содержанию высказывания (например, *guarda, cap/sc/* выделяют важную информацию, *diciamo* — неточную, *figurati, senti senti, ma guarda* — непредвиденную информацию, противоречащую знанию или ожиданиям говорящего) [Хачатурян, 2000, с. 7]. Иначе говоря, ДМ выполняют прагматические функции и представляют собой средство выражения категорий модальности и оценочности.

В качестве ДМ на примере итальянского языка ученый исследует полностью или частично десемантизированные отглагольные лексические единицы, выступающие в функции дискурсивных слов. Автор рассматривает ДМ как отдельный класс и представляет свою классификацию анализируемых единиц. ДМ делятся на три группы в зависимости от типа глагольной основы: 1) глаголы речевой коммуникации и слухового восприятия (*dire, parlare, sentire, ascoltare*), а также глаголы мысли и знания (*credere, pensare, capire, sapere*); 2) глаголы зрительного восприятия и воображения (*vedere, guardare, figurarsi*); 3) глаголы, исходное значение которых никак не связано с процессом коммуникации: *dai* (от *dare*), *ma va' / va 'la'* (от *andare*), *scusa* (от *scusar*) [Хачатурян, 2000, с. 27].

Рассмотрим точку зрения Е. Ю. Викторовой. Автор обозначает анализируемый языковой феномен как *дискурсивное слово* или *дискурсив*, ставя знак равенства между этими терминами. Дискурсивные слова исследуются на материале научного дискурса и понимаются в этом случае как вспомогательные коммуникативные единицы, а именно: лексические единицы и устойчивые речевые обороты, помогающие коммуникантам создавать и воспринимать дискурс. Анализируя данное определение, мы приходим к выводу, что оно схоже с понятием дискурсивных формул, выводимых Е. В. Рахилиной и другими исследователями [Бейлинсон, 2008; Рахилина и др., 2021].

Е. Ю. Викторова не выделяет рассматриваемые слова ни в отдельный класс, ни в самостоятельную категорию. Однако она отмечает, что данная группа включает в себя вводно-модальные слова и обороты, союзы, частицы, модальные глаголы, слова знаменательных частей речи, междометия, и они классифицируются автором в соответствии с выполняемыми подобными словами функциями. Ученый выделяет дискурсивы-регулятивы, обеспечивающие связь между коммуникантами (*безусловно, certainly, довольно, мы предполагаем, приведем вывод, принципиально важно, именно, ну, скажем, even, only, I think, our study shows, I will illustrate this again, it is clear, actually, well, so*), и дискурсивы-организаторы, выполняющие тек-

стовую функцию (*начнем рассмотрение темы с..., итак, таким образом; в первую очередь, во-первых, как известно, отсюда, то есть, we'll start with, hence, to summarize, first of all, in the first place, I mentioned before, as we all know, therefore*) [Викторова, 2014б, с. 16—17].

В рамках данного подхода интересным видится исследование ДМ С. В. Когут, также обращающейся к изучению научного дискурса. Относя ДМ к некоему классу, в который входят разные частеречные единицы, ученый справедливо отмечает недостаточность одного лишь морфосинтаксического критерия для отнесения того или иного слова к этому классу [Когут, 2016]. В качестве основного показателя единицы как ДМ автор обозначает их функции и выделяет соответствующие типы функциональных ДМ:

1) ДМ, обеспечивающие глобальную связность (*в данной статье речь пойдет о; во-первых, во-вторых; итак; перейдем к анализу; как говорилось выше; как отмечено в работе X*) и локальную связность (*другими словами, то есть; однако; тем не менее; например; к примеру*) научного дискурса; 2) ДМ, выполняющие прагматические функции. К ним относятся ДМ, отражающие процесс взаимодействия говорящего и слушающего (*согласно; как пишет...; известно, что...; понятно, что...; не секрет, что...; общеизвестно; как известно*), а также ДМ, передающие отношение говорящего к сказанному (*возможно, очевидно, по-видимому, фактически, в сущности, к сожалению*) [Когут, 2016, с. 160—161].

Кроме того, автор, как и Е. Ю. Викторова [Викторова, 2014в], отмечает полифункциональность ДМ, то есть способность выполнять одновременно несколько функций. Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что любое слово или объединение слов, выполняющее обозначенные автором функции, является ДМ. Таким образом, мнение о функциональном критерии как единственном базовом для определения той или иной единицы как ДМ также можно поставить под сомнение.

Опираясь на исследования И. П. Массалиной и Е. Ю. Викторовой, О. И. Литвишко сопоставляет функционирование ДМ русского и английского языков в юридическом дискурсе, а именно на материале государственных политико-правовых документов. Изучая ДМ в русле функционально-прагматического подхода, автор акцентирует внимание на необходимости их междисциплинарного исследования, включая в свой анализ элементы политической лингвистики, социолингвистики, что нам кажется весьма интересным и заслуживающим внимания. Однако свою классификацию автор все же базирует исключительно на прагматическом значении ДМ и для каждого из анализируемых языков выделяет отдельные группы маркеров.

Из представленной О. И. Литвишко классификации следует, что большая часть выявленных групп ДМ свойственна обоим языкам: соединитель-

ные (*и, а, или; and*), противительные (*но, а; but*), причинно-следственные (*что, чтобы; so, as, because*), наречные (*конечно, именно, надо, нужно, вот; together, more than*), добавочные (*что, который (-ая, -ое -ые), если, также, даже, это; also, if*), однако некоторые группы ДМ используются только в русском языке — это лексические фразы (*считаю (что), безусловно, прежде всего, в том числе, в целом, при этом*) — или только в английском языке: с временным значением (*now, tonight, just, today, when*); перформативные (*will ('ll), should*); акцентивные (*this, that, all, that is (that's)*) [Литвишко, 2019, с. 37—40].

К. М. Шилихина и А. В. Малюгина также изучают ДМ с позиции функционального подхода, принимая во внимание прагматическое значение данных единиц. Ученые анализируют ДМ на материале художественного дискурса с точки зрения выполнения ими эмфатической функции. Авторы отмечают в том числе функцию организации дискурса и относят ДМ к классу слов-наречий [Шилихина и др., 2023]. Однако подобная позиция нам кажется не совсем верной. Основываясь на примерах, приводимых авторами (*it should be noted, as truly to tell*), отмечаем, что данная группа слов включает в себя более обширный пласт маркеров, или представленных в сочетании последних, или организующих самостоятельные конструкции.

Говоря о функционально-прагматическом подходе, мы считаем важным рассмотреть позицию Н. В. Богдановой-Бегларян, изучающей дискурсивные слова с точки зрения их использования в устной повседневной речи на материале русского языка. Ученый обозначает их как «прагматемы» ввиду того, что каждый дискурсивный маркер проходит процесс прагматикализации, претерпевая семантические изменения, при этом «повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов» [Богданова-Бегларян, 2014, с. 10]. В класс прагматем автор включает несколько их разновидностей: междометные (*уас! будет тебе! Давай!*) и хезитативные (*э-э вот знаешь что; там (м...м); да там какие-то / эти самые ...я не знаю и другие*) прагматемы; маркеры поиска (*вот так знаете (э...э); это самое / э-э ну это / как его // э-э ну*); маркеры-рефлексивы (*или как сказать? или что? или как это? так скажем и т. п.*); метакоммуникативные маркеры типа: *вы знаете, что; понимаете? да? понимаешь? да?* и др. [Богданова-Бегларян, 2014, с. 11—15].

Отмечаем, что при классификации «прагматем» Н. В. Богданова-Бегларян рассматривает дискурсивные маркеры (*думаю, что; далее значит; знаешь*) как одни из видов, входящий в предлагаемый класс единиц. Однако, как нам кажется, приводимые автором примеры, позволяют говорить о том, что «прагматемы» и есть дискурсивные маркеры, выполняющие различные функции в устной речи. Кроме того, очевидно, что одна и та же

«прагматема» может входить в разные типы, что также может свидетельствовать о тождестве данных понятий.

С позиции функционально-прагматического подхода выполнено также исследование ДМ в молодежной онлайн-коммуникации [Мишиева, 2015]. Терминологически обозначая исследуемые единицы как *дискурсивные маркеры* и определяя их как особый класс единиц, Е. М. Мишиева опирается на точку зрения Б. Фрейзера [Fraser, 1999] и выводит следующую классификацию:

1) комментирующие маркеры: маркеры оценки (*amazingly, amusingly, annoyingly* и др.); маркеры манеры речи (*bluntly, confidentially, crudely* и т. д.); маркеры уверенности/неуверенности (*assuredly, certainly, clearly, conceivably, decidedly*); маркеры последующего эффекта (*at the risk of repeating, once again, to illustrate, to summarize*); маркеры источника информации (*it appears, it is rumored, it is said, reportedly, they say, be like*); маркеры смягчения (*if I may interrupt, unless I misunderstood things/you, if it's not too much trouble...*); маркеры эмфазы (*by no means, by no stretch of the imagination, definitely, I emphasize (strongly); like...*);

2) параллельные маркеры: обращения (имена, обращения по названию профессий: *doctor, bartender, teacher, judge*), местоимения (*you, everyone, everybody, anyone,*), обобщения (*bro, man, dude, guys, ladies, ladies & gentlemen, friends, dear followers*); маркеры недовольства (*damned, for the love of God, for the last time* и др.); маркеры солидарности или ее отсутствия (*that's my boy/girl/man, as your friend / mate, I'm not your bro/mate, dude*); маркеры согласия / несогласия (*right, true, certainly, I couldn't agree more* и т. д.); маркеры удивления (*wow, oh my god, whoa, no way, what*);

3) организационные маркеры: маркеры смены темы (*back to my original point, before I forget, by the way* и т. д.); маркеры противопоставления (*anyway, but, contrariwise, conversely, despite (this / that)* и др.); маркеры детализации / уточнения (*above all, also, alternatively, analogously, and, besides, by the same token*); маркеры причинно-следственной связи (*after all, all things considered, as a result, because of this/that, hence*) [Мишиева, 2015].

Автор так же, как и другие исследователи [Когут, 2016; Массалина и др., 2009], отмечает полифункциональность отдельных маркеров, в частности речь идет о ДМ *like* и *dude*.

В свою очередь И. П. Массалина, обозначая исследуемый языковой феномен как *дискурсивный маркер*, делает акцент прежде всего на его дискурсивных функциях. По мнению ученого, ДМ обеспечивают прежде всего цельность и связность дискурса [Массалина и др., 2009]. При этом автор отмечает, что большинство ДМ полифункциональны и способны осуществлять как внутритекстовые, так и межтекстовые связи. Автор под-

черкивает, что ДМ составляют неестественный функциональный класс единиц, в состав которых входят 15 групп ДМ: идентифицирующие маркеры, или маркеры сходства (*the, this, these, their*), неидентифицирующие маркеры, или маркеры различия (*another, other*); соединительные маркеры (*and*); контрастивные маркеры (*contrariwise, otherwise, contrastingly* и т. д.), локальные маркеры (*here, there, where*); темпоральные маркеры (*simultaneously, then, since, thereafter ...*); concessивные маркеры (*yet, still, anyhow, anyway, besides, at any rate, at all events...*); причинно-следственные маркеры (*then, thus, therefore, so, hence, because of*); целевые маркеры (*for that purpose, in order to, so that*); маркеры образа действия (*as (in) the way, how, the way in which, in the same way (as)*); маркеры условия (*if, in case, assuming (that), on condition (that)...*); детализирующие маркеры (*namely, and, or, the, also, this, that, their, in addition, additionally, on top of it all, above all ...*); результативные маркеры (*finally, in total, so, hence, as a result, consequently* и т. п.); заместительные маркеры (*this, those, that, he, she, one*); перечисляющие маркеры (*firstly, secondly, in the first place ...in the second place, for one thing ...for another thing, for a star*).

Важно отметить, что автор соотносит свою классификацию ДМ с традиционной грамматической классификацией частей речи, выделяя в каждой из групп соответствующие ДМ. В результате ученый выводит 6 групп единиц, выполняющих связующую функцию. К ним относятся союзы (*but, and, or, though, yet*), предлоги (*in contrast, in spite of, for instance*), артикли (*the, a/an*), местоимения (*this, that, their, he, she, one, those, in spite of that, at all events и др.*), наречия (*here, there, yet, still, however, thereafter, therefore, nevertheless, anyhow, anyway, likewise, otherwise, similarly, more than that ...*), а также существительные в составе словосочетаний служебного характера (*on the contrary, in contrast, by way of comparison, on the one hand ... on the other hand*) [Массалина и др., 2009, с. 218—223].

На наш взгляд, выделение двух классификаций не вполне целесообразно, обозначенные ДМ могут быть объединены в одну с детализацией частей речи внутри каждой из обозначенных групп ДМ.

3.2. Функционально-семантический подход в исследовании дискурсивных маркеров

Среди первых ученых, изучавших ДМ с позиции функционально-семантического подхода, были А. Н. Баранов, В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина. В своей книге «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» авторы описали порядка 20 дискурсивных слов (*с трудом, едва, еле, немного, на самом деле, в самом деле, вообще, в принципе, просто* и др.) [Баранов и др., 1993]. Рассматривая ДМ как отдельный класс единиц, ученые делают акцент на роли ДМ в обеспечении связности текста, а также на их

участии в организации процесса взаимодействия говорящего и слушающего: в выражении оценки, мнения собеседников, пресуппозиции и прочего [Баранов и др., 1993, с. 7]. Именно этот труд стал впоследствии отправной точкой для многих исследований в области ДМ.

Так, например, Е. И. Голованова и Ю. И. Корсакова, изучая динамический аспект ДМ в устной речи, как и авторы «Путеводителя...», рассматривают их как особый класс десемантизированных единиц, основная функция которых заключается в регулировании дискурсивного поведения участников коммуникативного акта [Голованова и др., 2018, с. 224]. Е. И. Голованова и Ю. И. Корсакова анализируют ДМ разного «спектра действия», мотивируя это тем фактом, что функциональная семантика исследуемых единиц может меняться с течением времени. На основе этого критерия выбираются ДМ *авось, в принципе, вообще, на самом деле и как ни крути*. Несмотря на имеющиеся различия структуры и грамматических свойств, эти маркеры, по мнению исследователей, выполняют одну и ту же организующую роль в дискурсе. Ученые не выводят какую-либо классификацию ДМ, а лишь констатируют изменения в смысловых акцентах данных маркеров и приходят к выводу о способности ДМ к адаптации в зависимости от характера коммуникации [Голованова и др., 2018].

Работа А. А. Зализняк и Е. В. Падучевой также вписывается в рамки функционально-семантического подхода. Ученые анализируют русские ДМ *пожалуй, никак и все-таки*, так же, как и упомянутые выше исследователи, называя их *дискурсивными словами*. Авторы учитывают опыт объяснения значения ДМ с позиций различных школ семантического анализа, уточняя семантику обозначенных ДМ. Так, например, ДМ *пожалуй* выражает некое предположение, сопровождаемое удивлением. Что касается ДМ *все-таки*, то исследователи приходят к выводу о присущих ему пяти смысловых компонентах: «мнение W»; «мнение не-W»; «аргумент в пользу мнения W»; «аргумент в пользу мнения не-W»; «факт, подтверждающий мнение W». При этом рассматривается функционирование анализируемых ДМ в зависимости от цели высказывания в побудительных, утвердительных и вопросительных предложениях [Зализняк и др., 2018, с. 646—647].

Е. М. Кацман в качестве базового выбирает термин *дискурсивная частица*. Обоснованием данного выбора ученый считает тот факт, что и частицы, и дискурсивные слова выполняют одну и ту же функцию связности текста, отражая при этом процесс взаимодействия коммуникантов. Кроме того, по мнению автора, большинство модальных частиц функционально представляют собой дискурсивные слова [Кацман, 2017]. Данный аргумент нам кажется не совсем корректным, так как в таком случае термин дискурсивная частица может быть применим лишь к части маркеров, но не ко всему

многообразие выявленных на сегодняшний день ДМ. Автор не обозначает свою позицию относительно лингвистического статуса анализируемых частиц. Описывая «дискурсивную частицу» *как раз*, Е. М. Кацман опирается на функционально-семантический критерий и выявляет в качестве основного временное употребление данного ДМ: *...а вдруг да как раз в эту минуту донесется стук мотора*. Помимо этого, автор указывает на временное совпадение двух событий с замещением «темпорального компонента»: *Возможно, как раз теперь такой случай настал*. Среди прочих автор выделяет: пространственное употребление — *как раз за спиной*; использование для обозначения соответствия стандарту — *как раз хватает!*; употребление, акцентирующее рему высказывания — *как раз ложными личностями занимается*; выражение отношения говорящего к позиции собеседника, в частности выражение несогласия с последним или с информацией о положении вещей в тексте — *как раз не отпугивает* [Кацман, 2017, с. 143—146].

Интересным нам кажется исследование Э. В. Хилхановой и Д. Л. Хилханова, которые изучают функционирование ДМ в двуязычном дискурсе на примере бурятского и русского языков. Авторы используют наиболее употребительный термин *дискурсивные маркеры* и в качестве основной функции выделяют функцию структурирования дискурса. Ученые не выделяют ДМ в отдельный класс или категорию, отмечая, что ДМ — это не слова, относящиеся к конкретной части речи. В качестве ДМ могут выступать наречия, союзы, междометия, частицы, фразеологизмы, крылатые слова и т. п. [Хилханова и др., 2019]. Все это многообразие авторы классифицируют на основе функционально-семантических признаков и распределяют ДМ на 11 групп, среди которых выделяемые в том числе и другими исследователями: эфематические [Шилихина и др., 2023], эпистемические [Гладков, 2009; Чепурная, 2017; Миронова, 2023]; аксиологические [Артюхова, 2016].

В. Д. Иванов также проводит свое исследование ДМ в рамках функционально-семантического подхода. Автор рассматривает термин *дискурсивный маркер* как гипероним, с которым соотносит модальные слова, дискурсивные слова и дискурсивные частицы [Иванов, 2019, с. 15], изучению которых и посвящена работа данного исследователя. Подобное разделение нам видится логичным и методологически обоснованным, так как автор не разграничивает полностью эти понятия, а рассматривает их скорее в совокупности. Исследователь классифицирует дискурсивные частицы в соответствии с их этимологическими признаками и некоторыми свойствами на следующие группы: 1) собственно частицы (*äh, ähm, ja*) с интерактивным функциональным назначением; 2) частицы-междометия (*oh, ach, eh, na ja, hm, mhm*) с эмотивным функциональным назначением; 3) наречные частицы (*okay, also, gut*) со структурно-связующим функциональным назначением,

репрезентацией авторского начала, а также маркирующие позитивную реакцию; 4) отрицательные частицы (*nee, doch, nein*) с корректирующим функциональным назначением и маркирующие отрицание [Иванов, 2019, с. 7]. Кроме того, ученый анализирует функции дискурсивных частиц, отмечая их роль в построении и интерпретации высказывания, создании когерентности текста, маркировке последовательности изложения событий, а также в организации тематической связности текста [Иванов, 2019, с. 158].

Рассмотрим точку зрения Е. В. Захаркив, которая анализирует ДМ в письменной речи и обозначает их как *дискурсивные слова*. В своей классификации ДМ автор опирается на теорию М. Халлидея и Р. Хасан [Halliday et al., 1976], а также на концепцию Я. Машлера [Maschler, 2009], разделяя в результате ДМ в зависимости от уровней текста на метатекстовые ДМ (*в общем, итак, с другой стороны, следовательно, точнее, anyway, for example, so, therefore, thus*), структурирующие дискурс; контекстуальные ДМ (*бесспорно, вероятно, возможно, вот, уже, here, in fact, I think, now, perhaps, there*), включающие дейктические ДМ и маркеры эпистемической модальности; и интерперсональные ДМ (*да, нет, ну, o!, пожалуйста, like, no, please, well, wow, yeah*), выполняющие следующие функции: апеллятивную, хезитации и выражения эмоций говорящего [Захаркив, 2023, с. 57—58]. Одновременно с этим автор выводит свою типологию этих единиц, основанную на работах отечественных ученых [Баранов и др., 1993]. Представленная автором типология, с одной стороны, дублирует обозначенную выше классификацию, а с другой — детализирует ее, учитывая взаимодействие ДМ с контекстом. В этом случае исследователь выделяет функционально-семантические группы ДМ: метадискурсивные маркеры, которые включают в себя ДМ вывода (*в общем, итак, so, thus*), каузальной связи (*следовательно, therefore*), детализации (*точнее*), экзemplификации (*for example*), противопоставления (*с другой стороны, on the other hand, nonetheless, anyway*). Вторая группа — контекстуальные маркеры — делятся на ДМ субъективной модальности (*бесспорно, возможно, вероятно, in fact, I think, perhaps*) и ДМ характеристики ситуации во времени и пространстве (*уже, вот, now, here, there*). В группу интерперсональных ДМ входят реактивные маркеры (*да, нет, yeah, no*), фатические (*пожалуйста, please*), или этикетные маркеры, маркеры хезитации (*ну, well, like*) и эмоциональные ДМ (*o!, wow*) [Захаркив, 2023, с. 64—126]. Таким образом, Е. В. Захаркив изучает ДМ, комбинируя функционально-семантический и функционально-прагматический подходы.

Изучив лишь наиболее значительные подходы в исследовании ДМ, мы можем отметить также интересные исследования с позиции социолингвистики, в которых подчеркивается социальная детерминированность ДМ. Их выбор говорящими обусловлен такими факторами, как тип дискурса,

возраст, социальный статус, профессиональная деятельность [Каменский, 2007, с. 175].

4. Заключение = Conclusions

Обобщая все вышесказанное, констатируем интерес российских лингвистов к углубленному изучению ДМ в различных дискурсивных практиках в устной и письменной речи как на материале одного языка, так и в сопоставлении нескольких языков.

С целью осмысления и систематизации существующих научных подходов в изучении дискурсивных маркеров, предлагаемых отечественными исследователями, нами были детально проанализированы функционально-прагматический и функционально-семантический подходы. Обозначив ключевые позиции в трактовке рассматриваемых языковых единиц, подчеркнем, что первый из них преобладает при анализе и классификации дискурсивных маркеров.

Сопоставительный анализ известных на настоящий момент типологий и классификаций показал, что ученые, смешивая и отождествляя понятия класса и категории, не определяют однозначно свою позицию в данном аспекте исследования: ДМ могут рассматриваться и как отдельный класс, и как отдельная категория.

Принимая существующие классификации, предложенные российскими исследователями, не согласимся, однако, с позицией отнесения частиц к отдельно стоящим дискурсивным маркерам. Отмечаем также возможность перехода ДМ из одного вида в другой, а также их способность выполнять одновременно несколько функций. Многообразие существующих классификаций, не имеющих единой принятой лингвистами основы, не позволяет создать универсальную классификацию изучаемых единиц и, как следствие, приводит к дискуссии об отнесении тех или иных слов и групп слов к ДМ либо к отдельному предложенному типу в различных языках. Изученные классификации и подходы приводят к заключению о недостаточности одного показателя для отнесения слова или группы слов к ДМ. Следовательно, лишь совокупность функциональных, семантических и структурных показателей позволит привести к большей точности их распределения по типам и группам.

В заключение отметим, что несомненный интерес представляют исследования ДМ, как российских, так и зарубежных ученых, с позиции когнитивистики, социолингвистики и грамматики конструкций, получившие наибольшую популярность в последние десятилетия. С нашей точки зрения особого внимания и подробного изучения заслуживают вопросы номинации и типологии изучаемых единиц, а также когнитивные, социолингвистические и другие аспекты дискурсивных маркеров.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Авакова М. Л.* Гендерный аспект функционирования дискурсивных элементов в англоязычной лингвокультуре (на материале дискурса интервью и художественного дискурса) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. Л. Авакова. — Пятигорск, 2017. — 210 с.
2. *Артюхова И. С.* Аксиологические основания концептуального анализа образовательного дискурса / И. С. Артюхова // *Universum : психология и образование*. — 2016. — № 9 (27). — С. 7—10.
3. *Баранов А. Н.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. — Москва : Помовский и партнеры, 1993. — 207 с.
4. *Бейлинсон Л. С.* Дискурсивные формулы профессиональной речи / Л. С. Бейлинсон // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. — 2008. — № 5. — С. 42—46.
5. *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи : определение понятия и общая типология / Н. В. Богданова-Бегларян // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. — 2014. — № 3 (27). — С. 7—20.
6. *Богданова-Бегларян Н. В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи / Н. В. Богданова-Бегларян // *Мир русского слова*. — 2015. — № 3. — С. 11—7.
7. *Богданова-Бегларян Н. В.* Один в поле не воин : о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи / Н. В. Богданова-Бегларян // *Социо- и психолингвистические исследования*. — 2019. — Выпуск 7. — С. 14—19.
8. *Викторова Е. Ю.* Дискурсивные слова : единство в многообразии / Е. Ю. Викторова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика*. — 2014а. — Т. 14. — Выпуск 1. — С. 10—15.
9. *Викторова Е. Ю.* Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи / Е. Ю. Викторова // *Филология и человек*. — 2014б. — № 4. — С. 15—27.
10. *Викторова Е. Ю.* Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов / Е. Ю. Викторова // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2014в. — № 2. — С. 18—22.
11. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва ; Ленинград : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. — 783 с.
12. *Гладров В.* Модальные слова. К вопросу о частях речи / В. Гладров // *Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство*. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — С. 239—248.
13. *Голованова Е. И.* Функциональная семантика дискурсивных маркеров устной речи : динамический аспект / Е. И. Голованова, Ю. И. Корсакова // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. — 2018. — Т. 20. — № 4 (181). — С. 222—241. — DOI: 10.15826/izv2.2018.20.4.078.
14. *Гринев-Гриневиц С. В.* Еще раз к вопросу об определении термина / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, М. А. Молчанова // *Вестник Российского университета*

дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 710—729. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729.

15. *Ерофеева Е. В.* Дискурсивные слова в устной спонтанной речи : социальное, индивидуальное и тематическое варьирование / Е. В. Ерофеева, С. Е. Юшкова // Социо- и психолингвистические исследования. — 2019. — № 9. — С. 15—26.

16. *Зализняк А. А.* Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов : пожалуй, никак, все-таки / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Russian Journal of Linguistics. — 2018. — Vol. 22. — С. 628—652.

17. *Захаркив Е. В.* Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.8 / Е. В. Захаркив. — Москва, 2023. — 226 с.

18. *Иванов В. Д.* Функции дискурсивных частиц в немецком языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. Д. Иванов. — Мытищи, 2019. — 179 с.

19. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.

20. *Каменский М. В.* К вопросу о социолнгвистической парадигме дискурсных маркеров английского языка / М. В. Каменский // Наука. Инновации. Технологии. 2007. — № 50. — С. 171—178.

21. *Карасик В. И.* Дискурсивные слова как эмблемы личности / В. И. Карасик // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 1. — С. 26—34.

22. *Кацман Е. М.* Дискурсивная частица *как раз* и ее функции в составе высказывания / Е. М. Кацман // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 139—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-139-150.

23. *Кибрик А. А.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа : опыт корпусного исследования / А. А. Кибрик, В. А. Подлеская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». — Москва : Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2009. — С. 390—395.

24. *Киселева К. Л.* Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания / К. Л. Киселева, Д. Пайяр. — Москва : Метатекст, 1998. — 446 с. — ISBN 5-89672-005-X.

25. *Корсакова Ю. И.* Дифференциация дискурсивных маркеров устной речи «На самом деле» и «в самом деле» / Ю. И. Корсакова // Челябинский гуманитарий. — 2017. — № 4 (41). — С. 28—33.

26. *Когут С. В.* Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе / С. В. Когут // Сибирский филологический журнал. — 2016. — № 2. — С. 157—163.

27. *Литвишко О. М.* Дискурсивные маркеры в государственных политико-правовых документах (на материале ежегодного послания президента Федеральному собранию РФ и ежегодного послания президента США Конгрессу) / О. М. Литвишко // Филология и человек. — 2019. — № 1. — С. 30—46. — DOI: 10.14258/filichel(2019)1-03.

28. *Манаенко С. А.* Функциональная типология дискурсивных слов / С. А. Манаенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2017. — № 1 (25). — С. 61—66.

29. *Массалина И. П.* Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела / И. П. Массалина, В. Ф. Новодранова. — Калининград : Издательство ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. — 278 с. — ISBN 978-5-94826-258-1.

30. Мишинева Е. М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. М. Мишинева. — Москва, 2015. — 233 с.
31. Миронова М. Ю. Динамика дискурсивных маркеров авторской позиции в англоязычной научной статье / М. Ю. Миронова // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3—2 (54). — С. 484—489.
32. Михалева Е. И. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе / Е. И. Михалева, И. В. Пушинина // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2022. — № 45 (1). — С. 113—124. — DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12.
33. Падучева Е. В. Дискурсивные слова и категории : режимы интерпретации / Е. В. Падучева // Исследования по теории грамматики : Грамматические категории в дискурсе. — Москва : Гнозис, 2008. — Выпуск 4. — С. 56—86.
34. Путина О. Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве вопрос-ответ (на материале русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. Н. Путина. — Пермь, 2021. — 228 с.
35. Рахилина Е. В. Речевые акты как лингвистическая категория : дискурсивные формулы / Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова, С. Ю. Жукова // Вопросы языкознания. — 2021. — № 2. — С. 7—27. — DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.
36. Сулейманова О. А. К вопросу о нормативности письменного академического дискурса / О. А. Сулейманова // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2017. — № 2 (26). — С. 52—61.
37. Хачатурян Е. В. Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Е. В. Хачатурян. — Москва, 2000. — 172 с.
38. Хилханова Э. В. Дискурсивные маркеры в двуязычной речи : вопросы типологии и закономерности функционирования / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Выпуск 7. — С. 256—260. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.55.
39. Хитина М. В. Просодическая архитектура устно-речевого дискурса : На материале русского языка : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.21 / М. В. Хитина. — Москва, 2005. — 387 с.
40. Чепурная А. И. Эпистемическая ответственность в политическом дискурсе (на материале пресс-конференции Д. Трампа) / А. И. Чепурная // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 35—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-35-44.
41. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1925. — 213 с.
42. Шерстяных И. В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы правда) / И. В. Шерстяных // Жанры речи. — 2016. — № 1 (13). — С. 42—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-139-150.
43. Шилихина К. М. Дискурсивные эмфатические маркеры и особенности их функционирования в средневековом английском художественном дискурсе / К. М. Шилихина, А. В. Малюгина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — № 1. — С. 64—75. — DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/1/64-75.
44. Шляхов В. И. Дискурсивные слова в текстах. Учим понимать и применять дискурсивные слова в речевом взаимодействии / В. И. Шляхов, К. Е. Агафонова //

Русский язык за рубежом. — 2022. — № 1 (290). — С. 32—39. — DOI: 10.37632/PI.2022.290.1.004.

45. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 432 с. — ISBN 978-5-382-00617-8.

46. Fraser B. What Are Discourse Markers? / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. — 1999. — Vol. 31. — Pp. 931—952.

47. Halliday M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. — London : Longman, 1976. — 374 p.

48. Maschler Y. Metalinguage in interaction: Hebrew discourse markers / Y. Maschler. — Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. — 280 p.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024,
одобрена после рецензирования 15.06.2024,
подготовлена к публикации 18.06.2024.

References

- Artyukhova, I. S. (2016). Axiological foundations of the conceptual analysis of educational discourse. *Universum: psychology and education*, 9 (27): 7—10. (In Russ.).
- Avakova, M. L. (2017). *The gender aspect of the functioning of discursive elements in English-speaking linguoculture (based on the material of interview discourse and artistic discourse)*. PhD Diss. Pyatigorsk. 210 p. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (1993). *A guide to discursive words of the Russian language*. Moscow: Pomovsky and Partners. 207 p. (In Russ.).
- Beilinson, L. S. (2008). Discursive formulas of professional speech. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5: 42—46. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2019). One in the field is not a warrior: on the “magnetism” of pragmatic markers in Russian oral speech. *Socio- and psycholinguistic studies*, 7: 14—19. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2014). Pragmatems in oral everyday speech: definition of the concept and general typology. *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 3 (27): 7—20. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2015). Reflexive in the system of discursive units of Russian oral speech. *The world of the Russian word*, 3: 11—7. (In Russ.).
- Chepurnaya, A. I. (2017). Epistemic Responsibility in Political Discourse (on Materials of D. Trump’s Press Conference). *Nauchnyi dialog*, 7: 35—44. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-35-44> (In Russ.).
- Chitina, M. V. (2005). *Prosodic architectonics of oral-speech discourse: Based on the material of the Russian language*. Doct. Diss. Moscow. 387 p. (In Russ.).
- Fraser, B. (1999). What Are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*, 31: 931—952.
- Gladrov, V. (2009). Modal words. On the question of parts of speech. In: *Horizons of modern linguistics: Traditions and innovation*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 239—248. (In Russ.).
- Golovanova, E. I., Korsakova, Yu. I. (2018). Functional semantics of discursive markers of oral speech: a dynamic aspect. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities*, 20 / 4 (181): 222—241. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.4.078. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., Molchanova, M. A. (2022). Once again to the question of the definition of the term. *Bulletin of the People’s Friendship University*

- of Russia. *Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 13 (3): 710—729. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729. (In Russ.).
- Halliday, M. A. K., Hasan, R. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman. 374 p.
- Hilkhanova, E. V., Hilkhanov, D. L. (2019). Discursive markers in bilingual speech: issues of typology and patterns of functioning. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12 (7): 256—260. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.55. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ.).
- Ivanov, V. D. (2019). *The functions of discursive particles in the German language*. PhD Diss. Mytishchi. 179 p. (In Russ.).
- Kamensky, M. V. (2007). On the question of the sociolinguistic paradigm of discourse markers of the English language. *Nauka. Innovation. Technologies*, 50: 171—178. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2016). Discursive words as emblems of personality. *Ecology of language and communicative practice*, 1: 26—34. (In Russ.).
- Katsman, E. M. (2017). Discursive Particles kak ras and Its Functions in Utterances. *Nauchnyi dialog*, 12: 139—150. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-12-139-150> (In Russ.).
- Khachaturian, E. V. (2000). *Semantics and syntactics of discursive words of verbal origin in the modern Italian language*. PhD Diss. Moscow. 172 p. (In Russ.).
- Kibrik, A. A., Podleskaya, V. A. (2009). Discursive markers in the structure of an oral narrative: the experience of corpus research. In: *Computational linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual International Conference “Dialogue”*. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities. 390—395. (In Russ.).
- Kiseleva, K. L., Payar, D. (1998). *Discursive words of the Russian language. The experience of contextual semantic description*. Moscow: Metatext. 446 p. ISBN 5-89672-005-X. (In Russ.).
- Kogut, S. V. (2016). Discursive markers in written scientific discourse. *Siberian Philological Journal*, 2: 157—163. (In Russ.).
- Korsakova, Yu. I. (2017). Differentiation of discursive markers of oral speech “In fact” and “in fact”. *Chelyabinsk Humanities*, 4 (41): 28—33. (In Russ.).
- Litvishko, O. M. (2019). Discursive markers in state political and legal documents (based on the material of the annual message of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation and the annual message of the President of the United States to Congress). *Philology and man*, 1: 30—46. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-03. (In Russ.).
- Manaenko, S. A. (2017). Functional typology of discursive words. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1 (25): 61—66. (In Russ.).
- Maschler, Y. (2009). *Metalanguage in interaction: Hebrew discourse markers*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 280 p.
- Massalina, I. P. (2009). *Discursive markers in the English language of naval affairs*. Kaliningrad: Publishing House of FGOU VPO “KSTU”. 278 p. ISBN 978-5-94826-258-1. (In Russ.).
- Mikhaleva, E. I. (2022). Pragmatic features of hedging in academic discourse. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 45 (1): 113—124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12. (In Russ.).
- Mironova, M. Y. (2023). Dynamics of discursive markers of the author’s position in an English-language scientific article. *Cognitive studies of language*, 3—2 (54): 484—489. (In Russ.).

- Mishieva, E. M. (2015). *Discursive markers in online youth communication (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Moscow. 233 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2008). Discursive words and categories: modes of interpretation. In: *Research on the theory of grammar: Grammatical categories in discourse, 4*. Moscow: Gnosis. 56—86. (In Russ.).
- Putina, O. N. (2021). *The functioning of discursive markers in dialogical unity question and answer (based on the material of Russian and English languages)*. PhD Diss. Perm. 228 p. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. (2021). Speech acts as a linguistic category: discursive formulas. *Questions of linguistics*, 2: 7—27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27. (In Russ.).
- Shakhmatov, A. A. (1925). *Syntax of the Russian language*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 213 p. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (2004). *Language system and speech activity*. Moscow: Unified URSS. 432 p. — ISBN 978-5-382-00617-8. (In Russ.).
- Sherstyanykh, I. V. (2016). Discursive words as a means of organizing speech genres (on the example of the lexeme pravda). *Genres of speech, 1 (13)*: 42—49. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-139-150. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M., Malyugina, A. V. (2023). Discursive emphatic markers and features of their functioning in medieval English artistic discourse. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 1*: 64—75. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/1/64-75. (In Russ.).
- Shlyakhov, V. I., Agafonova, K. E. (2022). Discursive words in texts. We teach you to understand and apply discursive words in speech interaction. *Russian language abroad, 1 (290)*: 32—39. DOI: 10.37632/Pl.2022.290.1.004. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A. (2017). On the issue of the normativity of written academic discourse. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education, 2 (26)*: 52—61. (In Russ.).
- Viktorova, E. Y. (2014a). Discursive words: unity in diversity. *Proceedings of the Saratov University. New series. Ser. Philology. Journalism, 14 (1)*: 10—15. (In Russ.).
- Viktorova, E. Y. (2014b). Discursive words of different types in oral and written scientific speech. *Philology and man, 4*: 15—27. (In Russ.).
- Viktorova, E. Y. (2014b). Pragmatic polyfunctionality of discursive words. *Bulletin of the Voronezh State University. Ser. Linguistics and intercultural communication, 2*: 18—22. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1947). *Russian language (Grammatical doctrine of the word)*. Moscow; Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House. 783 p. (In Russ.).
- Yerofeeva, E. V., Yushkova, S. E. (2019). Discursive words in oral spontaneous speech: social, individual and thematic variation. *Socio- and psycholinguistic studies, 9*: 15—26. (In Russ.).
- Zakharkiv, E. V. (2023). *Discursive words in the latest Russian- and English-language poetry*. PhD Diss. Moscow. 226 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Paducheva, E. V. (2018). The experience of semantic analysis of Russian discursive words: perhaps, in no way, after all. *Russian Journal of Linguistics, 22*: 628—652. (In Russ.).

*The article was submitted 05.05.2024;
approved after reviewing 15.06.2024;
accepted for publication 18.06.2024.*

Информация для цитирования:

Оношко В. Н. Лексико-стилистические особенности перевода памятников древнерусской литературы на русский и английский языки (на материале произведения «Слово о полку Игореве») / В. Н. Оношко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 104—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-104-123.

Onoshko, V. N. (2024). Lexical and Stylistic Features of Translating Old Russian Literary Monuments into Russian and English Languages ("The Tale of Igor's Campaign"). *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 104-123. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-104-123. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лексико-стилистические особенности перевода памятников древнерусской литературы на русский и английский языки (на материале произведения «Слово о полку Игореве»)

Оношко Вячеслав Николаевич
orcid.org/0000-0002-8153-6944
кандидат филологических наук,
профессор кафедры лингвистики
и перевода
oslavargf@mail.ru

Вятский государственный
университет
(Киров, Россия)

Lexical and Stylistic Features of Translating Old Russian Literary Monuments into Russian and English Languages ("The Tale of Igor's Campaign")

Vyacheslav N. Onoshko
orcid.org/0000-0002-8153-6944
PhD in Philology, Professor,
Department of Linguistics
and Translation
oslavargf@mail.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей передачи военной лексики памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» на русский и английский языки на примере анализа переводов Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова (современный русский язык), В. Набокова и И. Петровой (английский язык). В ходе исследования были применены следующие методы: метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа, сопоставительный метод, метод количественного анализа. Материалом исследования послужили 34 лексических единицы, применяемые в 128 контекстах. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. (1) Переводчики вышеназванного произведения на русский язык в большинстве случаев заменяли устаревший вариант слова современным, который восходит этимологически к исходному слову, а также при передаче исторического колорита в переводах сохраняли устаревшие слова. (2) В переводах произведения на английский язык стремление к близости перевода к исходному тексту у переводчиков проявилось в использовании полных и частичных эквивалентов, приближенного перевода, а также приема генерализации (подбора слова с более широким значением). Таким образом, в ходе анализа лексических единиц и способов их передачи на современный русский и английский языки было выявлено стремление переводчиков выбрать вариант перевода, наиболее близкий исходной единице.

Ключевые слова:

Слово о полку Игореве; военная лексика; внутриязыковой диахронический перевод; междиязыковой диахронический перевод.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the peculiarities of translating military vocabulary from the Old Russian literary monument “The Tale of Igor’s Campaign” into Russian and English languages through the analysis of translations by D.S. Likhachov, O.V. Tvorogov (modern Russian language), V. Nabokov, and I. Petrova (English language). The study employed methods such as the method of complete sampling, contextual analysis method, comparative method, and quantitative analysis method. The research focused on 34 lexical units used in 128 contexts. Based on the conducted study, the following conclusions can be drawn. (1) Translators of the aforementioned work into Russian mostly replaced archaic words with contemporary ones etymologically related to the original word, while preserving archaic words to convey historical color in translations. (2) Translations of the work into English showed translators’ tendency towards fidelity to the original text through the use of full and partial equivalents, approximate translation, and the method of generalization (selecting a word with broader meaning). Thus, the analysis of lexical units and their translation methods into modern Russian and English languages revealed translators’ inclination to choose the translation variant closest to the original unit.

Key words:

The Tale of Igor’s Campaign; military vocabulary; intra-language diachronic translation; inter-language diachronic translation.

Лексико-стилистические особенности перевода памятников древнерусской литературы на русский и английский языки (на материале произведения «Слово о полку Игореве»)

© Оношко В. Н., 2024

1. Введение = Introduction

При создании художественных произведений писатели, поэты, драматурги нередко обращаются к историческим фактам, что позволяет им выразить свою точку зрения на произошедшее ранее событие, при этом изображая его в произведении аналогично тому, что происходит при жизни автора. Так, сюжет «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина построен на информации одного из фрагментов «Повести временных лет» (ПВЛ, церк.-слав. Повѣсть временныхъ лѣтъ, также «Первоначальная летопись», «Начальная летопись», «Несторова летопись»), а М. Е. Салтыков-Щедрин в своем произведении «История одного города», пародируя летописную форму изображения событий, сатирически изобразил явления эпохи, современником которой он сам являлся.

Однако язык произведений древнерусской эпохи непонятен современному читателю, поскольку языковые нормы и лексика древнерусского языка отличаются от современных норм и лексики русского языка [Маркиш, 1959; Андерс, 1968; Кусков, 2003]. Это приводит к необходимости создания переводов на современный русский язык, а также на другие языки, так как некоторые произведения древнерусской литературы имеют высокую художественную и историческую ценность.

Актуальность исследования определяется сложностью перевода древнерусской литературы на иностранные языки, в том числе и на английский язык, что объясняется большой разницей как между древнерусским и английским языками, так и между культурами носителей этих языков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей передачи лексики памятников древнерусской литературы на современный русский и английский языки. Для достижения указанной цели был опреде-

лен круг задач, основные из которых следующие: 1) рассмотрение определений синхронного и диахронного переводов; 2) изучение особенностей древнерусской литературы и специфики перевода ее исторического колорита; 3) выявление особенностей перевода лексических и стилистических средств древнерусской литературы на современный русский и английский языки. В ходе исследования были применены метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа, сопоставительный метод, метод количественного анализа.

Для изучения лексико-стилистических особенностей перевода памятников древнерусской литературы было выбрано одно из самых известных произведений — «Слово о полку Игореве». Оно посвящено неудачному походу новгород-северского князя Игоря на половцев в 1185 году: полки Игоря Святославича были разгромлены, а сам князь попал в плен. Для изучения особенностей перевода на русский язык были отобраны переводы Д. С. Лихачёва (опубликован в 1969 году) [«Изборник», 1969] и О. В. Творогова (издан в 1986 году) [Слово о полку Игореве, 1986]. Особенности перевода на английский язык рассматриваются на примере переводов В. Набокова 2004 года [Слово о полку Игореве, 2004] и И. Петровой (опубликован в 1981 году) [Слово о полку Игореве, 1981].

История открытия произведения «Слово о полку Игореве» достаточно туманна. Известно, однако, что на рубеже 80—90-х годов XVIII века у А. И. Мусина-Пушкина находился список «Слова о полку Игореве», на основе которого текст произведения был подготовлен к изданию. Первое издание «Слова о полку Игореве» вышло во второй половине 1800 года. Примерно в то же время текст «Слова ...» был переписан для Екатерины II (многие исследователи считают, что эта версия текста появилась в первой половине 1790-х годов). Текст Екатерининской копии отличается от текста издания 1800 года. Список, входивший в состав Мусин-Пушкинского сборника, был утрачен: он сгорел во время пожара [Буланин, 1989]. В данной работе использована версия текста, напечатанная в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”», в основе которой лежит текст издания 1800 года.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Теоретическое обоснование проблемы диахронического двуязычного и межъязыкового перевода

Существование временной дистанции между периодами создания оригинального текста и его переводов позволяет обратиться к понятиям синхронии и диахронии, введённым Ф. де Соссюром [Соссюр, 1999, с. 173]. В. В. Виноградов выделяет синхронный и диахронный виды переводов. Синхронный перевод, согласно В. В. Виноградову, — это перевод, выпол-

ненный в эпоху создания оригинала (даже если переводится исторический роман). Термин *диахронный перевод* учёный использует в случаях, когда оригинал и перевод разделяет значительная временная дистанция, в связи с чем временные уровни языков оригинала и перевода уже нельзя назвать соотносительными, а присущие соответствующим эпохам экстралингвистические характеристики различаются коренным образом [Виноградов, 2001, с. 138—139].

Объектом диахронного (или диахронического) перевода является текст, находящийся на значительной исторической дистанции от читателя. М. П. Баева предлагает называть такие тексты архаическими [Баева, 2019, с. 15]. В своей работе «О лингвистических аспектах перевода» Р. О. Якобсон выделяет три способа интерпретации вербального знака, в соответствии с которыми определяются три типа перевода: межязыковой перевод (собственно перевод), межсемиотический перевод (трансмутация), внутриязыковой перевод (переименование). *Межязыковым переводом* Р. О. Якобсон называет интерпретацию вербальных знаков с помощью другого языка. Термин *межсемиотический перевод* лингвист использует для обозначения интерпретации вербальных знаков с помощью невербальных знаковых систем. Термином *внутриязыковой перевод* он обозначает интерпретацию вербальных знаков посредством вербальных знаков того же языка [Якобсон, 1978, с. 17—18].

Л. Л. Нелюбин в «Толковом переводоведческом словаре» предлагает 5 толкований термина *внутриязыковой перевод*: 1) «перекодирование текста из одного функционального стиля, из одного жанра в другой, пересказ на том же языке, изложение, адаптивное и т. д.»; 2) «то же, что трансформация»; 3) «переименование — интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка»; 4) «переложение одного текста в другой текст того же содержания, но в иной форме в рамках одного и того же языка»; 5) «истолкование словесных знаков посредством того же языка». Пятое толкование Л. Л. Нелюбин дополняет замечанием о том, что примером внутриязыкового перевода можно назвать перевод текстов, написанных на древнерусском языке, на современный русский язык [Нелюбин, 2003, с. 31—32].

3.2. Особенности древнерусской литературы и специфика передачи ее исторического колорита

И. П. Еремин отмечает, что древнерусская литература возникла в XI веке и развивалась до XVII века (до Петровской эпохи), в ней по-своему отражены «различные периоды развития общественных и социальных отношений на Руси» [Еремин, 2013; Кусков, 2003, с. 4]. Историзм, символизм, дидактизм и этикетность (или ритуальность) являются веду-

щими принципами художественного метода древнерусской литературы, который сочетает строгую фактографичность с идеальным преобразованием действительности. Однако проявление этого метода в каждом конкретном произведении является разным и зависит от времени создания этого произведения, его жанра и степени талантливости его автора [Кусков, 2003].

При переводе древнерусских произведений на современный русский язык необходимо учитывать, что с момента их написания произошли большие изменения как в культуре (искусство, быт, мировоззрение, общество), так и в языке (фонетический строй языка, грамматика и т. д.), в связи с чем множество слов перешло в разряд устаревшей лексики.

В соответствии с причинами архаизации Н. М. Шанский подразделяет устаревшие слова на историзмы и архаизмы, последние из которых нередко используются в художественной литературе в основном с тремя стилистическими целями: 1) архаизмы позволяют создать колорит эпохи, воссоздать реальную историческую обстановку и речь героев; 2) архаизмы могут быть использованы для создания торжественного стиля, взволнованно-патетической речи, усиления ораторской напряжённости и гражданского пафоса; 3) архаизмы могут быть одним из средств создания комического, сарказма, сатиры, иронии [Шанский, 1972, с. 144—158].

3.3. Специфика перевода лексико-стилистических особенностей древнерусской литературы на русский и английский языки

3.3.1. Особенности произведения «Слово о полку Игореве»

Учёные, изучавшие произведение «Слово о полку Игореве», отмечают, что автор древнерусского произведения отражает в нём разговорную речь того времени, проявляя при этом высокое мастерство в использовании стилистических и поэтических средств художественной речи. Семантический синкретизм текста вырастает из живого древнерусского языка [Буланин, 1989].

Как отмечает В. В. Колесов, известной особенностью поэтики произведения «Слово о полку Игореве» является его насыщенность тропами и фигурами речи. В этом древнерусском произведении очень распространены метафора и метонимия, металепсис, эпитеты, гипербола. Однако ученый предполагает, что то, в чём современный читатель может видеть проявление какого-либо тропа, на самом деле может быть особой формой выражения языковыми средствами [Энциклопедия ..., 1995]. Так, по мнению В. В. Колесова, все образные средства в памятниках древнерусской литературы определялись возможностями самого языка и служили для семантической конденсации текста при создании нужного символа, а не для украшения [Там же]. Д. С. Лихачёв писал о том, что неизвестный автор произведения «Слова о полку Игореве» прибегает к использованию художественной символики, которая в русском языке того времени была связа-

на с этикетом и общественными отношениями XII века, с военной символикой, трудовым укладом и бытом. Поэтическая выразительность «Слова о полку Игореве» была связана с живой устной русской речью XII века, с устным народным творчеством, с действительностью Древней Руси. Источником образности служило прежде всего то, что волновало древнерусского человека: земледелие, охота, война, феодальные отношения [Лихачев, 2016, с. 252—253].

3.3.2. Специфика перевода военной лексики

Произведение «Слово о полку Игореве» посвящено рассказу о военном походе, поэтому военная лексика играет в этом произведении важную роль. Методом сплошной выборки нами были отобраны из проанализированного материала 34 лексемы, 23 из которых составляют слова, обозначающие оружие, а также снаряжение и некоторые другие предметы, которые воины использовали в походах, 5 лексем представляют участников боевых действий и 6 лексем называют военные действия и их результаты.

3.3.2.1. Особенности перевода названий оружия, снаряжения и иных предметов, которые использовались на поле боя

Первая группа слов, состоящая из 23 лексем, используемых в 80 контекстах произведения «Слово о полку Игореве», обозначает наименования оружия, снаряжения и иные предметы, используемые на поле боя, — это *шеломъ, стрѣла, меч, стрѣлка, сабля, щитъ, стягъ, копѣ, труба, тулъ, стремянь, лукъ, стружѣ, сулица, съдло, хорюговъ, чолка, путины, засапожникъ, папорозъ, носадъ, хоботъ, харалугъ*. Более конкретно проанализируем некоторые из данных лексем.

Наиболее часто встречающейся в произведении лексической единицей является слово *шеломъ* (13 контекстов): *Съ вами, Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону; Куряни свѣдоми къмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны; ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя*. Д. С. Лихачёв (*шлемом испить из Дона*) [«Изборник», 1969] и О. В. Творогов (*шлемом испить из Дона*) [Слово о полку Игореве, 1986] заменяют это древнерусское слово вытеснившим его исторически однокоренным заимствованием из старославянского языка *шлем*. В. Набоков (*sabers shall blunt / against Kuman helmets*) и И. Петрова (*Swords shall be blunted there / On Polovets helmets*) [Слово о полку Игореве, 2004; Слово о полку Игореве, 1981] заменяют его эквивалентом *helmet*. Однако в словосочетании *испити шеломомъ Дону* переводчики используют существительное, образованное с помощью обычного для их переводов существительного *helmet* и суффикса *-ful*: *drink a helmetful of the Don* [Слово о полку Игореве, 2004], *drink a helmetful Of Don water* [Слово о полку Игореве, 1981]. Д. С. Лихачёв в книге «Великое наследие: Классические про-

изведения литературы Древней Руси» отмечал, что испытать воды из реки побеждённой страны в Древней Руси считалось символом победы: подобное выражение используется в Ипатьевской летописи при рассказе об одержанной Владимиром Мономахом победе [Лихачёв, 2016, с. 250—251].

Лексема **стрѣла** встречается в произведении в 8 контекстах: *Быта грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго; Се вътри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! Ярѣ Туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами*. Д. С. Лихачёв [«Изборник», 1969] и О. В. Творогов [Слово о полку Игореве, 1986] в переводах используют слово **стрела** (этимологически восходящее к древнерусскому **стрѣла**): *разлетишись стрелами по полю / помчали красных девушек половецких* [«Изборник», 1969]; *Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! повеяли с моря стрелами* [Слово о полку Игореве, 1986]. Переводчики на английский используют эквивалент **arrows**: *you spurt arrows at warriors, You spray with arrows / The host of the foe* [Слово о полку Игореве, 2004; Слово о полку Игореве, 1981].

Одними из наиболее часто встречающихся слов являются лексемы **щитъ** (6 контекстов) и **стягъ** (6 контекстов). Примеры использования лексемы **щитъ**: *Орли клетомъ на кости звѣри зовуть; лисици брещутъ на чръленыя щиты*. В переводах Д. С. Лихачёва (червленые **щиты**) [«Изборник», 1969] и О. В. Творогова (червленые **щиты**) [Слово о полку Игореве, 1986] использован современный русский вариант этого слова — **щит**. В. Набоков (*vermilion shields*) [Слово о полку Игореве, 2004] и И. Петрова (*scarlet shields*) [Слово о полку Игореве, 1981], как правило, используют в переводах английский эквивалент этого слова — **shield**. Однако из этого правила есть исключение: сочетание *бес щитовъ* оба переводят иначе. В. Набоков заменяет слово словом **buckler** (*without bucklers*) [Слово о полку Игореве, 2004], а И. Петрова передаёт это же значение словом, образованным от эквивалента **shield** и суффикса **-less**: **shieldless** (*These overcome the foe shieldless*) [Слово о полку Игореве, 1981]. Примеры использования лексемы **стягъ**: *Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ — стоятъ стязи въ Путивлѣ; Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружѣе — храброму Святъславличю; Стязи глаголютъ: Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, Рускыя плѣкы оступиша*. Д. С. Лихачёв указывал на то, что стяги в военном обиходе играли важную роль: с их помощью управляли движением войск (*Стязи глаголютъ: Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ*), собирали дружинников. Стяги служили княжескими знаками (*сего бо нынѣ стаиша стязи Рюриковы, а друзи Давидовы*), были символами славы и чести. «Возволоченный» стяг

представлял собой символ победы, поверженный же стяг — символ поражения, бегства или отступления. Следовательно, выражение *«третьего дни къ полудню падоша стязи Игоревы»* означало поражение войска Игоря. В переводах на русский язык это слово сохраняется, употребляясь в соответствии с нормами современного русского языка: *теперь же стали стяги Рюриковы, / а другие — Давыдовы* [«Изборник», 1969], *а ныне одни стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы* [Слово о полку Игореве, 1986]. На английский это слово обычно переводится с помощью эквивалента **banner**: *Now some of his banners / have gone to Rurik and others to David, And now Rurik and David / Have raised their banners* [Слово о полку Игореве, 2004; Слово о полку Игореве, 1981]. Однако в одном случае В. Набоков использует другой эквивалент — **standard**: *A vermillion standard*. Это слово он применяет для обозначения половецкого стяга, захваченного Игоревым войском [Слово о полку Игореве, 2004].

Слово **туль** употребляется в следующих случаях: *А мои ти Куряни свѣдоми къметі: ... пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напращени, тули отворени, сабли изъострени; Сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великыи женчюгъ на лоно; Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладъ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?* На русский язык это слово переводится с помощью более известного русскоязычному человеку синонима **колчан**: *колчаны отворены* [«Изборник», 1969], *колчаны открыты* [Слово о полку Игореве, 1986], на английский — с помощью эквивалента **quiver**: *the quivers, unclosed, The quivers open* [Слово о полку Игореве, 2004; Слово о полку Игореве, 1981].

Лексема **сулицы** встречается в следующих случаях: *Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тѣи мечи харалужныи; Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкыи и щиты?* Данное слово использовалось для названия метательного копья. В переводах на русский язык используется синоним с более широким значением — **копье**: *копья свои повергли* [«Изборник», 1969], *копья свои побросали* [Слово о полку Игореве, 1986]. Переводчики на английский язык также используют слово с более широким значением, прибегая к генерализации: *have dropped their spears, Have flung down their spears* [Слово о полку Игореве, 2004; Слово о полку Игореве, 1981].

3.3.2.2. Особенности перевода названий участников боевых действий

Как отмечал Ф. П. Сороколетов, обозначения воинских отрядов и связанные с ними наименования составляют наиболее древний пласт военной

лексики древнерусского языка. Эта группа наименований начала складываться ещё в период общеславянского единства [Сороколетов, 2009, с. 36].

Слова, обозначающие участников боевых действий, в произведении «Слово о полку Игореве» представлены в основном обозначениями групп воинов. Собственно военными можно считать лишь лексемы **плѣкъ**, **дружина**, **вои**, **сила**, **къметь**, которые используются в 28 контекстах. Подробно рассмотрим некоторые из них.

Слово **плѣкъ** употребляется в произведении «Слово о полку Игореве» в 18 контекстах. Однако необходимо отметить, что данное слово было многозначным: оно обозначало как войско (или его подразделение), так и войну, поход (или отдельную битву), а также оно могло обозначать лагерь или стоянку. Многозначность слова вызывает трудности при переводе его на другие языки. В значении ‘войско’ (А *Игорева храбраго плѣку не крѣсити*) Д. С. Лихачёв и О. В. Творогов переводят его как **полк** (*Игорева храброго полка не воскресить*) [«Изборник», 1969; Слово о полку Игореве, 1986]. В. Набоков для передачи данного значения использует эквивалент **troops** (*But Igor's brave troops / cannot be brought back to life*), появившийся в английском языке в XVI веке [Слово о полку Игореве, 2004]. И. Петрова использует эквивалент **host** (*And the valiant host of Igor/ Shall never rise again*), начало употребления которого в английском языке пришлось на XIII век [Слово о полку Игореве, 1981]. Слова, подобранные В. Набоковым и И. Петровой, могли быть использованы для обозначения не только группы воинов, но и вообще какой-либо большой группы. В древнерусском языке у лексемы **плѣкъ** также существовало подобное значение, однако в «Слове о полку Игореве» оно не употребляется. В предложении «Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья **плѣки**!», по мнению Д. С. Лихачёва [«Изборник», 1969], данная языковая единица употреблена в значении ‘война, поход’, поэтому в своём переводе он прибегает к использованию лексемы **нашествие** (*против нашествий поганых*). О. В. Творогов использует лексему **полк** (*против полков поганых*) [Слово о полку Игореве, 1986]. В. Набоков переводит слово в данном контексте как **troops** (*against the pagan troops*) [Слово о полку Игореве, 2004], а И. Петрова — как **host** (*against the pagan hosts*) [Слово о полку Игореве, 1981].

Также довольно часто в тексте встречается лексема **дружина** (7 контекстов): *И рече Игорь къ дружинуъ своей; Братіе и дружино!* Ф. П. Сороколетов утверждал, что она является одной из самых широкоупотребительных в письменных памятниках, рассказывающих об истории Руси XI—XIII веков. Это слово также имело несколько значений: в Древней Руси его могли использовать и для обозначения общины, и для номинации друзей, товарищей, спутников, и для обозначения войска, при этом часто подразумеваемая по-

стоянное войско князя, состоящее из его близких слуг. И Д. С. Лихачёв (*И сказал Игорь-князь дружине своей; о дружина моя и братья!*)), и О. В. Творогов (*И сказал Игорь дружине своей; Братья и дружина!*) в своих переводах используют слово **дружина** [«Изборник», 1969; Слово о полку Игореве, 1986]. В. Набоков же, прибегая к приближенному переводу и элиминации, переводит его как **Guards** (*And Igor says to his Guards*) и как **knights** (*Do not your brave knights roar like bulls*). Выбранные В. Набоковым лексемы подчёркивают род деятельности воинов (в первом случае) и их высокий статус [Слово о полку Игореве, 2004]. И. Петрова прибегает к словам **warriors** (*O brethren and warriors! Better be slain/ Than taken captive!*) и **men-at-arms** (*And then said Igor/ To his men-at-arms*) [Слово о полку Игореве, 1981].

Слово **вои** встречается в тексте в 5 контекстах. Это слово обычно использовалось для обобщённого названия всех воинов вне зависимости от их места в воинской иерархии или социального положения. Д. С. Лихачёв в своём переводе использует форму множественного числа слова **воин** (*увидел воинов своих тьмою прикрытых*) [«Изборник», 1969]. О. В. Творогов в некоторых случаях также использует форму слова **воин** во множественном числе (*Стоишь ты всех впереди, осыпaeшь воинов стрелами*), однако в других случаях вместо этого использует слово **войско** (*увидел, что от него тенью все его войско прикрыто*) [Слово о полку Игореве, 1986]. В. Набоков прибегает к использованию формы множественного числа слова **warrior** (*Then Igor glanced up at the bright sun and saw that from it with darkness his warriors were covered*) [Слово о полку Игореве, 2004]. В переводе И. Петровой в одном из случаев лексема **вои** также переведена при помощи слова **warrior** во множественном числе (*on my lover's warriors*), однако в других случаях она обращается к той же лексеме, с помощью которой переводила слово **плькъ**, — к лексеме **host** (*he saw a shadow from it overcasting all his host*) [Слово о полку Игореве, 1981].

3.3.2.3. Особенности перевода названий боевых действий и их результатов

В состав ещё одной группы военной лексики можно включить слова, называющие боевые действия и их результаты. К ним относятся слова **плькъ** (в значении «поход»), **усобица**, **крамола**, **рать**, **брань**, **победа**. Данные лексемы используются в 19 контекстах. Более подробно рассмотрим некоторые из них.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» отмечает употребление слова **плькъ** в значении «поход» в тексте произведения 4 раза и один раз — в названии [Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», 1969, с. 136—139]. Как уже говорилось выше, в двух случаях употребления этого слова («*Абы ты сіа плькы ущекоталь...*»; «*Здрави, князи и дружина*,

побараая за христьяны на поганяя **плъки!**») контекст не позволяет однозначно определить значение слова **плъкъ**. Поэтому одни переводчики подбирали эквиваленты в соответствии с этим значением, а некоторые — в соответствии со значением ‘войско’. В других же случаях все переводчики сходятся на одной трактовке. Например, при переводе слова **плъкъ** в самом первом предложении. Д. С. Лихачёв и О. В. Творогов используют слово **поход** (о **походе** Игорево) [«Изборник», 1969; Слово о полку Игорево, 1986], В. Набоков использует эквивалент XVII века — **campaign** (of the **campaign** of Igor) [Слово о полку Игорево, 2004], а И. Петрова — **warfare** (of the **warfare** waged by Igor) [Слово о полку Игорево, 1981]. Эти же эквиваленты Д. С. Лихачёв, О. В. Творогов и В. Набоков используют и в двух оставшихся случаях в тексте произведения, а И. Петрова — в одном из предложений (были **плъци** Олговы) заменяет **warfare** на **war** (Gone are the **wars** waged by Oleg) [Слово о полку Игорево, 1981].

Чаще всего из этой группы употребляется слово **крамола**: оно встречается в 5 контекстах. Это многозначное слово, которое может обозначать междоусобную войну, длительный военный раздор между близкими людьми и народами; борьбу; сражение, бой; коварство; козни, злой умысел; гонение, преследование; восстание, мятеж. В произведении «Слово о полку Игорево» данное слово обозначает междоусобную вражду: *Тъй бо Олегъ мечемъ **крамолу** коваше, въ княжихъ **крамолахъ** вѣщи челоувѣкомъ скратишася, сами на себѣ **крамолу** ковати, князи сами на себе **крамолу** коваху, своими **крамолами** начясте наводити поганя на землю Рускую.* Для перевода данной лексемы О. В. Творогов использует синонимы: *Тот ведь Олег мечом **раздоры** ковал; Тогда при Олеге Гориславиче сеялись и прорастали **усобицы**; в княжеских **распрях** век людской сокращался; сами себе **беды** ковать; А князья сами себе **невзгоды** ковали; в своих **распрях** начали вы призывать поганых на землю Русскую* [Слово о полку Игорево, 1986]. Д. С. Лихачёв же сохраняет слово **крамола** [«Изборник», 1969]. В. Набоков переводит это слово с помощью английских лексем **feuds** и **discord**: *That Oleg forged **feuds** with the sword; among princely **feuds**; / human ages dwindled, while against their own selves / they forge **discord**, while the princes forged **discord**/ against their own selves, for with your **feuds** / you started to draw the pagans* [Слово о полку Игорево, 2004]. И. Петрова: *that Oleg / Forged **feuds** with his sword, The lives of the common folk / Were cut short / By the **brawls** of princes, To forge **feuds** / Among themselves, The princes forged **feuds** / Among themselves, For your **brawls** have brought the pagans / Into the Russian land* [Слово о полку Игорево, 1981].

Наконец, словом, обозначающим результат войны, было слово **побѣда**. Д. С. Лихачёв использует современный вариант этого слова — **победа** (А по-

ганные со всех сторон приходили с **победами** / на землю Русскую) [«Изборник», 1969]. О. С. Творогов также в двух случаях прибегал к современному эквиваленту, но в одном из вариантов решил использовать модуляцию: *a поганые сами в **победных** набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора* [Слово о полку Игореве, 1986]. В. Набоков использует эквивалент **victory** (*[and] while from all sides with **victories** / the pagans enter the Russian land; the pagans, with **victories** / prowling over the Russian land / took tribute of one vair / from every homestead; The Don, Prince, calls you / and summons the princes to **victory***) [Слово о полку Игореве, 2004]. И. Петрова использует эквиваленты **victory**, **triumph** (*And from all sides the pagans / Invaded in **triumph** / The Russian land; The Don calls you, o prince / It calls the princes to **victory**!*). В одном из случаев она опускает данное слово: *And the pagans, overrunning / The Russian land / Levied tribute — / A squirrel pelt from each household* [Слово о полку Игореве, 1981].

Результаты проведенного анализа лексем и способов их перевода на современный русский и английский языки можно обобщить в форме таблиц (табл. 1, табл. 2).

В ходе анализа лексических единиц указанных тематических групп и способов их передачи на современный русский и английский языки было выявлено стремление переводчиков выбрать вариант перевода, наиболее близкий исходной единице. Так, переводчики на русский язык в большинстве случаев заменяли устаревший вариант слова современным (этимологически восходящим к исходному слову, но отражающим произошедшие в русском языке изменения): Д. С. Лихачёв использовал современный вариант в 103 случаях (76,2 %), а О. В. Творогов — в 98 случаях (64,1 %). Созданию перевода, понятного современному носителю русского языка, может способствовать замена древнерусского слова современным синонимом с другим корнем: Д. С. Лихачёв прибегал к данному способу 16 раз (28,6 %), а О. В. Творогов — 17 раз (29,11 %). Передаче исторического колорита способствует также сохранение в переводах устаревших слов, которые тем не менее понятны современному читателю: Д. С. Лихачёв использовал это способ в 4 случаях (5 %), О. В. Творогов — в 5 (6,25 %).

В переводах на английский язык стремление к близости перевода к исходному тексту проявилось в использовании эквивалентов (и полных, и частичных): В. Набокову удалось подобрать эквивалент переводимым словам в 95 случаях (74,26 %), И. Петровой — в 74 случаях (53,01 %). Подобрать такое большое количество эквивалентов переводчикам позволило некоторое сходство связанных с войной предметов и явлений в культурах исходного языка и языка перевода. В случаях, когда значение слова известно, но использование эквивалента невозможно или вызывает затруднения,

Таблица 1

Способы перевода военной лексики древнерусской литературы на русский язык
(на материале переводов произведений «Слово о полку Игореве»,
выполненных Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым)

Военная лексика							
Д. С. Лихачёв				О. В. Творогов			
Подгруппа	Способ перевода	Количество случаев применения	% от общего количества в данной подгруппе	Подгруппа	Способ перевода	Количество случаев применения	% от общего количества в данной подгруппе
Оружие	Использование современного варианта слова	68	85	Оружие	Использование современного варианта слова	68	85
	Сохранение устаревшего варианта (в соответствии с современными грамматическими нормами), в т. ч. использование старославянизма	4	5		Сохранение устаревшего варианта (в соответствии с современными грамматическими нормами), в т. ч. использование старославянизма	5	6,25
	Использование синонима, в т.ч. контекстуального	6	7,5		Использование синонима, в т.ч. контекстуального	5	6,25
	Замена слова словосочетанием	1	1,25		Замена слова словосочетанием	1	1,25
	Иная трактовка значения слова	0	—		Иная трактовка значения слова	0	—
	Прочие	1	1,25		Прочие	1	1,25

Военная лексика							
Д. С. Лихачёв				О. В. Творогов			
Участники боевых действий	Использование современного варианта слова	24	85,7	Участники боевых действий	Использование современного варианта слова	24	85,7
	Сохранение устаревшего варианта (в соответствии с современными грамматическими нормами), в т.ч. использование старославянства	0	—		Сохранение устаревшего варианта (в соответствии с современными грамматическими нормами), в т.ч. использование старославянства	0	—
	Использование синонима, в т.ч. контекстуального	2	7,1		Использование синонима, в т.ч. контекстуального	1	3,57
	Замена слова словосочетанием	1	3,57		Замена слова словосочетанием	1	3,57
	Иная трактовка значения слова	1	3,57		Иная трактовка значения слова	1	3,57
Боевые действия и их результаты	Прочие	0	—	Боевые действия и их результаты	Прочие	1	3,57
	Использование современного варианта слова	11	57,89		Использование современного варианта слова	6	21,42
	Сохранение устаревшего варианта (в соответствии с современными грамматическими нормами), в т.ч. использование старославянства	0	—		Сохранение устаревшего варианта (в соответствии с современными грамматическими нормами), в т.ч. использование старославянства	0	—
	Использование синонима, в т.ч. контекстуального	8	42,1		Использование синонима, в т.ч. контекстуального	11	57,89
	Замена слова словосочетанием	0	—		Замена слова словосочетанием	1	5,26
Прочие	Иная трактовка значения слова	0	—	Прочие	Иная трактовка значения слова	1	5,26
	Прочие	0	—		Прочие	0	—

Таблица 2

Способы перевода военной лексики древнерусской литературы на английский язык
(на материале переводов произведений «Слово о полку Игореве»,
выполненных В. Набоковым и И. Петровой)

Военная лексика							
В. Набоков				И. Петрова			
Подгруппа	Способ перевода	Количество случаев приращения	% от общего количества в данной подгруппе	Подгруппа	Способ перевода	Количество случаев приращения	% от общего количества в данной подгруппе
Оружие	Эквиваленты	51	63,75	Оружие	Эквиваленты	57	71,25
	Приближенный перевод	11	13,75		Приближенный перевод	5	6,25
	Генерализация	10	12,5		Генерализация	10	12,5
	Калька	1	1,25		Калька	—	—
	Описательный перевод	2	2,5		Описательный перевод	—	—
	Элиминация	2	2,5		Элиминация	—	—
	Модуляция	1	1,25		Модуляция	—	—
	Окказионализм	2	2,5		Окказионализм	5	6,25
	Опущение	—	—		Опущение	2	2,5
	Иная трактовка	—	—		Иная трактовка	1	1,25
Прочие	—	—	Прочие	—	—		

Военная лексика						
В. Набоков			И. Петрова			
Участники боевых действий	Эквиваленты	18	64,29	Эквиваленты	1	3,57
	Приближенный перевод	6	21,43	Приближенный перевод	23	82,14
	Генерализация	—	—	Генерализация	3	10,71
	Калька	—	—	Калька	—	—
	Описательный перевод	—	—	Описательный перевод	—	—
	Элиминация	3	10,71	Элиминация	—	—
	Модуляция	—	—	Модуляция	1	3,57
	Окказионализм	—	—	Окказионализм	—	—
Боевые действия и их результаты	Опущение	1	3,57	Опущение	—	—
	Иная трактовка	—	—	Иная трактовка	—	—
	Прочие	—	—	Прочие	—	—
	Эквиваленты	18	94,74	Эквиваленты	16	84,21
	Приближенный перевод	—	—	Приближенный перевод	—	—
	Генерализация	—	—	Генерализация	—	—
	Калька	—	—	Калька	—	—
	Описательный перевод	—	—	Описательный перевод	—	—
	Элиминация	—	—	Элиминация	—	—
	Модуляция	—	—	Модуляция	1	5,26
	Окказионализм	—	—	Окказионализм	1	5,26
	Опущение	—	—	Опущение	1	5,26
	Иная трактовка	1	5,26	Иная трактовка	—	—
	Прочие	—	—	Прочие	—	—

переводчики часто прибегают к приближённому переводу: В. Набоков использовал его в 17 случаях (17,59 %), И. Петрова — в 28 случаях (44 %). Одной из самых часто используемых переводческих трансформаций является генерализация, которую В. Набоков применяет в 10 случаях (12,5 %), а И. Петрова — в 13 случаях (17,85 %).

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, при внутриязыковом диахроническом переводе следует обратить внимание на слова, лексическое значение которых, несмотря на несоответствие их грамматическим нормам языка, очевидно, и заменить такие слова их современными вариантами. Слова, лексическое значение которых без словарей практически никому не известно, целесообразно заменить синонимами, а для передачи исторического колорита необходимо обращаться к лексическим единицам, значение которых можно легко определить благодаря сходству с используемыми во время создания перевода вариантами.

При межъязыковом диахроническом переводе в случае отсутствия в языке перевода эквивалента или наличия каких-либо препятствий к его использованию следует применять прием приближённого перевода и лексико-семантические замены, которые позволят сделать текст понятнее для получателя перевода.

Результаты проведённого исследования могут быть использованы при переводе прежде всего лексических единиц, входящих в соответствующие тематические группы, с древнерусского языка на современный русский и английский языки. В связи с наличием в памятниках древнерусской литературы слов других тематических групп данное исследование не исчерпывает всю глубину проблемы лексико-стилистических особенностей их внутриязыкового и межъязыкового перевода, оно может заложить основы для более масштабного исследования указанной проблемы на материале лексики других тематических групп.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Андрес А.* Дистанция времени и перевод (Некоторые мысли и наблюдения) / А. Андрес // Мастерство перевода. — Москва : Советский писатель, 1964. — Выпуск 4. — С. 118—131.
2. *Баева М. П.* Лексико-стилистические особенности диахронического перевода на материале англосаксонской поэмы «Беовульф» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. П. Баева. — Москва, 2019. — 198 с.

3. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI веков : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Д. М. Буланин. — Ленинград, 1989. — 412 с.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. — Москва : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с. — ISBN 5-7552-0041-6.
5. Еремин И. П. Литература древней Руси / И. П. Еремин. — Москва : Рипол Классик, 2013. — 272 с.
6. «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). — Москва : Художественная литература, 1969. — 799 с.
7. Кусков В. В. История древнерусской литературы : учеб. для филол. спец. Вузов / В. В. Кусков. — 7-е изд. — Москва : Высшая школа, 2003. — 336 с. — ISBN 5-06-000248-9.
8. Лихачев Д. С. Великое наследие : Классические произведения литературы Древней Руси / Д. С. Лихачев. — Санкт Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 480 с. — ISBN 978-5-389-08486-5.
9. Маркиш С. Несколько заметок о переводах с древних языков / С. Маркиш // Мастерство перевода. — Москва : Советский писатель, 1959. — Выпуск 1. — С. 153—172.
10. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 320 с. — ISBN 5-89349-526-8.
11. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» : в 6 выпусках / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; Ин-т рус. Яз ; Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; Сост. В. Л. Виноградова. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 364 с.
12. Слово о полку Игореве / пер. и комментарии Владимира Набокова. Илл. И. С. Гончаровой. — Санкт Петербург : Академический проект, 2004. — 135,(1), XLVIII с.
13. Слово о полку Игореве / прозаич. пер. О. В. Творогова [Электронный ресурс]. — Москва : [б. и.], 1986. — Режим доступа : <http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=b3> (дата обращения 10.01.2024).
14. Слово о полку Игореве. The Lay of the Warfare waged by Igor [Электронный ресурс]. — Москва : Прогресс, 1981. — Режим доступа : <http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=kd> (дата обращения 23.06.2023).
15. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI—XVII вв.) / Ф. П. Сороколетов ; отв. ред. Ф. П. Филин. Изд. 2-е, доп. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 384 с. — ISBN 978-5-397-00679-8.
16. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр ; под ред. Ш. Балли и А. Сеше ; пер. с франц. А. Сухотина. — Екатеринбург : УРСС, 1999. — 432 с. — ISBN 5-354-00556-6.
17. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. — Москва : Просвещение, 1972. — 326 с.
18. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; Ред. кол. : Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. — 276 с.
19. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода / Р. О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — Москва : Международные отношения, 1978. — С. 16—24.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024,
одобрена после рецензирования 16.06.2024,
подготовлена к публикации 21.06.2024.

References

- A word about Igor's regiment, 135 (1).* (2004). St. Petersburg: Academic Project. XLVIII p. (In Russ.).
- A word about Igor's regiment. The Lay of the Warfare waged by Igor.* (1981). Moscow: Progress. Available at: <http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=kd> (accessed 06/23/2023). (In Russ.).
- Andres, A. (1964). The distance of time and translation (Some thoughts and observations). In: *Mastery of translation, 4*. Moscow: Soviet Writer. 118—131. (In Russ.).
- Baeva, M. P. (2019). *Lexical and stylistic features of diachronic translation based on the Anglo-Saxon poem "Beowulf"*. PhD Diss. Moscow. 198 p. (In Russ.).
- Bulanin, D. M. (1989). *Ancient traditions in ancient Russian literature of the XI—XVI centuries*. Doct. Diss. Leningrad. 412 p. (In Russ.).
- Dictionary-reference book "Words about Igor's regiment": in 6 issues.* (1969). Leningrad: Nauka. Leningr. publishing house, 1969. — 364 p. (In Russ.).
- Encyclopedia "Words about Igor's regiment": in 5 volumes.* (1995). St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 276 p. (In Russ.).
- Eremin, I. P. (2013). *Literature of ancient Russia*. Moscow: Ripoll Classic. 272 p. (In Russ.).
- "Izbornik" (Collection of works of literature of Ancient Russia).* (1969). Moscow: Fiction. 799 p. (In Russ.).
- Kuskov, V. V. (2003). *The history of ancient Russian literature: studies. for philol. spec. Universities. 7th ed.* Moscow: Higher School. 336 p. ISBN 5-06-000248-9. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (2016). *The Great Legacy: Classical works of literature of Ancient Russia*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 480 p. ISBN 978-5-389-08486-5. (In Russ.).
- Markish, C. (1959). Several notes on translations from ancient languages. In: *Mastery of translation, 1*. Moscow: Soviet Writer. 153—172. (In Russ.).
- Nelyubin, L. L. (2003). *Explanatory translation dictionary*. Moscow: Flint: Nauka. 320 p. ISBN 5-89349-526-8. (In Russ.).
- Saussure, F. (1999). *The course of general linguistics*. Yekaterinburg: URSS. 432 p. ISBN 5-354-00556-6. (In Russ.).
- Shansky, N. M. (1972). *Lexicology of the modern Russian language*. Moscow: Prosveshchenie. 326 p. (In Russ.).
- Sorokoletov, F. P. (2009). *The history of military vocabulary in the Russian language (XI—XVII centuries)*. Moscow: LIBROCOM. 384 p. ISBN 978-5-397-00679-8. (In Russ.).
- The word about Igor's regiment.* (1986). Moscow: [b. i.]. Available at: <http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=b3> (accessed 10.01.2024). (In Russ.).
- Vinogradov, V. S. (2001). *Introduction to translation studies (general and lexical issues)*. Moscow: Publishing House of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Sciences. 224 p. ISBN 5-7552-0041-6. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1978). On linguistic aspects of translation. In: *Questions of the theory of translation in foreign linguistics*. Moscow: International Relations. 16—24. (In Russ.).

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 16.06.2024;
accepted for publication 21.06.2024.*

Информация для цитирования:

Рябцева Н. К. Межъязыковая научная коммуникация, современные «цифровые» терминологические неологизмы в английском языке и проблемы перевода / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 124—139. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-124-139.

Riabtseva, N. K. (2024). Cross-Linguistic Scientific Communication, Contemporary Digital Terminological Neologisms in English, and Translation Issues. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 124-139. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-124-139. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Межъязыковая
научная коммуникация,
современные «цифровые»
терминологические
неологизмы в английском
языке и проблемы перевода**

Рябцева Надежда Константиновна
orcid.org/0000-0002-2042-4615
ResearcherID S-7138-2016
Scopus Author ID 55218430500
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
отдел прикладного языкознания
nadia_riabceva@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

**Cross-Linguistic Scientific
Communication,
Contemporary Digital
Terminological Neologisms
in English, and
Translation Issues**

Nadezhda K. Riabtseva
orcid.org/0000-0002-2042-4615
ResearcherID S-7138-2016
Scopus Author ID 55218430500
Doctor of Philology,
leading research scientist,
Department of Applied Linguistics
nadia_riabceva@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Уточняются и развиваются прикладные и теоретические результаты многолетних корпусных исследований в области межъязыковой научной коммуникации и стоящей перед ней важнейшей проблемы — перевода с английского языка на русский (и с русского языка на английский) современных научных текстов, связанных, главным образом, с цифровой обработкой информации. Они характеризуются, в первую очередь, растущим количеством многокомпонентных лингвоспецифичных и потому идиоматичных терминов-неологизмов. Соответствующие современные аутентичные «цифровые» терминологические неологизмы-кластеры в английском языке исследуются с точки зрения их структуры, выявляются и систематизируются типичные модели их строения, а также их особые коммуникативные и когнитивные свойства. Обобщаются новые тенденции в формировании и функционировании «цифровой» терминологии — лингвоспецифичных развернутых терминологических неологизмов на английском языке. Устанавливаются принципы их перевода на русский язык, их корректные межъязыковые терминологические соответствия в нем, а также важнейшие условия их создания. Отмечаются особые проблемы их перевода с русского языка на английский, перспективы дальнейших исследований в данной области, направленных на развитие соответствующих цифровых ресурсов, связанных с межъязыковым переводом «цифровых» текстов вообще и соответствующей терминологии — в особенности.

Ключевые слова:

научная коммуникация; корпусные исследования; лингвоспецифичные термины-неологизмы; межъязыковые соответствия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The paper develops applied and theoretical results obtained by the author in a long-term, corpus-based research on the cross-linguistic scientific communication and on its most distinctive problem — translating modern scientific texts mainly on digital information processing from English into Russian (and vice versa). These texts are characterized primarily by the growing number of multi-word language-specific new terms. In this respect special attention is paid in the paper to modern authentic «digital» neologisms-clusters in English: to their cross-linguistic idiomatic character, their language-specific types and patterns, to their systematization as well as to their communicative and cognitive distinctions. The paper introduces their equivalent terminological counterparts in Russian and the way they are to be translated into Russian. Some important generalizations and proposals are also introduced concerning new trends in the formation of language-specific «digital» terminological clusters in English and the way they can be rendered into Russian. The paper concludes with outlining some further perspectives in studying cross-linguistic scientific communication, its new terminology and developing its cross-linguistic translation, particularly by digital resources.

Key words:

scientific communication; corpus-based studies; language-specific terminological neologisms; cross-linguistic correspondences.

УДК 81'255.4+811.161.1'276.6+811.111'276.6+001.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-124-139

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Межъязыковая научная коммуникация, современные «цифровые» терминологические неологизмы в английском языке и проблемы перевода

© Рябцева Н. К., 2024

1. Введение = Introduction

Долгое время в стилистике доминировала точка зрения об универсальности научного стиля изложения на разных языках [Cristal, 2006; Hyland, 2006]. Однако корпусные исследования показали, что научная речь на английском языке (как и на других языках) имеет ярко выраженные индивидуальные, «лингвоспецифичные» отличия, которые определяются его структурным устройством, лингвокультурными когнитивными и коммуникативными особенностями и т. д. [Valdes, 2018; Wallwork, 2011 и др.]. Принципиальные отличия в научной речи на русском и английском языках предопределяются, в свою очередь, такими структурными свойствами данных языков, как порядок слов, количество словоизменительных и словообразовательных категорий, возможности синтаксизации имени и др. При этом отсутствие большого количества согласовательных категорий в английском языке, жесткий порядок слов и многие другие его свойства накладывают в нем ограничения на длину слова, предложения, его структуру и т. п., в результате он становится коммуникативно «ориентированным на читателя», в том числе и в научной речи, ср.: «English academic writing requires... reader friendliness» [Salager-Meyer, 2011, p. 71—72]. Этим он отличается от научного текста на русском языке, который явным образом ориентирован на автора (writer-oriented) [Ibid.], главной задачей которого является как можно более подробное, развернутое, экстенсивное, стилистически, когнитивно и коммуникативно сложно организованное изложение, детально раскрывающее концептуальное содержание позиции автора и эксплицитное обоснование его точки зрения. Так что научная речь на английском языке принципиально отличается от научной речи на русском языке на всех лингвистических уровнях: на грамматическом, лексическом, логическом, дискурсивном, коммуникативном и терминологическом (ср.

[Sinclair et al., 2006]), а также когнитивном и культурологическом [Halliday, 2004].

В настоящее время главной проблемой в межкультурной научной коммуникации выступает перевод с английского языка на родной (в том числе русский) язык современных терминологических развернутых словосочетаний, особенно из области цифровых технологий, которые развиваются по отношению к другим областям науки и техники опережающими темпами и постоянно порождают новые идиоматичные терминологические словосочетания — «терминологические неологизмы», которые не поддаются пословному переводу и требуют специальных процедур их анализа и перевода. Так что установление межкультурных терминологических соответствий между английскими и русскими терминологическими словосочетаниями, особенно относящимися к новейшим цифровым технологиям и ставшими важнейшим объектом обучения студентов почти всех специальностей, составляет сегодня наиболее актуальную задачу в подготовке будущих профессионалов не только технических специальностей, но и всех остальных; ср. «Participation in the global exchange of information has become a prerequisite for a successful career for academics around the world» [Hyland, 2022, p. 554].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Установление межкультурных терминологических соответствий между английскими («исходными») и русскими («производными», «переводными») терминологическими словосочетаниями, особенно относящимися к инновационным цифровым технологиям, становится не только важнейшим объектом в обучении студентов почти всех без исключения специальностей, но и в целом ряде других видов коммуникативной деятельности. Это определяется тем, что все научные, теоретические, прикладные, практические, экспериментальные и т. д. исследования проводятся в настоящее время с использованием передовых цифровых технологий. На основе обширных сопоставительных межкультурных корпусных исследований, проведенных автором за последние несколько лет и отраженных более чем в тридцати публикациях (см., например, [Рябцева, 2022; 2023]), в этом отношении было показано, в частности, следующее. Соответствующая «цифровая» терминология: 1) первоначально возникает на английском языке; 2) является главным предметом обучения студентов всех специальностей во всем мире; 3) благодаря беспрецедентному развитию цифровых технологий она стремительно развивается, обновляется, уточняется (термин состоит в настоящее время преимущественно из нескольких компонентов, уточняющих его смысл); 4) не успевает фиксироваться в соответствующем

щих двуязычных словарях, даже электронных; 5) не допускает пословного перевода и потому не имеет прямых и однозначных межъязыковых соответствий в других языках, в том числе и в русском языке — ввиду ее лингвоспецифичности и тем самым идиоматичности. В результате автоматическими переводчиками типа *DeepL*, *Google Translate*, *Yandex Translate*, *ABBYY translate* и всеми другими в подавляющем большинстве случаев она переводится пословно и потому некорректно.

Самым надежным источником установления межъязыковых соответствий обычно выступают корпуса параллельных текстов. Однако, ввиду отсутствия качественных переводов с английского языка на русский соответствующих «передовых» научных и научно-технических текстов в области цифровой обработки информации, и особенно ввиду низкого качества автоматического перевода, в первую очередь, развернутых терминологических словосочетаний [Рябцева, 2022], важно выявить типичные модели развернутых терминологических словосочетаний-неологизмов на английском языке и определить принципы их перевода на русский язык. Следует отметить, что перевод однословных и, в большинстве случаев, двусоставных терминов, особенно типа Noun + Noun, содержится в большинстве бумажных и компьютерных словарей и серьезных проблем в настоящее время не вызывает. Проблемы начинаются, когда эти термины уточняются, конкретизируются, специализируются, «развертываются», «контекстуализируются» («втягивают» в свой состав дополнительные контекстно и в смысловом отношении связанные элементы, причем «лингвоспецифичным образом»), ср. *computer program / layout / software*, etc. **vs.** *computer-based corpora research / cross-linguistic investigation / retrospective translation studies / foreign language teaching and learning*, etc.

Необходимо подчеркнуть, что именно подобные развернутые многокомпонентные термины несут основную смысловую нагрузку в аутентичном научном и научно-техническом, особенно «цифровом» тексте, они не только включаются в список ключевых слов, но и используются в названиях соответствующих публикаций; см. использование развернутого терминологического словосочетания «*using ontologies for life science text-based resource organization*» в названии публикации: «Giulia Panzarella, Pierangelo Veltri, Stefano Alcaro. *Using ontologies for life science text-based resource organization* // Artificial Intelligence in the Life Sciences. Volume 3, December 2023, 100059» <https://doi.org/10.1016/j.aillsci.2023.100059>.

При этом современные ученые постоянно подчеркивают, что ядро новейшей и наиболее актуальной общенаучной и междисциплинарной «цифровой» терминологии характерно (и потому особо ценно) для большинства современных наук, поскольку все они используют или создают цифровые

ресурсы при помощи передовых цифровых технологий («We consider that the lexicon transdisciplinary scientific (TSL) ... is domain independent and forms a central lexical core of all domains» [Tarp, 2008, p. 43; Gouws, 2023, p. 382]).

Таким образом, «терминологическое» внимание в межкультурной научной коммуникации в целом переносится с простых терминов на сложные — многосоставные, многокомпонентные, более точные, прецизионные и даже частотные (что особенно важно при обучении специалистов иностранному языку), ср. «While lists of core words have proved their worth, they suffer from one major weakness: they include only single words. They thus disregard **the wide range of productive multi-word units** that these high-frequency words tend to generate, many of which are as frequent as or more frequent than single items which everyone would agree must be taught» [Granger et al., 2021, p. 1] (выделено мной. — *H. P.*).

Более того, главное место при этом отводится частотным, устойчивым и потому наиболее типичным для современных научных текстов на английском языке развернутым словосочетаниям — лексическим кластерам (см.: «A key component of fluent academic writing is the high frequency fixed-word collocations known as lexical bundles, strings which are ‘glued together’ and help characterize smooth production» [Hyland et al., 2022, p. 554]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Типичные модели развернутых «цифровых» терминологических словосочетаний-неологизмов на английском языке

Самыми активными, продуктивными и, можно сказать, предельно аутентичными моделями построения многокомпонентных терминологических словосочетаний — кластеров-неологизмов (*multi-word terminological expressions / collocations / clusters/ neologisms*) в современных исследованиях на английском языке, в том числе лингвистических, связанных, в первую очередь, с цифровой обработкой информации [Granger et al., 2021; Гвишиани, 2021], являются следующие конструкции, способные включать дополнительные атрибутивные (Adj), номинативные (N), глагольные (V), адвербиальные (Adv), герундиальные (Gerund), нумеративные (Num), предложные (Prep) и др. компоненты (коллокации, сокращения, имена собственные и пр.). Ср.: (*a suite of*) *internet-delivered (diagnostic) tests*. При этом в скобках указываются наиболее характерные компоненты, на месте которых могут стоять сходные или противоположные по смыслу, совершенно новые или только недавно используемые понятия, превращающие все выражение в неологизм:

Type 1. N-Ved (N):

1. **N-based (N):** *usage-based* (grammar), *games-based* (technology), *IT-based* (teaching), *a product-based* (learning) approach, *web-based* (dictionary),

web-based ((professional dictionaries management (system for bilingual dictionaries)), (customizable) web-based (lexicographic) tool, (free) web-based (learning) environment, a server-based (system), a concordance-based (perspective), dictionary-based (collocation) studies, etc; пример (названия статьи): «Chen Yu. Effect of Learning Conditions on Collocation Gains: *A Case Study of Task-based Dictionary Use Instruction* // Lexikos, 2022. 32, с. 1—30. 1679-Article Text-3062-1-10-20220227.pdf»;

2. N-driven (N): innovation-driven (growth), technology-driven (approach), a (basically) technology-driven (way), (in) corpus-driven (lexicography), AI-driven (decision), (the use of) test-driven (development), AI-driven development (of lexicographic products), a pedagogy-driven design (for online language teaching);

3. Adv-driven ((N) N): commercially-driven ((language) tools), commercially driven ((integrated) dictionary) portals (for);

4. N-driven (A/(N) N): innovation-driven (substantial growth), technology-driven (innovative approach), a (basically) technology-driven (unexpected way), (in) corpus-driven (digital lexicography), (the use of) test-driven (software development), AI-driven (innovative decision), a test-driven (development (of lexicographic portals));

5. N/ Adv-interested (N): (cooperation between) technology-interested linguists and pedagogically-interested linguists;

6. N-adapted (N): context-adapted (approach);

7. N-assisted (N): a lexicography-assisted (writing), computer assisted (pronunciation/ training);

8. N-challenged (N): auditory challenged (learners);

9. N-delivered (Adj) N: (a suite of) internet-delivered (diagnostic) tests;

10. N-derived (N): corpus-derived (evidence);

11. N-directed (N) N: computer-/self-directed (L2 vocabulary) learning / study;

12. N-enhanced (N) N: technology-/web-enhanced (language) learning;

13. N-generated N: user-generated activity;

14. N-informed (N): corpus-informed (research, study, investigation);

15. N-mediated (N): computer-mediated (communication);

16. N-oriented (N): goal-oriented (language courseware) design, meaning-oriented classification (of collocations); process-oriented (writing) support;

17. N-tagged (N): error-tagged (learner) corpora;

18. N-ed (N/ Adj) N: networked (intercultural) language study;

19. N-supported (N/ Adj) (N): computer-supported (collaborative) writing, web-supported (language) learning;

Type 2. N-Adj (N):

20. **N-specific (N):** *subject-specific* (terminology), *discipline-specific* corpora;

21. **N-independent (N):** *technology-independent* (content) structuring, *platform-independent* (tools), a *language-independent* system (for parsing text), domain *independent* (transdisciplinary scientific) lexicon;

22. **N-efficient (N):** *time-efficient* (method), a *space-efficient* data structure, *cost-efficient* production (of content for different medias and audiences);

23. **N-adaptive (N):** *computer-adaptive* (language control), *computer-adaptive* tests (of writing);

24. **N-aware (N):** *context-aware* (concordances), *context-aware* order, (words listed in) a prioritized, *context-aware* order; *context-aware* (dictionaries);

Type 3. Adj-N (N):

25. **cross-N (N):** *cross-language* (approach); a *cross-platform* (ubiquitous) language learning service (via mobile phone and interactive television);

26. **high-N (N) N:** *high-performance* (reference) tool;

Type 4. N-Adv (N):

27. **N-adv N: user-(un)friendly:** *user-friendly* (interface), *user-friendly* search routes, in (no) *user-unfriendly* way;

28. **Num-N N:** (short) *one-line* definitions;

29. **Adv-Adj/ Ved (N):** *well-defined* (learner) populations;

30. **Adv-N N:** *up-market* (reference) tools, *up-market* (online) resources;

31. **Adv-to-V N:** *easy-to-consult* interfaces;

Type 5. Gerund + (N/ Adj (N)) Prep + (N) N:

32. **Gerund + (N) N + (Adv) + Prep + (N) N:** *mapping* (word) *meaning* (systematically) *onto* ((word) use);

33. **Gerund + (N) N + Prep + (N) N:** *broadening the* (customer) *base of* (online) *dictionaries*

34. **Gerund + N + (Adv) + Prep + (Adj / N) N:** (to develop a pedagogically-driven search tool for) *querying corpora* (in such a way) that allows (language teachers) to access (corpora data);

35. **Gerund + (Adj) +N + Prep + N(N):** *using* (concrete statistical) *evidence from* a corpus (of newspaper English), *arguing that* words are 'primed' *for use through our experience* with them [Ноеу, 2005, p. 5].

Таким образом, приведенные модели и примеры современных активно используемых в специальных текстах на английском языке терминологических словосочетаний-неологизмов из области цифровой обработки информации, а также продемонстрированные принципы их дискурсивного «расширения» (уточнения, конкретизации, спецификации, обобщения, использования по аналогии и т. п.) показывают их гибкость, прозрачность смысла, удобство в использовании и многое другое. Соответствующих мо-

делей в русском языке (и во многих других) нет. Поэтому перед прикладной лингвистикой стоит важнейшая проблема установления их межъязыковых соответствий, причем с учетом их особых коммуникативных свойств.

3.2. Особые коммуникативные свойства современной «цифровой» терминологии

Важнейшей коммуникативной чертой выделенных выше моделей терминологических словосочетаний выступает их способность к «расширению» и уточнению: они способны «втягивать» в свой состав различные дополнительные, конкретизирующие и т. п. компоненты «контекстологического» характера, а также объединяться с аналогичными терминологическими конструкциями в единое целое, например: «*The design of search routes should be more user-friendly*» — «*(to develop) a pedagogically-driven search tool for querying corpora (in such a way that allows) language teachers to access corpora from their teaching perspectives*» [Chen, 2022, p. 26—27]. Это не только значительно затрудняет их перевод с английского языка на родной (в частности, русский) язык, но и делает их порождение на иностранном английском языке почти невозможным. Соответствующие самые современные двуязычные автоматические ресурсы пока слабо ориентированы на распознавание и перевод развернутых терминологических словосочетаний-неологизмов, особенно «контекстуального» характера, когда в «составной» термин включается два и более контекстуально и в смысловом отношении связанных с ним понятия. Так, естественное для специального текста на английском языке выражение *pedagogically-driven search tool for querying corpora* переводится автоматическими переводчиками как «педагогически ориентированный инструмент поиска для запросов к корпусам», которое (естественно!) не используется в специальных текстах на русском языке, ср. «учебный корпусный поисковик (поисковая система)».

Благодаря использованию в английском языке активных продуктивных моделей сложносоставных конструкций терминологических словосочетаний типа *N/Adv/Adj (etc)-based (-driven, assisted, directed, enhanced, etc) N*, их смысл уточняется, конкретизируется, однозначно определяется и тем самым становится точным и прецизионным. Происходит специализация / спецификация (значения) — *specialization (of meaning)* [Tarp et al., 2019, p. 250]. (Ср. «Они наиболее полно и точно передают дифференциальные признаки целостного усложнённого понятия и отражают в своей структуре родовидовые, партитивные и другие парадигматические отношения» [Бабалова 2015, с. 6]). В целом словообразовательные новации в современной терминологии цифровых технологий «заключаются в изменении продуктивности моделей, уже существующих в языке, что отражает общекультурные тенденции современного общества» [Шушарина, 2019, с. 176].

Основной проблемой при переводе терминологических развернутых словосочетаний-неологизмов с английского языка на русский выделенных выше типов является их межъязыковая асимметрия — отсутствие в русском языке аналогичных моделей-кластеров. В результате их дословный (пословный) перевод оказывается по-русски семантически и грамматически некорректным, «недостаточным» и чаще всего требует «смыслового дополнения»: уточнения, конкретизации, более развернутого описания ситуации и т. д. Так, автоматический (дословный) перевод развернутого терминологического словосочетания *the use of iterative processes with test-driven development* как «использование итерационных процессов с разработкой через тестирование» (Google Translate) семантически неполон: разработка чего? Ему в русском языке соответствует следующий «контекстуальный» (семантически «развернутый» и корректный) перевод: «апробирование различных итеративных форматов представления данных пользователю», ср.: «Based on the results from observation, D. Norman advocates *the use of iterative processes with test-driven development*» [Tarp et al., 2020, p. 475].

3.3. Типичные модели развернутых терминологических словосочетаний-неологизмов на английском языке и принципы их перевода на русский язык

Типичные модели перевода современных многокомпонентных терминологических словосочетаний-неологизмов с английского языка на русский язык подразумевают выполнение трех «энциклопедических» операций:

- **добавление** необходимого по смыслу (полнозначного) компонента;
- **опущение** излишнего с семантической точки зрения компонента;
- **«нормализация»** выражения на русском языке — приведение ее в соответствие с нормами принимающего языка, как то: использование предлогов, более конкретных падежей, числовых показателей, рода и т. п. (подробнее см. [Рябцева, 2023] и др.).

Ср. *computer-supported collaborative writing* — «корпоративное письмо при поддержке компьютера». При этом соответствующие операции «энциклопедического» типа требуют профессиональных фоновых и предметных знаний, вызывающих, например, «реорганизацию» конструкции, ср. *web-based lexicographic tool* — «лексикографический веб-инструмент».

Так, при переводе на русский язык терминологического словосочетания *web-based lexicographic tool* (и всех сходных выражений, а также конструкций аналогичного типа и мн. др.) производится **опущение** компонента *-based*, который оказывается «вспомогательным» и используется в английском языке для более прецизионной квалификации сложного «цифрового» объекта (и всех аналогичных). В русском языке такая ква-

лификация обычно выражается при помощи (многозначных) адъективных и др. аффиксов, ср. *corpus-based* — **корпусный**, *computer-based* — **компьютерный**; *context-adapted approach* — «контекстуальный подход», *web-based (lexicographic) management system for (bilingual) dictionaries* — «система (лексикографического) веб-управления для (двуязычных) словарей», *customisable web-based tool* — «**ориентированный на пользователя веб-инструмент**»; *in a (basically) technology-driven way* — «(преимущественно) **технологичным** образом»; *domain independent (transdisciplinary scientific) lexicon* — «**независимая от предметной области** (обще)научная (междисциплинарная) лексика» и т. д.

Соответствующие энциклопедические / экстралингвистические (а также фоновые, предметные, «профессиональные») и лингвистические знания пока недоступны для современных автоматических переводчиков («не заложены в них», см. [Fuentes-Olivera, 2023, p. 22]), поэтому они идут по пути простого копирования имеющихся у них в памяти моделей или выполняют пословный перевод. Так, *Google Translate* дает следующий эквивалент для выражения *web-based lexicographic tool* — «веб-***инструмент для лексикографии**» (<https://translate.google.com/>), в котором выделенный полужирным фрагмент под звездочкой не является терминологичным. Это, в свою очередь, означает, в частности, что такое выражение неудобно использовать в тексте, к нему неудобно добавлять конкретизирующие, уточняющие или обобщающие смысловые компоненты и т. д. Причем обратный перевод терминологически корректного выражения на русском языке «**лексикографический веб-инструмент**» *Google Translate* также строит некорректно: «***lexicographic web tool**». Ср. правильное (и исходное): *web-based lexicographic tool*. См. аналогичное: *a test-driven development of the lexicographic product* — «**тестовая** разработка лексикографического продукта».

Соответственно, компактные, «свернутые» терминологические конструкции-неологизмы английского языка часто передаются на русский язык с экспликацией заложенного в них смысла, ср. *meaning-oriented classification of collocations* — «классификация словосочетаний **по их значению**», *up-market reference tools / online resources* — «**конкурентоспособные** лексикографические справочники / онлайн ресурсы **нового поколения**». При этом часто контекст требует предельно эксплицитного выражения заложенного в свернутом англоязычном термине смысла, ср. *data-driven economy* — «**ориентация на информационные потребности** (самых разных) **специалистов**» (ср. [Fuentes-Olivera et al., 2020, p. 98—102]). В принципе, все исследователи (см., например, [Станкевич, 2020, с. 28—33] и мн. др.) сходятся на том, что русский язык в целом и в области терминологии в частности, в отличие от английского языка [Cristal, 2006;

Юрковская и др., 2023], не стремится к лаконичности, компактности и имплицитности.

4. Заключение = Conclusions

Важнейшими условиями создания корректных межъязыковых эквивалентов при переводе (в том числе автоматическом) с английского языка на русский многокомпонентных лингвоспецифичных и потому идиоматичных терминов-неологизмов, особенно в области цифровых технологий, выступают: 1) учет и использование фоновых предметных знаний специалистов в данной области; 2) использование соответствующих энциклопедических знаний; 3) фиксирование новых моделей многокомпонентных терминологических неологизмов и инноваций в англоязычной научной коммуникации; 4) создание «гибких» цифровых лингвистических (двухязычных и многоязычных) ресурсов для различных лингвистических, дискурсивных, коммуникативных, терминологических, а также разного рода обучающих систем и 5) стремление к их обратимости.

В результате переход от печатных словарей к интерактивным в современной лексикографической практике сопровождается созданием лексикографических цифровых (в том числе двухязычных) ресурсов принципиально нового энциклопедического онлайн-типа, который, как отмечают специалисты, становится главным «лексикографическим инструментом» профессионалов-лексикографов [Pajzs, 2009] и отличается особой гибкостью: возможностью его использования в различных цифровых приложениях («Digital dictionaries, at least in theory, are more flexible»), а также «обратимостью» ресурсов [Huang et al., 2021, p. 82].

Кроме того, в настоящее время важнейшей лингвистической, лексикографической и терминографической задачей совершенствования цифровых технологий в области обработки естественного языка, в том числе и в межъязыковом аспекте, выступает «персонификация» предоставляемой лингвистической / лексикографической / терминологической информации пользователю цифровыми ресурсами и технологиями: учет его специализации, квалификации, текущих и перспективных задач и т. д. («Today new technologies and collaboration between lexicography and information science offer numerous new challenges that can be met by lexicographers... Personalization means that the data in terms of language, formality, content and design should be prepared and presented in such a way that users can solve their particular problems as smoothly as possible» [Tarp et al., 2019, p. 250—252]).

Так, одним из важнейших направлений компьютерной лексикографии в области ее персонификации выступает в настоящее время создание особых коммерческих продуктов, которые включают не-лексикографические,

экстралингвистические, энциклопедические и фоновые данные в свои расширенные тематические словарные статьи, которые строятся по типу фреймовых структур и включают разного рода скриншоты («Especially in commercial lexicography non-lexicographic data in dictionaries become increasingly important... Besides the core article the screenshot structure also allows extended articles that display a new type of frame structure, namely an article frame» [Gouws, 2023, p. 382]).

Важнейшей терминографической задачей в настоящее время при этом выступает интеграция терминологических ресурсов в соответствующие лексикографические порталы («Integrating terminological resources in dictionary portals»). Она требует унификации терминографической информации, ее систематизации и формирования более простых, прозрачных и системных лексикографических решений. Они призваны кардинально изменить стиль и содержание современной лексикографической работы, особенно в области терминографии, значительно способствуя международному обмену научной информацией [Fuentes-Olivera et al., 2020, p. 93]. Причем современное развитие цифровых технологий позволяет развивать лексикографические и терминографические ресурсы принципиально нового типа: ставить лексикографам новые задачи [Fuentes-Olivera, 2023, с. 22]: создавать на их основе новые более точные и полные лексикографические и «экстралингвистические», «проблемно-ориентированные» ресурсы и т. д. («The lexicographers' new tasks... are to outline some perspectives for future work, particularly lexicographic data of a new type...: problem-centred lexicographic databases», etc. [Tarp, 2023, p. 107]). Таким образом, создание цифровых ресурсов принципиально нового типа — включающих проблемно-ориентированные информационные лексикографические и энциклопедические базы данных — становится в настоящее время приоритетной задачей в области информационно-лингвистического обеспечения языковой и межкультурной научной коммуникации.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Бабалова Г. Г. Функциональная природа компьютерной терминологии / Г. Г. Бабалова // Инновационная экономика и общество. — 2015. — № 3 (9). — С. 2—7.
2. Гвишиани Н. Б. О новых терминах фразеологии в компьютернокорпусных исследованиях английского / Н. Б. Гвишиани // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 2 (45). — С. 155—165.
3. Рябцева Н. К. Современные терминологические проблемы в межкультурном аспекте / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 123—139. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139.

4. Рябцева Н. К. Межъязыковые соответствия и актуальные проблемы терминографии / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 211—227. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-211-227.

5. Станкевич Я. А. Особенности перевода современной ИТ терминологии с английского языка на русский : сопоставительный анализ / Я. А. Станкевич. — Москва : ВШЭ, 2020. — 71 с.

6. Шушарина, Г. А. Способы перевода неологизмов в терминологической системе компьютерных технологий / Г. А. Шушарина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 1 (423). — С. 172—177. — DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10125.

7. Юрковская, Е. А. Компенсация имплицитности англоязычного текста при переводе на русский язык / Е. А. Юрковская, И. А. Ким // Молодая наука Сибири. — 2023. — № 3 (21). — С. 274—280.

8. Chen Yu. Effect of Learning Conditions on Collocation Gains : A Case Study of Task-based Dictionary Use Instruction / Yu. Chen // Lexikos. — 2022. — № 32. — Pp. 1—30. — DOI: <https://doi.org/10.5788/32-1-1679>.

9. Cristal D. English and the communication of science / D. Cristal // Moderna Sprak. — 2006. — № 100 (1). — Pp. 20—33. — DOI: 10.58221/mosp.v100i1.9235.

10. Fuertes-Olivera P. A. Structuring a Collection of Lexicographic Data for Different User and Usage Situations / P. A. Fuertes-Olivera // Lexikos. — 2023. — № 33 (2). — Pp. 22—43. — DOI: 10.5788/33-2-1832.

11. Fuertes-Olivera P. A. Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals : The Case of the <i>Diccionarios Valladolid-UVa</i>. / P. A. Fuertes-Olivera, M. Esandi-Batzan // Lexikos. — 2020. — № 30 (1). — Pp. 90—110. — DOI: <https://doi.org/10.5788/30-1-1598>.

12. Gouws R. H. New Types of Frame Structures in Online Dictionaries / R. H. Gouws // Lexikos. — 2023. — № 33. — Pp. 382—403. — DOI: <https://doi.org/10.5788/33-1-1838>.

13. Granger S. Is core vocabulary a friend or foe of academic writing? Single word vs multi-word uses of THING / S. Granger, T. Larsson // Journal of English for Academic Purposes. — 2021. — № 52. — Pp. 1—13. — DOI: 10.1016/j.jeap.2021.100999.

14. Halliday M. A. K. The Language of Science / M. A. K. Halliday. — London ; New York : Continuum, 2004. — 243 p. — ISBN 0-8264058710.

15. Hoey M. Lexical Priming : A New Theory of Words and Language / M. Hoey. — London ; New York : Routledge, 2005. — 220 p. — ISBN 9780415328630.

16. Huang F. Dictionaries Integrated into English Learning Apps : Critical Comments and Suggestions for Improvement / F. Huang, S. Tarp // Lexikos. — 2021. — № 31. — Pp. 68—92. — DOI: 10.5788/31-1-1626.

17. Hyland K. Bundles in advanced EAL authors' articles : How do they compare with world Englishes practices? / K. Hyland, F. K. Jiang // World Englishes. Special Issue : World Englishes and English for Specific Purposes (ESP). — 2022. — Volume 41. — Issue 4. — Pp. 554—570. — DOI: <https://doi.org/10.1111/weng.12605>.

18. Pajzs J. On the possibility of creating multifunctional lexicographical databases / J. Pajzs // Lexicography at a Crossroads. Dictionaries and Encyclopedias Today, Lexicographical Tools Tomorrow. — Bern : Peter Lang, 2009. — Pp. 327—354. — ISBN 978-3-03911-799-4.

19. Salager-Meyer F. Scientific discourse and contrastive linguistics : Explicitness and the concept of reader/writer responsible languages / F. Salager-Meyer // European Science Editing. — 2011. — № 37 (3). — Pp. 71—72.

20. Sinclair J. Linear Unit Grammar : Integrating Speech and Writing / J. Sinclair, A. Mauranen. — Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2006. — 185 p. — ISBN 9789027222985.

21. Tarp S. Lexicography in the borderland between knowledge and non-knowledge : General lexicographical theory with particular focus on learner's lexicography / S. Tarp // Max Niemeyer Verlag. Lexicographica : series Maior. — Berlin : Walter de Gruyter, 2008. — 308 p. — ISBN 3484391340, 9783484391345.
22. Tarp S. Eppur si muove : Lexicography is Becoming Intelligent! / S. Tarp // Lexikos. — 2023. — № 33. — Pp. 107—131. — DOI: <https://doi.org/10.5788/33-2-1841>.
23. Tarp S. Lexicographic Contextualization and Personalization : A New Perspective / S. Tarp, R. H. Gouws // Lexikos. — 2019. — № 29. — Pp. 250—268. — DOI: 10.5788/29-1-1520.
24. Tarp S. Reference Skills or Human-Centered Design : Towards a New Lexicographical Culture / S. Tarp, R. H. Gouws // Lexikos. — 2020. — № 30 (1). — Pp. 470—498. — DOI: 10.5788/30-1-1600_.
25. Valdes O. An Introduction to Academic Writing [Electronic resource] / O. Valdes // ThoughtCo. — 2018. — Jan. 18. — Access mode : [thoughtco.com/what-is-academic-writing-1689052](https://www.thoughtco.com/what-is-academic-writing-1689052). (accessed 20.04.2024).
26. Wallwork A. English for Writing Research Papers / A. Wallwork. — New York, Dordrecht, Heidelberg, London : Springer, 2011. — 347 p. — ISBN 978-1-4419-7921-6.

Статья поступила в редакцию 12.05.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

References

- Babalova, G. G. (2015). The functional nature of computer terminology. *Innovative economy and society*, 3 (9): 2—7. (In Russ.).
- Chen, Yu. (2022). Effect of Learning Conditions on Collocation Gains: A Case Study of Task-based Dictionary Use Instruction. *Lexikos*, 32: 1—30. DOI: <https://doi.org/10.5788/32-1-1679>.
- Cristal, D. (2006). English and the communication of science. *Moderna Sprak*, 100 (1): 20—33. — DOI: 10.58221/mosp.v100i1.9235.
- Fuertes-Olivera, P. A., Esandi-Baztan, M. (2020). Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals: The Case of the <i>Diccionarios Valladolid-UVa</i>. *Lexikos*, 30 (1): 90—110. DOI: <https://doi.org/10.5788/30-1-1598>.
- Fuertes-Olivera, P. A. (2023). Structuring a Collection of Lexicographic Data for Different User and Usage Situations. *Lexikos*, 33 (2): 22—43. DOI: 10.5788/33-2-1832.
- Gouws, R. H. (2023). New Types of Frame Structures in Online Dictionaries. *Lexikos*, 33: 382—403. DOI: <https://doi.org/10.5788/33-1-1838>.
- Granger, S., Larsson, T. (2021). Is core vocabulary a friend or foe of academic writing? Single word vs multi-word uses of THING. *Journal of English for Academic Purposes*, 52: 1—13. DOI: 10.1016/j.jeap.2021.100999.
- Gvishiani, N. B. (2021). On new terms of phraseology in computer-corpus studies of English. *Cognitive studies of language*, 2 (45): 155—165. (In Russ.).
- Halliday, M. A. K. (2004). *The Language of Science*. London; New York: Continuum. 243 p. ISBN 0-8264058710.
- Hoey, M. (2005). *Lexical Priming: A New Theory of Words and Language*. London; New York: Routledge. 220 p. ISBN 9780415328630.
- Huang, F., Tarp, S. (2021). Dictionaries Integrated into English Learning Apps: Critical Comments and Suggestions for Improvement. *Lexikos*, 31: 68—92. DOI: 10.5788/31-1-1626.

- Hyland, K., Jiang, F. K. (2022). Bundles in advanced EAL authors' articles: How do they compare with world Englishes practices? *World Englishes. Special Issue: World Englishes and English for Specific Purposes (ESP)*, 41 (4): 554—570. DOI: <https://doi.org/10.1111/weng.12605>.
- Pajzs, J. (2009). On the possibility of creating multifunctional lexicographical databases. In: *Lexicography at a Crossroads. Dictionaries and Encyclopedias Today, Lexicographical Tools Tomorrow*. Bern: Peter Lang. 327—354. ISBN 978-3-03911-799-4.
- Riabtseva, N. K. (2023). Cross-Linguistic Correspondences and Current Problems in Terminography. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 211—227. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-211-227> (In Russ.).
- Riabtseva, N. K. (2022). Contemporary Terminological Problems in a Cross-linguistic Perspective. *Nauchnyi dialog*, 11 (6): 123—139. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139> (In Russ.).
- Salager-Meyer, F. (2011). Scientific discourse and contrastive linguistics: Explicitness and the concept of reader/writer responsible languages. *European Science Editing*, 37 (3): 71—72.
- Shusharina, G. A. (2019). Ways of translating neologisms in the terminological system of computer technologies. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1 (423): 172—177. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10125. (In Russ.).
- Sinclair, J. (2006). *Linear Unit Grammar: Integrating Speech and Writing*. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 185 p. ISBN 9789027222985.
- Stankevich, Ya. A. (2020). *Features of the translation of modern IT terminology from English into Russian: comparative analysis*. Moscow: HSE. 71 p. (In Russ.).
- Tarp, S. (2023). Eppure si muove: Lexicography is Becoming Intelligent! *Lexikos*, 33: 107—131. DOI: <https://doi.org/10.5788/33-2-1841>.
- Tarp, S. (2019). Lexicographic Contextualization and Personalization: A New Perspective. *Lexikos*, 29: 250—268. DOI: 10.5788/29-1-1520.
- Tarp, S. (2008). Lexicography in the borderland between knowledge and non-knowledge: General lexicographical theory with particular focus on learner's lexicography. In: *Max Niemeyer Verlag. Lexicographica: series Maior*. Berlin: Walter de Gruyter. 308 p. ISBN 3484391340, 9783484391345.
- Valdes, O. (2018). An Introduction to Academic Writing. *ThoughtCo. Jan. 18*. Available at: [thoughtco.com/what-is-academic-writing-1689052](https://www.thoughtco.com/what-is-academic-writing-1689052). (accessed 20.04.2024).
- Wallwork, A. (2011). *English for Writing Research Papers*. New York, Dordrecht, Heidelberg, London: Springer. 347 p. ISBN 978-1-4419-7921-6.
- Yurkovskaya, E. A. (2023). Compensation of the implicitness of the English-language text when translated into Russian. *Young Science of Siberia*, 3 (21): 274—280. (In Russ.).
- Tarp, S., Gouws, R. H. (2020). Reference Skills or Human-Centered Design: Towards a New Lexicographical Culture. *Lexikos*, 30 (1): 470—498. DOI: 10.5788/30-1-1600.

*The article was submitted 12.05.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Шулежкова С. Г. Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса / С. Г. Шулежкова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 140—159. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-140-159.

Shulezhkova, S. G. (2024). Orthodoxy and Literacy as Factors in Preserving Nagaibak Ethnic Group. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 140-159. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-140-159. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса

Шулежкова Светлана Григорьевна

orcid.org/0000-0002-0314-6721

ScopusAuthorID 57193141858

WoS ResearcherID: AAZ-3895-2021

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
общего языкознания и
массовой коммуникации
shulezkova@gmail.com

Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
и Правительства Челябинской области,
проект № 23-18-20045 «Создание
нагайбакской письменности как базы
для сохранения уникальной культуры
одного из малочисленных коренных
этносов Южного Урала»

Orthodoxy and Literacy as Factors in Preserving Nagaibak Ethnic Group

Svetlana G. Shulezhkova

orcid.org/0000-0002-0314-6721

ScopusAuthorID 57193141858

WoS ResearcherID: AAZ-3895-2021

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language,
General Linguistics and
Mass Communication
shulezkova@gmail.com

Nosov Magnitogorsk
State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was conducted
with financial support
from the Russian Science Foundation
and the Government of the Chelyabinsk
Region, project № 23-18-20045
“Creation of Nagaybak Script as a basis
for preserving the unique culture
of one of the small-numbered indigenous
ethnic groups of the Southern Urals”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема, связанная с угрозой исчезновения нагайбаков, одного из малых народов России. Нагайбаки — бесписьменный этнос, численность которого неуклонно сокращается. В XIX веке их было свыше 12 000, сегодня — немногим более 5 700 человек. Идентичность нагайбаков жидется на коллективной памяти, в основе которой лежат православие, казачество и необычный тюркский язык. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения народа, чья самобытная культура вызывает глубокий интерес у современных историков, этнографов, искусствоведов. Цель исследования — доказав оригинальность языка нагайбаков и большую роль православия в их судьбе, обозначить пути спасения этноса от растворения в соседних нациях. Новизна работы заключается в том, что акцент делается на коллективной памяти нагайбаков, отраженной в разговорном языке, фольклоре, молитвах, названиях праздников, обрядов и их атрибутов. Представлен лингвистический проект, результатом реализации которого станет внедрение нагайбакской письменности. Помимо поддержки православного богослужения, опубликованные при участии автора словари, русско-нагайбакский разговорник, разрабатывающиеся азбука, грамматика и руководство для преподавателей нагайбакского языка станут гарантией сохранения уникального этноса в многонациональной России.

Ключевые слова:

бесписьменный этнос; нагайбаки; коллективная память; религиозные взгляды; самобытность языка; алфавит; перспективная языковая политика; языковое строительство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of the threat of disappearance facing the Nagaibak people, one of the small ethnic groups in Russia. The Nagaibaks are a non-literate ethnic group, whose population is steadily declining. In the 19th century, there were over 12,000 of them, but today there are just over 5,700 individuals. The identity of the Nagaibaks is based on collective memory, rooted in Orthodoxy, Cossack heritage, and their unique Turkic language. The relevance of this study lies in the necessity of preserving a people whose distinctive culture is of great interest to modern historians, ethnographers, and art scholars. The aim of this research is to demonstrate the originality of the Nagaibak language and the significant role of Orthodoxy in their fate, as well as to identify ways to save the ethnic group from assimilation into neighboring nations. The novelty of this work lies in its emphasis on the collective memory of the Nagaibaks, reflected in their spoken language, folklore, prayers, holiday names, rituals, and attributes. A linguistic project is presented, the implementation of which will lead to the introduction of Nagaibak script. In addition to supporting Orthodox worship, dictionaries published with the author's involvement, a Russian-Nagaibak phrasebook, the development of an alphabet, grammar, and a guide for Nagaibak language teachers will ensure the preservation of this unique ethnic group in multicultural Russia.

Key words:

non-literate ethnic group; Nagaibak; collective memory; religious beliefs; linguistic uniqueness; alphabet; prospective language policy; language construction.

УДК 81'272:003.33

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-140-159

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса

© Шулежкова С. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Над нагайбаками, как и над частью других малых коренных народов России, нависла угроза исчезновения: «... численность нагайбаков, составлявшая согласно переписи 2010 г. 8148 человек, уменьшилась к 2020 г. почти на треть — до 5 719 человек» [Белоруссова, 2023, с. 200]. В стране, где проживают представители 193 национальностей, нагайбаки занимают 89-е место [Баширов, 2022], но вряд ли найдётся в Российской Федерации ещё один малый народ, кроме нагайбакского, о котором написано столько исторических трактатов, этнографических очерков и искусствоведческих работ, снято столько видеофильмов. Судьбой нагайбаков, потомков инородческой части южноуральского казачества, их образом жизни, мировоззрением, традициями, музыкальным наследием интересуются не только светские учёные, см., например: [Атнагулов, 2007, 2021, с. 86—91; Белоруссова, 2016, с. 43—53, 2017, с. 49—564, 2019, 2023; Имамеева, 1997; Макаров, 2014, с. 30—35, 2015; Ованесян, 2019, с. 511—513; Тептеев, 2015, с. 40—51 и др.]. Активное участие в изучении судьбы нагайбаков принимают и представители православного духовенства. Особого внимания применительно к теме нашего исследования заслуживают кандидатская диссертация епископа Магнитогорского и Верхнеуральского Зосимы [Балин, 2023, с. 144—171], а также работы протоиерея А. Гупало [Гупало, 2019, 2023].

Самое удивительное в 300-летней судьбе нагайбаков то, что, находясь в разноязычном поликонфессиональном окружении, они сохранились как этническая общность до наших дней. Будучи сами православными и тесно взаимодействуя с русскими, нагайбаки не отказались от родного тюркского языка. Говоря на языке, близком к языку своих постоянных соседей татар, башкир, казахов и других народов, исповедующих ислам, нагайбаки остались верны христианству. Огромную роль в этом сыграла миссионерская деятельность Русской православной церкви. Как пишет А. Гупало, современный исследователь истории православного просвещения инородцев на

Южном Урале, «Воцерковление послужило мощным импульсом для этнического строительства у нагайбаков. В процессе становления собственной церковной жизни в нагайбакском обществе появились механизмы сохранения, воспроизведения и развития начал народной жизни, без которых не может существовать ни одна более-менее значительная этническая группа...» [Гупало, 2023, с. 380]. Базой сохранения идентичности нагайбаков, помимо православия, стали казачество и оригинальный язык. Коллективная память нагайбаков о прошлом отражена в разговорной речи, в устных преданиях, в религиозной терминологии, в фольклоре, в семейных традициях, обрядовой культуре, где «всякое “Я” связано с “МЫ”, дающим основы для индивидуальной идентичности» [Ассман, 2014, с. 12].

Цель исследования — используя доказательства оригинальности нагайбакского языка, аргументировать необходимость, наряду с возрождением православного богослужения, внедрять собственно нагайбакскую письменность, что может гарантировать устойчивость нагайбакского этноса.

Анализ нагайбакского лексико-фразеологического материала осуществляется с учётом принципов антропоцентризма, функционализма и экспланатарности. При описании языка малого народа используются лингвокультурологический и когнитивный методы исследования с применением приёмов компонентного анализа. Фонетическая система нагайбакского языка анализируется с помощью сравнительно-сопоставительного метода. Материалами исследования послужили аудиозаписи живой разговорной речи, уже изданные словари, а также лексико-фразеологические материалы, тематически систематизированные и сохранённые в электронных записях, сделанных во время экспедиций.

Язык нагайбаков, при всей многогранности научной литературы об этом этносе, остаётся наименее изученным фактором их идентичности. Но именно языку нагайбаков в первую очередь грозит исчезновение. Оттого проблема спасения малочисленного нагайбакского этноса должна решаться не только за счёт строительства храмов и возрождения православного богослужения (сегодня в Нагайбакском районе уже действует 9 православных объектов), но и за счёт внедрения нагайбакской письменности и организации обучения детей нагайбаков языку их предков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Коллективная память нагайбакского этноса, значительной составляющей которой является культурная память, хранится по преимуществу в различных вербальных формах народного творчества, бытующих в устном виде. «Объективность коллективной памяти неоднократно ставилась под вопрос. Причём суть критической аргументации <...> сводится к тому,

что всякое воспоминание может быть лишь личным, индивидуальным, а стало быть, оно не может принадлежать социальной группе или обществу. Однако эффективность гуманитарных исследований <...> свидетельствует о том, что коллективная память есть реальный феномен» [Сабанчеев, 2020, с. 267]. Известный философ-культуролог Я. Ассман утверждает: «Именно необходимость сохранения культурной памяти породило письмо» — и добавляет: «Культурная память может осуществляться лишь искусственно <...> и в то же время это — память, потому что она функционирует по отношению к социальной коммуникации совершенно так же, как индивидуальная память по отношению к сознанию» [Ассман, 2004, с. 23]. Научной группе Магнитогорской словарной лаборатории приходится иметь дело с бесписьменным языком, и у нас нет возможности воспользоваться полноценными письменными материалами как источниками для изучения фонетического и грамматического строя нагайбакского языка, а также его лексико-фразеологического состава. Что же касается различных фольклорных записей нагайбакских текстов, выполненных собирателями в XIX—XX веках и даже в первой четверти XXI столетия, то они ориентированы преимущественно на татарский язык, а нагайбаки не без основания категорически отказываются признавать свой язык средним диалектом татарского. Материалами нашего исследования стали услышанные непосредственно от современных носителей нагайбакского языка пословицы и поговорки (см. [Барышникова и др., 2019]), тексты песен (походных казачьих, лирических девичьих, колыбельных, святочных, хороводных, духовных), частушки (см. [Барышникова, 2020]), прибаутки, сказки для детей, устные предания. В таких условиях ведущей при сборе языкового материала стала *полевая методика*.

О том, почему нагайбакский язык остался бесписьменным, нам уже приходилось писать ранее (см. об этом: [Шулежкова, 2023, с. 132—134]). Отсутствие письменности обрекает языки малых народов на забвение. Как гласит старинная нагайбакская пословица, *Без языка, и колокол нем*. Исчезнет язык — не останется шансов выжить и самому этносу. Бесписьменность нагайбаков — прямой результат переломных событий в истории России после Октябрьской революции. Среди них — гонения на церковь, которая курировала обучение детей инородцев в православных учебных заведениях; разрушение храмов, уничтожение икон и православной литературы, преследование священнослужителей, а также классовая борьба, трагически отразившаяся на судьбах не только казаков-нагайбаков, но и казаков России в целом. Самым болезненным ударом для нагайбакского языка стало закрытие в конце 1920-х — начале 1930-х годов православных школ с преподаванием на нагайбакском языке. В итоге нагайбакская моло-

дѣжъ в наши дни фактически перестала говорить на языке своих предков, а нагайбакский язык нуждается в поддержке.

Проблема спасения малого этноса должна решаться не только государственными органами, но и лингвистами. Помимо финансирования музеев, поддержки фольклорных коллективов (что выполняется областной и районной администрацией), необходимо создание учебных книг (азбуки, грамматики, разнообразных словарей, сборников связных текстов на нагайбакском языке), а также подготовка будущих учителей родного языка для школ в местах компактного проживания нагайбаков.

Сотрудничая с собирателями лексико-фразеологических богатств нагайбакского языка, научный коллектив уже более 10 лет изучает устную разговорную речь жителей Нагайбакского района. За это время было организовано несколько экспедиций в посёлки Остроленский, Париж, Фершампенуаз и др.; проанализированы коллекции собирателей нагайбакских слов и выражений (О. И. Барышниковой, Н. П. Васильева, И. Г. Терякова, а также супругов П. М. и В. А. Минеевых [Васильев, 2023; НРС РНС, 2015; НРСТем, 2017; СГНФ, 2015]). Собранные материалы убедили нас, во-первых, в том, что нагайбаки правы, считая свой родной язык оригинальным и не признавая его средним диалектом татарского языка (на чём настаивают не только тюркологи, но и авторы самых известных исторических и этнографических трактатов о нагайбаках); во-вторых, этот анализ убедил нас в том, что языковые данные являются объективными показателями менталитета нагайбаков и надёжными хранителями их коллективной памяти, в том числе культурной. О том, какую огромную роль играет коллективная память в жизни любого этноса, пишут многие специалисты (см., например, [Сабанчеев, 2016, с. 267—271]). Как утверждает известный философ Ю. М. Лотман, «культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти...» [Лотман, 1992, с. 200].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Определяя православие и письменность как важнейшие факторы сохранения нагайбакского этноса, мы исходили из того, что религия в союзе с письменностью издревле играла огромную роль в формировании и сохранении идентичности и коллективной памяти не только больших, но и малых народов. Во второй половине XIX и первой трети XX века миссионерская деятельность Русской православной церкви на Южном Урале дала весомые результаты. Подготовка священников, которые осу-

шествовали богослужение для крещёных инородцев и преподавали в православных школах Закон Божий на родном для детей инородцев языке, способствовала тому, что малые этносы, в том числе нагайбаки, не растворились в соседних крупных народах, сохранив свои оригинальные языки и идентичность.

3.1. Своеобразие нагайбакского языка

Исследование записей живой разговорной речи нагайбаков, а также анализ лексического состава нагайбакско-русских и русско-нагайбакских словарей свидетельствуют о том, что нагайбакский язык близок к татарскому и принадлежит к тюркской языковой семье. Это подтверждается целым рядом признаков, из которых отметим только самые существенные.

1. Многие нагайбакские слова имеют те же корни, что и татарские лексемы. Тюрколог Г. К. Валеев, изучив содержание «Нагайбакско-русского словаря», опубликованного в 2015 году, обнаружил, что «соотношение “одинаковых” (совпадающих по звучанию и произношению) слов к разнофонемным (отличающимся по фонемному составу), таких, например, как *хэзер* — *кэзер* ‘сейчас’, выглядит как 4:1, то есть нагайбакский язык близок к татарскому» [Валеев, 2015, с. 24].

2. Как и прочие тюркские языки, нагайбакский относится к числу языков с агглютинативным строем, при котором образование различных грамматических форм и однокоренных слов происходит за счёт «приклеивания» к корню или к основе аффиксов (префиксов или постфиксов), каждый из которых обладает обычно каким-то одним определённым значением. Например, нагайб. *кеше*, ед. ч. (‘человек’) — *кешелер*, мн. ч. (‘люди’); *кешешә*, нареч. (‘по-человечески, по-людски’).

3. Ударение, как и в других тюркских языках, в нагайбакском языке, как правило, падает на конечный слог лексемы: *тур-Ай* (‘жаворонок’), *щэбэләнергә* (‘метаться / метнуться’).

4. Как и другим тюркским языкам, нагайбакскому языку свойствен межслоговой сингармонизм, который проявляется в том, что абсолютное большинство слов состоит из слогов, содержащих либо только гласные переднего ряда, соседствующие с твёрдыми согласными, либо только гласные переднего ряда, соседствующие с согласными, испытывающими смягчение. Например, нагайб. *артка* (‘назад’), *туры* (‘прямой’); *тегермән* (‘мельница’), *китерергә* (‘приносить / принести’).

Однако, несмотря на сходство с татарским языком, принадлежа к тюркской языковой семье, нагайбакский, несомненно, является оригинальным языком. Не случайно после анализа лексических материалов «Нагайбакско-русского словаря» профессор Г. К. Валеев заключил: «... лексические показатели выявили относительно высокую независимость нагайбакского

языка от татарского» [Валеев, 2015, с. 25]. Доказательств тому немало. Некоторые из них отмечены и самим Г. К. Валеевым.

1) «Нагайбаки, в отличие от татар и других тюркских народов, исповедующих ислам, выработали новые лексемы для обозначения абстрактных понятий: ‘нация’ — тат. *милләт*, нагайб. *ден*; ‘народ’ — тат. *халык*, нагайб. *мәндә*; ‘родословная’ — тат. *шәжәрә*, нагайб. *зәуер*. Для наименования венчального платья и обряда венчания, чуждого мусульманской культуре, нагайбаки использовали древнее тюркское слово *кәбеннек* <...> причём название возложения венца на новобрачных сблизили с наименованием завершения бытового стогометания — венчанием: — *кәбен коеу*» [Там же, с. 25—26].

2) в отличие от татарской, нагайбакская лексико-фразеологическая система испытала более глубокое влияние со стороны русского языка. Это влияние ощутимо не только в общественно-политической сфере, в религиозной, в хозяйственной, образовательной и культурной жизни нагайбаков (см. об этом в работе «Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка» [Шулежкова, 2022]), но и в бытовом, внутрисемейном общении. Даже имена и фамилии нагайбаков очень часто не отличаются от имён и фамилий русских, что не в последнюю очередь связано с православным вероисповеданием малого народа.

3) Убедительные доказательства самобытности нагайбакского языка можно найти при анализе его звуковой системы, подробная характеристика которой дана во вступительном очерке к «Нагайбакско-русскому словарю с грамматическими пометами» [НРСГр, с. 3—9]. К наиболее серьёзным отличительным чертам фонетического строя нагайбакского языка следует отнести отсутствие таких привычных и для русских, и для татар звуков, как [в], [ф], [ц], [ч], [х]. Там, где русский или татарин произносит [в], нагайбак, говоря на родном языке, произнесёт [б]; на месте уже ставшего обычным и для русских, и для татар звука [ф] нагайбак использует [п]; на месте [ц] или [ч] у нагайбака произвольно появляется [щ], а на месте [х] — звук [к]. Ср., например, рус. *врач* — нагайб. *брац*, рус. *фанера* — нагайб. *панир*, рус. *церковь* — нагайб. *щиркау*, рус. *мох* — нагайб. *мук*.

4) Характерная черта нагайбакского языка — невозможность употребления в начале слова звукосочетаний [йе] и [йу]. На месте татарского [й] нагайбаки в таких случаях произносят мягкий [ж'] (обозначаемый в предлагаемом нами алфавите буквой «*жс*»), что существенно отличает нагайбакскую речь от татарской. Ср., например, тат. *елгар* — нагайб. *жсылгыр* (‘ловкий’), тат. *юлдаш* — нагайб. *жсүлдаш* ‘спутник’.

5) Одна из примечательных особенностей нагайбакского языка — своеобразное проявление тенденции, касающейся взаимосвязи гласных и со-

гласных звуков в структуре слова. Перед гласными переднего ряда и в абсолютном конце слова после слога, формирующегося с помощью гласного переднего ряда, парные по твёрдости / мягкости согласные смягчаются. Но, в отличие от действия этой тенденции, например, в татарском языке, в нагайбакском парные по твёрдости / мягкости согласные весьма заметно произносятся в таких условиях полумягко, а не мягко (исключение в этом плане, по нашим наблюдениям, составляет лишь пара [л] — [л']). Например, *бетерергә* [б'ет'ер'ергә] ('кончать / кончить'), *кисәтергә* [к'ис'әтергә] ('предупреждать / предупредить'). Не случайно на вопрос, чем отличается нагайбакская речь от татарской, даже самые неискушённые собеседники-нагайбаки отвечают: «*Татары говорят мягко*». Всё это, по словам известного тюрколога, «убеждает в том, что нагайбаки выработали свой этнический тип и самобытный язык» [Валеев, 2015, с. 26].

3.2. Отражение православного исповедания в нагайбакском языке

Несмотря на длительный атеистический период в истории России, сопровождавшийся разрушением храмов, уничтожением икон и религиозных книг, а также преследованием священников, не обошедшими стороной и Южно-Уральский регион, нагайбаки сохранили свою приверженность православной вере. Это отразилось в культурной памяти этноса и активизировалось в последние три десятилетия в связи с коренными социально-политическими изменениями в жизни России. Ю. М. Лотман справедливо пишет: «Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [Лотман, 1992, с. 201]. И добавляет: позитивистский взгляд на культурную память «фактически антиисторичен, так как игнорирует активную роль памяти в порождении новых текстов» [Там же]. Справедливость точки зрения Ю. М. Лотмана, сформулированной три десятилетия тому назад, подтверждается современными исследованиями. В работе «Православная идентичность нагайбаков» С. Ю. Белоруссова, характеризуя процессы восстановления и строительства православных храмов в нагайбакских поселениях, пишет о том, что «... православная культура, которая стала определяющим фактором в становлении этничности нагайбаков, продолжала жить внутри родства и в советское время. Те, кто испытал на себе влияние миссионерской школы и церкви, хранили православие как святыню <...> Согласно опросу, среди нагайбаков много тех, кто не крещён или никогда не был в церкви, однако все считают себя православными» [Белоруссова, 2017, с. 51—52]. Это подтверждается и нашими данными. На вопрос «*Какой веры придерживаются нагайбаки?*» (= нагайб. *Нейдей тоталар нагайбаклар?*») мы неизменно слышали ответ:

«Нагайбаки — православные христиане» (= нагайб. *Нагайбаклар — дөрес ден қалқы*)» (см. об этом: [РНР, 2023, с. 193—194]).

Автор книги «Соты памяти народной», сама будучи нагайбачкой, пишет: «У нагайбаков после закрытия церквей исподволь стали восстанавливаться языческие традиции. Будучи ревнителями Христианской веры, нагайбаки не завязывали родственных отношений ни с казахами, ни с башкирами. Нагайбаки — этнос со своим национальным самосознанием, причиной этому, вероятно, был полувоенный образ жизни, державший их всегда на расстоянии от других народов России...» [Вдовина, 2008, с. 62]. Этот нагайбакский симбиоз языческих элементов с православием не воспринимается современной Русской православной церковью как нечто непременно подлежащее искоренению. Во всяком случае, такую точку зрения высказал епископ Магнитогорский и Верхнеуральский Зосима в нашей беседе с ним о вероисповедании нагайбаков. Он твёрдо уверен в том, что нагайбаки, несмотря на некоторые языческие обряды, которыми они сопровождают важные моменты в их жизни (похороны, начало уборки урожая и пр.), остались православными христианами.

Коллективная память (по-нагайбакски *қатер*) содержит множество ритуальных, жестовых и вербальных доказательств приверженности нагайбаков православию. Устойчивые фразы и формулы, отражающие основы православной веры, а также христианская терминология прочно осели в нагайбакском языке. Они сохранились в молитвах и заговорах, в духовных песнопениях, наложили свой отпечаток на многие нагайбакские пословицы и поговорки; сопровождают религиозные праздники, которые нагайбаки отмечали даже в самые сложные атеистические времена. В рамках статьи остановимся лишь на нескольких тематических группах православной лексики и фразеологии, используемых нагайбаками. Наиболее важные из них — 1) наименования самой веры, а также потусторонних персонажей и святых, которым поклоняются православные христиане; 2) обозначения форм взаимоотношений между верующими и самим Господом Богом; 3) названия православных праздников и связанных с ними ритуалов; 4) языковые единицы, именующие объекты и предметы православного культа.

1) Саму православную веру нагайбаки называют либо словосочетанием *щын ден*, буквально означающим ‘истинная вера’, либо лексемами *ден*, *өмет*, *ышаныш*, каждая из которых в соответствующих контекстах переводится на русский язык как ‘вера’, ‘религия’, ‘исповедание’ (см. [НРСГр, 2023, с. 58, 173, 267]). Всевышнего нагайбаки с почтением называют *Қодай* или *Тәңер* [Там же, с. 142, 210] и (под влиянием соседей-татар) — *Алла* [Там же, с. 19]. Однако в подлинно народных источниках, таких как пословицы и поговорки, Всевышний называется только по-нагайбакски —

Қодай (см., например, нагайб. *Шайтан алмый аны, Қодайға кирәк төгел* = рус. *Чёрт не возьмёт его, а Богу не надо*). Иисуса Христа нагайбаки называют *Исус Кристос*, Бога Отца — *Қодай Ата*, Бога Сына — *Қодай Ул*. К Святой Деве Марии нагайбаки обращаются «*Изге Қыз Мәрее!*», к святому апостолу Петру — «*Изге Питер!*», к святому апостолу Павлу — «*Изге Пауал!*». Ангелов нагайбаки называют *пәрейшәлер* [Там же, с. 177], а их антиподов-чертей — *пәрейлер*.

2) Целый блок языковых единиц в нагайбакском языке характеризует взаимоотношения нагайбаков с Господом Богом. Если спросить у нагайбакских женщин или мужчин зрелого возраста, на каком языке они молятся Богу (= нагайб. *Нейдей телдә нагайбаклар теләк телейләр Қодайға?*»), каждый из них ответит: «*Нагайбаклар Қодайға теләк телейләр үзләренң туған телендә*» (= рус. «*Нагайбаки молятся Богу на родном языке*») (см. [РНР, 2023, с.193–194]). Как и русские православные люди, верующие нагайбаки обращаются к Всевышнему через молитвы (рус. *молитва* — нагайб. *иман*; рус. *молиться* — нагайб. *иман укырға*). Они знают, что такое *исповедь* (= нагайб. *кишереүне сорау*), могут пойти в церковь *исповедаться* (= нагайб. *кишереүне сорарға*), *покаяться* в своих *грехах* (нагайб. *үкенергә, табынырға*) [НПС РНС, 2015, с. 86]; рус. *грех* — нагайб. *гонақ, жазық*; рус. *грешить* — нагайб. *жазықларырға*; рус. *грешник, грешная душа* — нагайб. *жазықы жазықлы жан* [НПСГр, 2023, с. 67]).

В нагайбакском языке, как и в русском, немало формул-коммуникативов и эмоциональных восклицаний, в состав которых входят обращения к Всевышнему. Это могут быть наставления в трудные минуты жизни, пожелания, просьбы о помощи, заклинания или слова благодарности в случае успеха или радостных событий (нагайб. *Бәрук Қодай таишамасың!* — рус. *Лишь бы создатель не отвратил от нас своих очей!*; нагайб. *Әй Қодайем!, Ул Аллам!* — рус. *Боже мой!; Қодай сақласы!, Аллам сақласы!* — рус. *Боже упаси!*; нагайб. *Қодай тының жоқы бир!* = рус. *Дай Бог спокойного сна!* и др.).

3) С великим почтением нагайбаки относятся к православным праздникам. Праздники, связанные с вероисповеданием, играют огромную роль в сохранении культурной памяти и идентичности любого народа (см. об этом: [Зубанова, 2020; Ковалёв, 2008]). Для всех православных праздников у нагайбаков существуют особые названия, которые представляют собой либо кальки с церковнославянских слов и выражений, либо фонетически освоенные заимствования из русского языка. К наиболее почитаемым праздникам у нагайбаков относятся *Рождество Христово* (*Қодайның / Кристосның тыугаң көнен*), *Святки* (*Нардуган*), *Пасха* (*Олы көнне*), *Троица* (*Ториссынны*) и *Покров день* (*Пыкрауны, бүтәннәрен дә*) (см. [РНР, 2023, с. 202]). О том, какими ритуалами (с их нагайбакскими названия-

ми) сопровождаются православные праздники, можно узнать в разделе «Религиозные праздники» «Русско-нагайбакского разговорника» [РНР, 2023, с. 201—216] и в книге известной собирательницы нагайбакского фольклора «Соты памяти народной» [Вдовина, 2008, с. 63—74]. Помимо легенд, сказок, былей, притч, описания нагайбакской кухни, некоторых обычаев нагайбаков, примет, в которые они верят, читатель может найти у С. И. Вдовиной и сведения, касающиеся истории православных храмов в нагайбакских поселениях [Там же, с. 11—62].

4) Особую группу в нагайбакском языке формируют слова и выражения, называющие объекты и предметы православного культа: рус. *церковь* — нагайб. *щиркэу*, рус. *Святое Евангелие* — нагайб. *Изге Сүз*, рус. *икона* — нагайб. *тэре*, рус. *крест* — нагайб. *крис*, рус. *купель* — нагайб. *щукыныу сыуы*, рус. *крашеное яйцо* — нагайб. *буяган кукэй*, рус. *святая вода* — нагайб. *изге сыу*, рус. *колокол* — нагайб. *щан* и пр. (См. [РНР, 2023, с. 216—220]).

Таким образом, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, сложившиеся для нагайбаков в атеистические времена, они сохранили священную память о православной вере, и самым надёжным хранилищем для этой веры стал их своеобразный язык.

3.3. Письмо как ценность. Алфавит для нагайбаков

Образование, учёба и письмо всегда осознавались нагайбаками как величайшая ценность. Об этом свидетельствует нагайбакский фольклор. «Ученье дороже богатства; Знание — половина ума; у кого локти крепки — одного осилит, у кого знания крепки — тысячу осилит» [Барышникова, 2019, с. 50—51], — говорят дошедшие до наших дней старинные нагайбакские пословицы. А в современных нагайбакских частушках *письма* фигурируют как средства, в которых нагайбакские молодые люди в самых сокровенных чувствах признаются своим любимым: «*Висит на яблоньке платок — / Так ласточек встречаю я / Пишу письмо тебе, дружок, / Чтоб ты узнал: скучаю я*»; «*Когда пишешь мне, в чернила / Ты гвоздику положи. / Всем разлучницам дорогу / к нам навеки закажи; Белую солому я / в сарай убираю, А соскучусь по любимой — / Письма посылаю*» [Барышникова, 2020, с. 20, 22, 59]. Но сегодня молодые нагайбаки пишут письма не на нагайбакском, а на русском или татарском языках в соответствии с тем, на каком языке они получают образование.

В дореволюционной России среди казачьих подразделений нагайбакские части относились к наиболее образованным. Дети нагайбаков, готовясь к военной службе, 6 лет учились в православных школах, где преподавание велось на нагайбакском языке по системе Н. И. Ильминского. Параллельно с классами для мальчиков действовали и классы для девочек

(правда, с гораздо меньшим составом). Система обучения в казачьих нагайбакских станицах Южного Урала подробно описана в книге протоиерея Андрея «Нагайбакская миссия» [Гупало, 2023, с. 104—114]. Однако полувековая письменная традиция после закрытия православных школ с преподаванием на нагайбакском языке прервалась. Дети нагайбаков стали получать образование либо на русском, либо на татарском языке. Книги, напечатанные с использованием алфавита Н. И. Ильминского, по которым шло обучение в православных школах, были изъяты и уничтожены. Сейчас ни в библиотеках, ни в музеях Нагайбакского района их не найти.

Вопрос о собственной письменности для нагайбаков очень долго не только не решался, но даже не ставился. На это были свои причины. Несмотря на то, что при переписи населения, проводившейся в 1920-е годы, нагайбаки были признаны самостоятельным этносом, их язык называли татарским, а позже, при выдаче паспортов, и самих нагайбаков стали причислять к татарам. Последствия таких решений для нагайбаков были печальными: во время ликвидации безграмотности в молодом социалистическом государстве нагайбаки не могли попасть в число бесписьменных малых народов, для которых советские лингвисты активно изобретали алфавиты. Конечно, в годы культурной революции проще всего было приспособить для этой цели алфавит Н. И. Ильминского. Но в советские времена на этом алфавите лежала печать запрета из-за религиозного содержания всех книг, напечатанных буквами этой азбуки, а просветительская деятельность Ильминского публично осуждалась как «мракобесие» (см. об этом: [Сулейманов, 2012]).

Долгие годы борьбы нагайбаков за признание их малым этносом, говорящим на особом языке, закончились победой: в «Постановлении Правительства РФ № 255 от 24 марта 2000 года “О едином перечне коренных малочисленных народов РФ”» нагайбаки заняли 16-е место [Постановление, 2000]. Препятствия на пути создания алфавита для бесписьменного нагайбакского этноса были устранены. Когда по просьбе представителей нагайбакской общины научный коллектив Магнитогорской словарной лаборатории намечал программу создания книг, которые помогли бы начать обучение детей нагайбаков родному языку, сразу возник вопрос об алфавите. В сложившейся ситуации, что вполне естественно, мы обратились к уникальному опыту Н. И. Ильминского, который ещё в 1873 году писал: «Алфавит служить обыкновенно признакомъ и памятникомъ соотношеній религиозныхъ. То почти историческая аксіома, что когда одинъ народъ принималъ отъ другаго народа вѣру, то вмѣстѣ съ вѣрой принималъ отъ него и алфавитъ» [Изъ переписки ..., 1883, с. 18]. Наша работа проходит на фоне возрождения православного богослужения в нагайбакских поселениях. И образцом для нагайбакского алфавита для нас стала обрусевшая кириллица

ца. Предлагаемый нами алфавит, состоящий из 31 буквы, отражает состояние звуковой системы современного нагайбакского языка. Он отличается и от современного русского алфавита, и от алфавита Ильминского. В нём нет ни букв В, Ф, Ц, Ч, Х, Ё, ни Ъ и Ы, зато есть буквы, характеризующие специфические нагайбакские звуки (F, K, Ж, H, Y, Ə, Ø) (см. [НРСГр, 2023, с. 7—11]). При его создании мы учитывали принципы, разработанные выдающимся востоковедом-просветителем Ильминским при написании учебной литературы для православных школ, где тюркоязычные дети обучались на своих родных языках: «Принявши за основное правило русской транскрипции для инородческих языковъ то, чтобы дѣлать въ русской азбукѣ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, необходимыя по фонетическимъ свойствамъ даннаго языка, нужно допустить для разныхъ инородческихъ языковъ разную степень приспособленія русской азбуки... » [Изъ переписки..., 1883, с. 28—29].

4. Заключение = Conclusions

Решая проблему внедрения письменности с целью остановить «рассеивание» нагайбаков среди соседних наций, мы прекрасно осознаём всю сложность ситуации. Уже слишком быстро и внешне безболезненно «рассеиваются» среди русских и татар потомки лихих казаков-нагайбаков, чья выправка, бесстрашие и боевые подвиги восхищали даже врагов. Правда, некоторые исследователи не видят ничего опасного в том, что происходит сейчас с этим малым народом. Даже одна из самых талантливых исследовательниц судьбы и культуры нагайбаков С. Ю. Белоруссова, характеризуя реакцию нагайбаков на сокращение численности своего этноса, уверяет: «... после длительного периода запрета на этничность получение возможности называть себя нагайбаками позволило успокоиться и почувствовать долгожданную свободу — свободу от доказательств своей идентичности <...> народ не теряется и не растворяется, а вступает в новый этап этнической истории». [Белоруссова, 2023, с. 222].

Отсутствие письменности — самое уязвимое место нагайбакского этноса, ведь первыми исчезают с лица Земли именно бесписьменные малые народы. И одним из самых тревожных показателей в этом отношении является резкое сокращение их численности. Эту тенденцию можно наблюдать в любом современном государстве, «где есть и языки меньшинств, и разные формы существования господствующего языка». Проводя языковую политику, власти должны учитывать «взаимодействие двух естественных, но противоположных потребностей <...> между потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания» [Алпатов, 2013, с. 11]. Отрадно, что в Российской Федерации, где русский язык ещё при СССР получил

государственный статус, государство не рассматривает его как антипод по отношению к национальным языкам малых народов. Признав язык титульной нации средством межнационального общения, оно не исключает поддержки языков и культур малых этносов. Об этом свидетельствует план масштабных мероприятий, намеченных Правительством РФ в связи с «Международным десятилетием языков коренных народов (2022—2032)». В рамках реализации этого плана работает и научный коллектив Магнитогорской словарной лаборатории, предлагая результаты своего лингвистического проекта как средства внедрения нагайбакской письменности и начала обучения детей нагайбаков родному языку.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Барышникова О. И. «О тебе душа страдает...»: нагайбакские частушки с переводом на русский язык / О. И. Барышникова, С. Г. Шулежкова. — Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати, 2020. — 156 с. — ISBN 978-5-7114-0737-9.
2. Барышникова О. И. Эйтем тиктэн эйтелмей / О. И. Барышникова // Пословица недаром молвится : толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа. — Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. — 157 с. — ISBN 976-5-7114-0679-2.
3. Баширов С. Всероссийская перепись населения 2021. Население регионов [Электронный ресурс] / С. Баширов // livejournal, 03.09.2022. — Режим доступа : <https://sevabashirov.livejournal.com/539466.html> (дата обращения 25.04.2023).
4. Васильев Н. П. Коллекция слов и этнографических заметок о нагайбаках. — Посёлок Остроленский, Нагайбакского р-на, Челябинской области, 2023. — 116 с.
5. НРСГр — Барышникова О. И. Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами / О. И. Барышникова, С. Г. Шулежкова ; под ред. Н. В. Поздняковой. — Москва : ФЛИНТА, 2023. — 276 с. — ISBN 978-5-9765-5436-8.
6. НРС РНС — Барышникова О. И. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь / О. И. Барышникова. — Магнитогорск : Издательство МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. — 175 с. — ISBN 978-5-9967-0635-8.
8. НРСТем — Минеев П. М. Русско-нагайбакский словарь. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский тематический словарь / П. М. Минеев, В. А. Минеева. — Челябинск : Цицеро, 2017. — 271 с. — ISBN 978-5-91283-861-3.
9. Постановление Правительства РФ № 255 от 24 марта 2000 года «О едином перечне коренных малочисленных народов РФ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://baza.nra.ru/pravitelstvo-rf-postanovlenie-n255-ot24032000-h518626/> (дата обращения 19.02.2024).
10. РНР — С. Г. Шулежкова. Русско-нагайбакский разговорник / С. Г. Шулежкова, О. И. Барышникова. — Москва : ФЛИНТА, 2023в. — 252 с. — ISBN 978-5-9785-5435-1.
11. СГНФ — Теряков И. Г. Словарь говора нагайбаков (по материалам села Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области) / И. Г. Теряков. — Москва : ФЛИНТА, 2015. — 260 с. — ISBN 978-5-9765-5435-1.

Литература

1. *Алпатов В. М.* Языковая политика в современном мире : «одноязычная» и «двужызычная» практики и проблема языковой ассимиляции / В. М. Алпатов // *Comparative politics*. — 2013. — № 2 (12). — С. 11—22.
2. *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / А. Ассман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с. — ISBN 978-5-5-4448-1151-1.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с. — ISBN-5-4448-1958-6.
4. *Ассман Я.* Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / А. Ассман. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.
5. *Атнагулов И. Р.* Опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX — начала XX века / И. Р. Атнагулов. — Магнитогорск : МаГУ, 2007. — 244 с.
6. *Атнагулов И. Р.* Феномен нагайбакской идентичности как результат политико-административных реформ и русских культурных влияний второй половины XVI — начала XX в. / И. Р. Атнагулов // *Вестник Томского государственного университета*. — 2021. — № 69. — С. 86—91. — DOI: 10/17223/19988613/69/12.
7. *Балин М. А.* Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степном крае : вторая половина XIX — начало XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 5.6.1 / М. А. Балин. — Омск, 2023. — 272 с.
8. *Белоруссова С. Ю.* Исчезают ли нагайбаки? / С. Ю. Белоруссова // *Этнография. Ethnografia*. — 2023. — № 1 (19). — С. 203—224. — DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19) 203-224.
9. *Белоруссова С. Ю.* Нагайбаки : динамика идентичности / С. Ю. Белоруссова. — Санкт-Петербург : Издательство МАЭ РАН, 2019. — 424 с. — ISBN 978-88431-376-7.
10. *Белоруссова С. Ю.* Нагайбаки на перекрёстке православных и Православия и мусульманских миссий / С. Ю. Белоруссова // *Религиоведение*. — 2016. — № 3. — С. 43—53.
11. *Белоруссова С. Ю.* Православная идентичность нагайбаков / С. Ю. Белоруссова // *Религиоведение*. — 2017. — № 3. — С. 49—56. — DOI: 10.22250/2072-8662.2017.3.49-56.
12. *Валеев Г. К.* Размышления над «Нагайбакско-русским и русско-нагайбакским словарём О. И. Барышниковой / Г. К. Валеев // *Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь. Научно-исследовательская словарная лаборатория ИТЦ ; гл. ред., автор вступ. ст. С. Г. Шулежкова*. — Магнитогорск : Издательство МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. — С. 2—27. — ISBN 978-5-9967-0635-8.
13. *Вдовина С. И.* Соты памяти народной / С. И. Вдовина. — Челябинск : ООО «АЛИМ», 2008. — 224 с. — ISBN 978-5-903322-36-7.
14. *Гупало А.* Нагайбакская миссия в XIX — нач. XX в. / А. Гупало. — 1-е издание. — Челябинск : Совет Русской Православной Церкви, 2023. — 425 с. — ISBN 978-5-6048719-5-9.
15. *Гупало А.* Течение совершил, веру сохранил». Памяти христианского просветителя нагайбаков, кряшенского свщ. Игнатия Тимофеевича Тимофеева [Электронный ресурс] / А. Гупало // *Творческое объединение*. — 2019. — Режим доступа : <https://www.beesona.pro/id55178/- literature/-106002/> (дата обращения 20.02.2024).

16. *Зубанова Л. Б.* Цифровая память в пространстве мемориальной культуры : образы прошлого в медиатехнологиях будущего / Л. Б. Зубанова // Челябинский гуманитарий. — 2020. — № 3 (52). — С. 15—22. — DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10302.

17. *Изъ* переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. — Казань : Типографія Императорскаго университета, 1883. — 48 с.

18. *Имеева Р. А.* Многоголосие в татарской народной и профессиональной музыке (на материале песенной культуры нагайбаков — южноуральских татар-кряшен и произведений татарских композиторов 60—70 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.02 / Р. А. Имеева. — Магнитогорск, 1997. — 23 с.

19. *Ковалев М. В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения культурной памяти / М. В. Ковалёв // Диалог со временем. — 2008. — № 25 (2). — С. 119—138.

20. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избр. Статьи : в 3 т. Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1. — С. 200—202. — ISBN 5-450-01551-8.

21. *Макаров Г. М.* Нагайбакские песни и музыкальные инструменты / Г. М. Макаров. — Казань : Татарское книжное издательство, 2015. — 207 с. — ISBN 978-5-298-02915-5.

22. *Макаров Г. М.* Христианские праздники и духовные песни кряшен / Г. М. Макаров // Керэшен мәдәнияте. Православ бэйрәмнәр, славутлар, дини жырулар = Кряшенская культура. Православные праздники, славильные песни, духовные стихи. — Казань : Отечество, 2014. — С. 30—35. — ISBN 978-5-9222-0785-0.

23. *Ованесян Л. Г.* Отражение русских фольклорных традиций в хороводах верхнеуральских казаков / Л. Г. Оганесян, Л. К. Клыкова // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 5 (78). — С. 511—513. — DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00201.

24. *Сабанчеев Р. Ю.* Культурная память как форма коллективной памяти (эпистемологический аспект) / Р. Ю. Сабанчеев // Вече. — 2016. — № 28. — С. 267—271.

25. *Сулейманов Р.* Николай Ильминский : развенчание мифов. Интервью с лидером кряшен Аркадием Фокиным (Из книги «Николай Ильминский и кряшенское национальное движение : сборник материалов конференции (27 декабря 2012 года)» [Электронный ресурс] / Р. Сулейманов. — Режим доступа : <https://pravoslavie.ru/55796.html> (дата обращения 12.04.2024).

26. *Тептеев А. Г.* Страницы из истории Нагайбакской станицы / А. Г. Тептеев // Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2015. — С. 40—51. — ISBN 978-5-4417-0614-8.

27. *Шулежкова С. Г.* Латиница, арабика или всё же кириллица? (К проблеме создания нагайбакского алфавита) / С. Г. Шулежкова // Русский язык в синхронии и диахронии: сборник материалов Всероссийского семинара с международным участием, посвящённого Году педагога и наставника (19 мая 2023 г., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет). — Челябинск : ЗАО «Библиотека А. А. Миллера», 2023. — С. 131—137. — ISBN 978-5-93162-599-7.

28. *Шулежкова С. Г.* Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка / С. Г. Шулежкова // Гуманитарно-педагогические исследования. — 2022. — Т. 6. — № 3. — С. 49—54. — DOI: 10.18503/2658-2022-6-3-49-54.

*Статья поступила в редакцию 13.04.2024,
одобрана после рецензирования 09.06.2024,
подготовлена к публикации 16.06.2024.*

Material resources

- Baryshnikova, O. I., Shulezhkova, S. O. (2020). *"The soul suffers about you ...": Nagaibak chastushki with translation into Russian*. Magnitogorsk: Magnitogorsk House of Printing, CJSC. 156 p. ISBN 978-5-7114-0737-9. (In Russ.).
- Baryshnikova, O. I. (2019). Aytem tiktan aytelmey. In: *The proverb is not without reason: an explanatory dictionary of proverbs and sayings of the Nagaibak people*. Magnitogorsk: Magnitogorsk Printing House CJSC. 157 p. ISBN 976-5-7114-0679-2. (In Russ.).
- Bashirov, S. (2022). All-Russian Population Census 2021. The population of the regions. *Live-journal*, 03.09. Available at: <https://sevabashirov.livejournal.com/539466.html> (accessed 25.04.2023). (In Russ.).
- Decree of the Government of the Russian Federation № 255 dated March 24, 2000 "On the unified list of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation"*. Available at: <https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-postanovlenie-n255-ot24032000-h518626/> (accessed 19.02.2024). (In Russ.).
- NRSGr — Baryshnikova, O. I., Shulezhkova, S. G. (2023). *Nagaibaksky-Russian dictionary with grammatical marks*. Moscow: FLINT. 276 p. ISBN 978-5-9765-5436-8. (In Russ.).
- NRSTem — Mineev, P. M., Mineeva, V. A. (2017). *Russian-Nagaibak dictionary. Nagaibak-Russian dictionary. Russian-Nagaibak thematic dictionary*. Chelyabinsk: Cicero. 271 p. ISBN 978-5-91283-861-3. (In Russ.).
- RNR — Shulezhkova, S. G., Baryshnikova, O. I. (203b). *Russian-Nagaibak phrasebook*. Moscow: FLINT. 252 p. ISBN 978-5-9785-5435-1. (In Russ.).
- SGNF — Teryakov, I. G. (2015). *Dictionary of the Nagaibak dialect (based on the materials of the village of Fershampenoise in the Nagaibak district of the Chelyabinsk region)*. Moscow: FLINT. 260 p. ISBN 978-5-9765-5435-1. (In Russ.).
- The RNS LDC — Baryshnikova, O. I. (2015). *Nagaibak-Russian dictionary. Russian-Nagaibak dictionary*. Magnitogorsk: Publishing House of the Moscow State Technical University named after G. I. Nosov. 175 p. ISBN 978-5-9967-0635-8. (In Russ.).
- Vasiliev, N. P. (2023). *Collection of words and ethnographic notes about nagaibaks*. Ostrolensky settlement, Nagaibaksky district, Chelyabinsk region. 116 p. (In Russ.).

References

- Alpatov, V. M. (2013). Language policy in the modern world: "monolingual" and "bilingual" practices and the problem of language assimilation. *Comparative politics*, 2 (12): 11—22. (In Russ.).
- Assman, A. (2019). *Oblivion of history — obsession with history*. Moscow: New Literary Review. 552 p. ISBN 978-5-5-4448-1151-1. (In Russ.).
- Assman, A. (2014). *The Long Shadow of the past. Memorial culture and historical politics*. Moscow: New Literary Review. 328 p. ISBN-5-4448-1958-6. (In Russ.).
- Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).
- Atnagulov, I. R. (2007). *The experience of a comprehensive historical and ethnographic study of the economy and material culture of the second half of the XIX — early XX century*. Magnitogorsk: MaGU. 244 p. (In Russ.).
- Atnagulov, I. R. (2021). The phenomenon of Nagaibak identity as a result of political and administrative reforms and Russian cultural influences of the second half

- p>of the XVI — early XX century.
- Bulletin of Tomsk State University*
- , 69: 86—91. DOI: 10/17223/19988613/69/12. (In Russ.).
- Balin, M. A. (2023). *The Russian Orthodox Church as an actor in the policy of internal colonization of the Russian Empire in Western Siberia and the Steppe region: the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Omsk. 272 p. (In Russ.).
- Belorusova, S. Y. (2023). Do nagaibaks disappear? Ethnography. *Etnografia, 1* (19): 203—224. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19) 203-224. (In Russ.).
- Belorusova, S. Y. (2019). *Nagaibaki: dynamics of identity*. St. Petersburg: Publishing House of the MAE RAS. 424 p. ISBN 978-88431-376-7. (In Russ.).
- Belorusova, S. Y. (2017). The Orthodox identity of nagaibakov. *Religious studies*, 3: 49—56. DOI: 10.22250/2072-8662.2017. (In Russ.).
- Belorusova, S. Yu. (2016). Nagaibaki at the crossroads of Orthodox and Orthodoxy and Muslim missions. *Religious studies*, 3: 43—53. (In Russ.).
- Gupalov, A. (2019). Made the flow, kept the faith. In memory of the Christian educator Nagaibakov, the Kryashchensky priest. Ignatiy Timofeevich Timofeev. *Creative association*. Available at: <https://www.beesona.pro/id55178literature/-106002/> (accessed 20.02.2024). (In Russ.).
- Gupalov, A. (2023). *Nagaibak mission in the XIX — beginning. XX century. 1st edition*. Chelyabinsk: Council of the Russian Orthodox Church. 425 p. ISBN 978-5-6048719-5-9. (In Russ.).
- Imameeva, R. A. (1997). *Polyphony in Tatar folk and professional music (based on the song culture of the Nagaibaks — South Ural Kryashen Tatars and the works of Tatar composers of 60—70)*. Author's abstract of PhD Diss. Magshitogorsk. 23 p. (In Russ.).
- Kovalev, M. V. (2008). Historical holidays of Russian emigration as a way to preserve cultural memory. *Dialogue with time*, 25 (2): 119—138. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). Memory in cultural illumination. In: *Elected. Articles: in 3 volumes. Articles on semiotics and typology of culture, 1*. Tallinn: Alexandra. 200—202. ISBN 5-450-01551-8. (In Russ.).
- Makarov, G. M. (2019). Christian holidays and spiritual songs of kryashen. In: *Kerashen madaniyate. Pravoslav bayramnar, slavutlar, dini zhyrular = Kryashen culture. Orthodox holidays, songs of praise, spiritual poems*. Kazan: Fatherland. 30—35. (In Russ.).
- Oganesyan, L. G. (2019). Reflection of Russian folklore traditions in the round dances of the Upper Ural Cossacks. *The world of science, culture, and education*, 5 (78): 511—513. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00201. (In Russ.).
- Makarov, G. M. (2015). *Nagaibak songs and musical instruments*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 207 p. ISBN 978-5-298-02915-5. (In Russ.).
- Sabanceev, R. Y. (2016). Cultural memory as a form of collective memory (epistemological aspect). *Veche*, 28: 267—271. (In Russ.).
- Shulezhkova, S. G. (2023). Latin, Arabic or Cyrillic? (On the problem of creating the Nagaibak alphabet). In: *Russian language in synchrony and diachrony: a collection of materials of the All-Russian seminar with international participation dedicated to the Year of the Teacher and Mentor (May 19, 2023, South Ural State Humanitarian Pedagogical University)*. Chelyabinsk: A. A. Miller Library CJSC. 131—137. ISBN 978-5-93162-599-7. (In Russ.).
- Shulezhkova, S. G. (2022). The Russian trace in the lexical and phraseological system of the Nagaibak language. *Humanitarian and pedagogical research*, 6 (3): 49—54. DOI: 10.18503/2658-2022-6-3-49-54. (In Russ.).

- Suleymanov, R. Nikolay Ilminsky: *debunking myths. Interview with Kryashen leader Arkady Fokin* (From the book “Nikolai Ilminsky and the Kryashen national movement: a collection of conference materials (December 27, 2012)”. Available at: <https://pravoslavie.ru/55796.html> (accessed 12.04.2024). (In Russ.).
- Tepteev, A. G. (2015). Pages from the history of the Nagaibak village. In: *Ethnocultural and religious diversity of the Ural-Volga region: a collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Orenburg: IPK Universitet LLC. 40—51. ISBN 978-5-4417-0614-8. (In Russ.).
- The results of correspondence on the question of the application of the Russian alphabet to foreign languages*. (1883). Kazan: Printing House of the Imperial University. 48 p. (In Russ.).
- Valeev, G. K. (2015). *Reflections on the “Nagaibak-Russian and Russian-Nagaibak dictionary”*. *The Russian-Nagaibak dictionary. Scientific Research Dictionary Laboratory of the ITC*. Magnitogorsk: Publishing House of the Moscow State Technical University named after G. I. Nosov. 2—27. ISBN 978-5-9967-0635-8. (In Russ.).
- Vdovina, S. I. (2008). *Honeycombs of people's memory*. Chelyabinsk: ALIM LLC. 224 p. ISBN 978-5-903322-36-7. (In Russ.).
- Zubanova, L. B. (2020). Digital memory in the space of memorial culture: images of the past in media technologies of the future. *Chelyabinsk Humanities*, 3 (52): 15—22. DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10302. (In Russ.).

*The article was submitted 13.04.2024;
approved after reviewing 09.06.2024;
accepted for publication 16.06.2024.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Ксения Владимировна Гришина, канд. юрид. наук (Екатеринбург)

Михаил Владиславович Щетинин, исследователь (Екатеринбург)

Ольга Александровна Болтуц, канд. филол. наук (Краснодар)

Юрий Викторович Лучинский, д-р филол. наук (Краснодар)

Информация для цитирования:

Болтуц О. А. Литературно-краеведческая тематика курортной прессы Черноморской губернии / О. А. Болтуц, Ю. В. Лучинский // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 161—179. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-161-179.

Boltuts, O. A., Luchinsky, Yu. V. (2024). Literary and Local History Themes of Resort Press of Black Sea Province. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 161-179. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-161-179. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Литературно-краеведческая тематика курортной прессы Черноморской губернии

Болтуц Ольга Александровна

orcid.org/0000-0001-5210-2090

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра истории и правового
регулирования массовых коммуникаций,

корреспондирующий автор

boltutsolga2017@gmail.com

Лучинский Юрий Викторович

orcid.org/0000-0002-7669-5692

доктор филологических наук,
профессор,
кафедра истории и правового
регулирования массовых коммуникаций
lyv22@mail.ru

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Кубанского научного фонда в рамках
научного проекта
№ МФИ -20.1/8

Literary and Local History Themes of Resort Press of Black Sea Province

Olga A. Boltuts

orcid.org/0000-0001-5210-2090

PhD in Philology, Associate Professor
Department of History and Legal
Regulation of Mass Communications,

Corresponding author

boltutsolga2017@gmail.com

Yuri V. Luchinsky

orcid.org/0000-0002-7669-5692

Doctor of Philology, Professor,
Department of History and Legal
Regulation of Mass Communications
lyv22@mail.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

Acknowledgments:

The research was conducted
with financial support
from the Kuban Scientific Fund
within the framework of scientific project
№ MFI-20.1/8

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье выполнена реконструкция общей картины развития периодики Черноморской губернии в период 1906—1917 годов с учетом политических, экономических и социальных изменений, повлиявших на информационную политику изданий. Доказывается, что формирование системы курортной прессы Черноморской губернии в начале XX века связано с развитием Сочи как курорта. Отмечается, что становление системы курортной прессы характеризуется непродолжительностью деятельности изданий и отсутствием информации о личности издателей и редакторов первых сочинских газет — «Сочинского курьера», «Черноморского края», «Сочинского листка». Восстанавливается ряд биобиблиографических данных, связанных с личностями таких редакторов, как П. Н. Жано, Г. Д. Торопов. Исследуется специфика литературно-краеведческого контента городских газет Сочи 1906—1917 годов. Установлено, что в изучаемый период 1906—1917 годов своеобразие содержания первых газет Сочи было продиктовано, с одной стороны, территориальной спецификой развивающегося курорта, с другой — предпочтениями читательской аудитории, состоящей из местного населения и отдыхающих. Курортная тематика — одна из основных тем публикаций, при этом частотность подобных материалов, как правило, возрастала с началом сезона. Автор приходит к выводу, что материалы литературно-краеведческой направленности являлись важной составляющей информационной политики каждого издания, чаще всего носили очерковый характер. Особое внимание в подобных публикациях уделялось истории основания Сочи.

Ключевые слова:

Черноморская губерния; литературно-краеведческая тематика; курортная пресса; история журналистики.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article reconstructs the overall development of periodicals in the Black Sea Province during the period 1906-1917, taking into account political, economic, and social changes that influenced the publications' information policy. It argues that the formation of the resort press system in the Black Sea Province in the early 20th century was linked to the development of Sochi as a resort. The emergence of the resort press system is characterized by the short duration of publication activities and the lack of information about the personalities of the publishers and editors of the early Sochi newspapers — “Sochi Courier,” “Black Sea Region,” “Sochi Leaf.” The article restores a series of biobibliographic data related to figures such as P. N. Zhano and G. D. Toropov. It explores the specifics of the literary and local history content of Sochi city newspapers from 1906 to 1917. It is established that during the period under study, the uniqueness of the content of the early Sochi newspapers was dictated, on one hand, by the territorial specificity of the developing resort, and on the other hand, by the preferences of the readership consisting of local residents and vacationers. Resort themes were one of the main topics of publications, with the frequency of such materials usually increasing at the beginning of the season. The author concludes that materials with literary and local history focus were an important component of the information policy of each publication, often having an essayistic character. Special attention in such publications was paid to the history of the founding of Sochi.

Key words:

Black Sea Province; literary and local history themes; resort press; journalism history.

УДК 811.161.1'42+070(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-161-179

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Литературно-краеведческая тематика курортной прессы Черноморской губернии

© Болтуц О. А., Лучинский Ю. В., 2024

1. Введение = Introduction

Появление периодической печати в Черноморской губернии связано с развитием Новороссийска как административного, экономического и культурного центра губернии. Следует отметить, что в отличие от соседней Кубанской области информационное пространство Черноморской губернии состояло исключительно из частных периодических изданий, поэтому появление каждого нового печатного органа неразрывно связано прежде всего с экономическим развитием конкретной территории, будь то Новороссийск, Сочи или Туапсе.

Так, стремительное развитие Новороссийска в 1880-е годы способствовало формированию читательской аудитории и появлению технических возможностей для издания первой городской газеты — «Новороссийского листка» П. В. Науменко (1891 год) [Болтуц, 2020]. А устойчивое экономическое положение Новороссийска в начале XX века привело к изданию «Черноморского побережья» Ф. С. Леонтовича (1902 год) — газеты, которая успешно существовала в течение нескольких лет и стала своеобразной моделью для будущих изданий.

Дальнейшее становление периодики Черноморской губернии связано с развитием Сочи как курорта в начале XX века. Активные усилия правительства и региональных властей привели к увеличению потока инвестиций в местную экономику, успешному заселению городской территории и регулярному притоку отдыхающих. Это создало необходимые условия для появления первых газет Сочи.

Актуальность данной работы определяется необходимостью изучения информационной политики первых газет Сочи в контексте тенденций развития курортного дела и формирования медиаландшафта Черноморской губернии.

Цель настоящей статьи — рассмотрение специфики возникновения первых газет Сочи. Задачи исследования — выявление сходств и разли-

чий в издательской модели локальной периодики, реконструкция биографий отдельных редакторов, анализ литературно-краеведческой тематики в местной периодике.

Новизна исследования заключается в том, что впервые анализируется роль курортного фактора в развитии периодики Сочи начала XX века, восстанавливается ряд биобиблиографических данных, связанных с личностями таких редакторов, как П. Н. Жано, Г. Д. Торопов, а также исследуется специфика литературно-краеведческого контента городских газет Сочи 1906—1917 годов.

Изучение региональной периодики дореволюционного периода — один из актуальных трендов отечественной науки, который привлекает не только исследователей в области журналистики, но и специалистов в области истории, политологии, социологии, культурологии, туризма.

Среди научных публикаций, посвященных данной проблематике, можно отметить работы З. Е. Харалдиной [Харалдина, 2008], Н. В. Подворко [Подворко, 2008], И. А. Тверитинова [Тверитинов, 2009], А. А. Черкасова [Черкасов, 2009], К. В. Голоцвана [Голоцван, 2009], О. И. Лепилкиной [Лепилкина, 2010], К. В. Тарана [Таран, 2011], А. В. Кривоконь [Кривоконь, 2013], Ю. В. Лучинского [Лучинский, 2015], Л. Г. Поляковой [Полякова, 2012; Полякова, 2018], Г. А. Нагаевой [Нагаева, 2021]. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что при анализе региональной периодики практически не рассматривается литературно-краеведческая тематика применительно к указанному периоду.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании были использованы такие методы, как историко-типологический, сравнительно-сопоставительный, биографический, а также контент-анализ.

Данные методы позволяют решить задачи, поставленные в ходе исследования, в полном объеме с привлечением широкой источниковой базы, включающей в себя как столичные, так и провинциальные дореволюционные отечественные СМИ, в том числе периодику из отдела газет РГБ в Химках, материалы ГАКК, в частности, делопроизводственную документацию, данные статистики и справочные издания, а также научные исследования.

Наиболее информативной является группа периодики. В процессе исследования был изучен журнал «Разведчик», благодаря которому удалось восстановить на документальной основе элементы биографии первого редактора первой сочинской газеты «Сочинский курьер» П. Н. Жано.

Работа над газетами «Черноморский край» и «Сочинский листок» осуществлялась в отделе газет РГБ в Химках. Периодика освещала различные

стороны жизни Черноморской губернии и посада Сочи, но наибольшую значимость в рамках настоящего исследования имеют публикации, посвященные курортной и литературно-краеведческой тематике. Благодаря газетным источникам также удалось реконструировать отдельные элементы биографии таких редакторов, как П. Н. Жано и Г. Д. Торопов.

Большой объем справочной информации о первых сочинских газетах содержится в библиографическом справочнике Б. М. Городецкого в «Периодике Кубанско-Черноморского края. 1863—1925» и путеводителе С. П. Дороватовского «Сочи и Красная Поляна и окрестности».

Разнообразная информация содержится в материалах ГАКК, были использованы заявления, делопроизводственные документы Ф. Р-411 «Празднование 175-летия Сочи», которые позволили определить ведущие темы публикаций литературно-краеведческой тематики в первых сочинских изданиях.

Отдельные элементы биографии издателя «Сочинского курьера» М. В. Анисимова, редактора-издателя «Черноморского края», «Сочинского листка» Г. Д. Торопова удалось уточнить благодаря информации, полученной в «Очерках истории Большого Сочи», в которых описывается история создания и развития курорта, дается представление об экономическом, политическом и социально-культурном развитии Черноморской губернии в целом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формирование системы локальной периодики Черноморской губернии

Черноморская губерния, образованная одной из последних в Российской империи (1896 год), долгое время не имела собственной прессы. Развитие местной печати сдерживалось сочетанием нескольких факторов: экономической ситуацией в губернии в целом, отсутствием профессиональных журналистских кадров, неразвитостью издательского дела и недостаточным количеством читательской аудитории в городах и посадах.

Необходимо отметить, что формирование системы локальной периодики в Черноморской губернии во многом зависело от географического фактора. Сравнительно небольшая (по меркам Российской империи) губерния развивалась неравномерно. Так, Новороссийский округ, расположенный в северо-западной части губернии, был промышленным центром и развивался активно, а Сочинский округ, расположенный в юго-восточной части, был преимущественно аграрным и развивался значительно медленнее. Это привело к тому, что впоследствии именно в Новороссийске появились первые местные повременные издания и город стал крупнейшим информационным центром данной территории. В остальных городах

губернии собственные газеты появились позднее и носили краткосрочный, нередко сезонный характер.

На рубеже XIX—XX веков, до появления собственных изданий, жители Новороссийска, Хосты, Адлера, Геленджика, Туапсе и Гагр узнавали о мировых и российских новостях в основном из столичных газет и журналов, а события местной жизни время от времени освещались на страницах тифлиских, ставропольских и кубанских изданий, имевших хождение в Черноморской губернии.

Ситуация изменилась в 1902 году, когда в Новороссийске появилась газета, во многом определившая развитие черноморской периодики, — «Черноморское побережье». Опыт ее издания оказался настолько успешным, что вслед за «Черноморским побережьем» газеты стали появляться и в других городах губернии.

Сочи стал следующим городом, где появилось собственное периодическое издание. Во многом это стало возможным благодаря развитию курортного дела на Черноморском побережье Кавказа. Необходимо отметить, что с момента основания Черноморской губернии власти предпринимали значительные усилия для заселения земель в Сочи и вокруг него, однако попытки привлечения частного капитала и закрепления населения не были успешными.

Сергей Дороватовский, автор одного из самых подробных дореволюционных отечественных путеводителей по Сочи, в исторической справке отмечал: «Посад был ни живой, ни мертвый. Жизнь развивалась крайне слабо. Русские почти отсутствовали, и появлялись только армяне и греки, выходцы из Турции, которые снимали в аренду земли под посевы табака и кукурузы... Надежды на развитие края не оправдывались, и начальство старалось его забыть» [Дороватовский, 2010, с. 46].

Лишь в 1890-е годы Сочи активно начинает развиваться: строится шоссе Новороссийск — Сухум, проводятся первые исследования сероводородных источников в Мацесте, создается специальная Комиссия по изучению природных факторов Черноморского побережья, о красотах местной природы и мягком целительном климате начинают писать в столичной периодике и путеводителях.

Это вызывает не только неподдельный интерес к городу, но и поток людей, желающих построить дачи или поправить здоровье на источниках, а также привлечение инвестиций. Население Сочи стремительно увеличивалось, местные жители и отдыхающие остро нуждались в регулярной оперативной информации, однако их потребности в ее получении были ограничены. Так, ознакомиться со свежим номером столичной газеты или европейского журнала сочинцы и гости города могли всего лишь в нескольких местах: в Сочинской почтово-телеграфной конторе, в частной

библиотеке Екатерины Павловны Майковой, в бесплатной народной библиотеке-читальне в память А. С. Пушкина.

3.2. Становление курортной периодики Сочи

Первым шагом к созданию собственной газеты стало открытие в 1900 году первой сочинской типографии [Болтуц, 2018]. Она располагалась в центре города, на улице Пластунской, дом 4, в доме Тарковского. Владелец типографии М. В. Анисимов не только издавал бланки, объявления, афиши, рекламные книги-брошюры о городе, но и являлся заведованием конторы «Черноморского побережья» в г. Сочи. В небольшом деревянном домике, где размещалась типография, сочинцы и гости города могли получить отдельные номера газеты, оформить на нее подписку или подать объявление в следующий номер «Черноморского побережья».

15 мая 1906 года в типографии М. В. Анисимова вышел первый номер первой сочинской газеты — «Сочинский курьер». В подзаголовке указывалось: «Ежедневная общественная, литературно-политическая и экономическая газета». Издателем выступал М. В. Анисимов, а редактировал газету дворянин П. Н. Жано.

Это был первый редакторский опыт Павла Николаевича Жано, профессионального военного, прослужившего 19 лет. Известно, что до 23 июня 1902 года он «исправлял должность начальника Сочинского участка Черноморской губернии», находясь в чине капитана армейской пехоты, а затем «Высочайшим приказом по военному ведомству № 26» был переведен в армейскую кавалерию в Заамурский округ» в чине ротмистра [Приказы 1902, № 614, с. 686]. Прошло чуть меньше года, и 4 июля 1903 года «приказом по пограничной страже увольняется от службы по домашним обстоятельствам Заамурский окружной ротмистр Жано — подполковник, с мундиром» [Приказы 1902, № 664, с. 629].

П. Н. Жано вернулся в Сочи и в сентябре 1904 года стал представителем автомобильного завода бр. Стевер (Stoewer). Он решил установить регулярное автомобильное сообщение между Сочи и Адлером и уже в декабре 1904 года лично возил пассажиров по маршруту в комфортабельном автомобиле-вагоне, вмещавшем 16 пассажиров. Его начинание было успешным: имя Жано можно было встретить не только на фирменных афишах автомобильного завода, но и в новороссийской газете «Черноморское побережье», которая с иронией отмечала, что первое автомобильное сообщение вызвало конкуренцию среди владельцев конных экипажей.

После выхода Манифеста 17 октября 1905 года П. Н. Жано принимает активное участие в общественно-политической жизни Сочи и решает создать в городе партию правого порядка. Однако деятельность партии прекратилась на первом же заседании.

В мае 1906 года П. Н. Жано пробует себя в роли редактора «Сочинского курьера». Впоследствии, после прекращения издания, П. Н. Жано продолжил заниматься перевозками на автомобиле-омнибусе, был членом правления Общества взаимного кредита в Сочи, а в 1914 году, после вступления России в Первую мировую войну, ушел на фронт.

К сожалению, это практически все, что известно об издании и его редакторе на сегодняшний день. В МКУ «Архив г. Сочи», МБУК г. Сочи «Музей истории города-курорта Сочи», ГАКК, отделе газет РГБ в Химках не сохранилось ни одного номера газеты, и только несколько строк Б. М. Городецкого в «Периодике Кубанско-Черноморского края. 1863—1925» являются свидетельством существования «Сочинского курьера» [Городецкий, 2010, с. 73].

Можно предположить, что выход первого номера — 15 мая 1906 года — был приурочен к открытию курортного сезона, ведь в летний период к тысяче жителей Сочи добавлялись десятки приезжих, потенциальных читателей. Но даже отдыхающие не спасли издание — спустя чуть больше двух месяцев, 21 июля 1906 года, вышел последний номер «Сочинского курьера». Тем не менее, хотя газета просуществовала недолго, начало сочинской периодике было положено.

Прошло четыре года, и в Сочи появилась новая газета. К этому моменту Сочи уже имел репутацию курорта: в посаде открылся роскошный санаторный комплекс «Кавказская Ривьера». Проживающие в номерах гостиницы «Кавказской Ривьеры» могли пользоваться услугами читальни, в которой были газеты и журналы на пяти языках.

В Сочи имелось уже две типографии. Одна из них — типография М. В. Анисимова, которую после его смерти в 1908 году [Очерки..., 2006, т. 1, с. 196—197] возглавила его дочь, Е. И. Анисимова. Типография располагалась на ул. Бульварной, в доме Малина, и именно в ней издавалась вторая сочинская газета.

Сергей Дороватовский в своем знаменитом путеводителе обратил особое внимание на этот факт: «Газета начала издаваться только с 1910 г. Была попытка издавать газету в 1905 г. (фактически в 1906 году. — *О. Б., Ю. Л.*), но на первых же порах дело остановилось. Теперь издается “Черноморский край”. Подписная цена на год 6 р. С доставкой и пересылкой, 1 месяц — 1 рубль. В розничной продаже № — 5 коп.» [Дороватовский, 2010, с. 26—28].

Любопытный момент: впоследствии сам Г. Д. Торопов, вспоминая об открытии «Черноморского края», назовет его первой газетой Сочи [Сочи ..., 1912, № 1, с. 1].

Выход нового издания также пришелся на летний сезон: 11 июля 1910 года увидела свет «ежедневная общественно-литературная и поли-

тико-экономическая газета «Черноморский край». Ее издателем и редактором стал Геннадий Дмитриевич Торопов.

Как и в случае с «Сочинским курьером», ни одного экземпляра «Черноморского края» не сохранилось ни в МКУ «Архив г. Сочи», ни в МБУК г. Сочи «Музей истории города-курорта Сочи», ни в ГАКК. Имеются выходные данные, зафиксированные Б. М. Городецким в «Периодике Кубанско-Черноморского края. 1863—1925» и уточненные Ю. В. Лучинским [Городецкий, 2010, с. 80].

Нам удалось найти подшивку «Черноморского края» за 1910 год в отделе газет РГБ в Химках, и это позволило прояснить отдельные моменты в биографии Г. Д. Торопова и сформировать представление о специфике информационной политики издания.

О личности редактора-издателя известно немного. Можно предположить, что именно в период издания «Черноморского края» он стал мужем владелицы типографии Е. И. Анисимовой. Об этом свидетельствует реклама «писчебумажного магазина Елены Ивановны Анисимовой-Тороповой», размещенная в нескольких номерах «Черноморского края» [Рекламное объявление ..., 1910, № 92, с. 1]. Также можно выдвинуть предположение о том, что Г. Д. Торопов приходился братом коллежскому секретарю Андрею Дмитриевичу Торопову, редактировавшему в 1906 году в Екатеринодаре газету «Кубанская жизнь».

Кроме этого, удалось найти свидетельство о том, что в 1906 году Г. Д. Торопов проживал в посаде, был «торговцем канцелярских принадлежностей», имел консервативные взгляды и в период вооруженного восстания в Сочи в 1906 году не сочувствовал революционному движению [Очерки ..., 2006, т. 1, с. 218].

В соответствии с заявленной программой на страницах «Черноморского края» рассматривались вопросы, имеющие решающее значение для развития посада и губернии. Например, широко освещался вопрос о строительстве Черноморской железной дороги, говорилось о необходимости иметь собственного представителя в Государственной Думе для решения важнейших проблем Черноморской губернии.

Курортная тематика была представлена в виде информации, представляющей интерес преимущественно для отдыхающих и приехавших на лечение: объявления об открытии «мацестинских серных источников» [Открыты мацестинские..., 1910, № 2, с. 4], рекламные объявления о сдаче дач [Рекламное объявление ..., 1910, № 3, с. 1].

Любопытный момент: на страницах газеты говорилось не только о достоинствах и возможностях курорта, но и о его недостатках. В связи с этим особо стоит отметить серию стихотворных фельетонов Михакко «Песни

южанина», которые были достаточно редким явлением в периодике Черноморской губернии:

*Сочи, город русских тропиков,
В честь твою сложил напев...
Город пальм, шакалов, клопиков
И курортных старых дев.*

*Город, вместе где купаются
Сильный и прекрасный пол,
Тут же мирно прохлаждается
Кляча, буйвол и осёл [Михако, 1910, № 7, с. 3].*

В Сочи издательско-редакторская деятельность Г. Д. Торопова продолжалась чуть меньше полугода. Возможной причиной закрытия издания стала публикация: 1 января 1911 года вышел последний номер «Черноморского края».

Позднее, приступив к новому изданию, Г. Д. Торопов так объяснил прекращение издания газеты: «В 1910 году появился “Черноморский край”, просуществовав полгода, он пал под гнетом “административных кар”» [Сочи ..., 1912, № 1, с. 1].

Однако спустя семь месяцев издание возобновилось в Гаграх. На тот момент Гагры развивались как курорт, в первую очередь ориентированный на состоятельных лиц, и, возможно, выбор нового места для издания газеты был связан в первую очередь с наличием платежеспособной аудитории, заинтересованной в получении местных новостей.

Необходимо отметить, что именно с издания «Черноморского края» начинается свой отсчет история локальной печати в Гаграх. Как и ранее, редактором-издателем «Черноморского края» выступал Г. Д. Торопов.

Ежедневный выпуск газеты продолжался до 1 августа 1912 года.

Впоследствии Г. Д. Торопов так объяснит причину закрытия издания: «После перерыва “Черноморский край” стал выходить в Гаграх. Там дело пошло удачнее, но через 13 месяцев пришлось приостановить издание по причинам, как говорят, “не сошлись характерами”» [Сочи ..., 1912, № 1, с. 1].

Г. Д. Торопов возвращается в Сочи и в 1912 году начинает новый проект — редактирует газету «Сочинский листок».

Появление «Сочинского листка» совпало с расцветом курортной периодики Черноморского побережья и развитием типографского дела в Сочи.

К 1912 году собственные издания имелись уже в нескольких городах Черноморского побережья: в Анапе — «Анапский листок» (1909), «Анап-

ский сезонный листок» (1910); в Туапсе — «Берег Кавказа», (1912—1914); в Новороссийске — «Черноморское побережье. Газета русских курортов» (1912), «Черноморская газета» (1912—1919).

Как правило, в большинстве своем это были сезонные издания: одни выходили только летом, другие чуть дольше — во время курортного сезона. Периодичность была разной — ежедневной и еженедельной, а содержание в основном сводилось к курортной тематике. Еще одной общей чертой, объединяющей эти издания, стала их недолговечность.

Появившийся 25 ноября 1912 года «Сочинский листок» выгодно отличался от своих курортных «коллег». Во-первых, он был ежедневным, во-вторых, его публикации не ограничивались курортной тематикой, и, в-третьих, он просуществовал вплоть до 1917 года.

«Сочинский листок» имел еще одну особенность — он был предприятием семейным. К моменту выхода «Сочинского листка» в городе существовало три типографии. Одной из них владела Е. И. Торопова, и новое издание стали печатать в ее типографии. Она располагалась на ул. Пластунской в доме Метаксы. Издавал и редактировал газету Г. Д. Торопов.

Приобрести свежий номер можно было не только в Сочи, но и в городах Черноморского побережья Кавказа: Адлере, Гаграх, Новороссийске, Геленджике, Туапсе, Хосте, Поты, Батуми.

Можно предположить, что «Сочинский листок» стал своеобразным преемником «Черноморского края». Оба издания редактировались Г. Д. Тороповым, типологически и тематически были близки друг другу. В редакционном объявлении «От конторы “Сочинского листка”» указывалось: «Годовым подписчикам “Черноморского края”, уплатившим за 1912 год, «Сочинский листок» будет досылаться по расчету дней перерыва в доставке» [От конторы ..., 1912, № 17, с. 1].

Первый номер «Сочинского листка» вышел в воскресенье 25 ноября 1912 года. К этому моменту курортный сезон в городе закончился, поэтому тираж издания был небольшим — всего 500 экземпляров, но каждый год с приходом лета он возрастал в полтора раза — до 800 экземпляров. Такой «сезонный всплеск» тиража был характерным для большинства курортных изданий.

Сезонность проявлялась и в тематике публикаций. В течение всего года на страницах «Сочинского листка» рассказывалось о последних политических и культурных событиях в жизни Европы, России, Черноморской губернии.

С особым интересом читатели просматривали постоянную рубрику «Местная жизнь» — все о последних событиях в жизни города. В ней рассказывалось о народных гуляниях, спектаклях и концертах, нравах сочин-

цев, громких уголовных делах. Наряду с материалами профессиональных журналистов в рубрике публиковались письма читателей-корреспондентов из окрестностей Сочи и письма официальных лиц.

О необходимости развития Сочи как курорта редакция заявляла с первого номера: «Край, богатый своими целебными источниками, своими устройствами в смысле улучшения курортной жизни, своими естественными природными красотоми и богатствами, не может заглухнуть.

Все более и более несется молва о Сочи, как о курорте, но вместе с тем несется также и молва о многих неблагоустройствах его и молва эта приносит, конечно, будучи неправильно понята или истолкована — вред.

Между тем, при правильном освещении этих вопросов и правильно понятых задачах, наш курорт может занять не последнее место даже в ряду заграничных» [Сочи ..., 1912, № 1, с. 2].

Курортная тематика в городской периодике Сочи носила сезонный характер. С появлением первых отдыхающих все чаще в рубрике появляются материалы, рассказывающие о достоинствах курорта Сочи. На страницах газеты выступают известные горожане — например, первый городской врач г. Сочи Аркадий Львович Гордон и основатель лечебницы Виктор Францевич Подгурский рассказывали о достоинствах местных источников.

Материалы медицинской направленности дополнялись рекламой медицинских услуг, пансионатов, санаториев, гостиниц, лечебниц. Рекламные тексты составлялись подробно и красочно, размещались из номера в номер на первой полосе. Каждый владелец лечебного заведения стремился подчеркнуть все достоинства своего предприятия: «Пансион-санаторий находится в совершенно беспыльной местности, обслуживается водопроводом и электрическим сообщением, ванны гидравлические, гелио и аэротерапия»; курорт на мацестинских источниках предлагал «барачные помещения для малоимущих, частные дачи, меблированные комнаты, врачей по разным специальностям» [Рекламное объявление ..., 1915, № 637, с. 1].

Активную рекламную кампанию проводили и владельцы гостиниц, рассчитывая заполучить курортников в качестве постояльцев или хотя бы столующихся. Так, владелец гостиницы с громким названием «Лондон» в высокий сезон в каждом номере газеты публиковал меню:

«Гостиница “Лондон” на берегу моря рядом с почтой.

Номера от рубля и дороже.

Отпускаются домашние завтраки, обеды и ужины на чистом сливочном масле; цена 2-х блюд — 50 коп., 3-х — 75 коп., 4-х — 1 руб. Ежедневно шашлыки и чебуреки... С почтением Р. Писарев» [Рекламное объявление ..., 1915, № 634, с. 1].

С окончанием сезона курортная тематика уступала место сообщениям об общественно-политической жизни в России и социально-экономических проблемах Черноморской губернии.

3.3. Краеведческая тематика на страницах сочинских газет в 1906—1917 годах

Активное социально-экономическое развитие Сочи в начале XX века сопровождалось не только появлением первого локального издания, но и интересом общественности к истории создания посада, в частности основанию форта Александрия в 1838 году, непосредственно связанному с высадкой русских десантных войск.

Как отмечалось выше, в МКУ «Архив г. Сочи», МБУК г. Сочи «Музей истории города-курорта Сочи», ГАКК отсутствуют номера первой газеты «Сочинский курьер». В качестве гипотезы, на основе косвенных данных, можно предположить, что одной из тем, активно освещавшихся на страницах издания, был вопрос о необходимости установки памятника воинам, павшим при высадке русских войск под предводительством генерал-майора А. М. Симборгского на сочинский берег в 1838 году.

В Сочинском городском управлении с апреля 1906 года активно обсуждался вопрос о необходимости установки памятника на «братской могиле героев» [ГАКК, ф. Р-411, оп. 2, д. 239, л. 118] и сборе средств на него, анализировались исторические сведения, «извлеченные из архивных дел штаба Кавказского военного округа» [ГАКК, ф. Р-411, оп. 2, д. 239, л. 119, 120, 121, 122, 123].

С большой долей вероятности можно предположить, что на страницах первой местной газеты вопрос основания Сочи не мог остаться без внимания. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что среди частных лиц, пожертвовавших на памятник, был М. В. Анисимов, издатель «Сочинского курьера».

Второе по времени возникновения издание — газета «Черноморский край» — продолжило освещать историю основания посада и стремилось сделать это на системной основе. Так, уже в третьем номере появляется очерк Черномора «Сочи», который сопровождался следующим примечанием:

«Помещая настоящий очерк большого знатока края господина Черномора, редакция имеет в распоряжении целую серию очерков, рисующих побережье в последовательном порядке и южнее Сочи, и севернее, которые и будут помещаться в следующих номерах» [Черномор, 1910, № 3, с. 2].

В очерке рассказывалось не только об основании форта Александрия, но и об участии Навагинского полка в сражениях 1838 года, а также об основании укрепления Даховского и происхождении топонима Сочи:

«Нынешнее название Сочи произошло от названия реки Соча-Пста и вошло в обращение благодаря местной администрации. Сначала называли посадки Вельяминовский-Туапсе и Даховский-Сочи, а затем сократили эти названия до Туапсе и Сочи» [Там же].

Редакция данное выше обещание выполнила, и уже с четвертого номера в «подвале» газеты стали публиковаться очерки Черномора по истории и культуре Сочи и его окрестностей.

Третья газета — «Сочинский листок» — также публиковала информацию литературно-краеведческого характера. Однако необходимо отметить, что публикация литературно-краеведческих материалов не носила системный характер.

Подавляющее количество журналистских материалов в газете было посвящено текущему положению дел в Сочи и его окрестностях: о заседании в городском управлении, о строительстве Черноморской железной дороги, об открытии нового банка, об освещении улиц.

В то же время именно на страницах данного издания была обнародована инициатива празднования 75-летнего юбилея города. Автором был Павел Амплиевич Россиев, писатель, общественный деятель, журналист, один из авторов знаменитого словаря Брокгауза и Ефрона, будущий редактор журнала «Известия Свято-Николаевского братства» и первый сочинский краевед.

С 1909 года П. А. Россиев проживал в Сочи и изучал «архивные материалы, принадлежащие Сочинской городской управе и касающиеся дня, месяца и года основания Сочи» [ГАКК, ф. Р-411, оп. 2, д. 239, л. 117]. К моменту приезда в посад он имел опыт работы в ведущих отечественных изданиях: «Московских ведомостях», «Ежегоднике Императорских театров», «Историческом вестнике», «Русском архиве», «Биржевых ведомостях», в журналах «Вестник литературы», «Русская старина», «Природа и люди», «Русский паломник», «Живописная Россия».

Поселившись в Сочи, П. А. Россиев активно интересуется историей основания посада и проблемой достоверности исторических сведений о высадке русского десанта в 1838 году. Он публикует на страницах «Сочинского листка» за подписью «Рос-въ» серию литературно-краеведческих статей об основании Сочи, детально восстанавливая имевшие место события.

Литературно-краеведческая тематика прослеживается и в других журналистских материалах П. А. Россиева, связанных с необходимостью празднования 75-летнего юбилея Сочи.

«Юбилей Сочи тесно объединяет всех. Он общий праздник: и туземцев, и пришлого населения. Ведь кто же основывал Сочи? Отряд генерала Симборского, ... этот отряд состоял не только из регулярных войск, но так-

же из мингрельских, имеретинских, гурийских и абхазских милиционеров. Очень может быть, что среди нынешнего населения Сочи есть немало потомков героев 1838 года. Так потомкам ли не вспомнить славных дедов своих?» [Россиев, 1913, № 97, с. 2].

Инициатива П. А. Россиева была продолжена в литературно-краеведческих статьях П. А. Верещагина «Из истории Сочи», опубликованных в шести номерах «Сочинского листка».

Литературно-краеведческая тематика присутствовала в газете вплоть до Первой мировой войны. Начиная с 1914 года все больше места на ее страницах стали занимать телеграммы с места военных действий, статьи о германском милитаризме, сообщения от штаба Верховного Главнокомандующего. Регулярно в газете помещалась информация о проводимых в городе благотворительных акциях в пользу военных, а в некоторых случаях «Сочинский листок» сам выступал в качестве инициатора. 5 апреля 1916 года Г. Д. Торопов после акции «Работники тыла — воинам на фронт», проведенной газетой, «отбыл на Приморский фронт Кавказской армии с пасхальными подарками от жителей Сочи» [Полякова, 2012, с. 278].

Материалы на курортную и литературно-краеведческую тематику были сведены к минимуму, а с приближением 1917 года практически исчезли.

4. Заключение = Conclusions

Анализ рассматриваемых в статье вопросов показывает, что первые периодические издания в посаде Сочи возникают в период с 1906 по 1917 годы. В результате исследования мы пришли к выводу о том, что появление и развитие первых газет Сочи напрямую связаны со становлением города как курорта. Своеобразие содержания первых газет было продиктовано, с одной стороны, территориальной спецификой развивающегося курортного города, с другой — предпочтениями читательской аудитории, состоящей из местного населения и курортников.

Газеты становятся своеобразной летописью города, фиксируя его проблемы и достижения. Курортная тематика — одна из основных тем публикаций, при этом частотность подобных материалов, как правило, возрастала с началом сезона. Материалы литературно-краеведческой направленности являлись важной составляющей информационной политики каждого издания, чаще всего носили очерковый характер, и особое внимание в подобных публикациях уделялось истории основания Сочи.

Таким образом, можно прийти к выводу, что первые сочинские газеты, начинают свою деятельность как курортные издания, а в дальнейшем, под воздействием социально-экономических процессов в регионе, трансфор-

мируются в общественно-политические издания с краеведческой составляющей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 239. Л. 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123.
2. Дороватовский С. П. Сочи и Красная Поляна с окрестностями : путеводитель / С. П. Дороватовский. — Краснодар : Платонов, 2010. — 256 с.
3. МБУК г. Сочи «Музей истории города-курорта Сочи» — Муниципальное бюджетное учреждение культуры муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края «Музей истории города-курорта Сочи».
4. Мухомов. Песни южанина // Черноморский край : [газета]. — 1910. — № 7. — С. 3.
5. МКУ «Архив г. Сочи» — Муниципальное казенное учреждение муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края «Сочинский городской архив».
6. От конторы «Сочинского листка» // Сочинский листок : [газета]. — 1912. — № 17. — С. 1.
7. Отдел газет РГБ в Химках — Отдел газет Российской государственной библиотеки в Химках.
8. Открыты маестринские серные источники // Черноморский край : [газета]. — 1910. — № 2. — С. 4.
9. Приказы 1902 — Приказы по пограничной страже // Разведчик. — 1902. — № 614. — С. 686.
10. Приказы 1903 — Приказы по пограничной страже // Разведчик. — 1903. — № 664. — С. 629.
11. Рекламное объявление // Сочинский листок : [газета]. — 1915. — № 634. — С. 1.
12. Рекламное объявление // Сочинский листок : [газета]. — 1915. — № 637. — С. 1.
13. Рекламное объявление // Черноморский край : [газета]. — 1910. — № 92. — С. 1.
14. Рекламное объявление // Черноморский край : [газета]. — 1910. — № 3. — С. 1.
15. Россиев П. Юбилей Сочи 23 апреля 1913 года // Сочинский листок : [газета]. — 1913. — № 97. — С. 2.
16. Сочи, 25 ноября // Сочинский листок : [газета]. — 1912. — № 1. — С. 1—2.
17. Черномор. Сочи // Черноморский край : [газета]. — 1910. — № 3. — С. 2.

Литература

1. Болтуц О. А. Становление издательского дела в Сочи : кросс-культурная парадигма / О. А. Болтуц // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации. — 2018. — С. 223—228.
2. Болтуц О. А. Первая городская газета Новороссийска : специфика типологической модификации / О. А. Болтуц // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2020. — № 4. — С. 50—54.

3. Голоцван К. В. Становление массового туризма в России в конце XIX — начале XX века : Крым, Кавказ, Волга : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / К. В. Голоцван. — Москва, 2009. — 286 с.
4. Городецкий Б. М. Периодика Кубанско-Черноморского края : 1863—1925 / Б. М. Городецкий. — Краснодар : Традиция, 2010. — 144 с. — ISBN 978-5-91883-008-6.
5. Кривоконь А. В. Повседневная жизнь городского населения Кубани и Черноморья : досуговая сфера (1860-е — 1914 гг.) : диссертация... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. В. Кривоконь. — Краснодар, 2013. — 206 с.
6. Лепилкина О. И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII — начале XX вв. : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.10 / О. И. Лепилкина. — Ставрополь, 2010. — 430 с.
7. Лучинский Ю. В. История периодической печати Кубанской области (1905—1907) / Ю. В. Лучинский. — Краснодар : Парабеллум, 2015. — 198 с. — ISBN 978-5-904423-66-7.
8. Нагаева Г. А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) / Г. А. Нагаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2021. — № 3. — С. 24—37. — DOI: 10.21685/2072-3024-2021-3-3.
9. Очерки истории Большого Сочи / Под общ. ред. В. Е. Щетнева : в 4 т. — Сочи : РИО СГУТ и КД, 2006. — Т. 1. — 488 с.
10. Подворко Н. В. Печать Кавказских Минеральных Вод : история, типология, современное состояние : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Н. В. Подворко. — Ростов-на-Дону, 2008. — 201 с.
11. Полякова Л. Г. Черноморская губерния в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) : тыл — фронту / Л. Г. Полякова // Известия Сочинского государственного университета. — 2012. — № 1 (19). — С. 275—279.
12. Полякова Л. Г. Черноморская губерния в годы Первой мировой войны (на материалах периодической печати) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. Г. Полякова. — Волгоград, 2018. — 201 с.
13. Таран К. В. Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции : 1905—1907 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / К. В. Таран. — Ставрополь, 2011. — 225 с.
14. Тверитинов И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX — начале XX веков / И. А. Тверитинов. — Майкоп : Полиграф-Юг, 2009. — 124 с.
15. Харалдина З. Е. Курорты Черноморского побережья Кавказа в зеркале прессы (конец XIX — начало XX века) / З. Е. Харалдина // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2008. — № 5. — С. 69—71.
16. Черкасов А. А. Центр и окраины : Сочи в период царствования императора Николая II (1894—1917) / А. А. Черкасов. — Сочи : РИО СГУТ и КД, 2009. — 242 с.

*Статья поступила в редакцию 02.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.*

Material resources

- Advertisement. (1910). *Black Sea region: [newspaper]*, 3: S. 1. (In Russ.).
- Advertisement. (1910). *Black Sea region: [newspaper]*, 92: P. 1. (In Russ.).
- Advertisement. (1915). *Sochi leaflet: [newspaper]*, 634: P. 1. (In Russ.).
- Advertisement. (1915). *Sochi leaflet: [newspaper]*, 637: P. 1. (In Russ.).
- Chernomor. Sochi. (1910). *Black Sea Region: [newspaper]*, 3: P. 2. (In Russ.).
- Department of newspapers of the Russian State Library in Khimki. (In Russ.).
- Dorovatovsky, S. P. (2010). *Sochi and Krasnaya Polyana with its surroundings: a travel guide*. Krasnodar: Platonov. 256 p. (In Russ.).
- From the office of the Sochi Leaflet. (1912). *Sochi leaflet: [newspaper]*, 17: P. 1. (In Russ.).
- GACC — The State Archive of the Krasnodar Territory. (In Russ.).
- Matsesta sulfur springs are open. (1910). *Black Sea region: [newspaper]*, 2: P. 4. (In Russ.).
- MBUK Sochi “Museum of the History of the resort city of Sochi” — *Is a municipal budgetary cultural institution of the municipal formation of the city district of the resort city of Sochi of the Krasnodar Territory “Museum of the History of the resort city of Sochi”*. (In Russ.).
- Mihako. Songs of a Southerner. (1910). *Black Sea Region: [newspaper]*, 7: P. 3. (In Russ.).
- Prikazy 1902 — Orders for the border guard. (1902). *Scout*, 614: P. 686. (In Russ.).
- Prikazy 1903 — Orders for the border guard. (1903). *Scout*, 664: P. 629. (In Russ.).
- Rossiev, P. (1913). The Anniversary of Sochi on April 23, 1913. *Sochi leaflet: [newspaper]*, 97: P. 2. (In Russ.).
- Sochi, November 25. (1912). *Sochi leaflet: [newspaper]*, 1: 1—2. (In Russ.).
- The Moscow State University “Archive of Sochi” is a municipal state institution of the municipal formation of the city district of the resort city of Sochi of the Krasnodar Territory “Sochi City Archive”. (In Russ.).

References

- Boltuts, O. A. (2020). The first city newspaper of Novorossiysk: the specifics of typological modification. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 4: 50—54. (In Russ.).
- Boltuts, O. A. (2018). The formation of publishing in Sochi: a cross-cultural paradigm. *Cross-cultural space of literary and mass communication*. 223—228. (In Russ.).
- Cherkasov, A. A. (2009). *Center and outskirts: Sochi during the reign of Emperor Nicholas II (1894—1917)*. Sochi: RIO SGUT and CD. 242 p. (In Russ.).
- Essays on the history of Greater Sochi, 1. (2006). Sochi: RIO SGUT and CD. 488 p. (In Russ.).
- Golotsvan, K. V. (2009). *The formation of mass tourism in Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century: Crimea, Caucasus, Volga*. PhD Diss. Moscow. 286 p. (In Russ.).
- Gorodetsky, B. M. (2010). *Periodicals of the Kuban-Black Sea region. 1863—1925*. Krasnodar: Tradition. 144 p. ISBN 978-5-91883-008-6. (In Russ.).
- Kharaldina, Z. E. (2008). Resorts of the Black Sea coast of the Caucasus in the mirror of the press (late XIX — early XX century). *News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*, 5: 69—71. (In Russ.).
- Krivokon, A. V. (2013). *Daily life of the urban population of Kuban and the Black Sea region: leisure sphere (1860s — 1914)*. PhD Diss. Krasnodar. 206 p. (In Russ.).
- Lepilkina, O. I. (2010). *Structural and typological transformation of the Russian provincial press system in the XVIII — early XX centuries*. Doct. Diss. Stavropol. 430 p. (In Russ.).

- Luchinsky, Yu. V. (2015). *History of the periodical press of the Kuban region (1905—1907)*. Krasnodar: Parabellum. 198 p. ISBN 978-5-904423-66-7. (In Russ.).
- Nagaeva, G. A. (2021). Historical factors of the formation of settlements (on the example of the Black Sea coast of the Krasnodar Territory). *News of higher educational institutions. The Volga region. Humanities*, 3: 24—37. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-3-3. (In Russ.).
- Podvorko, N. V. (2008). *Seal of Caucasian Mineral Waters: history, typology, current state*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 201 p. (In Russ.).
- Polyakova, L. G. (2012). The Black Sea province during the First World War (1914—1917): rear to the front. *Proceedings of the Sochi State University*, 1 (19): 275—279. (In Russ.).
- Polyakova, L. G. (2018). *The Black Sea province during the First World War (based on the materials of the periodical press)*. PhD Diss. Volgograd. 201 p. (In Russ.).
- Taran, K. V. (2011). *Socio-political movement in the Black Sea province during the First Russian Revolution: 1905—1907*. PhD Diss. Stavropol. 225 p. (In Russ.).
- Tveritinov, I. A. (2009). *Socio-economic development of the Sochi district in the second half of the XIX — early XX centuries*. Maikop: Polygraph-Yug. 124 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Гришина К. В. СМИ и социальные сети о трудовой дискриминации женщин в XXI веке / К. В. Гришина, М. В. Щетинин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 180—196. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-180-196.

Grishina, K. V. Shchetinin, M. V. (2024). Media and Social Networks about Labor Discrimination of Women in 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 180-196. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-180-196. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

СМИ и социальные сети о трудовой дискриминации женщин в XXI веке

Гришина Ксения Владимировна

orcid.org/0009-0000-2668-412X

кандидат юридических наук,

доцент кафедры трудового

и социального права,

Уральский институт управления

grishina-kv@ranepa.ru

Щетинин Михаил Владиславович

orcid.org/0009-0004-5630-0069

исследователь,

Уральский институт управления

корреспондирующий автор mischa.

shetinin2002@yandex.ru

Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте
Российской Федерации
(РАНХиГС)
(Екатеринбург, Россия)

Media and Social Networks about Labor Discrimination of Women in 21st Century

Ksenia V. Grishina

orcid.org/0009-0000-2668-412X

PhD in Legal Sciences,

Associate Professor,

Department of Labor and Social Law,

Ural School of Management

grishina-kv@ranepa.ru

Mikhail V. Shchetinin

orcid.org/0009-0004-5630-0069

Researcher,

Ural School of Management

Corresponding author

mischa.shetinin2002@yandex.ru

The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
(RANEPa)
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос освещения в СМИ вопросов трудовой дискриминации женщин. Актуальность исследования обусловлена возросшим влиянием массмедиа и социальных сетей на формирование общественных представлений о той или иной социальной проблеме. Материалом для исследования послужили публикации газет «Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета», «Аргументы и Факты», входящих в топ-10 российских СМИ, а также статьи из социальных сетей. Показано, что в публикациях данных ресурсов поднимаются вопросы гендерного неравенства в области разных сфер деятельности, например, промышленности, строительства, бизнеса и др., в которых у мужчин есть социальные предпочтения. Отмечается, что в то же время, согласно статистическим данным, в указанных сферах женщины могут иметь высокий профессиональный статус и не чувствовать дискриминации. Между тем журналисты показывают, что существуют типично «женские» сферы, в которых женщинам проще сделать карьеру, однако уровень зарплат у них ниже. Подчеркивается, что в ряде публикаций авторы указывают на самостоятельный выбор женщины в пользу семьи или на совмещение профессионально успешными женщинами карьеры и семейных ценностей. Авторы статьи приходят к выводу, что в социальных сетях репрезентируются те же темы, что и в СМИ. В заключении отмечается, что заявленные в публикациях проблемы государство в последние пять лет пытается нивелировать, принимая соответствующие законы.

Ключевые слова:

трудовая дискриминация женщин; законодательное регулирование трудовой дискриминации; карьера; семья; массмедиа; социальные сети.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of media coverage of women's workplace discrimination is being considered. The relevance of the study is due to the increased influence of mass media and social networks on shaping public perceptions of various social issues. Publications from newspapers such as "Izvestia," "Kommersant," "Rossiyskaya Gazeta," and "Arguments and Facts," which are among the top 10 Russian media outlets, as well as articles from social networks, were used as materials for the study. It is shown that these resources address gender inequality issues in various fields such as industry, construction, business, etc., where men have social preferences. It is noted that women in these fields can have high professional status and not feel discriminated against according to statistical data. However, there are typically "female" spheres where women find it easier to advance in their careers, yet their salaries are lower. The authors emphasize that in some publications, women's independent choice in favor of family or the ability of successful women to balance career and family values are highlighted. The article's authors conclude that the same topics are represented in social networks as in the media. In conclusion, it is noted that the government has been attempting to address the issues raised in publications over the past five years by enacting appropriate laws.

Key words:

labor discrimination against women; legislative regulation of labor discrimination; career; family; mass media; social networks.

УДК 811.161.1'42:316.647.82+340.113.1:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-180-196

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

СМИ и социальные сети о трудовой дискриминации женщин в XXI веке

© Гришина К. В., Щетинин М. В., 2024

1. Введение = Introduction

Вопросы трудовой дискриминации не утрачивают своей актуальности как в современной России, так и во всем мире, поэтому они обсуждаются в средствах массовой информации, которые могут оказать значительное влияние на формирование общественного мнения и в ряде случаев на принятие государственных решений. Так, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин в своих выступлениях не раз подчеркивал роль СМИ в возбуждении и пресечении преступлений, отмечал осуществление постоянного мониторинга публикаций в массмедиа [Бастрыкин, 2014].

Один из наиболее обсуждаемых в российских СМИ вопросов дискриминации в сфере труда связан с гендерным неравенством. Рассматривая проблему женской безработицы, исследователи отмечают, что «социально-правовые механизмы и социально-экономическое регулирование проблемы со стороны государства и общества не всегда работают на практике, оказывая различное влияние на положение женщин и мужчин в социально-трудовой сфере» [Кошарная и др., 2019]. Российские и зарубежные ученые изучают вопросы проявления гендерного неравенства в сфере труда, среди которых, например, взаимосвязь между экономическими правами и возможностями женщин и семейными условиями, причины женской безработицы, разница в оплате труда женщин и мужчин, влияние гендерных идеологий и гендерных стереотипов на появление дискриминации в различных сферах труда, явления психологического и физического насилия в трудовых коллективах и др. [Алиева, 2020; Ахмадеева, 2011; Бурганова, 2010; Воронина, 2023; Калабихина, 2021; Котоманова, 2010; Кошарная и др., 2019; Кранзеева, 2022; Невежина, 2019; Тартаковская, 2006; Хоткина и др., 2018; Begall et al., 2023; Bobbitt-Zeher, 2011; Kiester, 2021; Melek, 2024 и др.]. Между тем идет постоянная работа по правовому регулированию проблем трудовой дискриминации, что получает отражение в СМИ, например, 15.05.2024 в «Российской газете» опубликовано «Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, обще-

российскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2024—2026 годы», одной из целей которого является координация действий всех сторон по снижению дискриминационного потенциала сферы труда. Так, в отношении женщин документ содержит положения, связанные с устранением гендерного неравенства в оплате труда («2.1.4. при выявлении нарушений принципа равной оплаты труда мужчин и женщин при его равной ценности разрабатывать меры по устранению таких нарушений»), доступом к дополнительному профессиональному образованию («предоставление возможностей по переподготовке и дополнительному профессиональному образованию, способствующих трудоустройству лиц, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе молодежи, женщин, имеющих несовершеннолетних детей») и др. [Генеральное..., 2024]. В индикаторах достойного труда указывается «12. Доля женщин на руководящих должностях» [Там же].

Актуальность темы женской дискриминации, в частности трудовой, не могла не получить отражения в масс-медиа. СМИ имеют возможность влиять на понимание обществом проблемы трудовой женской дискриминации, повышение значимости её в глазах социума, а также способствовать решению данной проблемы через информационное воздействие на общественное мнение и иницирующие и принимающие законы государственные органы. Как отмечает М. В. Борзова в диссертационном исследовании, посвященном конструктам феминности и маскулинности в гендерно-ориентированных текстах СМИ, «в отсутствие в России государственной идеологии роль масс-медиа резко выросла, поскольку этот социальный институт не без основания претендует на функцию формирования мировоззрения и ценностей общества в целом и отдельной личности» [Борзова, 2007, с. 3]. Кроме того, определенную роль в распространении информации и формировании общественного мнения играют социальные сети. Цель данной статьи — проанализировать репрезентированные в публикациях СМИ и аккаунтах социальных сетей вопросы женской дискриминации в сфере труда, выявить маркеры ее представления в медиадискурсе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили опубликованные за последние 5 лет, с 2019 по 2024 годы, статьи электронных версий газет «Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета», «Аргументы и факты», входящих в топ-10 федеральных СМИ [Рейтинги ..., 2024], а также публикации из соцсетей, в которых методом поискового запроса были собраны примеры обсуждения женской дискриминации в трудовой сфере в количестве более 300 единиц материала.

Важность современных исследований по репрезентации в СМИ и социальных сетях темы трудовой дискриминации женщин определяется, кроме всего прочего, тем, что она получила в том или ином аспекте отражение в диссертационных работах, защищенных в разные годы в течение XXI века [Борзова, 2007; Бурганова, 2011; Захаров, 2004 и др.], а также журнальных публикациях [Александрова и др., 2020; Зауэр, 2021; Зелова, 2017; Ильтибаева, 2012; Соколова, 2013 и др.]. Так, Л. А. Бурганова, рассматривая конструирование гендерных стереотипов в управлении на материале разных дискурсов, в том числе СМИ, первого десятилетия XXI века, отмечает, что данная тематика «наглядно демонстрирует превалирующие в общественном сознании убеждения о гендерном Другом, и поэтому изучение стереотипных гендерных репрезентаций является одним из ключей к пониманию социогрупповой сущности социума» [Бурганова, 2011, с. 3]. Один из выводов, к которому приходит исследователь, заключается в том, что в данный период «проблематизация гендерных стереотипов в управлении в СМИ не способствует их преодолению, поскольку превалирующим является дискурс различий», при этом средства массовой информации все же влияют «на восприятие управленцами гендерных проблем» [Там же, с. 21]. В то же время В. Н. Зелова отмечает, что «деятельность современных масс-медиа и интернета связана с трансляцией гендерных стереотипов, которые соответствуют патриархальной культуре, не способствуя развитию гендерных практик» [Зелова, 2017, с. 177].

Используя приемы контент-анализа, мы рассмотрим особенности репрезентации вопросов женской трудовой дискриминации в СМИ с 2019 года по настоящее время.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вопросы трудовой дискриминации в СМИ

По запросу «трудовая дискриминация женщин» за период с 01.01.2019 по 28.05.2024 в материалах газеты «Известия» найдено 46 материалов, издательского дома «Коммерсантъ» — 74 документа, в «Российской газете» — 22 документа с нормативными актами включительно, в «Аргументах и фактах» — 9. Для сравнения: запрос «трудовое право» выявляет более 1000 документов в каждом ресурсе за то же время. Сопоставление показывает, что тема трудовой дискриминации женщин занимает не столь значительное место в данных источниках.

Заголовки публикаций всех ресурсов включают в себя языковые единицы с разными коннотациями: позитивной, нейтральной и негативной, — которые сразу задают тональность публикации. При этом наиболее активно и эмоционально к этой теме обращаются журналисты «Коммерсанта»,

именно здесь больше, нежели в других источниках, используются маркеры с негативной окраской, например: *дискриминация, преступная, запрещенная, недорабатывать, уволить, отсекают, люди второго сорта, предубеждения, нарушения, скандал, карьерные барьеры, гендерный разрыв* и др.: *Преступная дискриминация* (Коммерсантъ, 05.03.2021), *Предубеждения снижают зарплаты женщин* (Коммерсантъ, 30.08.2023), *Работодателей избавят от возрастных предубеждений* (Коммерсантъ, 22.07.2019), *Не женское дело* (Коммерсантъ, 08.03.2020), *Как на подбор: в Магнитогорске девушке отказали в работе из-за «дефекта внешности»* (Известия, 26.11.2019), *Насколько меньше зарабатывают женщины, чем мужчины* (Известия, 05.03.2024), *Анатомия женского дела. Почему даже в XXI веке женщины ограничены в правах* (Аргументы и Факты, 25.10.2023), *Недобрый час. Жительницам сел могут удлинить рабочий день* (Аргументы и Факты, 10.04.2019), *Какие проблемы предстоит решить ЕС, чтобы сократить гендерный разрыв* (Российская газета, 06.10.2020), *Почему у женщин нет равных с мужчинами возможностей на рынке труда* (Российская газета, 19.06.2019) и др.

Приведем несколько примеров языковых маркеров с нейтральной семантикой, среди которых мы видим слова и словосочетания *права человека, трудовой стаж, женщины, льготы, права, комитет, детский сад, рабочая неделя* и др.: *Трудовые гарантии и льгот женщин в 2023 году* (Известия, 01.12.2023), *Опрос показал долю выступающих за четырехдневную рабочую неделю россиян* (Известия, 23.03.2021), *Москалькова предложила засчитывать женщинам воспитание детей в трудовой стаж* (Коммерсантъ, 29.01.2019), *Женщин Донбасса пригласили в комитет* (Коммерсантъ, 14.07.2022), *Работодатели посматривают на резерв* (Коммерсантъ, 04.10.2022), *Какие права есть у сотрудника на испытательном сроке?* (АиФ, 01.03.2024) и др. Большая часть нейтральных заголовков констатирует факты, к которым читатель может относиться оценочно или безоценочно в зависимости от заинтересованности в теме.

Совсем незначительное число заголовков имеет явно выраженную позитивную оценочность, например, *Зарплатное прибавление* (Коммерсантъ, 23.01.2024), *Новые возможности* (Коммерсантъ, 16.02.2022), *В Кузбассе сократят рабочую неделю для сотрудниц с детьми* (Российская газета, 03.05.2021), *В Беларуси и России взят курс на гендерное равенство* (Российская газета, 20.01.2021) и др. Реже они могут иметь метафорический характер, например: *Прекрасный полк* (Коммерсантъ, 18.10.2022), *Воспитание толерантности* (Коммерсантъ, 27.03.2020) и др. Отметим, что в предыдущие годы число заголовков, содержащих образность, в том же «Коммерсанте» было выше, например, в 2017 и 2018 годах статьи с ярки-

ми, можно сказать, кликбейтными, заголовками, встречаются чаще, чем за весь исследуемый пятилетний период, например: *Голос прекрасной половины* (07.03.2018), *Правосудие гендерного типа* (04.06.2018), *Депутаты тщательней выравнивают полы* (11.07.2018), *Нелегкая женская доля потянула на \$4,5 трлн* (30.04.2018), *Чистка старого серебра* (15.02.2018), *Женщины двойного назначения* (20.11.2017), *Зарплата женского рода* (30.09.2017), *Гендерный доход* (28.02.2017) и др.

В исследуемый период (2019—2024) часть из заголовков, в которых содержится позитивная коннотация, одновременно включает в себя и сообщение о негативной ситуации, например: *Пол и деятельность: в «женских» отраслях предложили повышать зарплаты* (Известия, 12.02.2024), *Правительство поддержало проект о запрете увольнения вдов участников СВО* (Аргументы и факты, 29.01.2024), *В РФ могут запретить увольнять родителей-одиночек до 16-летия ребенка* (Аргументы и факты, 26.07.2023), *Список недоступных для женщин профессий могут пересмотреть* (Российская газета, 12.02.2020) и др. Данный тип названий является наиболее информативным, поскольку сразу обозначает проблему и ее решение или возможный результат.

Таким образом, с точки зрения привлечения внимания к проблеме трудовой дискриминации женщин, в последние годы наблюдается тенденция к созданию более функциональных заголовков, в то же время содержащих скорее негативную оценку ситуации, что можно объяснить желанием привлечь внимание читателя за счет сообщения о конфликте гендерных интересов.

Тематический анализ публикаций показывает, что официальные СМИ создают амбивалентный образ положения современной женщины в российском обществе. С одной стороны, журналисты и интервьюируемые отмечают наличие дискриминации в отношении женщин на рынке труда, которая проявляется в определенных традиционно мужских сферах: бизнесе, промышленности, строительстве, политике и др., например: *В России все еще не удастся развеять миф о том, что бизнес у женщины — просто дорогая игрушка, доставшаяся ей от мужчины*. М. Царева. Бизнес женщинам не верит // Коммерсантъ Санкт-Петербург, 2020). При этом речь идет, главным образом, о руководящих должностях, на которых, как отмечается, женщин незначительное число. В то же время в других публикациях фиксируется значительное количество «генеральных директоров (или аналогичных позиций операционного руководителя компании, для упрощения — chief executive officer, CEO)» [Женщины-СЕО...]: *Согласно исследованию Deloitte, доля женщин-СЕО в России очень высока — около 20 % против 4,4 % в среднем в мире. Только некоторые страны Европы*

добрались выше этого показателя. Тем не менее в России регулярно, в том числе на федеральном уровне, поднимается вопрос о введении квот для женщин в бизнесе и политике (Я. Войцеховская. Руководство по квоте // Коммерсантъ Санкт-Петербург, 2020). Вопрос квотирования обсуждается в ряде публикаций, и он также вызывает неоднозначное отношение: как процедура, которая не решает проблему: *Все это я к тому, что я не верю ни в какие гендерные квоты где бы то ни было — будь то парламент или трудовой коллектив* (Н. Ярмула, А. Тен, К. Куркин «Я не готова признать, что я слабый пол» // Коммерсантъ Санкт-Петербург, 2024); или, напротив, как возможность для женщины занять желаемое место: *С учетом гендерной дискриминации, которая существует на рынке труда разных стран, практика квотирования позволяет женщинам проявить свои профессиональные качества, реализовать себя в карьере...* (Руководство по квоте // Коммерсантъ Санкт-Петербург, 2020). При этом в статьях приводятся официальные данные Счетной палаты: *По итогам проверки программ господдержки женщин, сегодня мы составляем половину занятых в экономике. Доля женщин составляет около 40 % среди предпринимателей, 48—49 % — среди руководителей* (А. Каледина. Вот тебе, матушка, и женский день // Известия, 07.03.2024), — и уточняется, что эти утверждения требуют дифференциации по сферам деятельности, поскольку «женскими» сферами являются образование, здравоохранение, культура и др.: *«Женскими» оказались экономика и управление (68 % женщин среди выпускников), гуманитарные науки (69 %), здравоохранение и медицина (74 %), общественные науки (кроме юриспруденции и экономики; 78 %), искусство и культура (80 %) и образование (84 %)* (Е. Сивякова. Диплом одинаковый, зарплаты разные // Коммерсантъ Наука, 2022). Однако здесь встает другая проблема: заработная плата в организациях этих профилей ниже, нежели в традиционно мужских сферах: *некоторые секторы экономики феминизированы сильнее прочих, но не предполагают высоких зарплат* (Е. Сивякова. Диплом одинаковый, зарплаты разные // Коммерсантъ Наука, 2022), *Вообще, до сих пор существуют женские и мужские специальности, остается высокой и разница в зарплатах — в среднем 27 %, но в некоторых секторах этот показатель существенно выше* (А. Каледина. Вот тебе, матушка, и женский день // Известия, 07.03.2024).

Дискриминационное отношение к женщинам подтверждается опубликованными в СМИ исследованиями ученых, например: *Расшифровка дискуссии РЭШ о потерях от гендерного неравенства в экономике* (Коммерсантъ, 11.12.2023); *Мнение. Профессор департамента прикладной экономики НИУ ВШЭ Елена Котырло — о своевременности Нобелевской премии за исследования гендерного неравенства* (Коммерсантъ,

23.11.2023) и др. При этом основные причины такого положения женщин видятся респондентами в отождествлении их статуса как работодателями, так и зачастую самими соискательницами работы с ролью матери, которая требует ухода в декрет, перераспределения времени в пользу семьи: *И когда я была еще очень маленьким руководителем и нанимала на работу женщин и мужчин, то если приходят два человека на собеседование одного возраста, с одним и тем же образованием, с одним и тем же грейдом и опытом работы, обоим 25 лет, один из них девушка, второй молодой человек, то естественным образом работает статистическая дискриминация. Ты просто ожидаешь, что с большей вероятностью в течение ближайших пяти лет в декрет на срок от года до трех уйдет именно девушка. <...> у меня будет потеря специалиста, которого я растила и воспитывала, возникает очень естественная мотивация взять мужчину на работу* (Расшифровка дискуссии РЭШ о потерях от гендерного неравенства в экономике // Коммерсантъ, 2023). Желание иметь семью и совмещать ее с карьерой — еще одна тенденция, отмечаемая официальными источниками: *Кроме того, за последние несколько лет в стране выросла доля женщин-предпринимателей. Они возглавляют около 30 % малых и средних бизнесов. «При этом большинство женщин ориентированы на полную занятость, карьерный рост в сочетании с семейными обязанностями и воспитанием детей», — подчеркнули в Минтруде* (М. Фролова. Меры поддержки для женщин в России 2023 // Известия, 2023).

Интервью же с респондентками, занимающими высокие должности, демонстрируют мнение о свободном выборе женщины и существующих для нее возможностях. Так, ряд интервью с женщинами-лидерами показывает, что респонденты никогда не были дискриминируемы: *Я никогда не сталкивалась со случаями дискриминации по половому признаку в своей работе. Работая в академической среде, я была в 35 лет избрана деканом факультета журналистики СПбГУ. Правда, справедливости ради отмечу, что я стала всего второй женщиной-деканом за всю историю университета. В 2021 году была избрана вице-спикером Заксобрания, став первой женщиной заместителем председателя петербургского парламента* (Н. Ярмула, А. Тен, К. Куркин «Я не готова признать, что я слабый пол» // Коммерсантъ Санкт-Петербург, 2024). При этом наличие на руководящих должностях преимущественно мужчин объясняется не дискриминацией, а объективными причинами: *— Я согласна с вами: я встречала немного женщин, занимающих руководящие позиции в крупных компаниях или создавших что-то с нуля. Однако это связано не столько с гендерными различиями, сколько с тем, что людей, способных к творчеству, упорному труду и постоянному развитию, немного. Опять же если посмотреть на*

тех женщин, которые добиваются успеха, то ими можно только восхищаться (А. Иванова. «Объективно, главное — ваши цели и мотивация» // Коммерсантъ, 2023).

Отдельно в СМИ поднимается вопрос о работе женщин на традиционно мужских рабочих местах (не относящихся к руководящим), поскольку существует перечень производств, должностей и работ, которые считаются вредными для женщин, в частности, в химическом, горнодобывающем, металлургическом, нефтегазовом и других секторах промышленности и областях жизнедеятельности человека [Об утверждении..., 2019]. Между тем осуществлен ряд публикаций, в которых рассказывается о женщинах, преодолевающих запрет на работу в сфере, считающейся тяжелой для слабого пола, например: *Не женское дело. Шесть историй о борьбе россиянок за «мужские» профессии* (08.03.2020). В 2024 году публикации показывают, что женщины в этом отношении получают больше возможностей: *К примеру, в Омске, где наблюдается дефицит водителей общественного транспорта, в этом году местные власти предложили нанимать на эти должности больше женщин* (Л. Белова. Зарплатное прибавление // Коммерсантъ Новосибирск, 2024); *Депутаты Госдумы выступили с инициативой признать утратившей силу статью 253 Трудового кодекса, которая служит основанием для принятия перечня запрещенных для женщин профессий* (Госдума рассмотрит отмену чисто мужских профессий в начале 2023 года // Известия, 08.12.2022).

Часть публикаций посвящена иностранному опыту, в том числе западных стран: *Национальная статистическая служба Великобритании признана виновной в дискриминации женщин* (Коммерсантъ, 2019), *Подглядеть в карман: в Финляндии разрешат узнавать зарплату сослуживцев* (Е. Кориненко // Известия, 18.11.2021) и др.

Таким образом, нельзя сказать, что тема трудовой дискриминации женщин в исследуемых ресурсах как представителей ведущих российских СМИ рассматривается в качестве остро стоящей проблемы. С одной стороны, учеными и журналистами поднимаются вопросы дискриминации женщин в отношении более низкой заработной платы, невозможности работать по ряду профессий в силу вредных для женщин условий труда, предубеждений работодателей в связи с реальным или потенциальным семейным положением женщины, незначительным количеством женщин на руководящих должностях. С другой — заявленные проблемы во многом опровергаются самими интервьюируемыми женщинами, которые занимают высокие должности, отрицают в отношении себя дискриминацию, работают в традиционно «мужских» сферах, выигрывают трудовые споры в судах. Кроме того, авторы статей отмечают, что государство вводит

нормативные документы, которые на законодательном уровне стремятся нивелировать гендерные различия на рынке труда.

3.2. Тема трудовой дискриминации женщин в пабликах социальных сетей

Социальные сети, представленные аккаунтами официальных организаций, сообществами и частными лицами, отражают те же проблемы, которые освещаются в СМИ.

В социальной сети ВКонтакте обсуждаются инициативы государства, обычно в пабликах официальных организаций, например, из последних: *Власти хотят стимулировать компании к переводу беременных и матерей с малолетними детьми на дистант. В Минтруде считают, что это сгладит дефицит кадров и снизит занятость в неформальном секторе* (92 Москва FM, 31 мая 2024); *В Государственной думе 16 мая был проведён организованный фракцией КППРФ «круглый стол» на тему: «Новый Трудовой кодекс. КППРФ на защите прав трудящихся»* (Газета ПРАВДА, 30 мая 2024) и др.

Частные лица делятся личным опытом, как правило, фокусируя внимание на каком-то аспекте проблемы гендерной дискриминации в сфере труда, например: аккаунт Натальи Локтевой (*Я уже много лет в бизнесе, работаю с кадрами и смотрю за тем, как это делают другие. Сегодня работодатель в требованиях к вакансии зачастую прибегает к формулировкам, в которых напрямую прослеживается дискриминация по семейному положению, беременности или наличию детей. И этот пункт идет чуть ли не первоочередным*, 27 мая 2024) и др. При этом в публикациях как организаций, так и других авторов тексты обычно заканчиваются вопросом, приглашающим к обсуждению проблемы: *А как вы думаете: стоит ли переводить беременных и мам в декрете на удалённую работу?; Какое у вас мнение по этому поводу? Пишите в комментариях...*

В LiveJournal (далее — Живой журнал, или ЖЖ) прослеживается та же тенденция освещения новостей в блогах официальных организаций, например, газет и журналов (*В Госдуме назвали опасное последствие сокращения рабочей недели для женщин*, Int_news // ЖЖ, 25.05.2024) и блогеров как частных лиц, часто перепечатавающих информацию из официальных каналов (та же информация в канале 7ooo_ru // ЖЖ, 25.05.2024, или статья *Профсоюзы назвали основные нарушения трудовых прав женщин в России* как репост из РБК, sell_off // ЖЖ, 06.09.2023) или публикующих записи своих мыслей по определенной теме (*Демографический капкан. Часть 2. — серп и молот* // ЖЖ, 17.11.2023).

Основными аспектами обсуждения темы дискриминации женщин в трудовой сфере в последние 5 лет стали вопросы:

— совмещения социальных ролей матери и специалиста, например: в блоге *Демографический капкан. Часть 2. — серп и молот* под статьей представлено 245 комментариев мужчин, обсуждающих вопрос в свете марксистской теории и религии (p-balaev, ЖЖ, 17.11.2023) и др.;

— разницы в оплате труда женщин и мужчин в пользу последних со ссылками на публикациях СМИ, например: *К слову про 40 кошек* (talifa88, ЖЖ, 08.03.2019) и др.;

— проявлений сексизма: *Как работает сексизм?* (health_scanner, ЖЖ, 03.09.2019), *Женская доля* (vkus_laima, ЖЖ, 07.07.2019), *Дралась с мужчинами на ринге, прошла военную подготовку и тренирует боксёров* (nikitina_polina, ЖЖ, 10.01.2022) и др.;

— языковых изменений: *«Ты морячка, я моряк»: кому и зачем нужны феминитивы* (graphowomen, ЖЖ, 25.08.2022) и др.

Отметим, что в предшествующий исследуемому пятилетний период вопросы трудовой дискриминации встречались в блогах значительно чаще в контексте феминистского движения (*Феминистская колонна на Первомае // feminism*, ЖЖ, 14.04.2014; *Женщины зажаты в тисках двух идеологий // Замок мистики*, ЖЖ, 21.04.2016), обсуждения мужчинами вопросов гендерного равноправия (*О равноправии // конкретные мысли*, ЖЖ, 28.03.2014; *Зачем вы дарите цветы на 8 марта?! // zarajsky*, ЖЖ, 07.03.2016); образовательных практик (*Лекция «Гендерная сегрегация труда» // rfo_ona*, ЖЖ, 09.05.2016); иностранного опыта или западных исследований о России (*МИД РФ выпустил доклад о нарушении прав ч-ка в ЕС, разбитый по странам // Далеко и близко*, ЖЖ, 19.01.2019; *Южнокорейки не желают быть рабынями, ну надо же! // talifa88*, ЖЖ, 18.08.2018; *Почему в СССР не было нормальных шмоток? // Реальные истории из жизни*, ЖЖ, 19.09.2016).

Устройство социальных сетей, настроенное на постоянное увеличение числа подписчиков, предлагает спорные темы или соответствующий конфликтный ракурс репрезентации социального вопроса, и любое проявление дискриминации, в частности женщин в сфере труда, находят в фокусе внимания авторов блогов. В то же время можно отметить снижение в последние годы не только количества публикаций, посвященных данной тематике, но и организованных в комментариях обсуждений.

4. Заключение = Conclusions

Современные технологии позволяют диагностировать проблемы, интересующие общество, не только в интерпретации их СМИ, но и непосредственно в восприятии граждан как пользователей социальных сетей. Анализ медийных материалов о трудовой дискриминации женщин за последние 5 лет позволяет сделать ряд выводов:

(1) Государство на законодательном уровне создает условия для устранения гендерной дискриминации, что подкрепляется новыми законами, публикуемыми СМИ, в частности в «Российской газете», однако ряд журналистских публикаций показывает, что не всё в данной области решено.

(2) Можно выделить три основные проблемы, которые обсуждаются в публикациях как СМИ, так и соцсетей: (1) вопрос оплаты труда, обусловленный работой женщин в менее оплачиваемых сферах и на статусно более низких должностях, чем мужчины; (2) нежелание брать на работу женщин из-за возможной или реальной беременности и маленьких детей; (3) ограничения в возможности работать по профессиям, которые считаются вредными для женщин, что также рассматривается как дискриминация.

(3) Между тем интервью с женщинами, имеющими высокий профессиональный статус, а также приводимая в публикациях статистика демонстрируют, что на практике большинство женщин либо не сталкивались с гендерным неравенством, либо не рассматривают его как серьезную проблему, считая, что женщины сами отдают приоритет роли материнства перед ролью специалиста.

(4) Количественный анализ статей в СМИ и постов в социальных сетях показывает, что вопрос трудовой дискриминации женщин рассматривается наряду с темами дискриминации в сфере труда пенсионеров, мигрантов, инвалидов и др., при этом занимая относительно несущественное пространство, особенно в газетах «Аргументы и факты» и «Российская газета».

Таким образом, можно заключить, что внимание к проблеме трудовой дискриминации женщин в медийном пространстве существует, однако ситуацию нельзя назвать критичной, поскольку государство, согласно информации тех же СМИ и соцсетей, старается решать ее на законодательном уровне.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. *Аргументы и факты* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://aif.ru/> (дата обращения 20.05.2024).

2. *Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2024—2026 годы* [Электронный ресурс] // Российская газета. — 15.05.2024. — Режим доступа : <https://rg.ru/documents/2024/05/15/generalnoe-soglashenie-mezhdu-obshcherossijskimi>

obedeniiaimi-profsoiuzov-obshcherossijskimi-obedeniiaimi-rabotodatelej-i-pravitelstvom-rossijskoj-federacii-na-2024-2026-gody-dok.html (дата обращения 20.05.2024).

3. *Женщины-СЕО* в России. Показатели финансовой эффективности [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1717015246&tld=ru&lang=ru&name=Женщины-СЕО%20в%20России%20Показатели%20финансовой%20эффективности%202020_05_03.pdf&text (дата обращения 21.05.2024).

4. *Известия* — новости политики, экономики, спорта, культуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://iz.ru/> (дата обращения 20.05.2024).

5. *Коммерсантъ* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения 20.05.2024).

6. *Об утверждении* перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин : Приказ Минтруда России от 18.07.2019 N 512н (ред. от 13.05.2021). — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331608/ (дата обращения 21.05.2024).

7. *Рейтинги* федеральных СМИ [Электронный ресурс] // Медиалогия. — Режим доступа : <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/> (дата обращения 10.04.2024).

8. *Российская газета* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://yandex.ru/search/?text=российская+газета&lr=54&clid=2270456&src=suggest_Reformulation (дата обращения 20.05.2024).

Литература

1. *Александрова О. А.* Гендерные аспекты занятости в российских масс-медиа : влияние социально-политического контекста и информационных технологий / О. А. Александрова, З. А. Хоткина, Ю. В. Бурдастова, Ю. С. Ненахова // *Народонаселение*. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 149—160. — DOI: 10.19181/population.2020.23.2.13.

2. *Алиева К.* “Конституционно-правовые основы обеспечения гендерного равенства в трудовых отношениях : результаты и выводы опроса” / К. Алиева // *Review of law sciences*. — 2020. — Т. 1. — Спецвыпуск. — С. 121—131. — DOI: 10.24412/2181-919X-2020-1-121-131.

3. *Бастрыкин А. И.* Гражданская позиция : сборник выступлений и статей / А. И. Бастрыкин. — Москва : [б. и.], 2014. — 347 с.

4. *Борзова М. В.* Социокультурный анализ конструкторов феминности и маскулинности в гендерно-ориентированных текстах СМИ : 22.00.06 / М. В. Борзова. — Ростов-на-Дону, 2007. — 23 с.

5. *Бурганова Л. А.* Конструирование гендерных стереотипов в управлении : тематических репертуар дискурсивных практик и стратегий : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук : 22.00.08 / Л. А. Бурганова. — Уфа, 2011. — 23 с.

6. *Бурганова Л. А.* “Гендерные стереотипы в управлении (анализ дискурсивных технологий СМИ)” / Л. А. Бурганова, К. Н. Ахмадеева // *Власть*. — 2010. — № 3. — С. 65—69.

7. *Воронина О. А.* Теоретические, эмпирические и политические аспекты гендерных исследований в России / О. А. Воронина // *Вестник РГТУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. — 2023. — № 2. — С. 84—92. — DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-84-92.

8. *Зауэр А. А.* “Феминистский и патриархатный медиадискурсы : вопрос о женской профессиональной реализации” / А. А. Зауэр // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. — 2021. — № 6 (39). — С. 672—675. — DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6\(39\).672-675](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6(39).672-675).

9. Зелова В. Н. Гендерные стереотипы в средствах массовой информации / В. Н. Зелова // Ученые заметки ТОГУ». — 2017. — Т. 8. — № 2. — С. 173—178.
10. Ильтибаева Р. А. Роль средств массовой информации в преодолении гендерной дискриминации на рынке труда / Р. А. Ильтибаева // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — № 4. — С. 163—164.
11. Котоманова О. В. “Гендерная дискриминация в сфере труда” / О. В. Котоманова // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. — 2010. — № 5. — С. 274—281.
12. Кошарная Г. Б. “Особенности женской безработицы в современном российском обществе” / Г. Б. Кошарная, Е. С. Тарханова, Е. А. Данилова // Власть. — 2019. — № 4. — С. 187—195.
13. Кранзеева Е. А. Эволюция политического сознания и поведения женщин современной России : диссертация ... доктора социологических наук : 5.4.4 / Е. А. Кранзеева. — Москва, 2022. — 48 с.
14. Невежина М. В. “Харассмент как одно из проявлений дискриминации в сфере труда” / М. В. Невежина // Образование и право. — 2019. — № 5. — С. 116—119. — DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6628.
15. Соколова Е. А. Гендерные стереотипы в современных СМИ как инструмент коммуникации / Е. А. Соколова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2013. — № 1 (110). — С. 71—77.
16. Тартаковская И. Н. Гендерный дискурс в классической социальной теории / И. Н. Тартаковская // Человек. Сообщество. Управление. — 2006. — № 2. — С. 78—94.
17. Хоткина З. А. Гендерные проблемы в современной России и методология их анализа / З. А. Хоткина, В. Г. Доброхлеб, Н. Е. Русанова // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 135—149. — DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-12.
18. Begall K. Multidimensional Gender Ideologies Across Europe : Evidence From 36 Countries / K. Begall, D. Grunow // Gender & Society. — 2023. — № 37 (1). — Pp. 42—60. — DOI: 10.1177/08912432231155914.
19. Bobbitt-Zeher D. Gender Discrimination at Work : Connecting Gender Stereotypes, Institutional Policies, and Gender Composition of Workplace / D. Bobbitt-Zeher // Gender & Society. — 2011. — № 25 (6). — Pp. 764—786. — DOI: 10.1177/0891243211424741.
20. Kiester E. Gender Discrimination in the Labor Market / E. Kiester // Gender Equality. Springer. — 2021. — Pp. 431—438. — DOI:10.1007/978-3-319-95687-9_8.
21. Melek G. Sexual Harassment, Gender-Based Discrimination and Mobbing in Newsrooms : Qualitative In-Depth Interviews with Women Journalists in Turkish Media / G. Melek // Kültür ve İletişim. — 2024. — № 27 (53). — Pp. 192—203. — DOI: 10.18691/kulturveiletisim.1407620.

Статья поступила в редакцию 30.02.2024,
одобрена после рецензирования 17.05.2024,
подготовлена к публикации 16.06.2024.

Material resources

Arguments and facts. Available at: <https://aif.ru/> (accessed 20.05.2024). (In Russ.).
Izvestiya — novosti politiki, ekonomiki, sporta, kul'tury. Available at: <https://iz.ru/> (accessed 20.05.2024). (In Russ.).

- Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/> (accessed 20.05.2024). (In Russ.).
- Rossiyskaya Gazeta*. Available at: https://yandex.ru/search/?text=rossiyskaya+gazeta&lr=54&clid=2270456&src=suggest_Reformulation (accessed 20.05.2024). (In Russ.).
- On approval of the list of industries, jobs and positions with harmful and (or) dangerous working conditions in which the use of women's labor is limited*: Order of the Ministry of Labor of Russia dated July 18, 2019 N 512n (as amended on May 13, 2021). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331608/ (accessed 21.05.2024).
- Reytingi federalnykh SMI. In: *Medialogiya*. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/> (accessed 10.04.2024).
- The General Agreement between the All-Russian associations of trade unions, All-Russian associations of employers and the Government of the Russian Federation for 2024—2026. (2024). *Rossiyskaya gazeta*. 15.05. Available at: <https://rg.ru/documents/2024/05/15/generalnoe-soglasenie-mezhdu-obshcherossiyskimi-obedineniyami-profsoiuzov-obshcherossiyskimi-obedineniyami-rabotodatelej-i-pravitelstvom-rossijskoj-federacii-na-2024-2026-gody-dok.html> (accessed 20.05.2024). (In Russ.).

References

- Alexandrova, O. A., Khotkina, Z. A., Burdastova, Yu. V., Nenakhova, Yu. S. (2020). Gender aspects of employment in the Russian mass media: the influence of the socio-political context and information technologies. *Population*, 23 (2): 149—160. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.13. (In Russ.).
- Alieva, K. (2020). “Constitutional and legal foundations for ensuring gender equality in labor relations: results and conclusions of the survey”. *Review of law sciences, 1. Special Issue*. 121—131. DOI:10.24412/2181-919X-2020-1-121-131. (In Russ.).
- Bastrykin, A. I. (2014). *Civil position: a collection of speeches and articles*. Moscow: [b. i.]. 347 p. (In Russ.).
- Begall, K., Grunow, D. (2023). Multidimensional Gender Ideologies Across Europe: Evidence From 36 Countries. *Gender & Society*, 37 (1): 42—60. DOI:10.1177/08912432231155914.
- Bobbitt-Zeher, D. (2011). Gender Discrimination at Work: Connecting Gender Stereotypes, Institutional Policies, and Gender Composition of Workplace. *Gender & Society*, 25 (6): 764—786. DOI: 10.1177/0891243211424741.
- Borzova, M. V. (2007). *Sociocultural analysis of constructs of femininity and masculinity in gender-oriented media texts*. Rostov-on-Don. 23 p. (In Russ.).
- Burganova, L. A., Akhmadeeva, K. N. (2010). “Gender stereotypes in management (analysis of discursive media technologies)”. *Power*, 3: 65—69. (In Russ.).
- Burganova, L. A. (2011). *The construction of tender stereotypes in management: thematic repertoire of discursive practices and strategies*. Author's abstract of PhD Diss. Ufa. 23 p. (In Russ.).
- Iltibayeva, R. A. (2012). The role of mass media in overcoming gender discrimination in the labor market. *Historical and socio-educational thought*, 4: 163—164. (In Russ.).
- Khotkina, Z. A., Dobrokhleb, V. G., Rusanova, N. E. (2018). Gender problems in modern Russia and the methodology of their analysis. *Population*, 21 (4): 135—149. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-12. (In Russ.).
- Kiester, E. (2021). Gender Discrimination in the Labor Market. *Gender Equality*. Springer. 431—438. DOI:10.1007/978-3-319-95687-9_8

- Kosharnaya, G. B., Tarkhanova, E. S., Danilova, E. A. (2019). "Features of female unemployment in modern Russian society". *Power*, 4: 187—195. (In Russ.).
- Kotomanova, O. V. (2010). "Gender discrimination in the field of labor". *Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society*, 5: 274—281. (In Russ.).
- Kranzeeva, E. A. (2022). *Evolution of political consciousness and behavior of women in modern Russia*. Doct. Diss. Moscow. 48 p. (In Russ.).
- Melek, G. (2024). Sexual Harassment, Gender-Based Discrimination and Mobbing in Newsrooms: Qualitative In-Depth Interviews with Women Journalists in Turkish Media. *Kültür ve İletişim*, 27 (53): 192—203. DOI: 10.18691/kulturveiletisim.1407620.
- Nevezhina, M. V. (2019). "Harassment as one of the manifestations of discrimination in the field of labor". *Education and law*, 5: 116—119. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6628. (In Russ.).
- Sauer, A. A. (2021). "Feminist and patriarchal media discourse: the question of women's professional realization". *Scientific notes of Novgorod State University*, 6 (39): 672—675. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6\(39\).672-675](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6(39).672-675). (In Russ.).
- Sokolova, E. A. (2013). Gender stereotypes in modern media as a communication tool. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1, Problems of education, science and culture*, 1 (110): 71—77. (In Russ.).
- Tartakovskaya, I. N. (2006). Gender discourse in classical social theory. *Man. Community. Management*, 2: 78—94. (In Russ.).
- Voronina, O. A. (2023). Theoretical, empirical and political aspects of gender studies in Russia. *Bulletin of the Russian State University. The series "Philosophy. Sociology. Art criticism"*, 2: 84—92. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-84-92. (In Russ.).
- Zelova, V. N. (2017). Gender stereotypes in the mass media. *Scientific notes of TOGU*, 8 (2): 173—178. (In Russ.).

*The article was submitted 30.02.2024;
approved after reviewing 17.05.2024;
accepted for publication 16.06.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Айтали́на Ахметовна Кузьмина, канд. филол. наук (Якутск)
Алена Александровна Устиновская, д-р филол. наук (Москва)
Алла Евге́ньевна Барецкая, канд. филол. наук (Москва)
Елена Вячеславовна Ушакова, канд. филол. наук (Москва)
Елена Юрьевна Шестакова, канд. филол. наук (Архангельск)
Любовь Геннадьевна Кихней, д-р филол. наук (Москва)
Мэн Линди, магистрант (Чжэньцзян, Цзянсу, Китай)
Сай На, канд. филол. наук (Чжэньцзян, Цзянсу, Китай)
Сергей Сергеевич Жданов, д-р филол. наук (Новосибирск)
Татьяна Александровна Шарыпина, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

Информация для цитирования:

Барецкая А. Е. Классицистическая разработка топоса «отец — сын» в «Приключениях Телемака» Фенелона / А. Е. Барецкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 198—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-198-214.

Baretskaya, A. E. (2024). Classicist Development of FATHER-SON Topos in “The Adventures of Telemachus” by Fénelon. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 198-214. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-198-214. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Классицистическая разработка топоса «отец — сын» в «Приключениях Телемака» Фенелона

Барецкая Алла Евгеньевна
orcid.org/0009-0009-2044-6978
кандидат филологических наук,
доцент института лингвистики
и межкультурной
коммуникации
baretskaya_a_e@staff.sechenov.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

Classicist Development of FATHER-SON Topos in “The Adventures of Telemachus” by Fénelon

Alla E. Baretskaya
orcid.org/0009-0009-2044-6978
PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
baretskaya_a_e@staff.sechenov.ru

I. M. Sechenov First Moscow State
Medical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируется тоpos «отец — сын» в «Приключениях Телемака» Фенелона в соотносённости с культурно-исторической ситуацией и философско-эстетическими достижениями XVII века. Изучаются сложные взаимодействия мифологических мотивов и результаты их индивидуально-авторского художественного воплощения в романе Фенелона. Выявляется основание для понимания тоposa «отец — сын» в новой антропологической парадигме, в центре которой находится образ становящегося человека, способного обосновать историческую возможность более разумного общественного устройства. Определяется характер влияния философской и этической ситуации эпохи на интерпретационные характеристики тоposa в романе. Прослеживается эволюция традиционного архаического образа эпического героя со сменой ролей. Доказано, что в романе изображены не только традиционные мифологические испытания силы, но и новые, обусловленные сменой философско-этической ситуации, «психологические» испытания — одиночеством, любовью, властью. Новизна исследования видится в том, что выявлена идейная установка автора, формирующая тоpos «любовь правителя к своему народу как к сыну». На материале выполненного исследования подтвержден тезис об определяющем влиянии мировоззренческих установок эпохи и координат культуры на историческую судьбу тоposa как литературного феномена.

Ключевые слова:

античность; мифология; художественная рецепция; эпоха Просвещения, роман воспитания; педагогический нарратив; топика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the “father-son” topos in “The Adventures of Telemachus” by Fénelon in relation to the cultural-historical situation and philosophical-aesthetic achievements of the 17th century. It explores the complex interactions of mythological motifs and the results of their individual-authorial artistic embodiment in Fénelon’s novel. The basis for understanding the “father-son” topos in a new anthropological paradigm is revealed, focusing on the image of the evolving individual capable of justifying the historical possibility of a more rational social structure. The influence of the philosophical and ethical situation of the era on the interpretive characteristics of the topos in the novel is determined. The evolution of the traditional archaic image of the epic hero is traced with a shift in roles. It is argued that the novel depicts not only traditional mythological tests of strength but also new “psychological” tests arising from changes in the philosophical-ethical situation: loneliness, love, power. The study’s novelty lies in identifying the author’s ideological stance shaping the topos “the ruler’s love for his people as for a son.” The research confirms the thesis of the determining influence of worldview attitudes of the era and cultural coordinates on the historical fate of the topos as a literary phenomenon.

Key words:

antiquity; mythology; artistic reception; Enlightenment era; Bildungsroman; pedagogical narrative; topos.

УДК 821.133Фенелон.07+821.14'02

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-198-214

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

Классицистическая разработка топоса «отец — сын» в «Приключениях Телемака» Фенелона

© Барецкая А. Е., 2024

1. Введение = Introduction

Роман Франсуа Фенелона «Приключения Телемака» справедливо считается одним из самых ярких явлений рецепции античного художественного наследия Античности. Мало разработанный эпической традицией образ Телемаха, сына Одиссея, позволяет Фенелону воплотить концепцию становления человека и создать эталонный образец романа воспитания своей эпохи. Художественное воплощение интересующего нас топоса, попытки философской интерпретации антропологической парадигмы, задаваемой культурно-историческим контекстом и гениальностью древнего автора, осуществленная разработка данного топоса как синтезированной культурно-типологической семиотической единицы — все это позволяет говорить о новизне предлагаемого исследования. Поиск «новаторских» принципов построения топоса «отец — сын» и литературно-художественных средств его описания определяется актуальность заявленной темы.

Спецификой обозначенных проблем обусловлено обращение к разработке топоса «отец — сын» в литературном наследии эпохи Гомера и семнадцатого столетия, к которому принадлежало творчество французского писателя Франсуа Фенелона. Заданный таким образом аспект исследования вызывает необходимость рассмотрения двух крупнейших художественных систем — мифологической (Гомер) и классицистической (Фенелон). Обращение к гомеровскому эпосу способствует раскрытию новых граней функционирования изучаемого топоса в истории литературы и культуры. Положенные в основу повествования мифологические мотивы подвергаются авторской трансформации, образы отца и сына становятся компонентом художественно целого. Выбранный топос позволяет проследить изменения в эпической картине мира, отраженной в поэме Гомера «Одиссея», и смену мировоззренческих установок эпохи классицизма в романе Франсуа Фенелона «Приключения Телемака».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Выполненное исследование основано на теоретической базе одного из наиболее актуальных направлений современного литературоведения — топики. Закономерный интерес к данной научной области обусловлен успешным развитием ряда наук, связанных с когнитивной деятельностью человека и его культурно-философским творчеством.

Богатая аристотелевская традиция диалектического понимания топики как системы доводов и аргументов, необходимых для успешной дискуссии, поддерживается сегодня в когнитивном литературоведении и теории коммуникации [Ассуирова, 2003; Садикова, 2015].

Известно, что весомые научные основания для изучения топосов и топики как феноменов литературоведения заложил известный немецкий филолог-романист Э. Р. Курциус [Курциус, 2020]. Топика — система топосов как основа и причина многообразия мировых литератур; топосы — «словесные “клише”, общие и безличные “схемы мысли и выражения”, которые имеют межвременной и межкультурный характер» [Цит. по: Махов, 2011, с. 275]. Литературная топка, понимаемая как *loci communes*, попадая в поле зрения современных исследователей, обогащается анализом новых форм художественного воплощения, семантических трансформаций, метафорических архетипов. Существенно расширился хронологический и географический охват литературного материала [Филонов, 2020; Васильева, 2018; Степанов, 2018].

Создание Курциусом своего направления в литературоведении, изучающего мировую литературу через историю повторяющихся мотивов, совершенно закономерно соотносится с исследованиями в области исторической поэтики А. Н. Веселовского. Мысль исследователей движется в сторону выявления повторяющихся или постоянных элементов, обеспечивающих непрерывность традиции как всемирной литературы (Веселовский), так и европейской литературы (Курциус). Генезис и развитие теоретических построений ученых в сопоставительном аспекте подробно описывает А. Махов [Махов, 2010]. Кроме того, А. Махов, критически пересматривая позицию Курциуса относительно литературной природы топоса, настаивает на риторическом характере топики, подчеркивая ее устойчивую связь с классическим пониманием топоса как «места, где лежат аргументы» [Махов, 2011, с. 277].

Общая цель работы — проанализировать художественные приемы реценции античного художественного наследия эпохой семнадцатого столетия в аспекте разработки топоса «отец — сын».

В соответствии с вышеуказанным в работе рассматривается структура топоса, функционирование его компонентов (субтопосов) на сюжетно-композиционном, образном и концептуальном уровнях.

Культурно-исторический подход к изучаемым явлениям позволяет проследить связь между разновременными литературными текстами и общественной жизнью в конкретных культурно-исторических условиях.

Сравнительно-исторический метод, применяемый с целью выявления общих элементов в различных литературных традициях и поиска универсальных мотивов, оправдан афористично сформулированным тезисом: «Все хорошее, — говорит где-то Гёте, — было уже раз думано, стоит только передумать его еще раз» [Веселовский, 2011, с. 142].

Применение семиотического анализа архетопоса «отец — сын» позволило рассматривать его бинарное построение и выяснить характер семантических оппозиций, лежащих в основе структурирования и функционирования изучаемого топоса.

Сопоставление двух вершинных литературных произведений в рамках заявленной темы показало, что соотношение структурных элементов топоса «отец — сын», отражая формирование антропологической модели, предоставляет одновременно и наиболее адекватный материал для анализа культурных процессов сравниваемых исторических эпох.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Приключения Телемака» как роман французского классицизма

Формальным поводом написания романа стало желание Фенелона познакомить внука Людовика XIV, семилетнего наследника престола, воспитателем которого он стал в 1689 году, с мифологией, древней историей, географией и литературой. В 1710 году Фенелон так отозвался о своей работе: «Что касается “Телемака”, то это вымышленное повествование в форме героической поэмы, вроде поэм Гомера и Вергилия, в которое я включил наставления, подобающие принцу, рождением своим предназначенному к царствованию ... Я хотел лишь позабавить герцога Бургундского этими приключениями и просветить его, развлекаая» [Цит. по: Михайлов, 2009, с. 416]. Однако глубина проблематики и особенности стилистики не позволяют вполне удовлетвориться столь скромным отзывом автора.

Роман Фенелона необходимо рассматривать в общем контексте философских и эстетических достижений культуры XVII века. Фенелон проявляет свойственный классицистам «глубокий интерес к государственным проблемам, своеобразное историческое мышление, постоянное обращение к наиболее существенным сторонам личной и общественной психики человека» [Коцюбинский, 2018, с. 143—144]. В романе отражается нацеленность классицистов на художественную реконструкцию новых форм жизни и мысли человека. Классицизм явился «обогащением нашего знания

о человеке», знания значительно «более богатого, более тонкого», учитывающего «все оттенки движения страстей» [Обломиевский, 1968, с. 42]. Философия Декарта, в немалой степени повлиявшая на напряженные интеллектуальные поиски нового человеческого идеала, выдвинула принцип позитивного образца. «Разум» Декарта как единственный источник истины способствовал выработке главных принципов классицизма, к которым относятся такие установки, как логика в развитии характеров и действий, ясность и композиционная стройность в расположении всего художественного материала, принцип правдоподобия, усвоение художественных законов античности в качестве главного художественного идеала [Кирсанов, 1987; Кузнецов, 2010].

Обращенность классицизма на «внутреннего» человека, вернее, на воспитание своего внутреннего человека заставляет представителей художественной литературы быть моралистами: «Если отвлечься от специфики формы, то в поэтической продукции XVII века нет видимого раздела между собственно художественной и морально-дидактической литературой» [Кощубинский, 2018, с. 83]. Рационализм классицизма, обращенный к рассудку, характеризует и художественный метод Фенелона. Специфика изображения противоречий внутреннего устройства души человека исходит из античного представления о человеческом характере. По представлениям греков, он «делился на “природу” и “этос”, причем если первая неизменна, то для второго допускается возможность изменения» [Аверинцев, 2004, с. 254]. Более того, влияние неизменной природы (античного демона) на человеческий характер признавалось наиболее существенным. Развивая понимание человека как некое средоточие битвы мощных личных и безличных сил, Фенелон проводит своего героя в заданном классицизмом направлении и вводит его в круг проблем следующего века — века Просвещения.

Рассматривая роман Фенелона в общем контексте развития романских форм французской литературы XVII века, нельзя не отметить его своеобразное новаторство. Фенелон обращается к сюжету, мало разработанному в античной мифологии и литературе. Достаточно вспомнить, что сказания о путешествиях Телемаха возникают только в конце эпического периода [Лосев, 1960, с. 250]. В отличие от большинства прозаиков классицизма, которые строили повествование на доводах разума, абстрактных обобщениях, логических выводах, Фенелон пользуется богатым образным языком. Как Гомер поднимает сказание об Одиссее, которое было только «аналогией авантюрно-сказочной мифологии аргонавтов» [Там же, с. 253], на новый уровень эпического обобщения, так и Фенелон, отвечая на социально-культурные запросы своего времени, превращает мало разработанный античный сюжет о путешествии Телемаха в художественную форму «романа воспитания».

Сочетание эстетической концепции классицизма и нарождающейся философии Просвещения выражается через формирование в самом тексте целой системы воспитания, что выстраивает сюжет в соответствии с воспитательной концепцией романа. Герой претворяется в образе становящегося человека, «его характер становится *переменной величиной* в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает *сюжетное значение*, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый его образ, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни. Такой тип романа можно обозначить как ... *роман становления человека*» [Бахтин, 1986, с. 212].

Роман, изображающий педагогический процесс воспитания в собственном смысле слова (*дидактико-педагогический*, по М. М. Бахтину), развивает идею эволюции, крайне важную для понимания литературной ситуации рассматриваемого периода. Эволюционизм XVII века «абсолютизирует фазу восхождения, положительное содержание необратимости, познавательную потенцию опыта, вписывающегося не в циклический, а причинно-следственный ряд» [Бондарев, 1994, с. 14]. Воспитание Телемака, который поступательно развивается в идеальную личность века рационализма, полностью отвечает данной культурной парадигме человека XVII века. Идея эволюции является определяющей для мировоззрения автора. Необходимо отметить, что роман воспитания в целом не получил достаточного развития во французской литературе. Кроме дидактического романа Фенелона, можно назвать лишь педагогический трактат Ж. Ж. Руссо «Эмиль, или о воспитании».

3.2. Мифологические традиции топоса «отец — сын» в «Приключениях Телемака» Фенелона

Наличие прецедентного текста определяет изначальную мифологическую заданность в развитии сюжета и обрисовке героев. Сравнивая текстовую плотность субтопосов *отец* и *сын*, можно говорить о смещении семантического центра в сторону образа сына. В «Приключениях Телемака» образ отца описывается в конце романа, причем опосредованно — через реплики героев, сравнительные характеристики Улисса и Телемака, текст автора.

В обрисовке характера Одиссея писатель следует традиционным избразительным эпическим трафаретам: «*непобедимый Улисс, которого сама судьба не преоборает*» [Фенелон, 2011, с. 27]¹, «*мудрость несчастного Улисса*» [Там же, с. 29)]; «*Я сын великого Улисса*» [Там же, с. 64], «*мне известны доблесть и мудрость Улиссовы*» [Там же, с. 65]; «*Улисс, предводимый в мужестве благоразумием*» [Там же, с. 141], «*Любезный*

1 В дальнейшем ссылки приводятся по этому изданию с указанием в скобках страницы.

сын героя, славного во всей Греции мудростью» [Там же, с. 158]. В отличие от гомеровских эпитетов, которые выделяют в нем главным образом страдание, Улисс Фенелона — мудрец. Мудрость Одиссея характеризуется не той хитростью, которая была свойственна мифологическому Одиссею; это уже мудрость, приобретаемая приобщением к высшей абсолютной истине, соответствующей философским установкам времени и отвечающей основному дидактическому пафосу романа. Мудрость Улисса выступает синонимом разумности.

Эпическое происхождение Улисса, традиционность его образа раскрываются через мотив предсказания о потере власти: *«Прорицание будто бы еще прежде его рождения предрекло его матери, что он будет царем, если не останется в отечестве, в противном случае боги в гнев покарают Фригию жестокой моровой язвой»* [Там же, с. 335]. Однако широко известный фольклорный мотив, маркирующий в большинстве случаев роковые последствия (Кронос и Зевс, Катрей и Алтемен, Лай и Эдип), преобразуется в условиях новой художественной системы. Остаются нереализованными мифологические мотивные варианты борьбы и смерти, но актуализируются идеи, отвечающие новому философскому концепту, — построение общества на идеях разума и естественного права. Согласно данной логике, Улисс должен покинуть свое настоящее царство, чтобы стать царем будущего царства: *«Теперь он идет ... с тем, не удастся ли ему встретить дикое, необразованное племя, собрать его в общество, дать ему законы и управлять им»* [Там же, с. 335]. Трансформация образа выражается также и в том, что Улисс становится выразителем нового общественного идеала: *«Тогда он думает поселиться в Карию и под сельским кровом посвятить себя любимому своему занятию — земледелию»* [Там же, с. 336]. Идеализация сельского труда входит в концепцию «золотого века», актуальную для эпохи поиска лучших форм жизни.

Субтопос сын на образном уровне строится на аппликативном соотношении с образом отца. Доминантным признаком здесь является терпение: *«Сын мудрого Улисса! ... Ты должен, как и отец твой, возвеличиться терпением»* [Там же, с. 30]; *«Будь сыном, достойным Улисса, вознесись сердцем выше беды»* [Там же, с. 20].

Мифологический повод путешествия совпадает с текстом Гомера: *«Я оставил Итаку, чтобы узнать о жребии отца своего от прочих царей, возвратившихся из-под Трои»* [Там же, с. 18]; его желание — ощутить *«счастье повиноваться отцу и от него научиться искусству правления»* [Там же, с. 26]. Однако традиционную трактовку данного мотива Фенелон расширяет дополнительными политическими значениями: *«Предлежит вам новая слава — утвердить новое царство Идоменеево, возмездие его за*

все претерпенные бедствия: подвиг, по которому народы узнают в тебе, Телемак, достойного сына Улисса. ... вся восхищенная Греция помыслит, что Улисс возвращается к ней в лице сына» [Там же, с. 139]. Таким образом, в субтопосе сын выстраивается некий телеологический предел — стать новым Улиссом-Одиссеем. Сближающей образы отца и сына характеристикой становится триада: страдание — терпение — мудрость. Они же становятся и принципами воспитания. Вполне закономерна в таком случае функционально значимая сюжетная трансформация образов: путешествие гомеровского Одиссея осуществляет Телемак Фенелона. Именно Телемак должен стать новым царем новой Итаки.

Важнейшую роль в романе играет образ Ментора, функционально соотносённый с богиней мудрости Афиной. В аксиологической системе нового мировоззрения мудрость выступает абсолютной категорией, вершиной культуры рационального мышления. Только благодаря мудрости человек классический может «вынести жизненные испытания и во всех обстоятельствах ведет себя возвышенным и достойным образом» [Ловерьня-Гарньер, 2007, с. 130]. Главная цель Ментора — воспитать Телемака, что возможно лишь путем испытаний, приводящих человека к терпению, которое рождает мудрость. Образ Ментора приобретает черты культурного героя, а точнее, «культурного отца», ценностная значимость которого намного превышает роль «генетического отца» — Улисса. Совершенно закономерно в данном контексте Ментор назван «вторым отцом» [Фенелон, 2011, с. 65].

Архаические основания мотива испытания в литературе Нового времени вскрывает Е. М. Мелетинский: «Еще начиная со средних веков инициационные испытания оказываются одним из истоков так называемого романа воспитания; само “воспитание” в таком романе было своеобразным эквивалентом и наследником архаической инициации» [Мелетинский, 1994, с. 22]. Исследователь указывает на одно чрезвычайно важное обстоятельство: «Мотивы инициации фигурируют в фольклоре с самых ранних времен, но их обязательное включение в биографию героя отражает введение биографических мотивов в связи с ... темой формирования личности героя» [Там же, 1994, с. 21]. Так, тема становления личности героя преемственным образом актуализируется в романе семнадцатого столетия. Линии испытаний, изоморфные этапам становления личности, выстраивают сюжетно-композиционную структуру романа как поэтапную смену событий в ходе путешествия Телемака.

3.3. Классическая рецепция топоса «отец — сын» в «Приключениях Телемака» Фенелона

В романе изображены не только традиционные в мифологии испытания силы, но и новые, функционально необходимые мотивы испытаний

будущего идеального правителя. В изображении субтопоса *сын* появляются испытания, обусловленные сменой философско-этической ситуации и культурной атмосферы.

Первое важнейшее испытание Телемака — одиночество: *«Приведен я в ужасную пустыню. ... Пал я под тяжкой рукой судьбы, и однажды, убитый горестью, ... ожидал уже смерти: страдания превысили все мои силы»* [Фенелон, 2011, с. 30]. Ссылка Телемака в пустыню представляется формой мифологической инициации, включающей в себя «временную изоляцию от социума, контакты с иными мирами и их демоническими обитателями, мучительные испытания и даже временную смерть с последующим возрождением в новом статусе» [Мелетинский, 1994, с. 21]. Выход из крайнего уныния подсказывает голос из пещеры: *«Сын мудрого Улисса! Ты должен, как и отец твой, возвеличиться терпением»* [Фенелон, 2011, с. 30]. Образ голоса из пещеры, трансформируя традиционный эпический прием вмешательства богов, играет важную художественную роль. Сюжетно «разрешительная» функция богов переносится в плоскость внутреннего мира человека. Благодаря душевной работе героя происходит его преобразование в мудреца: *«... и в тот же час обратился в иного человека»* [Там же, с. 31]; *«Мудрость озарила мой разум, я исполнился силы укрощать свои страсти, обуздывать стремления юности»* [Там же, с. 31]. Подобное преобразование коррелирует с классицистическим взглядом на человека как на средоточие противоречий. Страдания Телемака имеют свою воспитательную цель — на царском престоле, утешаясь «облегчением скорбей», помнить о бедности и слабости, чтобы любить народ свой. Кроме того, Телемаку необходимо избавиться и от таких опасных для идеального правителя пороков, как тщеславие и лесть. Находясь в общении с Калипсо, Телемак не замечает их, но Ментор предупреждает: *«Не верь сладкоречивым ее устам, не открывай ей сердце, страшись усыпляющего яда похвал ее»* [Там же, с. 57]. Таким образом герой развивается в духе эволюционизма и просвещения — *«обогащает свой ум познаниями»* [Там же, с. 31].

Самым ярким и драматичным испытанием становится испытание любовью — страсть Телемака к нимфе Эвхарисе. Изображение конфликта основано на самой излюбленной антитезе классицизма: любовь — долг. Телемак испытывает мучительные страдания: *«Не могу я ни жить без тебя, ни расстаться с здешним местом. Избавь меня от столь мучительных страданий — от самого меня»* [Там же, с. 103]. Характерно, что в отличие от гомеровской трактовки причиной страданий признается сам человек. В то же время разрешение конфликта подается в эпических традициях — прямое вмешательство Ментора. Подобно греческим богам, Ментор оказывает действенную помощь Телемаку в самые критические моменты

его жизни — в данном случае выбор между высоким предназначением и любовным чувством: *«Ты готов пожертвовать Пенелопой, ... Улиссом, ... достоянием своим, царством, славой, высоким жребием, предвозвещенным тебе свыше, ... для позорной жизни в объятиях Эвхарисы»* [Там же, с. 105]. Ментор, поняв, что сыну Одиссея не помогают никакие доводы разума, *«столкнул его в море и сам за ним бросился»* [Там же, с. 107]. Для усиления драматизма конфликта Фенелон контаминирует два мифологических сюжета (Одиссей и Калипсо, Эней и Додона), наделяя Телемака чертами исключительного героя.

Любовный конфликт Телемака определяет постановку еще одной важной философской проблемы эпохи рационализма — свобода и рабство. Изначальная антиномичность вопроса удваивается в антитезах: бессмертие без свободы (Телемак на острове богини Калипсо), царское достоинство и позорное предательство (царское будущее Телемака и губительная любовь нимфы Эвхарисы), искушение и победа над ним, страдание как благодатное избавление.

Проблема выбора является центральным концептуальным содержанием другого важнейшего мотива — испытание властью. Победив во всех единоборствах, Телемак приобретает *«первое право на царство»* [Там же, с. 83]. Однако напоминание Ментора о высоком царском предназначении возвращает неискушенное сознание Телемака в рамки его нравственного долга: *«...не препятствуйте мне идти путем, которым промысел ведет меня»* [Там же, с. 84].

В построении субтопоса сын как образа нового Улисса важнейшую роль играет образ царя. Согласно дуализму классицистической эстетики, все многочисленные образы царей рассматриваются как положительные (Сезострис, Минос, Аристокл) и отрицательные (Бокхорис, Агест, Пигмалион). «Положительные» цари всегда характеризуются чертами отцовского отношения к народу. Египетский царь Сезострис *«посреди бесчисленного народа был в безопасности, как отец в доме в кругу любезного семейства»* [Там же, с. 44]. Образ «отрицательного» царя Пигмалиона, напротив, не имеет положительных коннотаций царя как отца. Пигмалион характеризуется в двух противоположных модусах — царь и раб; он *«думает, что царствует, а в действительности раб собственного сердца: в нем столько тиранов и повелителей, сколько неистовых желаний»* [Там же, с. 44]. Интерпретация феномена отцовства царя по отношению к своему народу подтверждается цитатой из трактата современного Фенелону писателя-моралиста Ж. де Лабрюйера: «Именованье государя “отцом народа” — значит не столько воздавать ему хвалу, сколько называть его настоящим именем и правильно понимать истинное назначение монарха» [Ф. де Ларошфуко ..., 1974, с. 27].

Положительные образы царей обрисованы в христианских традициях любви царя к своему народу — по образцу любви Отца к Сыну. Отношения «отец — сын» — это модель отношений «царь — народ»: «*Люби народ, как детей своих*» [Фенелон, 2011, с. 26]. Мудрый государь — «*царь у каждого в сердце, ... каждый готов положить за него свою душу*» — парафраз библейского концепта любви до способности отдать жизнь «за други своя». Кроме того, библейский мотив эксплицирован в образе жреца Аполлона по имени Термозирис, прообразом которого выступает библейский царь-пастух Давид. Так, аллюзия на библейский сюжет пленения Иосифа в Египте соотносится с рабством Телемака в пустыне, где он получает первые уроки мудрости. Сражение Телемака с сильным и могучим сыном варварского царя напоминает битву Давида и Голиафа. Привлечение этих образов имеет несомненное назидательно-воспитательное значение, поскольку жизненный подвиг этих и других, подобных им, персонажей, согласно авторскому замыслу, должен был научить Телемака мужеству, терпению, кротости: «...*величие твое будет измеряемо кротостью и силой души в победе над страстями*» [Там же, с. 30]; мудрости: «*Мудрость озарила мой разум, я исполнился силы укрощать свои страсти, обуздывать стремления юности*» [Там же, с. 31]. Оставаясь в традициях аллегорического понимания древней литературы, Фенелон «обращается к произведениям античности в своих собственных целях христианского миропонимания, ищет в них ответы на вопросы настоящего дня, возрождает и трансформирует характер героев древности в соответствии с представлениями и запросами своего времени» [Косых, 2021, с. 47].

Итак, топос *отец — сын* решается парадигматически, как культурная матрица отношений «царь и народ-семья». Фенелон предлагает новаторскую для духа времени альтернативу любви к народу как к сыну. Преломление рассматриваемого топоса в двух литературно-поэтических целых, принадлежащих разным культурам, позволяет проследить своеобразную его художественную эволюцию: от эпической идеализации к классицистической. Эпическая идеализация основана на мифологических основаниях представлений о человеке, классицистическая идеализация базируется на идее социокультурной детерминированности художественного пространства. Классицистической идеализации подвергаются люди, культурно и социально нагруженные, — высокие образы правителей, царей, героев. Следуя общим художественным принципам своего времени, Фенелон выбирает из античного наследия образ царского сына. Телемах — это мифологически заданная художественная форма, благодаря своей незавершенности релевантная для передачи концептуальных задач воспитания короля новой Франции. Как в эпосе Гомера, так и в романе Фенелона образ *сына*

отражает культурный сдвиг к новому типу человека, наполненному социально заданными признаками. Трансформированная греческая «пайдейя» становится определенным метатекстом художественного целого Фенелона. Конструктивное классицистическое сознание автора направлено на преобразование мировоззренческих установок языком романа воспитания. Поскольку образ отца уже имеет свое культурное решение, позиция смыслового центра переносится на образ сына, поэтапно встраиваемый «в иную культуру» [Автухович, 2005, с. 43], что влечет за собой формирование нового типа художественного сознания и нового семиотического пространства, предполагающее «установление связей топоса с новой философской и этической ситуацией» [Там же, с. 43].

В духе философии Просвещения осуществляется поиск разумных оснований человеческого бытия, критерии которых полагались вне человека, — государство, правосудие, античная культура как образец идеального жизнеустройства людей: «*Надежнейшая ограда государства — справедливость, умеренность, правота*» [Фенелон, 2011, с. 146]. Социальная проблематика соотнесена с новыми формами правления и рационального мышления в противоположность шаткому иррациональному правосудию греческих богов (концепция человека как игрушки богов). Старая проблема решается в новом философско-культурном контексте.

Концептуальную роль в структуре топоса «отец — сын», расширенного до идеи «царь-народ», теперь занимает образ закона. Критский царь Минос так отвечает на вопрос о том, в чем состоит власть царя: «*Царь имеет здесь полную власть над подданными, но сам под законом. <...> Законы вверяет царю народ как залог, всего драгоценнейший, с тем, чтобы он был отцом своих подданных....*» [Там же, с. 71]. Фенелон смело вводит оппозиционную абсолютизму проблематику отношений короля и закона, художественное решение которой строится на основе классицистического мышления. Закон, исходящий из народной среды, можно интерпретировать как закон любви, а закон, стоящий над царем, — это закон долга. В таком случае «отец», иерархически сниженный до подчиненного закону положения и поддерживаемый снизу любовью народа, олицетворяет модель идеального правителя. Он держится на любви народа, но просвещается законом. На метатекстовом уровне синтез двух законов в образе отца можно трактовать, на наш взгляд, как способ художественного выражения политических взглядов Фенелона. Автор создаёт идеальной образ идеального правителя идеального государства. Энергия любви настолько сильна, что даже родственные отношения подчиняются идее идеального общественного устройства, что выражается путем расширения мотива жертвоприношения сына за счет введения в миф об Идомее христианской традиции.

Так, сын Идоменея, узнав о неосторожном обещании отца, отвечает: *«Любезный отец, сын твой готов быть жертвой умилоствления. ... Я умру с удовольствием, когда твоя жизнь будет искуплена ценой моей крови»* [Там же, с. 73].

С проблемой государства неразрывно связана проблема наследования власти. Если наследование и употребление власти у Гомера транслируется через иерархически более высокий образ отца, то у Фенелона эта проблема получает «нулевое» решение. Ситуация взаимной неузнанности, в которую попали Улисс и Телемах, художественно манифестирует часть политической программы автора — отказ от наследования монархической власти: *«Минос не хотел передать царство в наследие детям без непреложного от них обета царствовать по его правилам»* [Там же, с. 71]. Поскольку не произошла встреча, не произошла и передача власти.

Принципиальное значение для развития топоса имеет композиционный прием вмешательства богов (Ментор), который Фенелон перенимает из эпической традиции. Однако функционально «боги» Фенелона несут другую нагрузку, нежели «боги» Гомера. Позиция Ментора в сюжете определяется связью его персонажа с новой эстетической системой — классицизмом. Выше уже говорилось о многоаспектности роли Ментора в художественном целом произведения; остается только еще раз указать на классицистическую преемственность его образа с античной культурой. Развивая теоретические положения Э. Р. Курциуса [Курциус, 2020], можно предположить, что в романе Фенелона рождаются новые топосы: «страдающие как училище беды» и «человек как игральное поле страстей».

4. Заключение = Conclusions

Понимание топикки как системы литературных топосов в европейском культурном целом открывает широкие перспективы для компаративистики. Сопоставление ключевых текстов Гомера и Фенелона в заданном направлении позволяет сделать определенные художественные и антропологические обобщения.

Гомер в рамках эпической традиции расширяет топос «отец — сын» до включения этих образов в новое смысловое пространство личных, отчасти интимных отношений отца и сына (сцена встречи Одиссея и Телемаха), основанных на любви и уважении. Телемах призван стать «новым» сыном Одиссея. Гомер художественно воплощает переход от мифологического мышления к классическому (полисному).

Роман Фенелона, ставший в культурную диалогическую позицию с античной эпической традицией, позволяет видеть в данном повествовании намеренную авторскую абстракцию, выстроенную им для достижения

воспитательных целей. Фенелон, перенося своего героя в фантазийный хронотоп мифологического сюжета, создает идеальный педагогический нарратив, который показывает образ становящегося человека, способного обосновать историческую возможность более разумного общественного устройства. Опираясь на философский (эпистемологический) опыт утопистов, Фенелон выстраивает образ своего героя как поступательно развивающуюся личность с активным нравственным началом.

И если Гомер поднимает сказание об Одиссее на новый уровень эпического обобщения, то Фенелон, отвечая на социально-культурные запросы своего времени, превращает мало разработанный античный сюжет о путешествии Телемаха в художественную форму воспитательного романа, решая при этом важнейшие философские и политические вопросы XVII столетия.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 480 с. — ISBN 5-352-00743-X.
2. *Автухович Т. Е.* Топика в смене литературных эпох / Т. Е. Автухович // Поэзия риторики : очерки теоретической и исторической поэтики. — Минск : РИВШ, 2005. — 204 с. — ISBN 985-6741-70-X.
3. *Ассуирова Л. В.* Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания : автореферат диссертации ... доктора педагогических наук : 13.00.02 / Л. В. Ассуирова. — Москва, 2003. — 37 с.
4. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.
5. *Бондарев А. П.* Поэтика французского романа Нового времени (К проблеме генезиса, становления и эволюции жанра) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.05 / А. П. Бондарев. — Москва, 1994. — 34 с.
6. *Васильева И. Э.* Топос в культуре Нового времени : к постановке проблемы. Мир русского слова. — 2018. — № 4. — С. 70—78. — DOI: 10.24411/1811-1629-2018-14070.
7. *Веселовский А. Н.* Избранное : Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Санкт-Петербург : Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2011. — 687 с. — ISBN 978-5-98712-055-2.
8. *Дорофеев Д. Ю.* Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре / Д. Ю. Дорофеев. — Санкт-Петербург : РХГА, 2015. — 640 с. — ISBN 978-5-88812-748-3.
9. *Кирсанов В. С.* Научная революция XVII века / В. С. Кирсанов. — Москва : Наука, 1987. — 343 с.
10. *Косых Г.* «Ветхий человек» — «новый человек» в творениях Ф. Фенелона / Г. Косых // Новая русистика. — 2021. — № 2. — Т. XIV. — С. 45—57. — DOI: 10.5817/NR2021-2-4.
11. *Коцюбинский С. Д.* Работы по французской литературе XVII века / С. Д. Коцюбинский. — Нижний Новгород : Радонеж, 2018. — 218 с. — ISBN 978-5-6041797-1-0.

12. Кузнецов Б. Г. Эволюция картины мира / Б. Г. Кузнецов. — Москва : УРСС, 2010. — 352 с.
13. Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье / Э. Р. Курциус ; Пер., коммент. Д. С. Колчигина. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2020. — Т. 1. — 560 с. — ISBN 978-5-907290-47-1.
14. Ловернья-Гарньер К. История французской литературы : Краткий курс : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / К. Ловернья-Гарньер. — Москва : Академия, 2007. — 464 с. — ISBN 978-5-7695-3021-0.
15. Лосев А. Ф. Гомер / А. Ф. Лосев. — Москва : Учпедгиз, 1960. — 351 с.
16. Махов А. Е. Веселовский — Курциус. Историческая поэтика — историческая риторика / А. Е. Махов // Вопросы литературы. — 2010. — № 3. — С. 182—202.
17. Махов А. Е. «Историческая топка» : раздел риторики или область компаративистики? / А. Е. Махов // Вопросы литературы. — 2011. — № 4. — С. 275—289.
18. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Российский государственный гуманитарный университет / Е. М. Мелетинский. — Москва : РГГУ, 1994. — Выпуск 4. — 136 с.
19. Михайлов А. Д. От Франсуа Вийона до Марселя Пруста : Страницы истории французской литературы Нового времени (XVI—XIX века) / А. Д. Михайлов. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — Т. 1. — 472 с. — ISBN 978-5-9551-0474-4.
20. Обломиевский Д. Д. Французский классицизм. Очерки / Д. Д. Обломиевский. — Москва : Наука, 1968. — 381 с.
21. Садикова В. А. К вопросу о языковой топологии / В. А. Садикова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». — 2015. — № 4. — С. 44—49.
22. Степанов А. Д. Понятие «топос» — проблема границ / А. Д. Степанов // Мир русского слова. — 2018. — № 2 — С. 41—46. — DOI: 10.24411/1811-1629-2018-12041.
23. Ф. де Ларошфуко. Характеры / Ф. де Ларошфуко ; Пер. с фр. — Москва : Художественная литература, 1974. — Т. 42. — 638 с.
24. Фенелон Ф. Телемак / Ф. Фенелон ; Пер. с фр. Ф. Лубяновского. — Москва : РИМИС, 2011. — 352 с. — ISBN 978-5-9650-0084-5.
25. Филонов Е. А. «Бытие как книга» : топос — формула — клише (к проблеме топикологии Нового времени) / Е. А. Филонов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — Т. 17. — Выпуск 2. — С. 196—216. — DOI: 10.21638/spbu09.2020.203.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024,
одобрена после рецензирования 05.06.2024,
подготовлена к публикации 16.06.2024.

References

- Assuïrova, L. V. (2003). *Toposes as rhetorical categories and structural and semantic models of utterance generation*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 37 p. (In Russ.).
- Autukhovich, T. E. (2005). Topic in the change of literary epochs. In: *Poetry of rhetoric: essays of theoretical and historical poetics*. Minsk: RIGA. 204 p. ISBN 985-6741-70-X. (In Russ.).
- Averintsev, S. S. (2004). *Poetics of early Byzantine literature*. St. Petersburg: ABC Classics. 480 p. ISBN 5-352-00743-X. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. 445 p. (In Russ.).

- Bondarev, A. P. (1994). *The poetics of the French novel of Modern times (On the problem of the genesis, formation and evolution of the genre)*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 34 p. (In Russ.).
- Curtius, E. R. (2020). *European literature and the Latin Middle Ages, 1*. Moscow: Publishing House YASK. 560 p. ISBN 978-5-907290-47-1. (In Russ.).
- Dorofeev, D. Yu. (2015). *Personality and communications. Anthropology of the oral and written word in ancient culture*. St. Petersburg: RHGA. 640 p. ISBN 978-5-88812-748-3. (In Russ.).
- F. de la Rochefoucauld. (1974). *Characters, 42*. Moscow: Fiction. 638 p. (In Russ.).
- Fenelon, F. (2011). *Telemak*. Moscow: RIMIS, 2011. 352 p. ISBN 978-5-9650-0084-5. (In Russ.).
- Filonov, E. A. (2020). "Being as a book": topos — formula — cliché (to the problem of the topic of Modern times). *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 17 (2): 196—216. DOI: 10.21638/spbu09.2020.203. (In Russ.).
- Kirsanov, V. S. (1987). *The Scientific Revolution of the XVII century*. Moscow: Nauka. 343 p. (In Russ.).
- Kosykh, G. (2021). "The old man" — "the new man" in the works of F. Fenelon. *New Russian studies*, 2 (XIV): 45—57. DOI: 10.5817/NR2021-2-4. (In Russ.).
- Kotsyubinsky, S. D. (2018). *Works on French literature of the XVII century*. Nizhny Novgorod: Radonezh. 218 p. ISBN 978-5-6041797-1-0. (In Russ.).
- Kuznetsov, B. G. (2010). *Evolution of the worldview*. Moscow: URSS. 352 p. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1960). *Homer*. Moscow: Uchpedgiz. 351 p. (In Russ.).
- Lovernia-Garnier, K. (2007). *The history of French literature*. Moscow: Academy. 464 p. ISBN 978-5-7695-3021-0. (In Russ.).
- Makhov, A. E. (2011). "Historical topic": a section of rhetoric or a field of comparative studies? *Voprosy Literatry*, 4: 275—289. (In Russ.).
- Makhov, A. E. (2010). Veselovsky — Curtius. Historical poetics — historical rhetoric. *Voprosy Literatry*, 3: 182—202. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (1994). *On literary archetypes, 4*. Moscow: RGGU. 136 p. (In Russ.).
- Mikhailov, A. D. (2009). *From Francois Villon to Marcel Proust: Pages of the history of French literature of Modern times (XVI—XIX centuries), 1*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 472 p. ISBN 978-5-9551-0474-4. (In Russ.).
- Oblomievsky, D. D. (1968). *French classicism. Essays*. Moscow: Nauka. 381 p. (In Russ.).
- Sadikova, V. A. (2015). On the question of linguistic topology. *Bulletin of Tver State University. The series "Philology"*, 4: 44—49. (In Russ.).
- Stepanov, A. D. (2018). The concept of "topos" — the problem of borders. *The world of the Russian word*, 2: 41—46. DOI: 10.24411/1811-1629-2018-12041. (In Russ.).
- Vasilyeva, I. E. (2018). Topos in the culture of Modern times: towards the formulation of the problem. *The world of the Russian word*, 4: 70—78. DOI: 10.24411/1811-1629-2018-14070. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (2011). *Favorites: Historical poetics*. St. Petersburg: University Book, Center for Humanitarian Initiatives. 687 p. ISBN 978-5-98712-055-2. (In Russ.).

*The article was submitted 19.03.2024;
approved after reviewing 05.06.2024;
accepted for publication 16.06.2024.*

Информация для цитирования:

Жданов С. С. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова / С. С. Жданов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 215—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239.

Zhdanov, S. S. (2024). Representation of Novorossiia in “Journey Across Crimea and Bessarabia in 1799” by Pavel Sumarokov. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 215-239. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова

Жданов Сергей Сергеевич
orcid.org/0000-0002-8898-6497
доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
fstud2008@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01431 «Репрезентация
пространства Украины в русской
культуре
конца XVIII—XIX веков (на материале
отечественных travelogues):
дискурсы, нарративы, топосы»,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

Representation of Novorossiia in “Journey Across Crimea and Bessarabia in 1799” by Pavel Sumarokov

Sergey S. Zhdanov
orcid.org/0000-0002-8898-6497
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher
fstud2008@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01431
“Representation of Ukrainian space
in Russian culture end of the XVIII—XIX
centuries (based on domestic travelogues):
discourses, narratives, topoi”,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности репрезентации пространства Новороссии на материале травелога П. И. Сумарокова «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» в рамках семиотико-имагологического анализа. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом отечественной гуманитаристики к новороссийской проблематике, в которой имеется ряд лагун. В связи с этим новизна исследования заключается в анализе элементов пространственной образности Новороссии, которая ограничена описаниями окрестностей Николаева, Херсона и Одессы, мало изученными в литературоведении. Выделены типы локусов на основе оппозиции «природность — антропоность». Природное пространство представлено прежде всего образом неосвоенной, опасной, неудобной степи, которому противопоставлены пространственные образы трех крупных новороссийских городов, обозначенных выше. Для последних установлены общие мотивы внезапного (чудесного) появления, быстрого роста и высокой степени упорядоченности. В качестве базового элемента, который характерен для всего пространства Новороссии, определен мотив фронтальности. Он актуализирован также в анализе сумароковской репрезентации новороссийского исторического пространства, чье смысловое ядро образуют сюжеты и персонаофера, связанные с эпохой Екатерины II и, в частности, с русско-турецкими войнами.

Ключевые слова:

травелог; имагология; П. И. Сумароков; Новороссия; художественное пространство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the representation of Novorossiia's space in Pavel Sumarokov's travelogue "Journey Across Crimea and Bessarabia in 1799" within the framework of semiotic-imagological analysis. The research's relevance stems from the growing interest of domestic humanities in Novorossiysk issues, which exhibit certain lacunae. The novelty of the study lies in the analysis of spatial imagery elements of Novorossiia, primarily limited to descriptions of the surroundings of Nikolaev, Kherson, and Odessa, areas relatively understudied in literary studies. Loci types are identified based on the opposition of "naturalness — anthropogenicity." The natural space is predominantly portrayed as untamed, dangerous, and inhospitable steppe, contrasted with spatial images of three major Novorossiysk cities mentioned above. Common motifs of sudden (miraculous) appearance, rapid growth, and high degree of orderliness are attributed to the latter. The motif of frontierness is identified as a fundamental element characteristic of the entire Novorossiia space. It is also actualized in the analysis of Sumarokov's representation of Novorossiia's historical space, whose core meaning is formed by plots and personae associated with the era of Catherine II and, specifically, the Russo-Turkish wars.

Key words:

travelogue; imagology; Pavel Sumarokov; Novorossiia; artistic space.

Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова

© Жданов С. С., 2024

1. Введение = Introduction

Вопрос представленности образов новороссийского пространства в современной гуманитаристике имеет два аспекта. Во-первых, фокус научного внимания, актуализировавшегося особенно активно в течение последнего десятилетия, был первоначально сосредоточен на анализе крымского текста, который вследствие этого на сегодняшний момент является достаточно широко изученным, о чем подробнее, в связи с темой статьи, будет сказано ниже. Соответственно, образы Крыма как части Новороссии в широком смысле «заслоняли» в сфере научного внимания образы иных новороссийских территорий, составлявших долгое время периферию исследований данного имажинально-географического пространства в русской словесности конца XVIII—XX веков. Разумеется, речь здесь идет в первую очередь о представляющих для нас интерес литературоведческих штудиях. Те же работы, в которых тема Новороссии заявлена эксплицитно, посвящены современному текстовому материалу [Еременко, 2017; Ищенко, 2021]. Существуют также исследования, в которых рассматриваются образы отдельных новороссийских локусов, например, репрезентация Одессы в текстах первой трети XIX века [Панов, 2016].

Во-вторых, новороссийский текст мог рассматриваться как часть украинского текста. Так, в диссертации Т. В. Васильевой тема Новороссии возникает эпизодически в связи с екатерининским «новороссийским» проектом [Васильева, 2014]. В монографии А. В. Марчукова [Марчуков, 2011] образам Новороссии уделяется большее место, но также в рамках общей украинской образности.

Соответственно, тема нашего исследования, связанная с анализом репрезентации новороссийского пространства в творчестве П. И. Сумарокова, встраивается в актуальный научный тренд, отвечающий потребности осмыслить своеобразие феномена Новороссии в культуре России.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служит сумароковский травелог «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», подвергнутый семиотико-имагологическому анализу в рамках литературоведческой имагологии как научной отрасли, занимающейся изучением образов Своего и Чужого в литературных текстах. Цель же исследования созвучна идее Г. Башляра о создании «кадастра утраченных ландшафтов» [Башляр, 2004, с. 31] и заключается в выявлении набора характеристик, определяющих пространство Новороссии в указанном произведении.

При этом следует заметить, что хотя сумароковское «Путешествие...» нельзя назвать текстом, обделенным вниманием исследователей, в целом в данном вопросе наблюдается картина, аналогичная описанной нами во введении. Так, существуют работы, где травелог Сумарокова вводится (наряду с произведениями иных авторов) в контекст украинского / малороссийского текста русской литературы рубежа XVIII—XIX столетий [Киселев и др., 2015; Курьянов, 2018; Шаталов, 2016]. Кроме того, имеется целый корпус статей, посвященных почти исключительно крымской тематике в сумароковском творчестве [Галушко, 2022; Крюкова, 2018; Курьянов и др., 2014; Фарафонова, 2017], в том числе в сопоставлении с иными авторскими вариантами крымского текста [Адаксина и др., 2023; Орехов, 2021; Ситникова и др., 2023, Храпунов, 2022]. Отдельно следует выделить исследования, в которых произведения Сумарокова, связанные с посещением лиминального Юго-Запада Российской империи, рассмотрены в аспекте особенностей отечественной травелогической литературы рубежа XVIII—XIX веков в целом [Кублицкая, 2022; Куликова, 2008; Мамуркина, 2013; Соловьев, 2011]. Наконец, эпизодическое упоминание пространства Новороссии в сумароковском тексте встречается в работе Д. В. Шаталова [Шаталов, 2014], однако, во-первых, фокус авторского внимания в статье направлен на образ казаков, а не территории, во-вторых, «Путешествие...» здесь выступает лишь одним из множества материалов исследования.

В свете вышеизложенного отметим существенные лакуны в исследованности образности Новороссии в сумароковском тексте, которые и призвана заполнить наша работа, а именно, речь в ней идет о репрезентации новороссийского пространства за пределами Крыма, в которое также входит часть «бессарабского» фрагмента, связанного с посещением Сумароковым Одессы и ее окрестностей (до Тирасполя). При этом основная часть исследования организована в соответствии с логикой оппозиций «природность — антропность» и «повседневность — историчность», характеризующих соответствующие локусы «Путешествия...».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Природные и демиприродные образы Новороссии

В данном разделе представлена характеристика природных локусов, охарактеризованных наложением природности и повседневности, то есть речь идет о локусах дикой природы. К ним добавлены локусы демиприродные, связанные также с антропоностью: это уже природа окультуренная, соразмерная человеческому началу. При анализе данных локусов следует также иметь в виду замечание А. А. Куликовой, что данный текст Сумарокова «ближе к научным запискам путешествий XVIII века, чем к сентиментальной путевой прозе 1800—1820-х гг.» [Куликова, 2008, с. 242], соответственно, здесь нет пространных природных описаний, характерных для сентименталистского нарратива, да и само число их невелико.

Природные локусы Новороссии представлены прежде всего степью, образ которой маркируется масштабностью / простором («пространная степь» «от Елисаветграда до Николаева», «зрение теряется в отдалении»), плоскостью / отсутствием возвышенностей («положение мест везде плоское»), однообразностью, визуальной непривлекательностью / скукой для путешественника-созерцателя («переезд 172 верст есть самый скучный», «положение мест» «почти единообразное»), отсутствием лесов («На всем оном расстоянии нет ни одного дерева»); безлюдностью / пустотой («кроме для почт построенных землянок и двух небольших слободок, никакого селения при дороге не находится»; «необитаемость приводит путешествующего в некоторое уныние» [Сумароков, 1800, с. 5], «необитаемая степь» [Там же, с. 7]), неосвоенностью / неокультуренностью ландшафта («поля лежат необработанными» [Там же, с. 5]), отсутствием укрытий от внешней среды («несносный жар продолжается во весь день», «раскаленное светило» [Там же, с. 6]; «Жары в сем краю несносны, а росы почти никогда не бывает» [Там же, с. 19]) и пресной воды («ни из Буга, ни из Ингула воды по причине ее горькости и солёности пить невозможно» [Там же, с. 15]) (здесь и далее орфография и пунктуация текста Сумарокова приближены к современным. — С. Ж.). Соответственно, этот локус представляет собой суровое, противостоящее антропоности фронтальное пространство, характеризующееся прежде всего минус-описаниями, то есть отсутствием тех или иных свойств. Образы местной фауны аналогичны, им свойственна либо малочисленность («Зверей и птиц здесь весьма мало»), либо бесполезность и даже опасность по отношению к человеческому пространству. В последнем случае образы остранны-гротескны: здесь водятся змеи-«желтопузы», «длинною аршин до трех, а толщиною в оглоблю», что «кричат как гусаки»; пауки «величиною в кулак», живущие «в норах», прикрытых «толстой паутиной» [Там же, с. 6]; а также «тарантулы и со-

роконожки, род червя ядовитого, ...укушение его опасно» [Там же, с. 19]. Кроме того, нарратор, начиная с малороссийской границы, то и дело описывает тучи саранчи, угрожающие посевам. При этом, несмотря на ослабленную антропоность / освоенность пространства (причем образам жителей степи свойственны не только малочисленность, но и относительная маргинальность: «все беглецы из разных Губерний» [Там же, с. 6]), локус дороги среди степи охарактеризован достаточной упорядоченностью, то есть удобством и безопасностью: «проезд по оному безопасен и почты довольно исправны»; единственным проявлением неудобства / энтропии здесь является возможность поломки: «что у повозок... на сей степи ломается, ... починить и некому и не из чего» [Там же, с. 6].

Гораздо позитивней описываются окрестности вокруг Херсона и Одессы. Первый локус описан как «веселая равнина» (противоположность скучным степям до Николаева) [Там же, с. 20], изобилующая водной и растительной образностью: Днепр, «обширная река, имеющая с разливом своим верст до семи ширины, покрыта по разным местам тростником наподобие зеленеющего поля» (остраненный образ реки-поля); имеется даже «небольшой лес» на острове перед городом [Там же, с. 21]. Впрочем, описание местности амбивалентно: другой берег Днепра занимают «пространные Нагайские степи» [Там же, с. 21].

Еще большей изобильностью, веселостью (визуальной привлекательностью), несмотря на плоскость / равнинность, а также обилием растительности и птиц маркировано пространство от Николаева до Очакова и дальше до Одессы: «Переезд от Николаева... идет ровною площадью, где мало видно приметных возвышений. Кряж земли тут есть добрый чернозем; тучные и веселые пастбища испещрены цветами; великое множество драхв, стрепетов и *других* птиц различными между собою стаями отдалаются, и пустынная эта страна ждет только рук к своему возделыванию» [Там же, с. 191—192]. Соответственно, здесь относительно пустое фронтальное пространство Новороссии есть пространство проектное, локус будущего, богатый потенциями развития. Еще более акцентирован и обобщен этот мотив скрытых потенций в изображении степи между Очаковым и Одессой, определяемой также водностью: «Вся сия степь почти не населена, но все имеет к тому выгоды, исключая леса, которого на всем ее пространстве нет ни единого дерева. Кряж земли по оной хлебородный, сенокосы самые превосходные; птиц различных родов великое множество, и воды для поселений было бы достаточно. Великая произошла бы от умножения на ней, равно и на лежащих в окрестностях Херсона и Николаева степях, жителей для всего здешнего края польза; ибо сии три важные города получали бы все жизненные потребности без затруднений,

меньшею ценою, и внешняя торговля от того бы возвысилась» [Там же, с. 211—212]. Сюда же относится и характеристика бессарабского поселения Маяк, где «плодоносная степь доставляет... средства к размножению скотоводства и... обогащению» [Там же, с. 226—227]. Отметим попутно, что орнитообразы, связанные с пространством неба, противоположны по смыслу образам гадов и насекомых пространства бесплодной земли. Связь орнитообразности с водностью и антропоностью, благодатностью локуса для человека подчеркнута в образах бусел, то есть аистов, гнездящихся за Одессой в деревнях: «они живут и выют свои гнезда на избях» [Там же, с. 227]. Образ гнезда аиста на крыше дома — один из наиболее близких к идиллически-сентиментальному нарративу, насколько это вообще возможно для травелога Сумарокова.

Также природному образу безводной, неудобной и пустой / скучной степи на пути в Николаев в тексте противопоставлен демиприродный образ «первого» (в смысле лучшего) «гулянья для всего города» в николаевских окрестностях, в Спасском [Там же, с. 15]. Данный локус маркирован как визуальной, так и ольфакторной привлекательностью («прекрасное это местечко», «сильное от цветов и пахучих трав благоухание услаждало обоняние»), неравнинностью / неплоскостью (расположен на «пологом берегу Буга» в ущелье), обилием растительности («дикий виноград, белый шиповник и плодоносные деревья»), водностью («чистый ручей», фонтаны) и соответственно тенистостью / прохладой, противопоставленными невыносимой жаре степи, где негде укрыться, — все это актуализирует образ уютного «приятного» «убежища», в котором можно отдохнуть от энтропийного давления пространства степи [Там же, с. 15]. Мотиву скучности степи противопоставлен мотив веселья гулянья («духовая музыка увеселяла нашу прогулку», «увеселительный Молдаванский дом») [Там же, с. 15]. Кроме того, отметим смещение природных и ургийных (обусловленных вмешательством человека) черт в описании этого локуса, причем соединяющихся друг с другом так, что не вполне понятно: были плодоносные деревья или шиповник специально насажены рядом с диким виноградом или выросли сами, «изгибистые дорожки» — это «естественные» тропы или плод трудов садовника [Там же, с. 15]. Не вызывает сомнения лишь артефактный характер увеселительного дома, беседки и фонтанов, которые к тому же «снабжают весь город водою» [Там же, с. 15], то есть сочетают эстетическую и утилитарную цели.

Еще один подобный локус кратко описан Сумароковым в поселении Богоявленском вблизи Николаева: «хороший Английский сад с проведенными для воды каналами» [Там же, с. 19]. Таким образом, зафиксированы усилия человека по освоению пространства степи, преобразованию энтропийного, опасного элемента в уютно-антропную территорию.

Наконец, стоит упомянуть своеобразный демиприродный локус каран-тина, весьма подробно описанный автором в Очакове. Это место отмечено амбивалентностью: с одной стороны, представляя собой пространство смертное, что дополняет мотив опасности фронтальной Новороссии, находящейся в том числе под угрозой распространения болезней из прибывающих кораблей, и даже преступно-маргинальное: работают в карантине каторжники, колоритный образ одного из которых дан нарратором («Вид одного немилостивого караульного с вырванными ноздрями, с зверским лицом, облеченного с головы до ног в черное кожаное платье и держащего в руке на место алебарды предлинный крюк, символ смерти, привел меня в содрогание» [Там же, с. 220]). С другой стороны, смертность в некотором плане упорядочена и целерационально ограничена людьми: находящиеся в карантине распределены по отдельным дворикам в зависимости от количества дней пребывания и проявленности болезни и могут общаться с близкими в особой «Разговорной комнате» через частую решетку, также имеется «огороженное кладбище, на котором скрытым образом без навлечения страха обывателям Очаковским и самим пребывающим в карантине погребаться должны умирающие от заразы» [Там же, с. 200]. При этом усилиями начальника карантина последнему приданы черты демиприродного садового локуса сада, смягчающие мотив опасности: «Господин Матисас <...> поделал Англинские усыпанные песком дорожки, рассадил деревца и кусты, где заключенные путешественники, благодаря его попечению, находят в своих двориках приятное для себя гулянье. Оные простираются до самого Лимана, на берегу которого построены шесть отделанных беседок по числу шестинедельного карантинного срока, куда каждого разбора пассажиры... сходятся... восхищаться тут величественною картиною природы» [Там же, с. 200—201]. В целом для локуса характерны сочетания мотивов эстетики и утилитарности, высокой упорядоченности, что подчеркнуто чертами светлости, чистоты, покоя: «Выгодность во всех расположениях, придуманные к спокойствию и приятностям для удержанных здесь затворников разные вещи, порядок и чистота приводят всякого в удивление <...> казармы военных людей, содержащих караулы в карантине... пространны, опрятны, светлы, снабжены всеми потребностями» [Там же, 1800, с. 201—202].

3.2. Урбанистические и рустикальные локусы Новороссии

Антропоное пространство Новороссии представлено различными урбанистическими (городскими) и рустикальными (деревенскими) локусами, среди которых особо выделены образы Николаева, Херсона и Одессы.

Общим мотивом для описания всех трех локусов является мотив внезапного появления и быстрого роста поселений, что актуализирует проект-

ный смысл, присваиваемый упорядочиваемому фронтальному пространству Новороссии: приводящее нарратора «в изумление» «преобразование глухой и необитаемой степи в течение трех лет в хороший город» [Там же, с. 7] (о Николаеве); «Множество определенных полков к произведению в нем построений, притом великое казны иждивение, в нескольких миллионах состоящее, претворили пустую степь в течение малого времени в знаменитый город, который подал о себе великую надежду» [Сумароков, 1800, с. 20] (о Херсоне); «явление возрожденного сего града привело меня в чрезмерное удивление<...>Возможно ли, <...> чтоб у Россов только три или четыре года на то было достаточно?» [Там же, с. 212] (об Одессе). Отметим повторяющийся мотив удивления / изумления от непосредственного созерцания нарратором локусов, о которых он, разумеется, слышал ранее, но реальность превзошла его ожидания, а также мотив чудесного вмешательства, подчеркивающий стремительность изменений пустого пространства степи в заполненный людьми и зданиями урбанистический локус. Если в случае Николаева мотив чуда проявлен в «сжатой» форме, выражен через эпитет «чудотворное» (преобразование) [Там же, с. 7], то относительно Одессы Сумароков прибегает к античной мифообразности: «Не Цирцея ли силою волшебства его произвела?» [Там же, с. 212]; «город, как некое чудо вышедшее из земли» [Там же, с. 214]. Мотивы новизны и быстроты появления городских локусов зафиксированы и в эпитетах: «новосооруженный град» Николаев [Там же, с. 7]; «появившаяся Одесса» [Там же, с. 189], «новозаводимый град», чьи «успехи» «пошли с чрезмерною поспешностью» [Там же, с. 214], «юная Одесса» [Там же, с. 215]. Мотив новизны в смысле соответствия современным стандартам также приписывается образам как Николаева («расположен в новом вкусе» [Там же, с. 7]), так и Одессы («построения» «все суть каменные новейшего вкуса» [Там же, с. 216]). Наконец, мотив новизны может актуализироваться в значении незавершенности / сохранения остатков неупорядоченности, в том числе виде пустырей как анклавов энтропийной «пустой» степи: «за неокончанием построений» «находятся» в Николаеве «многие пустыри» [Там же, с. 7]; в Херсоне крепость «во многих местах еще не отделана» [Там же, с. 21]; «во многих местах (Одессы. — С. Ж.) находятся пустыри, ...заведения, иные начатые, другие более половины сделанные, а некоторые почти и к концу приведенные, остаются еще недовершенными» [Там же, с. 216], в гостинном ряду «15 лавок еще не окончены» [Там же, с. 217]; «Карантин уже более половины выстроен» [Там же, с. 220].

Кроме того, быстроменяющееся урбанистическое пространство Новороссии противопоставлено инокультурным городским пространствам, при этом подчеркивается уникальность первого: «У всех прочих народов для

построения и приведения в цветущее состояние города потребно целое столетие» [Там же, с. 212]. В рамках контекстной оппозиции «юность — старость» также актуализирована претензия новороссийских локусов на мировое признание: «Еще произведения Одессы не пришли к окончанию, как она сообщила уже о могуществе своем Эвксинскому понту» [Там же, с. 214]; «Юная Одесса овладела степенью между древнейших и славных городов других Держав» [Там же, с. 215].

Можно предположить, что образы стремительно возникших городов в степи имплицитно связаны с образом возникшего на болотах Петербурга, также проектного (специально задуманного) и порождающего соответствующие мифологемы топоса, который в кратчайшие сроки стал значимой европейской столицей, что в целом характеризует Россию как пространство «быстрых» городов. Как бы то ни было, в сумароковском тексте актуализирован мотив соперничества городов Новороссии со столицей империи: «Херсон занимает степень между первейших в России городов», а его здания «могли бы в самой Столице служить украшением» [Там же, с. 21]; Одесса же «по своему местоположению не только что далеко превосходит все прочие наши порты, но со временем может вступить в совместничество даже с Петербургским» [Там же, с. 212]. Таким образом, оппозиции «столица — провинция», «север — юг», «цивилизация — дикость» в сумарковском тексте остраиваются и до некоторой степени сглаживаются. Так, в николаевском соборе нарратор попадает в ситуации пространственной неопределенности созерцателя: «...нашел в оном довольное стечение людей, хор приятно и искусно поющих певчих, и я забывал тогда, что нахожусь на конце своего отечества, при первобытном пределе Оттоманской Порты и в стране, где незадолго пред сим и звери не учреждали своего обиталища» [Там же, с. 14]. Это придает описанию крупных городов Новороссии некую мифопоэтическую сакральность и значение центров упорядочения энтропийного «пустого» пространства. Сравните с характеристикой Одессы: «В стране оной, до того пустынной, толпы народа... воспели свое блаженство» [Там же, с. 221]. Отметим и мотив внутренней конкуренции городов в новороссийском пространстве, где вперед выбивается Одесса: «Со времени появления Одессы, сей город, обратя к себе всю торговлю, лишил Херсона славы и совершенно его унизил» [Там же, с. 24]; «по появлении Одессы суда» к берегам Очакова «уже не пристаю» [Там же, с. 202].

Города также маркированы мотивами величины / масштабности и регулярности / правильности застройки: «Николаев довольно обширен», «Улицы в нем прямые без переулков, одинакой ширины» [Там же, с. 7], «огромное здание» Адмиралтейства [Там же, с. 12]; Херсон «довольно велик», «выстроен по плану», в нем «огромный Арсенал» [Там же, с. 21],

«большой» гостиный двор [Там же, с. 23], «прямые, широкие» улицы Греческого форштата и в целом «больше тысячи домов» [Там же, с. 24]; в Одессе отмечены «огромные» здания, «широкие правильные» улицы [Там же, с. 212], «большие здания» [Там же, с. 214], «большие прямые улицы» [Там же, с. 215], гавани, сделанные «широко», «пространная» крепость [Там же, с. 219]. Мотив правильности связан здесь с мотивом визуальной привлекательности и надежности, что в сумароковском тексте выражено через эпитет «хороший»: николаевский «собор с весьма хорошою внутренностью» [Там же, с. 7]; «мечеть, преизрядное из камня с хорошим фасадом строение» в Терновке, турецкой колонии под Николаевом [Там же, с. 9]; «много хороших» зданий и домов, «хорошее земляное укрепление» крепости, «хорошие фасады» строений [Там же, с. 21], «много хороших домов» греческого форштата в Херсоне [Там же, с. 23], которому все его части «придают» «весьма хороший вид» [Там же, с. 24]; «хорошие обывательские строения» Одессы [Там же, с. 212], ее «хорошо обработанная» земляная крепость [Там же, с. 219]. Мотив визуальной привлекательности также может быть выражен и иными эпитетами: «Местоположение Николаева величественно и красиво» [Там же, с. 8], «величественный Николаев» [Там же, с. 190], «весьма приятное» местечко Богоявленское [Там же, с. 19]; «положение» Херсона «величественно» [Там же, с. 20], строения его крепости «великолепны» [Там же, с. 21]; «величественный порт» Одессы [Там же, с. 214], «Положение Одессы... весьма красивое» [Там же, с. 215].

Кроме того, образы новороссийских городов маркированы отсутствием леса, с одной стороны, и доступностью камня, с другой, поэтому многие строения в них каменные, например, Николаев «имеет до 800 домов, построенных из камня, и большую часть с колоннами» [Там же, с. 7]. Даже в Богоявленском есть «немалое число казенных и обывательских домов, построенных из камня» [Там же, с. 19]. При этом в Николаеве особо отмечена дороговизна древесины¹: «Дрова покупаются в Николаеве по 15 рублей сажень, а бревен почти и достать невозможно, от чего полы и потолки домов гораздо дороже стоят, нежели как самые стены. Напротив, каменное строение они имеют за весьма низкую цену <...> Причиной тому есть великое множество камня, который, ноздреват, тешется как мел, но со временем от воздуха твердеет и делается прочным» [Там же, с. 18]. Каменность характерна и для изображения Одессы, отмеченной «изобилием» того же камня, что и Николаев [Там же, с. 217]: «каменные строения» [Там же, с. 212]; «ка-

1 Николаев, как указывалось, определен отсутствием питьевой воды в отличие от Херсона и Одессы. В последней отмечено множество локусов колодцев: «С пресною водою в городе по дворам 18 — близ оного по балке с тяглыми колесами 12 — старых Турецких починенных 13» [Сумароков, 1800, с. 216].

менные мостовые» и «построения по ним, исключая малого числа деревянных домов, все суть каменные» (общим числом 505), три начатые каменные церкви (при одной деревянной) [Там же, с. 216], каменные гостиные ряды [Там же, с. 217], гавани, обложенные «вокруг камнем» [Там же, 1800, с. 218], «каменные казармы» [Там же, с. 220]. В Херсоне, где деревянных зданий больше, тем не менее также зафиксирована нехватка леса: «Окружающие Херсон... пространные степи... причина затруднений, также невыгодностей в получении здесь леса. Днепр доставляет его, равно как и хлеб, из Польши довольно дорогою ценой, и отсюда уже отправляется лес сухим путем в Николаев» [Там же, с. 22]. Наконец, нехватка древесины обуславливает его замену тростником в качестве источника энергии (в Херсоне «тростник для здешних жителей служит вместо дров, который они зимою для себя запасают» [Там же, с. 24]) и даже кизяком, что актуализирует отрицательный ольфакторный маркер Николаева: «Худой запах... от топления кизяком и тростником, притом начинающийся жар принудили меня оставить мою прогулку» [Там же, с. 8]. Разумеется, эти маркеры характерны не только для больших городов, но для многих малых поселений, что отмечено автором на пути в Николаев: «На всем... расстоянии нет ни одного дерева, и жители делают... хаты, равно загоры, из камня, лежащего на поверхности земли в великом количестве, а топят кизяком» [Там же, с. 5—6].

Фронтирность Новороссии в городском пространстве проявляется как потенциальная конфликтность с соседями, что выражено в наличии множества военных локусов: арсеналов, казарм, военных форштатов, крепостей. Большое значение придается локусам адмиралтейств, обеспечивающих власть на море: «Адмиралтейство Николаевской есть верховное место над всеми портами Черного и Азовского морей...» [Там же, с. 13—14]. Не меньшей важностью отмечено херсонское адмиралтейство, «служащее цитаделью крепости», «то место, где готовится хлебный запас и сооружаются корабли для всего Черноморского флота. ... Адмиралтейство последнего [Николаева. — С. Ж.] занимает только начальство, а обращения и истинная цель всех Черноморских вооружений принадлежат к Херсонскому» [Там же, с. 22], то есть здесь проявляется скрытый мотив конкуренции между Херсоном и Николаевом. В Херсоне отмечен и локус литейного двора для изготовления пушек. Более того, Сумароков вносит амбивалентность в описание Херсона, указывая на его неудачное расположение с точки зрения кораблестроения: «Все делаемые здесь корабли спускаются на комелях порошние до глубокой пристани в 30 верстах отсюда отстоящей, и там уже оные вооружаются. Почему и сожалительно, что при избрании для города места последовала в том важная ошибка; ибо Херсону при сей-то пристани над Лиманом находиться бы надлежало» [Там же, с. 23].

Одесса, в отличие от Николаева и Херсона, изображена прежде всего как локус мирного, торгового, владычества России на юге, хотя и здесь отмечен локус крепости, уставленный «в несколько ярусов батареями» [Там же, с. 219]. Мирность «торговой» Одессы акцентирована как в прошлом (момент создания), так и в будущем: в настоящем тоπος страдает от «повсеместной войны», но, благодаря усилиям русского монарха «целой Европе поставить повсюду тишину», нарратор ожидает, что «сей славный порт получит новую славу, отворит врата обогащению внутри России и... восторжествует» [Там же, с. 222]. При своем возникновении Одесса «сообщила уже о могуществе своем Эвксинскому понту», причем в данном фрагменте актуализирован мотив удивления от созерцания нового города, присущий уже не только нарратору, но и иностранцам: «Вдруг до 60 кораблей Австрийских, Неаполитанских, Турецких и Греческих во изумлении приплыли к ее берегам» [Там же, с. 214]. Аналогично, в рамках хозяйственной сферы, описан в тексте и Херсон («Купеческие суда из разных Европейских стран начали приставать к его порту; торговля явилась в цветущем состоянии; учредились конторы, и флаг Российский разведал даже у марсельских берегов, немалое число иностранцев поселились в нем для торговли» [Там же, с. 20—21]), но, как отмечалось, его торговое значение перешло затем к Одессе. Именно последняя оказывается лучше всего охарактеризованной в хозяйственном отношении. Если в Николаеве автор по случаю описывает увиденные в адмиралтействе машины «для точения меди и крепкого дерева» [Там же, с. 12], для изготовления краски, а при изображении Херсона упоминает «бывшие монетный и литейный» дворы [Там же, с. 21], то в рамках одесского топоса зафиксированы три фабрики, шестнадцать заводов, восемь мельниц, не говоря уже о более пятисот лавках [Там же, с. 216]. Неудивительно, что значительнейшим локусом Одессы выступает порт, описанию которого посвящено несколько страниц и который связан с мотивами упорядоченности / искусности («насыпи искусством, многими трудами и великим иждивением утвержденные» [Там же, с. 218]), спокойствия («самое тихое и спокойное пристанище великому числу судов»), удобства / безопасности, в том числе от портящих корабли водяных червей (Одесса «в водах своих тех вредоносных насекомых не имеет» [Там же, с. 219]). Исключительность одесского топоса в хозяйственной сфере империи подчеркнута также тем, что ее таможня «имеет право получать ценные товары, каковой привилегии, исключая Рижского, другие порты не имеют» [Там же, с. 220]. В целом, Одесса изображена как медиационный локус, замыкающий на себя торговые сношения: «Прилегающая к ней обширная Польская Украина не имеет..., другого выхода... своим произведениям <...> Иностранных земель, как то, полуденной Гер-

мании и Франции, всей Италии, Архипелагских островов, Турции, Анатолии и Египта купеческие суда удобнее пристани в России иметь не могут. ...она есть средоточие всей нашей торговли и надежное для Империи сокровище» [Там же, с. 221—222].

Одесса в значительной мере отмечена чужестыю: в ней живет много иностранцев, действует «иностраннный магистрат», разбирающий «дела приезжих чужеземцев», здесь находится место «пребывания Неаполитанского Консула» [Там же, с. 220]. Впрочем, этот маркер характерен для всех трех больших новороссийских городов. В Николаеве отмечены Греческая церковь и торговые ряды, где «греческие купцы промышляют своими товарами» [Там же, с. 7]. Значительный «ориенталистский» фрагмент представляет в тексте описание вышеупомянутой турецкой Терновки, состоящей «из числа пленных под Очаковым, которые по размене пожелали остаться жить в нашей Империи» [Там же, с. 9] (это первый непосредственный опыт столкновения нарратора с турецкостью в Новоросси). Здесь локусу «турецкого крестьянского дома», изображенного с элементами экзотизма, свойственны характеристики чистоты («опрятный и хороший диван» [Там же, с. 9]) и восточной лени (сублокус особой каменной ступенчатой площадки возле дома для удобства «садиться верхом и сходить с лошади» [Там же, с. 10]). В Херсоне же автор упоминает целый Греческий форштат с «иностраннными трактирами» [Там же, с. 23], а также местопребывание Австрийского Консула [Там же, с. 24].

Фронтирная Новороссия характеризуется и религиозной гетерогенностью. В пространстве Херсона зафиксированы «три церкви: Российская, Греческая и Католическая» [Там же, с. 23]; в Одессе же — «старообрядская» церковь и «Еврейская школа» [Там же, с. 216]. Слобода Маяк как часть русско-турецкого фронта описана как своего рода анклав старообрядцев, «бежавших к Туркам» [Там же, с. 226].

Образы Николаева, Херсона и Одессы «затмевают» репрезентации прочих новороссийских местечек, многие из которых лишь упоминаются, а не описываются, оставаясь точками на пути Сумарокова. Описание других антропных локусов, как правило, амбивалентно. С одной стороны, мы имеем дело с мотивами малоразмерности поселения, непривлекательности его сублокусов (в противовес масштабности и значительности трех главных городов): Миргород¹ (на самом деле Новомиргород) «непространен, худо выстроен» [Там же, с. 2]; «весьма неважны» «построения» [Там же,

1 Миргород в контексте статьи важен и потому, что именно в связи с данным локусом косвенно упомянута Новороссия, нигде больше напрямую не названная: «В нем имеет пребывание Митрополит, носящий титул Новороссийского и Днепровского Первосвященника» [Там же, с. 2].

с. 24] Елисаветграда; «В Кизекермене нет ни единого порядочного дома, и оный будучи составлен из лачужек более походит на необширную деревню» [Там же, с. 25]; «теснотой» и «малым числом обывательских домиков» [Там же, с. 192—193] маркирован Очаков, «самая неважная слободка» [Там же, с. 196], «разрушенный и в бедную деревеньку претворенной град» [Там же, с. 192], чей форштат состоит из деревянных «домиков», имеющих «вид хижинки» и где торговцы «промышляют в своих лавочках мелочными вещами, большею же частью шинками, и нет из них не только порядочного купца» [Там же, с. 196]. Мотив малоразмерности в последнем случае подчеркнут диминутивами (слободка, домики, хижинки, лавочки). Аналогичны характеристики Кинбурнской крепости, форштат которой состоит из «30 домиков» [Там же, с. 205], и Овидиополя, «небольшого и худо выстроенного городка» с «земляной крепостцей» [Там же, с. 223]. С другой стороны, в тексте имеются положительные характеристики расположения новороссийских локусов, связанные прежде всего с их демиприродным окружением: «изрядное положение» Кизекермена [Там же, с. 25], «весьма красивое положение» Очакова [Там же, с. 194], «необычайное положение» Кинбурна, которое «чрезмерно красиво и великолепно» [Там же, с. 204], «наипрекраснейший вид» (тогда еще турецкого) Аккермана, или Белграда [Там же, с. 223], «красивое местоположение Маяка» [Там же, с. 227].

Мотивом, общим для больших и малых поселений Новороссии, является гетерогенность этнокультурного элемента. Население форштата Очакова составляют «Греки, Польские Жиды, Малороссияне и Русские сходцы» [Там же, с. 196]. Сами очаковские сублокусы маркируются русско-турецкой переходностью: некоторые «хижинки» «еще Турецкого построения», а одна мечеть «освящена в нашу церковь» [Там же, с. 196]. Более фронтирный, находящийся на границе с османскими владениями Овидиополь отмечен еще меньшей рускостью и в целом неавтохтонностью, что свойственно фронтирным территориям колонистов: «Жители оного суть большей частью Молдаваны, также Греки, а Россиян здесь весьма мало. Они все выходцы» [Там же, с. 223—224]. Жители же Маяка носят «обыкновенное Русское крестьянское одеяние», при этом «большая из них часть говорит по-Турецки и по-Молдавски» [Там же, с. 226].

Несколько выбивается из описаний периферийной Новороссии репрезентация Очакова, но это объясняется его историческим значением, о чем будет сказано ниже. В современной же Сумарокову действительности Очаков вместе с Кинбурном представляют собой прежде всего защитное укрепление на юге империи: «Очаков по весьма важному своему положению может назваться ключом Лиману <...> в случае прохождения из Черного моря в Лиман неприятельского судна, оно... при претерпении с Очаковско-

го и Кинбурнского берегов поражений должно непременно вступить в ... опасный проход, где по снятии бакенов гибель его будет почти неизбежною» [Там же, с. 197—198]. При этом военное значение локуса является потенциальным, поскольку нарратор акцентирует его мирность: «мирная» слободка [Там же, с. 197].

3.3. Новороссийское пространство исторической памяти

Историческое пространство Новороссии в тексте представлено как антропными (поселения), так и природными / демиприродными (поля сражений) локусами и может быть разделено на три темпоральных слоя.

Первый составляет античный слой, установленный в первую очередь в репрезентации николаевского собора. Далее описан расположенный возле него камень, найденный «верстах в 30 отсюда при урочище Цари Камыши в Лимане» с «Греческой надписью» в честь «Стратона, благого путевода воев» [Там же, с. 16]. При описании же убранства соборного алтаря упомянут обнаруженный «в верстах в 40 отсюда, по ту сторону Буга, на развалинах древнего и известного города Ольвии» («урочище Сто Могил») «другой камень», «на коем старинной Эллинской надписи никто еще по сие время разобрать не мог» [Там же, с. 17]. К этому же слою относится маркирование Овидиополя как «того самого города Томес, куда от Августа был сослан Овидий» [Там же, с. 223]. Наконец, античный код актуализирован в рассматриваемом в статье пространстве Новороссии в гидронимах Днепра, «Бористеном в древности именуемого» [Там же, с. 20], и Понта Эвксинского [Там же, с. 214].

Второй слой можно условно обозначить как казацко-турецкий. К нему, с одной стороны, относится лиминальный локус Златополя, «недавно» служившего «границей между России и Польши, где видны некоторые земляные укрепления» [Там же, с. 2]. Кроме того, степь от Елисаветграда до Николаева охарактеризована как «прежнее владение Запорожцев» [Там же, с. 5]. О «турецком» элементе в Новороссии свидетельствуют различные топонимы, часто двойные, фиксирующие русско-турецкий лиминальный статус локуса: Бериславль-Кизекермень, построенный «при развалинах древнего *Кизекерменя*, в котором Турки содержали всегда свой гарнизон» и «памятником» существования которого «служат» «видимые ныне следы бывшей каменной крепости, ровов, многих домов» [Там же, с. 25]; Гаджибей-Одесса («Прежде, как Бессарабия принадлежала Туркам, на сем месте, где ныне Одесса..., у них находилась небольшая приморская крепостца, называемая Гаджибей» [Там же, с. 213]); Гаджидер-Овидиополь («Овидиополь по-прежнему назывался у Турок Гаджидер и был их местечком» [Там же, с. 223]); Аккерман-Белград. Вспомним и бессарабскую деревню Анчикрак, в которой «прежде было Турецкое селение сего

же названия и еще видны каменные стены их жилищ, признаки огородов и множество глубоких ям <...> для хранения хлеба» [Там же, с. 191].

Наконец, третий слой, иногда сложно отграничиваемый от второго¹, связан с активным продвижением Российской империи в юго-западное лиминальное пространство, следствием чего и стало активное формирование Новороссии. Это с позиции автора новейшая «живая» история эпохи Екатерины II, максимально приближенная к современности. Неудивительно, что данное пространство исторической памяти тесно связано с образами деятелей екатерининской эпохи. Так, фигурой Потемкина маркированы Златополь, «хорошее местечко, принадлежавшее прежде покойному Князю Потемкину» [Там же, с. 2], и Николаев, где нарратор обедал «в том самом Молдаванском доме, который для покойного Князя Потемкина привезен был из Кременчуга по почте» [Там же, с. 14]. В окрестностях Херсона отмечен локус «Александровского шанца, так названного от имени Графа Александра Ивановича Румянцева» [Там же, с. 20].

Поскольку данный темпоральный слой тесно связан с пространством насилия и славы в ходе русско-турецких войн, в нем актуализированы образы военной элиты. В Николаеве автором отмечено «то место, где Фельдмаршал Миних, шествуя для осады Очакова, стоял при берегу Ингула лагерем с многолюдною армией и где он строгий суд совершил над одним Генералом, разжаловав его в рядовые, а Полковника расстрелял из ружей» [Там же, с. 13]. При херсонском соборе упомянут локус «пирамид в память опочивающих здесь мужей»: «Тут погребен Принц Александр Виртембергский; тут лежит гремевший храбростью Генерал Барон Меллер-Закомельский, потерявший живот при взятии Килии, рядом с сыном своим, разделявшим с ним славу, и тут сокрыто тело Князя Волконского, с неустрашимостью пожертвовавшего жизнью своею при осаде Очакова» [Там же, с. 22]. Сублокус, связанный с Волконским, встречаем и в Одессе: «обширный дом Генерала Князя Волконского» [Там же, с. 212]. Это продвижение России на юго-запад зафиксировано также в общей репрезентации Бессарабии, «владения Порты, которая, сближая от победоносного нашего оружия внутрь себя свои

1 Например, определенную проблему составляет атрибуция сумароковского Миргорода. Рискнем предположить, что автор соединил образы двух городов — малороссийского Миргорода и новороссийского Новомиргорода. Характеристика локуса «древний пограничный Российский город Миргород» [Там же, с. 2] скорее приложима к первому городу, поскольку основание Новомиргорода относится к 1740 году и древним в 1799 году его вряд ли можно было назвать. При этом географическая привязка («на реке Виссе, впадающей в Синюху», в 2 верстах от Златополя [Там же, с. 2]) недвусмысленно указывает на Новомиргород. Еще больше дело запутывает исторический маркер: по Сумарокову, Миргород является «бывшей столицей Вознесенского Наместничества» [Там же, с. 2], тогда как Новомиргород, насколько нам известно, был уездным (не столичным) городом в составе данной административной единицы.

пределы, уступила в последнюю войну всю сию область России и перенесла отсюда за Днестр свои границы» [Там же, с. 191].

В наибольшей степени военно-мортальное пространство представлено в локусах Очакова и Кинбурна. Помимо места смерти Волконского, Сумароков посещает здесь место, где погиб генерал-майор Горич [Там же, с. 196], и место, «где Г. Максимовичу отрубили голову» [Там же, с. 209]. «Преглубокий овраг» маркирован смертью «посланного в ночную экспедицию» Г. Корсакова, который «упал и лишился жизни» [Там же, с. 209].

Наибольшей значимостью и, соответственно, эмоциональной окрашенностью в сумароковском тексте обладает связанный с локусом Очакова образ Суворова, который в отличие от большей части анализируемого нами рационально-просветительского фрагмента «Путешествия...» не только обладает мифопоэтическими чертами («бессмертный Князь Итальянский, Граф Суворов», «Герой»), но и становится триггером перемещения нарратора в онирическое пространство, представляющее собой своего рода батальное визионерство, оживляющее повествование о битве на Кинбурнской косе, где Суворов, дав туркам высадить «важный десант» и «укрепиться», «напал на оные превосходящие его силы столь поразительно, что все те дерзнувшие противустать сему Герою Музульманы погибли у ног Россов без исключения» [Там же, с. 205]. Ландшафт активизирует батальный ониризм созерцателя, подпитываемый, разумеется, его пред-знанием о значимости данного места: «...когда представился глазам моим... сей славный и наделавший толико шума в Европе Очаков, то сердце мое затрепетало и все свирепство бывшей тут войны представилось воображению» [Там же, с. 192]. Эмоциональности сцене добавляет гротескное пейзажное описание, где смешиваются антропно-мортальный (образ пролитой крови) и природный (образ вод) элементы: «Здесь-то ужасная смерть во всей ярости своей ополчалась, и здесь-то дымящиеся ручьи человеческой крови впадали в Лиманские воды, оставляя багровые по ним следы» [Там же, с. 205]. Также Сумароков условно обозначает другое место под Очаковым, где очередное «замысловатое предприятие» «беспримерного Князя» не имело такого успеха [Там же, с. 209].

Сам исторический Очаков (в противовес его современному мирному образу) и его окрестности отмечены энтропийным мотивным рядом ужаса, смерти, кровопролития, разрушения, безмолвия, запустения: «развалины», «где нет ни домов, ни жителей и где после шумящего и потрясавшего землю бранного оружия водворились необитаемость токмо и безмолвие <...> здесь нет других следов, кроме смерти и разрушения» [Там же, с. 195—196.]; в замке Гассан-Паши «нет иного строения, кроме разоренного домика Паши... Он по взятии крепости и форштата долгое время

один сопротивлялся, и стоил многой крови с обеих враждующих сторон» [Там же, с. 197]; «Какое ужасное тогда было зрелище для Очаковских жителей видеть на другом берегу совершенное истребление лучшего... своего войска!» [Там же, с. 205]; «отрывали в тех местах убиенных наших солдат во всем их одеянии» [Там же, с. 209]. Сумароков изображает здесь пространство, измененное войной, как противовес пространству современной мирно преобразовывающейся Новороссии. Очаков — во многом ахронный, застывший во времени пост-батальный локус-напоминание (отсюда и возможность перенестись в онирический хронотоп прошлого) с характерными маркерами войны: «великое пространство степи, *изрытое ямами и буграми*» [Там же, с. 192], со «следами разных укреплений» [Там же, с. 209] — землянок, батарей, ретраншементов, мест расположения палаток, а также с валяющимися «человеческими костями, «черепьями разорванных бомб» [Там же, с. 209]. Центром этого батального локуса выступает локус холма, который также переносит воображение созерцателя в прошлое: с этого места «Главногокомандующий посреди надежды и сомнения взирает на действия штурма» [Там же, с. 209].

В связи с локусом битвы за Очаков с его темпоральной неопределенностью между прошлым и настоящим мотив славы приобретает амбивалентность в сумароковском тексте. В начале очаковского фрагмента нарратор, созерцая пришедший в упадок город, в серии риторических вопросов философствует о бренности земной славы: «Где же, я мысленно себя вопрошал, его горделивость, где украшавшие его здания? куда сокрылась его слава? Все сие пало вместе со стенами, его окружавшими» [Там же, с. 192]. Завершая же описание поля битвы, Сумароков утверждает славу России: «...сии живые признаки остались трофеями славы победоносного Российского войска» [Там же, с. 209]. Повествование, однако, двигаясь по синусоиде, продолжается сценой, острающей и даже травестирующей пафосное утверждение. В одной из оставшихся после войны ям нарратор со спутниками видят змею-желтопуза, образ которой есть маркер, с одной стороны, дикого, природного пространства, а с другой — змея-трикстера. Соответственно, здесь мы имеем дело с пародийно-сниженным мифологическим сюжетом змеборства и в то же время повторением истории в виде фарса, причем с неоднозначным, в отличие от сюжета «большой» военной истории, концом: «Вот, сказал я, еще один из неприятелей здесь существует, и мы на бранных местах открыли вновь с ним войну, пуская в него отломками бомб; но худые канониры одолеть его не умели и с трудом могли только выиграть поле сражения» [Там же, с. 210].

Наконец, сочетанием батально-насильственных и созидательных исторических сюжетов отмечены пространства двух больших новороссийских

городов — Николаева и Одессы. В первом случае мы имеем дело с двумя сюжетами. Первый — история «иностранца Фабрия», имевшего на месте будущего Николаева «небольшой хутор»; Фабрий пострадал во время «последней с Портою войны» от набега турок, учинивших «насилие его жены», и продал затем свою землю имперским властям [Там же, с. 17] (следы этой войны Сумароков наблюдает в порту николаевского адмиралтейства: «множество взятых в плен у Турок суден» [Там же, с. 13]). Второй, сюжет создания Николаева, связан с образом М. Л. Фалеева, определенного «к строению назначенного города» [Там же, с. 18]. В случае Одессы образ адмирала Рибаса объединяет в себе черты разрушителя и своего рода локального демиурга, «ставшего из истребителя Гаджибея образователем оного», то есть сначала захватившего турецкую крепость, а затем основавшего «на развалинах Гаджибея город Одессу» [Там же, с. 214].

4. Заключение = Conclusions

Итак, репрезентация Новороссии в «Путешествии...» П. И. Сумарокова обладает значительной цельностью и базируется на мотиве фронтирности этого пространства, актуализированного в различных вариациях в рамках изображения природных и антропных (городских и деревенских) локусов, а также пространства исторической памяти.

В первом случае фронтирность выступает, с одной стороны, как неосвоенность энтропийного пространства новороссийской степи, маркированного «минус-мотивами» дикости, пустоты, малолюдности, безводности, безлесности, неуютности, опасности (угрозы со стороны климата, пресмыкающихся, насекомых). Впрочем, интенсивность проявления этих негативных черт варьируется: в наибольшей степени они присущи «северному» отрезку пути Сумарокова — от Елисаветграда до Николаева. Более благоприятными, изобильными и водными являются окрестности Херсона и Одессы. Впрочем, и в окрестностях Николаева нарратор упоминает позитивные демиприродные локусы, противопоставленные общей окружающей энтропии. С другой стороны, фронтирность может быть интерпретирована как проектность, богатство нереализованных потенций пространства, которое при увеличении уровня упорядоченности способно стать плодородным и антропно ориентированным.

Проектность характерна и для изображения урбанистических топосов, прежде всего локусов главных городов Новороссии — Николаева, Херсона и Одессы. Общими для этих образов являются мотивы новизны, чудесного появления посреди пустого пространства степи и быстрого роста, а также визуальной привлекательности, упорядоченности, масштабности, многонаселенности, но и незавершенности / недоосвоенности. Данные локусы

способствуют упорядочению пространства Новороссии как в хозяйственном, так и в военном (защита от угроз внешней энтропии) аспектах. При этом в локусах Николаева и Херсона ярче выражена сфера военная (безопасность морских границ), а в случае мирно-медиационного локуса Одессы — торгово-хозяйственная. Прочие городские и деревенские локусы, как правило, характеризуются маломасштабностью, неустроенностью, то есть более низкой упорядоченностью по сравнению с тремя вышеназванными. В то же время описанию демиприродных окрестностей «малых» поселений нередко свойствен мотив визуальной привлекательности, изобилиюности, то есть потенциально это тоже пространство роста. Общим для всех антропных локусов выступает мотив этнической и культурной гетерогенности, обусловленной фронтирностью Новороссии, ее лиминальностью на стыке разных пространств.

Историческое пространство Новороссии в тексте связано прежде всего с «новороссийским проектом» екатерининской эпохи, продвижением России на юго-запад с постепенным вытеснением, в том числе военным путем, Порты, и с соответствующей персонификацией — образами Потемкина, Румянцева, Суворова и иных представителей военно-административной элиты Российской империи, посланных осваивать «опасную» территорию. Частным случаем этого является образ локального «демиурга»-основателя города (Фалеева, Рибаса). Кроме того, большую значимость имеет историко-батальный образ Очакова, характеризующийся мотивами смерти, кровопролития, упадка, но также славы. Здесь же зафиксировано онирическое пространство батального визионерства, переносящего повествование в некое условное воображаемое прошлое битвы за Очаков. Наконец, выявлены значительно меньшие по объему «античный» и «казацко-турецкий» исторические пласты, последний обозначен в тексте лишь в общих чертах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Сумароков П. И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест / П. И. Сумароков. — Москва : Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800. — 238 с.

Литература

1. *Адаксина С. Б.* Заметки ученых и путешественников конца XVII — начала XIX веков о Крыме и Крымском ханстве / С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц // Археология Евразийских степей. — 2023. — № 3. — С. 311—324. — DOI: 10.24852/2587-6112.2023.3.311.324.

2. *Башляр Г.* Избранное : Поэтика пространства / Г. Башляр. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2004. — 376 с.

3. *Васильева Т. А.* У истоков украинофильства : образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Васильева. — Томск, 2014. — 232 с.

4. *Галушко А. Д.* «Свое» — «чужое» в описании Тавриды П. И. Сумароковым / А. Д. Галушко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 3—16.

5. *Еременко А. Ю.* Песни Новороссии : жизнь и борьба / А. Ю. Еременко // Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории : материалы I Международной научно-практической конференции. — Краснодар : КГУ, 2017. — С. 287—292. — ISBN 978-5-8209-1403-4.

6. *Ищенко Н. С.* Иеротопия Донбасса в поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) / Н. С. Ищенко // Тетради по консерватизму. — 2021. — № 2. — С. 464—470. — DOI: 10.24030/24092517-2021-0-2-464-470.

7. *Киселев В. С.* «Под отечественным небом странствую с мирною душою» : образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2 (4). — С. 20—42.

8. *Крюкова Н. В.* Павел Сумароков о Крыме (на материале «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году») / Н. В. Крюкова // Ломоносовские чтения-2018 : сборник материалов ежегодной научной конференции. — Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2018. — С. 21—22. — ISBN 978-5-9500360-7-1.

9. *Кублицкая О. В.* Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова) / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303.

10. *Куликова А. А.* Путевая проза в русской литературе конца XVIII — начала XIX века / А. А. Куликова // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2008. — № 4 (60). — С. 241—243.

11. *Курьянов С. О.* Крымский миф в сентиментальных произведениях П. И. Сумарокова / С. О. Курьянов, Я. В. Рыжман // Вопросы русской литературы. — 2014. — № 30 (87). — С. 216—222.

12. *Курьянов С. О.* Об украинском тексте в русской романтической литературе / С. О. Курьянов // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2018. — № 6. — С. 765—770.

13. *Мамуркина О. В.* Жанровые традиции документальной путевой прозы в литературе конца XVIII — начала XIX века / О. В. Мамуркина // Пушкинские чтения-2013. Художественные стратегии классической и новой литературы : жанр, автор, текст : материалы XVIII Международной научной конференции. — Санкт-Петербург : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2013. — С. 13—18. — ISBN 978-5-8290-1277-9.

14. *Марчуков А. В.* Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время / А. В. Марчуков. — Москва : Регнум, 2011. — 294 с. — ISBN 987-5-91 887-012-9.

15. *Орехов В. В.* Миф о разрушении Херсонеса: эпизод литературного освоения Крыма / В. В. Орехов // Имагология и компаративистика. — 2021. — № 15. — С. 194—213. — DOI: 10.17223/24099554/15/12.

16. *Панов А. С.* Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских и американцев в первой трети XIX в. / А. С. Панов // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2016. — № 2 (4). — С. 110—119.

17. Ситникова Г. В. «Вот изображение сего обетованного края» : Крым глазами русского путешественника конца XVIII века (к 240-летию присоединения Крыма к России) / Г. В. Ситникова, О. Н. Руднева // *Philologos*. — 2023. — № 3 (58). — С. 61—67. — DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-61-67.

18. Соловьев А. Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII — начала XIX веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Ю. Соловьев. — Санкт-Петербург, 2011. — 26 с.

19. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») / О. А. Фарафонова // *Научный диалог*. — 2017. — № 7. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82.

20. Храпунов Н. И. «Другие» на имперском пограничье: восприятие жителей Крыма в российских травелогах рубежа XVIII—XIX вв. / Н. И. Храпунов // Астраханские Петровские чтения : материалы VI Международной научной конференции. — Астрахань : АГУ, 2022. — С. 44—55. — ISBN 978-5-9926-1355-1.

21. Шаталов Д. В. «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества / Д. В. Шаталов // *Мир историка : историографический сборник*. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. — Выпуск 9. — С. 224—240. — ISBN 978-5-7779-1696-9.

22. Шаталов Д. В. Українські землі, імперська історія: козацькі пам'ятки у сприйнятті російських мандрівників кінця XVIII — першої половини XIX ст. / Д. В. Шаталов // *Харківський історіографічний збірник*. — 2016. — № 15. — С. 252—261.

*Статья поступила в редакцию 02.04.2024,
одобрена после рецензирования 16.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.*

Material resources

Sumarokov, P. I. (1800). *A journey throughout the Crimea and Bessarabia in 1799, by Pavel Sumarokov. With a historical and topographical description of all those places*. Moscow: University printing House, at Ridiger and Claudia. 238 p. (In Russ.).

References

- Adaksina, S. B., Myts, V. L. (2023). Notes of scientists and travelers of the late XVII — early XIX centuries about the Crimea and the Crimean Khanate. *Archeology of the Eurasian steppes*, 3: 311—324. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.3.311.324. (In Russ.).
- Bashlyar, G. (2004). *Favorites: The Poetics of space*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 376 p. (In Russ.).
- Eremenko, A. Y. (2017). Songs of Novorossiya: life and struggle. In: *The work of V. I. Likhonosov and the actual problems of the development of language, literature, journalism, history: materials of the I International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: KSU. 287—292. ISBN 978-5-8209-1403-4. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikov “Journey to Malorossia”). *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 284—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).

- Galushko, A. D. (2022). "One's own" — "someone else's" in the description of Tavrida by P. I. Sumarokov. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 8 (1): 3—16. (In Russ.).
- Ishchenko, N. S. (2021). Hierotopia of Donbass in the poem by Elena Zaslavskaya "Novorossiya of thunderstorms. Novorossiya of Dreams". *Notebooks on conservatism*, 2: 464—470. DOI: 10.24030/24092517-2021-0-2-464-470. (In Russ.).
- Khrapunov, N. I. (2022). "Others" on the Imperial frontier: the perception of Crimean residents in Russian travelogues of the turn of the XVIII—XIX centuries. In: *Astrakhan Petrovsky readings: proceedings of the VI International Scientific Conference*. Astrakhan: ASU. 44—55. ISBN 978-5-9926-1355-1. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2015). "I travel with a peaceful soul under the domestic sky": the image of Ukraine in Russian travelogues of the early XIX century. *Imagology and comparative studies*, 2 (4): 20—42. (In Russ.).
- Kryukova, N. V. (2018). Pavel Sumarokov on Crimea (based on the material "Travels throughout the Crimea and Bessarabia in 1799"). In: *Lomonosov Readings-2018: a collection of materials of the annual scientific conference*. Sevastopol: Moscow State University Branch in Sevastopol. 21—22. ISBN 978-5-9500360-7-1. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of "Mass Sentimentalism" Travels (P. I. Shalikov "Journey to Malorossia"). *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 284—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).
- Kulikova, A. A. (2008). Travel prose in Russian literature of the late XVIII — early XIX century. *Scientific notes of the Russian State Social University*, 4 (60): 241—243. (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2018). On the Ukrainian text in Russian romantic literature. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, 6: 765—770. (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2014). The Crimean myth in the sentimental works of P. I. Sumarokov. *Questions of Russian literature*, 30 (87): 216—222. (In Russ.).
- Mamurkina, O. V. (2013). Genre traditions of documentary travel prose in the literature of the late XVIII — early XIX century. In: *Pushkin readings-2013. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: proceedings of the XVIII International Scientific Conference*. St. Petersburg: Pushkin State University. 13—18. ISBN 978-5-8290-1277-9. (In Russ.).
- Marchukov, A. V. (2011). *The image of Ukraine in the Russian consciousness. Nikolai Gogol and his time*. Moscow: Regnum. 294 p. ISBN 987-5-91 887-012-9. (In Russ.).
- Orekhov, V. V. (2021). The myth of the destruction of Chersonesos: an episode of the literary development of the Crimea. *Imagology and comparative studies*, 15: 194—213. DOI: 10.17223/24099554/15/12. (In Russ.).
- Panov, A. S. (2016). Ambivalence of the image of Odessa in the representations of Russians and Americans in the first third of the XIX century. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies*, 2 (4): 110—119. (In Russ.).
- Shatalov, D. V. (2014). "Travel literature" of the beginning of the XIX century and the formation of the historiographical image of the Ukrainian Cossacks. In: *The world of the historian: a historiographical collection*, 9. Omsk: Publishing House of OmSU. 224—240. ISBN 978-5-7779-1696-9. (In Russ.).
- Shatalov, D. V. (2016). Ukrainian lands, imperial history: Cossack monuments in the perception of Russian travelers of the end of the XVIII — first half of the XIX century. *Kharkiv historiographic collection*, 15: 252—261. (In Ukr.).

- Sitnikova, G. V., Rudneva, O. N. (2023). "Here is the image of this promised land": Crimea through the eyes of a Russian traveler at the end of the XVIII century (to the 240th anniversary of the annexation of Crimea to Russia). *Philologos*, 3 (58): 61—67. DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-61-67. (In Russ.).
- Solovyov, A. Yu. (2011). "Journey to midday Russia" V. V. Izmailova in the context of Russian travel literature of the late XVIII — early XIX centuries. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 26 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. A. (2014). *At the origins of Ukrainophilism: the image of Ukraine in Russian literature at the end of the XVIII — first quarter of the XIX century*. PhD Diss. Tomsk. 232 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.04.2024;
approved after reviewing 16.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Кихней Л. Г. Перевод Вяч. Иванова пятого сонета Микеланджело : проблема эквивалентности и переводческих трансформаций / Л. Г. Кихней, А. А. Устиновская // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 240—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-240-255.

Kikhney, L. G., Ustinovskaya, A. A. (2024). Translation of Michelangelo's Fifth Sonnet by Vyacheslav Ivanov: Issue of Equivalency and Translation Transformations. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 240-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-240-255. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Перевод Вяч. Иванова пятого сонета Микеланджело: проблема эквивалентности и переводческих трансформаций

Кихней Любовь Геннадьевна¹

orcid.org/0000-0003-0342-7125

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра истории журналистики
и литературы,

корреспондирующий автор

lgkikhney@yandex.ru

Устиновская Алена Александровна²

orcid.org/0000-0001-5381-0777

доктор филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков
и межкультурной коммуникации
alyonau1@yandex.ru

¹ Московский университет
имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

² Российский государственный
университет социальных технологий
(Москва, Россия)

Translation of Michelangelo's Fifth Sonnet by Vyacheslav Ivanov: Issue of Equivalency and Translation Transformations

Lyubov G. Kikhney 1

orcid.org/0000-0003-0342-7125

Doctor of Philology, Professor,
Department of the History
of Journalism and Literature,

Corresponding Author

lgkikhney@yandex.ru

Alena A. Ustinovskaya²

orcid.org/0000-0001-5381-0777

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
and Intercultural Communication
alyonau1@yandex.ru

¹ A. S. Griboyedov
Moscow University
(Moscow, Russia)

² Russian State University
of Social Technologies
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена переводу пятого сонета Микеланджело Буонаротти, выполненному Вячеславом Ивановым в 1925 году. Источниками выступили текст перевода и рукопись оригинального текста, в которой стихотворение сопровождается авторским рисунком. Представлены результаты сопоставительного анализа перевода Иванова и дословного перевода, выполненного авторами статьи. Подчеркивается, что оригинальный замысел Микеланджело связан с деформацией структуры сонета (20 строк вместо 14, прибавлены два дополнительных tercets), резонирующей с содержанием сонета, а именно — с описанием его физических страданий и неудобных поз, в которых ему приходилось оставаться длительное время при росписи свода Сикстинской капеллы. Уделяется внимание авторскому рисунку, подчеркивающему раздвоение лирического субъекта и его сомнения в результативности своего труда. Предлагается комментарий переводческих решений этого сонета Вячеславом Ивановым, связанных с его поэтическими и эстетическими установками. Рассматривается символистское прочтение ключевой антитезы сонета: Микеланджело представляет лирического субъекта в виде «сирийского лука» (фразеологизм, обозначающий лук, который стреляет без промаха) и «кривой сербатаны», интерпретируя через образы стрелкового оружия одолеваяющие его сомнения. Переводчик интерпретирует эту антитезу через классический вариант противопоставления «поэта и толпы», указывая, что художник опасается осуждения и нуждается в защите.

Ключевые слова:

сонет; Микеланджело; Вячеслав Иванов; поэтика перевода; экфрасис.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the translation of Michelangelo Buonarroti's fifth sonnet by Vyacheslav Ivanov in 1925. The sources used include the translated text and the manuscript of the original text, accompanied by the author's drawing. Comparative analysis results of Ivanov's translation and a literal translation by the authors are presented. It emphasizes Michelangelo's original concept related to deforming the sonnet form (20 lines instead of 14, with two additional tercets added), resonating with the sonnet's content, specifically describing his physical sufferings and uncomfortable poses while painting the Sistine Chapel ceiling. Attention is given to the author's drawing, highlighting the division of the lyrical subject and his doubts about the effectiveness of his work. Commentary is provided on Vyacheslav Ivanov's translation decisions for this sonnet, linked to his poetic and aesthetic principles. A symbolist interpretation of the sonnet's key antithesis is explored: Michelangelo portrays the lyrical subject as a "Syrian bow" (a phrase denoting a bow that never misses) and a "crooked crossbow", interpreting his doubts through images of projectile weapons overcoming him. The translator interprets this antithesis through the classical contrast of "poet and crowd", indicating that the artist fears condemnation and requires protection.

Key words:

sonnet; Michelangelo; Vyacheslav Ivanov; translation poetics; ekphrasis.

УДК 82-193.3+821.161.1Иванов.032+821.131.1Michelangelo.03=161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-240-255

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Перевод Вяч. Иванова пятого сонета Микеланджело: проблема эквивалентности и переводческих трансформаций

© Кихней Л. Г., Устиновская А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Переводы в творчестве русских символистов представляют собой фундаментальную страницу отечественной литературы начала XX века. К их анализу и интерпретации ранее обращались такие классики переводоведения и литературоведения, как М. Л. Гаспаров [Гаспаров, 1988], В. А. Кашкин [Кашкин, 1954], В. Н. Комиссаров [Комиссаров, 2002], Ю. Д. Левин [Левин, 1985], А. В. Федоров [Федоров, 1983], Е. Г. Эткинд [Эткинд, 1963], и др.

В современном литературоведении к переводам Ин. Анненского, В. Брюсова, А. Блока, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба обращаются Н. М. Алехина [Алехина, 2014], В. Е. Багно [Багно, 1991], Т. Венцлова [Венцлова, 1991], Д. Н. Жаткин и С. Н. Морозова [Жаткин и др., 2022; Морозова и др., 2022], Э. Ю. Забаева [Забаева, 2011], Л. Г. Кихней и А. А. Устиновская [Кихней и др., 2022], А. В. Лавров и В. Н. Топоров [Лавров и др., 1987], Л. И. Никольская [Никольская, 1992], Е. С. Островская [Островская, 2005], Л. Ю. Парамонова [Парамонова, 2014] и др. Интерес к переводам отечественных поэтов и выработанным ими принципам перевода в современной науке обуславливает актуальность настоящего исследования.

При чрезвычайно подробном анализе переводов с английского и французского языка [Устиновская, 2020] переводам с итальянского уделяется существенно меньшее внимание, хотя они также представляют собой важнейшую часть отечественного поэтического и переводческого наследия. В начале XX века в советской России был начат проект «Всемирная литература», целью которого было знакомство новой аудитории с классическими произведениями, шедеврами мировой культуры. С «Всемирной литературой» сотрудничали многие поэты Серебряного века, а в дискуссиях и конференциях под эгидой издательства кристаллизовались принципы отечественной школы перевода.

Среди младших символистов к итальянским поэтам обращались В. Я. Брюсов и Вяч. Иванов. Последний вынашивал грандиозный замысел переводов «Божественной комедии» Данте, сонетов Петрарки и сонетов Микеланджело. Наиболее знаменитым сонетом из переведенных Ивановым произведений Микеланджело является пятый сонет, посвященный другу Микеланджело, Джованни из Пистойи. Сонет создан во время росписи свода Сикстинской капеллы, и в нем Микеланджело подробно описывает свои физические страдания, которые он переживал в течение этой работы. В рукописи сонет сопровождается карикатурным рисунком автора и отличается оригинальной формой: он содержит четыре терцета вместо стандартных двух.

Интересно, что в тексте Микеланджело прибегает к оригинальной символике: он сопоставляет свое тело со стрелковым оружием, выражая имплицитную надежду на то, что шедевр удастся и, при всех переживаемых трудностях, его труд будет оценен по достоинству.

Переводческие решения Вячеслава Иванова во многом меняют оригинальный замысел: в нем отсутствует выражаемая автором надежда, а также идея раздвоения личности лирического субъекта, отраженная Микеланджело в его поясняющей иллюстрации.

Перевод данного сонета Ивановым опубликован в 1995 году и практически не отрефлексирован в отечественной науке. После перевода Иванова были выполнены также стихотворные переводы Абрама Эфроса, Андрея Вознесенского и Виктора Куллэ [Куллэ, 2014], которые, в основном, ссылались друг на друга, не обращаясь к переводу Иванова. Новизна предпринятого исследования обусловлена подробным анализом выполненного Ивановым перевода и принятых поэтом переводческих решений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для анализа перевода Вячеслава Иванова привлекается оригинальный текст Микеланджело и его рукопись с авторским рисунком (рис. 1). Для подробного анализа коммуникативной интенции автора использованы культурно-исторический метод, метод контекстуального анализа и метод семантического анализа текста оригинала с привлечением италоязычных комментариев к тексту.

Для прояснения переводческих интенций Иванова и его стратегии перевода выполнен авторский подстрочный перевод Микеланджело, последовательно сопоставляемый с переводом Иванова. Анализ переписки Иванова с О. А. Шор [Иванов, 1995, с. 269] показывает, что Иванов подробно осмыслил выполняемые переводы, подводил под них философскую базу и обращался к источникам античности.

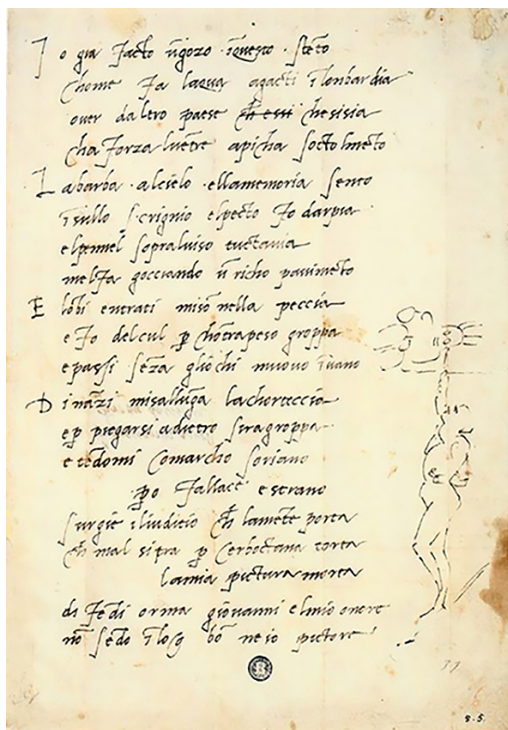

Рис. 1. Пятый сонет Микеланджело

Сонет 5 чрезвычайно физиологичен, «телесен» — в нем Микеланджело продемонстрировал свои блестящие познания в анатомии и в деформации тела, описывая не абстрактные страдания, а вполне конкретные изменения в теле и внутренних органах. Уникальная деформированная структура сонета, соответствующая идее изменения тела и раздвоения лирического субъекта, вынуждает привлекать метод визуального анализа рукописи и экфрасиса: текст в соответствии с замыслом автора должен быть воспринят именно в комплексе с иллюстрацией. Для понимания образной системы оригинала также использован метод биографического анализа: описываемые Микеланджело реалии коррелируют с его биографией и моментами росписи свода Сикстинской капеллы.

Цель предпринятого исследования формулируется как анализ переводческой стратегии Вячеслава Иванова в ее проекции на коммуникативную интенцию автора текста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История создания перевода Микеланджело Вяч. Ивановым

Вячеслав Иванов выполнил перевод 8 стихотворений Микеланджело Буонаротти в 1925—1926 годах. Был запланирован перевод всего поэтического творчества художника и скульптора, однако впоследствии проект приостановили: «В официального рода письме З. Н. Райх 3 августа 1925 года, имевшем по всей видимости силу «протокола о намерениях», оговаривались точные условия заказа: “Перевод всех поэтических произведений Микель-Анджело Буонароти в количестве 3.000 (трех тысяч) строк” и “сроки представления работы” “1 апреля 1926 года”. Вяч. Иванов предполагал снабдить стихотворения комментариями, а также включить в издание письма Микеланджело и биографический очерк Кондиви «Жизнь мастера, писанная его учеником» [Иванов, 1995, с. 265]. В декабре 1925 года выяснилось, что перевод не будет оплачен, так как издательство не имеет достаточного количества денег, и полный корпус стихотворений Микеланджело так и не был переведен. А. Шишкин отмечает, что перевод всех произведений Микеланджело входит в более масштабный проект Иванова, так и оставшийся нереализованным: «Одним из практических предприятий символистов, которые стремились преодолеть изолированность русской литературной культуры, было создание новых переводов мировых классиков. В отношении Италии замечательны три ивановских проекта: параллельное прозаическое и стихотворное переложение Комедии, переводы всех поэтических сочинений Микеланджело Буонарроти и избранных сонетов из Канцоньере Франческо Петрарки» [Шишкин].

В переводы Иванова входит сонет номер 5 (по нумерации Иванова — номер 9), посвященный работе Микеланджело над росписью Сикстинской капеллы. Представляется, что данный сонет заслуживает пристального внимания по причине уникальной оригинальной задумки Микеладжело, которую в переводе воплотить не удалось. Впрочем, Вяч. Иванов сам указывает, что «в стихах можно дать только переложение», и, комментируя другой сонет — номер 3, — отмечает: «...только не называйте его стихов “неуклюжими”»: стих М. А. максимально ловок и гибок в передаче субтильностей его мысли. Он тяжел из-за своего удельного веса» [Иванов, 1995, с. 270].

В сборнике сонетов Микеланджело данный сонет — единственный, имеющий неправильную форму: в нем при двух катренах не два, а четыре терцета. Отметим, что такая форма абсолютно не характерна для сонетов — классический итальянский сонет, изобретателем которого считается Джакомо да Лентини, поэт и нотариус XIII века, содержит 14 строк, два

четверостишия и два трехстишия. Слово *сонет* восходит к латинскому *sonare* «звучать» и связано с идеей благозвучия — «quia bene sonat auribus audientium» [Bausi, 1992, с. 54] («чтобы хорошо звучало в ушах слушателей»). Ведущий сонетолог О. И. Федотов отмечает, что сонет — «самая совершенная строфическая форма» [Федотов, 2011, с. 11], причем изменения именно структуры строф минимальны.

Микеланджело выбирает для 5 сонета неправильную форму в связи с его содержанием: сонет посвящен изменениям тела лирического героя из-за его работы в неестественной позе. Весь сонет описывает деформацию тела: зоб, горб, изменения почек и кишечника и пр. Соответственно, описание деформированного, неправильного тела резонирует с неправильной, избыточной формой самого сонета.

В рукописи сонет сопровождается карикатурным изображением живописца и его рисунка (см. рис. 1). В. Успенский отмечает: «Микеланджело иронизирует над неудобством росписи свода капеллы: работать приходилось, задрав голову вверх, из-за чего страдала осанка и портилось зрение: долгое время художник даже читать мог, только держа текст над головой. Едкая ирония стихотворения состоит в том, что подробное, изощренное описание собственной гротескной анатомии является комментарием к росписи, почти полностью состоящей из прекрасных обнаженных фигур. Себя Микеланджело также изобразил обнаженным, но искаженность его фигуры не идет ни в какое сравнение с забавным уродцем, написанным им на потолке: к собственному творению меланхоличный гений еще безжалостнее, чем к себе самому» [Успенский].

При рассмотрении рукописи видно, что деформированная фигура самого Микеланджело изогнутыми острыми углами колена и бедра «указывает» на дополнительные терцеты в сонете. В рукописи Микеланджело также видна нестандартная графика двух последних терцетов: они выровнены по правому краю листа, в отличие от остальных элементов сонета. По теории В. Успенского, сонет создан в момент отчаяния: роспись капеллы начала покрываться плесенью, и прекрасные фигуры, изображенные Микеланджело, были изуродованы. Тема «избыточности», «лишних элементов» красной нитью проходит как в тексте сонета, так и в его композиционном решении.

3.2. Переводческая стратегия Вячеслава Иванова

Переводя данный сонет, Вячеслав Иванов принимает ряд интересных переводческих решений, отчасти отражающих замысел Микеланджело. Приведем полный текст сонета Микеланджело по изданию [Michelangelo, 1960] с построчным переводом Иванова [Иванов, 1995, с. 266—267]:

Оригинальный текст

I' ho già fatto un gozzo in questo stento,
coma fa l'acqua a' gatti in Lombardia
o ver d'altro paese che si sia,
c'a forza 'l ventre appicca sotto 'l mento.

La barba al cielo, e la memoria sento
in sullo scrigno, e 'l petto fo d'arpia,
e 'l pennel sopra 'l viso tuttavia
mel fa, gocciando, un ricco pavimento.

E' lombi entrati mi son nella peccia,
e fo del cul per contrapeso groppa,
e' passi senza gli occhi muovo invano.

Dinanzi mi s'allunga la corteccia,
e per piegarsi adietro si ragroppa,
e tendomi com'arco soriano.

Però fallace e strano
surge il iudizio che la mente porta,
ché mal si tra' per cerbottana torta.

La mia pittura morta
difendi orma', Giovanni, e 'l mio onore,
non sendo in loco bon, né io pittore.

Перевод Вяч. Иванова

Зоб [наживаю], как одмоклый кот
В ломбардских лужах. Славная работка!
Передохнуть не в силах: сперлась глотка
Как если б с подбородка рос живот.

Затылок на лопатки давит. В свод,
Нависший на нос, уперлась борода.
Круглее грудь не выпатит красotka,
А с жирной кисти краска каплет в рот.

Мне кажется, в кишки втянулись почки.
Переместились равновесья точки;
Ступаю по лесам, не глядя вниз.

Натянутой охота лопнуть коже
И мышцы так на теле напряглись,
Что на согнутый лук оно похоже.

Судите же не строже,
Чем справедливо, судьи, поворот
И выгиб тел. Стрелок, не целясь, бьет.

Джованни, доброхот,
От них ты защити мой труд бескры[лый]
Я каторжник, не живописец милый.

К первому катрену присутствует примечание: «На соседнем листе находится незаконченная переработка карандашом. Ниже под буквенными обозначения приведены варианты. а Зоб нажил я, как от простуды кот б Задана работка! с [И шея свернута] d Закинут за плечи затылок. е [И круче грудь не выпатит лебедка]» [Иванов, 1995, с. 267]. В первом терцете вместо «мне кажется» также присутствует вариант «все свернуто», вместо «переместились» — «перевернулись», а вместо 11й строки — «не сознаю, бродя, где верх, где низ».

Текст собственно сонета, завершающийся на 14-й строке, оканчивается описанием деформированного тела, два дополнительных терцета представляют собой послание другу Джованни (название сонета в рукописи Иванова — «A GIOVANNI, A QUEL PROPRIO DA PISTOIA, (durante la dipintura della volta della Sistina)» // «ДЖОВАННИ ИЗ ПИСТОЙИ (во время росписи Сикстинского свода)», в котором живописец просит строго не судить его творение.

Первый катрен целиком посвящен образу зоба (“gozzo”), который Микеланджело якобы нажил во время росписи. Следует отметить, что данный

катрен глубоко проникнут духом так называемого “campanilismo” («духа родной колокольни») — характерного для итальянской языковой картины мира пренебрежительного отношения к жителям других городов [Campanilismo]. Неотчуждаемой частью итальянской культуры является представление о превосходстве родного города над другими, восходящее к периоду многочисленных войн между городами-государствами в период Возрождения. В 1425—1454 годах на территории Италии развернулись так называемые Ломбардские войны, в которых родной город Микеланджело — Флоренция — враждовал с Ломбардией. В первом катрене для описания зоба Микеланджело обращается к образу «ломбардских котов» (иносказательное название жителей Ломбардии), у которых от некачественной воды якобы растет зоб. «Во всех известных мне переводах (не только на русский) в первой строфе фигурируют злосчастные ломбардские кошки, у которых, вследствие потребления дурной воды, вырос зоб. Ветеринарные справочники в определении загадочной болезни не помогут. Дело в том, что “ломбардскими котами” именовали самих жителей Ломбардии — приблизительно так же, как у нас говорят о “русских медведях”. Многие ломбардцы в ту пору впрямь страдали от зоба — болезни щитовидной железы, вызванной недостатком йода в местных источниках» [Куллэ, 2014]. Дословно в первом катрене говорится следующее:

*У меня от этой невзгоды уже зоб,
как у ломбардских котов от воды
или это у жителей какой-то другой страны
брюхо наползает на подбородок.*
(Здесь и далее буквальный перевод наш. — Л. К., А. У.)

Как видим, Вячеслав Иванов, во-первых, прочитывает образ «кота» в прямом смысле, во-вторых, полностью элиминирует присутствующее в оригинале высмеивание жителей другого региона. Иванов долгое время проживал в Италии и, несомненно, сталкивался с проявлениями “campanilismo” в быту. В то же время перевод делается для советской аудитории, которой предлагается скорее прикоснуться к духу гения Микеланджело, чем вникнуть в его шутки над жителями другого региона. А. В. Ламзина отмечает, что принципы перевода 1920-х годов, сформулированные Н. С. Гумилевым и продолженные его соратниками по издательству «Всемирная литература», в теории подразумевали максимальное следование оригиналу вплоть до сохранения фонетики, просодики и ритмики, на практике же зачастую подвергались существенной редактуре [Ламзина, 2020, с. 235—236]. «Приглаживание» текстов, элиминирование неудобных вопросов

впоследствии стало одной из узнаваемых особенностей школы советского перевода.

Второй катрен продолжает тематику изуродованного тела, намеченную в первом. Дословный перевод звучит следующим образом:

Борода уперлась в небо, затылок
на горбу, грудь, как у гарпии,
а с кисти на лицо все это время
капает краска, образуя толстый слой.

Иванов для описания выгнутой груди обращается в беловом варианте к образу «красотки», в черновиках — «лебедки». Микеланджело же имел в виду именно гарпию, чудовище — полуженщину-полуптицу, которая изображалась на античных вазах с выпяченной грудью. Переводчик в данном случае продолжает намеченную выше стратегию «облагораживания» текста: грубая физиологичность Микеланджело, который подробно описывает телесные страдания, уравнивается у Иванова поэтическими образами, обладающими позитивными коннотациями — лебедь вместо гарпии. «Жирной» (“fisso”) в оригинале является не сама кисть, а тот слой краски, который с нее накапал на лицо художника.

Далее два терцета завершают физиологическую тематику:

*Мои почки вытянулись в кишечник,
мой зад служит противовесом,
я шагаю, не глядя, куда ступаю.*

*У меня натянута вся кожа,
она скручивается, когда я отклоняюсь назад,
и я натянута, как сирийский лук.*

Наиболее интересным в данных терцетах представляется образ «сирийского лука». Как указывает итальянский комментатор сонета [Buonagrotti, 1992, с. 71], «сирийский лук» — фразеологизм, означающий не «лук из Сирии», а «непобедимый лук», «непромахивающийся лук».

Представляется, что этот образ — ключевой для сонета Микеланджело. Несмотря на все невзгоды и проблемы, он сравнивает себя в завершении сонетной композиции с луком, который всегда попадает в цель, — то есть указывает, что роспись все равно удастся, работа будет завершена успешно. В целом, великий живописец оказался прав — роспись свода Сикстинской капеллы считается вершиной его творчества.

Далее два дополнительных терцета, адресованных Джованни, указывают на то, что судьи могут неверно интерпретировать шедевр Микеланджело и его необходимо защитить от нападков. Причем вновь используется образ оружия — сербатаны, прототипа духового ружья, трубки, из которой стреляли шариками, вставив ее в рот.

*Но ошибочным и странным
бывает суждение, которое приносит нам ум,
которому плохо от кривой сербатаны.*

«Кривая сербатана» («cerbottana torta») — это все то же деформированное и изогнутое тело несчастного живописца. Его мозг плохо снабжается кровью из-за неестественного положения тела, и он не может верно судить о своем творении. Вячеслав Иванов, судя по использованному образу «стрелок, не целясь, бьет», понял коммуникативную интенцию Микеланджело, но не нашел адекватных средств ее передачи. Тело живописца, его рабочий инструмент — это одновременно и «непобедимый лук», и «кривая сербатана», то есть гений борется в нем с тяжелыми физическими нагрузками.

Последний терцет — обращение к Джованни, который призван защитить Микеланджело:

*Мою мертвую картину
защити, Джованни, и мою честь,
я не на своем месте, я не живописец.*

Микеланджело имеет в виду, что сам себя он идентифицирует как скульптора, а не живописца и выполнять работу по росписи ему чрезвычайно тяжело. Плоская (в отличие от объемной скульптуры) живопись представляется ему мертвой — не случайно на его наброске сам живописец изображен относительно реалистично (он объемен), а его рисунок — деформированный уродливый контур, отдаленно напоминающий человека.

Иванов обращается к образу тяжелого труда, переводя слова Микеланджело как «я каторжник». Также он вводит образ неких неназванных «судей», «их», от которых необходимо защитить труд живописца — как если бы Микеланджело подвергался осуждению толпы. Однако в оригинальном тексте присутствует иной смысл: Микеланджело просит защиты от самого себя, от своего искаженного суждения. Он как бы раздваивается: изуродованное тело и непобедимый гений, «сирийский лук», не знающий промаха. Это отражает рисунок, на котором пропорциональная фигура соседствует с искаженной и деформированной.

4. Заключение = Conclusions

Следует отметить, что эксперименты с формой сонета в итальянской культуре эпохи Возрождения были связаны, главным образом, со схемой рифмовки и наличием коды [Bausi, 1993]. Микеланджело, по-видимому, первый поэт, который сознательно искажил классическую структуру, отображая тем самым деформацию физического тела и задвигание образа лирического субъекта, причем для прояснения своего замысла он обратился к иллюстрации.

Вячеслав Иванов при переводе текста сосредоточился на описании физиологических изменений, действительно составляющих основную идею произведения. В то же время он не вполне верно интерпретировал ключевые строчки двух дополнительных терцетов. У Иванова они считаны через оптику классической антитезы «поэта и толпы»: мастер создает шедевр, но боится неверного суждения судей. Микеланджело же боролся с самим собой, демонстрируя это через противопоставление двух фигур на рисунке, двух видов стрелкового оружия в тексте: прекрасного лука и кривой сербатаны.

Ключевой для концовки сонета образ стрелка Иванов интерпретирует как «стрелок, не целясь, бьет», тем самым ориентируясь на символ слепого стрелка, не способного поразить цель. Опираясь на образы стрелкового оружия, он, тем не менее, представляет авторскую интерпретацию, которая, как продемонстрировал проведенный анализ, не коррелирует с интерпретацией данного символа самим Микеланджело.

Представляется, что при сходстве жизненных обстоятельств написания текста оба творца — поэт и переводчик — проявили своеобразное визионерство. Как Микеланджело с трудом расписывал капеллу, не зная итогового результата и борясь с физическими недугами и плесенью, покрывшей роспись, так и Вячеслав Иванов работал над переводами, не зная, удастся ли цельный проект, сможет ли он перевести весь корпус произведений Микеланджело. В итоге скульптор и живописец эпохи Возрождения провидит успех своего проекта, выражая это через символ «сирийского лука» — лука, не знающего промаха. Поэт Серебряного века же создает художественный образ принципиально иного толка — безнадёжный образ «слепого стрелка», который не видит, куда стреляет, и априори не может попасть в цель, тем самым подразуменяя тщетность своих усилий.

Отдельного внимания заслуживает корреляция текста и тела в интерпретации которой нам видится одно из ключевых отличий оригинала и перевода. Если у Микеланджело текст изоморфен человеческой телесности (что в целом соответствует античному духу, реанимированному в эпоху Возрождения), то Вяч. Иванов нивелирует этот физиологизм. Мы полагаем, что данное различие связывается со спецификой художественного

миромоделирования, которое, в свою очередь, соотносится с культурным контекстом. Так, в сонете Микеланджело реализуется антропоцентризм Возрождения, в рамках которого человеческое тело наделяется высокой семиотической значимостью, в то время как перевод Вяч. Иванова генетически произведен от символистской картины мира, выхолащивающей из символа его «физическое» содержание.

С нейтрализацией физиологического компонента коррелирует и другая особенность перевода: Иванов как будто избегает национально-культурной конкретики. Тем самым он делает сонет Микеланджело более «пустотным» и семантически размытым. В терминах логики поэт-символист как будто увеличивает семантический *объем* сонета, но при этом «обедняет» его *содержание*. Эта авторская стратегия также в целом соответствует миромоделирующим символистским установкам, в рамках которых символ и шире — художественное произведение — понимались как вечные знаки, тяготеющие к архетипике, лишенной национально-культурной специфики.

Отсюда и более абстрактная топика перевода Иванова: если Микеланджело в своем сонете рисует конкретную ситуацию, обнаруживающую свои истоки в биографическом опыте, то Иванов, ведомый иными, символистскими установкам, как будто трансформирует исходный биографизм поэтического текста, интерпретируя биографическую составляющую через более общий культурный код.

Таким образом, выявленные переводческие трансформации оказываются культурно относительными и связываются со спецификой исходных моделей мира. Это приводит к своеобразному парадоксу: обычно переводчик использует систему переводческих трансформаций для того, чтобы максимально сохранить дух оригинала. В случае с переводом сонета Вяч. Иванова — строго противоположная ситуация: система обнаруженных трансформаций указывает на то, что Иванов как будто «подстраивает» текст под свою картину мира и создает не столько прямой перевод, сколько символистскую адаптацию.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Алехина Н. М.* Переводы Иннокентия Анненского из Леконта де Лиля : русское Возрождение античного мифа / Н. М. Алехина // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 378. — С. 10—16.

2. Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов / В. Е. Багно // На рубеже XIX и XX веков : Из истории международных связей русской литературы. — Ленинград : Наука, 1991. — С. 129—219.
3. Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам — переводчики Петрарки : (на примере сонета CCCXI) / Т. Венцлова // Русская литература. — 1991. — № 4. — С. 192—200.
4. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм / М. Л. Гаспаров // Поэтика перевода. — Москва : Радуга, 1988. — С. 29—62.
5. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм / М. Л. Гаспаров // Поэтика перевода. — Москва : Радуга, 1988. — С. 29—62.
6. Жаткин Д. Н. Творчество Дж. Байрона в литературно-критическом осмыслении К. И. Чуковского / Д. Н. Жаткин, С. Н. Морозова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. — 2022. — № 1 (13). — С. 18—39.
7. Забаева Э. Ю. Эдгар По и старшие символисты / Э. Ю. Забаева. — Москва : Изд-во Гос. областного ун-та, 2011. — 229 с.
8. [Иванов Вяч.] Стихотворные переложения из Микеланджело Буонаротти Вяч. Иванова / Публ. О. А. Кузнецовой и А. Б. Шишкина // Russica Romana. — 1995. — Vol. II. — С. 261—270.
9. Кашкин И. А. О методе и школе советского художественного перевода / И. А. Кашкин // Знамя. — 1954. — № 10. — С. 141—153.
10. Кихней Л. Г. Пьеса Д'Аннунцио «Франческа да Римини» в переводческой интерпретации В. Я. Брюсова и Вяч. Иванова / Л. Г. Кихней, А. А. Устиновская // Филологический класс. — 2022. — Т. 27. — № 2. — С. 88—99.
11. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. — Москва : ЭСТ, 2002. — 424 с. — ISBN 5-93386-030-1.
12. Куллэ В. И. высохшая ветвь приносит плод... / В. И. Куллэ // Новый мир. — 2014. — № 8. — С. 127—139.
13. Лавров А. В. Блок переводит прозу Гейне / А. В. Лавров, В. Л. Топоров // Литературное наследство. — Москва : Наука, 1987. — С. 658—665.
14. Ламзина А. В. Перевод Н. С. Гумилевым сонетов У. Шекспира : дешифровка биографических подтекстов / А. В. Ламзина // Вестник Тверского гос. Ун-та. Серия : Филология. — 2020. — № 3 (66). — С. 235—241.
15. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода / Ю. Д. Левин. — Ленинград : Наука, 1985. — 299 с.
16. Морозова С. Н. Русская переводческая рецепция Шекспира в XIX — начале XX века в литературно-критическом восприятии К. И. Чуковского / С. Н. Морозова, Д. Н. Жаткин // Россия в мире : проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. — Москва-Пенза : [б. и.], 2022. — С. 67—76.
17. Никольская Л. И. Поэзия Д. Г. Байрона и П. Б. Шелли в России конца XIX — начала XX века : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.05 / Л. И. Никольская. — Москва, 1992. — 44 с.
18. Островская Е. С. Французские поэты в рецепции И. Анненского. Ш. Леконт де Лиль / Е. С. Островская // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. — 2005. — № 5. — С. 22—36.
19. Парамонова Л. Ю. Французский символизм по-русски : анализ индивидуально-го стиля в переводах стихотворения “Il pleure dans mon coeur...” П. Верлена / Л. Ю. Парамонова // Филологический класс. — 2014. — № 2 (36). — С. 73—77.

20. Успенский В. Карикатура Микеланджело на самого себя [Электронный ресурс] / В. Успенский. — Режим доступа : <https://arzamas.academy/micro/caricature/6> (дата обращения 27.04.2024).
21. Устиновская А. А. Перевод как диалог традиций и культур («Анакреонтическая песенка» Н. С. Гумилева) / А. А. Устиновская // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 4. — С. 288—305. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.8722.
22. Федоров А. В. Иннокентий Анненский как переводчик лирики / // Он же. Искусство перевода и жизнь литературы : очерки. — Ленинград : Советский Писатель, 1983. — С. 188—204.
23. Федотов О. И. Сонет / О. И. Федотов. — Москва : РИТУ, 2011. — 601 с. — ISBN 978-5-7281-1172-6.
24. Шишкин А. Вячеслав Иванов и Италия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/biografiya/shishkin-ivanov-i-italiya.htm> (дата обращения 27.04.2024).
25. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1963. — 432 с.
26. Bausi F. *La metrica italiana* / F. Bausi, M. Martelli. — Firenze : Le Lettere, 1993. — 352 p.
27. Buonarroti M. *Rime* / M. Buonarroti. — Bari : Gius, Laterza & Figli, 1960. — 559 p.
28. Buonarroti M. *Rime e Lettere di Michelangelo*, a cura di Paola Mastrocola / M. Buonarroti. — Torino : UTET («Classici italiani»), 1992. — 698 p.
29. *Campanilismo* : che cosa significa e da cosa deriva questo termine? [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.immobiliare.it/news/campanilismo-che-cosa-significa-e-da-cosa-deriva-questo-termin-139127/> (accessed 27.04.2024).

Статья поступила в редакцию 02.05.2024,
одобрена после рецензирования 06.06.2024,
подготовлена к публикации 15.06.2024.

References

- Alyokhina, N. M. (2014). Translations of Innokenty Annensky from Leconte de Lisle: the Russian Renaissance of ancient myth. *Bulletin of Tomsk State University*, 378: 10—16. (In Russ.).
- Bagno, V. E. (1991). Fedor Sologub — translator of French symbolists. In: *At the turn of the XIX and XX centuries: From the history of international relations of Russian literature*. Leningrad: Nauka. 129—219. (In Russ.).
- Bausi, F. (1993). *La metrica italiana*. Firenze: Le Lettere. 352 p. (In Ital.).
- Buonarroti, M. (1960). *Rime*. Bari: Gius, Laterza & Figli. 559 p. (In Ital.).
- Buonarroti, M. (1992). *Rime e Lettere di Michelangelo*, a cura di Paola Mastrocola. Torino: UTET («Classici italiani»). 698 p. (In Ital.).
- Campanilismo*: che cosa significa e da cosa deriva questo termine? Available at: <https://www.immobiliare.it/news/campanilismo-che-cosa-significa-e-da-cosa-deriva-questo-termin-139127/> (accessed 27.04.2024). (In Ital.).
- Etkind, E. G. (1963). *Poetry and translation*. Moscow; Leningrad: Soviet writer. 432 p. (In Russ.).
- Fedorov, A. V. (1983). Innokenty Annensky as a translator of lyrics. In: *He. The art of translation and the life of literature: essays*. Leningrad: Soviet Writer. 188—204. (In Russ.).
- Fedotov, O. I. (2011). *Sonnet*. Moscow: RGGU. 601 p. ISBN 978-5-7281-1172-6. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (1988). Bryusov and literalism. In: *Poetics of translation*. Moscow: Raduga. 29—62. (In Russ.).

- Gasparov, M. L. (1988). Bryusov and literalism. In: *Poetics of translation*. Moscow: Raduga. 29—62. (In Russ.).
- [Ivanov Vyach.] Poetic arrangements from Michelangelo Buanarotti Viach. Ivanova. (1995). *Russica Romana, II*: 261—270. (In Russ.).
- Kashkin, I. A. (1954). On the method and school of Soviet literary translation. *Banner*, 10: 141—153. (In Russ.).
- Kihney, L. G., Ustinovskaya, A. A. (2022). D'Annunzio's play "Francesca da Rimini" in the translation interpretation by V. Ya. Bryusov and Viach. Ivanova. *Philological class*, 27 (2): 88—99. (In Russ.).
- Komissarov, V. N. (2002). *Modern translation studies*. Moscow: EST. 424 p. ISBN 5-93386-030-1. (In Russ.).
- Kulle, V. I. (2014). The dried branch bears fruit ... *Novy Mir*, 8: 127—139. (In Russ.).
- Lamzina, A. V. (2020). N. S. Gumilev's translation of W. Shakespeare's sonnets: deciphering biographical subtexts. *Bulletin of the Tver State University. Un-ta. Series: Philology*, 3 (66): 235—241. (In Russ.).
- Lavrov, A. V., Toporov, V. L. (1987). Blok translates Heine's prose. In: *Literary heritage*. Moscow: Nauka. 658—665. (In Russ.).
- Levin, Y. D. (1985). *Russian translators of the XIX century and the development of literary translation*. Leningrad: Nauka. 299 p. (In Russ.).
- Morozova, S. N., Zhatkin, D. N. (2022). Russian translation reception of Shakespeare in the XIX — early XX century in the literary and critical perception of K. I. Chukovsky. In: Russia in the world: problems and prospects of development of international cooperation in humanitarian and social the sphere. In: *Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference*. Moscow-Penza: [b. i.]. 67—76. (In Russ.).
- Nikolskaya, L. I. (1992). *The poetry of D. G. Byron and P. B. Shelley in Russia of the late XIX — early XX century*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 44 p. (In Russ.).
- Ostrovskaya, E. S. (2005). French poets in the reception of I. Annensky. Sh. Leconte de Lisle. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*, 5: 22—36. (In Russ.).
- Ouspensky, V. *Michelangelo's caricature of himself*. Available at: <https://arzamas.academy/micro/caricature/6> (accessed 27.04.2024). (In Russ.).
- Paramonova, L. Y. (2014). French symbolism in Russian: an analysis of individual style in translations of the poem "Il pleure dans mon coeur..." by P. Verlaine. *Philological class*, 2 (36): 73—77. (In Russ.).
- Shishkin, A. *Vyacheslav Ivanov and Italy*. Available at: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/biografiya/shishkin-ivanov-i-italiya.htm> (accessed 04/27/2024). (In Russ.).
- Ustinovskaya, A. A. (2020). Translation as a dialogue of traditions and cultures ("Anacreontic song" by N. S. Gumilev). *Problems of historical poetics*, 18 (4): 288—305. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8722. (In Russ.).
- Venclova, T. (1991). Vyacheslav Ivanov and Osip Mandelstam — Petrarch's translators: (on the example of the CCCXI sonnet). *Russian Literature*, 4: 192—200. (In Russ.).
- Zabaeva, E. Y. (2011). *Edgar Poe and the senior symbolists*. Moscow: Publishing House of the State Regional University. 229 p. (In Russ.).
- Zhatkin, D. N. (2022). Creativity of J. Byron in the literary and critical understanding of K. I. Chukovsky. *Palimpsest. Literary journal*, 1 (13): 18—39. (In Russ.).

*The article was submitted 02.05.2024;
approved after reviewing 06.06.2024;
accepted for publication 15.06.2024.*

Информация для цитирования:

Кузьмина А. А. Русский мир в якутском героическом эпосе олонхо / А. А. Кузьмина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 256—273. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-256-273.

Kuzmina, A. A. (2024). Russian World in Yakut Heroic Epic Olonkho. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 256-273. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-256-273. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русский мир в якутском героическом эпосе олонхо

Кузьмина Айталиня Ахметовна
orcid.org/0000-0001-7051-9009
Scopus AuthorID 57188965803
кандидат филологических наук,
отдел фольклористики
и литературоведения
aitasakha@mail.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Выражаю благодарность ЦКП ФИЦ
ЯНЦ
СО РАН за возможность проведения
исследований на научном оборудовании
Центра по гранту № 13.ЦКП.21.0016

Russian World in Yakut Heroic Epic Olonkho

Kuzmina Aitalina Akhmetovna
orcid.org/0000-0001-7051-9009
Scopus AuthorID 57188965803
PhD in Philology,
Department of Folkloristics
and Literary Studies
aitasakha@mail.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies
of the North
of the Siberian branch
of the Russian
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

I would like to express my gratitude
to the Center for Collective Use
of Scientific Equipment at the Yakutian
Scientific Center of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
for the opportunity to conduct research
on the scientific equipment of the Center
under grant № 13.CKP.21.0016.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена оценке влияния русской культуры на якутский эпос. Анализируется появление и эволюция образа русского в олонхо. В качестве материала исследования привлечены тексты олонхо разных локальных традиций и времени записи. Используется подход исторической поэтики, показывающий эволюцию, изменение образа русского в текстах якутского эпоса, учитывающий территориальные и временные различия текстов, индивидуальные особенности сказителей. Определено, что семантика данного образа трансформируется от «чужого» к «своему». Выявлено, что образ русского в текстах якутского героического эпоса встречается сначала в эпических формулах, сравнениях, эпитетах, русскость манифестирует чуждость, чуждость. Затем русский человек становится персонажем, участвующим в сюжете олонхо. Наблюдается переход от «чужого» к «иному», «другому»: промежуточные зоны (место соприкосновения неба и земли, лес, горы) стали уподобляться вещам, принадлежащим русским. Когда русская материальная культура сблизилась с жизнью и бытом якутов, предметы, перенятые от русских, стали уподобляться частям тела главного героя олонхо (богатыря), что наглядно показывает включение образа русского в категорию «своих». В олонхо упоминаются и некоторые реалии православного христианства. Из русских сказок и мифов переняты образы Бабы Яги, Змея Горыныча, лешего, мотив выбора пути. Встречаются русские имена, названия российских городов и местностей и др.

Ключевые слова:

якутский героический эпос олонхо; образ русского; влияние русской культуры; эпические формулы; персонаж фольклора.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article evaluates the impact of Russian culture on the Yakut epic, Olonkho. The emergence and evolution of the Russian character in Olonkho are analyzed. Texts from various local traditions and time periods of Olonkho serve as the research material. The study employs a historical poetics approach, showcasing the evolution and changes in the portrayal of the Russian character in Yakut epic texts, considering the territorial and temporal differences in the texts and the individual characteristics of storytellers. It is determined that the semantics of this character transform from “foreign” to “native”. The Russian character in Yakut heroic epic texts initially appears through epic formulas, comparisons, and epithets, manifesting foreignness and alienation. Subsequently, the Russian individual becomes a character participating in the Olonkho plot. A transition from “foreign” to “different,” “other” is observed: intermediary zones (the meeting place of heaven and earth, forests, mountains) start resembling objects belonging to Russians. When Russian material culture aligned with the life and customs of the Yakuts, objects adopted from Russians began resembling parts of the main hero’s (bogatyr) body, vividly demonstrating the incorporation of the Russian character into the category of “ours.” References to certain realities of Orthodox Christianity are also made in Olonkho. Images of Baba Yaga, Zmey Gorynych, the forest spirit, motifs of path selection are borrowed from Russian fairy tales and myths. Russian names, names of Russian cities and places, among others, are mentioned.

Key words:

Yakut heroic epic Olonkho; Russian character; influence of Russian culture; epic formulas; folklore character.

Русский мир в якутском героическом эпосе олонхо

© Кузьмина А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Якутский героический эпос по стадияльной типологии относится к ранним типам тюрко-монгольского эпоса [Мелетинский, 1963]. В мифопоэтической модели олонхо оппозиция «свой — чужой» реализуется через противостояние людей и хтонических существ. Исторические события, ландшафт, климатические условия, этнический состав Якутии, на первый взгляд, практически не отражаются в эпическом повествовании якутов. Тем не менее при детальном рассмотрении текстов можно обнаружить некоторое влияние русской культуры, появление и эволюцию образа русского.

Образ русских в фольклоре народов Сибири изучался В. И. Кузьминых [Кузьминых], Т. А. Головановой [Голованева, 2014], О. И. Чариной [Чарина, 2018]. Проникновение в язык олонхо русизмов было исследовано П. А. Слепцовым [Слепцов, 1964], Е. Н. Афанасьевой [Афанасьева, 2012], Л. М. Готовцевой [Готовцева, 2019], Ю. П. Борисовым [Борисов, 2021], С. Д. Львовой [Львова, 2021]. Изучение влияния культуры других этносов в олонхо было начато И. В. Пуховым, который детально проанализировал образ тунгусского богатыря [Пухов, 1962]. Проблема передачи этнического кода в олонхо рассмотрена в трудах Г. У. Эргиса [Эргис, 2008], С. С. Макарова [Макаров, 2022], А. А. Кузьминой [Кузьмина, 2014], О. К. Павловой [Павлова, 2015].

Актуальность исследования связана с необходимостью проведения системного анализа поэтики и эволюции образа русского, влияния русской культуры в якутском эпосе. В якутском эпосоведении образы и персонажи олонхо до настоящего времени изучались в статичном состоянии, без учета локальных традиций, эволюции и трансформации. В данной статье мы намерены показать, что образ меняется, развивается, и это связано с изменениями в сознании самих сказителей, с трансформацией устной традиции. Наблюдаются различия в локальных (региональных) традициях олонхо, что тоже должно учитываться при анализе той или иной проблемы в поэтике эпоса.

Цель статьи — изучить поэтику и эволюцию образа русского в олонхо, выявить влияние русской культуры на якутский эпос. Новизна работы состоит в том, что впервые проводится исследование образа русского в олонхо.

хо с точки зрения поэтико-стилевых средств, системы персонажей, сюжетной роли, изменений семантики данного образа, в текстах якутского эпоса выявляется влияние православного христианства, русских сказок, мифов, имен, названий городов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования охватывает все локальные (региональные) традиции якутского героического эпоса (центральную, виллойскую, северную). Ценными источниками выступают ранние записи олонхо из серии «Образцы народной литературы якутов» Э. К. Пекарского, материалы виллойских экспедиций 1938 и 1960 годов и тексты олонхо поздних сказителей. Для поиска образа русского были рассмотрены и поздние книжные олонхо, однако современные авторы, утерявшие связь с устной традицией и неуверенные в своей «правоте», в целях соблюдения аутентичности не включают данный образ в свои тексты.

Используется подход, актуальный в рамках исторической поэтики, показывающий эволюцию, изменение образа русского в текстах якутского эпоса, учитывающий территориальные и временные различия текстов, индивидуальные особенности сказителей.

Для определения картины мира, составляющей основу мифопоэтической модели мира в якутском героическом эпосе, мы применили положения Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 1976], Л. Л. Габышевой [Габышева, 2003] об оппозиции «свой — чужой». Методологическую ценность представляет концепция В. Я. Проппа, опирающаяся на структурный анализ текста, согласно которой действующие лица в сказке выполняют определенные функции [Пропп, 1928], что также применимо в олонхо.

Определяющее значение имеют труды по эпосоведению И. В. Пухова [Пухов, 1962], Г. У. Эргиса [Эргис, 2008] об образах олонхо. Описание элементов пространственной организации якутского эпоса проведено с опорой на исследование Л. Н. Семеновой [Семенова, 2000]. Интересным представляется анализ функционирования этнонимов в текстах олонхо с привлечением солидного материала опубликованных и архивных записей, проведенный С. С. Макаровым [Макаров, 2022].

В качестве методов исследования использованы системный анализ поэтики олонхо, структурно-семантический анализ, метод сплошной выборки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ русского в эпических формулах: от «чужого» к «своему»

В эпических формулах олонхо отразились представления о русских, с которыми якуты знакомы с XVII века. Эти представления не были ста-

тичными, они менялись, развивались. В текстах якутского эпоса наглядно показана эволюция поэтики образа русского, который вначале относится к миру «чужих», а затем, по мере установления тесных контактов, обогащения культурными благами, становится «своим».

Антагонистами главного героя из людского племени айыы аймага являются чудовища-абаасы, представители Нижнего мира. При описании уродливой внешности богатыря-абаасы, в особенности его зубов и глаз, используют опорные слова *нуучча киһи* (русский человек) в составе сравнений. Так, зубы уподоблены различным инструментам, орудиям, принадлежащим русским: *саастык* (режущее орудие при делении стога сена на части, заступ) [ТСБ, с. 58], *лаппаахы* (лопата) [Там же, с. 124], *суоха* (соха) [Там же, с. 155—156], *саадах* (колчан со стрелами) [ХНЬ, с. 13]. В олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева говорится: «*Нуучча киһи саастыгын / Тизэри-маары туппут курдук / Күөх эрбийэ хара тиистээх*» [ТСБ, с. 79] (*Имеет зеленые заостренные зубы, / Словно неаккуратно положенные / Заступы русского человека* (здесь и далее перевод наш. — А. К.)).

Как отмечает С. Ю. Неклюдов, для демонов характерна асимметрия частей тела [Неклюдов]. Богатыри и женщины Нижнего мира обычно одноглазы и одноруки. Единственный глаз иногда сравнивают с русским блюдцем [ДБ, с. 69] или окном: *Сүүһүн ортотугар / Нуучча киһи таас түннүгүн / Тизэрэ баттаабыт курдук / Буус турайбан харахтаах* [ТСБ, с. 161—162] (*Имеет ледяной глаз / Посреди лба, / Как будто перевернули / Стеклоанное окно русского человека*).

Кроме того, предсмертный танец девы-абаасы сравнивают с танцами русских девушек в сарафанах. Так, в олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева герой-богатырь на своем пути встречает деву-абаасы в облике красивой женщины, которая предлагает ему насладиться в ее компании, но богатырь ударяет ее, она превращается в четырех танцующих русских девушек в сарафанах и умирает: *Түөрт сарапааннаах / Түөрт нуучча кыыһа / Буолан үнкүүлээн / Эйэннээн турбуттара* [ЭМ, с. 79] (*Четыре русские девушки / в четырех сарафанах / Начали танцевать, / Качаясь из стороны в сторону*).

Богатырь-абаасы появляется на фоне разбушевавшейся природы. В олонхо «Ньургун Бөбө» Н. А. Абрамова-Кынат облака сравниваются с русской девушкой в сарафане: *Сарапааннаах нуучча кыыһын курдук / Сар дугуй былыттар (Как русская девушка в сарафане, / облака, не сливающиеся с другими в целое)* [НЬБ, с. 135]. Сарафан в олонхо выступает как маркер, знак русскости. Здесь и в других эпических текстах русскую девушку всегда изображают в этом национальном одеянии.

Таким образом, в текстах якутского эпоса отразились те первые впечатления, которые сложились в период вхождения Якутии в состав Мо-

сковского государства (затем Российской империи) в начале XVII века. Естественно, что ранее незнакомый этнос воспринимался якутами как чуждый, иной. Образ чужого был очень близок к мифопоэтическому представлению об абаасы, которые относятся к чужому миру.

Затем, по мере знакомства с русской культурой и установления тесных контактов с русскими, первоначальная чуждость постепенно начинает сменяться на категорию «иноного», «другого». В пространственной организации олонхо, помимо Верхнего, Среднего и Нижнего миров, имеются промежуточные зоны: окраины, леса, горы, место соприкосновения трех миров между небом и землей (*сир-халлаан ыпсыыта*), которые являются «репликой той или иной зоны эпического пространства» [Семенова, 2000, с. 142—143]. При описании этих зон используют условный этнический код. Например, тунгусский богатырь чаще всего ездит по лесу. Место соприкосновения неба и земли уподоблено вещи, принадлежащей русскому: *Нуучча киһи хомуһуолун тимэбин курдук / Сир-халлаан аалыһар, / Сир-халлаан ыпсалба таас хайатыгар* [КД, с. 137] (Словно *пуговица камзола русского человека*, / На каменной горе, соединяющей землю и небо, / Где соприкасаются земля и небо).

Сравнение деревьев и кустарников с «русскими девушками в сарафанах» [КД, с. 79; ДБ, с. 101; МБ, с. 61—62; ГО, с. 226; ХНь, с. 19] и «казаками, идущими гурьбой» [МБ, с. 26] встречается во многих текстах олонхо. Кроме того, шум леса, деревьев, возникающий от быстрой езды богатыря на коне, уподобляется русской речи [АХ, с. 30—31; ДБ, с. 101; ХНь, с. 19; ГО, с. 239; КХ, с. 36].

В эпических формулах встречаются сравнения, где показаны необычные предметы, вещи, перенятые от русских: *Нуучча киһи танас сууйар хоруудатын курдук, / Ньолбоччох буолар эбит* (Словно *корыто русского человека для стирки белья*, / Был овальной формы) [АХо, с. 16].

Затем, по мере частого применения вещей, перенятых от русских, эти предметы стали уподобляться частям тела богатыря, то есть стали максимально приближаться к «своему» миру главного героя. При этом такие сравнения даются, когда богатырь находится в некотором измененном состоянии. Так, в олонхо «Богатырь Тойон Нюргун» Н. Ф. Попова, когда богатырь перевоплотился в птицу, его глаза стали похожи на красные чашки русского купца: *Атыһыт нуучча / Кыһыл чааскытын / Умса тунпунт курдук / [Икки эрилкэй] харахтанна* [ТНь, с. 62] (Глаза стали круглыми, / Как положенные верх дном / Красные чашки / *Русского купца*). В поздних текстах олонхо в речи положительных персонажей встречаются современные, заимствованные от русских слова приветствия: *Алакалыыр Маарайдаан / Тойонуктуур эһэм, / Нууччалыыннан дыраастый, / Сахалыыннан до-*

рообо! (Марайдан, кричащий «алака», / Господин-дед, / По-русски «здравствуй», / По-якутски «дорообо!») [ККБ, с. 90—91].

С. С. Макаров выявил в эпических текстах якутов этнонимы *сах* (якут), *тонус* (тунгус), *нуучча* (русский), которые в составе параллелизмов образуют «устойчивую “триаду”, описывающую в фольклорном контексте, по существу, само понятие “человеческий род”...» [Макаров, 2022, с. 377]. Счастливая концовка олонхо передается описанием пира множества народов и племен, которые символизируют собой всё человечество [КД, с. 276]. Эпическая формула времени характеризуется эпохой до появления народов и большого количества людей [ГО, с. 228].

3.2. Русский как персонаж олонхо

Богатыри в олонхо считаются представителями племени *айыы аймаҕа* (родственники божеств айыы), их противниками являются чудовища-абасы, хтонические существа. Все они не обладают этнической маркировкой и самосознанием в отличие от эпосов других народов, так как эпическому фольклору якутов свойственно архаическое мифологическое начало. Только в конце повествования олонхо говорится, что герои становятся родоначальниками *ураанхай-сах* (якутов).

Как отмечалось выше, в эпических формулах олонхо даются названия этносов: *сах* (якут), *тонус* (тунгус), *нуучча* (русский). Если образ тунгусского богатыря ярко представлен в персонажной системе якутского эпоса, то образ русского богатыря Аан Дуурай встречается только в олонхо нюрбинского сказителя Г. В. Дуякова «Богатырка Кыыс Джуурая». Считаем, что это является нововведением олонхосута, когда эпическая формула стала основой для появления нового персонажа олонхо. Однако этот персонаж вначале не имеет никакой этнической идентификации, только в заключительной части олонхо он женится на сестре главного героя и становится родоначальником русского народа, то есть этничность присваивается только после всех богатырских подвигов:

<i>Ньуучча омук төрдө буолан,</i>	<i>Я буду жить,</i>
<i>Олохсуйан киһи буолуом,</i>	<i>Став родоначальником русского народа,</i>
<i>Эн саха омук төрдө буолан,</i>	<i>Ты, став родоначальником якутского на-</i>
<i>Орто дойдуга уһун дьоллоох</i>	<i>рода,</i>
<i>Олобу олороор</i> [КД, с. 247].	<i>Живи в Среднем мире долго и счастливо.</i>

В эпической формуле имени богатыря Аан Дуурай указано: *Кинкиниир киэн халлаан күүстээбэ, Алдьархайдаах аартыктаах (Силач из раскати-стого широкого неба, Имеющий страшный путь)* [Там же, с. 132—133]. Ни о какой принадлежности к какой-либо национальности не упоминает-

ся. Он, поборовшись с богатыркой Кыыс Джуурая, оказывается в заточении, где проводит 20 лет. В олонхо иногда встречаются образы богатырей, заключенных в тюрьму. Аан Дуурай помогает главному герою, указывая ему путь в чудесное место, где богатыри перерождаются. Затем Верховное божество Юрюнг Айыы Тойон освобождает его по просьбе богатыря Ого Дуксуура [Там же, с. 236—247]. Богатырская дружба перерастает в родственные связи, когда Аан Дуурай по указанию божеств женится на сестре Ого Дуксуура. А родной брат Ого Дуксуура Кюн Эрили становится родоначальником тунгусского народа, представители которого ездят на оленях [Там же, с. 251], то есть этнически не маркированные богатыри-братья, имеющие двух общих родителей, в конце повествования уже являются представителями разных народов. Образ тунгусского богатыря неоднозначный: в текстах олонхо этот персонаж обычно похищает невесту или жену богатыря-героя, вредит ему, однако конфликт заканчивается заключением мира или, по крайней мере, не убийством тунгусского богатыря.

Олонхосут Г. В. Дуяков родился и жил в Хорулинском наслеге Нюрбинского района Якутии, не имел образования, однако в 1954 году побывал в Москве на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) [Там же, с. 9]. Мы предполагаем, что сюжет олонхо «Богатырка Кыыс Джуурая» был перенят от олонхо «Кыыс Джуурая Куо» мегино-кангаласского сказителя Василия Манчаары, который отбывал ссылку в Нюрбинском улусе и был знаком с дедом Г. В. Дуякова. Василий Манчаары (1805—1870) известен не только как национальный герой якутского народа, защитник угнетенных и бедных, но и как народный певец и олонхосут. Вдали от родины он долгое время находился в тюрьме, тесно контактировал с людьми разных национальностей, в том числе с русскими. Видимо, дружба с людьми разных национальностей повлияла на его эпосотворчество, что привело к появлению образа родоначальника русского народа, богатыря в заточении, помощника героя.

3.3. Влияние русской культуры на якутский героический эпос

Православное христианство. В якутском героическом эпосе отразились мифологические представления и традиционные верования народа саха. Кроме того, можно обнаружить и некоторое влияние православного христианства, смешение его понятий с эпическими образами. Многие якутские сказители, у которых записали олонхо, были крещеными, исключения составляют лишь те, кто родился и вырос в советское время.

Включение Якутии в состав Российской империи сопровождалось распространением православного христианства. Массовое крещение якутов началось в XVIII веке, а в начале XIX века этот процесс был успешно завершен, чему способствовали налоговые льготы, активная миссионерская

деятельность духовенства [История..., 2021, с. 65]. Исследователи отмечают, что все же христианизация имела поверхностный характер и не внесла существенных изменений в традиционные устои жизни и мировоззрение коренных народов Якутии [История..., 2020, с. 468]. Представители духовного сословия, стараясь распространить свою религию, занимались переводами Библии на якутский язык, составляли алфавит и грамматику, открывали школы, что положило начало книжной культуре якутов, просвещению бесписьменного, неграмотного местного населения [Чивиков, 2015, с. 61; Юрганова, 2021, с. 426].

Пространственная организация олонхо состоит из мифопоэтической модели трехчастного мира. Верхний мир, где обитают в основном боже-ства айыы, иногда называется *арай*, *ырай* (*рай*), *арай саассымата* (*цар-ство рая*): *Үс күн туналҕана туналҕаннаах, / Үс күн сырдыга сырдыктаах / Арай аана аһыллыбыта* [КДь, с. 239] (*Открылась дверь рая, / Сияющего блеском трех солнц, / Имеющего свет трех солнц*). В этом раю богатырь-птица заново рождается, становится человеком и получает новое имя.

В олонхо иногда называют богатыря Нижнего мира богатырем ада: *Яишу богатыря ада абаасы Тимир Уорана и точно знаю, что ты спрятала его* [Емельянов, 1980, с. 88]. В олонхо Г. В. Дуякова «Богатырка Кыыс Джуурая» слово *ад* встречается в названии моря *Аат муора* (*Адово море*) [КДь, с. 112]. В эпических текстах часто представлено огненное море Уот Кудулу Байгал. Видимо, огненная стихия, характерная для христианской преисподней, в которой жарят и мучают души грешников, имеет сходство с огненным морем, где сгорают потерпевшие поражение. В олонхо «Богатырь Дуо» М. Т. Шар-борина шаманку-покровительницу кузнецов, обитающих в подземелье, на-зывают *Аат Биис Хотун* (букв. Госпожа Племена Ада) [ТТДБ, с. 626].

В текстах олонхо имеются также следующие слова, относящиеся к христианству: *дууһа* — душа, *торуой миссийэ* — вторая миссия [КДь], *ырыыса* — ряса, *лампаада* — лампада, *сибэтиэй* — святой, *аанньал* — ан-гел, *содуом* — содом, *бэстилиэнэй тыһыынча* — последнее тысячелетие, *симиэрт кыһа* — дочь смерти [Афанасьева, 2012, с. 189].

В повседневной жизни в юртах якутов имелись иконы, изображения святых, о которых упоминается в олонхо Б. А. Алексеева «Эрбэхтэй Мэр-гэн»: *Аттаах киһи саҕа / Аанньал тангаралаах, / Турар киһи саҕа / Ньу-куола тангаралаах, / Олорор киһи саҕа / Онуостал тангаралаах* [ЭМ, с. 15] (*Имеющий облик бога в виде ангела / с размером всадника, / Имеющий ико-ну св. Николая / с размером стоящего человека, / Имеющий икону апосто-ла / с размером сидящего человека*).

Из всех православных праздников самым значимым до сих пор явля-ется Николин день (*Ньукуолун күнэ*) — день начала лета. После долгой и

суровой зимы якуты радостно отмечали этот праздник, готовили олады, утиный суп, проводили обряд окропления земли кумысом, благодарили духов и божеств. После этого дня можно было переехать в летник (*сайылык*). Как видно, православный праздник обрел совсем другой смысл. Тем не менее икона Николая Чудотворца, как следует из текста олонхо, была популярна среди местного населения.

В олонхо «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева отца девушки Тэмэликээн Куо зовут старик *Архаанньал Тойон* (букв. Архангел Господин), а мать — старуха *Айыына Хотун* (букв. Божество Айыы Госпожа), таким образом, имена родителей этой девушки объединяют в себе представления о христианской религии и традиционные якутские верования [МЭС, с. 200—201]. Это говорит о том, что христианские понятия органично вошли в мифологическое полотно якутского эпоса, дополнив уже имеющиеся традиционные образы.

Сказки и мифы. Материалы по якутскому фольклору показывают, что русские сказки и славянская мифология повлияли на устную традицию местного населения [Дьяконова, 1990]. В некоторых текстах олонхо обнаруживается заимствованное слово *Дьэгэ Бааба* (Баба Яга), которое обозначало женщину-абаасы из Нижнего мира. Например, в олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» старуха Джэгэ Бааба была матерью шаманки-абаасы [Оросина, 2014, с. 162]. Кроме того, Джэгэ Бааба становится активным персонажем якутского эпоса. В олонхо «Богатырка Кыыс Джуурая» Джэгэ Бааба является шаманкой абаасы и крадет девушку, что, видимо, обусловлено влиянием русских сказок.

Народная демонология русских также повлияла на появление некоторых обозначений представителей Нижнего мира. В олонхо северных якутов, помимо слова *абааньы* (чудовище), употребляют заимствование *сөдүөкэ* (суседка, то есть дух, обитающий в доме человека и вредящий хозяйству и людям) [ХИ, с. 98]. В мифологической прозе якутов из центральной и виллюйской группы районов тоже имеется образ *чөчүөккэ* (суседка), обитающего в доме в виде маленького ребенка с рыжими волосами, которого могут видеть только дети. Таким образом, «суседка» имеет два довольно разных обозначения при перенятии их разными локальными группами якутов.

Леший, дух-хозяин леса в мифологии восточных славян, также упоминается в текстах олонхо; у заимствования сформировалась негативная семантика, оно выступает обозначением представителя демонского мира абаасы: *Лиэһэй улуунун / Хаар курдук хаампыт, / Сиик курдук сизэлбитэ* [КК, с. 209] (*Как по снегу прошелся по улусу леших, / Как по росе пробежал*) [Там же, с. 210].

Личность сказителя, его происхождение, контакты с русской культурой играли определяющую роль в появлении многих заимствованных слов, фольклорных образов. Олонхосут Б. А. Алексеев из Югюлятского наслега Вилуйского района, земляк известного этнографа и сына русского священника А. А. Попова, хотя и считался якутом, судя по фотографии (рис. 1), был метисом, потомком якутско-русского брака. В Вилуйском районе, где долгое время находился Вилуйский отряд Якутского казачьего полка, русские казаки ассимилировались с якутами. Несомненно, этот процесс сопровождался культурным обменом.

Рис. 1. Олонхосут Б. А. Алексеев

В якутском эпосе имеется образ дракона Луо, который в основном упоминается лишь в эпических формулах и является представителем водной стихии. А в олонхо Б. А. Алексеева «Эрбэштэй Мэргэн» активно действует огнедышащий дракон, испепеляющий мир. Этот дракон похож на Змея Горыныча из русского фольклора. Вероятно, этот персонаж, веденный в олонхо Б. А. Алексеевым, появился под влиянием русских сказок.

Похожий образ — богатырь Миндебэтэр, имеющий железные крылья и огненный хвост, — встречается в олонхо «Киндэли Хатыас» Н. Д. Прокопьева из Олекминского района, в котором проживали и тесно контактировали люди разных национальностей (якуты, русские, эвенки, татары и т. д.) [КХ].

В олонхо «Богатырь Дуо» М. Т. Шараборина из Олекминского района описан мотив выбора пути, больше характерный для русского фольклора: герой оказывается на месте, где дорога разветвляется на три направления,

которые ведут в Верхний, Средний и Нижний миры [ТТДБ, с. 163—165]. Обычно в якутском эпосе пространственная организация имеет ясную структуру, богатырь четко знает, куда он едет.

Ономастика. В якутском эпосе используются имена персонажей, характерные только для этого жанра фольклора. Тем не менее можно обнаружить некоторые изменения в антропонимах, появившиеся под влиянием христианских имен. В олонхо «Богатырь Тойон Нюргун» Н. Ф. Попова выделяется образ чудесного табунщика *Кюлюк Сюедэр* (букв. *Теневой Федор*), под видом которого скрывается божество по имени Татык Бэргэн, покровительствующее людям. Как считает Н. В. Емельянов, «его миссия заключается в том, чтобы соединить могучие натуры Тойон Нюргуна и Кыыс Мюлгюн друг с другом. Татык Бэргэн появляется скрытно, без зова, и покровительствует тайно, незаметно» [Емельянов, 2000, с. 120]. В олонхо «Кыыс Джуурая» Г. В. Дуякова упомянуты имена ключников *Кулук Сүөдэр кулуунунньуктэр*, что, видимо, появилось ради созвучия (*кул–кул*). В драме якутского писателя А. И. Софронова-Алампа «Таптал» («Любовь») персонаж, воплощающий роль резонера, назван также Кюлюк Сюедэр. Это дает возможность предположить, что имя эпического персонажа в дальнейшем повлияло на появление имени литературного героя.

Образ кузнеца *Кудай* (*Кыдай*) *Бахсы* в вилюйской эпической традиции называется *Кытай Махсыын*, что похоже на «объявленное» *Китаец Максим*. Несмотря на имеющееся в устной общек якутской традиции имя этого персонажа, олонхосуты-вилюйчане предпочли употреблять более русифицированное имя данного мифологического образа.

В эпической формуле времени упоминаются названия российских городов, которые не участвуют в пространственной организации сюжета эпоса: *Биэрибэй маннай / Дьирбиик куорат / Тэриллэ илигинэ эбит, / Баабырыкы малыччы суобуна, / Арасыйыа куорат / Ахтылла илигинэ, Боскуоба куорат / Бөлчүллэ илигинэ, / Бөтүргүүр куорат / Бүдүлүнэ илигинэ, / Уркуускай куорат / Оҕоһулла илигинэ, / Дьокуускай куорат / Долюой суобуна...* (*В первую очередь до того, как был образован город Ирбит, когда вообще не было фабрик, когда еще не вспоминали о городе Россия, до того, как был установлен город Москва, до того, как был образован город Петербург, до того, как построен город Иркутск, когда еще не было города Якутска...*) [ТСБ, с. 32—33].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в якутском эпосе, основанном на мифологических представлениях, где мир делится на айыы (божественный), племя айыы аймага (букв. родственники божеств, людское племя) и абаасы (демон-

ский), все же наблюдается определенная эволюция, которая состоит во включении в олонхо названий народов, с которыми якуты имеют тесные контакты. Первоначальная семантика других этносов, в том числе русских, в олонхо преодолевается и становится ближе к понятию «своего».

Образ русского в текстах якутского героического эпоса встречается в эпических формулах, сравнениях, эпитетах, русскость манифестирует чуждость, чуждость; затем русский становится персонажем, участвующим в сюжете олонхо. Опорные слова *нуучча киһи* (русский человек) используются при описании внешности богатыря-абаасы, предсмертного танца девы-абаасы, то есть здесь образ русского представлен как чужой. Затем наблюдается переход от «чужого» к «иному», «другому»: промежуточные зоны (место соприкосновения неба и земли, лес, горы) стали уподобляться вещам, принадлежащим русским; показаны необычные вещи, перенятые от русских. Когда материальная культура вплотную вошла в жизнь и быт якутов, предметы, перенятые от русских, стали уподобляться частям тела главного героя, что наглядно показывает включение образа русского в категорию «своих». Объединение упоминаний многих народов и племен в одну эпическую формулу в составе параллелизмов стало означать весь человеческий род.

Интересным представляется олонхо «Богатырка Кыыс Джуурая» Г. В. Дуякова, где эпическая формула триады якутского, тунгусского и русского народов способствовала появлению персонажей олонхо, которые в конце повествования становятся родоначальниками этих этносов. Выявили образ богатыря Аан Дуурая в данном олонхо, который выступает как родоначальник русского народа, друг, помощник и зять главного героя. Предполагаем, что этот сюжет олонхо был перенят дедом Г. В. Дуякова от Василия Манчаары, который тесно контактировал с русскими, то есть личность сказителя играла решающую роль в создании некоторых нововведений не только в поэтическом языке, но и в системе персонажей, сюжете эпоса.

В олонхо можно выявить определенное влияние русской культуры. В эпических текстах обнаруживаются некоторые понятия и реалии православного христианства, их смешение с эпическими образами. Из русских сказок и мифов переняты образы Бабы Яги, Змея Горыныча, лешего, соседки, мотив выбора пути. Встречаются русские имена, русифицированные эпические имена и названия российских городов и местностей.

Влияние русского мира на каноническую структуру эпического текста якутов несомненно. Тема исследования интересна и требует продолжения углубленного, комплексного изучения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АХ — *Дьяконов Н. М.* Ала Хотоҕой / Н. М. Дьяконов. — Якутск : Компания «Дани Алмас», 2010. — 152 с. (На якутском языке).
2. АХо — *Белых М. И.* Ала Хотоҕой / М. И. Белых. — Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2010. — 234 с.
3. МБ — *Николаев И. А.* Бүдүрүбэт сүһүөхтээх Мүлдү Бөҥө : олонхо / И. А. Николаев. — Якутск : Бичик, 2012. — 253 с. — ISBN 978-5-7696-3489-5. (На якутском языке).
4. ГО — *Горнай* олонхолоро. — Якутск : Бичик, 2010. — 302 с. — ISBN 978-5-7696-3359-1. (На якутском языке)
5. ДБ — *Нохсоров У. Г.* Дырай Бэргэн : олонхо / У. Г. Нохсоров. — Якутск : Бичик, 2009. — 333 с. — ISBN 978-5-7696-3147-4. (На якутском языке).
6. КД — *Кыыс Дэбиллэйэ* : Якутский героический эпос. — Новосибирск : ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1993. — 330 с. (На якутском и русском языках).
7. КДь — *Дуяков Г. В.* Кыыс Дьуурайа бухатыыр : олонхо / Г. В. Дуяков. — Якутск : Бичик, 2011. — 284 с. — ISBN 978-5-7696-3458-1. (На якутском языке).
8. ККБ — *Горохов М. Н.* Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр : олонхо / М. Н. Горохов. — Якутск : Бичик, 2016. — 208 с. — ISBN 978-5-7696-4964-6. (На якутском языке).
9. КХ — *Прокопьев Н. Д.* Киндэли Хатыас : олонхо / Н. Д. Прокопьев. — Якутск : Алаас, 2021. — 198 с. (На якутском языке).
10. КК — *Тимофеев-Теплоухов И. Г.* Куруубай хааннаах Кулун Куллуустуур = Строптивый Кулун Куллуустуур : якутское олонхо / И. Г. Тимофеев-Теплоухов. — Москва : Наука, ред. вост. лит., 1985. — 605 с. (На якутском и русском языках).
11. МЭС — *Якутский* героический эпос. Могучий Эр Соготох. — Новосибирск : Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1996. — 440 с. (На якутском и русском языках).
12. НБ — *Абрамов Н. А.* Кынат. Ньургун Бөҥө : олонхо / Н. А. Абрамов. — Якутск : Бичик, 2011. — 509 с. — ISBN 978-5-7696-3466-6. (На якутском языке).
13. ТНь — *Попов Н. Ф.* Тойон Ньургун бухатыыр / Н. Ф. Попов. — 2-е изд. — Якутск : Алаас, 2015. — 192 с. (На якутском языке).
14. ТСБ — *Каратаев С. Н.* Тон Саар бухатыы р : Олонхо / С. Н. Каратаев. — Якутск : Бичик, 2004. — 237 с. (На якутском языке).
15. ТТДБ — *Шараборин-Кумаарап М. Т.* Куллуйа Куллуустуур ; Турбутунан төрөөбүт Дуо бухатыыр : олонхолор / М. Т. Шараборин-Кумаарап. — Якутск : Алаас, 2020. — 720 с. (На якутском языке).
16. ХИ — *Томская Д. А.* Хаан Илбистээн бухатыыр. Көмүс Мөкүлүкээн оҕонньор, Элгээн Иэйэхсит эмээхсин : олонхолор / Д. А. Томская. — Якутск : Алаас, 2016. — 128 с.
17. ХНь — *Кривошапкин А. Н.* Хара дьоруо аттаах Хара Ньургун бухатыыр : [олонхо] / А. Н. Кривошапкин. — Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2011. — 100 с. (На якутском языке).
18. ЭМ — *Алексеев Б. А.* Олонхоһут Барыыс. Эрбэхтэй Мэргэн : олонхо / Б. А. Алексеев-Олонхоһут Барыыс. — Якутск : Бичик, 2017. — 152 с. — ISBN 978-5-7696-4914-1. (На якутском языке).

Литература

1. *Афанасьева Е. Н.* Русские лексические заимствования в якутском эпосе-олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллуустуур» / Е. Н. Афанасьева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — Т. 7. — № 2. — С. 183—193.

2. *Борисов Ю. П.* Русизмы в раннем тексте олонхо «Ала Булкун бухатыыр»: семантические и функциональные аспекты / Ю. П. Борисов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведени. — 2021. — № 3. — С. 76—87. — DOI: 10.25587/a9483-0635-6591-m.
3. *Габышева Л. Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира / Л. Л. Габышева. — Москва : РГГУ, 2003. — 188 с.
4. *Голованева Т. А.* Изображение русских в корякских исторических преданиях и автобиографических рассказах / Т. А. Голованева, А. Г. Игумнов // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2014. — № 10. — С. 114—122.
5. *Готовцева Л. Н.* Русские лексические заимствования в номинации одежды героев эпоса олонхо / Л. Н. Готовцева // Филология : научные исследования. — 2019. — № 2. — С. 207—214. — DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29036.
6. *Дьяконова Ю. Н.* Якутская сказка: русско-якутские взаимосвязи / Ю. Н. Дьяконова. — Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1990. — 183 с.
7. *Емельянов Н. В.* Сюжеты олонхо о защитниках племени / Н. В. Емельянов. — Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. — 192 с. — ISBN 5-02-031779-9.
8. *Емельянов Н. В.* Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1980. — 376 с.
9. *История Якутии* : в 3 т. / Под общ. ред. А. Н. Алексеева ; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. — Новосибирск : Наука, 2020. — Т. 1. — 536 с. — ISBN 978-5-02-038818-5.
10. *История Якутии* : в 3 т. / Под общ. ред. А. Н. Алексеева ; отв. ред. А. А. Борисов, А. И. Макарова, А. П. Николаев. — Новосибирск : Наука, 2021. — Т. 2. — 216 с. — ISBN 978-5-02-038819-2.
11. *Кузьмина А. А.* Этническая идентификация в якутском олонхо и киргизском эпосе «Манас» / А. А. Кузьмина // Молодой ученый. — 2014. — № 17. — С. 597—601.
12. *Кузьминых В. И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири [Электронный ресурс] / В. И. Кузьминых. — Режим доступа : <http://zaimka.ru/kuzminykh-cossacks/liternet.html> (дата обращения 3.06.2024).
13. *Львова С. Д.* Реалии русской культуры как образы сравнения в олонхо (на материале текстов ранних записей якутского эпоса) / С. Д. Львова // II Сибирский форум фольклористов. Тезисы докладов к 90-летию со дня рождения А. Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». — Новосибирск : Алеспресс, 2021. — С. 77—79. — ISBN 978-5-6047046-3-9.
14. *Макаров С. С.* Этнонимы в текстах якутского эпоса / С. С. Макаров // Studia Litterarum. — 2022. — Т. 7. — № 1. — С. 368—387. — DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-368-387>.
15. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники / Е. М. Мелетинский. — 2-е изд., испр. — Москва : Восточная литература, 2004. — 462 с. — ISBN 5-02-018476-4.
16. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука, 1976. — 407 с.
17. *Неклюдов С. Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов. — Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/folklore/nekludov8.htm> (дата обращения 3.06.2024).
18. *Оросина Н. А.* Образы удаганок в якутском героическом эпосе (по материалам олонхо таттинской локальной традиции) / Н. А. Оросина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2014. — № 4. — С. 160—164.

19. Павлова О. К. Образ тунгусского богатыря в олонхо северных якутов / О. К. Павлова // В мире научных открытий. Материалы XVII Международной научно-практической конференции. Центр научной мысли. — Москва : Перо, 2015. — С. 141—144.
20. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Academia, 1928. — 152 с.
21. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы / И. В. Пухов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1962. — 256 с.
22. Семенова Л. Н. Семантика эпического пространства и ее роль в сюжетообразовании (на материале якутского эпоса олонхо) : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Л. Н. Семенова. — Москва, 2000. — 160 с.
23. Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период) / П. А. Слепцов. — Якутск : Якутское книжное изд-во, 1964. — 196 с.
24. Чарина О. И. Образы русских в преданиях и современных рассказах коренных народов Якутии / О. И. Чарина // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 96—108. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-96-108.
25. Чивиков Г. С. Православие в истории Якутии : цивилизационный аспект / Г. С. Чивиков // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. — 2015. — № 2. — С. 53—63.
26. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. — Якутск : Бичик, 2008. — 400 с.
27. Юрганова И. И. Русская православная Церковь и народы Восточной Сибири : коммуникативный аспект инкорпорации в империю (постановка проблемы) / И. И. Юрганова // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. — 2021. — № 3 (8). — С. 426—433. — DOI: 10.47132/2587-8425_2021_3_426.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 23.06.2024.

Material resources

- AH — Diakonov, N. M. (2010). *Ala Hotoi*. Yakutsk: Dani Almas Company. 152 p. (In Yakut.).
- AHo — Belykh, M. I. (2010). *Ala Hotoi*. Yakutsk: IGIIPMNS SB RAS. 234 p. (In Russ.).
- DB — Nokhsorov, U. G. (2009). *Dyrai Bergan: olonho*. Yakutsk: Bichik. 333 p. ISBN 978-5-7696-3147-4. (In Yakut.).
- EM — Alekseev, B. A. (2017). *Olokhohut Barys. Erbakhtay Mergen: olokho*. Yakutsk: Bichik. 152 p. ISBN 978-5-7696-4914-1. (In Yakut.).
- GO — *Gornai olonholoro*. (2010). Yakutsk: Bichik. 302 p. ISBN 978-5-7696-3359-1. (In Yakut.).
- HI — Tomskeya, D. A. (2016). *Haan Ilbisteen bukhatyr. Komus Mokulukeen oyonnyor, Elgeen Ieyehsit emeehsin: olonholo*. Yakutsk: Alaas. 128 p. (In Russ.).
- KD — Duyakov, G. V. (2011). *Kyys Duuraya bukhatyr: olokho*. Yakutsk: Bichik. 284 p. ISBN 978-5-7696-3458-1. (In Yakut.).
- KD — *Kyys Debiliye: The Yakut heroic epic*. (1993). Novosibirsk: VO Nauka. Sib. izdat. Firm. 330 p. (In Yakut and Russ.).
- KH — Prokopiev, N. D. (2021). *Kindeli Khatias: olokho*. Yakutsk: Alaas. 198 p. (In Yakut.).
- KHn — Krivoshepkin, A. N. (2011). *Khara dioruo attah Khara Nyurgun bukhatyr: [oloho]*. Yakutsk: IGIIPMNS SB RAS. 100 p. (In Yakut.).

- KK — Timofeev-Teploukhov, I. G. (1985). *Kurubai haannaah Kulun Kullustuur* = *Obstinate Kulun Kullustuur: Yakut olonkho*. Moscow: Nauka, ed. East lit. 605 p. (In Yakut and Russ.).
- KKB — Gorokhov, M. N. (2016). *Kydaannaah Kyys bukhaty: olokho*. Yakutsk: Bichik. 208 p. ISBN 978-5-7696-4964-6. (In Yakut.).
- MB — Nikolaev, I. A. (2012). *Budurybet suhuohteeh Muldyu BoŕO: olonho*. Yakutsk: Bichik. 253 p. ISBN 978-5-7696-3489-5. (In Yakut.).
- MES — *Is the Yakut heroic epic. The mighty Er Sogotoh*. (1996). Novosibirsk: Nauka. Sib. izdat. RAS firm. 440 p. (In Yakut and Russ.).
- NB — Abramov, N. A. (2011). *Kynat. Nyurgun BoŕO: olonho*. Yakutsk: Bichik. 509 p. ISBN 978-5-7696-3466-6. (In Yakut.).
- TN — Popov, N. F. (2015). *Toyon Nyurgun bukhaty. 2nd ed.* Yakutsk: Alaas. 192 p. (In Yakut.).
- TSB — Karataev, S. N. (2004). *Toŕ Saar bukhaty r: OlorHo*. Yakutsk: Bichik. 237 p. (In Yakut.).
- TTDB — Sharaborin-Kumaarap, M. T. (2020). *Kulluya Kullustuur; Turbutunan toroobut Duo bukhaty: olorholor*. Yakutsk: Alaas. 720 p. (In Yakut.).

References

- Afanasyeva, E. N. (2012). Russian lexical borrowings in the Yakut epic-olonkho “Kurubai haannaah Kulun Kullustuur”. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 7 (2): 183—193. (In Russ.).
- Borisov, Yu. P. (2021). Russianisms in the early text of olonkho “Ala Bulkun bukhaty”: semantic and functional aspects. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov: A series of Epic studies*, 3: 76—87. DOI: 10.25587/a9483-0635-6591- m. (In Russ.).
- Charina, O. I. (2018). Images of Russians in Legends and Modern Stories of Indigenous Peoples of Yakutia. *Nauchnyy dialog*, 1: 96—108. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-96-108. (In Russ.).
- Chivikov, G. S. (2015). Orthodoxy in the history of Yakutia: a civilizational aspect. *Proceedings of the Yakut Theological Seminary*, 2: 53—63. (In Russ.).
- Dyakonova, Yu. N. (1990). *Yakut fairy tale: Russian-Yakut interrelations*. Leningrad: Nauka, Leningrad Publishing House. 183 p. (In Russ.).
- Ergis, G. U. (2008). *Essays on Yakut folklore*. Yakutsk: Bichik. 400 p. (In Russ.).
- Gabyшева, L. L. (2003). *The word in the context of the mythopoetic picture of the world*. Moscow: RGGU. 188 p. (In Russ.).
- Golovaneva, T. A., Igumov, A. G. (2014). The image of Russians in Koryak historical legends and autobiographical stories. *Bulletin of the Buryat State University. Philology*, 10: 114—122. (In Russ.).
- Gotovtseva, L. N. (2019). Russian lexical borrowings in the category of clothes of heroes of the epic olonkho. *Philology: scientific research*, 2: 207—214. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29036. (In Russ.).
- Kuzmina, A. A. (2014). Ethnic identification in the Yakut olonkho and the Kyrgyz epic “Manas”. *Young Scientist*, 17: 597—601. (In Russ.).
- Kuzminykh, V. I. *The image of the Russian Cossack in the folklore of the peoples of North-Eastern Siberia*. Available at: <http://zaimka.ru/kuzminykh-cossacks/liternet.html> (accessed 3.06.2024). (In Russ.).

- Lvova, S. D. (2021). The realities of Russian culture as images of comparison in olonkho (based on the texts of early recordings of the Yakut epic). In: *II Siberian Forum of Folklorists. Abstracts for the 90th anniversary of the birth of A. B. Soktoev, the founder of the series "Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East"*. Novosibirsk: Aleexpress. 77—79. ISBN 978-5-6047046-3-9. (In Russ.).
- Makarov, S. S. (2022). Ethnonyms in the texts of the Yakut epic. *Studia Litterarum*, 7 (1): 368—387. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-368-387>. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (1976). *Poetics of myth*. Moscow: Nauka. 407 p. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (2004). *The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments. 2nd ed., ispr*. Moscow: Oriental Literature. 462 p. ISBN 5-02-018476-4. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. *Images of the other world in folk beliefs and traditional literature*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (accessed 3.06.2024). (In Russ.).
- Orosina, N. A. (2014). Images of udaganok in the Yakut heroic epic (based on the materials of the Olonkho Tattinsky local tradition). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 4: 160—164. (In Russ.).
- Pavlova, O. K. (2015). The image of the Tunguska hero in the olonkho of the northern Yakuts. In: *In the world of scientific discoveries. Materials of the XVII International Scientific and Practical Conference. The Center of scientific Thought*. Moscow: Pero. 141—144. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1928). *Morphology of a fairy tale*. Leningrad: Academia. 152 p. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (1962). *Yakut heroic epic of olonkho. Basic images*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 256 p. (In Russ.).
- Semenova, L. N. (2000). *Semantics of epic space and its role in plot formation (based on the Yakut epic olonkho)*. PhD Diss. Moscow. 160 p. (In Russ.).
- Sleptsov, P. A. (1964). *Russian lexical borrowings in the Yakut language (pre-revolutionary period)*. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 196 p. (In Russ.).
- The History of Yakutia: in 3 volumes, 1.* (2020). Novosibirsk: Nauka. 536 p. ISBN 978-5-02-038818-5. (In Russ.).
- The history of Yakutia: in 3 volumes, 2.* (2021). Novosibirsk: Nauka. 216 p. ISBN 978-5-02-038819-2. (In Russ.).
- Yemelyanov, N. V. (2000). *Olonkho's plots about the defenders of the tribe*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences. 192 p. ISBN 5-02-031779-9. (In Russ.).
- Yemelyanov, N. V. (1980). *Plots of Yakut olonkho*. Moscow: Nauka. 376 p. (In Russ.).
- Yurganova, I. I. (2021). The Russian Orthodox Church and the peoples of Eastern Siberia: the communicative aspect of incorporation into the Empire (problem statement). *Bulletin of the Historical Society of the St. Petersburg Theological Academy*, 3 (8): 426—433. DOI: [10.47132/2587-8425_2021_3_426](https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_3_426). (In Russ.).

*The article was submitted 10.05.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 23.06.2024.*

Информация для цитирования:

Мэн Линди. Рецепция творчества А. А. Фета в Китае / Мэн Линди, Сай На // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 274—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-274-289.

Meng Lingdi, Sai Na. (2024). Reception of Work of Afanasy Fet in China. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 274-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-274-289. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рецепция творчества А. А. Фета в Китае

Мэн Линди

orcid.org/0009-0007-6590-0658

магистрант факультета русского языка,
1448294495@qq.com

Сай На

orcid.org/0000-0003-4732-8428

кандидат филологических наук
корреспондирующий автор
sai.na@yandex.ru

Цзянсуский университет
науки и технологий
(Чжэньцзян, Цзянсу, Китай)

Reception of Work of Afanasy Fet in China

Meng Lingdi

orcid.org/0009-0007-6590-0658

Master's Student, Faculty of Russian
1448294495@qq.com

Sai Na

orcid.org/0000-0003-4732-8428

PhD in Philology
Corresponding author
sai.na@yandex.ru

Jiangsu University
of Science and Technology
(Zhenjiang, Jiangsu, China)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос обращения китайских переводчиков и исследователей к творчеству Афанасия Фета. Тема рецепции творчества русских классиков не утрачивает своей актуальности в свете межкультурной коммуникации. Материалом для исследования послужили стихотворения Фета, переведенные на китайский язык, которые вошли в сборники лирики русских поэтов или были изданы в Китае отдельными книгами, а также опубликованные исследования литературоведов и переводчиков. Представлена история рецепции творчества Фета в Китае. Выделены два периода, в которые изучение творчества русского поэта осуществлялось по-разному. Отмечается, что в первой половине XX века лирика Фета переводилась и исследовалась мало, поскольку она была лишена, с точки зрения китайского читателя и специалиста, социального значения, которое в тот период развития Китая считалось особенно важным. Однако с конца 70-х годов рецепция творчества Фета получила развитие. Показано, что в этот период фокус внимания переводчиков и литературоведов сместился в сторону изучения собственно художественных особенностей поэзии Фета. Китайские исследователи выделяют музыкальность, импрессионистичность и эстетичность поэзии русского классика.

Ключевые слова:

А. А. Фет; рецепция творчества; китайские переводчики и литературоведы; русская литература в Китае.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the issue of the appeal of Chinese translators and researchers to the works of Afanasy Fet. The theme of the reception of the works of Russian classics does not lose its relevance in the context of intercultural communication. The material for the study consisted of Fet's poems translated into Chinese, which were included in collections of Russian poetry or published in China as separate books, as well as studies by literary scholars and translators. The history of the reception of Fet's works in China is presented. Two periods have been identified during which the study of the Russian poet's work was carried out differently. It is noted that in the first half of the 20th century, Fet's lyrics were translated and studied to a lesser extent because, from the perspective of the Chinese reader and specialist, they were considered to lack social significance, which was particularly important during that period of China's development. However, from the late 1970s, the reception of Fet's works began to develop. It is shown that during this period, the focus of translators and literary scholars shifted towards studying the artistic features of Fet's poetry. Chinese researchers highlight the musicality, impressionism, and aesthetic qualities of the poetry of this Russian classic.

Key words:

A. A. Fet; reception of creativity; Chinese translators and literary scholars; Russian literature in China.

Рецепция творчества А. А. Фета в Китае

© Мэн Линди, Сай На, 2024

1. Введение = Introduction

Поэзия Афанасия Афанасьевича Фета переведена на многие языки и изучается литературоведами разных стран, в том числе китайскими исследователями. Обращение к творчеству русского поэта актуально в свете развития российско-китайских литературных связей. В настоящее время остается неизученным вопрос о периодизации рецепции творческого наследия Фета в Китае, что составляет новизну данного исследования.

А. А. Фет рассматривается китайскими исследователями как представитель «чистого искусства» XIX века, утверждающий свободу искусства от влияния общества и социальных проблем, обращающийся прежде всего к душевным переживаниям. Жэн Гуансюань, Чжан Цзяньхуа, Юй Ичжун в книге, посвященной истории русской литературы, приводят слова П. И. Чайковского о том, что А. А. Фет «не просто поэт, а скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом»¹ [Жэн Гуансюань и др., 2020, с. 119]. В контексте изучения русской литературы в Китае поэт входит в пятерку самых изучаемых поэтов XIX века наряду с В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым и Ф. И. Тютчевым.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес к творчеству А. А. Фета в Китае выражается в переводе и публикации для широкой читательской аудитории его произведений, а также в исследовательской рецепции творчества русского классика. Обращение в Китае к поэзии Фета в разные исторические периоды было неоднородным, оно обусловлено социокультурной ситуацией в китайском обществе. Поэзия Фета рассматривается именно с этих позиций.

¹ Здесь и далее перевод авторов. — М. Л., С. Н.

Материалом исследования послужили издания стихотворений поэта и наиболее известные в Китае научные публикации литературоведов, посвященные анализу лирики русского классика.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Знакомство китайских читателей и исследователей с поэзией А. А. Фета (1918—1935)

Первый этап знакомства с поэзией Фета в Китае и исследования его творчества можно обозначить 1918—1935 годами. Интерес к поэту связан с движением Четвертого мая 1919 года, одним из следствий которого стала литературная революция, сосредоточившая взгляды интеллигенции на искусстве западных стран, в том числе России. Одним из направлений культурных перемен стало массовое обращение к иностранной литературе. В этом русле имя А. А. Фета в Китае появилось благодаря известному революционеру и переводчику Ли Дачжао, который упомянул поэта в своей книге «Русская литература и революция» еще в 1918 году, однако опубликована она была только в 1979 [Ли Дачжао, 1979]. Описав историю развития русской литературы, в частности, рассказав о творчестве известных русских поэтов, Ли Дачжао отметил, что русская литература существенно повлияла на общественный прогресс. В то же время китайский ученый признает, что творческое наследие А. А. Фета не попало в фокус внимания китайских читателей и не получило должного освещения, поскольку в данный период актуализировалась социально ориентированная литература [Там же].

Другим исследователем, заговорившим о русском поэте, стал известный китайский переводчик Гэн Цзичжи, который перевел на китайский язык предисловие книги «Очерки по истории русской литературы» российского литературного критика Е. А. Соловьева [Соловьев, 1902]. Перевод предисловия «Очерков» был опубликован в известном китайском журнале «Роман-ежемесячник» под названием «Сочинение: история русской литературы XIX века» [Соловьев, 1921]. Гэн Цзичжи, имея в виду А. А. Фета и А. Н. Майкова, в комментариях отмечал, что «в русской литературе было много забытых гениальных людей, потому что эти люди не были первопроходцами и не поддерживали передовые тенденции в обществе» [Там же]. Сам Е. А. Соловьев упоминает А. А. Фета как «крупное поэтическое дарование» в ряду других авторов: А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева, Л. А. Мея, Я. П. Полонского, — которые «оставались, въ сущности говоря, въ тѣни, лишь изрѣдка обращая на себя благосклонное вниманіе публики, чаще же возбуждая насмѣшки» [Там же, с. 317—318], поскольку это было «народолюбивое время» [Там же, с. 317].

Другой известный литературовед и революционер Цюй Цюбай написал статью «История русской литературы», в которой говорил и о А. А. Фете, однако она была опубликована значительно позже ее написания, только в 1927 году [Пань Чэнь, 2023]. В своей работе Цюй Цюбай подчеркивал специфику творчества Фета как представителя школы чистого искусства. Он критиковал русского поэта, считая его равнодушным к тяжелой жизни народа: «Казалось, он закрыл глаза, никогда не видел темную сторону жизни» [Цзян Гуанси, 1927, с. 247]. В период движения Четвертого мая такое игнорирование поэтом социальных проблем закономерно вызывало критику со стороны литературоведов, придерживающихся революционных взглядов.

С 1924 по 1935 годы появился ряд работ, посвященных Фету. Так, известный китайский писатель, литературовед и общественный деятель Чжэн Чжэньдуо написал статью в «Роман-ежемесячник», в которой представил мемуары Фета китайским читателям. Чжэн Чжэньдуо уделяет внимание отношениям Фета с Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым, с которыми Афанасий Афанасьевич имел дружеские отношения [Чжэн Чжэньдуо, 1923, с. 74]. Китайский исследователь отмечает, что поэт испытывал большое влияние Толстого и Тургенева не только на свою жизнь, но и творчество. Следует отметить, что именно эта статья позднее была включена в книгу «Краткая история русской литературы» в 1924 году [Чжэн Чжэньдуо, 1924], которая является основным источником для тех, кто хочет изучать историю русской литературы в контексте движения Четвертого мая. В этой книге Чжэн Чжэньдуо знакомит читателей с русской литературой от ее истоков до современности, включая аспекты фольклора и эпической поэзии, драматической литературы и литературной критики.

Писатель и переводчик Ван Чоужан в книге «Русская литература ABC» (1929) выразил мнение о том, что А. А. Фет является человеком «крайне правых взглядов» [Ван Чоужан, 1929, с. 73]. Ван Чоужан создает образ поэта на основе его эпистолярного наследия, в котором Фет, опираясь не на философские концепции, а на практический опыт, рассуждает на темы социально-политического и экономического развития России, занимая особую позицию в противовес позиции либералов и революционных демократов. Китайский переводчик называет Фета человеком, который стал «настоящим бизнесменом, живущим жизнью бизнесмена» [Ван Чоужан, 1929, с. 73]. Позднее с экономическими и социальными темами в творчестве Фета китайских читателей познакомил известный писатель Го Анжен [Го Анжен, 1931].

В 1930-х годах вышли книги под редакцией Цзинь Шишэн «Очерк истории европейской литературы» (1931) и Ван Чоужан «Лекции по за-

падной литературе» (1935). В этих работах внимание авторов привлекли особенности поэтического творчества Фета, которое китайские переводчики оценивали как оторванное от практических вопросов действительности. Так, Цзинь Шишэн писал, что «суть поэзии Фета — иллюзия, а его лирические стихи выражают не более чем туманные мечты и впечатления» [Цзинь Шишэн, 1931, с. 255]. В то же время Ван Чоужан отмечал, что «замечательные стихи делают Фета одним из величайших русских поэтов» [Цит. по: Фан Би и др, 1990, с. 684].

После указанных публикаций вплоть до 1978 года изучение наследия А. А. Фета остановилось, что было связано прежде всего с ухудшением российско-китайских отношений.

Таким образом, на первом этапе знакомство китайских исследователей и читателей с творчеством Фета характеризовалось тем, что ученые обращались к поэзии Фета в незначительном масштабе. При этом освещалась преимущественно социально-политическая позиция русского поэта, согласно которой китайские литературоведы рассматривали его как консервативного мыслителя и бизнесмена. Такой ракурс китайских исследований объясняется двумя причинами. Во-первых, с учетом социального контекста того времени при выборе произведений переводчик учитывал содержание и сюжет, а также политические и социальные функции оригинала, между тем эстетические функции и художественное мастерство автора произведений не оценивались. Во-вторых, приверженность Фета принципу чистого искусства, дань уважения императорской власти и ностальгия по обществу до отмены крепостного права не соответствовали китайской общественной идеологии того времени.

3.2. Актуализация рецепции творчества А. А. Фета (1978—2024)

После проведения в Китае политики реформ и открытости в 1978 году изучение творчества Фета получило развитие в переводческой и исследовательской деятельности китайских специалистов. В этот период были переведены почти все известные произведения Фета, что способствовало активизации научного изучения творчества поэта. Переводы стихотворений Фета осуществлены такими китайскими переводчиками, как Фэй Бай, Гу Юй, Цзэн Си и Гу Юньпу и др. Они не только перевели лирику поэта, но и провели глубокие исследования его творчества в разных ракурсах.

3.2.1. Переводы поэзии А. А. Фета

В 1982 году в китайском журнале «Советская литература» (впоследствии журнал был переименован, в настоящее время он называется «Русская литература и искусство» / 《俄罗斯文艺》) появились переводы Фета, сделанные Лянь Цзя. Переводчик также написал статью «Восемь лирических стихотворений Фета», в которой рассказал о жизни и творчестве

русского поэта и представил восемь стихотворений в переводе на китайский язык: «Чудная картина», «Печальная береза», «Облаком волнистым», «Весенние мысли», «Вечер», «Ещё майская ночь», «Какая грусть! Конеч аллеи» и «Графу Л. Н. Толстому» [Лянь Цзя, 1982].

В 1983 году вышел в свет сборник переводов стихов, выполненных известными русистами Чжан Цаожен и Ли Сиинь, под названием «Сто русских лирических стихотворений». В издание вошла поэзия И. И. Дмитриева, Н. А. Некрасова, А. А. Фета и других русских поэтов. Так, китайские читатели смогли познакомиться с стихотворениями Фета «Осенью», «Это утро, радость эта...», «Страницы милые опять персты раскрыли...» и др.

Спустя 5 лет, в 1988 году, появился сборник переводов «Избранные русские стихи» известного переводчика Вэй Хуанну, который представил еще ряд стихотворений Фета: «Ещё майская ночь», «Осень», «Какое счастье: и ночь, и мы одни!» и др. [Вэй Хуанну, 1988]. Через год под редакцией Лу Юна была опубликована книга «К морю: Избранные стихи пяти великих русских поэтов», в которой переводчики во главе с Улан Ханом назвали Фета одним из пяти крупнейших русских поэтов наряду с А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Н. А. Некрасовым и Ф. И. Тютчевым [Улан Хан, 1989].

Сразу же после этого Фэй Бай перевел четыре стихотворения поэта и включил их в «Тезаурус всемирно известных стихотворений» [Фэй Бай, 1989].

Количество переводов лирики А. А. Фета значительно увеличилось в 1990-е годы. Переводили его стихотворения Гэ Чуньюэ, Фэй Бая, Ли Хуа, Чжан Цаожен, Ли Чжицзи и др. К этому же времени относится издание отдельного сборника «Избранные стихотворения Фета» [Чжан Цаожен, 1997], переводчиком и составителем которого стал знаменитый профессор Шанхайского университета иностранных языков Чжан Цаожен. В книгу вошли 107 стихотворений, среди которых «На заре ты её не буди», «Не отходи от меня», «Майская ночь» и др. Особо подчеркнем, что Чжан Цаожен не только выполнил переводы Фета, но и написал предисловие, которое стало глубоким исследованием жизненного пути и творческой индивидуальности поэта. Ученый отмечает, что «приятный тон и музыкальность характерны для поэзии Фета... Художественные достижения его поэзии, особенно мастерство в описании природных пейзажей и передаче мимолетных смен чувств, оказали определенное влияние на развитие русской поэзии в XX веке» [Чжан Цаожен, 1997, с. 8].

Одним из самых известных переводчиков лирики Фета стал профессор Нанкинского университета Гу Юй, который начал изучать творчество поэта еще в 1980-х годах и продолжал обращаться к его произведениям в XXI веке. В 2010 году под редакцией Гу Юй вышла книга для юношества

«Я помню чудное мгновение», снабженная примечаниями и иллюстрациями, которая была адресована подросткам и детям. Она знакомит с классическими стихотворениями о любви, написанными Фетом (в сборник вошли 11 его произведений) и другими выдающимися русскими поэтами: Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Некрасовым, Бальмонтом, Брюсовым, Ахматовой, Цветаевой, Есениным. В книге Гу Юй определяет свой главный принцип перевода: он считает, что поэзию надо переводить поэзией, переводить метрическую поэзию метрической поэзией, уделяя особое внимание образности, настроению и подтексту, а также фонетике, метру и форме, поскольку поэзия — самый музыкальный вид литературы, а пренебрежение музыкальностью часто наносит непоправимый ущерб оригинальному произведению [Гу Юй, 2010].

В апреле 2014 года Гу Юй опубликовал сборник «Среди звезд: избранные стихотворения Фета», в котором переведены 190 его произведений. На сегодняшний день он остается самым полным сборником переведенных стихотворений поэта [Фет, 2014]. Гу Юй не только перевел стихи, которые не были ранее известны китайскому читателю, но и отредактировал уже опубликованные на китайском, стремясь к точности перевода, к сохранению музыкальности и изысканности лирики Фета.

К творчеству Фета в новом веке обращались и другие китайские переводчики: Ма Юнган, Чжоу Лисинь, Ван Цзяньчжао, Гу Юньпу.

Стихи Фета включаются в сборники, рекомендованные для юношеского чтения, например, «Серия чтения классики для эстетического воспитания — иностранные лирические стихи» под редакцией Пэн Яньцзяо. Эта книга, адресованная подросткам и детям, с иллюстрациями и аннотациями содержит семь стихотворений русского классика [Пэн Яньцзяо, 2008]. Публикация сборников русских поэтов осуществлялась в контексте распространения русской литературы среди китайской молодежи, поскольку «всем молодым поколениям известно, великая русская культура представляет собой богатое ценное коллективное наследие» [Кембриджское..., 2023, с. 95].

3.2.1. Научные исследования поэзии А. А. Фета

Начиная с 1978 года и до настоящего времени творчество Фета не только активно переводится и издается для широкого читателя, но и изучается в китайских научных кругах.

В статье «Восемь лирических стихотворений Фета», которую мы упоминали выше, Лянь Цзя, исследователь и переводчик, рассказал о жизни, мировоззрении и поэтических темах Фета. Лянь Цзя, рассматривая особенности творчества русского поэта, подчеркивал, что «хотя стихам Фета не хватает содержания социальной жизни, его изображение природных

пейзажей все равно очень удачно» [Лянь Цзя, 1982, с. 86]. Позднее Сюй Чжифань, другой известный китайский ученый, рассуждая о художественной ценности произведения, писала, что «существуют стихотворения, в которых нет значительного идеологического содержания, но они действительно являются художественными шедеврами истины, добра и красоты, также ценятся и не отвергаются» [Сюй Чжифан, 1989, с. 19].

В начале 1990-х годов китайские исследователи не только продолжали обсуждать особенности лирики Фета, но и анализировали его творчество в контексте китайской классической литературы. Так, в 1997 году Чжао Гуйлянь в статье «Фет и китайская классическая поэзия» рассматривала китайский взгляд на сущность искусства и литературы применительно к творчеству Фета, сопоставляла образность мировосприятия в китайской поэзии с образностью лирики Фета, значение природных образов у китайских поэтов и русского автора. Исследователь приходит к выводу, что творчество Фета и китайских поэтов схоже, хотя русский поэт не испытал на себе прямого влияния китайской культуры [Чжао Гуйлянь, 1997]. Однако мы не можем согласиться с мнением Чжао Гуйлянь об отсутствии возможного влияния китайской культуры на Фета, поскольку он интересовался древнекитайской поэзией, и в работах по творчеству Фета китайские исследователи в этом контексте обращаются к анализу безглагольных стихотворений как доказательству интереса русского поэта к древнекитайской литературе [Дай Мэнцзе, 2021].

Особое место среди переводчиков и исследователей творчества Фета занимает, на наш взгляд, упомянутый выше Гу Юй. Помимо уже указанных работ, он опубликовал в 2011 году статью в известной газете «Китайское чтение» «Тени, звезды, люстры, огни: поэтическое путешествие русского чисто художественного поэта Фета» [Гу Юй, 2011], которая позже вошла в монографии Гу Юйя «Парус, плывущий по морю поэзии: исследование русско-китайской поэзии в переводе» [Гу Юй, 2019] и «Среди звезд: избранные стихотворения Фета» [Гу Юй, 2014]. В предисловии к последней монографии Гу Юй отметил, что Фет переводил с немецкого языка древнекитайского поэта Су Ши «Цветочная тень» в форме семисимвольной строфы. Гу Юй считает, что «Цветочная тень» символизирует тяжесть и беспомощность, живущие в сердце Фета, которые связаны с тенями его жизни, любви и социального опыта. В стихотворении «Цветочная тень» представлены яркие образы: «башня», «луна» и другие, символизирующие Китай. Несмотря на то, что Фет переводил это стихотворение с немецкого языка, можно предположить влияние на Фета и китайской литературы.

В фокусе внимания китайских ученых в XXI веке находятся такие особенности творчества А. А. Фета, как художественная эстетика, музыкальность и импрессионизм.

В 2003 году Ма Юнган опубликовал статью «А. А. Фет (1820—1892)», в которой, описав жизненный путь поэта и особенности его лирики, отмечал, что «стихи Фета обладают сильной музыкальностью» [Ма Юнган, 2003, с. 58]. С этим согласен и другой китайский исследователь Чжао Шу-хуа, в своей работе «Эстетические особенности поэзии Фета» раскрывающий, главным образом, красоту природы, любви, философии, искусства и музыки в поэзии Фета, а также социальные и личные причины формирования эстетических принципов поэзии Фета [Чжао Шу-хуа, 2004].

Проанализировав стихотворение Фета «Это утро, радость эта», Му Ачжэнь дала высокую оценку музыкальной, контекстуальной и лирической красоте произведения. Она подчеркнула, что в творчестве Фета музыкальная красота является господствующим элементом, а данное стихотворение выражает не только искреннюю любовь Фета к природе, но и глубокую философскую мысль: человек — часть природы [Му Ачжэнь, 2017].

Другая важная особенность, к которой обратились китайские исследователи, это импрессионистический характер лирики Фета [Чжан Хуэйянь, 2019; Ху Сяоцзин, 2015 и др.]. Так, Ху Сяоцзин в статье «Анализ импрессионистических особенностей поэзии А. А. Фета» утверждает, что импрессионистическая особенность стихотворений поэта не связана с репрезентацией чувств, впечатлений и использованием различных приемов для их изображения. Импрессионизм Фета, по мнению китайского ученого, относится к неустанному поиску и исследованию вечности жизни и бесконечных изменений природы. Ма Вэйхун в связи с этим отмечает, что лирическая поэзия Фета носит ярко выраженный импрессионистический характер и сосредоточена на иррациональной интуиции [Ма Вэйхун, 2005].

Не менее важной составляющей творчества Фета, по мнению китайских литературоведов, является стилизация. Го Фэй проанализировал стихотворение «Шепот, робкое дыханье» с точки зрения особенностей рифмы, риторики и тематического образа. По словам Го Фэя, в этом стихотворении использован трохей и некоторые строки не строго следуют закону метрического ударения. Это особое сочетание метра создает легкий акустический эффект, подчеркивая безмятежность и таинственность ночи, а также демонстрирует музыкальность стихов Фета [Го Фэй, 2017]. Чжан Хуэйянь сделала акцент на комплексном анализе лирических стихов Фета [Чжан Хуэйянь, 2019].

Важное место в исследованиях китайских ученых занимает тематика творчества Фета. Они выделили три основные темы: природа, любовь и философия. Так, Го Лицзюнь и Чжоу Лисинь пришли к выводу, что «Фет — настоящий толкователь природы, ему знакома каждая травинка и каждое дерево, он хорошо знает погоду, холод и тепло природы, он пони-

мает, что природа имеет свои противоречия и разрешимость» [Го Лицзюнь и др., 2014, с. 145—146]. Позднее Сунь Сяобо и Гао Фэй изучили тему моря в стихотворениях Фета. По их мнению, «море является центральным понятием, предметом и темой в системе лирической поэзии Фета» [Сунь Сяобо и др., 2021, с. 98]. Исследователи отмечают, что для создания образа моря, который Фет связывает с поведением и эмоциями человека, он использует приемы олицетворения, метафоры и др. Так, море для поэта — это и тоска, и стремление человека к природе, его откровение и спасение, внутренняя гармония и красота.

Другая важная тема — любовь, которую Фет, по мнению китайских исследователей, неразрывно связывает с темой природы. Так, Дуань Сяомань отмечает, что художественными особенностями любовных стихотворений поэта являются «природа как средство выражения любви, разнообразие видов любви, стремление к музыкальной эстетике» [Дуань Сяомань, 2018, с. 39].

К анализу философской лирики русского поэта обратилась Чжан Цзeya в статье «Берёза поэта — оценка натурфилософской поэзии А. А. Фета» [Чжан Цзeya, 2014]. Она проанализировала наиболее известный в русской поэзии образ берёзы и пришла к выводу, что «поэт объединяет жизнь и природу», что сразу напоминает известную китайцам концепцию китайской философии «天人合一» — «единство небо и человека» или «единство природы и человека».

Таким образом, творчество А. А. Фета как русского классика изучается в Китае практически на протяжении века. Начиная с конца 70-х годов XX века и по настоящее время отмечается активность переводов лирики поэта и ее исследований в работах китайских литературоведов и переводчиков, что свидетельствует о неугасающем интересе к творчеству русского поэта.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, имя А. А. Фета известно в Китае не только специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся русской литературой. Внимание к поэзии Фета различалось в определенные исторические периоды в зависимости от социокультурных установок в стране. Если в первой половине XX века его творчество не было близко китайскому обществу, ориентированному на отражение в литературе социальных проблем, то во второй половине XX и в XXI веке интерес к поэзии Фета значительно возрос, что получило отражение как в активности переводов и издании сборников стихов, в которые входила лирика поэта, в публикации его стихотворений отдельными изданиями, так и в научном освещении

творчества русского поэта. Китайские исследователи разносторонне анализируют и продолжают изучать особенности поэзии Фета, среди которых особенно выделяют музыкальность стиха, его импрессионистический характер, метафорику и др. Кроме того, китайские филологи обращаются к исследованию тематических характеристик творчества поэта, таким как природа, любовь и философия. При этом исследователи находят общность поэзии Фета с китайской поэзией.

Заявленный вклад авторов: Сай На – научное руководство; концепция исследования; написание текста; итоговые выводы. Мэн Линди – сбор материала; доработка текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Sai Na – scientific management; research concept; writing the draft; final conclusions. Meng Lingdi – collection of material; follow-on revision of the text; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. Фет А. А. Среди звезд : избранные стихи Фета / А. А. Фет ; перевод Гу Юй. — Гуйлинь : Издательство Гуансийского нормального университета, 2014. — 266 с. (阿法纳西·阿法纳西耶维奇·费特著, 谷雨译, 在星空之间 费特诗选; 桂林: 广西师范大学出版社, 2014. — 266页.)

Литература

1. Ван Чоужан. Русская литература ABC / Ван Чоужан. — Шанхай : Всемирное бюро книг, 1929. — 103 с. (汪偶然. 俄国文学ABC. 上海: 世界书局, 1929. — 103页)

2. Вэй Хуанну. Избранные русские стихи / Вэй Хуанну. — Чанша : Хунаньское народное издательство, 1988. — 415 с. (魏荒弩. 俄国诗选. 长沙: 湖南人民出版社, 1988. — 415页)

3. Го Анжен. История русской литературы / Го Анжен. — Чунцин : Чунцинский книжный магазин, 1931. — 496 с. (郭安仁. 俄国文学史. 重庆: 重庆书店, 1931. — 496页).

4. Го Лицзюнь. Прекрасный певец природы — оценка перевода стихотворений русского лирического поэта XIX века А. А. Фета / Го Лицзюнь, Чжоу Лисинь // Восприятие шедевров. — 2014. — № 33. — С. 145—146 (果立军 & 周立新. 大自然的唯美歌者 — 俄罗斯19世纪抒情诗人费特诗歌翻译欣赏. 名作欣赏, 33. — 2014. — 第145—146页)

5. Го Фэй. Оценка стихотворения Фета «Шепот, робкое дыхание» / Го Фэй // Оценка шедевров. — 2017. — № 23. — С. 11—23, 31. (郭菲. 费特《悄悄的声音, 怯怯的呼吸》赏析. 名作欣赏(23). — 2017. — 第11—12, 31页).

6. Гу Юй. Парус, плывущий по морю поэзии — исследование русско-китайского поэтического перевода / Гу Юй. — Тяньцзинь : Издательство Нанкайского университета, 2019. — 522 с. (谷羽. 帆船, 在诗海上漂流: 俄汉诗歌翻译研究. 天津: 南开大学出版社, 2019. — 522页)

7. Гу Юй. Тени, звезды, чары, огни — поэтическое путешествие русского поэта-художника Фейта / Гу Юй // Китайское чтение. — 2011. — 23 ноября. — С. 19—21. (谷羽. 阴影 星光 霞光 灯光——俄罗斯纯艺术派诗人费特的诗路历程. 中华读书报, 2011年. — 11月23日. — 第19—21页)

8. Гу Юй. Я помню чудное мгновение / Гу Юй, Гао Ман. — Пекин : Китайское молодежное издательство, 2010. — 176 с. (谷羽译, 高莽, 插图. 我记得那美妙的瞬间. 北京: 中国青年出版社, 2010. — 176页)

9. Дай Мэнцзе. «Восточная» специфика творчества А. А. Фета : сравнительный анализ безглагольных стихов Фета и древних китайских поэтов / Дай Мэнцзе // Litera. — 2021. — № 8. — DOI: 10.25136/2409-8698.2021.8.36090.

10. Дуань Сяомань. Анализ любви в лирической поэзии Фета / Дуань Сяомань // Изучение русского языка. — 2018. — № 01. — С. 33—40. (段晓曼. 浅析费特抒情诗中的爱情. 俄语学习(01), 2018, 第33—40页)

11. Жен Гуансюань. История русской литературы / Жен Гуансюань, Чжан Цзяньхуа, Юй Ичжун. — Пекин : Издательство Пекинского университета (3-е изд.), 2020. — 432 с. (任光宣, 张建华, 余一中著, 俄国文学史 (第三版). 北京: 北京大学出版社, 2020. — 432页)

12. Кембриджское введение в театральную режиссуру / перевод Цзэн Цзиньтин, Хэ Чэнчжоу. — Пекин : Жизнь, Чтение, Новые знания, 2023. — 583 с. (剑桥戏剧导演导论 / 曾景婷, 何成洲译. — 北京 : 生活·读书·新知三联书店, 2023. — 583 页)

13. Ли Дачжао. Русская литература и революция / Ли Дачжао // Народная литература. — 1979. — № 5. — С. 3—7 (李大钊. 俄罗斯文学与革命. 人民文学. — 1979年. — 第5期. — 第3—7页)

14. Лянь Цзя. Восемь лирических стихотворений Фета / Лянь Цзя // Советская литература. — 1982. — № 06. — С. 88—90. — DOI: 10.16238/j.cnki.rla.1982.06.011. (连铁. 费特抒情诗八首. 苏联文学. — 1982. — 06. — 第88—90页. DOI:10.16238/j.cnki.rla.1982.06.011)

15. Ма Вэйхун. Весь мир от красоты — поэтические особенности природно-лирической поэзии Фета / Ма Вэйхун // Материалы Первого перекрестного симпозиума по преподаванию и изучению русского языка в Китае. — Шэньян : Шэньянский нормальный университет, 2005. — С. 59—62 (马卫红. 整个世界源自于美 — 费特自然抒情诗的诗性特征. 天津外国语学院学报, 2005. — 第59—62页)

16. Ма Юнган. А. А. Фет (1820—1892) / Ма Юнган // Изучение русского языка. — 2003. — № 04. — С. 56—60 (马永刚. 阿·阿·费特(1820—1892). 俄语学习. — 2003. — 04. — 第56—60页)

17. Му Ачжэнь. Исследование художественной красоты поэзии Фета из «Это утро, радость эта» / Му Ачжэнь // Изучение русского языка. — 2017. — № 01. — С. 26—29 (牧阿珍. 从《这清晨,这欣喜》探寻费特诗歌的艺术美. 俄语学习. — 2017. — (01). — 第26—29页)

18. Пэн Яньцзяо. Серия чтения классики для эстетического воспитания — иностранные лирические стихи / Пэн Яньцзяо. — Чанша : Хунаньское детское издательство, 2008. — 230 с. (彭燕郊. 美的教育经典诵读丛书 外国抒情诗. 长沙: 湖南少儿出版社, 2008. — 共230页).

19. Соловьев Е. А. Очерки по истории русской литературы XIX века / Е. А. Соловьев. — Санкт-Петербург : Российская государственная библиотека, 1902. — XVI. — 556 с.

20. Соловьев Е. А. Очерк : История русской литературы XIX века / Е. А. Соловьев ; пер. Гэн Цзичжи // Роман-ежемесячник. — Пекин : Издательство библиографической литературы, 1921. — Т. 12. — С. 21—40 (索洛维约夫. 论文: 十九世纪俄国文学的背景. 耿济之译, 北京: 书目文献出版社. 小说月报. — 1921. — 年第12卷号外. — 第21—40页).

21. Сунь Сяобо. О ценности и эстетических качествах океанической лирики Фета / Сунь Сяобо, Гао Фэй // Журнал аспирантуры Китайской академии общественных

наук. — 2021. — № 04. — С. 98—108 (孙晓博 & 高菲. 论费特海洋抒写的价值向度与美学品质. 中国社会科学院研究生院学报. — 2021. — 04. — 第98—108页)

22. *Сюй Чжифан*. История русской поэзии / Сюй Чжифан. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 1989. — 371 с. (徐稚芳. 俄罗斯诗歌史. 北京: 北京大学出版社, 1989. — 371页).

23. *Улан Хан*. К морю : Избранные стихи пяти великих русских поэтов / Улан Хан. — Пекин : Издательство народной литературы, 1989. — 208 с. (乌兰汉等. 致大海 俄国五大诗人诗选. 北京: 人民文学出版社. — 208页)

24. *Фан Би*. Лекции по западной литературе / Фан Би. — Шанхай : Шанхайское книжное издательство, 1990. — 921 с. (方璧. 西洋文学讲座. 上海: 上海书店出版社, 1990. — 921页).

25. *Фэй Бай*. Тезаурус всемирно известных стихотворений / Фэй Бай. — Гуилинь : Издательство Лицзян, 1989. — 968 с. (飞白. 世界名诗鉴赏辞典. 桂林: 漓江出版社, 1989. — 共968页).

26. *Ху Сяоцин*. Анализ импрессионистических особенностей поэзии А. А. Фета / Ху Сяоцин // Изучение русского языка. — 2015. — № 02. — С. 40—43. (胡晓静. 阿·费特诗歌的印象主义特征解析. 俄语学习. — 2015. — (02). — 共40—43页).

27. *Цзинь Шишэн*. Очерк истории европейской литературы / под ред. Цзинь Шишэн. — Шанхай : Шэньжоу Гогуаньше, 1931. — 351 с. (金石声编. 欧洲文学史纲. 上海: 神州国光社, 1931. — 351页).

28. *Цзан Гуанцы*. Русская литература / Цзан Гуанцы. — Шанхай : Творческое общество, 1927. — 255 с. (蒋光慈编. 俄罗斯文学. 上海: 创造社会, 1927. — 255页).

29. *Чжан Хуэйянь*. Эстетический поэтический дух — о художественных особенностях лирической поэзии Фетта / Чжан Хуэйянь // Изучение русского языка. — 2019. — № 3. — С. 45—50. (张会燕. 唯美的诗灵——论费特抒情诗的艺术特色. 俄语学. — 2019. — (03). — 第45—50页).

30. *Чжан Цаожен*. Избранные стихотворения Фета / Чжан Цаожен. — Шанхай : Шанхайское переводческое издательство, 1997. — 202 с. (张草纫. 费特诗选. 上海: 上海译文出版社, 1997. — 202页).

31. *Чжан Цзэя*. Оценка натурфилософской поэзии А. А. Фета / Чжан Цзэя // Вестник педагогического университета Цзямусы. — 2014. — № 06. — С. 107—113. (张泽雅. 诗人的白桦——费特自然哲理诗赏析. 佳木斯教育学院学报. — 2014. — (06). — 第107—113页).

32. *Чжао Гуйлянь*. Фет и китайская классическая поэзия / Чжао Гуйлянь // Литературные исследования. — 1997. — № 03. — С. 155—156. (赵桂莲. 费特与中国古典诗歌. 文艺研究. — 1997. — (03). — 第155—156页).

33. *Чжао Шухуа*. Эстетические особенности поэзии Фета / Чжао Шухуа. — Тяньцзинь, 2004. — 51 с. (赵淑华. 费特诗歌的唯美特征. 天津师范大学, 2004. — 51页).

34. *Чжэн Чжэньдоу*. Краткая история русской литературы / Чжэн Чжэньдоу // Роман-ежемесячник. — 1923. — Т. 14. № 8. — С. 74. (郑振铎. 俄国文学史略(四). 小说月报. — 1923年. — 第14卷. 第8期. — 第74页).

35. *Чэнь Сяоцин*. О тематике и художественных характеристиках лирической поэзии Фета / Чэнь Сяоцин. — Шанхай, 2006. — 56 с. (陈晓菁. 论费特抒情诗的主题和艺术特色. 硕士学位论文, 上海外国语大学, 2006. — 56页).

Статья поступила в редакцию 21.04.2024,
одобрена после рецензирования 16.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

Fet, A. A. (2014). *Among the stars: selected poems of Fet*. Guilin: Publishing house of Guangxi normal University. 266 p. (In Chin.).

References

- Fang Bi. (1990). *Lectures on Western literature*. Shanghai: Shanghai Book Publishing House. 921 p. (In Chin.).
- Chen Xiaojing. (2006). *On the subject and artistic characteristics of Feta's lyrical poetry: dissertation*. Shanghai. 56 p. (In Chin.).
- Dai Mengjie. (2021). The "Oriental" specificity of A. A. Fet's work: a comparative analysis of the verbless poems of Fet and ancient Chinese poets. *Litera*, 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.8.36090. (In Russ.).
- Duan Xiaoman. (2018). Analysis of love in the lyrical poetry of Feta. *Learning the Russian language*, 01: 33—40. (In Chin.).
- Fei Bai. (1989). *Thesaurus of world famous poems*. Guilin: Lijiang Publishing House. 968 p. (In Chin.).
- Guo Anren. (1931). *The History of Russian Literature*. Chongqing: Bookstore "Condo". 496 p. (In Chin.).
- Gu Yu. (2019). *A sail sailing on the sea of poetry — a study of Russian-Chinese poetic translation*. Tianjin: Nankai University Press. 522 p. (In Chin.).
- Gu Yu. (2010). *I remember a wonderful moment*. Beijing: Chinese Youth Publishing House. 176 p. (In Chin.).
- Gu Yu. (2011). Shadows, stars, charms, lights — the poetic journey of the Russian poet-artist Faith. *Chinese reading*, 23: 19—21. (In Chin.).
- Guo Fei. (2017). Evaluation of Fet's poem "Whisper, timid breath". *Evaluation of masterpieces*, 23: 11—23. (In Chin.).
- Guo Lijun., Zhou Lixin. (2014). The Beautiful Singer of nature — an assessment of the translation of poems by the Russian lyric poet of the XIX century A. A. Fet. *Perception of masterpieces*, 33: 145—146. (In Chin.).
- Hu Xiaojing. (2015). Analysis of the impressionistic features of A. A. Fet's poetry. *Learning the Russian language*, 02: 40—43. (In Chin.).
- Jiang Guangci. (1927). *Russian literature*. Shanghai: Creative Society. 255 p. (In China.).
- Jin Shisheng. (1931). *An essay on the history of European literature*. Shanghai: Shenzhou Goguangshe. 351 p. (In Chin.).
- Li Dazhao. (1979). Russian literature and the Revolution. *Folk literature*, 5: 3—7. (In Chin.).
- Lian Xia. (1982). Eight lyrical poems by Fet. *Soviet literature*, 06: 88—90. DOI: 10.16238/j.cnki.rla.1982.06.011. (In Chin.).
- Ma Weihong. (2005). The whole world depends on beauty — the poetic features of Fet's natural lyrical poetry. In: *Proceedings of the First Cross-symposium on teaching and learning Russian in China*. Shenyang: Shenyang normal University. 59—62. (In Chin.).
- Ma Yonggang. (2003). A. A. Fet (1820—1892). *Learning the Russian language*, 04: 56—60. (In Chin.).
- Mu Azhen. (2017). A study of the artistic beauty of Fet's poetry from "This Morning, This Joy". *Learning the Russian language*, 01: 26—29. (In Chin.).
- Pan Chen. (2023). *About the reception of Feta in China*. Guangdong. 64 p. (In Chin.).
- Peng Yanjiao. (2008). *A series of reading classics for aesthetic education — foreign lyrical poems*. Changsha: Hunan Children's Publishing House. 230 p. (In Chin.).

- Ren Guangxuan. (2020). *The History of Russian Literature*. Beijing: Publishing house of Beijing University (3rd ed.). 432 p. (In Chin.).
- Solovyov, E. A. (1921). *Essay: The history of Russian literature of the XIX century*, 12. Beijing: Publishing House of Bibliographic Literature. 21—40. (In Chin.).
- Solovyov, E. A. (1902). *Essays on the history of Russian literature of the XIX century*. St. Petersburg: Russian State Library. XVI, 556 p. (In Russ.).
- Sun Xiaobo. (2021). On the value and aesthetic qualities of Feta's Oceanic lyrics. *Journal of the Graduate School of the Chinese Academy of Social Sciences*, 04: 98—108. (In Chin.).
- Ulan Khan. (1989). *To the sea: Selected poems of five great Russian poets*. Beijing: Publishing House of Folk Literature. 208 p. (In Chin.).
- Wang Chouran. (1929). *Russian literature ABC*. Shanghai: World Bureau of books. 103 p. (In Chin.).
- Wei Huangnu. (1988). *Selected Russian poems*. Changsha: Hunan People's Publishing House. 415 p. (In Chin.).
- Xu Zhifang. (1989). *The History of Russian poetry*. Beijing: Publishing house of Beijing University. 371 p. (In Chin.).
- Zeng Jingting, He Zhengzhou (trans.). (2023) *The Cambridge Introduction to Theatre Directing* (lated by. Beijing: Life, Reading, New knowledge. 583 p. (In Chin.).
- Zhang Caoren. (1997). *Selected poems by Fet*. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. 202 p. (In Chin.).
- Zhang Huiyan. (2019). Aesthetic Poetic Spirit — about the artistic features of Fet's lyrical poetry. *Learning the Russian language*, 3: 45—50. (In Chin.).
- Zhang Zeya. (2014). Evaluation of natural philosophical poetry by A. A. Fet. *Bulletin of Jiamusi Pedagogical University*, 06: 107—113. (In Chine.).
- Zhao Guilian. (1997). Fet and Chinese Classical poetry. *Literary Studies*, 03: 155—156. (In Chin.).
- Zhao Shuhua. (2004). *Aesthetic features of Feta poetry*. Tianjin. 51 p. (In Chine.).
- Zheng Zhenduo. (1923). A brief history of Russian literature. "Roman Monthly", 14 (8): S. 74. (In Chin.).

*The article was submitted 21.04.2024;
approved after reviewing 16.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Ушакова Е. В. Поэтика заглавия рассказа И. А. Бунина «Смарагд» / Е. В. Ушакова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 290—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-290-303.

Ushakova, E. V. (2024). Poetics of Title in Ivan Bunin's Short Story "The Emerald". *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 290-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-290-303. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Поэтика заглавия
рассказа И. А. Бунина
«Смарагд»**

Ушакова Елена Вячеславовна

orcid.org/0000-0002-7235-3126

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра отечественной
и зарубежной литературы
ushakova@mail.ru

Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
(Москва, Россия)

**Poetics of Title
in Ivan Bunin's
Short Story "The Emerald"**

Elena V. Ushakova

orcid.org/0000-0002-7235-3126

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
ushakova@mail.ru

Moscow University
for Industry and Finance "Synergy"
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается поэтика заглавия рассказа «Смарагд» И. А. Бунина из цикла «Темные аллеи», представляющего собой небольшую сценку или прозаическую миниатюру с ослабленной фабулой. Новизна исследования заключается в том, что представлен анализ заглавия данного произведения и намечена его связь с проблематикой не только рассказа «Смарагд», но и в целом творчества Бунина. Раскрывается роль экспозиционного пейзажа и развития конфликта в контексте особенностей проблематики произведения. Выявлены ключевые моменты динамики коллизии рассказа, основанной на диалоге и принципе контраста. Проведены параллели между рассказами «Смарагд» и «Чистый понедельник». Отмечено сходство образов: героини этих рассказов стремятся к божественному, они восприимчивы к небесной красоте, что не находит понимания у их возлюбленных как носителей иного, более рационального и приземленного мышления. Раскрыты особенности поэтики названия рассказа, его связи с библейскими текстами, а также намечены линии сопоставления с поэтическими и прозаическими произведениями писателя. Автор приходит к выводу о том, что образ смарагда (или изумруда) соотносится в творчестве писателя с миром божественным и возвышенным и символизирует духовные устремления героини рассказа «Смарагд», а также присутствует и в других произведениях Бунина и воплощает стремление к духовному бытию.

Ключевые слова:

Иван Бунин; поэтика заглавия; экспозиционный пейзаж; прозаическая миниатюра; цикл рассказов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the poetics of the title in Ivan Bunin's short story "The Emerald" from the collection "Dark Avenues," which represents a small scene or prose miniature with a weakened plot. The novelty of the research lies in the analysis of the title of this work and its connection not only to the story "The Emerald" but also to Bunin's overall body of work. The role of the expository landscape and conflict development is revealed within the thematic context of the narrative. Key moments of the collision dynamics in the story, based on dialogue and contrast principles, are identified. Parallels between the stories "The Emerald" and "Pure Monday" are drawn, noting similarities in character portrayal: the heroines strive for the divine, are sensitive to celestial beauty, which is not understood by their lovers as bearers of a more rational and earthly mindset. The peculiarities of the poetics of the title, its connections to biblical texts, and comparisons with the writer's poetic and prose works are explored. The author concludes that the image of an emerald (or an emerald) in Bunin's works correlates with the divine and sublime world, symbolizing the spiritual aspirations of the heroine in the story "The Emerald" and present in other works by Bunin, embodying a longing for spiritual existence.

Key words:

Ivan Bunin; title poetics; expository landscape; prose miniature; short story cycle.

УДК 821.161.1Смарагд7Бунин

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-290-303

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Поэтика заглавия рассказа И. А. Бунина «Смарагд»

© Ушакова Е. В., 2024

1. Введение = Introduction

Творчество И. А. Бунина неизменно привлекает внимание исследователей, на протяжении последних двух десятилетий появилось множество статей и диссертационных исследований, посвященных циклу рассказов «Темные аллеи» [Сливицкая, 2004; Байцак, 2009; Фиш, 2009; Захарова, 2013; Марченко, 2015; Богданова, 2017; Пономарев, 2018; Баженова, 2021]. Это обусловлено необходимостью рассмотрения в различных аспектах и зачастую переосмысления с современных позиций разнообразного и многопланового творчества писателя, сочетающего в своих произведениях приемы и принципы различных литературных направлений: от неореализма до постмодернизма.

В цикле рассказов Бунина «Темные аллеи» есть несколько рассказов — лирических миниатюр, отличающихся лаконичностью изложения, ослабленной фабулой и вследствие этих особенностей представляющих определенную сложность для интерпретации («Камарг», «Смарагд», «Сторупий», «Часовня»). На наш взгляд, целесообразно их анализировать не изолированно, а именно в контексте всего цикла или даже творчества писателя в целом, так как в рассказах может получать развитие или раскрытие определенная сквозная тема или идея, образ или коллизия.

Среди подобных рассказов внимание привлекает произведение «Смарагд», о котором лишь упоминают исследователи, когда рассматривают особенности повествования в сценках-миниатюрах, анализируют процесс «растворения новеллистичности», появление рассказа-эпизода [Пономарев, 2019]. Уделялось внимание общему развитию сюжета «Смарагда» и его связи с новеллой «Качели» [Панченко и др., 2016]. Цель данной статьи — исследовать поэтику названия рассказа «Смарагд» и выявить ее функции в тексте. Для этого решаются следующие задачи: на основе изучения особенностей композиции и конфликта произведения раскрыть символику ключевого образа, выявить его роль в выражении проблематики, обнаружить возможные переключки с другими произведениями писателя.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи неоднократно отмечали внутреннюю связь новелл цикла «Темные аллеи»: часто определенные ситуации, мотивы сближают разные рассказы. Так, О. В. Богданова обращает внимание на сходство ситуаций «Тани» и «Темных аллей», подчеркивая центральную роль мужского характера [Богданова, 2020]. К. В. Анисимов предпринимает попытку контекстуализировать миниатюру «Красавица», выявив связи с более ранними произведениям, отмечая сжатую «до возможного предела нарративность (при интуитивно чувствующейся огромной смысловой насыщенности)» [Анисимов, 2020, с. 160]. С. Н. Пяткин и Д. Б. Кудряшова отмечают «переключку двух новелл «Темных аллей» — «Баллады» и «Чистого понедельника», указывая на схожесть элементов текста этих рассказов, связь с церковным календарем [Пяткин и др., 2016]. Е. Р. Пономарев рассматривает структуру цикла «Темных аллей» в целом, подчеркивает внутреннюю взаимосвязь рассказов: «Темные аллеи организованы как круг близких тем и мотивов» [Пономарев 2019, с. 16]. Действительно, можно заметить в произведениях писателя похожие сюжеты и ситуации, поэтому подход, основанный на рассмотрении рассказов в контексте общих закономерностей художественного мира «Темных аллей» представляется оптимальным, в том числе и для изучения лаконичных рассказов-эпизодов, к которым относится «Смарагд». Именно через сопоставление общих образов и мотивов рассказов цикла «Темные аллеи» можно приблизиться к постижению смысла миниатюр Бунина. Системно-целостный анализ рассказа «Смарагд» проводится в контексте цикла «Темные аллеи», представляющего художественное единство тем, образов и мотивов. Как отмечают исследователи, «все произведения цикла представляют собой не просто вариацию одной общей темы — «обыкновенной» истории любви, но и вариацию друг друга на том или ином уровне (идейном, эмоциональном, «геройном», композиционном)» [Панченко и др., 2016, с. 20].

Особое внимание будет уделено заглавию рассказа «Смарагд», выявление семантического потенциала которого позволяет более точно интерпретировать произведение, его скрытый смысл, а также проследить, как раскрывается выбранный образ в других художественных текстах Бунина.

Вопросы поэтики и семантики заглавий литературных произведений давно привлекают внимание исследователей, в том числе в ряде работ представлен анализ заглавий стихотворных произведений И. Бунина [Бердникова, 2020], названий как всего цикла «Темные аллеи» [Круглова, 2008], так и отдельных миниатюр из цикла «Краткие рассказы» [Курносова, 2021].

Название текста становится первым обращением писателя к читателю и рождает определенный ассоциативный ряд еще до начала чтения. Осо-

бенно это касается заглавий образно-символических, к которым, по нашему мнению, и относится и название рассказа «Смарагд». Само слово *смарагд* — устаревшее название изумруда — является ключом к пониманию произведения и привлекает особое внимание, поскольку является архаическим, довольно редко употребляется в речи и вызывает эффект удивления, отсылая читателя к старинным сказаниям и библейским текстам.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пейзаж как экспозиция рассказа «Смарагд»

Рассказ начинается с пейзажного описания, выступающего экспозицией. И это неслучайно: «Для Бунина-художника характерно воссоздавать ситуации встречи, расставания, соединения, близости героев на основе эксплуатации приема природно-психологического параллелизма: природа у писателя неизменно способствует выражению состояния и чувств персонажей» [Богданова, 2020, с. 336]. Действительно, как становится ясно из дальнейшего повествования, пейзаж соотносится с настроением героини произведения, которая видит сказочную нездешнюю его красоту: «Луна плавно уходит в высоту, которой нет дна, и уносит с собой все выше и выше звезду» [Бунин, 2024, с. 68].

Исследователи называют Бунина одним из самых звездных русских авторов, так как он в своих произведениях часто описывает небесные объекты: звезды, луну, млечный путь и т. д. [Бородина, 2018]. Образы луны и звезды связаны со стремлением вверх, «в высоту». Пейзаж, выполняющий функцию экспозиции в данном рассказе, содержит в символическом виде идею возвышенного, даже божественного, ведь повествование в природных зарисовках писателя в целом отличает «повышенная смыслоемкость образов, «выведение» повествования на онтологический уровень» [Захарова, 2013, с. 18]. Образы звездного неба соотносятся с ощущением таинственного и непостижимого, что подчеркивает и повтор слов *луна*, *звезда*, *выше*. И именно в таком состоянии благоговения перед тайной ночного неба и стремления к возвышенному находится героиня рассказа, замечаящая его неземную красоту. При этом взгляд и настроение героя контрастирует как с пейзажем, так и с чувствами девушки. Прием антитезы является одним из ключевых в творчестве писателя не только прозаическом, но и поэтическом. Например, в стихотворении «Ночь» противопоставляются прекрасное и вечное, связанное со светом звезд и сумрак земли:

*Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья*

И звездный свет над сумраком земли («Ночь») [Бунин, 2012, с. 47].

В описании ночного неба в рассказе «Смарагд» также замечен контраст, ср.: «...ночная синяя чернота неба в тихо плывущих облаках, везде белых, а возле высокой луны голубых»; автор упоминает и «золотую слезу звезды», контрастирующую с темнотой неба [Бунин, 2024, с. 68]. Сочетание темных тонов неба со светом луны и звезды создает особое небесное свечение, что и подмечает главная героиня, называя его смарагдом. Так, пейзаж соотносится с ее внутренним состоянием, и экспозиция, как оказывается, предваряет конфликт между персонажами. Уже в экспозиции раскрывается один из смыслов названия рассказа, связанный с образом ночного неба, хотя слово *смарагд* еще не упомянуто в тексте.

3.2. Конфликт и контраст в рассказе «Смарагд»

Принципом, организующим структуру произведения, является контраст, противопоставление разных миров и мироощущений, что в целом присуще многим бунинским рассказам. Об использовании писателем приема контраста, перерастающего в структурообразующий принцип, пишет О. В. Сливицкая: «Взаимодействие противоположностей конструирует все содержание вечно пульсирующей бунинской вселенной» [Сливицкая, 2004, с. 11] Именно на приеме контраста построен диалог, являющийся центральным элементом повествования во многих прозаических миниатюрах писателя. Значение диалога в цикле «Темные аллеи» подчеркивают исследователи творчества Бунина: «В “Темных аллеях” в диалоге сталкиваются две равноправные и далеко стоящие друг от друга жизненные позиции, два четко очерченных характера, две манеры речи» [Пономарев, 2018]. И в рассказе «Смарагд» представлены именно разные позиции: мировосприятие героя и героини ярко противопоставлены.

Обратимся к диалогу персонажей. Прекрасный свет и удивительный цвет звезд замечает героиня новеллы «Смарагд»: «Какой дивный цвет! И страшный, и дивный. Вот уже правда небесный, на земле таких нет. Смарагд какой-то» [Бунин, 2024, с. 68]. Отметим, что в ее реплике сразу намечена оппозиция «небо — земля». Молодой человек в своем ответе, наоборот, пытается снять это противопоставление, представляя все происходящее как абсолютно непримечательное, не стоящее восхищения: *Раз он в небе, так, конечно, небесный* [Там же]. Но при этом именно в его высказывании несколько раз звучит архаичное слово *смарагд*, а также одна из ключевых фраз, символически выражающая настроение и состояние героя рассказа: *Я его в жизни никогда не видал* [Там же]. В дальнейшем развитии диалога персонажей контраст между их точками зрения становится все более явным. Ксения, наполненная переживаниями от созерцания величия и волшебной красоты неба, хочет разделить с Толей свое состояние восхищения, но сталкивается с непониманием и ироническими интонация-

ми собеседника, называющего ее «Кисой», пытающегося свести разговор о тайнах ночного неба к шутке: *И золотые груши на вербе* [Там же].

Бунину удалось в несколько фраз вместить изображение противоречий между мирами героев. Поведение и настроение Ксении и Толи противоположно, что подчеркивает даже их расположение в пространстве: она *смотрит вверх*, он — *сидит у ее колен*. Она любит ночным небом, а он отмечает: *...икры и колени полные*. В его речи проявляется снисходительно-несерьезное отношение к девушке, ирония.

В репликах персонажей, тоне их голоса, поведении отражено непонимание героями друг друга. Хотя они, казалось бы, просто обсуждают впечатления от ночного пейзажа, но на самом деле, и это ощущается в подтексте, герои говорят и о любви, только для героини важна именно духовная близость, тогда как ее собеседник в полупуштивом разговоре стремится ее «спустить с небес на землю» в прямом и переносном смысле: *Раз он в небе, так, конечно, небесный. Только почему смарагд? И что такое смарагд?* [Там же]. Смысловые оппозиции прослеживаются на протяжении всего повествования. Так, с образом девушки связаны и детали пейзажа, в которых акцентируется устремленность вверх: *Луна плавно уходит в высоту, которой нет дна, и уносит с собой все выше и выше звезду* [Там же]. Используя сравнение неба со смарагдом, героиня пытается передать через описание цвета ночного неба свое восхищение неземной красотой и благоговение перед тайной мироздания, которое сродни религиозному: *И когда вот так смотришь на все это, как же не верить, что есть рай, ангелы, божий престол...* [Там же]. Примечательно, что даже в заключительной снисходительно-иронической реплике героя, завершающей рассказ, звучит слово *святость*.

Конфликт лишь намечен в повествовании, и, хотя неизвестно, как сложатся отношения героев, развязка угадывается, так как в диалоге, проступают истинные чувства и мировоззрение персонажей. Диалог как будто «притворяется случайным — за формами диалога прячется голос судьбы» [Пономарев, 2019, с. 185].

В подтексте намечено и возможное будущее противостояние героев. Если рассмотреть рассказ в контексте других новелл цикла, можно увидеть определенные смысловые и образные переключки, возможные варианты развязки конфликта, которая вынесена за пределы повествования.

В связи с этим отметим некоторое сходство конфликта рассказов «Чистый понедельник» и «Смарагд», в которых отражена проблема взаимного непонимания героев. В диалогах героя и героини «Чистого понедельника» особенно явно проступает разность мировоззрений и мировосприятия: «Ментальные координаты хронотопов героев разнесены, векторность их движений разноориентирована, они пересекались в некоей “точке сходже-

ния”, но не могли совпасть абсолютно и соединиться» [Богданова, 2017, с. 29]. При этом, как и рассказ «Смарагд», «Чистый понедельник» открывает экспозиционный пейзаж, который «эксплицирует “романтическое” двоение, программируя неразрешимые противоречия в окружающем мире и в отношениях героев» [Там же, с. 25].

Обращает на себя внимание и сходство в восприятии героинями двух рассказов окружающего мира. «Я говорю про это небо среди облаков. Какой дивный цвет!» [Бунин, 2024, с. 68] — замечает Ксения, а героиня «Чистого понедельника» восхищается особенным звуком бьющих на Спасской башне часов: *Какой древний звук, что-то жестяное и чугунное. И вот так же, тем же звуком било три часа ночи и в пятнадцатом веке* [Там же, с. 262]. В «Чистом понедельнике» герой не вполне понимает увлечения его возлюбленной: *...она зачем-то училась на курсах, довольно редко посещала их, но посещала*, в ее комнате *зачем-то висел портрет босого Толстого* [Там же, с. 250]. Так же и в рассказе «Смарагд» Толя не разделяет восхищение неземной красотой неба, ему кажется странным восторг героини, что отражается в вопросах: *Только почему смарагд? И что такое смарагд?* [Там же, с. 68].

И если Ксения Андреевна, ощущая обиду, лишь отстраняется, с трудом сдерживает слезы и убегает, то героиня «Чистого понедельника» говорит прямо: *Это вы меня не знаете* [Там же, с. 256]. В итоге она решается уйти в монастырь. По сути, перед нами вариации сюжета о непонимании персонажами друг друга и о стремлении одного из них к осознанию божественного. Только в «Смарагде» история взаимоотношений героев не развернута, читатель может лишь предположить, как сложатся события. «Смарагд» содержит ряд мотивов, близких рассказу «Чистый понедельник», их сопоставление позволяет увидеть переклички тем и сюжетов всего цикла, а также осмыслить значение семантики названия рассказа.

3.3. Смарагд как ключевой символ рассказа

Герой рассказа «Смарагд» задается важным вопросом, который может возникнуть и у читателя: почему же смарагд? Автор выбирает такую лексему неслучайно. В целом в произведениях писателя достаточно часто используются слова, обозначающие самоцветы: «Свое миро-, цветовидение и отношение к старинным, устаревшим названиям самоцветов писатель раскрывает иногда довольно подробно в своих произведениях. Характеризуя небесное пространство и его цвет, И. А. Бунин прибегает иногда к семантическим образным сопоставлениям лексем *яхонт* и *смарагд*, имеющих разный цвет» [Хашимов, 2018, с. 271]. Названия драгоценных камней часто используются в качестве контекстуальных синонимов в значении ‘цвет соответствующего камня’. Однако в рассказе отличительными признаками смарагда является не только цвет: «И. А. Бунин использует метафорическое

употребление подобных лексем не только для изображения определенного цвета как такового, но и для характеристики цельного образа природной реалии» [Хашимов, 2018, с. 272]. Это может быть и суть минерала. Более того, смарагд предстает как индивидуально-авторская метафора, устанавливающая нетипичную связь между самоцветом и образом окружающего мира, подчеркивается не только цвет, свечение, но и иное, более глубинное значение. Архаизм *смарагд*, как и многие другие архаизмы в прозе Бунина, служит созданию атмосферы возвышенности и торжественности.

И в данном рассказе героиня, пытаясь уточнить, что имеет в виду, делает одновременную отсылку к другому камню: *Ну, я не знаю, — может, не смарагд, а яхонт...* [Бунин, 2024, с. 68]. И, как далее становится ясно, не столько важен цвет или верное название самоцвета, сколько ощущение, необыкновенное, неземное: *Только такой, что, верно, только в раю бывает* [Там же]. Автор прибегает к словам *яхонт*, *смарагд*, вероятно, в том числе и для того, чтобы связать обыденное, реальное с религиозным чувством, так как подобные слова, обозначающие драгоценные камни, встречаются и в библейских текстах. В идиостиле писателя значение таких слов может выходить за рамки общепринятого, выступать в окказиональном значении: «Надо признать, что Бунин использует метафорическое употребление подобных лексем не только для изображения определенного цвета как такового, но и для характеристики цельного образа природной реалии-моря, океана, неба. Морское и небесное восприятие ассоциируется и с цветом, и с сутью того или иного минерала» [Хашимов, 2018, с. 271].

Почему же именно *смарагд*? С одной стороны, цветообозначения вообще выступают отличительной чертой стиля этого писателя: «Метафорическое употребление лексем со значением драгоценный камень, минерал в идиостиле Ивана Бунина преимущественно основано на базовом дифференциальном признаке “цвет”, особенно в поэтических пейзажных зарисовках» [Хашимов, 2018, с. 270].

С другой стороны, образ смарагда несет глубокий смысл. В репликах Ксении он постепенно раскрывается, когда героиня пытается объяснить свое восприятие неба и его необычного цвета: *Когда вот такмотришь на все это, как же не верить, что есть рай, ангелы, божий престол...* [Бунин, 2024, с. 68].

Надо отметить, что уподобление звезд самоцветам и одновременно указание на их связь с божественным и возвышенным возникают и в других произведениях Бунина. В одном из ранних рассказов Бунина «Сосны» (1901) также раскрывается смысловая связь «звезда — самоцвет (изумруд) — божий трон»: «И большая, остро содрогающаяся изумрудом звезда на северо-востоке кажется звездою у божьего трона, с высоты которого

господь незримо присутствует над снежной лесной страной» [Бунин, 1986, с. 70]. Изображение смарагда, или изумруда, в описании неба или звезд в творчестве писателя является аллюзией на библейские тексты. Как отмечает И. Ю. Барышникова, в некоторых стихах Бунина встречаем близкое к тексту Откровение св. Иоанна Богослова изображение Творца, которое включает и «радугу вокруг престола, видом подобную смарагду»: «Переложения данных стихов очень близки к оригиналу, по сути это пересказ Откровения со сложным синтаксисом, с некоторыми лишь изменениями, отступлениями и добавлениями». [Барышникова, 2012, с. 396]. Например, в стихотворении Бунина «Из Апокалипсиса. Глава IV» упоминается смарагд: «И радуга, подобная смарагду, Его престол широко обняла» [Бунин, 1993, с. 87]. Неслучайно это обращение к библейской образности отражается и в главном символе рассматриваемого рассказа «Смарагд». Можно заметить, что и герой рассказа «В поздний час» в момент высшего счастья замечает «зеленую звезду», и завершается произведение предложением «дивным самоцветом глядела невысокая зеленая звезда, лучистая, как та, прежняя, но немая, неподвижная» [Бунин, 2024, с. 43]. Звезду, молодой месяц, зеленое небо видят влюбленные в рассказе «Качели», ощущая вспышку счастья и радости, лучше которой, как отмечает героиня, уже ничего не будет. Так, в целом ряде рассказов писателя возникает образ неземной красоты неба, звезд и их необычайного света, который ассоциируется с божественным и непреходящим: «Через образы звезд приходит чувство небесной тайны, чувство Бога» [Абрамянц, 2002, с. 30].

Таким образом, если представить заглавие, как заметил И. Р. Гальперин, «в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин 1981, с. 133], то можно выявить смысловые оттенки названия рассказа «Смарагд» в контексте всего творчества писателя и увидеть, что ключевым является связь данного образа с религиозно-возвышенным восприятием мира.

4. Заключение = Conclusions

Итак, анализ поэтики заглавия рассказа позволил прийти к выводу, что смарагд является главным образом-символом произведения. Он отражает стремление главной героини к духовному бытию, заставляющему подниматься над ограничивающей повседневностью, приблизиться к неземному свету и поверить по-настоящему в существование божественной красоты. Отметим, что обращение к религиозной проблематике присуще многим бунинским рассказам: «Православная аксиология отчетливо доминирует в семантическом поле его текстов. Нельзя недооценить те качества народного характера, которые лирически-проникновенно поэтизируются Бу-

ниным: это смиренномудрие его героев, их стоицизм, подчас — глубокая внутренняя устремленность к святости» [Захарова, 2013, с. 105] Действительно, в рассказе *смарагд* — это не просто архаичное название изумруда, само слово ассоциативно связано с библейскими текстами и христианской символикой и встречается не только в прозаических, но и поэтических произведениях И. Бунина.

В рассказе автор описывает непостижимо-прекрасную красоту неба, притягивающую к себе открытую и наивную душу героини, образ которой также может быть соотнесен со смарагдом. Конфликт между героиней и героем «Смарагда» иллюстрирует их разное мироощущение, причем Бунин представляет читателю лишь небольшой диалог, сценку-миниатюру, которая, тем не менее, заключает в себе глубокий смысл, показывает столкновение двух представлений о мире, которое ощущается в подтексте, и заставляет читателя размышлять о возможном развитии событий и отношений персонажей.

Таким образом, название рассказа многопланово, оно оказывается доминантой повествования и выполняет функцию смысловой организации пространства текста, а также служит средством организации межтекстовых связей в цикле «Темные аллеи». В частности, можно обнаружить некоторое сходство образов героинь рассказа «Смарагд» и «Чистый понедельник», выражающееся в их стремлении к божественному и в восприимчивости к небесной красоте, которые не находят понимания у своих возлюбленных как носителей иного, более рационального и приземленного мышления. Образы звезд, их неземного свечения встречаются во многих рассказах Бунина, в том числе и в рассмотренных нами произведениях, и, как правило, соотносятся с возвышенным или религиозным переживанием личностью смысла бытия.

Изучение поэтики заглавия этого рассказа, а также образов-ассоциаций, влияющих на восприятие читателя, позволяет приблизиться к постижению смысла лирической миниатюры «Смарагд» в контексте творчества И. А. Бунина, а также расширить границы понимания других произведений цикла «Темные аллеи».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 8 т. / И. А. Бунин. — Москва : Московский рабочий, 1993. — Т. 1. — 539 с.
2. Бунин И. А. Сосны / И. А. Бунин // Поэзия и проза. — Москва : Просвещение, 1986. — 384 с.
3. Бунин И. А. Стихотворения. Повести. Рассказы / И. А. Бунин. — Москва : Просвещение, 2012. — 432 с. — ISBN 978-5-358-03615-4.

4. Бунин И. А. Темные аллеи : рассказы / И. А. Бунин. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — ISBN 978-5-04-193579-5.

Литература

1. Абрамянц А. Звездные руны Ивана Бунина / А. Абрамянц // Русская речь. — 2002. — № 2. — С. 29—33.

2. Анисимов К. В. Жестокий романс Ивана Бунина : «Красавица» / К. В. Анисимов // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 1. — С. 159—169. — DOI: 10.17223/18137083/70/12.

3. Баженова Я. В. Поэтика имени в творчестве И. А. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Я. В. Баженова. — Томск, 2021. — 289 с.

4. Байцак М. С. Поэтика описания в прозе И. А. Бунина : живопись посредством слова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. С. Байцак. — Омск, 2009. — 175 с.

5. Барышникова И. Ю. Роль христианской символики в поэтическом описании сидящего на престоле Творца / И. Ю. Барышникова // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 3. — С. 392—397.

6. Бердникова О. А. К вопросу о поэтике заглавий в стихотворном наследии И. А. Бунина / О. А. Бердникова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 22. — № 4 (202). — С. 238—255. — DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.074.

7. Богданова О. В. Экспозиционная роль рассказа «Таня» в «Темных аллеях» И. А. Бунина / О. В. Богданова // Вестник РХГА. — 2020. — № 1. — С. 52—60. — DOI: 10.25991/VRHGA.2020.19.1.003.

8. Богданова О. В. Любовный «конфликт» в рассказе И. Бунина «Чистый понедельник» / О. В. Богданова // Междисциплинарные связи при изучении литературы : материалы VII Международной научно-практической конференции, Саратов, 25—26 мая 2017 года / Под редакцией Т. Д. Беловой, А. Л. Фокеева. — Саратов : Саратовский источник, 2017. — Выпуск 7. — С. 23—30.

9. Бородин Н. А. Описание объектов звездного неба в произведениях И. А. Бунина / Н. А. Бородин // Philologos. — 2018. — № 39 (4). — С. 18—23. — DOI: 10.24888/2079-2638-2018-39-4-19-23.

10. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : Наука, 1981. — 139 с.

11. Захарова В. Т. Проза Ив. Бунина : аспекты поэтики : монография / В. Т. Захарова. — Нижний Новгород : НГПУ, 2013. — 111 с.

12. Круглова А. А. «Темные Аллеи» И. Бунина : Поэтика заглавия / А. А. Круглова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2008. — № 1. — С. 116—118.

13. Курносова И. М. О семантике и поэтике названий «кратких рассказов» И. Бунина / И. М. Курносова // Philologos. — 2021. — № 4 (51). — С. 26—31. — DOI: 10.24888/2079-2638-2021-51-4-26-31.

14. Марченко Т. В. Поэтика совершенства. О прозе И. А. Бунина / Т. В. Марченко. — Москва : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. — 208 с. — ISBN 978-5-98854-053-3.

15. Панченко Т. Ф. Книга И. А. Бунина «Тёмные аллеи» как метажанровое единство / Т. Ф. Панченко, Д. И. Нечаева // Известия Восточного института. — 2016. — № 4 (32). — С. 10—21.

16. Пономарев Е. Р. Интертекст «Темных аллея»: Растворение новеллы в позднем творчестве И. А. Бунина / Е. Р. Пономарев // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 2. — С. 186—203.

17. Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода / Е. Р. Пономарев. — Москва: Литфакт, 2019. — 340 с. — ISBN 978-5-6043382-5-4.

18. Пяткин С. Н. Церковный календарь в книге И. А. Бунина «Темные аллеи» / С. Н. Пяткин, Д. Б. Кудряшова // Научный диалог. — 2016. — № 5 (53). — С. 86—96.

19. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина / О. В. Сливицкая. — Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. — 270 с. — ISBN 5-7281-0699-4.

20. Фиш М. Ю. Сенсорные коды поэтики цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи»: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / М. Ю. Фиш. — Воронеж, 2009. — 22 с.

21. Хашимов Р. И. Метафора самоцветов И. А. Бунина / Р. И. Хашимов // И. А. Бунин: от века XX к веку XXI: материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции, Елец, 20—21 сентября 2018 года. — Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2018. — С. 267—275. — ISBN 978-5-94809-987-3.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024,
одобрена после рецензирования 16.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

Bunin, I. A. (1993). *Collected works: in 8 volumes, 1*. Moscow: Moskovsky Rabochy. 539 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (2024). *Dark alleys: stories*. Moscow: Eksmo. 288 p. ISBN 978-5-04-193579-5. (In Russ.).

Bunin, I. A. (2012). *Poems. The story. Stories*. Moscow: Prosveshchenie. 432 p. ISBN 978-5-358-03615-4. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1986). *Sosny*. In: *Poetry and prose*. Moscow: Prosveshchenie. 384 p. (In Russ.).

References

Abramyants, A. (2002). The Star runes of Ivan Bunin. *Russian speech*, 2: 29—33. (In Russ.).

Anisimov, K. V. (2020). Ivan Bunin's Cruel romance: "Beauty". *Siberian Philological Journal*, 1: 159—169. DOI: 10.17223/18137083/70/12. (In Russ.).

Baitsak, M. S. (2009). *The poetics of description in I. A. Bunin's prose: painting through the word*. PhD Diss. Omsk. 175 p. (In Russ.).

Baryshnikova, I. Y. (2012). The role of Christian symbolism in the poetic description of the Creator sitting on the throne. *Theory and practice of social development*, 3: 392—397. (In Russ.).

Bazhenova, Ya. V. (2021). *Poetics of the name in the works of I. A. Bunin*. PhD Diss. Tomsk. 289 p. (In Russ.).

Berdnikova, O. A. (2020). On the question of the poetics of titles in the poetic heritage of I. A. Bunin. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 22 / 4 (202): 238—255. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.074. (In Russ.).

- Bogdanova, O. V. (2017). The love “conflict” in I. Bunin’s story “Clean Monday”. In: *Interdisciplinary connections in the study of literature: A collection of scientific papers*, 7. Saratov: Saratov Source. 23—30. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V. (2020). The expository role of the story “Tanya” in “Dark Alleys” by I. A. Bunin. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 1: 52—60. DOI: 10.25991/VRHGA.2020.19.1.003. (In Russ.).
- Borodina, N. A. (2018). Description of the objects of the starry sky in the works of I. A. Bunin. *Philologos*, 39 (4): 18—23. DOI: 10.24888/2079-2638-2018-39-4-19-23. (In Russ.).
- Fish, M. Yu. (2009). *Sensory codes of the poetics of the cycle of I. A. Bunin’s short stories “Dark alleys”*. Author’s abstract of PhD Diss. Voronezh. 22 p. (In Russ.).
- Galperin, I. R. (1981). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: Nauka. 139 p. (In Russ.).
- Hashimov, R. I. (2018). Metaphor of gems I. A. Bunin. In: *I. A. Bunin: from century XX to century XXI: materials of the jubilee All-Russian (with international participation) scientific conference, Yelets, September 20—21, 2018*. Yelets: I. A. Bunin Yelets State University. 267—275. ISBN 978-5-94809-987-3. (In Russ.).
- Kruglova, A. A. (2008). “Dark Alleys” by I. Bunin: Poetics of the title. *Bulletin of the N. A. Nekrasov KSU*, 1: 116—118. (In Russ.).
- Kurnosova, I. M. (2021). On the semantics and poetics of the names of “short stories” by I. Bunin. *Philologos*, 4 (51): 26—31. DOI: 10.24888/2079-2638-2021-51-4-26-31. (In Russ.).
- Marchenko, T. V. (2015). *The poetics of perfection. About the prose of I. A. Bunin*. Moscow: Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad. 208 p. ISBN 978-5-98854-053-3. (In Russ.).
- Panchenko, T. F. (2016). I. A. Bunin’s book “Dark Alleys” as a meta-genre unity. *News of the Oriental Institute*, 4 (32): 10—21. (In Russ.).
- Ponomarev, E. R. (2019). *Overcoming modernism: The work of I. A. Bunin of the emigrant period*. Moscow: Litfakt. 340 p. ISBN 978-5-6043382-5-4. (In Russ.).
- Ponomarev, E. R. (2018). The intertext of “Dark Alleys”: The dissolution of the novel in the late work of I. A. Bunin. *New Literary Review*, 2: 186—203. (In Russ.).
- Pyatkin, S. N., Kudryashova, D. B. (2016). Church Calendar in I. A. Bunin’s “Dark Alleys”. *Nauchnyi dialog*, 5 (53): 86—96. (In Russ.).
- Slivitskaya, O. V. (2004). *“Heightened sense of life”: the world of Ivan Bunin*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 270 p. ISBN 5-7281-0699-4. (In Russ.).
- Zakharova, V. T. (2013). *Prose of Ivan Bunin: aspects of poetics: monograph*. Nizhny Novgorod: NGPU. 111 p. (In Russ.).

*The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 16.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Шарыпина Т. А. Иной и Чужой : лики Медеи в драматических и сценических интерпретациях XX—XXI веков / Т. А. Шарыпина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 304—334. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-304-334.

Sharypina, T. A. (2024). Other and Alien: Faces of Medea in Dramatic and Stage Interpretations of 20th-21st Centuries. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 304-334. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-304-334. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Иной и Чужой: лики Медеи в драматических и сценических интерпретациях XX—XXI веков

Шарыпина Татьяна Александровна
orcid.org/0000-0002-8585-8983
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
зарубежной литературы
swawa@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено на кафедре
зарубежной литературы Национального
исследовательского Нижегородского
государственного университета
им. Н. И. Лобачевского за счет гранта
Российского научного фонда
(РНФ, № 23-28-00559,
тема № Н-238-2_2023-2024)

Other and Alien: Faces of Medea in Dramatic and Stage Interpretations of 20th-21st Centuries

Tatiana A. Sharypina
orcid.org/0000-0002-8585-8983
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Foreign Literature
swawa@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out
at the Department of Foreign Literature
of the National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
with the support of a grant
from the Russian Science Foundation
(RSF, № 23-28-00559,
topic № Н-238-2_2023-2024)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведен анализ дискурса Иного (Другого) и Чужого в трансформациях сюжета о Мееде XX—XXI, ярко проявляющегося при рассмотрении его функционирования в процессе бинарных драматургических параллелей в творчестве Х. Х. Янна, Г. Батлера, Х. Мюллера, Л. Годе, М. Курочкина, В. Клименко, Ж. Ануя, Т. Ланоя. Это способствует продуктивному осмыслению рецепции константных компонентов мифа тем или иным национальным менталитетом в русле обозначенной оппозиции. Актуальность работы связана с исследованием художественного текста с точки зрения феномена национального кода в контексте исторической эпохи. Инварианты образа Мееды переосмысливаются в новых реалиях современной жизни. Ёмкий образ колхидской царевны вобрал в себя практически все трудности борьбы женщины за свою интеллектуальную и социальную независимость. Выявляются диахронические типологические параллели воплощения обозначенного дискурса, которые прослеживаются на всех уровнях поэтологической структуры драматических и сценических адаптаций, поскольку современное новейшее искусство становится всё более визуализированным, а природа драматического произведения требует не только вербального, но и визуального, аудиального восприятия. Доказывается, что взаимодействие художественных кодов разных видов искусства углубляет смысловую многогранность произведений о Мееде: усиливает эмоциональный эффект в восприятии ее образа и способствует созданию психологически развернутой характеристики героини.

Ключевые слова:

миф; интерпретация; сюжет; трагедия; Еврипид; авторское мифотворчество.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the discourse of the Other and the Alien in transformations of the Medea narrative from the 20th to the 21st centuries, prominently seen through binary dramaturgical parallels in the works of H. H. Jahn, G. Butler, H. Müller, L. Gaudé, M. Kurochkin, V. Klimenko, J. Anouilh, and T. Lanoye. This contributes to a productive understanding of how the constant components of the myth are perceived by different national mentalities within the context of this opposition. The relevance of this work lies in examining artistic texts through the lens of the national code phenomenon within historical epochs. The Medea archetype is reinterpreted in the context of contemporary life, encapsulating the struggles of women for intellectual and social independence. Diachronic typological parallels of this discourse are identified across all levels of the ethological structure of dramatic and stage adaptations as modern art becomes increasingly visualized and dramatic works require both verbal and visual, auditory perception. It is argued that the interaction of artistic codes from various art forms enhances the multifaceted meanings of Medea's narratives, intensifying emotional effects and contributing to a psychologically nuanced characterization of the heroine.

Key words:

myth; interpretation; narrative; tragedy; Euripides; authorial myth-making.

УДК 821.112.2:82-343

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-304-334

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

Иной и Чужой: лики Медеи в драматических и сценических интерпретациях XX—XXI веков

© Шарыпина Т. А., 2024

1. Введение = Introduction

Дискурс Иного (Другого) и Чужого приобретает все большее значение в социокультурной ситуации XX и первой четверти XXI века. Антропология, философия, психология, социология и культурология в научном пространстве занимаются теоретическим обоснованием этого топоса. Искусство, театр и литература как традиционно наиболее гуманистически ориентированные составляющие культуры активно манифестируют названный дискурс, питаемый трагическими историческими событиями и стремлениями XX, а теперь и XXI столетия, времени потрясающего научно-технического прогресса, с одной стороны, и беспрецедентных военных конфликтов, последствий исторического колониализма, современного национализма и фактов массового уничтожения, с другой. Противостояние культурным и политическим последствиям национализма и колониализма, а также осмысление опыта освободительных общественных движений поставили деятелей культуры перед философским и художественным осмыслением названных явлений. Глобализационные процессы XXI века обнажили радикально разделенный мир с Чужим и Иным (Другим) как внутри, так и вне определенной системы. Современный человек, полный противоречий рефлектирующий субъект, сталкивается и живёт в таком же разделенном, противоречивом жизненном пространстве. Актуализация мифа в современной культуре вызвана тем, что на пороге нового тысячелетия в осмыслении символов Иного (Другого) и Чужого личность осознала острую необходимость в вихре катастрофических предвестий, с которыми трудно справиться с помощью традиционного опыта человеческого существования, обрести надёжную жизненную опору. Истоки всеобщего внимания писателей, актёров и режиссёров, психологов и политиков XX века к перипетиям судеб мифологических героев связаны с особой сущностью мифологии и принципов мифомышления, неизменно повёрнутых к челове-

ку, его духовной сущности в противовес антигуманным тенденциям. Миф, именно в переломные периоды, предстаёт незыблемым опытом человека, сохраняя память веков, всегда представляя память веков как основу мировой устойчивости. Личности свойственно мифологизирование, но теперь, в отличие от «мифологического периода» древнего мира, этот процесс захватывает историческую, социальную, эмоциональную жизнь человека.

Настоящая работа посвящена тому, чтобы на ярком мифологическом примере исследовать, как драматургические и сценические интерпретации в духе своей эпохи моделируют топосы Чужого и Иного. Наряду с мифом, искусство взяло на себя эту задачу, поскольку оно воссоздает жизнь посвоему, не придерживаясь натуралистической объективации. Оно может показать людей с их иллюзиями и страданиями, с их страхами и желаниями. Рождение и смерть, бессознательное, мир эмоций, а также область трансцендентного искусство может метафорически перенести на уровень означаемого. Искусство может открывать незнакомые перспективы в дискурсе Чужого и Иного, выявляя бессознательное и вытесненное в сознании. Выбор в этом контексте пал на образ Медеи, античной героини, чья каноническая стабильность не ослабевает с момента первой театральной интерпретации Еврипида (431 г. до н. э.), переживая настоящий Ренессанс с 80-х годов XX века.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В 431 году до н. э. Еврипид (около 485—407 гг. до н. э.) в своей трагедии лаконично описал мифическую Медею, и с тех пор она претерпевает нескончаемые эстетические метаморфозы. Как и немногие другие персонажи, Медея сохранила свое иконографическое присутствие на протяжении всех эпох, снова и снова будоража воображение людей и вдохновляя их на пересказ своей истории. Вот уже более двух с половиной тысяч лет очарование Медеи сохраняется, ее странность сопротивляется любым попыткам «приручения», ее чудовищная двойственность лишает ее всякого однозначного восприятия. Кажется, именно дискурс Чужого и другого (Иного) составляет неизменную мифическую основу ее облика: она не гречанка — иноземка, варварка, её статус колеблется между богом и человеком, она наделена сверхчеловеческими способностями, но в то же время неразрывно связана с человеческими жизненными реалиями: любовью, сексуальностью и смертью. Еврипидовский мотив детоубийства усиливает ее загадочность и инаковость, помещает ее в сферу, еще более далекую от объяснения, и превращает ее в героиню, трагизм судьбы которой трудно превзойти.

Еврипид, как известно, переработал существующую до него мифологическую традицию осмысления образа Медеи. Древнегреческие поэтиче-

ские тексты, поэмы Гомера касаются истории Ясона и возвращения Арго, однако Медея в них все еще остается безымянной. На пороге VII века до н. э. ее имя появляется в «Теогонии» Гесиода. В «Генеалогии» богов (ст. 961) она названа богиней и внучкой Гелиоса, а их история с Ясоном кратко передана в 11 стихах (ст. 992—1002), об этом сочиняет и странствующий поэт Симонид (VI века до н. э.). Пиндар в начале V века до н. э. в своей 4-й Пифийской оде также повествует о путешествии аргонавтов и овладении ими Золотым руном с помощью Медеи.

До Еврипида два его великих современника Эсхил (около 525—456 гг. до н. э.) и Софокл (около 497—405 гг. до н. э.) обратились к мифам о Медее. В своей сатировской драме «Кормилицы Диониса» из состава «второй дионисовой тетралогии» Эсхил представляет Медею ведуньей или волшебницей, совершающей ритуал омоложения кормилиц Диониса и их спутников — сатиров. Текст «Кормилиц Диониса» утрачен практически полностью, и антиковеды имеют только небольшой фрагмент, который относится к «Медее, омолаживающей старцев» [Эсхил, 1989]. Сохранилось несколько фрагментов из двух трагедий Софокла, в которых Медея представлена как женщина-травница, ведунья, знахарка и как спутница Ясона: «Зельескопы» («Женщины, подрезающие корни») и «Колхидянки», в которой содержится эпизод убийства Медеей малолетнего брата Аписирта в отцовском дворце, вероятно, выдуманный Софоклом. В первом фрагменте, как чаще всего интерпретируют учёные, Медея готовится погубить Пелия. В середине V века до н. э. Еврипид также обращается к мифам о Медее, представляя её колдуньей-травницей, инсценирующей притворное омоложение Пелия в своей трагедии «Пелиады».

Доеврипидовская мифологическая «история» Медеи содержит эпизоды, которые имеют очень древнюю традицию и известны многим народам. Среди них мотивы героя, которому предстоит пройти опасные испытания и выполнить невыполнимые поручения инициационного характера, а также дочери владыки, которая влюблена в него и помогает ему добрым советом и волшебством. Божественная помощь также может быть задействована в интриге, когда богиня прельщает девушку любовью героя. Другой мотив — интрига злого родственника, который подвергает героя опасностям при выполнении задания в надежде, что он погибнет. Наказание узурпатора после возвращения героя также является частью широко распространенного мифологического сюжета и считается вполне справедливым. Однако в истории Медеи эти мотивы отчуждаются, уже в мифе представляя её инаковость: она превращается из доброй волшебницы в злую в ходе развития мифического сюжета, поскольку на ней лежит ответственность за смерть злого, но кровного родственника владельца трона, Пелия.

Само имя *Медea* (*Μήδεια*), как и его перевод с древнегреческого, вызывает споры, его значение связывается с *μήδομαι* — ‘замышлять, придумывать’ и с *μέδομαι* — ‘думать, заботиться’. Происхождение Медеи относят к эпохе матриархата, периоду собирания трав и магии. Возникновение в художественном сознании греков характера, воплощающего в себе доминирующее женское начало, вряд ли было бы возможным в патернальном обществе, где вся интеллектуальная и культурная жизнь, государственные дела, торговля были подчинены мужчине и его интересам. Сложившийся в ту эпоху характер древнегреческого общества даёт право учёным говорить о негреческом происхождении героини, устанавливая ареал происхождения образа от полуострова Индостан до Британских островов и отмечая как влияние этрусской культуры, так и сходство с образами ирландской и индийской мифологии, принимая во внимание общность корня имени *medhu-* — ‘опьяняющий (медовый) напиток’. Можно с большой степенью достоверности предполагать, что Медea как образ была заимствована греками в результате внешних контактов, процесса освоения побережья Чёрного моря, и только в дальнейшем была воспринята и трансформирована в своей «инаковости» греческой мифологией в качестве притягательного в своей загадочности, но изначально Чуждого образа [Петросян, 2016]. Учитывая столь древнее происхождение образа Медеи, чьи кровавые действия производят сильное впечатление на авторов, в разное время обращавшихся к сюжету, необходимо рассмотреть её поступки не только с этической стороны, но и с точки зрения исполнения древнего ритуала. Медea упоминается в различных источниках прежде всего как колдунья и жрица, а значит, совершает ритуалы и участвует в них. Так, ряд исследователей предполагают в качестве причины убийства Главки не ревность, а исполнение ритуального действия, а при описании эпизода псевдоомоложения Пелия Р. Грейвс, например, отмечает «котел омоложения», встречающийся преимущественно в кельтских мифах, и связывает с этим тот факт, что Медea называет себя гиперборейской богиней, то есть богиней с Британских островов, в который раз подтверждая чуждость, инаковость героини по сравнению с другими образами греческой мифологии [Грейвс, 2014].

В предлагаемой статье представлен системный подход к изучению взаимодействия литературы о Медee с другими видами искусства; показано, что миф о Медee стал ценностным ориентиром в культурном сознании XX—XXI веков. Интермедиаальный подход является базовым для понимания основных тенденций современного прочтения сюжета о Медee. Методика, представленная в работе, согласуется с научными концепциями современного литературоведения по теории мифотворчества и мифопоэтики, прежде всего с исследованиями, проводимыми кафедрой зарубежной

литературы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в русле концепций отечественных философов, мифологов, литературоведов А. Ф. Лосева, А. А. Потебни, А. А. Тахо-Годи, О. М. Фрейденберг, А. В. Гулыги, С. С. Аверинцева, М. И. Стеблина-Каменского, Е. М. Мелетинского, а также зарубежных классических теорий XX века, посвященных функционированию универсальных архетипов и мифа в целом в современном художественном сознании К. Г. Юнга, К. Кереньи, Дж. Кэмпбелла, М. Элиаде и др. Кроме сравнительно-исторического метода и методики интермедиального исследования, при изучении драматургических и сценических интерпретаций сюжета о Мееде продуктивным оказалось обращение к историко-генетическому методу, помогающему определить первопричины литературных явлений и их глубинного мифологизма.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Трагедия Мееды нашла воплощение более чем в трех десятках драм, среди которых произведения П. Корнеля (1635), Лонгепьера (1694), Ф. Клингера (1786), Ф. Грильпарцера (1822), Х. Х. Янна (1926), Робинсона Джефферса (1946), Ж. Ануя (1946)) и В. Брауна (1959) и др., в которых образ царевны из Колхиды прошел долгий путь трансформаций. Она нашла своё воплощение в оперном и балетном искусстве: это оперы Франческо Кавали (1649), Марка-Антуана Шарпантье (1693), Луиджи Керубини (1797), Симона Майра «Мееда в Коринфе» (1813), Джованни Пачини (1843) и «Мееда» Мишеля Реверди по мотивам романа Кристи Вольф «Мееда Голоса» (премьера в Лионе в 2003 г.); балеты: Жан Жорж Новерр «Мееда и Ясон» (1763), Жан Реншоу «Мееда» (1999). Мееда также покорила важнейшее средство массовой информации XX века — кино: Пьер Паоло Пазолини (1969) и Ларс фон Триер (1988) воссоздали её историю на экране. У истоков гиноцентрической традиции в изображении героини уместно назвать Кристину Пизанскую, воплотившую сюжет о Мееде в 1405 году в «Книге о городе женщин» («*Libro della Città delle Dames*»). В послевоенное время эта традиция была развита такими авторами, как Мария Луиза Кашниц (1944), Анна Зегерс (1948) и Элизабет Лангтэссер (1950). К концу 1970-х годов и по сей день мы наблюдаем настоящий бум, связанный с гендерным и гиноцентрическим переосмыслением мифологического образа Мееды. Это привело к ряду более или менее страстных текстов в защиту Мееды, в том числе Хельги Новак (Helga M. Novak «*Brief an Medea*» 1977), Урсулы Хаас (Ursula Haas «*Freispruch für Medea*» 1987), Дагмар Ник (Dagmar Nick «*Medea, ein Monolog*» 1988), Кати Ланге-Мюллер (Katja Lange-Müller «*Doch hoffe ich, Medea hört mich nicht*» 1990), Кристи Вольф (Christa Wolf «*Medea. Stimmen*» 1996) и др. Также сто-

ит упомянуть драму Макса Цвейга «Медея в Праге» (Max Zweigs «Medea in Prag»), поднявшую тему расизма и ксенофобии (была экранизирована в 1949 году, но не поставлена до сих пор), и пьесе Джорджа Табори (George Tabori «M. Nach Euripides». Unverkäufliches Manuskript. Berlin o.J.; премьера состоялась в Мюнхене 3 января 1985 года), в которой конфликт между Медеей и Ясоном превращен автором в семейную драму, когда отец убивает ребенка-инвалида, обвиняя в этом мать. Необходимо отметить также немецкую премьеру пьесы бельгийского драматурга Тома Ланоя «Мама Медея» [Mamma Medea, 2007]. Особо следует назвать «Медея Материал Ландшафт с аргонавтами» («Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten», 1982), в котором сконцентрировались узловые моменты чужеродности героини. В этом ряду стоит упомянуть также инаковость отечественных вариантов античной героини в произведениях М. Курочкина «Истребитель класса «Медея» (1995), В. Клименко «Театр Медеи», Л. Петрушевской «Маленькая Грозная», «Медея», Л. Разумовской «Медея» (1980-е) и т. д.

Даже беглый анализ проблематики перечисленных произведений позволяет выявить главную направленность воплощения мифического сюжета — дискурс Чужого и Иного, конкретизирующийся в различных концепциях опыта чуждого инобытия. Категории природного, культурного, гендерного и экзистенциально отчуждения служат в качестве собирательных топосов для обозначения чувства отчужденности как инаковости. Отдельного рассмотрения заслуживает понятие расы, которому придается существенное значение в дискурсе Чужого и Иного.

Каждая эпоха, каждое поколение перечитывает и пересказывает историю Медеи, обновляя и осовременивая ее образ, используя потенциал мифологического сюжета и его образов в контексте насущных проблем своей собственной эпохи, наделяя его новой значимостью. В ходе этого процесса она превращается из всегда готовой помочь доброй волшебницы в ведьму, из любящей женщины в мстительное, неистовое чудовище, чужестранка превращается в ужасающего варвара, воплощающего безапелляционное противостояние культур и традиций. Полярно представленные образы знаковой античной героини могут вызывать неприязнь и осуждение, но также могут вызывать и сочувствие, в некотором смысле даже восхищение и, таким образом, являться идеальной основой для обсуждения проблем Чужого и Иного (другого).

Даже имя Медеи становится эмблемой чуждого, другого. То, что изначально означало «μεδομαι» — «думать, заботиться», подавать мудрые советы, в современную эпоху становится знаком амбивалентности добра и зла, доведенной до крайности. Едва ли найдется другой литературный образ,

который обладал бы сравнимой выразительностью. В этом контексте несбывшимся пророчеством обладают слова героя пьесы Ж. Ануя:

Медей! Какое красивое имя... Лишь тебе одной на этом свете будет оно принадлежать. Гордая! Спрячь в темный закоулок, где ты хранишь свои радости, и эту: никогда на земле не будет больше Медей. Ни одна мать не назовет свою дочь твоим именем. Ты останешься единственной Медеей отныне и до скончания веков [Anouilh, 1997] (пер. — В. Дмитриева).

3.1. Природная и культурная инаковость трансформации образа Медеи: от трагедии Х. Х. Янна к пьесе Г. Батлера

Ясон Жана Ануя ошибся в своём прогнозе. Драматургические и сценические адаптации мифов о Медее, которые будут рассмотрены нами, прошли долгий путь и имеют длинную историю восприятия, и каждая из них вносит существенные изменения в осмысление мифа о дочери Ээта.

Самым очевидным признаком отчуждения и инаковости героини Ганса Хенни Янна (Hans Henny Jahn «Medea», 1926) является цвет её кожи. В 1925 году Х. Х. Янн публикует пьесу «Медей», в которой в том числе критикует западную цивилизацию и превосходство белых. Х. Х. Янн отмечал, что дискриминация людей по цвету кожи похожа на дискриминацию варваров в Древней Греции. В журнале «Die Szene. Blätter für Bühnenkunst» драматург писал, о том, что отношение современных европейцев к «неграм, малайцам, китайцам» такое же, как у древних греков к варварам» [Jahn, 1974, S. 250]. В этой пьесе есть явные намеки на расизм и расовые предрассудки. Медей, жрица из Колхиды, и греческий герой Ясон — антиподы. Янн утверждает, что «прояснить проблему брака Медеи и Ясона во всей полноте можно, только представив женщину на сцене в образе негритянки» («Das Eheproblem Medea-Jason konnte ich im ganzen Umfang nur deutlich machen, indem ich die Frau als Negerin auf die Bühne brachte» [Jahn, 1974, S. 250]. На премьере в 1926 Медею играла белая актриса, загримированная под негритянку. Пьеса Х. Х. Янна является ярким примером немецкого постэкспрессионизма с его эмоциональными всплесками, пафосом и сексуально насыщенным подтекстом. Незадолго до своей смерти в 1959 году Янн закончил лингвистически нейтральную версию «Медеи», но почти все театральные постановки его пьесы основаны на версии 1925 года.

У черной Медеи Х. Х. Янна сыновья смешанной расы, что в контексте пьесы делает их сближение с коринфянами изначально невозможным. Мрачная, зловещая сценическая атмосфера усугубляется сексуальными мотивами, связанными как со старением Медеи, так и с взаимоотношениями с сыновьями. Героиня выписана в преобладающих зловещих тёмных тонах. Черные тона — это не только расовая принадлежность Медеи, но

и цвет траура по ушедшей молодости и уходящей страсти («Meine Leder ist schwarz sich geworden durch Alter?» [Jahnn, 1988, S. 597] (здесь и далее пер. пьесы Янна выполнены нами. — *Т. III.*) («Я почернела от возраста?»), «Bin ich der Toten gleich fast in meinen entfernten Gemächern, die in Trauer versinken sich schwärzen» [Ibid., S. 597] («Я почти как мертвец в своих дальних покоях, почерневших от горя»). В пьесе Янна благодаря своей магической силе Медея наделила Ясона вечной молодостью, но не смогла использовать это волшебство для себя самой и постарела. Ее старение, в то время как Ясон остается молодым, стало самой серьезной проблемой Медеи и служит основой для последующей катастрофы. Теперь для Ясона она отвратительна — «ergrautes Nachtgespenst der Hölle» [Jahnn, 1988, S. 636] («поседевший ночной дух Ада»). Эта характеристика вполне определяет и состояние её сущности («Wie Deine Haut so schwarz ist auch Dein Tun» [Ibid., S. 619] («Твои деяния такие же черные, как и твоя кожа»). Можно провести параллель с такой же неистойвой героиней Жана Ануя, взращивающей ненависть внутри себя, как дитя: «Wächst doch seit sieben Jahren schon in ihr ein großer Schatten, der gelb von Farbe ist, wie manche sagen. Ich aber glaube rot... [Ibid., S. 601] («Однако вот уже семь лет растёт в ней большая тень, многие говорят, что она жёлтого цвета. Я думаю, что она красная...»), что в свою очередь предсказывает будущую месть: «Mein Grab wind Euch Zeichen, daß Ich zu leben als Menschen begonnen, denen ein Schicksal gegeben ist [Ibid., S. 588] («Моя могила будет символом того, что я начала жить как люди, которым предначертана судьба»).

Х. Х. Янн значительно усиливает роль сыновей в пьесе, хотя они по-прежнему остаются безымянными, но присутствуют и действуют на сцене. Конфликт между старшим сыном и отцом выдуман Х. Х. Янном. Когда Ясон отправляется к царю Креонту просить руки его дочери для своего старшего сына, то сам влюбляется в молодую женщину, что ещё больше усиливает унижение Медеи. Креонт принимает это предложение с легкостью, поскольку брак Ясона и Медеи был заключен в чужой варварской стране и не признавался в Коринфе. Более того, Креон никогда не одобрил бы того, чтобы его «любимое дитя» сочеталось браком с наполовину негром [Jahnn, 1974, S. 43]. Эротические мотивы взаимоотношений между старшим сыном и отцом, а также между братьями в сексуализированной драме Янна приводят к тому, что убийство детей становится многозначным символом. Трагедия заканчивается своеобразным «закатом богов» и страшной местью Медеи, в достаточной степени отличной от версии Еврипида: так Креонт становится жертвой волшебного кольца, мучительно разрезающего его пополам, а невеста Ясона после страшных мучений превращается в подробно описанную драматургом кучу фекалий.

Медее покидает свой дом с труппами своих детей на колеснице, запряженной лошадьми. Неясно, была ли эта колесница послана ее дедом Гелиосом? Медее в силу своих божественных возможностей заставляет дом погрузиться на дно морское вместе со всеми преданными слугами и послушными рабынями внутри. Слепший посланник, оказавшийся в ловушке в тонущем доме, замечает, что Медее заботилась о них как Бог [Jahn, 1974, S. 76], что может быть воспринято с долей иронии: греческие боги далеко не всегда бывали справедливы к людям. Медее как внучка Гелиоса может позволить себе такое развитие событий. Ясон также готов умереть, но Медее заботится о том, чтобы он продолжал жить, страдая и расплачиваясь за свои грехи, которые на самом деле являются и ее грехами. Следует отметить, что Ясон, однако, чужд расовых предрассудков. Он «вызывает не к белой груди, а только к молодости» [Ibid., S. 55]. Если он и называет Медее «чудовищем», то это из-за ее бесчеловечных поступков. Его молодость — теперь его проклятье. В этом повороте сюжета есть скрытая аллюзия с «Портретом Дориана Грея» Оскара Уайльда. Подобно попытке Дориана Грея избавиться от своего возмутительного прошлого, напав с ножом на свой портрет, что приводит его самого к смерти, намерение Ясона начать новую жизнь с дочерью царя Креонта приводит также к катастрофе. Медее отбывает в повозке с двумя телами своих детей в вечность, а Ясон обречен оставаться вечно молодым.

Пьеса Х. Х. Янна послужила толчком к тому, что в послевоенное время начали появляться новые трансформации сюжета о Медее, действие в которых происходит так или иначе в Африке, а персонажи озабочены расовыми проблемами. Одна из первых пьес в этом русле появилась и была опубликована в конце 1950-х годов южноафриканским автором и профессором английского языка Гаем Батлером (Guy Butler, 1918—2001). Автор испытывал настоящий пиетет перед древнегреческой трагедией и её авторами и попытался интерпретировать еврипидовскую «Медее» в контексте южноафриканского материала: «In the late 1950s I came under the sway of Greek dramatists. They seemed to have so sure an instinct for archetypal and universal themes. I was particularly struck by the *Medea* of Euripides, which dealt with an issue much on my mind: racial and cultural prejudice» [Butler, 1990] («В конце 1950-х я попал под влияние греческих драматургов. У них, казалось, был такой верный инстинкт к архетипическим и универсальным темам. Меня особенно поразила «Медее» Еврипида, в которой затрагивалась проблема, которая меня очень волновала: расовые и культурные предрассудки» [Ibid.] (здесь и далее перевод текста пьесы Батлера наш. — Т. III.).

Весьма показательно то, что только в 1990 году, после отмены режима апартеида, пьеса смогла быть опубликована и поставлена на сцене. В сво-

ем вступлении, или авторском примечании, Батлер пишет о том, что поскольку в пьесе задействован многорасовый актерский состав, а главными героями были белый мужчина и чернокожая женщина, которые влюбились друг в друга, поженились и родили двоих сыновей, то пьеса не могла быть поставлена до тех пор, пока «Раздел 6 Закона о безнравственности» и «Закон о запрете смешанных браков», против которых она протестует, не начали ослаблять свою власть над южноафриканским театром.

Действие пьесы происходит в начале XIX века. Демей (Медея) — принцесса племени тембу, внушает окружающим страх своими познаниями в магии. Она замужем за капитаном Джонасом (Ясоном) Баркером, британским офицером, занявшимся торговлей. По роду своей деятельности он имеет дело не только с белыми, но и с «цветными людьми», то есть «расовыми полукровками». В начале пьесы его оппонентом в некоторой степени является Йоханнеса Кристиана Крун (Креонт), с которым они рассуждают о политике и плюсах и минусах расового смешения. С точки зрения Джонаса, «mixture is inevitable. It has happened, will happen, you can't stop it» [Butler, 1990, p. 11] («смешение неизбежно. Это произошло, произойдет и вы не сможете это остановить»). К такому убеждению он приходит, как сам объясняет потом Круну, благодаря избранной деятельности: «I am a trader. I depend upon all races, upon moving freely among them» [Ibid.] («Я торговец. Я завишу от всех рас, от возможности свободно передвигаться среди них»). Однако он умалчивает, что женат на Демее, принцессе тембу, и что у них двое маленьких сыновей, Чарли и Джордж.

Во время действия пьесы, то есть в конце 1820-х годов, Крун является могущественным лидером группы белых поселенцев и убежден в превосходстве белой (христианской) расы. Он хочет ввести строгую сегрегацию белых, цветных и чернокожих людей, как это действительно было предусмотрено южноафриканскими законами, принятыми в конце 1950-х годов. В образе Круна Батлер нарисовал любопытный портрет мышления южноафриканцев, в котором страх перед инаковостью, ксенофобия, вера в то, что белые — избранная раса и утверждение о том, что апартеид вдохновлен Богом, являются неотъемлемой его частью.

Как и в «Медее» Еврипида, Джонас оставляет Демию ради дочери Круна. Демиа должна покинуть свой дом, поскольку Крун планирует сделать подвластной ему местность только для «белых». Между капитаном Джонасом Баркером и Круном существуют явные политические разногласия в отношении развития южноафриканского общества черных, цветных и белых людей. Крун предпочитает строгое разделение между группами, предотвращающее любое смешение рас. Он хочет, чтобы африканские племена чернокожих, цветных и белых людей жили в своих собственных,

тщательно отделенных друг от друга районах. Демия уезжает, оставив своих сыновей. Их будет растить тот же миссионер, который много лет назад наставлял ее саму. Важным мотивом для изгнания Демеи является страх не только перед её расовой принадлежностью, но и перед религиозной инаковостью, перед ее колдовством. Именно вердикт Круна провоцирует Демию на месть и желание спасти своих сыновей от участи презируемых «полукровок», даже ценой их жизнью. Демия восклицает: «My sons! Why am I killing you? To break your father in pieces as a pot is broken <...> He must return. I must see him broken. But he always wins; it is my flesh that is being torn. No, it is to save your flesh from being torn as mine is now. You will not turn into dogs» [Butler, 1990, p. 80] («Сыновья мои! Почему я убиваю вас? Чтобы разорвать вашего отца на куски, как разбивают горшок <...> Он должен вернуться. Я должна увидеть его разбитым. Но он всегда побеждает; это моя плоть разрывается на части. Нет, это нужно для того, чтобы спасти вашу плоть от того, чтобы ее не растерзали, как мою сейчас. Вы не превратитесь в собак»). Круна и его семью убивают во время свадебной церемонии дочери, он успевает, однако, забить детей Демии и Джоноса дубинками до смерти. В конце концов Демия возвращается к своей настоящей идентичности тембу, надев свой прежний племенной костюм вместо европейской одежды: «The woman who planned it was a woman who lived with a white man, wearing a white woman's clothes, but as you see, I am not that Demea at all; I am calm, clothed as a black woman should be, and in my right mind» [Ibid., p. 81] («Женщина, которая все это спланировала, жила с белым мужчиной, носила одежду белой женщины, но, как вы видите, я совсем не такая, как все; я спокойная, одетая так, как и должна быть одета чернокожая женщина, и в здравом уме»).

Постановка пьесы в 1990 году была воспринята неоднозначно: часть зрителей сочли ее явной политической провокацией, направленной на то, чтобы показать давление закона на колониальные смешанные браки, которое, в случае Демеи, настолько велико, что мать отправляет своих детей на верную смерть, чтобы избежать расовых притеснений со стороны идеологов апартеида. Другие обвиняли Батлера в бессвязном переписывании «Медии» Еврипида, третьи, напротив, хвалили пьесу как увлекательную литературную смесь греческой трагедии и южноафриканских элементов, отмечая, что «Демия» занимает достойное место среди интерпретаций трагедии Еврипида и заслуживает внимания при изучении актуальности классики для современного общества. Политическая проблема драмы, заключающаяся в том, что утрата доверия между черными и белыми неизбежно приведет к катастрофе и что сотрудничество между расами — единственный путь вперед, имела первостепенное значение в Южной Африке 1990-х годов.

Пьесы Х. Х. Янна и Батлера — это не единственные произведения, в которых определяющим является топос чуждости как инаковости в дискурсе другой расовой принадлежности. В пьесе современного писателя из Франции, лауреата Гонкуровской премии Лорана Годе «Медее Кали» («*Médée Kali*», 2003) героиня, как и у Х. Х. Янна, для греков не просто иноземка, варварка, но ещё и представитель экзотической страны. Актуальная составляющая проблематики для Франции очевидна: она предопределена ситуацией с миграционным вопросом. Кстати, значение слова *kāla* — это ‘чёрный’, ‘тёмный’. Богиня является персонификацией необузданного гнева, свирепой ярости, кровожадности и беспощадности. Нам представляется, что Лоран Годе хорошо знаком с пьесой немецкого драматурга, поскольку Медее Кали, как и героиня Х. Х. Янна, искушена в том виде искусства, которое меньше всего соотносится с классическим началом — это нетипичный для литературного воплощения репрезентируемый вид искусства — танец. Л. Годе идёт в этом по стопам Х. Х. Янна, в пьесе «Медее» впервые связавшего этот образ со стихией танца. Искусство Кали — это бешеный танец природы. Для обеих героинь танец не является профессией, но выступает неотъемлемой частью настоящей (Л. Годе) или прошлой (Х. Х. Янн) жизни и раскрывает их сущность. Поворот к танцевальному искусству заставляет нас вспомнить немецкую традицию Ф. Ницше, который, говоря о танце, характеризует его как неотъемлемую часть дионисийства, проявления коллективного, родового инстинкта, архаического, иррационального начала, героини воспринимаются в качестве неумолимой мрачной силы, «черного избранника», обвинителя человека и человечества за предательство естественной природной жизни, что соответствует призывам Х. Х. Янна к освобождению подавляемых обществом первооснов человеческого бытия. Этот аспект пьесы Лорана Годе рассмотрен в работах [Савиных, 2018; Савиных и др., 2023].

3.2. Поэтологические доминанты и смысловые трансформации сюжета о Медее в драматургических и сценических адаптациях Х. Мюллера и Т. Ланоя

Параллельно природной и культурной отчужденности в названных выше пьесах о Медее особое значение имеют гендерная или гиноцентрическая инаковость представляемых современными авторами героинь. В цвета крови и грязи раскрашено сценическое пространство драматического действия «Медее Материал Ландшафт с аргонавтами» («*Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten*», 1982) Х. Мюллера. На первый план выходят физиология человеческой испепеляющей страсти, предательства и сопутствующего узурпации власти преступления — убийства. В сознании преданной в своей женской и человеческой сути

Медеи Х. Мюллера, за которой «тянется кровавый след», обгадряющий всю реальность, мелькают видения прошлого, усеянного следами смерти. Постоянное вызывание в памяти крови, трупов, растерзанных внутренностей придаёт сценографии пьесы красно-коричневый фон и определяет и подчеркивает то, на каком фундаменте выстроены отношения Ясона и Медеи в произведении Х. Мюллера. Экзальтированная речь Медеи выстроена на постоянном перечислении биологических подробностей преступлений, описании предательства и измены. Истина открывается одержимой пагубными страстями Медеи только после измены Ясона: «<...> und meinen / Verrat der deine Lust war Dank für deinen / Verrat der mir die Augen wiedergibt / Zu sehen was ich sah die Bilder Jason / Die mit den Stiefeln deiner Mannschaft du / Gemalt hast auf mein Kolchis Ohren wieder / Zu hören die Musik die du gespielt hast / Mit Händen deiner Mannschaft und mit meinen / Die deine Hündin war und deine Hure / Auf Leibern Knochen Gräbern meines Volks / Und meinen Bruder Meinen Bruder Jason / Den ich deinen Verfolgern in den Weg warf / Zerstückt von diesen meinen Schwesterhänden» («Спасибо за твою измену муж / Она вернула мне мои глаза / И перед ними вновь встают картины / Что были нарисованы тобой / в Колхиде сапогами аргонавтов <...> Возьми в подарок для твоей невесты / Мой свадебный наряд Твоя невеста / Как трудно сходит это слово с губ / Она тебя обнимет и заплачет / И к твоему плечу она прильнет / И в сладком опьянении застонет / Наряд любви моя вторая кожа / Ограбленная вышла ее / Колхидским золотом раскрасив кровью / Со свадебного блюда из отцов / И братьев и убитых сыновей» [Мюллер, 2012, с. 409—410.]).

Красно-коричневый ландшафт, складывающийся из постоянного упоминания грязи, кровавых следов, внутренностей, убийств, становится закономерным фоном для характера отношений Ясона и Медеи Х. Мюллера, который основан лишь только на влечении и соучастии в преступлениях, в то время как измена Ясона обнажила их отчужденность друг от друга, инаковость. Переложение на сценических подмостках произведений Х. Мюллера требует от режиссера не только высокого профессионализма, но знания теоретических основ «постдраматического», «энергетического» и других существующих концепций театрального искусства. Российские и немецкие театры по-прежнему активны в инсценировках еврипидовского сюжета. В этом контексте интересным опытом работы одновременно с античным и современным драматическим материалом явился спектакль Альметьевского татарского драматического театра «Медея-Материал» по пьесе Хайнера Мюллера (2017, режиссёр Эдуард Шахов). Подробный анализ созданной интерпретации выполнен в статье Е. Н. Шевченко [Шевченко, 2019], отметившей прежде всего воплощение значимой для Мюллера

конфронтации мужского и женского начала, разрастающейся до оппозиции «преступник — жертва», возвращающейся в прошлое и уходящей в будущее. Интересно, что, как отмечает Е. Н. Шевченко, с точки зрения Х. Мюллера, «история — это череда актов насилия, результат жестокого миропорядка, заведённого мужчинами» [Шевченко, 2019, с. 12—16], и только женщина, одновременно являющаяся жертвой и силой, противостоит порочному ходу истории, что, с точки зрения исследователя, и определило концепцию спектакля альметьевского театра. В качестве интересной находки режиссера исследователь отмечает в версии театра компиляцию текстов Хайнера Мюллера и Еврипида в переводе директора театра, Фариды Исмагиловой. В то время как Медея (Мадина Гайнуллина) произносит только мюллеровский текст, каждое слово которого обретает особую значимость благодаря нарушению интонационного и синтаксического строя речи обезумевшей от обиды и гнева героини, на сцене в роли её оппонента, вместо еврипидовских коринфянок, появляется хор из восьми мужчин. По мысли исследователя, подобный приём усиливает оппозицию Медеи и мужского хора, визуализируя оппозицию мужского и женского начал [Шевченко, 2019]. Особое значение в пьесах о Медее XX и XXI веков имеет цветовое решение спектаклей. Это касается и альметьевской постановки. Три цвета: красный, белый и черный — имеют особую символическую нагрузку. Так, красный, справедливо пишет Е. Н. Шевченко, «ассоциируется с кровью, огнём, страстью, сексуальными желаниями, агрессией, войной, мстостью; белый <...> символизирует чистоту и невинность», а также «пустоту, ледяное молчание, смерть; чёрный означает несчастье, горе, гибель. Сменяя поочерёдно одежды, Медея словно проходит по кругам своего собственного ада. Обнажение героини в финале становится символом предельного внутреннего обнажения» [Шевченко, 2019, с. 14].

Иное смысловое наполнение цвету — темному цвету, темноте — придаётся в сценографии драматического театра Ганновера (Германия) в спектаклях, интерпретирующих образ Медеи в современных постановках пьесы Т. Ланоя «Mamma Medea» (2003) и трагедии Грильпарцера «Золотое руно» (2019). Успех пьесы бельгийского драматурга Т. Ланоя на немецкой сцене можно объяснить прежде всего тем, что «Mamma Medea» оказалась на пике общественных и культурных проблем Германии на рубеже XX—XXI веков, связанных как с долгожданным объединением, так и с миграционной политикой в стране. Режиссер Себастьян Нюблинг, как отмечали критики, «жестко» обошелся с сюжетом древнего мифа, поскольку в силу своей природы каждому мифу свойственна «чудовищная» выносливость и стабильность смысловой парадигмы, поэтому его можно трансформировать в контексте любых современных проблем. Миф подобен «чёрному ящику», где пере-

мешано и высокое, и низкое. По замыслу режиссера такой «чёрный ящик» был выстроен декораторами спектакля, и в нем возвышенные и гордые образы мифологической древности преобразуются в заурядные, тривиальные фигуры театра марионеток. Сценические ландшафты двух частей спектакля контрастны не только по названию («Zu Hause/ in der Fremde» («Дома/ на чужбине») и «In der Fremde/ zu Hause» («На чужбине/ дома»)). События в первой части спектакля происходили в полутьме, а световые эффекты прожекторов создавали впечатление погружения в тайную глубину столетий, переносили зрителей и читателей в далёкий таинственный мир, где обитают прекрасные, цельные, естественные существа, что подчеркивалось элегантностью нарядов: призрачным мерцанием женских платьев и аристократизмом мужских костюмов, что создавало явный диссонанс с неопрятной, грязной одеждой аргонатов — Ясона и его свиты — ловцов легкой наживы, ощущающих себя «культуртрегерами», как это показано на рисунках 1 и 2.

Рис. 1 Патриархальная Колхида (сцена из спектакля)

Духовный мир искателей приключений определяется замызганными рваными джинсами, карманы которых полны жвачкой и плитками шоколада. Его в упоении от успеха будет размазывать по телу Ясон, а во втором действии зрителей будет преследовать тошнотворный запах от стorerшей яичницы, приготовленной бывшими аргонатами на кухне в замусоренной коммунальной квартирке нового мира. Любопытно, что более чем через

пятнадцать лет другой режиссер, Том Кюнель, использует ту же схему противопоставления иной цивилизации другому, чужому миру, но, в отличие от Стефана Нюблинга в 2003, в 2019 такое отчуждение представителей разных цивилизаций, культур будет обусловлено иным социополитическим контекстом. В спектакле по трагедии Грильпарцера «Золотое руно» в первом действии тоже воспроизводится органичный мир древней Колхиды, а Ээт и его дочь, волшебница Медея и свита одеты в костюмы, стилизованные под национальную одежду сербов и армян.

Рис. 2. Прибытие аргонатов (сцена из спектакля)

Как отмечает Е. Н. Шевченко, весь арсенал доступных постановщику средств направлен на создание образа особого замкнутого патриархального, иного мира, одновременного опасного для Чужих и чуждых и ощущающего угрозу с их стороны. «Для режиссёра в этой ситуации важен исторический и политический подтекст: столкновение с «чужим», проблема колониализма и его последствий, пожинаемых современной Европой» [Шевченко, 2019]. Второе действие в обеих постановках построено по одинаковой схеме: и в пьесе Т. Ланоя, и в интерпретации Грильпарцера Медея попадает в стандартизированный мир современной цивилизации, лишенной не только истинной духовности, но и национальной идентичности. Сбываются слова царя Ээта из первого действия пьесы Т. Ланоя, предостерегавшего «укорененных в родной земле» (немское *Verwurzelt*) от лишенных родины изгоев-отщепенцев (*Heimatlose*). С этого времени Медея всегда и везде будет в своей инаковости Чужой. В ремиксе бельгийского автора, получившего необыкновенный успех на немецкой сцене в силу

представленных им проблем, Медея превратится в жалкую жительницу современного стандартного панельного дома, коммунальной квартиры (Schmuddel-WG). По замыслу С. Ньюблинга, во втором действии героиня очень старается хотя бы внешне походить на Лотхен или Гретхен нового цивилизованного мира, о чём свидетельствует её зализанная причёска и скромное голубенькое платьице, сразу же вызывающее определенные аллюзии у зрителя. От прошлого осталась одна деталь — пылящееся в шкафу фатальное матово-алое платье, которое станет орудием по сути бессмысленной данной ситуации мести. Двойственность образа Медеи подчеркнута неоднозначным смыслом, вложенным в цвет её одежды: в первой части спектакля он символизирует величие и царственность, во второй же — жестокость и неотвратимость будущей мести. Место первого действия пьесы Т. Ланоя — древняя Колхида, вторая часть спектакля должна была разыгрываться в Древней Греции, однако лексика и антураж событий свидетельствуют о современности и так называемой постиндустриальной действительности. Бросаются в глаза зрителю клейкая пахучая грязь, аляповатая одежда бывших аргонавтов, объедки и обломки бытовой техники, лежащие повсюду. Картина сюрреалистическая, тем более что вожделенное когда-то Золотое руно заброшено в дальний грязный угол комнаты.

В анализируемой театральной постановке действие второй части явно перенесено в современную Германию времени после объединения, что свидетельствует о способности мифа вместить в себя самую актуальную проблематику эпохи. Кстати, есть возможность прочтения представленной интерпретации в духе будущих проблем мигрантов и мультикультурализма. В третьем акте интерпретации Грильпарцера в постановке ганноверским драматическим театром 2019 года действие также переносится в современный стандартизированный мир, в квартирку, обставленную мебелью из Икеи, однако отметим такой важный акцент названной сценической интерпретации, как выведение на первый план темы расовой чуждости, инаковости, что подробно рассматривается Е. Н. Шевченко. Авторы спектакля задействуют образ исторической личности Покахонтас, дочери верховного вождя нескольких племён индейцев, история которой варьируется во второй части спектакля. Историческая Покахонтас была похищена английскими колонистами во время военных столкновений в 1613 году. Во время плена вышла замуж за табачного плантатора в возрасте примерно 17 или 18 лет. В 1616 году семья приехала в Лондон, где Покахонтас была представлена английскому высшему свету как пример «цивилизованного дикаря», а затем умерла в Англии по неизвестным причинам в возрасте 20 или 21 года. Для современного, прежде всего молодого зрителя здесь есть определенные ассоциации с известным мультипликационным фильмом.

Предвестником подобного поворота сюжета о Медее и в этом случае, на наш взгляд, можно считать пьесу Х. Х. Янна «Medea» (1926), героиня которой иной расы, чем её окружение, что также способствует её отчуждению.

Е. Н. Шевченко, анализируя интерпретацию трилогии Грильпарцера, отмечает любопытную находку режиссера, позволяющую, на наш взгляд, рассматривать инаковость Медеи в этом спектакле ещё в двух ракурсах: гендерном и экзистенциальном. В финале спектакля выводится трагическая фигура Медеи-Каллас как жертвы, из-за роковой несостоявшейся любви потерявшей свой уникальный голос. Это позволяет зрителю вспомнить и знаменитый фильм Пазолини, в котором Мария Каллас исполняет роль Медеи. Невозмутима и величественна Медея П. П. Пазолини («Medea», 1969) и на родине, во время эпизода жертвоприношения, во время молитвы в храме, и на чужой земле. Потеря связи с землей, солнцем («поговори со мной, земля, дай мне услышать твой голос, я уже не помню твой голос»), символически подчеркнутая кадрами с Медеей на потрескавшейся земле, не лишает ее облик достоинства, а поступки и характер — внутренней силы. Так, прибыв в Коринф, Медея всё так же царственно неподвижно позволяет переодеть себя, как и во времена ее жизни в Колхиде, а в разговоре с Креонтом и Ясоном после его измены вся боль и трагизм её переживаний выражаются лишь во взгляде [Медея..., 2002]. Причинами трагедии в конце концов становятся неприязненное отношение к Чужому, Иному (актуальный поворот в контексте ситуации современной Европы) и гендерное отчуждение.

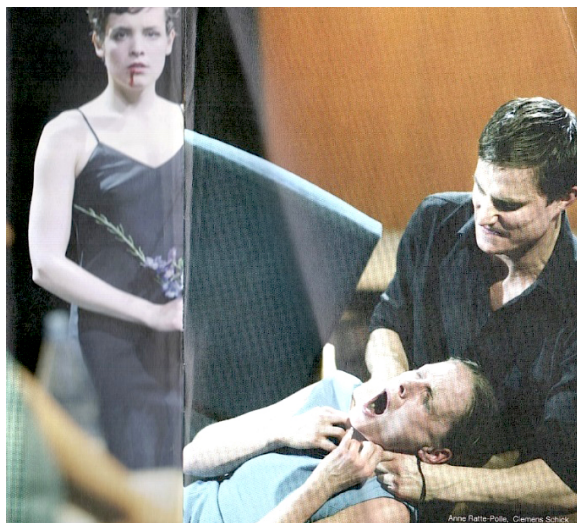

Рис. 3. Ссора Ясона и Медеи и явление убитой Креусы (сцена из спектакля)

Анализируя освещение гендерных проблем в пьесе Т. Ланоя, стоит сказать, что в первом действии пьесы конфликт возникает также между патернальным стилем правления Ээта и жадой обновления и свободы юной и ещё наивной Медеи, в какой-то степени есть аллюзии на конфликт матриархата и патриархата. Во второй части перед нами разворачивается современная гендерная борьба, семейная война (рис. 3), жертвами которой становятся дети, но в новой версии убитые обоими родителями, объединенными теперь общей виной. Противостояние Медеи и Ясона во второй части вполне укладывается в современные конфликты «войны полов».

3.3. Гендерная оппозиция в российских сценических адаптациях 90-х годов XX века

Медея занимает особое место в современном гиноцентрическом романе и драматургии, поскольку этот ёмкий образ вобрал в себя практически все проблемы и противоречия борьбы женщины за свою интеллектуальную и общественную независимость и индивидуальность, доходящую, впрочем, до гротескных форм войны полов, что в некоторых сценических интерпретациях оборачивается уродливым фарсом, о чём свидетельствует пьеса М. Курочкина «Истребитель класса «Медея» (1995) [Курочкин]. Заметим, что авторское мифотворчество в интерпретациях, так или иначе связанных с мифом о Медее, касается не только трактовки образов или поворотов сюжетных линий, но и самого сценического пространства текста. Характерен почти инфернальный, сценический ландшафт в пьесе-фарсе М. Курочкина, воплощающий самые мрачные и тёмные в прямом смысле этого слова апокалиптические антиутопические пейзажи, ничего общего не имеющие с солнечным Причерноморьем или Колхидой древнего мифа:

«Остатки зенитной батареи, только что подвергшейся бомбардировке. Оседает пыль. Единственное уцелевшее зенитное орудие перевернуто набок. Среди хаоса развороченных орудий, снарядных ящиков, щепня, касок, ранцев, мертвых тел и прочего военного мусора стоит человек в грязной полевой форме сержанта украинской армии и держится за уши<...>

Сержант плачет, плач переходит в кашель. Из-под кучи битого кирпича и штукатурки выбирается Сергей. Выплевывает пыль, забившую рот. Начинает кашлять. Сергей и Сержант кашляют одновременно. Сержант подходит к Сергею и помогает ему подняться. Стоят обнявшись. Через некоторое время Сержант садится на ящик и закуривает. Сергей разжимает пальцы руки, торчащей из кучи щепня, и вынимает из них банку Кока-колы. Пьет. Неожиданно рука начинает судорожно хватать воздух. Сержант и Сергей бросаются разгребать кучу мусора и выволакивают из-под неё Питера» [Курочкин...].

Кстати, в этом контексте вспомним необычный для самого постановщика и «Театра на Таганке» спектакль Юрия Любимова «Медея» по трагедии Еврипида в переводе Иннокентия Анненского, поставленный в том же 1995 году вместе с Дворцом Музыки из Афин. Премьера с огромным успехом состоялась на Международном фестивале в Афинах. Сценическое пространство спектакля удивительно корреспондирует с апокалиптическими пейзажами пьесы М. Курочкина. Спектакль имел много откликов в прессе, вызвал противоречивые мнения. Весьма показателен сценический ландшафт и декоративное оформление спектакля (Давид Боровский). Сценическое пространство было заполнено мешками с песком, используемыми весьма многофункционально, при изменении света оборачивающимися древней каменной кладкой, в качестве фона использовалась железная проржавевшая плоскость, что придавало всему парадоксальную амбивалентность: военные события современности и древнегреческий миф, конкретность и высокая обобщенность. Сочетание этой необычной обстановки с современной военной амуницией, в которую одеты Ясон и Креонт, создавало ощущение относительности временных параметров, подтверждающее извечную бесконечность людских страданий в истории человечества. Зрители, благодаря сценическому ландшафту, были погружены как бы в состояние военной действительности, тем более что на памяти у всех было то, что Медея с Кавказа. В этом контексте в середине 90-х годов древнегреческий сюжет и судьба героини звучали более чем современно. У критиков вызывала удивление статичность игры героини. Однако концепция режиссера была устремлена на внутренний, вневременный смысл древнего мифа, чему и соответствовала статуарность Медеи в исполнении Л. Селютиной, героиня которой решается на убийства, так как окружающие не оставили ей никакой надежды и выбора. Её Медея — это и беженка из разорённого войной села, и ожесточенная трагизмом происходящего мстительница, но она и внучка могущественного Гелиоса, колдунья, волшебница чужого мира, иного в своих культурных и нравственных измерениях.

Пьеса М. Курочкина воспринимается читателями и критиками неоднозначно. Однако, на наш взгляд, очевидно, что в эпатазирующей форме драматург представил нам возможный апокалиптический финал бессмысленной, но вполне опасной для существования человечества «игры в войнушку» полов, в которой сами женщины абсолютизируют сам факт борьбы, а не смысл подобного «поединка». Читателям и зрителям представлены остатки странной космополитической армии в виде русско-украинско-американского отряда зенитчиков, защищающих Нью-Йорк от превосходящих сил противника. Любопытен список действующих лиц, в котором противник обозначен самым общим гендерным определением — *Женщина*.

Взяв за основу реальные исторические события военного времени, М. Курочкин очуждает их, отраженно переворачивает: женщины воюют с мужчинами, американский солдат стоит плечом к плечу с русским, солдаты в бою распивают кока-колу, а в известном лозунге военных лет произведена подмена ценностей: «Отступать больше нельзя. Некуда, Нью-Йорк за нами», — тем более что идеологическое противостояние между женщиной и мужчиной, вылившееся в реальное сражение со взрывами, истребителями, бронетехникой, по факту, обнаруживающему себя в финале, не имеет смысла, так как те, кто сражается на стороне мужчин, тоже оказываются женщинами, а собственно мужчин давно уже нет, что не мешает противникам продолжать убивать друг друга. Более того, «слабый пол» давно потерял само представление о женственности и во внешности, и в поступках, и в культуре общения [Иванова, 2014].

Женщина. *Закрой пасть, щенок. Если тебе нечего сказать, будешь отвечать на мои вопросы. Понял?*

Сергей. *Э-э-э...*

Женщина. *Отвечай, как положено. Понял?*

Сергей. *Так точно, э-э-э...*

Женщина. *Мэм.*

Сергей. *Так точно, мэм.<...>*

Женщина. *Как стоишь, как разговариваешь с женщиной? Смирно. Сколько человек было на батарее?*

Сергей. *Три. А сперва семь.*

Женщина. *Белоснежка и семь гномов. Ты у нас, значит, последний остался?*

Сергей. *Как последний? А Сержант, а Питер?*

Женщина. *Сержант — это? (Показывает в сторону станка).*

Сергей оборачивается и видит распятый обезглавленный труп Сержанта. С криком «Коля!» Сергей бросается к телу и обнимает его. Плачет. Женщина с выражением безразличия смотрит на эту сцену [Курочкин].

Парадокс, заключенный в пьесе, абсурдность происходящего, нелепость развязки состоят в том, что так называемая гендерная война свидетельствует о несостоятельности всякого фанатизма, в конкретном проявлении — феминизма, превратно истолковывающего саму инаковость женской природы, ее материнского предназначения.

3.5. Экзистенциальная проблема «Другого» в пьесе Ж. Ануя «Медея» и сценических адаптациях первой четверти XXI века

Спустя двадцать лет после появления «Медеи» Х. Х. Янна была создана «Медея» Жана Ануя (1946). Вряд ли можно найти два более непохожих

друг на друга произведения. Между ними лежит разрушительный опыт Второй мировой войны. Однако эта «инаковость» связана и с личностными качествами и самооценками драматургов. Осознание Х. Х. Янном своей уникальности как гениального, хотя и непонятого художника контрастирует со скромным представлением Жана Ануя о своём творчестве. Однако обоих объединяет оппозиция традиционному реалистическому театру. Они являлись решительными противниками традиционного сценического искусства и всегда хотели создать нечто новое, новаторское.

В 1940-х годах Ануй обратился от современных пьес к мифическим, классическим и историческим сюжетам. Работа Ануя над мифом («Эвридика» 1931, «Антигона» 1942, «Ромео и Жаннет» 1945, «Медея» 1946) характеризовалась тенденцией яркой демифологизации. Главные герои этих произведений отстаивали свою независимость от «заданного» судьбой прошлого, свою инаковость. Проблематика пьес этого периода, в том числе «Медеи», тесно связана с экзистенциальными идеями Жан-Поль Сартра и Альбера Камю. Истинная человечность и подлинная жизнь начинаются «по ту сторону отчаяния». Прежде чем субъект станет личностью, он должен пройти через осознание своего трагического одиночества и «полной заброшенности» «в мире, лишенном бога», «под небом, где нет никаких знаков» (Ж.-П. Сартр «Мухи»). Такая радикальная секуляризация в том числе и мифологического материала приводит к тому, что не только боги равнодушны к действующим героям, но и сама божественная генеалогия главных героев больше не является определяющей в мотивах их поступков, они все «отчуждены» от своей мифологической величественной предыстории. Места действия также схематизированы и упрощены; так, например, Эвридика обитает в вокзальном кафе и захудалом гостиничном номере, а Медея едет в никуда на запряженной лошадьми телеге. Если рассматривать такую подчеркнутую демифологизацию как особую, содержательно и эстетически значимую форму интертекстуальности, то ее успех зависит не только от усилий автора, но и от определенного времени восприятия, от социокультурной эпохи, в контексте усугубляющейся некоммуникабельности, отчуждения, разрушающего личность. В экзистенциализме, как теоретическом, так и литературном, важное место занимает противопоставление двух основных и равнозначных величин — «я» и «не-я» — «Другой», «Чужой». Проблема «Другого» («не-я») рассматривается Жан-Поль Сартром с двух сторон, что явно отражается и в драматургической практике Ануя, прежде всего в его самой «черной» трагедии «Медея» («Médée»). С одной стороны, «Другой» — всегда враг, угрожающий «моей» свободе («ад — это другие» — Ж.-П. Сартр). Но одновременно «Другой» «является элементом моей судьбы», а следовательно, встает на-

сущная проблема сосуществования — проблема вечная, а потому пьеса Ж. Ануя оказалась удивительно созвучна разным эпохам, что, кстати, нашло отражение в сценической актуальности этого произведения и его главной героини, «отчужденный», «иной» лик которой одновременно может прочитываться как лик жертвы, и мстительницы, и беженки-иноземки, тем более что пьеса зрителем «ощущается визуально» за счет эмоционального цветового воздействия. Сценическое оформление минимально, только обозначена основная мысль спектакля, остальное воссоздаётся воображением зрителя, следующим за репликами персонажей. В создании образа изгнанницы, беглянки, беженки — Чужой особую роль играет простая повозка Медеи: «Enscène... Médée et la Nourrice *accroupies* parterre devant une roulette» [Anouilh, 1997, p. 9], «chassées, battues, méprisées, sans pays, sans maison» [Anouilh, 1997, p. 14] («на сцене Медея и кормилица, сидящие на корточках перед повозкой», «изгнаны, презираемы, обездолены... Без родины, без крова...») (перевод В. Дмитриева).

В 2006 году в Театральном центре на Дубровке Львом Стукаловым был поставлен спектакль по пьесе Жана Ануя «Я — Медея!». В рецензии на спектакль В. Аминова отмечала среди прочего удивительную актуальность мифа и образа Медеи для реалий 90-х годов XX века, поскольку современную Медею режиссер Лев Стукалов увидел в газетных хрониках: в его интерпретации Медея — беженка-чеченка. Она и чужестранка, и изгнанница, её инаковость настораживает местных жителей, поскольку всё в ней: и темперамент, и цвет кожи, и наряд, и её неприютность и мировоззрение — всё чуждо и вызывает сомнение и подозрение. Рецензент ставит закономерный в таком контексте вопрос о том, кого же подразумевал под своей, такой отчужденно враждебной Медеей Жан Ануи в современной ему Франции [Аминова, 2006]. В этом контексте уместно вспомнить уже упоминавшуюся нами «Медею» Еврипида Театра на Таганке в постановке Юрия Любимова в 1995 году совместно с греческим Дворцом Музыки, где Л. Селютина воплотила вполне узнаваемый образ женщины из разрушенных сел, ожесточенной военным ужасом.

С 2011 года на сцене Театра имени Вахтангова с успехом идёт «Медея» Ж. Ануя, где Медею и Ясона бессменно представляют Юлия Рутберг и Григорий Антипенко. Героиня Ю. Рутберг, сильная личность, борется за свою независимость, непохожесть, самоценность, отрицая безликое равенство и соблазнительный спасительный лозунг — «я такая как все». Разговоры протагонистов в трагедии Ж. Ануя развиваются по спирали, идут кругами — от прошлого к настоящему и опять к прошлому. Главные герои Ж. Ануи и сценической адаптации демонстрируют своеобразное отстраненное отношение к своему мифу, о финале которого они как будто

прекрасно осведомлены. Что бы они ни делали, они в конце концов, оба оказываются проигравшими. Жан Ануй говорит нам о том, что противостояние «Я» и «Другого» безнадежно, в этой игре не на жизнь, а на смерть нет победителей, а потому и у героини Юлии Рутберг нет будущего. В такой ситуации граница их вражды с Ясоном и высшее проявление свободы её экзистенциальной личности могут осуществиться только в смерти. Речь персонажей также предельно адаптирована драматургом к повседневности. Этого принципа лаконичной стилистики писатель придерживается даже в монологах Медеи. И, наконец, учитывая то, что Медея у Ануйа явно понимает будущие убийства как шаг к себе, к освобождению, становится очевидным, что она попадает под влияние своего мифического архетипа.

Ануй использует удивительно метафору, сравнивая рождение желания мести Медеи с символическим рождением ещё одного ребёнка — дочери, предназначенной для мщения. Героиня Ж. Ануйа сгорает не только метафорически, нравственно, но физически истребляет себя в чудовищном деянии. В большинстве драматургических версий Медея так или иначе покидает Коринф, но у французского автора и, соответственно, в спектакле, подобно героиням архаических мифов, она испепеляет себя вместе с телами детей. Это деяние в авторской концепции пьесы и спектакля прочитывается символически в качестве естественного жизненного финала, своеобразного отмщения героине, пожелавшей в своём разрушительном эгоцентризме воспротивиться нормам естественного человеческого бытия.

4. Заключение = Conclusions

Как свидетельствует проведенный анализ многочисленных драматических и сценических воплощений древнейшего сюжета о Мее, смерть, любовь, сексуальность, культурная инаковость — важнейшие топосы в рамках категории экзистенциального отчуждения — рассматриваются авторами весьма по-разному. Для преодоления чувства «отчужденности», «инаковости» авторы XX и первой четверти XXI веков предлагают различные стратегии коммуникации с «посторонним», культурные детерминанты которого оказываются связанными с контекстом и социокультурной ситуацией эпохи. Сценические лики мифологической Медеи наглядно демонстрируют, что замкнутые культурные константы, культурная изоляция вводят протагонистов в заблуждение и приводят к потере чувства реальности. Традиционные патриархальные модели и роли поведения зачастую препятствуют непредвзятому восприятию друг друга.

Методологическая база анализа многих драматургических опытов, посвященных Мее в XX и XXI веках и связанных с дискурсом Иного (Другого) и Чужого, определяется также спецификой анализа синкретиче-

ских форм искусства и выявлением их национальной поликодовой основы. Авторское мифотворчество, приходя во взаимодействие с извечной мировоззренческой парадигмой, сочетающей в себе известные мифологические сюжеты и образы, через многообразие современных экзистенциальных конфликтов, снова демонстрируя их гуманистическую вневременность. Анализируемые нами авторы немецкой, французской, бельгийской и российских адаптаций XX — начала XXI веков прибегают к аудиовизуальным возможностям, ещё более высвечивающим идею амбивалентности дискурса Иного (Другого) и Чужого таким образом, чтобы воссоздать гармоничный мир, противодействующий разрушению нравственных ценностей прошлого или миру патриархальной цивилизации; показать враждебность и разрушительность сил, с которыми сталкивается субъект; высветить черты личности героя или привнести идею предначертанности человеческой судьбы. Это позволяет в диахронической и синхронической парадигме проанализировать на примере интерпретаций одного мифологического мотива продуктивность взаимодействия различных художественных кодов в постижении дискурса Иного (Другого) и Чужого в различных национальных моделях картины мира эпохи мультикультурализма.

В этом контексте оказывается прав режиссер ганноверского Schauspielhaus Себастьян Ньюблинг, утверждавший возможность модифицировать любой миф в контексте проблем любой эпохи. Многовековая, тысячелетняя глубина мифа позволяет благодаря современному мифотворчеству — без потери для исконно заложенного в нем смысла — сделать этот гигантский «черный ящик», назначение которого весьма многофункционально, вместилищем и для эшафота, и для пирса у моря, и для крепостной стены или музейной витрины, где выставлено в виде экспоната вожаемое современными аргонавтами, как и древним Ясоном, Золотое руно, добыть которое во все времена может только одновременно и варварка, и чужеземка, и коварная мстительница, и волшебница — Медея.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Ануй Ж. Медея [Электронный ресурс] / Ж. Ануй. — Режим доступа : <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/anjzhan/medeya?ysclid=lv9bevqp2j177687948> (дата обращения 05.09.2016).
2. Еврипид. Трагедии. Литературные памятники / Еврипид. — Москва : Наука, Ладомир, 1999. — Т. 1. — 644 с.
3. Курочкин М. Истребитель класса «Медея» пьеса в двух действия [Электронный ресурс] / М. Курочкин. — Режим доступа : <http://www.new-text.narod.ru/orp/kurochkin/medea.htm> (дата обращения 05.09.2016).

4. *Медea* [Видеозапись] / реж. Пазолини Пьер Паоло; в ролях : М. Каллас, Дж. Джен-тиле, М. Джиротти; «DVD Магия», 2002.
5. *Мюллер Х.* Медea. Материал / Х. Мюллер // Проза. Драмy. Эссе. Диалоги. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 527 с. — ISBN 978-5-8243-1584-4.
6. *Проза* : Современная проза : Медea : Людмила Петрушевская [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/13/j20.html?ysclid=lrhzi87luv411039260 (дата обращения 05.09.2016).
7. *Разумовская Л.* Медea [Электронный ресурс] / Л. Разумовская. — Режим доступа : http://theatre-library.ru/files/r/razumovskaya/razumovskaya_7.doc/ (дата обращения 18.11.2016).
8. *Софокл.* Драмy / Софокл. — Москва : Наука, 1990. — 624 с.
9. *Эсхил.* Трагедии / Эсхил. — Москва : Наука, 1989. — 590 с.
10. *Butler G.* Demea / G. Butler. — Claremont (South Africa) : David Philip Publishers, 1990. — 85 p.
11. *Anouilh J.* Médée / J. Anouilh. — Paris : La Table ronde, 1997. — 91 p.
12. *Gaudé L.* Médée Kali / L. Gaudé. — Arles : Actes Sud, 2003. — 48 p.
13. *Grillparzer F.* Das goldene Vließ. — The Project Gutenberg EBook of Das goldene Vliess, by Franz Grillparzer [Electronic resource] / F. Grillparzer. — Access mode : <https://www.gutenberg.org/ebooks/7946> (accessed 18.06.2019).
14. *Heiner Müller* verkommenes ufer medeamaterial landschaft mit argonauten [Electronic resource] — Access mode: <https://muhaz.org/heiner-muller-verkommenes-ufer-medeamaterial-landschaft-mit-ar.html> (accessed 1.06. 2019.).
15. *Jahnn H. H.* Werke in Einzelbänden / H. H. Jahnn ; Hrsg. von Uwe Schweikert. — Hamburger Ausg. — Hamburg : Hoffman u. Campe, 1988. — 1248 S.
16. *Jahnn H. H.* Medea / H. H. Jahnn. — Hamburg : Thomas Freeman u. Thomas Scheuffelen, 1974. — S. 453—528.
17. *«Mamma Medea»* von Tom Lanoye nach Apollonios von Rhodos und Euripides. Deutsch von Reiner Kersten [Electronic resource] — Access mode : https://www.schultheatertexte.de/downloadable/download/linkSample/link_id/52/ (accessed 1.06.2019).
18. *Müller H.* Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten / H. Müller. — Berlin : Kunst u. Ges. (Henschelverl.), 1988. — 222 S.
19. *Mythos Medea* Herausgegeben von Ludger Lütkehaus. — Leipzig : Reclam, 2001. — 334 S.

Литература

1. *Гаспаров М. Л.* Сюжетосложение древнегреческой трагедии / М. Л. Гаспаров // Избранные труды / М. Л. Гаспаров — Москва : Языки славянских культур, 1997. — Т. 1. — С. 449—482.
2. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Р. Грейвс. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2014. — 823 с.
3. *Иванова И. С.* Причины утраты женственности героиней античных трагедий Медей и этическая оценка данного явления [Электронный ресурс] / И. С. Иванова // Сервис plus. — 2014. — № 8 (3). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-utraty-zhenstvennosti-geroiney-antichnyhtragediy-medey-i-eticheskaya-otsenka-dannogo-yavleniya> (дата обращения 1.06.2019.).
4. *Ивлиева П. Д.* От П. Корнеля к Л. Улицкой : эволюция образа Медei в европейской литературе / П. Д. Ивлиева // Филология : научные исследования. — 2017. — № 3. — С. 117—124. — DOI: 10.7256/2454-0749.2017.3.23441.

5. Манн Т. «Иосиф и его братья». Доклад / Т. Манн // Собр. соч.: в 10 т. — Москва : ГИХЛ, 1960. — Т. 9. — С. 175.
6. Ницше Ф. Рождение трагедии / Ф. Ницше ; Под ред. А. А. Россиуса, пер. А. В. Михайлова. — Москва: Ad Marginem, 2001. — 734 с. — ISBN 5-93321-020-X.
7. Петросян А. Е. Миф об аргонавтах : индоевропейские параллели и история / А. Е. Петросян // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XX (2) (чтения памяти И. М. Тронского) : Материалы Международ. конф., проходившей 20—22 июня 2016 г. / отв. ред. Н. Н. Казанский. — Санкт-Петербург : Наука, 2016. — С. 861—878.
8. Савиных О. И. Интермедиаальный дискурс в русско-немецких драматургических трансформациях сюжета о Мееде XX—XXI веков / О. И. Савиных, Т. А. Шарыпина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2023. — Т. 45. — № 7. — С. 70—79. — DOI: 10.15393/uchz.art.2023.961.
9. Савиных О. И. К проблеме интеграции искусств в поэтике пьесы Л. Годе «Медея Кали» / О. И. Савиных // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2018. — № 3. — С. 241—245.
10. Сейбель Н. Э. Власть и страсть в трагедиях о Мееде Х. Мюллера и Л. Разумовской / Н. Э. Сейбель // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 11 (152). — С. 103—108.
11. Шевченко Е. Н. Две Медеи / Е. Н. Шевченко // Сэхнэ. — 2019. — № 12. — С. 12—16.
12. Burnett A. P. Catastrophe Survived : Euripide's Plays of Mixed Reversal / A. P. Burnett. — Oxford : Clarendon Press, 1971. — 234 p.
13. Conacher D. J. Euripidean Drama : Myth, Theme and Structure. Toronto / D. J. Conacher. — London : University of Toronto Press, 1967. — 354 p.
14. Georg S. Modell und Zitat. Mythes und Mythisches in der deutschsprachigen Literatur der 80-er Jahre / S. Georg. — Aachen : [b. i.], 1998. — 260 S.
15. Göbel-Uotila M. Medea. Ikone des Fremden und des Anderen in der europäischen Literatur des 20. Jahrhunderts. / M. Göbel-Uotila. — Hildesheim-Zürich-New York : Olms-Weidmann, 2005. — 327 S. — ISBN 348712789X.
17. Gräcian J. Die Politisierung des antiken Mythos in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur / J. Gräcian. — Tübingen : Niemeyer, 2000. — 350 S.
18. Klose-Ullmann B. The Black Medea : An Introduction / B. Klose-Ullmann // German-Greek Yearbook of Political Economy. — 2020. — Vol. 3. — Pp. 63—76.
19. Neumann E. Die grosse Mutter : eine Phänomenologie der weiblichen Gestaltungen des Unbewussten / E. Neumann. — Walter-Verlag : AG OLTEN und Freiburg, 1987. — S. 351.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 21.06.2024.

Material resources

- Aeschylus. (1989). *Tragedies*. Moscow: Nauka. 590 p. (In Russ.).
- Anouilh, J. (1997). *Médée*. Paris: La Table ronde. 91 p. (In Frenc.).
- Anuy, J. *Medea*. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/anujzhan/medeya?ysclid=lv9bevpgp2j177687948> (accessed 05.09.2016). (In Russ.).
- Butler, G. (1990). *Demea*. Claremont (South Africa): David Philip Publishers. 85 p.

- Euripides. (1999). *Tragedies. Literary monuments, I*. Moscow: Nauka, Ladimir. 644 p. (In Russ.).
- Gaudé, L. (2003). *Médée Kali*. Arles: Actes Sud. 48 p. (In Frenc.).
- Grillparzer, F. *Das goldene Vließ. The Project Gutenberg EBook of Das goldene Vliess, by Franz Grillparzer*. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/7946> (accessed 18.06.2019). (In Germ.).
- Heiner Müller *verkommenes ufer medeamaterial landschaft mit argonauten*. Available at: <https://muhaz.org/heiner-muller-verkommenes-ufer-medeamaterial-landschaft-mit-ar.html> (accessed 1.06. 2019.). (In Germ.).
- Jahn, H. H. (1974). *Medea*. Hamburg: Thomas Freeman u. Thomas Scheuffelen. 453—528. (In Germ.).
- Jahn, H. H. (1988). *Werke in Einzelbänden*. Hamburg: Hoffman u. Campe. 1248 S. (In Germ.).
- Kurochkin, M. *The Medea class fighter is a two-act play*. Available at: <http://www.new-text.narod.ru/orp/kurochkin/medeia.htm> (accessed 05.09.2016). (In Russ.).
- «Mamma Medea» von Tom Lanoye nach Apollonios von Rhodos und Euripides. *Deutsch von Reiner Kersten*. Available at: https://www.schultheatertexte.de/downloadable/download/linkSample/link_id/52/ (accessed 1.06.2019). (In Germ.).
- Medea [Video recording] / dir. Pasolini Pier Paolo; starring: M. Callas, J. Gentile, M. Girotti*. (2002). “DVD Magic”, 2002. (In Russ.).
- Muller, H. (2012). *Medea. Material. In: Prose. Dramas. Essay. Dialogues*. Moscow: ROSSPEN. 527 p. ISBN 978-5-8243-1584-4. (In Russ.).
- Müller, H. (1988). *Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten*. Berlin: Kunst u. Ges. (Henschelverl.). 222 S. (In Germ.).
- Mythos Medea Herausgegeben von Ludger Litkehaus*. (2001). Leipzig: Reclam. 334 S. (In Germ.).
- Prose: Modern prose: Medea: Lyudmila Petrushevskaya*. Available at: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/13/j20.html?ysclid=lrhzi87luy411039260 (accessed 05.09.2016). (In Russ.).
- Razumovskaya, L. *Medea*. Available at: http://theatre-library.ru/files/r/razumovskaya/razumovskaya_7.doc/ (accessed 18.11.2016). (In Russ.).
- Sophocles. (1990). *Dramas*. Moscow: Nauka. 624 p. (In Russ.).

References

- Burnett, A. P. (1971). *Catastrophe Survived: Euripide's Plays of Mixed Reversal*. Oxford: Clarendon Press. 234 p.
- Conacher, D. J. (1967). *Euripidean Drama: Myth, Theme and Structure*. Toronto. London: University of Toronto Press. 354 p.
- Gasparov, M. L. (1997). The plot of ancient Greek tragedy. In: *Selected works, I*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 449—482. (In Russ.).
- Georg, S. (1998). *Modell und Zitat. Mythes und Mythisches in der deutschsprachigen Literatur der 80-er Jahre*. Aachen: [b. i.]. 260 S. (In Germ.).
- Gräcian, J. (2000). *Die Politisierung des antiken Mythos in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Tübingen: Niemeyer. 350 S. (In Germ.).
- Graves, R. (2014). *Myths of Ancient Greece*. Moscow: The foreigner, ABC-Atticus. 823 p. (In Russ.).
- Göbel-Uotila, M. (2005). *Medea. Ikone des Fremden und des Anderen in der europäischen Literatur des 20. Jahrhunderts*. Hildesheim-Zürich-New York: Olms- Weidmann. 327 S. ISBN 348712789X. (In Germ.).

- Ivanova, I. S. (2014). The reasons for the loss of femininity by the heroine of ancient tragedies Medea and the ethical assessment of this phenomenon. *The plus service*, 8 (3). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-utraty-zhenstvennosti-geroiny-antichnyhtragediy-medee-i-eticheskaya-otsenka-dannogo-yavleniya> (accessed 1.06.2019.). (In Russ.).
- Ivlieva, P. D. (2017). From P. Kornel to L. Ulitskaya: the evolution of the image of Medea in European literature. *Philology: scientific research*, 3: 117—124. DOI: 10.7256/2454-0749.2017.3.23441. (In Russ.).
- Klose-Ullmann, B. (2020). The Black Medea: AnIntroduction. *German-Greek Yearbook of Political Economy*, 3: 63—76.
- Mann, T. (1960). “Joseph and his brothers”. Report. In: *Collected works: in 10 vols.*, 9. Moscow: GIHL. P. 175. (In Russ.).
- Neumann, E. (1987). *Die grosse Mutter: eine Phänomenologie der weiblichen Gestaltungen des Unbewussten*. Walter-Verlag: AG OLTEN und Freiburg. S. 351. (In Germ.).
- Nietzsche, F. (2001). *The Birth of Tragedy*. Moscow: Ad Marginem. 734 p. ISBN 5-93321-020-X. (In Russ.).
- Petrosyan, A. E. (2016). The myth of the Argonauts: Indo-European parallels and history. In: *Indo-European Linguistics and Classical Philology-XX (2) (readings in memory of I. M. Tronsky)*. St. Petersburg: Nauka. 861—878. (In Russ.).
- Savinykh, O. I., Sharypina, T. A. (2023). Intermedial discourse in Russian-German dramatic transformations of the plot about Medea of the XX—XXI centuries. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 45 (7): 70—79. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.961. (In Russ.).
- Savinykh, O. I. (2018). On the problem of integration of arts in the poetics of L. Gaudet’s play “Medea Kali”. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 3: 241—245. (In Russ.).
- Seibel, N. E. (2014). Power and passion in the tragedies about Medea X. Muller and L. Razumovskaya. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 11 (152): 103—108. (In Russ.).
- Shevchenko, E. N. (2019). Two Medeias. *Sekhne*, 12: 12—16. (In Russ.).

*The article was submitted 03.05.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 21.06.2024.*

Информация для цитирования:

Шестакова Е. Ю. Образ России в автобиографической прозе о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева / Е. Ю. Шестакова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 335—351. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-335-351.

Shestakova, E. Yu. (2024). Representation of Russia in Autobiographical Prose about Childhood by A. N. Tolstoy and I. S. Shmelev. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 335-351. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-335-351. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ России в автобиографической прозе о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева

Шестакова Елена Юрьевна
orcid.org/0000-0001-5764-0576
кандидат филологических наук,
кафедра литературы и русского языка
shestackova.lena2013@yandex.ru

Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Representation of Russia in Autobiographical Prose about Childhood by A. N. Tolstoy and I. S. Shmelev

Elena Yu. Shestakova
orcid.org/0000-0001-5764-0576
PhD in Philology,
Department of Literature
and Russian Language
shestackova.lena2013@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается своеобразие воплощения образа России как органической части художественной модели мира автобиографической прозы о детстве писателей русского зарубежья первой волны эмиграции. Материалом исследования послужили повести А. Н. Толстого «Детство Никиты» и роман И. С. Шмелева «Лето Господне». Используются сравнительно-исторический, историко-литературный методы, а также принцип целостного анализа идейно-художественного содержания текстов. Установлено, что образ России включает в себя образы русского народа, природы, истории, поколений. Время получает черты мифологизации. Историческое и эпическое время определяют сюжетное движение. Пространство строится как противопоставление города и деревни. Природа одушевляется и одухотворяется. Одним из важных пространственных параметров становится образ дома. В романе «Лето Господне» он предстает в неразрывной связи с образом храма и сакрализуется. Ведущей духовной составляющей мира является живой образ Христа. Образ России связывается с темой утрат. В романе «Лето Господне» образ Москвы осмысливается центром Родины — Святой Руси. Детство и Россия идеализируются, наделяются идиллическими характеристиками. Образ ушедшего мира получает ностальгическую окраску.

Ключевые слова:

образ России; автобиографическая проза о детстве; литература русского зарубежья; Алексей Толстой; Иван Шмелев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the uniqueness of representing the image of Russia as an integral part of the artistic worldview in the autobiographical prose about childhood by first-wave Russian emigrant writers. The research is based on A. N. Tolstoy's novella "Nikita's Childhood" and I. S. Shmelev's novel "The Lord's Summer." Comparative-historical, historical-literary methods, as well as the principle of comprehensive analysis of the ideological and artistic content of the texts, are employed. It is established that the image of Russia encompasses representations of the Russian people, nature, history, and generations. Time takes on mythological features, with historical and epic time shaping the narrative movement. The spatial dynamics are constructed as a contrast between city and village, where nature is animated and spiritualized. The concept of home emerges as a significant spatial parameter. In the novel "The Lord's Summer," it is intricately linked with the image of the church and sacralized. The central spiritual component of the world is embodied in the living image of Christ. The image of Russia is intertwined with themes of loss, with Moscow symbolized as the heart of the Motherland — Holy Rus'. Childhood and Russia are idealized, imbued with idyllic characteristics, while the image of a bygone era carries a nostalgic hue.

Key words:

image of Russia; autobiographical prose about childhood; Russian emigre literature; Alexey Tolstoy; Ivan Shmelev.

Образ России в автобиографической прозе о детстве

А. Н. Толстого и И. С. Шмелева

© Шестакова Е. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения образа России в автобиографической прозе о детстве писателей русско-го зарубежья первой волны эмиграции. Образ Родины — неотъемлемая часть художественной модели мира, воссозданной авторами. Моделью мира является «базовая система-интерпретатор, задающая правила комбинирования образов в рамках того или иного поэтического типа», она становится «набором самых общих, абстрактных представлений о мире, которые в разных художественных направлениях воплощаются в конкретных культурно-философских системах, формирующих разные картины мира» [Темиришина, 2012, с. 19—26]. Ю. М. Лотман в качестве основных составляющих художественной модели мира выделил понятия «персонажа» и «пространства» [Лотман, 1970, с. 303]. «Компонентами художественной модели мира» являются пространство, время, герой (или его типология), жанровая специфика текста, его мотивный ряд [Аванесян, 2020, с. 5]. Об этом пишет и Н. А. Ларина, говоря о «протоформуле миромоделирования» или «базовых параметрах»: пространство, время и человек (персонаж) [Ларина, 2018, с. 4].

Художественная модель мира представляет собой особую структуру, на своеобразии которой оказывает большое влияние личность автора. М. М. Бахтин наделял автора ролью «носителя напряженно-активного единства завершённого целого, целого героя и целого произведения, трансгредивного каждому отдельному моменту его» [Бахтин, 1986, с. 16]. На своеобразии миромодели произведения может оказывать существенное влияние литературное направление (или течение), историческая эпоха, события социальной жизни. А. Н. Толстой и И. С. Шмелев создали свои произведения о детстве, находясь в эмиграции, что наложило особый отпечаток на особенности воплощения образа России.

Широкий интерес современного литературоведения к изучению творчества писателей русского зарубежья определил актуальность нашего исследования. Новизна работы заключается в осуществлении сопоставительного анализа произведений о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева сквозь призму миромоделирования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования стали повесть А. Н. Толстого «Детство Никиты» (1922) и роман И. С. Шмелева «Лето Господне» (1927—1944). Данные произведения явились предметом изучения в работах многих современных литературоведов. В статье М. М. Дунаева раскрывается сущность художественного метода И. С. Шмелева, прибегающего к «духовному детерминизму» [Дунаев, 2009, с. 195]. В монографии А. М. Любомудрова утверждается, что «духовный реализм нашел многогранное воплощение в творчестве» [Любомудров, 2003, с. 225] И. С. Шмелева. Важной особенностью шмелевского художественного мира, на взгляд И. А. Есаулова, является то, что он «вбирает в себя ... и древнерусскую книжную установку на воцерковление человека, и свойственную классической русской литературе XIX века имплицитную ориентацию на высший нравственный идеал, каким является Иисус Христос» [Есаулов, 1992, с. 236]. По мнению Л. А. Лысенко, И. С. Шмелев создал «многоаспектный образ православной России, являющийся смысловым центром» [Лысенко, 2016, с. 18] романа «Лето Господне».

М. В. Кошелева сосредоточена на выявлении специфики «особого характера хронотопа», представленного в повести «Детство Никиты», «который обусловлен восприятием детства как мира гармонии — хронотоп дворянской усадьбы» [Кошелева, 2012, с. 165]. А. Э. Гатина анализирует «речевое поведение героев», выявляя своеобразие «мира семейных отношений» [Гатина, 2017, с. 91] в тексте А. Н. Толстого. Ольфакторная и звуковая сферы мировосприятия героя толстовской повести, колоративная лексика стала предметом научного осмысления в статьях В. В. Сальниковой [Сальникова, 2014 и др.]. Лексический компонент языковой картины мира ребенка на материале толстовской повести рассматривается автором в диссертации [Сальникова, 2015].

Цель работы состоит в рассмотрении специфики образа России в структуре художественной модели мира автобиографической прозы о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева. В работе используются сравнительно-исторический, историко-литературный, биографический, сравнительно-типологический методы исследования. Поставленная цель определила необходимость осуществления целостного анализа идейно-художественной организации текстов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ народа как часть образа России

В центре модели детства повести А. Н. Толстого «Детство Никиты» и романа И. С. Шмелева «Лето Господне» находится образ Родины. Представления о России у героев произведений — десятилетнего Никиты и семилетнего Вани — формируются постепенно, сначала они сливаются с образами дома, семьи, затем включают в себя уже и образы народа (рабочих, слуг, крестьян), природы, настоящего и прошлого времени.

Герои А. Н. Толстого и И. С. Шмелева растут в окружении многочисленной дворовой челяди, общение с которой оказывает влияние на их формирование и становление. В произведения вводятся главы, посвященные присутствию мальчиков во время обеда слуг («Грачи» в «Детстве Никиты», «Круг царя Соломона» в «Лете Господнем»). Перед детьми раскрываются обычаи, традиции народа: глава стола как «отец» «большой» семьи, серьезное отношение к принятию пищи, игра в карты, гадание по Оракулу.

Мальчики познают основы повседневного быта, отличающиеся от тех, которые были приняты в их семьях. Плотник Пахом приобщает Никиту к трудовым и этическим народным традициям, напоминая наставника Вани Михаила Панкратовича Горкина из романа И. С. Шмелева. В образах Василия Васильевича Косого, приказчика Сергея Ивановича (отца Вани) и Антона Кудрявого, кучера, в романе «Лето Господне» раскрывается сущность национального характера. Герой И. С. Шмелева в общении с ними открывает для себя противоположные черты характера и темперамента простого русского человека. Богатырская мощь, жизнерадостность соседствуют со склонностью к задумчивости. Страстность сменяется истовым раскаянием. Мальчик видит, что приказчик и кучер добры, по-детски непосредственны, наивны (Василий Васильевич плачет на могиле неизвестного ему младенца), щедры и готовы всегда прийти на помощь ближнему (Антон Кудрявый вызывает попавших в беду стариков и отдает им свою лошадь). Горячий нрав помогает ловко выполнять работу, но и вместе с тем понуждает сориться, попадать в смешные ситуации. Василий Васильевич и Антон Кудрявый — глубоко верующие христиане, для них характерна естественность религиозных чувств, несокрушимость православной веры. Мальчик наслаждается богатством русской народной речи: окаяющий диалект («робята»), просторечные слова («поддолбляй», «проклажаться», «подвоят») [Шмелев, 2002, с. 32, 22]. Герой приучается жить вместе с народом, делить с ним кров, стол, счастье и горе, как это принято в «большой» семье.

В произведениях созданы образы слуг-кучеров (Сергей Иванович в «Детстве Никиты» и Антипушка в «Лете Господнем»), которые одинаково воспринимают мир. Их уважают хозяева и другие слуги. Сергея Ивановича

называют по имени и отчеству. Антипушку, несмотря на старость, держат «только для хлебушка» [Шмелев, 2002, с. 35], не прогоняя со двора. Ласковое обращение к кучеру свидетельствует о сердечном отношении обитателей дома к старому слуге. Сергей Иванович показывает Никите, как нужно с достоинством выполнять свое дело («На козлах он сидит степенно и строго»), объясняет, почему «конь надувается», учит видеть нрав животного («конь добрый», «хитрое животное») [Толстой, 2002, с. 248, 230].

Кучеры открывают героям мир природы. В их восприятии кони — живые существа со своими характерами. Антипушка добавляет к этому представление о ценности всякого Божьего создания («Лошади — божьи твари, животная живая, умная»), учит Ваню почтительно относиться к старому животному («Кривую молодые лошадки-то уважают»), не позволяет сомневаться в справедливости промысла Господа («Молчи, этого никто не может знать») [Шмелев, 2002, с. 35]. Обладая чуткой душой, кучер видит внутреннее состояние человека и приходит на помощь ближнему. Речь героя обогащается народными выражениями: «поклончик скажут», «промахни рюмочку», «посуются в дом» [Шмелев, 2002, с. 35, 230].

Маленьким героям открывается мир чувств людей из народа. Взаимоотношения Артема и Дуняши в «Детстве Никиты», Дениса и Маши в «Лете Господнем» не оставляют мальчиков равнодушными. Никите близки переживания Артема, так как он сам познал чувство любви и понял, насколько тяжела разлука с любимым человеком. Ваня открывает для себя существование любви между мужчиной и женщиной, а также то, что оно делает их несчастными.

Мальчики понимают, что отношения между хозяевами и слугами — это душевные, окрашенные любовью и преданностью связи. Артем говорит о Василии Никитьевиче: «Наш пылит» [Толстой, 2002, с. 242]. Денис не может спать, думая о своей вине перед хозяином. Молодой солдат открывается Ване как широкая натура, размах которой проявляется и в истовом трудолюбии, и в страсти к винопитию. Денис делится с Ваней своим образно-поэтическим восприятием водной стихии и ее обитателей: «Речнушки эти дышут, крышечки поднимают», «поют» [Шмелев, 2002, с. 161]. Денис раскрывает перед мальчиком богатство наблюдений о жизни водного мира: умершая рыба выплескивается на берег, «как мы все равно своих хороним»; раки чувствуют, «когда человек утопнет» [Шмелев, 2002, с. 161], приползая на это место за три дня. Он мудро замечает: «Там у них свой порядок» [Шмелев, 2002, с. 161]. Денис дает Ване возможность ощутить родство человека и водной стихии.

Птичник Солодовник открывает Ване мир птиц. Мальчик учится различать их пение. Ухаживая и наблюдая за птицами, герои проникаются святостью божьих тварей. В его восприятии трели соловья сливаются со

звуками горного мира и становятся прообразом ангельского пения. Солодовкин обогатил речь Вани словами «перехват», «кошечка», «чмокание», выражениями «галочку подопри, а то накроют», пословицами «повар по цене, товар — по слову» [Шмелев, 2002, с. 48].

Однако не всегда отношения с окружающими людьми оказываются безоблачными. Писатели не избегают изображения драматических ситуаций, помогающих маленьким героям разбираться в людях, определять свое отношение к ним. Неоднозначно складывается общение Вани с крестным Кашиным и дворником Гришкой. Мальчик впервые сталкивается с непорядочными, гордыми людьми, которые выступают в роли «дьяволов-искусителей» для хрупкой детской души. Народ дает точные определения этим людям: «пустобрех-охальник» (о Гришке), «и богатый дом, а сидеть холодно» (о Кашине) [Шмелев, 2002, с. 244]. Дворник раздражает Ваню своими неблагоприятными поступками, сомнением в православных истинах. Восприятие мальчиком крестного имеет негативную эмоциональную окраску. Общаясь с такими людьми, герой проникается силой православной веры, которая способна изменить душу человека, полную греховных страстей. Под воздействием Божьего слова Гришка кается, обретает внутреннее умиротворение. Кашина меняет трагический уход из жизни Сергея Ивановича, христианское смирение, с которым тот принимает неизбежность смерти.

Своеобразие национального жизненного уклада, русского характера раскрывается перед Никитой и Ваней за пределами дома. Своего рода коллективный портрет русского народа создается А. Н. Толстым в сцене ярмарки в Пестравке и И. С. Шмелевым в эпизоде поездки на Постный рынок. Никита наблюдает за приехавшими на ярмарку людьми: «... вот заросший от самых глаз черной бородой цыган, в раскрытом на голой груди синем кафтане с серебряными пуговицами, ... а хилый мужичок, ... с удивлением глядит на цыгана. Вот хитрый старичок уговаривает испуганную бабу купить горшок... Вот пьяный мужик сердится около лукошка с яйцами... Вот идут девки в розовых, в желтых кофтах, в пестрых полушалках» [Толстой, 2002, с. 242—243]. Внимательный взгляд героя подмечает разнообразие цветовых оттенков ярмарочной толпы, создающих впечатление пестроты и яркости. Никита выделяет выражение лиц, определяет внутренние характеристики народа. Мальчик отмечает, смекалист, сообразителен человек или глуповат и недалек. Никите становится очевидной главная особенность любого торгового места: каждый печется о своей выгоде. Звуковое разнообразие дополняет картину ярмарки: «Пыль, крик, лошадиное ржанье над ярмаркой. Свистят глиняные свистульки» [Там же, с. 243]. Из живой массы толпы герою слышны бойкие народные слова: «батюшка», «красотка», «обыщи», «шуплое яйцо» [Там же, с. 242—244].

В романе «Лето Господне» описывается «старая Москва, богомольная и хлебосольная, разудалая и благолепная», где «в глубине — праздничная толпа, заливающая московские улицы, толкающаяся перед Пасхой на Постном рынке, катающаяся с ледяных гор на Масленице, выстаивающая длинные церковные “стояния” в Великом Посту» [Струве, 1996, с. 485]. Картина Постного рынка поражает своим размахом и яркостью красок. Здесь, в столице, словно собралась вся Россия — и люди, приехавшие сюда с разных концов страны, и плоды их трудов, и щедрые дары русской природы. Ване кажется, что толпа сливается в одну массу: «гуще народу», «гул» доносит, цветовая гамма — «чернит торгом», «черно всюду» [Шмелев, 2002, с. 38]. Из этой общности иногда выходят на первый план «веселый народ ростовцы», «огородник с Крыма», «весело кричащий» [Шмелев, 2002, с. 39] бараночник Муравлятников. Все это воссоздает атмосферу торга, ее живость, энергию. Ваня видит пестрое разноцветье «синей» морошки и черники, «розового и желтого гороха», «белой» капусты [Шмелев, 2002, с. 39]. Мальчик ощущает огромное количество запахов: кислого, крепкого «свежего» — огурцов, «церковного, воскового» — меда, «соленого» — рыбы [Шмелев, 2002, с. 39]. Герой чуток и к восприятию вкуса («капуста как сахар»), ощущает синтетическое соединение цвета и вкуса («крововакрасно-сладкая свекла») [Шмелев, 2002, с. 39]. Ваня насыщается богатым разнообразием народной речи, слышит слова: «самопервеющая клюкыва», «журавиха», «надоть», «серячок» [Шмелев, 2002, с. 39]. В речи народа встречаются старославянские формы слов («великопостные самыя сахарная»), названия видов хлеба («лимонный», «маковый», «шафранный»), меда («печатный», «стеклый», «гречишный»), масла («маковое», «горчишное», «орешное») [Шмелев, 2002, с. 39].

3.2. Тема исторического прошлого семьи и Родины

Создавая образ семьи, рода, Родины как среды, формирующей личность ребенка, писатели включают своих маленьких героев в контекст исторической жизни, преемственности поколений. Историческое время в автобиографической прозе играет значительную роль. Авторы показывают связь прошлого и настоящего. Никита и Ваня знают, помнят о своих предках. Портреты прадедов на стенах дома толстовского героя — не просто деталь интерьера. Они «оживают» в рассказах матери и в воображении мальчика. Никита осознает свою глубокую связь с историей рода и семьи. Из рассказов матери становится очевидным уклад жизни прадеда, который «обыкновенно днем спал, а ночью читал и писал, — гулять ходил только в сумерки» [Толстой, 2002, с. 162].

Прошлое для Никиты окутано завесой тайны. Распорядок дня прадеда, очевидно, человека, много размышлявшего над философскими основами

бытия, его «заколоченный, необитаемый» дом вследствие «плачевных» денежных дел, странное исчезновение и письмо со словами «искал покоя в мудрости, нашел забвение среди природы» и дама в амазонке — виновница всех этих «странных явлений» [Там же, с. 161—162] — завораживают героя. Он осознает, что отрешенная от мира, талантливая, склонная к созерцанию и непривычным поступкам натура прадеда — это часть его самого, содержащая черты, присущие и его характеру, который может в своем развитии пойти по этому пути. Пока же мальчик воспринимает умерших родственников как неких сказочных существ: дама в амазонке напоминает Елену Прекрасную, «старичок со старушкой» — «злые», с «худыми руками» [Там же, с. 161] — уподобляются недобрым домовым. Никита отмечает на портретах атрибуты одежды и предметы быта XVIII—XIX веков: «длинная трубка», «перчатки с раструбом», «хлыст» [Там же, с. 162]. Ребенок находится с этими «оживающими» духами предков или в хороших отношениях (с дамой в амазонке), или в конфликтных (со стариком и старушкой), что зависит от того, понравился ли ему портрет или нет.

Ваня обозначает мир умерших словом ТАМ. Горкин приучает воспитанника с детства хранить память об умерших. Это уважение к ушедшим впитано Ваней с младенчества и сохранено на всю жизнь. Воспитатель приучает мальчика вспоминать умерших не только в дни поминовения усопших, но и ежедневно, в обыденном течении жизни. Прабабушка Устинья стала для Вани близким человеком благодаря рассказам Горкина. Важными являются заветы о том, что в церковь необходимо ехать «чинно, не торопясь», останавливаться по пути, «смотреть на Кремль», «рядиться на Святки», но «без харь» (масок), «пить маковое молоко с сытовой кутьей на Крещение» [Шмелев, 2002, с. 35, 134].

Благодаря Горкину Ваня воспринимает своих предков как людей, соблюдавших православные традиции. Помнит Ваня Гавриила и Екатерину, давно умерших родителей матери. Ушедшие в мир иной — это Мартын-плотник, который «застудился в ердани», Иван Егорыч, «устроивавший Масленницу» [Там же, с. 127, 145]. Тема памяти об ушедших разрастается в романе до мотива памяти о прошлом России, которая остается лишь в благодарных воспоминаниях автора.

3.3. Образ России как жизнь природы

Образ России в произведениях А. Н. Толстого и И. С. Шмелева возникает как единство, складывающееся из народных характеров, национальных традиций, уклада жизни и быта, семьи, мира природы, истории. Жизнь природы антропоморфизируется. В «Детстве Никиты» скворец Желтухин может мыслить, разговаривать с героем, испытывать страх. В «Лете Господнем» налим «вьется, словно хвостом виляет» [Шмелев, 2002, с. 42].

Природа сакрализируется: березы «к Пасхе распушились», можжевельник «пахнет священным» [Там же, с. 53, 15].

Мечтательному Никите открываются «сине-мерзлое небо», «белые поля», «снежные ветви», солнце, которое «страшно медленно ползло к земле, розовело», «лунный свет» [Толстой, 2002, с. 179, 181, 184]. В сознании Вани небо связывается со святым песнопением, там «живут» Господь, Иоанн Богослов, ангелы. Символичное слово ТАМ обозначает святость неба и его «обитателей». Звезды — олицетворение тайны. Русские пейзажи в «Детстве Никиты» составляют образы полей, пашен, курганов. В «Лете Господнем» земля описывается с помощью эпитета «черна», словосочетания «пахнет весной» [Шмелев, 2002, с. 30].

Ваня наблюдает за «большими голубыми хрустальными звездами», небо и звезды наполнены «чистым божьим светом» [Шмелев, 2002, с. 99]. В восприятии Никиты весенний дождь представлен в виде «лазурного пятна», «синевато-прохладного света», ручьев в «сверкающих» солнечных зайчиках и «снопов света» [Толстой, 2002, с. 365]. Ваня заслушивается мартовской капелью, благоговейно воспринимает крещенское освещение воды, с трепетом всматривается в «дышащие проруби» [Шмелев, 2002, с. 153] на Москве-реке. Все стихии и их обитатели связаны единым кругом жизни, который определяет движение сюжета: «Заканчивается круговорот природы, и заканчивается повесть» [Крюкова, 1990, с. 216].

Стихии природы и их обитатели находятся в постоянном взаимодействии, отношениях гармонии / дисгармонии. В повести «Детство Никиты» «глухая ночь» такая морозная, что «ветки деревьев ломаются, как льдинки» [Толстой, 2002, с. 179], а поутру на снегу находят мертвых воробьев. Никите «мутно и тревожно», кажется, что в природе «должно произойти страшное» [Там же, с. 202]. Если внутреннее состояние героя радостное, то пейзаж преобразается: солнце «лохматыми ослепительными потоками лилось с вышины», «по синему-синему небу плыли облака» [Там же, с. 213]. Природа приносит Ване весточки о грядущих скорбных днях: пышно цветет «змеиный цвет», не прилетают скворцы, воеет собака Бушуй. Если у героя грустное настроение, то деревья стоят «пыльно-зеленые» и небо становится «пыльным» [Шмелев, 2002, с. 92]. В радостном состоянии Ваня отмечает, что яблоки отливают «глянцем ветвей и листьев», вишни становятся «сквозными, залитыми янтарным клеем», деревья одеваются в «снежное кружево» [Шмелев, 2002, с. 127].

Внутри круга взаимодействия природы и человека создается единство бытия, что сообщает произведениям А. Н. Толстого и И. С. Шмелева эпическую окраску. В толстовской повести «время историческое» «находится под властью времени эпического, всеобщих законов бытия» [Мущенко,

1983, с. 57]. Время в романе «Лето Господне» имеет ту же эпическую природу. И. А. Ильин пишет о том, что шмелевская «лирическая поэма» «перерастает в эпическую о России и об основах духовного бытия» [Ильин, 1991, с. 181]. Смысловое «движение» идет «от Радостей к Скорбям» [Басинский и др., 1991, с. 181]. В «Лете Господнем» намечено мифологическое время, которое течет «замедленно», «циклично», реализуется в «ритуалах, обрядах и праздниках» [Ефимова, 1992, с. 40].

Природный мир в повести «Детство Никиты» соотносится с социальным пространством (дом, город, деревня) и православным календарем. Образ дома наполняется солнечным светом, уютным свистом самовара и треском дров в печке. Деревня Сосновка — это веселье, здоровье, праздничное настроение, рубка капусты, пахтанье масла, Дуняша, заливающаяся румянцем, работник Василий — кровь с молоком. Здесь мальчик бесконечно счастлив, поскольку все вокруг наполнено красотой, добротой, чудесами: «расписанные серебром звезды на окнах», «хитрый человек» Аркадий Иванович, ласковые глаза матушки, «унылый купец» [Толстой, 2002, с. 151—153] из задачника. Россия деревенская — это река Чагра, «огромные и широкие» ветлы, плотницкое мастерство Пахома, «ловкие и озорные» [Там же, с. 155, 158] мальчишки, простые отношения между людьми, пение народных песен, труд на земле, неповторимый образный язык.

Русская деревня связана с гармоничным существованием, возможностью радоваться каждому мигу. К. И. Чуковский отмечал: «Это Книга Счастья — кажется, единственная русская книга, в которой автор не проповедует счастья, не сулит его в будущем, а тут же источает его из себя» [Воспоминания об А. Н. Толстом ..., 1982, с. 30]. Писатель идеализировал жизнь в России, находясь в эмиграции, воспринимал ее как мир чудес и гармонии. Он приоткрыл двери «рая», о чем писал так: «Человек носит в себе маленький мир младенчества, светлый, как свет неба, радостный, как поляна, покрытая росой. Это потенциал художника. Воспоминания “рая” есть художественная хватка» [Толстой, 1985, с. 93—94].

Город в повести «Детство Никиты» вносит разлад в безмятежное существование героя. Самара окутана «серой мглой», в которой виднеются «купола церквей», «трубы паровых мельниц» [Толстой, 2002, с. 248], воплощающих сочетание древних духовных традиций и урбанизации. Городское пространство разрушает гармоничный мир деревни, внося в него омертвление. Маленький герой чувствует себя исторгнутым из теплой, уютной атмосферы в чужой, угрожающий неизвестностью мир. Отвращение Никиты к городу выражается и в тех образах, которыми он характеризует увиденное: «вонючие заводы», «грязная слобода», «мрачные амбары» [Там же]. Мальчик ощущает свою чужеродность по отношению к городским

жителям. Он отмечает «залепленные грязью экипажи», видит «неуклюжие и смешные коляски», обращает внимание на то, что «матушка молчала: не любила городской жизни» [Там же]. Описание города контрастирует с деревенским пейзажем, «спокойное радостное деревенское раздолье» противопоставляется «тесноватым необжитым комнатам», «суете, шуму, взволнованным разговорам», даже изменяется восприятие движения времени («часы летели») [Там же]. С образом директора гимназии связывается запах меди (денег) как неотъемлемого атрибута жизни города.

Дом в романе «Лето Господне» наполнен иконами, лампадами. Это пространство обжито множеством людей, ощущающих себя «большой» семьей, связанной духовным родством и живущей по заповедям Божиим. Дом в представлении Вани является сакральным, святым пространством, поскольку в нем ощущается живое присутствие Бога. Именно здесь происходит духовное становление мальчика. Пространство дома становится обителью христианского благочестия и единства человеческого общежития.

Церковь в романе «Лето Господне» осмысливается домом Бога. Храм является значимой частью жизни маленького героя, воспринимающего его по-разному в зависимости от внешних событий и от своего внутреннего состояния. Он то «пустынен и тих», то «полон молящегося народа», «светел от свечей», это и «обитель скорби», и «священный сад» [Шмелев, 2002, с. 27, 75]. Изумляясь могуществу Бога, Ваня испытывает робость, понимает, что Его в полной мере постичь невозможно. Храм — пространство, открывающее истину о смерти и жизни, человеческой судьбе, заповедях, чудесах. В церкви герой совершает важнейшее открытие: Бог — «воскреснет» и «все воскреснут» [Там же, с. 58]. Храм — место, где происходит глубокая духовная работа внутри ребенка, «обнажение чувств и переживаний человека, открытия раненного сердца, выстрадавающего священный замысел и постижение высшей божественной истины» [Ильин, 1991, с. 56].

3.4. Образ Москвы

Москва в романе «Лето Господне» осмысливается центром Святой Руси — сердцем, душой Родины, ее Домом, «носителем высших всееленских идеалов святости, добра и красоты» [Ефимова, 1992, с. 41]. Важен и «святой золотисто-розовый Кремль» — «дом божьего благословения» [Шмелев, 2002, с. 37]. Москва полна церквей, святых монастырей. При виде Кремля в глазах героя появляются слезы при мысли, что «это мое»: «И стены, и башни, и соборы, и дымчатые облачка за ними», «река, и заречная даль посадов», «и дым пожаров, и крики, и набаты», «бунты, и топоры, и плахи, и молебны» [Там же]. Здесь возникает тема исторической, родовой памяти, которая просыпается в юном герое. Он чувствует в себе все жившие до него поколения. Кремль в восприятии мальчика «оживает»,

так как «на нем кровь, святая», история нации и рода, православная культура запечатлена на его стенах: здесь «святители Москву хранили» и «старые цари в Архангельском соборе почивают в подгробницах» [Там же].

Ваня воспринимает Москву огромной, густонаселенной и застроенной. Среди городских строений выделяются «колоколенки, золотой купол Храма Христа Спасителя, белые ящички-домики, сады, огороды, церковки» [Шмелев, 2002, с. 83]. Ваня определяет, что Москва — «настоящая», когда «над нею туча, и видно, как сеет дождь» [Там же, с. 85], который «очистил» город, ставший самим собой. Такой Москва предстает в восприятии Вани благодаря Горкину. Отец «открывает» мальчику «поэтическую» Москву, когда у героя возникают «с чего-то слезы» [Там же, с. 332].

Пушкинская Москва открывается Ване как «коренной России град», где «на церквах старинных вырастают деревья» и «как жар крестами золотыми горят старинные главы» [Там же, с. 331]. Столица в восприятии мальчика предстает пространством духовного величия России, торжеством святости и красоты, центром христианской культуры. И. А. Ильин замечает: «Шмелев пишет как бы из подземных пластов Москвы, ее вековых подвалов, где открываются старинные бердыши и первобытные монеты. Читая его, чувствуешь подчас, будто время вернулось вспять, будто живет и дышит перед очами исконная Русь, ее душа» [Ильин, 1991, с. 57]. Г. Гребенщиков писал: «И. С. Шмелев — вот кто дал Москву, и дух ее, и язык, и быт, и святость» [Дальние берега ..., 1991, с. 35]. Конечно, пространственные характеристики дома, храмов, Москвы — плод художественной интерпретации И. С. Шмелева. Эти места наделены идиллическими характеристиками, предстают такими, какими автор хотел их видеть, о чем рассуждал Г. В. Адамович: «Была ли старина именно такой? Не обольщаемся ли мы насчет ее подлинного благолепия? Не поддаемся ли иллюзии?» [Адамович, 2002, с. 72]. Писателю представлялось важным возродить образ ушедшей России, воспринимавшийся из дали лет и эмиграционной изоляции проникнутой Божьей благодатью и светом Христовой любви.

4. Заключение = Conclusions

Образ России является важной частью миромодели детства в автобиографической прозе А. Н. Толстого и И. С. Шмелева. Россия и народ предстают в тесной близости, жизнь героев проходит в кругу народных обычаев, традиций, основ повседневного быта. В этом обнаруживается мифологический характер временного движения. Писатели подробно прописывают отдельных персонажей и одновременно коллективный портрет русского народа. Дети открывают особенности мировосприятия простого русского человека, противоречивость его темперамента, характера. Духов-

ное величие, трудолюбие, доброжелательность соседствуют с разгулом страстей, скупостью, злобой, непорядочностью. В романе «Лето Господне» герой познает глубину религиозных чувств народа, твердость православной веры. Человек оказывается способен к внутренним изменениям, отказу от страстей. В произведении возникает образ «большой» семьи, во главе которой находится «хозяин» — отец Вани. Ее члены вместе разделяют не только общий дом, пищу, но и радости, и беды. Шмелевский герой с детства слышит и впитывает сочный самобытный народный язык. Еще одним компонентом художественной модели мира в прозе писателей становится образ прекрасной, одухотворенной, живой природы. Эпический характер произведений проявляется в изображении единства бытия человека и природы. В романе «Лето Господне» пейзажные картины наделяются особым ценностно-смысловым содержанием. Христоцентричность шмелевского мира, ощущение живого присутствия Бога в земном пространстве определяют сакрализацию мира природы. Образ России в обоих текстах включается в исторический контекст, сопровождается темой преемственности поколений. В основе миромодели детства лежит историческое время. Жизнь героев проходит в неразрывной связи с прошлым России и предков. Дихотомия (город / деревня) определяет социальное бытие Никиты. Образ дома занимает центральное место в пространственной миромодели прозы о детстве. Он сопрягается с мотивами света, святости, любви, уюта, защиты. Образ России в романе «Лето Господне» связывается с образами дома и храма. Москва у И. С. Шмелева предстает центром Родины — Святой Руси, идеализированной, окрашенной в идиллические тона и связанной с ностальгическими переживаниями взрослого повествователя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Толстой А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. / А. Н. Толстой. — Москва : Гослитиздат, 1958. — Т. 3. — 712 с.
2. Шмелев И. С. Собрание сочинений : в 5 т. Богомолье. Романы / И. С. Шмелев. — Москва : Русская книга, 1998. — Т. 4. — 560 с.

Литература

1. Аванесян И. Б. Художественная модель мира в произведениях отечественных писателей конца XX — начала XXI вв. В парадигме христианской духовности : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. Б. Аванесян. — Ставрополь, 2020. — 29 с.
2. Адамович Г. В. Одиночество и свобода / Г. В. Адамович. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. — 476 с. — ISBN 5-250-02570-6.

3. *Басинский П. В.* Русская литература конца XIX — начала XX века и первой эмиграции / П. В. Басинский, С. Р. Федякин. — Москва : Academia, 2000. — 524 с. — ISBN 5-7695-0258-4.

4. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.

5. *Воспоминания* об А. Н. Толстом / составители З. А. Никитина, Л. И. Толстая. — Москва : Советский писатель, 1982. — 495 с.

6. *Гатина А. Э.* Опыт лингвистического анализа семейного дискурса в художественном тексте (на материале повести А. Н. Толстого «Детство Никиты») / А. Э. Гатина // Вестник КРСУ. Филологические науки. — 2017. — Т. 17. — № 9. — С. 90—97.

7. *Дальние берега : Портреты писателей эмиграции.* — Москва : Республика, 1991. — 382 с.

8. *Дунаев М. М.* Духовный путь И. С. Шмелева / М. М. Дунаев // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. — Москва : Сибирская Благовонница, 2009. — С. 171—197. — ISBN 978-5-91362-123-8.

9. *Ильин И. А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики : Бунин, Ремизов, Шмелев / И. А. Ильин. — Москва : Скифы, 1991. — 196 с.

10. *Есаулов И. А.* Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции / И. А. Есаулов // Новый мир. — 1992. — № 10. — С. 232—242.

11. *Ефимова Е. С.* Священное, древнее, вечное. Мифологический мир «Лета Господня» / Е. С. Ефимова // Литература в школе. — 1992. — № 3—4. — С. 36—41.

12. *Кошелева М. В.* Образ идиллического хронотопа в повести А. Н. Толстого «Детство Никиты» / М. В. Кошелева // Дергачевские чтения — 2011 : Русская литература : национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Дергачева, Екатеринбург, 6—7 октября 2011 года : в 3 т. — Екатеринбург : Издательство УрГУ, 2012. — С. 164—167.

13. *Крюкова А. М.* А. Н. Толстой и русская литература (творческая индивидуальность в литературном процессе) / А. М. Крюкова. — Москва : Наука, 1990. — 257 с.

14. *Ларина Н. А.* Миромоделирующие универсалии в малой прозе Леонида Андреева и Валерия Брюсова : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Н. А. Ларина. — Москва, 2018. — 38 с.

15. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 384 с.

16. *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев / А. М. Любомудров. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 271 с. — ISBN 5-86007-377-1.

17. *Любомудров А. М.* Богонущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И. С. Шмелева / А. М. Любомудров // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. — Москва : Сибирская Благовонница, 2009. — С. 227—282. — ISBN 978-5-913621-23-8.

18. *Лысенко Л. А.* Образ православной России в автобиографических произведениях И. С. Шмелева «Лето Господне» и Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Л. А. Лысенко. — Нижневартовск, 2016. — 23 с.

19. *Сальникова В. В.* Отражение сферы запахов в языковой картине мира ребенка (на материале произведений С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Тол-

стого «Детство Никиты») / В. В. Сальникова // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 3. — С. 579.

20. Сальникова В. В. Лексический компонент языковой картины мира ребенка : динамический аспект : на материале русских автобиографических повестей о детстве : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / В. В. Сальникова. — Уфа, 2015. — 41 с.

21. Струве Г. П. Русская литература в изгнании / Г. П. Струве. — Москва : Русский путь, 1996. — 445 с.

22. Темиришина О. Р. Типология символизма : Андрей Белый и современная поэзия / О. Р. Темиришина. — Москва : ИМПЭ имени А. С. Грибоедова, 2012. — 290 с.

23. Толстой А. Н. Материалы и исследования / А. Н. Толстой. — Москва : Наука, 1985. — С. 93—94.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

Shmelev, I. S. (1998). *Collected works: in 5 vols. The pilgrimage. Novels, 4*. Moscow: Russian Book. 560 p. (In Russ.).

Tolstoy, A. N. (1958). *Collected works: in 10 volumes, 3*. Moscow: Goslitizdat. 712 p. (In Russ.).

References

Adamovich, G. V. (2002). *Loneliness and freedom*. St. Petersburg: Aleteya. 476 p. ISBN 5-250-02570-6. (In Russ.).

Avanesyan, I. B. (2020). *The artistic model of the world in the works of Russian writers of the late XX — early XXI centuries. In the paradigm of Christian spirituality*. Author's abstract of PhD Diss. Stavropol. 29 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. 445 p. (In Russ.).

Basinsky, P. V., Fedyakin, S. R. (2000). *Russian literature of the late XIX — early XX century and the first emigration*. Moscow: Academia. 524 p. ISBN 5-7695-0258-4. (In Russ.).

Distant Shores: Portraits of emigration writers. (1991). Moscow: Republic. 382 p. (In Russ.).

Dunaev, M. M. (2009). The spiritual path of I. S. Shmelev. In: *The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs*. Moscow: Siberian Blagozvonitsa. 171—197. ISBN 978-5-91362-123-8. (In Russ.).

Efimova, E. S. (1992). Sacred, ancient, eternal. The mythological world of the “Summer of the Lord”. *Literature at school, 3—4*: 36—41. (In Russ.).

Gatina, A. E. (2017). The experience of linguistic analysis of family discourse in a literary text (based on the story by A. N. Tolstoy “Nikita’s Childhood”). *Bulletin of the KRSU. Philological sciences, 17 (9)*: 90—97. (In Russ.).

Ilyin, I. A. (1991). *About darkness and enlightenment. The book of art criticism: Bunin, Remizov, Shmelev*. Moscow: Scythians. 196 p. (In Russ.).

Kosheleva, M. V. (2012). The image of an idyllic chronotope in the story by A. N. Tolstoy “Nikita’s Childhood”. In: *Dergachev Readings — 2011: Russian literature: national development and regional peculiarities: materials of the X All-Russian Scien-*

- tific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of I. A. Dergachev, Yekaterinburg, October 6—7, 2011: in 3 volumes.* Yekaterinburg: Publishing House of UrSU. 164—167. (In Russ.).
- Kryukova, A. M. (1990). *A. N. Tolstoy and Russian literature (creative individuality in the literary process)*. Moscow: Nauka. 257 p. (In Russ.).
- Larina, N. A. (2018). *World-modeling universals in small prose by Leonid Andreev and Valery Bryusov*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 38 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of a literary text*. Moscow: Iskusstvo. 384 p. (In Russ.).
- Lysenko, L. A. (2016). *The image of Orthodox Russia in the autobiographical works of I. S. Shmelev "The Summer of the Lord" and B. K. Zaitsev "The Journey of Gleb"*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhnevartovsk. 23 p. (In Russ.).
- Lyubomudrov, A. M. (2003). *Spiritual realism in the literature of the Russian diaspora: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 271 p. ISBN 5-86007-377-1. (In Russ.).
- Lyubomudrov, A. M. (2009). The God-seeking soul. Spiritual and mundane in the creative fate of I. S. Shmelev. In: *The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs*. Moscow: Siberian Blagozvonitsa. 227—282. ISBN 978-5-913621-23-8. (In Russ.).
- Memories of A. N. Tolstoy*. (1982). Moscow: Soviet Writer. 495 p. (In Russ.).
- Salnikova, V. V. (2014). Reflection of the sphere of smells in the linguistic picture of the child's world (based on the works of S. T. Aksakov "The childhood of Bagrov-grandson" and A. N. Tolstoy "Nikita's Childhood"). *Modern problems of science and education*, 3: P. 579. (In Russ.).
- Salnikova, V. V. (2015). *The lexical component of the linguistic picture of the child's world: a dynamic aspect: based on the material of Russian autobiographical stories about childhood*. Author's abstract of Doct. Diss. Ufa. 41 p. (In Russ.).
- Struve, G. P. (1996). *Russian literature in exile*. Moscow: Russian Way. 445 p. (In Russ.).
- Temirshina, O. R. (2012). *Typology of symbolism: Andrey Bely and modern poetry*. Moscow: A. S. Griboyedov IME. 290 p. (In Russ.).
- Tolstoy, A. N. (1985). *Materials and research*. Moscow: Nauka. 93—94. (In Russ.).
- Yesaulov, I. A. (1992). Holidays. Joy. Sorrows. Literature of the Russian abroad as the completion of tradition. *Novy Mir*, 10: 232—242. (In Russ.).

*The article was submitted 21.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Абидат Абдулаевна Газиева, младший научный сотрудник (Махачкала)

Алексей Викторович Сагимбаев, д-р истор. наук (Брянск)

Анатолий Анатольевич Слезин, д-р истор. наук (Тамбов)

Валерия Александровна Аксенова, исследователь (Тюмень)

Виталий Александрович Бондарев, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)

Екатерина Викторовна Костецкая, канд. филол. наук (Тюмень)

Кузьма Александрович Якимов, канд. истор. наук (Тамбов)

Людмила Николаевна Сулова, канд. истор. наук (Тюмень)

Махач Мустафаевич Вагабов, д-р истор. наук (Москва)

Мустафа Озтюрк, канд. истор. наук (Анталия, Турция)

Ольга Викторовна Ерохина, д-р истор. наук (Москва, Санкт-Петербург)

Ольга Николаевна Науменко, д-р истор. наук (Ургенч, Узбекистан)

Павел Владимирович Ильин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)

Светлана Владимировна Букалова, канд. истор. наук (Орел)

Уткир Исмаилович Абдуллаев, д-р истор. наук (Ургенч, Узбекистан)

Информация для цитирования:

Бондарев В. А. Агитационно-пропагандистские меры активизации казачьего добровольческого движения на Дону в годы Великой Отечественной войны / В. А. Бондарев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 353—370. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-353-370.

Bondarev, V. A. (2024). Agitational and Propagandistic Measures to Activate Cossack Volunteer Movement in Don Region during Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 353-370. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-353-370. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Агитационно-пропагандистские меры активизации казачьего добровольческого движения на Дону в годы Великой Отечественной войны

Бондарев Виталий Александрович
orcid.org/0000-0003-4558-3564
доктор исторических наук, доцент,
кафедра истории и культурологии
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

Agitational and Propagandistic Measures to Activate Cossack Volunteer Movement in Don Region during Great Patriotic War

Vitaliy A. Bondarev
orcid.org/0000-0003-4558-3564
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History
and Cultural Studies
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено вопросам совершенствования агитационно-пропагандистских мероприятий по активизации казачьего добровольчества на Дону в период Великой Отечественной войны. Привлечены разноплановые источники: архивные и опубликованные документы и материалы, периодические издания, свидетельства и воспоминания современников. Сравнительно-исторический анализ агитационно-пропагандистских мероприятий, осуществлявшихся в 1941—1945 годы на Дону, позволяет говорить о заметных изменениях в подходах и методах советской агитации на протяжении военного времени. В начале войны, как и в довоенный период, в советской пропаганде доминировали интернационализм и социально-политические мотивы (классовый подход), следствием чего стало первоочередное вовлечение в казачье добровольческое движение коммунистов, комсомольцев, ветеранов Гражданской войны. Однако в кратчайшие сроки довоенные пропагандистские подходы исчерпали свою эффективность. К осени 1941 года в советской агитации и пропаганде на первый план выдвинулись национально-патриотические мотивы. На Дону такие изменения выразились в апеллировании пропаганды к славному боевому прошлому донских казаков и в воспеании регионального патриотизма. Доказано, что корректировка агитационно-пропагандистских мероприятий в сторону усиления национально-патриотических мотивов оказалась весьма эффективной, обеспечив постоянный приток добровольцев в казачьи кавалерийские формирования.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война; казаки; казачье добровольчество; Пятый Донской казачий кавалерийский корпус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study addresses the enhancement of agitational and propagandistic measures to activate Cossack volunteerism in the Don region during the Great Patriotic War. Various sources, including archival and published documents, periodicals, testimonies, and contemporaries' memoirs, were utilized. A comparative-historical analysis of agitational and propagandistic activities conducted in the Don region from 1941 to 1945 indicates significant changes in Soviet approaches and methods of agitation during wartime. Initially, internationalism and socio-political motives (class-based approach) dominated Soviet propaganda at the war's outset, akin to the pre-war period, leading to the primary involvement of communists, Komsomol members, and Civil War veterans in the Cossack volunteer movement. However, pre-war propaganda approaches quickly lost their effectiveness. By autumn 1941, national-patriotic motives took precedence in Soviet agitation and propaganda efforts. In the Don region, these changes manifested in propaganda appealing to the illustrious combat history of the Don Cossacks and exalting regional patriotism. It is demonstrated that adjusting agitational and propagandistic measures towards strengthening national-patriotic motives proved highly effective, ensuring a steady influx of volunteers into Cossack cavalry formations.

Key words:

Great Patriotic War; Cossacks; Cossack volunteerism; Fifth Don Cossack Cavalry Corps.

Агитационно-пропагандистские меры активизации казацкого добровольческого движения на Дону в годы Великой Отечественной войны

© Бондарев В. А., 2024

1. Введение = Introduction

Агрессия гитлеровской Германии 22 июня 1941 года вызвала мощный патриотический подъем граждан Советского Союза. В стране развернулось массовое добровольческое движение, в рамках которого сотни тысяч патриотов записывались в действующую армию, вступали в ополченческие дивизии и истребительные батальоны, боролись с врагом в составе партизанских отрядов. Уже осенью 1941 года в рядах народного ополчения СССР насчитывалось около двух миллионов бойцов [История ..., 1970, с. 183]. Особой формой добровольчества стали кавалерийские полки и дивизии, создававшиеся в казацких районах РСФСР из казаков-добровольцев непризывных возрастов.

Морально-психологическим базисом добровольческого движения в СССР в годы Великой Отечественной войны являлись любовь к Родине, ненависть к агрессору, убежденность советских людей в том, что они сражаются за правое дело. Добровольчество разворачивалось не по указке сверху; это было ярчайшее выражение патриотизма, энтузиазма и жертвенности советских людей. Вместе с тем «неверно отрицать и большую роль пропагандистских усилий» правительства СССР, направленных на стимулирование патриотических настроений населения в условиях ожесточенной борьбы с сильным и опасным врагом» [Лившин и др., 2007, с. 5]. Агитационно-пропагандистским мероприятиям в СССР всегда уделялось пристальное внимание, но в экстремальных военных условиях они приобрели жизненную необходимость для государства и общества. В 1941—1945 годах агитация и пропаганда выступили действенными инструментами и факторами сплочения советского народа, организации сопротивления агрессору и, в конечном счете, достижения победы над гитлеровской Германией.

При этом Великая Отечественная война стала временем существенной перестройки и корректировки агитационно-пропагандистской работы, что было обусловлено масштабами и характером войны как битвы идео-

логий и национальных характеров [Горлов, 2009, с. 3]. Экзистенциальный конфликт с Третьим рейхом, в ходе которого советский народ сражался не за территории, а за право на существование, потребовал от властей СССР ослабить классовые мотивы пропаганды и обратиться к глубинным архетипам общественного (национального) сознания.

Процесс корректировки пропагандистских методик и практик в период Великой Отечественной войны был непростым и зачастую противоречивым, вызывал различные отклики современников, а его содержание и результативность по-разному оцениваются исследователями. Все это затрудняет задачу научного осмысления такой проблемы, как трансформация агитационно-пропагандистской деятельности в СССР в 1941—1945 годах. Но те же обстоятельства повышают научно-теоретическую актуальность всестороннего и объективного анализа отмеченной проблемы. Интересующая нас проблематика имеет и практическое значение, поскольку события последних лет продемонстрировали, что добровольчество и агитационно-пропагандистская работа с населением по-прежнему играют огромную роль в военных конфликтах. Накопленный же в годы Великой Отечественной войны опыт предоставляет возможность повысить результативность мероприятий по регулированию добровольческого движения и формированию общественного мнения в современной России.

В этой связи настоящая публикация посвящена рассмотрению наблюдавшейся в 1941—1945 годах в СССР динамики в подходах и содержании агитационно-пропагандистской деятельности, имевшей целью мобилизовать советское общество на отпор врагу и, в частности, стимулировать добровольческое движение. Один из наименее освещенных вопросов в рамках заявленной темы — агитация и пропаганда среди казачества, корректировка этих мер и их результативность. Между тем казаки выступают одним из наиболее перспективных объектов исследования в силу своих социокультурных особенностей, а именно — в силу общности с давними и прочными воинскими традициями. По этой причине авторское внимание сконцентрировано на динамике подходов и смыслов агитационно-пропагандистских мероприятий по активизации казачьего добровольческого движения в Ростовской области на протяжении военных лет 1941—1945.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Агитационно-пропагандистская работа в годы Великой Отечественной войны относилась к числу тех вопросов, которые привлекали самое пристальное внимание советских исследователей [Идеологическая работа ..., 1960; Комков, 1965; Юденков, 1971; Ивлев и др., 1988]. Однако в советской историографии внимание концентрировалось на ведущей

роли коммунистической партии в агитации и пропаганде, организационных формах, методах и масштабах этой работы в 1941—1945 годах, мерах противодействия пропагандистским инициативам Третьего рейха. Общим местом являлись утверждения о том, что в годы Великой Отечественной войны в агитационно-пропагандистской работе по-прежнему доминировали советский патриотизм, пролетарский интернационализм, «коммунистическая идейность» [Кондакова, 1982, с. 164]. Как правило, за пределами внимания советских ученых оставалась проблематика активизации архетипов общественного сознания, а также причины, методики и результативность использования агитационно-пропагандистским аппаратом героических примеров дореволюционного прошлого в целях организации отпора гитлеровской агрессии.

Напротив, в постсоветской историографии подробно освещается трансформация агитационно-пропагандистской работы в СССР в условиях борьбы с гитлеровской Германией. В работах В. А. Невежина, А. Я. Лившица, И. Б. Орлова, А. С. Горлова и других авторов проанализированы базовые принципы и идеологемы советской пропаганды накануне и в годы Великой Отечественной войны. Исследователи правомерно констатируют, что в связи с нападением Третьего рейха советский агитпроп отказался от безоглядного «пролетарского интернационализма» и перестроил свою деятельность с опорой на ценности соборного русского патриотизма. В отмеченных работах выявлена динамика соотношения интернационализма и патриотизма как ведущих понятийных компонентов военной пропаганды в СССР в первой половине 1940-х годов [Сенявская, 2006; Невежин, 2007; Горлов, 2009; Лившин и др., 2007; Лившин и др., 2015]. Сходные вопросы исследуются южно-российскими специалистами, опирающимися на региональные материалы [Малышева, 2000; Малышев, 2001; Землянский, 2018].

Все же нельзя сказать, что процесс научного анализа трансформаций агитационно-пропагандистской работы в СССР в 1941—1945 годах достиг финала. В рамках указанной проблематики наличествует целый ряд недостаточно освещенных вопросов. В частности, весьма затруднительно с исчерпывающей полнотой и четкостью установить соотношение в пропаганде времен Великой Отечественной войны идей советского (интернационального) и русского (внеклассового, соборного) патриотизма, тем более что на протяжении военных лет это соотношение менялось. Что же касается трансформации агитационно-пропагандистских мероприятий, нацеленных на активизацию добровольческого движения донских казаков, то данная тема практически не получила отражения в научной литературе.

С учетом вышеизложенного цель настоящей публикации заключается в установлении и освещении изменений, происходивших в военное время

в сфере агитации и пропаганды на Дону, среди донских казаков. Задачами публикации выступают установление этапов трансформации агитационно-пропагандистской работы и анализ содержательных особенностей данной работы в отмеченных хронологических границах. Соответственно, ведущим методом исследования является сравнительно-исторический метод, с помощью которого возможно установить видоизменения подходов, приемов и методов советской пропаганды в казачьих районах Дона на протяжении Великой Отечественной войны.

Источниковая база исследования включает в себя документы из архивных фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), опубликованные документы и материалы, периодические издания, воспоминания казаков, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны в составе добровольческих формирований. Комплексный подход в использовании разноплановых источников позволил получить существенный объем информации, на основе которой был проведен анализ такой проблемы, как трансформация агитационно-пропагандистских приемов стимулирования казачьего добровольчества на Дону в 1941—1945 годах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Будучи мощными инструментами мобилизации населения на борьбу с врагом и морально-психологической мотивации бойцов, пропаганда и агитация всегда играли важную роль в военных конфликтах. Невозможно переоценить значение этих инструментов и в годы Великой Отечественной войны. Следует, однако, подчеркнуть, что советская военная пропаганда предвоенного периода базировалась на методиках и идейных посылах, сложившихся и испытанных в годы Гражданской войны. В 1941 году советский агитационно-пропагандистский аппарат привычно пытался использовать те же подходы и идеи. Но грандиозное противостояние СССР и Третьего рейха мало походило на гражданский конфликт 1917—1922 годов, в связи с чем эффективность прежних пропагандистских наработок оказалась минимальной. В кратчайшие сроки государственным деятелям и сотрудникам агитпропа пришлось разрабатывать новые нарративы и лозунги, подстраиваясь под условия войны с нацистами. Своеобразная модернизация агитационно-пропагандистской работы наблюдалась по всей стране, и в том числе на Дону, где с началом Великой Отечественной войны развернулось казачье добровольческое движение.

3.1. Агитационно-пропагандистские мероприятия в казачьих районах Дона в начале Великой Отечественной войны

В 1930-х годах в идеологической сфере СССР произошли серьезные изменения, выразившиеся в отказе И. В. Сталина и его сторонников от бес-

перспективного левацкого нигилизма и безоглядного интернационализма (в духе знаменитого изречения «у пролетариев нет отечества») и в переходе к советскому патриотизму. Уже в 1931 году Сталин произнес известные слова о том, что если «в прошлом у нас не было и не могло быть отечества», то «теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость» [Сталин, 1952а, с. 39]. Переход же к концепции «советского отечества» потребовал прекращения огульного очернительства дореволюционной России, поскольку таковая выступала предшественницей СССР. Сталин ясно продемонстрировал нетерпимость нигилистического отношения к старой России на примере «пролетарского поэта» Демьяна Бедного (Е. А. Придворова), которому Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) устроил показательную выволочку за очернительство досоветского прошлого, превратившееся в «клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее» [Сталин, 1952б, с. 24].

Тем не менее возрожденный в 1930-х годах национально-патриотический принцип в идеологической работе среди населения сосуществовал с классовым подходом и «пролетарским интернационализмом», полного отказа от которых в СССР не произошло и не могло произойти. Сложно судить о нюансах соотношения перечисленных компонентов как базиса советской пропаганды, но очевидно, что в 1930-х годах классовые принципы и интернационализм занимали доминирующее положение в сравнении с патриотизмом. Соответственно, военная пропаганда опиралась преимущественно на примеры Гражданской войны (в меньшей мере — на недавние конфликты, такие как Хасан, Халхин-Гол или советско-финская война) и использовала речевые обороты, характерные для классового подхода и сложившейся в 1930-х годах в СССР политической системы. Показательно, что во время боев на Халхин-Голе советские пропагандисты широко использовали выражение «японские самураи» как способ продемонстрировать милитаризм Японии, обращались к теме классовой солидарности («рабочие и крестьяне японской армии!») [Бои ..., 1940, с. 484]), напоминали бойцам о прошлогодних боях на озере Хасан: «[нанесем] двойной хасановский удар японским провокаторам войны» [Там же, с. 40]. Выражения «За Родину, за Сталина» звучали в пропагандистских материалах бесконечным рефреном. Национально-патриотическая риторика («крепче удар русским штыком!») [Там же, с. 466]) использовалась на Халхин-Голе редко. В годы же Великой Отечественной войны ситуация в сфере идеологии и пропаганды претерпела определенные изменения.

В начальные месяцы войны риторика советских лидеров, являвшаяся образцом для сотрудников агитпропа, строилась как на использовании патриотических примеров из досоветского прошлого, так и на обращении

к опыту Гражданской войны и к темам пролетарского интернационализма и классовой солидарности. Уже нарком иностранных дел В. М. Молотов в своем обращении к советскому народу 22 июня 1941 года не только провел аналогии между Наполеоном и Гитлером, предрекая второму судьбу первого, но и использовал обычные для советской пропаганды клише о классовой близости трудящихся СССР и Третьего рейха: «Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии» [Молотов, 1941]. И. В. Сталин в своей знаменитой речи 3 июля 1941 года использовал аналогичный подход, упомянув и Наполеона, и то, что в освободительной войне против фашизма СССР будет опираться на «верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилками» [Сталин, 1941a]. В прессе проводились исторические параллели между Ледовым побоищем и борьбой красных отрядов с германскими войсками в 1918 году [Красная Армия ..., 1941] в начальные недели и месяцы Великой Отечественной войны классовые и интернациональные мотивы несколько превалировали над национально-патриотическими.

Опыт Гражданской войны и классовые принципы первоначально доминировали и в агитационно-пропагандистской работе, сопровождавшей и стимулировавшей добровольческое движение в СССР. Исследователи справедливо указывают, что развернувшееся с июля 1941 года формирование полков и дивизий народного ополчения в значительной мере основывалось на методиках 1917—1922 годов, в связи с чем «ополчение представлялось реинкарнацией красной гвардии» [Будницкий, 2020, с. 10]. Сходные идейные мотивы лежали и в основе казачьего добровольчества в начальный период Великой Отечественной войны.

Как утверждалось в советской литературе, «в первые же дни Великой Отечественной войны на Дону был брошен клич: “Казачи, на коней”, на который массово откликнулись жители казачьих станиц непризывных возрастов» [Горшков и др., 1985, с. 5, 15]. Казачи-добровольцы желали воевать с врагом в составе кавалерийских, а не пехотных воинских подразделений. Поэтому 15 июля 1941 года Ростовский обком компартии принял постановление «О создании Донской казачьей дивизии в Ростовской области». Дивизия должна была формироваться за счет добровольцев, «из проверенных колхозников, служащих, интеллигенции, коммунистов и комсомольцев, независимо от возраста (не подлежащих призыву), но могущих носить оружие». Начальствующий состав полков и сотен Донской казачьей дивизии следовало подбирать «из числа проверенных командиров запа-

са», а командование взводами возлагалось на «бывших красных партизан, участников Гражданской войны» [ЦДНИРО, д. 309, л. 16—17].

Дабы усилить и расширить добровольческое движение в казачьих районах Дона, Ростовский обком ВКП(б) 2 сентября 1941 года принял постановление «О проведении слетов красных партизан, донских казаков». Постановление обязывало районные комитеты компартии развернуть «большевистскую, советскую патриотическую агитацию и пропаганду среди казачества» и провести в районах Ростовской области «слеты бывших красных партизан, казаков и казачек, авторитетных людей станиц, готовых бить немецких поработителей». На слетах планировалось обсуждать «вопрос об обороне Родины, об участии красных партизан, советских казаков в борьбе с немецкими захватчиками, за победу», а принятые резолюции и выступления казаков публиковать в прессе [На защите ..., 1980, с. 83].

Концентрация внимания представителей власти и сотрудников агитпропа Ростовской области на первоочередном вовлечении в добровольческое движение участников Гражданской войны (что наблюдалось не только на Дону, но и по всей стране) представляла собой одно из ярких свидетельств того, что летом 1941 года советская пропаганда еще использовала предвоенные методики. Национально-патриотические мотивы в агитационно-пропагандистской работе в это время явно уступали революционно-классовым лозунгам и интернационализму. Речь шла о защите не просто Родины, а советской Родины, о защите советской власти и завоеваний Октября. В ряде случаев представители власти даже смягчали социально-политическое звучание пропаганды, чтобы таковое не заглушило тему патриотизма. Показательно, что в черновике постановления Ростовского обкома ВКП(б) о проведении слетов казаков-«красных партизан» говорилось о том, что «авторитетные люди станиц» должны быть готовы не просто «бить немецких поработителей», а стоять «за советскую власть, за родную страну» [ЦДНИРО, д. 31409, л. 6]. В опубликованном варианте постановления этих слов нет. Очевидно, члены Ростовского обкома компартии посчитали их излишними, поскольку бывшие «красные партизаны» и без того являлись целевой аудиторией призывов о защите советской власти.

Какова была эффективность агитационно-пропагандистских мероприятий по стимулированию казачьего добровольчества, осуществлявшихся на Дону летом 1941 года с опорой на социально-политические мотивы и опыт Гражданской войны? Источники позволяют уверенно утверждать, что результативность таких мер была достаточно высока. Данные мероприятия находили горячий отклик у аудитории, на которую были рассчитаны, то есть у бывших участников гражданского противостояния 1917—1922 годов и, в целом, у просоветски настроенных граждан СССР.

Современники обоснованно констатировали, что первыми в ряды казачьих добровольческих формирований Дона устремились участники Первой мировой и Гражданской войн, бывшие «красные партизаны», бойцы первой и Второй Конных армий, дивизии М. Ф. Блинова и других соединений РККА [Горшков и др., 1985, с. 5]. По данным Военного отдела Ростовского обкома ВКП(б), формирование кавалерийских полков и сотен Донской казачьей дивизии проходило быстро и успешно, и к 26 августа 1941 года большинство её бойцов составляли бывшие «красные партизаны» в возрасте от 37 до 50 лет, вполне здоровые и боеспособные [Завещано помнить ..., 2015, с. 166—167]. Командный состав добровольческой кавалерии также состоял в основном из участников Гражданской войны. Например, командиром казачьей сотни Белокалитвенского района являлся 40-летний коммунист Ф. И. Емченко, который в годы Гражданской войны воевал в отряде Е. А. Щаденко [Там же, с. 167].

Важно подчеркнуть, что многие казаки старшего возраста, некогда участвовавшие в Гражданской войне и изъявившие желание бороться с гитлеровцами, приходили в добровольческие формирования Ростовской области вместе со своими сыновьями и другими членами семьи. В частности, казак И. А. Хомутов в 1941 году вступил в казачье ополчение с сыновьями Андреем (16 лет) и Александром (14 лет), С. М. Белоусов — с сыном Павлом (17 лет), Зубенко — с женой, сыном и двумя дочерьми и т. д. [Горшков и др., 1985, с. 6, 16]

Факт массового участия в добровольческом движении в начале Великой Отечественной войны участников войны Гражданской и советской молодежи вполне объясним с социально-психологической точки зрения. Первые активно боролись за установление советской власти, а вторые при этой власти выросли. Те и другие являлись убежденными сторонниками социально-экономического и общественно-политического устройства СССР и потому выступали в качестве мотивированных бойцов за свою советскую Родину. Агитационно-пропагандистские мероприятия, базировавшиеся на классовых принципах и эксплуатировавшие тематику советского патриотизма, находили у этих категорий населения горячий отклик. В этом смысле агитация и пропаганда образца первых месяцев Великой Отечественной войны были вполне действенны как в масштабах Дона, так и всего СССР.

3.2. Перестройка агитационно-пропагандистской деятельности в отношении донского казачества в годы Великой Отечественной войны

По мере продолжения Великой Отечественной войны потребность в корректировке агитационно-пропагандистских мероприятий стремительно нарастала, поскольку лежавшие в их основании идейные послы

не соответствовали действительности. Идеи интернационализма и классовой солидарности оказались совершенно несостоятельны, так как немцы в массе своей не собирались обращать оружие против Гитлера и нацистской партии; в итоге эти идеи не воодушевляли, а раздражали советских граждан. Численность высокомотивированных, просоветски настроенных граждан СССР, служивших целевой аудиторией основанной на социально-классовых мотивах пропаганды, сокращалась в ходе сражений с врагом. Основная же масса жителей СССР, как и любой другой страны мира, была аполитична и, даже поддерживая советскую власть (очевидно, что лоялисты составляли в СССР в 1941—1945 годах подавляющее большинство населения), слабо воспринимала политизированную пропаганду.

Поэтому, уже к осени 1941 года на первый план в агитации и пропаганде выдвинулись национально-патриотические идеи. Это, разумеется, не означало полного отказа от социально-политических мотивов пропаганды. Исследователи правомерно указывают, что «точный характер патриотизма», к которому апеллировала перестроенная в 1941 году пропаганда, «варьировался от “советского патриотизма”, — лояльности к СССР, преданности делу защиты его территории, народа и образа жизни, — до местного патриотизма, сфокусированного на родном районе, городе или области» [Лившин и др., 2007, с. 15]. Речь может идти лишь о соотношении советского и русского (внеклассового, соборного) патриотизма. Если в начальные недели и месяцы Великой Отечественной войны первый превалировал над вторым, то затем соотношение изменилось.

Классическим примером произошедших уже к осени 1941 года трансформаций в советской военной пропаганде является речь Сталина на параде в Москве в ноябре того же года. В речи звучали все те же, давно привычные отсылки к опыту Гражданской войны и образу отца-основателя СССР — В. И. Ленина. В то же время, обращаясь к бойцам и командирам маршировавшим на параде войск, Сталин назвал в качестве воодушевляющего на подвиги примера не только Ленина, но и целый ряд выдающихся деятелей досоветских этапов отечественного прошлого: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» [Сталин, 1941б] Остальные советские «вожди» вторили Сталину. Так, активно использовал патриотическую тематику главный «безбожник» СССР Емельян Ярославский, который не только доказывал на исторических примерах, что славяне «строили свои государства в борьбе против немцев» [Ярославский, 1941в], но и охарактеризовал большевиков как «продолжателей лучших патриотических тра-

дий русского народа» [Ярославский, 1941a]. Показательно, что при этом Ярославский продолжал эксплуатировать идеи интернационализма: «Советский народ шлет привет... германскому народу, стонущему под игом гитлеровских черносотенных банд» [Ярославский, 1941b].

По тем же причинам была перестроена и агитационно-пропагандистская работа по стимулированию добровольческого движения в казачьих районах Дона и повышению морального духа казаков, сражавшихся в составе добровольческих формирований. Достаточно сказать, что казачья добровольческая конница несла в боях серьезные потери, как и советская кавалерия в целом [Советская кавалерия ..., 1984, с. 173]. Пятый Донской казачий кавалерийский корпус, сформированный в ноябре 1942 года из добровольческих дивизий, созданных в предшествующем году, уже к весне 1943 года потерял немало бойцов. Поэтому в станицах Дона была организована кампания по набору новых добровольцев [Трут, 2020, с. 181]. В марте 1943 года в Ростовской области снова проводились мероприятия по набору 5 тыс. человек пополнения для корпуса [Завещано помнить ..., 2015, с. 187]. Через год потребовалось проведение такой же кампании [ЦДНИРО, д. 458, л. 190б—20].

В ходе непрерывных тяжелых боев численность бывших участников Гражданской войны в казачьих добровольческих формированиях неуклонно снижалась. Постепенно большинство бойцов Пятого Донского казачьего корпуса составили добровольцы, которые, при всем просоветском настрое, симпатизировали не политизированным лозунгам, а пропаганде в духе традиционного казачьего патриотизма как любви к Тихому Дону и верности предкам, славным своими подвигами. Поэтому такая пропаганда становилась все более активной по мере продолжения войны.

В постановлениях партийно-советских органов или в приказах командования обычно подчеркивалась верность донских казаков их славным воинским традициям, зачастую без упоминания о советской принадлежности казачества. Характерна фраза из принятого в апреле 1944 года постановления Ростовского обкома ВКП(б) о мерах по набору пополнения в Пятый Донской казачий кавалерийский корпус: «Лучшие сыны Дона, независимо от проводимой мобилизации, добровольно вступали в ряды казачьих частей... [и] на полях сражений с немецко-фашистскими захватчиками свято хранят патриотические боевые традиции донского казачества» [ЦДНИРО, д. 458, л. 190б]. В приказах и благодарностях командования Пятому Донскому казачьему корпусу подчеркивались лихость и мужество как характерные черты донских казаков. Так, Военный совет 3-го Украинского фронта следующим образом благодарил Пятый донской корпус за массовый героизм в ходе Будапештской наступательной операции в конце 1944 — начале 1945 годов:

«В этой беспримерной битве вы, донские казаки, показали образцы стойкости и храбрости» [Горшков и др., 1985, с. 12]. При этом словосочетание «советские казаки» в данных документах употреблялось не часто.

Весьма показательным является отношение властей к ношению казаками досюветских наград, полученных ими в годы Первой мировой войны. До 1941 года подобное не приветствовалось. В противовес довоенным пропагандистским практикам, в годы Великой Отечественной войны наличие у казаков-добровольцев старшего возраста тех же Георгиевских крестов, вручавшихся военнослужащим Российской императорской армии за храбрость, уже не замалчивалось, а, напротив, популяризировалось. Генерал-майор П. А. Ротмистров, который в январе 1943 года во главе танкового корпуса совершил глубокий рейд по тылам гитлеровцев в район станиц Кочетовской и Семикаракорской на Нижнем Дону, в своих воспоминаниях описывал встречу с одним из местных стариков-казаков, вызвавшимся стать для танкистов проводником. Старик пришел к Ротмистрову с тремя Георгиевскими крестами на груди, демонстрируя тем самым, что он был и остается храбрым воином. Но, памятуя о неприязненном отношении большевиков к этим наградам, казак поинтересовался у советского генерала, «дозволяется ли носить эти кресты?», на что получил ответ: «Носите на здоровье, вы их заслужили своей храбростью и отвагой. А храбрость и отвага в русском народе всегда почитались» [В боях ..., 1968, с. 225]. Одной из наиболее известных фигур в данном случае является знаменитый К. И. Недорубов, в Первую мировую войну ставший полным Георгиевским кавалером, а в годы Великой Отечественной войны добровольцем ушедший на фронт и за боевые заслуги получивший в 1943 году звание Героя Советского Союза [Трут, 2020, с. 186].

Корректировка агитационно-пропагандистской работы среди донского казачества соответствовала настроениям казаков и оказалась весьма результативной. Активное использование в пропаганде национально-патриотических мотивов (в данном конкретном случае — обращение к казачьему патриотизму и казачьим традициям) позволило постоянно привлекать во фронтовые части все новые и новые контингенты добровольцев. Напоминание о славных боевых традициях казачества воодушевляло донских казаков в годы Великой Отечественной войны, заставляло их мужественно сражаться с врагом. Казаки Пятого Донского казачьего кавалерийского корпуса нанесли большой урон противнику, уничтожив до 60 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, около 680 танков и штурмовых орудий, до 130 бронемашин и т. д. За мужество, героизм и стойкость в бою тысячи бойцов и командиров корпуса были награждены орденами и медалями, а 11 человек получили звание Героя Советского Союза [Колесник, 1988, с. 202].

4. Заключение = Conclusions

Великая Отечественная война стала огромным испытанием для советского общества и всех государственных институтов, не исключая и агитационно-пропагандистский аппарат. Результаты развернувшейся в Советском Союзе в 1930-х годах перестройки идеологической базы и, соответственно, агитационно-пропагандистской деятельности в сторону усиления национально-патриотических мотивов оказались недостаточно существенными. К началу 1940-х годов краеугольными камнями военной пропаганды в СССР по-прежнему оставались классовые принципы и интернационализм, а национально-патриотический компонент занимал скромное и подчиненное положение. В начале войны такая пропаганда некоторое время сохраняла эффективность, свидетельством чего являлся широкий отклик советских граждан на призывы властей защищать советскую Родину и завоевания Октября от посягательств Третьего рейха. В числе прочих на подобные призывы горячо откликнулись просоветски настроенная казачья молодежь Дона и сторонники советской власти из числа казаков старшего возраста, в первую очередь — участники Гражданской войны.

Однако базировавшаяся на социально-политических мотивах пропаганда не могла быть действенной в войне, которая велась гитлеровской Германией с целью порабощения или полного уничтожения народов Советского Союза. Поэтому уже в течение первых месяцев Великой Отечественной войны агитационно-пропагандистская работа была перестроена. С осени 1941 года национально-патриотические мотивы в советской пропаганде зазвучали существенно громче классового подхода и интернационализма. На Дону корректировка агитационно-пропагандистской работы выразилась в воспевании героизма донских казаков и заслуг казачества в защите Родины не только в советский период, но и в дооктябрьскую эпоху. Зримым выражением пропагандистских трансформаций стало благосклонное отношение властей к ношению казаками своих досоветских наград, что ранее не приветствовалось.

Перестройка агитационно-пропагандистской работы путем активного использования национально-патриотических лозунгов позволила сплотить советское общество в борьбе с врагом. Патриотические мотивы оказались действенным фактором добровольческого движения донских казаков и сыграли огромную роль в укреплении морально-психологического состояния казачьих кавалерийских формирований. На всем протяжении Великой Отечественной войны приток казаков-добровольцев на фронт не ослабевал, а бойцы знаменитого Пятого Донского гвардейского казачьего кавалерийского корпуса самоотверженно сражались с врагом. Осуществленная

в СССР в военное время серьезная перестройка подходов и смыслов агитации и пропаганды в отношении донского казачества оказалась успешной и результативной.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бои у Халхин-Гола*. Партийно-политическая работа в боевой обстановке. — Москва : Воениздат, 1940. — 527 с.
2. *В боях за Дон*. Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны. — Ростов на-Дону : Кн. изд-во, 1968. — 335 с.
3. *Завещано помнить...* Донские архивы — 70-летию Великой Победы : сборник документов и материалов / Науч. ред. Е. Ф. Кринко. — Ростов на-Дону : Альтаир, 2015. — 279 с. — ISBN 978-5-91951-261-5.
4. *Красная Армия* — родное детище советского народа // Правда. — 1941. — 25 июня.
5. *Молотов В. М.* Выступление по радио 22 июня 1941 г. / В. М. Молотов // Правда. — 1941. — 23 июня.
6. *На защите Родины*. Партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. Сборник документов. — Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1980. — 376 с.
7. *Сталин И. В.* Выступление по радио 3 июля 1941 г. / И. В. Сталин // Правда. — 1941. — 3 июля.
8. *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва : Госполитиздат, 1952. — Т. 13. — С. 29—42.
9. *Сталин И. В.* Речь на параде 7 ноября 1941 г. / И. В. Сталин // Правда. — 1941. — 8 ноября.
10. *Сталин И. В.* Тов. Демьяну Бедному (выдержки из письма). 12 декабря 1930 г. / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва : Госполитиздат, 1952. — Т. 13. — С. 23—27.
11. ЦДНИ РО — Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. «Ростовский областной комитет коммунистической партии». Оп. 1. 1937—1945 гг.
12. *Ярославский Е. М.* Большевики — продолжатели лучших патриотических традиций русского народа / Е. М. Ярославский // Правда. — 1941. — 27 ноября.
13. *Ярославский Е. М.* Война советского народа — справедливейшая война / Е. М. Ярославский // Правда. — 1941. — 8 ноября.
14. *Ярославский Е. М.* За культуру — против фашистского варварства / Е. М. Ярославский // Правда. — 1941. — 18 ноября.

Литература

1. *Будницкий О. В.* Московское народное ополчение : причины и особенности создания / О. В. Будницкий // Российская история. — 2020. — № 3. — С. 3—21. — DOI: 10.31857/S086956870010139-3.
2. *Горлов А. С.* Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны : институциональные и организационные аспекты : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. С. Горлов. — Москва, 2009. — 26 с.

3. *Горшков С. И.* Донской гвардейский : Очерк о героическом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса / С. И. Горшков, И. В. Овчаренко. — Ростов на-Дону : Кн. изд-во, 1985. — 160 с.
4. *Землянский К. А.* Политическая пропаганда и общественное сознание в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на материалах Ростовской области) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / К. А. Землянский. — Ростов-на-Дону, 2018. — 236 с.
5. *Ивлев И. А.* Оружием контрпропаганды : советская пропаганда среди населения оккупированных территорий СССР 1941—1944 гг. / И. А. Ивлев, А. Ф. Юденков. — Москва : Мысль, 1988. — 285 с. — ISBN 5-244-00100-0.
6. *Идеологическая работа КПСС на фронте (1941—1945 гг.).* — Москва : Воениздат, 1960. — 326 с.
7. *История Коммунистической партии Советского Союза. 1938—1958 гг.* 1938—1945 гг. — Москва : Изд-во политической лит-ры, 1970. — Т. 5. — Книга 1. — 2723 с.
8. *Колесник А. Д.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / А. Д. Колесник. — Москва : Наука, 1988. — 266 с. — ISBN 5-02-008432-8.
9. *Комков Г. Д.* Идеино-политическая работа КПСС в 1941—1945 гг. / Г. Д. Комков. — Москва : Наука, 1965. — 440 с.
10. *Кондакова Н. И.* Идеологическая победа над фашизмом, 1941—1945 гг. / Н. И. Кондакова. — Москва : Политиздат, 1982. — 176 с.
11. *Лившин А. Я.* Введение к сборнику документов / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов // Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943—1945 гг.) : сборник документов. — Москва : Политическая энциклопедия, 2015. — С. 17—24. — ISBN 978-5-8243-0925-6.
12. *Лившин А. Я.* Предисловие к сборнику документов / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. Сборник документов / Авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2007. — С. 5—24. — ISBN 978-5-8243-0925-6.
13. *Малышев А. В.* Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (по материалам Дона, Кубани и Ставрополя) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. В. Малышев. — Ростов-на-Дону, 2001. — 189 с.
14. *Малышева Е. М.* Социум и власть : проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны / Е. М. Малышева. — Майкоп : Адыгея, 2000. — 432 с. — ISBN 5-7992-0084-5.
15. *Невежин В. А.* «Если завтра в поход...» : подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах / В. А. Невежин. — Москва : Эксмо ; Яуза, 2007. — 316 с. — ISBN 978-5-699-16625-1.
16. *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века : эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 287 с. — ISBN 5-8243-0782-2.
17. *Советская кавалерия. Военно-исторический очерк* / А. Я. Сошников, П. Н. Дмитриев, А. С. Арутюнов и др. — Москва : Воениздат, 1984. — 319 с.
18. *Трут В. П.* Донское казачество в годы Великой Отечественной войны / В. П. Трут // История донского казачества. В 3-х т. Донское казачество на переломе эпох (XX — начало XXI в.). — Ростов-на-Дону : Омега Паблишер, 2020. — Т. 3. — С. 177—218. — ISBN 978-5-902441-61-8.

19. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944 гг.) / А. Ф. Юденков. — Москва : Мысль, 1971. — 358 с.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

- Bequeathed to remember... Don Archives — the 70th anniversary of the Great Victory: a collection of documents and materials.* (2015). Rostov on Don: Altair. 279 p. ISBN 978-5-91951-261-5. (In Russ.).
- CDNI RO — *Center for Documentation of the modern history of the Rostov region.* (In Russ.).
- Fighting at Khalkhin Gol. Party-political work in a combat situation.* (1940). Moscow: Voenizdat. 527 p. (In Russ.).
- In defense of the Motherland. The party organization of the Don in the Great Patriotic War of 1941—1945. Collection of documents.* (1980). Rostov-on-Don: Publishing House. 376 p. (In Russ.).
- In the battles for the Don. A collection of memoirs of participants of the Great Patriotic War.* (1968). Rostov on Don: Publishing House. 335 p. (In Russ.).
- Molotov, V. M. (1941). Radio performance on June 22, 1941. *Pravda. June 23.* (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1952). Comrade. To Demyan the Poor (excerpts from the letter). December 12, 1930. In: *Essays, 13.* Moscow: Gospolitizdat. 23—27. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1952). On the tasks of business executives. Speech at the first All-Union Conference of workers of Socialist Industry. February 4, 1931. In: *Works, 13.* Moscow: Gospolitizdat. 29—42. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1941). Radio performance on July 3, 1941. *Pravda. July 3.* (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1941). Speech at the parade on November 7, 1941. *Pravda. November 8th.* (In Russ.).
- The Red Army is the native brainchild of the Soviet people. (1941). *Pravda. June 25.* (In Russ.).
- Yaroslavsky, E. M. (1941). Bolsheviks — the continuers of the best patriotic traditions of the Russian people. *Pravda. November 27.* (In Russ.).
- Yaroslavsky, E. M. (1941). For culture — against fascist barbarism. *Pravda. November 18.* (In Russ.).
- Yaroslavsky, E. M. (1941). The war of the Soviet people — the justest war. *Pravda. November 8th.* (In Russ.).

References

- Budnitsky, O. V. (2020). The Moscow People's Militia: the reasons and features of its creation. *Russian History, 3:* 3—21. DOI: 10.31857/S086956870010139-3. (In Russ.).
- Gorlov, A. S. (2009). *Soviet propaganda during the Great Patriotic War: institutional and organizational aspects.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Gorshkov, S. I., Ovcharenko, I. V. (1985). *Donskoy Guards: An essay on the heroic path of the 5th Guards Don Cossack Cavalry Red Banner Budapest Corps.* Rostov on Don: Publishing House. 160 p. (In Russ.).
- Ivlev, I. A., Yudenkov, A. F. (1988). *The weapon of counter-propaganda: Soviet propaganda among the population of the occupied territories of the USSR 1941—1944.* Moscow: Mysl. 285 p. ISBN 5-244-00100-0. (In Russ.).

- Kolesnik, A. D. (1988). *Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka. 266 p. ISBN 5-02-008432-8. (In Russ.).
- Komkov, G. D. (1965). *Ideological and political work of the CPSU in 1941—1945*. Moscow: Nauka. 440 p. (In Russ.).
- Kondakova, N. I. (1982). *Ideological victory over fascism, 1941—1945*. Moscow: Politizdat. 176 p. (In Russ.).
- Livshin, A. Ya. (2015). Introduction to the collection of documents. In: *Soviet propaganda at the final stage of the war (1943—1945). Collection of documents*. Moscow: Political Encyclopedia. 17—24. ISBN 978-5-8243-0925-6. (In Russ.).
- Livshin, A. Ya. (2007). Preface to the collection of documents. In: *Soviet propaganda during the Great Patriotic War: “communication of persuasion” and mobilization mechanisms. Collection of documents*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 5—24. ISBN 978-5-8243-0925-6. (In Russ.).
- Malyshev, A. V. (2001). *Mass media of the South of Russia during the Great Patriotic War (based on the materials of the Don, Kuban and Stavropol)*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 189 p. (In Russ.).
- Malysheva, E. M. (2000). *Society and power: problems of interaction during the Great Patriotic War*. Maykop: Adygea. 432 p. ISBN 5-7992-0084-5. (In Russ.).
- Nevezhin, V. A. (2007). “If tomorrow we go on a campaign ...”: *preparation for war and ideological propaganda in the 30s—40s*. Moscow: Eksmo; Yauza. 316 p. ISBN 978-5-699-16625-1. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Opponents of Russia in the wars of the XX century: the evolution of the “image of the enemy” in the minds of the army and society*. Moscow: ROSSPEN. 287 p. ISBN 5-8243-0782-2. (In Russ.).
- Soviet cavalry. Military historical essay*. (1984). Moscow: Voenizdat. 319 p. (In Russ.).
- The history of the Communist Party of the Soviet Union. 1938—1958. 1938—1945, 5 (1)*. (1970). Moscow: Publishing House of Political Literature. 2723 p. (In Russ.).
- The ideological work of the CPSU at the front (1941—1945)*. (1960). Moscow: Voenizdat. 326 p. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2020). Don Cossacks during the Great Patriotic War. In: *History of the Don Cossacks. In 3 vols. The Don Cossacks at the turning point of the epochs (XX — early XXI century)*, 3. Rostov-on-Don: Omega Publisher. 177—218. ISBN 978-5-902441-61-8. (In Russ.).
- Yudenzov, A. F. (1971). *Political work of the party among the population of the occupied Soviet territory (1941—1944)*. Moscow: Mysl. 358 p. (In Russ.).
- Zemlyansky, K. A. (2018). *Political propaganda and public consciousness during the Great Patriotic War of 1941—1945. (based on the materials of the Rostov region)*. PhD Diss. Rostov-on-Don, 2018. — 236 p. (In Russ.).

*The article was submitted 24.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Букалова С. В. Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны : финансовые аспекты / С. В. Букалова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 371—389. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-371-389.

Bukalova, S. V. (2024). Social Support Organization in Russian Empire During World War I: Financial Aspects. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 371-389. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-371-389. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны: финансовые аспекты

Букалова Светлана Владимировна

orcid.org/0000-0001-7788-9299

кандидат исторических наук, доцент

кафедры истории, политологии

и государственной политики,

Среднерусский институт управления —

филиал РАНХиГС

STL1612@yandex.ru

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС)
(Орел, Россия)

Social Support Organization in Russian Empire During World War I: Financial Aspects

Svetlana V. Bukalova

orcid.org/0000-0001-7788-9299

PhD in History, Associate Professor,

Department of History,

Political Science

and State Politics,

Central Russian Institute

of Management —

branch of RANEPa

STL1612@yandex.ru

The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration
(RANEPa)
(Orel, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается вопрос о соотношении государственного и общественного участия в финансировании социальной поддержки пострадавших на материале Первой мировой войны (1914—1918). Объектом исследования стали составляющие доходной части бюджетов Верховного Совета по призыву семей лиц, призванных на войну, и Московского комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Источниками выступили количественные данные о благотворительных пожертвованиях и казенных субсидиях. Впервые назван общий размер собранных благотворительных пожертвований, сделан вывод об их стабильной динамике. Показано, что объем благотворительных пожертвований был несопоставим с потребностью в помощи. Подчеркивается, что, несмотря на меры по стимулированию притока пожертвований (проведение лотерей, представление жертвователей к наградам), благотворительное участие не могло стать надёжной финансовой основой системы социальной помощи. Автор приходит к заключению о возрастании значения государственного финансирования. Институционализация социальной помощи требовала формализации и регламентации мер поддержки, учёта получателей помощи, создания единообразных организационных структур и др. Таким образом, дореволюционный период Первой мировой войны является важным этапом генезиса государственной социальной политики.

Ключевые слова:

Российская империя; Первая мировая война; благотворительность; история социальной политики; социальная помощь; благотворительная лотерея.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the interplay between state and public involvement in financing social support for the affected population during World War I (1914-1918). The research focuses on the income components of the budgets of the Supreme Council for the Care of Families of Enlisted Persons and the Moscow Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna for providing charitable assistance to families of enlisted individuals. Quantitative data on charitable donations and government subsidies serve as sources. The total amount of collected charitable donations is disclosed for the first time, with a conclusion drawn regarding their stable dynamics. It is demonstrated that the volume of charitable donations was incomparable to the need for assistance. Despite measures to stimulate donation inflow (such as lotteries and rewards for donors), charitable contributions could not establish a reliable financial foundation for the social support system. The author concludes on the increasing significance of state funding. The institutionalization of social assistance required formalization and regulation of support measures, recipient tracking, and the establishment of uniform organizational structures, among others. Thus, the pre-revolutionary period of World War I marks an important stage in the genesis of state social policy.

Key words:

Russian Empire; World War I; charity; history of social policy; social assistance; charitable lottery.

УДК 94(47).083/.084+94(100)“1914/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-371-389

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны: финансовые аспекты

© Букалова С. В., 2024

1. Введение = Introduction

Первая мировая война вовлекла в свою орбиту десятки миллионов человек и оказала существенное влияние на внутреннюю ситуацию в воюющих державах. Одним из аспектов стало ухудшение социального положения многочисленных категорий населения, таких как солдатские семьи, лишившиеся кормильца, призванного на фронт; дети убитых солдат, ставшие сиротами; сами воины, выбывшие из строя вследствие тяжёлого ранения или болезни и потерявшие вместе с трудоспособностью своё место в обществе. Затяжной характер и непредвиденные масштабы Первой мировой войны потребовали от стран-участниц экстренно вырабатывать механизмы адаптации к её негативным социальным последствиям. Этот процесс можно представить в категориях тотальной мобилизации, сопровождавшейся усилением роли государства во всех областях общественной жизни.

Российское общество этого периода проходило стадию модернизации, что означало ослабление механизмов сословной и общинной солидарности, поэтому взаимопомощь внутри локального сообщества (предусмотренная «Уставом об общественном призрении») не могла служить надёжным средством решения социальных проблем, порождённых войной. Между тем присутствие государства в социальной сфере Российской империи было крайне незначительным. По сути, реализация социальной функции государства в этот период сводилась к правовой регламентации благотворительной деятельности.

Исключение составлял принятый в 1912 году и введённый в действие после вступления России в Первую мировую войну закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», предусматривавший наделение ближайших родственников мобилизованного из запаса солдата минимальным пайком от казны. Признавалось, что его размер далеко не соответствует потребностям, к тому же право на паёк получали не все нуждавшиеся

в нём. Оказание необходимой дополнительной поддержки было отнесено государством к области благотворительной общественной инициативы.

Особенностью Российской империи было существование в социальной сфере крупных централизованных филантропических структур, состоявших под покровительством членов императорской фамилии и получавших некоторое государственное финансирование. Старейшая из них — Ведомство учреждений императрицы Марии — в конечном итоге оказалась под управлением Собственной его императорского величества Канцелярии. Такие структуры принято называть «полугосударственными» или «государственно-общественными» благотворительными объединениями. Л. А. Булгакова полагает, что они позволяли государству направлять и контролировать благотворительную деятельность, аккумулируя частные средства [Булгакова, 2001а, с. 314].

В годы Первой мировой войны в России создавалась система социальной поддержки пострадавших, устройство которой лежало в русле этих традиций: под председательством императрицы Александры Фёдоровны в первые недели войны на основе высочайшего указа Правительствующему Сенату был учреждён Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (далее по тексту — Совет по призрению). Он включал в свой состав представителей министерств, непосредственно соприкасавшихся с нуждами солдатских семей, наиболее крупных благотворительных обществ, Земского Союза и Союза Городов. Совет исполнял законосовещательные, регламентирующие и контрольные функции как в отношении реализации закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», так и в отношении дополнительной помощи. Также Совет был призван оказывать финансовую поддержку учреждениям, вовлечённым в призрение солдатских семей. Совет по призрению был наделён правом собирать благотворительные пожертвования и получать казённые ассигнования [Именной..., 1916, с. 91—92].

Исполнительным органом Совета по призрению на обширной российской периферии стали отделения Московского комитета ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Они должны были координировать местные благотворительные инициативы, а также оказывать им финансовую поддержку. Таким образом, система помощи жертвам войны в Российской империи выстраивалась в формате диалога государства и общества. При этом в социальной сфере государство было персонифицировано в лице членов императорской фамилии, которые демонстрировали патерналистское попечение династии о подданных [Букалова, 2023]. Участие императорской фамилии обеспечивало интеграцию государственных и част-

ных усилий в социальной сфере. Однако действительное соотношение государственной поддержки и благотворительного участия в сфере помощи пострадавшим от войны остается невыясненным. В постсоветской историографии наблюдаются расширительная трактовка понятия благотворительности и преувеличение вклада благотворителей в решение социальных проблем. Определение соотношения благотворительных и бюджетных средств позволяет углубить представления о сущности создаваемой в годы Первой мировой войны системы социальной помощи. Эта тема лежит в русле исследований взаимодействия государства и общества и изучения влияния экстремальных военных условий на общественные отношения.

До настоящего времени в историографии российского тыла Первой мировой войны эта проблема не анализировалась с содержательной стороны. Г. Н. Ульянова называет период Первой мировой войны наименее изученным этапом российской благотворительности [Ульянова, 2014, с. 230]. Она выделяет филантропическую функцию, реализуемую как общественными, так и государственными акторами, и отмечает специфику «мобилизационной» филантропии военного времени, диагностируя «симбиоз» власти и общества в оказании помощи. Всё же Г. Н. Ульянова, как наиболее известный специалист в сфере истории отечественной благотворительности, акцентирует благотворительный, то есть негосударственный и добровольный характер новаций в социальной сфере, связанных с войной. Затрагивая вопрос об объёме народных пожертвований для помощи жертвам Первой мировой войны и их соотношении с объёмами казённого финансирования, Г. Н. Ульянова ограничивается полемикой с тезисом С. В. Куликова об огосударствлении Земского и Городского союзов [Там же, с. 232]. Однако сам С. В. Куликов в своей статье освещает проблему финансирования помощи раненым [Куликов, 2008], не затрагивая финансовых аспектов организации общественного призрения.

В подавляющем большинстве исследователи, касающиеся форм социальной поддержки населения, определяют их как *благотворительные*. В обзорном очерке «Благотворительность и социальное обеспечение в России, 1914—1918» из коллективной монографии «Российский тыл в войне и революции, 1914—1922», входящей в международный проект «Russia's Great War and Revolution», автор Дж. Рихтер ограничивается констатацией централизации благотворительной сферы и усиления в ней роли государства, а также предоставления беспрецедентных средств для поддержания усилий по оказанию помощи через организации, находящиеся под патронажем членов династии [Richter, 2016].

Авторы фактографических исследований идеализируют благотворительную активность, видя в ней признаки существования в Российской империи гражданского общества, свидетельства солидарности широких

общественных слоев и власти [Фомичев, 2015; Иванова, 2016; Шилова, 2017 и др.]. А. Н. Грицаева говорит о концепте «военной благотворительности» [Грицаева, 2008, с. 57]; Т. Е. Покотилова отмечает, что в военный период инициатива в благотворительной сфере зачастую исходила от государства, также власть стремилась поставить под свой контроль благотворительную деятельность [Покотилова, 2018, с. 87; Покотилова, 2023, с. 615]. Н. Л. Матвеева освещает возросшую благотворительную активность дома Романовых в годы Первой мировой войны. В частности, она отмечает, что главным источником средств деятельности появившихся во время войны новых благотворительных комитетов, состоявших под высочайшим покровительством, была казна [Матвеева, 2004, с. 40].

Объектом исследования И. П. Павловой стало социальное попечение как форма борьбы с обнищанием населения, объединявшая усилия государства и общества. Констатируя количественные и качественные изменения параметров отечественной системы социального попечения в годы войны, автор диагностирует увеличение роли государства в этой области через механизмы пенсионного обеспечения [Павлова, 2003, с. 147]. И. П. Павлова также отмечает, что в течение войны росла доля финансирования попечительной работы со стороны государства в общем объёме средств, направлявшихся на помощь нуждавшимся, при этом количественные параметры этого роста не оцениваются.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящем исследовании предпринято обобщение и анализ данных о поступлении благотворительных пожертвований в адрес Совета по призрению и Московского комитета её императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны, чаще именуемого *Елизаветинским комитетом*. Источниковой базой исследования стали ежемесячные отчеты о движении денежных сумм, регулярно публиковавшиеся «Известиями» Совета по призрению. В отчетах фиксировался размер поступивших пожертвований. Эти данные дополнены сведениями о казённых ассигнованиях, зафиксированных в журналах заседаний и отчётах Совета по призрению. Данные о финансовой стороне деятельности Елизаветинского комитета содержатся в делопроизводственной документации его архивного фонда и фонда великой княгини Елизаветы Федоровны — денежных отчётах и финансовых планах. Важно, что текущая финансовая отчетность позволяет нам сопоставить объём благотворительных поступлений и бюджетного финансирования, получаемого этими структурами.

Авторитетный исследователь истории российской благотворительности Г. Н. Ульянова в качестве существенного признака благотворительных

учреждений предлагает два критерия — финансовый и институциональный: классическая благотворительность должна осуществляться на частные средства негосударственными субъектами [Ульянова, 2005, с. 135]. Совет по призрению не удовлетворял в полной мере этим критериям: он мог претендовать на правительственные субсидии, выделявшиеся ему из военного фонда, включал в свой состав «членов по должности» — представителей высшей государственной бюрократии, вступал в сношения с губернаторами. Первое издание фундаментального справочника «Высшие и центральные государственные учреждения России» включало его в группу чрезвычайных учреждений военного времени наряду с Особыми совещаниями [Высшие и центральные..., 1998, с. 221—222]. Вместе с тем Совет по призрению не входил непосредственно в систему государственного управления, однако внимательный анализ позволяет выделить в возглавлявшейся им системе социальной поддержки жертв войны в Российской империи черты, сближающие её с системой социальной защиты современного типа, ведущая роль в которой принадлежит государству.

Можно согласиться с американской исследовательницей российского опыта благотворительности Адель Линденмайер, что преодоление бинарного противопоставления государственного и общественного служит выявлению преемственности в процессе развития социальной сферы и углублению научных представлений о политической культуре, экономике и социальных взаимодействиях [Линденмайер, 2008, с. 99, 105].

Изучение динамики привлечения благотворительных пожертвований и их соотношения с государственным финансированием способно косвенно свидетельствовать об изменении материального положения населения и поддержки им правительственных инициатив в социальной сфере. Отмеченные аспекты определяют теоретическую значимость освещаемых вопросов. Практическая значимость исследования состоит в определении возможностей и ограничений благотворительной активности в решении общественных проблем, а также уточнении соотношения государственных и общественных элементов в управлении социальной сферой.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Казенное и благотворительное финансирование Совета по призрению

Уже на втором заседании Совета по призрению, прошедшем 11 сентября 1914 года, был поднят вопрос о создании за счёт государственного финансирования фонда для немедленной реализации задач Совета. Финансовая комиссия рекомендовала испросить ассигнования в размере одного миллиона рублей. Это ходатайство было поддержано министром финан-

сов П. Л. Барком, присутствовавшим на заседании [Журнал... № 2, 1914, с. 46—47]. За первое полугодие 1916 года Совет получил от правительства ещё 4 млн рублей [Журнал... № 12, 1916, с. 76]. В ноябре того же года из средств Государственного казначейства было получено 5 миллионов рублей [РГИА, ф. 1253, оп. 1, д. 87, л. 9—9об.]. Таким образом, за 1914—1916 годы Советом по призрению было получено бюджетное финансирование в размере 10 млн рублей.

Размер благотворительных сборов Совета по призрению далеко не достигал этой суммы. Всего с начала его деятельности по декабрь 1916 года Совету удалось привлечь 1,83 млн рублей. Средний размер поступлений составлял 10—20 тыс. рублей в месяц. Значительные отклонения от этой величины были обусловлены крупными единоразовыми пожертвованиями. Так, в ноябре 1914 года было собрано 111 877 руб., из них 100 тыс. руб. было передано правлением Земского банка Херсонской губернии в городе Одессе [Ведомость о суммах..., 1915, с. 82—89]. В июне 1916 года из 219 373 рублей поступило 200 тыс. руб. облигациями государственного военного краткосрочного займа от Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры [Ведомость о суммах..., 1916, с. 152—154]. Наименьшую сумму пожертвований Совет по призрению получил в апреле 1916 года — менее 5 тысяч рублей. Надо отметить, что в целом средний размер благотворительных сборов на протяжении дореволюционного периода войны держался на одном уровне. Таким образом, внешне поток пожертвований не иссякал, однако следует иметь в виду инфляцию, достигшую к началу 1917 года значительных размеров.

Обращает внимание, что подавляющее большинство пожертвований, получаемых Советом по призрению, перечислялись коллективными жертвователями — различными трудовыми коллективами: чинами таможни, офицерами полков, железнодорожными служащими и т. п. Реже поступали благотворительные пожертвования крестьянских обществ, и исключительно редко — частных лиц. Таким образом, сбор благотворительных средств для Совета по призрению не был стихийным, а требовал организационной работы.

Для благотворительных обществ и учреждений дореволюционного периода была характерна высокая степень информационной прозрачности. Они были обязаны регулярно публиковать отчёты о своей деятельности, в том числе и финансовые. В свою очередь благотворительные институты активно использовали этот канал для популяризации своей деятельности и привлечения новых жертвователей. Не стал исключением и Совет по призрению. После создания он широко распространил обращение от имени её величества государыни императрицы Александры Фёдоровны с пред-

ложением «вносить посильную лепту на обеспечение семей доблестных защитников Царя и Родины» [Призыв..., 1916, с. 131—132]. Впоследствии сведения о задачах Совета и порядке приёма пожертвований бесплатно размещались во всех массовых газетах. Однако результатом этого стал не только приток пожертвований, но и рост числа обращений за помощью. Список жертвователей публиковался в каждом номере «Известий Верховного Совета по призрению». По традиции, по всепреданнейшем докладе о пожертвованиях августейшая председательница Верховного Совета «*всемилостивейшие повелеть соизволяла благодарить жертвователей от имени её императорского величества*» [Ведомость о суммах..., 1915, с. 89].

3.2. Благотворительные сборы и казенное финансирование Елизаветинского комитета

Так как традиция благотворительности была глубоко укоренена в повседневной жизни Российской империи, имелось множество каналов для сбора пожертвований от частных лиц, в том числе и на помощь жертвам мировой войны. Система социальной поддержки, возглавляемая Советом по призрению, строилась как многоуровневая и полисубъектная. Роль исполнительного органа Совета на периферии исполнял Комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, во главе которого стояла сестра императрицы — великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Елизаветинский комитет включал в свою структуру 85 губернских отделений, объединявших, в свою очередь, уездные комиссии. Все эти органы, а также волостные и участковые комиссии Елизаветинского комитета, тоже принимали благотворительные пожертвования. Более того, центральный комитет всемерно поощрял их к этому. Неоднократно местным отделениям циркулярно предписывалось озаботиться обеспечением средствами и поставить реализуемые мероприятия в строгое соответствие с ними [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 33, л. 18, л. 55—55об.].

В итоге с начала деятельности губернских отделений по 1 января 1915 года ими было собрано более 2,6 млн рублей. Однако привлечение пожертвований было неравномерным. Более половины сборов приходилось на 7 наиболее богатых и активных отделений: центральное Московское, Одесское городское, Екатеринославское, Закаспийское, Казанское, Иркутское и Забайкальское [ГАРФ, ф. 640, оп. 1, д. 30, л. 3—3об.]. К маю 1916 года структурам Елизаветинского комитета удалось привлечь на свою деятельность субсидий, пожертвований и благотворительных сборов без малого на 10 млн рублей [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 204, л. 289].

Кроме того, в сеть Елизаветинского комитета было объединено до 6 тысяч благотворительных обществ, их местных отделений и органов самоуправления [Журнал... № 12, 1916, с. 18—21]. Они также привлекали

пожертвования. Таким образом, определить точную величину общего благотворительного участия в помощи жертвам войны вряд ли представляется возможным.

Мы можем лишь отметить, что размер пожертвований, получаемых центральным Елизаветинским комитетом в Москве, существенно уступал сборам Совета по призрению. С начала деятельности по январь 1917 года центральному Елизаветинскому комитету удалось привлечь 516 тыс. рублей. При этом его ежемесячные поступления были достаточно стабильными, изменяясь в пределах от 5 до 15 тысяч рублей. Исключением стал период начала войны, когда за 1914 год было собрано 325 тысяч рублей (из них 100 тыс. руб. были переданы Троице-Сергиевской лаврой).

В основе финансирования системы социальной поддержки жертв войны лежал принцип субсидиарности, то есть Совет по призрению передавал определённые средства Елизаветинскому комитету, тот — своим губернским отделениям, они в свою очередь — уездным комиссиям или же непосредственно заведениям, предоставлявшим социальную помощь. Кроме этого, Совет по призрению, его Особая Комиссия и Московский Елизаветинский комитет могли напрямую оказывать финансовую поддержку благотворительным обществам и учреждениям.

3.3. Всероссийская благотворительная лотерея и награды за военную благотворительность

Финансовую основу функционирования системы социальной поддержки жертв войны на протяжении 1915 года составил такой своеобразный источник средств, как доход от проведения всероссийской благотворительной лотереи. Как показала И. П. Павлова, в Российской империи организация благотворительных лотерей сопровождалась целым рядом регламентационных ограничений, благодаря которым доход от стандартной лотереи не мог превысить 750 рублей [Павлова, 2001]. Всероссийская благотворительная лотерея, организованная Верховным Советом по призрению, стала исключением из принятых правил: разыгрывались денежные выигрыши, лотерейные билеты продавались в местных казначействах, государственных сберегательных кассах и отделениях коммерческих банков, почтово-телеграфных отделениях, фабричных и заводских кассах, а также земскими начальниками и податными инспекторами на селе, что ранее было запрещено [Отчет по высочайше..., 1917, с. 12—14].

Примером для лотереи Совета по призрению стала всероссийская лотерея 1891 года в пользу голодающих. Продажа лотерейных билетов стартовала 18 декабря 1914 года. К марту 1915 года продажу билетов вели 17 тысяч учреждений. Только банковские проценты, начисляемые коммерческими банками на средства, поступавшие от продажи лотерейных би-

летов, превысили полмиллиона рублей. Всем должностным лицам было вменено в обязанность оповещать широкие круги о целях лотереи.

Для популяризации лотереи было изготовлено 23 варианта рекламных плакатов, оттиски которых размещались в публичных местах — в том числе в трамваях. Эскиз одного из таких плакатов был выполнен художником Экспедиции изготовления государственных бумаг Р. Г. Зарриным (Зариньшем) — автором дизайна почти всех российских банкнот начала XX века. Более 1300 периодических изданий разместили объявления о лотерее. Также билеты продавались и в Финляндии — для этого были отпечатаны плакаты на финском языке.

Широкая продажа билетов продолжалась до 15 мая 1915 года; все-го удалось реализовать 95 % тиража. Общий сбор от лотереи составил 19 миллионов рублей, чистый доход — 16,8 миллиона рублей [Отчет по высочайше..., 1917, с. 21]. Эта сумма была распределена следующим образом: 2 млн рублей предназначались Татьянинскому комитету, 1 млн — Красному Кресту; складам императрицы Александры Фёдоровны и императрицы Марии Фёдоровны причиталось также по 1 млн рублей. Остальные средства поступали в распоряжение Совета по призрению. К концу 1916 года средства благотворительной лотереи были распределены и освоены, и в целом этот ресурс был исчерпан.

Также связанные с государственным аппаратом структуры Елизаветинского комитета и Совета по призрению могли прибегать к нематериальному стимулированию своих жертвователей. Лица, сделавшие значительные пожертвования, могли рассчитывать на представление к государственным наградам. Ходатайства о награждении должны были представляться от Елизаветинского комитета в Совет по призрению, который по рассмотрении направлял их в установленном порядке. Ходатайства должны были содержать следующие сведения: состоят ли на государственной службе представляемые к награде лица; какие награды уже имеют; какие заслуги они оказали в деле призрения семей воинов; к какой именно награде предполагается их представить [РГИА, ф. 1253, оп. 1, д. 41, л. 1]. Очевидно, эта мера была адресована наиболее обеспеченным кругам общества и не могла повлиять на массовый приток пожертвований.

3.4. Пределы благотворительности

Можно заметить, что потребности в социальной поддержке миллионов жертв мировой войны далеко превосходили те суммы, которые общество было готово предоставить в виде добровольных благотворительных пожертвований. Так, уже в августе 1914 года общая стоимость казённых пайков семьям мобилизованных (обеспечивавших минимальный уровень физиологического выживания) достигала 30 млн рублей ежемесячно [Бул-

гакова, 20016, с. 457]. Создание специализированной системы учреждений призрения инвалидов войны оценивалось в 30 млн рублей [РГИА, ф. 1253, оп. 1, д. 63, л. 268—271]. Для сравнения: бюджет Елизаветинского комитета во второй половине 1916 года составил 7,6 млн рублей [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 194, л. 96].

Возможность создать эффективную систему социальной поддержки нуждавшихся исключительно на благотворительные средства ставилась под сомнение уже в первые месяцы войны. Отмечалось, что крестьянское население, исключительно отзывчивое к чужой беде, не любит повторных и регулярных сборов пожертвований [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 194, л. 68—71]. Со временем в адрес центральных органов всё чаще стали поступать жалобы на то, что благотворительные сборы приносят всё меньше средств. Архивные документы свидетельствуют о перераспределении потока пожертвований от «традиционных» к новым группам адресатов помощи. Например, Алексеевскому комитету, занятому поддержкой солдатских детей, с 1 августа 1914 года по 1 марта 1915 года удалось собрать по всей стране лишь 3,5 тыс. рублей пожертвований [Журнал... № 8, 1915, с. 99, 103, 106]. Нестабильность благотворительных источников средств создавала значительные трудности для уже действующих социальных учреждений. Так, Романовский комитет сообщал об «отливе» пожертвований от сиротских приютов в пользу помощи раненым; многим приютам грозило закрытие. Романовский комитет был вынужден поддержать ассигнованиями 56 приютов Ведомства учреждений императрицы Марии и 26 Ольгинских приютов. Например, детский Ольгинский приют трудолюбия в Космодемьянске Казанской губернии был поставлен на грань закрытия, и только пособие Романовского комитета спасло детей от возвращения на улицу [Ди-Сеньи, 1915, с. 64].

Это можно объяснить как усталостью населения от затяжной неудачной войны и охлаждением патриотических настроений, так и снижением уровня жизни, а также увеличением числа нуждавшихся в благотворительной помощи. Приток частных пожертвований в адрес центрального Елизаветинского комитета на второй год его деятельности (июль 1915 года — июль 1916 года) прогнозировался всего в 200 тыс. рублей. Для поддержания местных отделений и продолжения начатых проектов Елизаветинский комитет надеялся получить от Совета по призрению на порядок большую сумму — 2,5 млн рублей [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 198, л. 121].

4. Заключение = Conclusions

Изучение финансовых основ организации и деятельности системы социальной помощи жертвам Первой мировой войны в Российской империи позволяет характеризовать её как переходную от традиционной формы

частной благотворительности и общественного призрения к модели государственных социальных гарантий. Для организации формально благотворительной поддержки пострадавших от войны сразу же после её начала по инициативе «сверху» были созданы крупные централизованные структуры, состоявшие под августейшим руководством и покровительством (Совет по призрению, Елизаветинский, Ольгинский, Татьянинский комитеты). Их задача виделась в упорядочении, поддержке, а при необходимости — инициировании благотворительной помощи. Яркой чертой этих институций стало вхождение в их состав «членов по должности» — государственных чиновников и чинов сословного дворянского самоуправления. Одновременно как на центральном уровне, так и на периферии комитеты включали в свой состав «местных деятелей» — представителей объединений гражданского общества и местных активистов. Тем самым осуществлялась интеграция властных и общественных усилий на поле помощи наиболее приоритетным группам нуждающихся — жертвам войны.

Не имея специализированного аппарата реализации социальных программ, государство рассматривало общественные структуры как своего партнера, «укорененного» в социальной среде. Взаимодействие государства и общественных организаций в социальной сфере, преследовавшее филантропические цели помощи пострадавшим, выходило за рамки предусмотренной «Уставом об общественном призрении» общинной самопомощи. Низовые общественные организации принимали на себя задачу аккумуляции благотворительного участия и непосредственного предоставления мер помощи. Стоит заметить, что значительную роль в этом сегменте, наряду с собственно благотворительными объединениями, играли органы местного самоуправления. В то же время централизованные государственно-общественные структуры общероссийского масштаба исполняли задачи регламентации мер помощи, распределения казённых и перераспределения благотворительных средств. Тем самым в годы войны в социальной сфере создавалась система многосторонней коммуникации между разноразмерными государственными и негосударственными структурами. Однако необходимо подчеркнуть, что вплоть до революционных событий сами жертвы войны не были активной стороной этого диалога.

Финансовая сторона организации социальной помощи в годы Первой мировой войны складывалась из частных благотворительных пожертвований, которым изначально отводилась основная роль, и дополнительных субсидий из казны, обеспечивавших устойчивость системы социальной помощи. Задачи времени требовали усиления государственного участия в финансировании мер поддержки жертв войны. Очень приблизительно общий объем благотворительных сборов на нужды пострадавших от во-

йны, привлеченных Советом по призрению (включая сборы от всероссийской лотереи), центральным Елизаветинским комитетом и его местными отделениями, церковно-приходскими и волостными попечительствами, можно оценить в десятки миллионов рублей — не более 50 млн руб. Масштабы мировой войны наглядно показывали, что традиционная практика благотворительных инициатив не способна дать пострадавшим достаточных гарантий.

В свою очередь институционализация социальной помощи, её трансформация в институт социальной политики требовала формализации и регламентации мер поддержки, законодательного закрепления критериев нуждаемости, учёта получателей помощи, создания единообразных организационных структур. В годы Первой мировой войны Российская империя начала движение в этом направлении, очередным этапом которого стало создание Временным правительством Министерства государственного призрения, которое стало преемником лишившихся августейших покровительниц Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов и Комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 640 (Александра Федоровна (урожденная принцесса Гессенская Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса), жена императора Николая II). Оп. 1. Д. 30.
2. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1253 (Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов). Оп. 1. Д. 41, 63, 87.
3. ЦАГМ — *Центральный государственный архив города Москвы*. Ф. 113 (Комитет ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну). Оп. 1. Д. 33, 194, 198, 204.
4. *Ведомость о суммах*, поступивших за ноябрь 1914 года в распоряжение Верховного Совета // *Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов*. — 1915. — № 3. — С. 82—89.
5. *Ведомость о суммах*, поступивших в распоряжение Верховного Совета с 1 июня по 1 августа 1916 года // *Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов*. — 1916. — № 13. — С. 152—154.
6. Ди-Сеньи Н. К. Отчет командированного председателем Романовского комитета помощника начальника Отделения Канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи о результатах осмотра некоторых получающих пособия из средств Комитета сиротских приютов в губерниях — Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской,

Саратовской и Симбирской и в городах — Москве и Гельсингфорсе / Н. К. Ди-Сеньи. — Петроград : Государственная типография, 1915. — 108 с.

7. *Журнал заседаний № 2.* Заседание 11 сентября 1914 года // Известия Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. — 1914. — № 1. — С. 42—55.

8. *Журнал заседаний № 8.* Заседание 05 мая 1915 года // Известия Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. — 1915. — № 6. — С. 65—167.

9. *Журнал заседаний № 12.* Заседание 09 июня 1916 года // Известия Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. — 1916. — № 13. — С. 11—100.

10. *Именной высочайший указ об образовании Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов* // Отчет о деятельности Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений. — Петроград : Государственная типография, 1916. — С. 91—92.

11. *Отчет о деятельности Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений.* — Петроград : Государственная типография, 1916. — 204 с.

12. *Отчет по высочайше разрешенной благотворительной лотерее 1914 года.* — Петроград : Государственная типография, 1917. — 61 с.

13. *Призыв к пожертвованиям на дело признания семей лиц...* // Отчет о деятельности Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений. — Петроград : Государственная типография, 1916. — С. 131—132.

Литература

1. Букалова С. В. Становление социальной защиты в Российской империи : между патернализмом и субсидиарностью / С. В. Букалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. — 2023. — № 1 (65). — С. 148—157. — DOI: 10.26456/vthistory/2023.1.148—157.

2. Булгакова Л. А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России / Л. А. Булгакова // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. — Санкт-Петербург : Лики России, 2001a. — С. 313—323. — ISBN 5-87417-137-1.

3. Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки : помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX века : материалы конференции памяти В. С. Дякина / [редкол. : Р. Ш. Ганелин и др.]. — Санкт-Петербург ; Кишинев : Nestor-Historia, 20016. — С. 431—496.

4. *Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. : в 4 т. /* Федер. арх. служба России. Рос. гос. ист. арх. Гос арх. РФ ; [Отв. сост. Д. И. Раскин]. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — Т. 1. — С. 221—222. — ISBN 5-02-028394-0.

5. Грицаева А. Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) : опыт помощи пострадавшим от военных действий : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Н. Грицаева. — Москва, 2008. — 289 с.

6. *Иванова Н. М.* Благотворительная деятельность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны / Н. М. Иванова // Клио. — 2016. — № 12 (120). — С. 65—73.

7. *Куликов С. В.* Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 — февраль 1917 г.) / С. В. Куликов // Благотворительность в истории России : Новые документы и исследования // Российская акад. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории ; [отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова]. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 369—396.

8. *Линденмайер А.* Открывая Атлантиду : тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности / А. Линденмайер // Благотворительность в истории России : Новые документы и исследования. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 95—107. — ISBN 978-5-9818-7238-9.

9. *Матвеева Н. Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны / Н. Л. Матвеева. — Москва : Издательство МГОУ, 2004. — 189 с. — ISBN 5-7045-0591-0.

10. *Павлова И. П.* Благотворительные лотереи в дореволюционной России / И. П. Павлова // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования / Ин-т “Открытое о-во” (Санкт-Петерб. отд-ние), Центр развития некоммер. орг. ; [Сост. А. Клецина и др.]. — Санкт-Петербург : Лики России, 2001. — С. 429—435.

11. *Павлова И. П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны / И. П. Павлова. — Красноярск : Издательский центр Красноярского государственного аграрного университета, 2003. — 150 с. — ISBN 5-94617-016-3.

12. *Покотилова Т. Е.* Российская филантропия и первая мировая война (на материалах Терской области) / Т. Е. Покотилова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2018. — № 4. — С. 86—92. — DOI: 10.37494/2409-1030-2018-4-86-92.

13. *Покотилова Т. Е.* Благотворительная помощь пострадавшим в ходе Первой мировой войны : примеры общественно-государственного сотрудничества / Т. Е. Покотилова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 614—620. — DOI: 10.37493/2409-1030.2023.4.8.

14. *Покотилова Т. Е.* Благотворительность в социальной истории дореволюционной России : Мировоззрение и исторический опыт : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Т. Е. Покотилова. — Ставрополь, 1998. — 443 с.

15. *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской империи : XIX — нач. XX в. : монография / Г. Н. Ульянова ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — Москва : Наука, 2005. — 402 с. — ISBN 5-02-033509-6.

16. *Ульянова Г. Н.* Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914—1918 гг. : дискуссионные вопросы и содержание проблемы / Г. Н. Ульянова // Россия в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября — 3 ноября 2014 г.) / Ин-т российской истории Российской акад. наук, Гос. Ист. музей, Федеральное архивное агентство, Российское ист. о-во ; [отв. ред. : А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров]. — Москва : ИРИ РАН, 2014. — С. 230—237.

17. *Фомичев И. В.* Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны / И. В. Фомичев // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2015. — № 25. — С. 196—199.

18. Шилова Р. Р. Благотворительная деятельность женщин Уфимской губернии в годы Первой мировой войны / Р. Р. Шилова // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 3. — С. 45—49.

19. *Richter Jude Philanthropy and Welfare in Russia, 1914–18* // *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22* / edited by Adele Lindenmeyr, Christopher Read, and Peter Waldron. — Indiana : Slavica Publishers, 2016. — Pp. 11—30.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

A call for donations to the cause of caring for the families of individuals... (1916). In: *A report on the activities of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers, and institutions subordinate to it*. Petrograd: State Printing House. 131—132. (In Russ.).

Di-Seni, N. K. (1915). *Report of the Assistant Head of the Office of the Council of Ministers N. K. Di-Seni, sent by the Chairman of the Romanov Committee, on the results of the inspection of some orphanages receiving benefits from the funds of the Committee in the provinces of Astrakhan, Kazan, Nizhny Novgorod, Samara, Saratov and Simbirsk and in the cities of Moscow and Helsingfors*. Petrograd: State Printing House. 108 p. (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).

Journal of meetings № 2. Meeting on June 09, 1916. (1916). *News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 13: 11—100. (In Russ.).

Journal of meetings № 2. Meeting on September 11, 1914. (1914). *News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 1: 42—55. (In Russ.).

Journal of meetings № 8. Meeting on May 05, 1915. (1915). *News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 6: 65—167. (In Russ.).

Report on the activities of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers, and institutions subordinate to it. (1916). Petrograd: State Printing House. 204 p. (In Russ.).

Report on the highly authorized charity lottery of 1914. (1917). Petrograd: State Printing House. 61 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).

Statement of the amounts placed at the disposal of the Supreme Council from June 1 to August 1, 1916. (1916). *News of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 13: 152—154. (In Russ.).

Statement of the amounts received in November 1914 at the disposal of the Supreme Council. (1915). *News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 3: 82—89. (In Russ.).

The nominal Supreme decree on the formation of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers.

(1916). In: *A report on the activities of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers, and institutions subordinate to it*. Petrograd: State Printing House. 91—92. (In Russ.).

TSAGM — *Central State Archive of the city of Moscow*. (In Russ.).

References

- Bukalova, S. V. (2023). The formation of social protection in the Russian Empire: between paternalism and subsidiarity. *Bulletin of Tver State University. Series: History*, 1 (65): 148—157. DOI: 10.26456/vthistory/2023.1.148—157. (In Russ.).
- Bulgakova, L. A. (2001b). Privileged poor: assistance to soldier's families during the First World War. In: *On the way to revolutionary upheavals. From the history of Russia in the second half of the XIX — early XX century: materials of the conference in memory of V. S. Dyakin*. St. Petersburg; Chisinau: Nestor-Historia. 431—496. (In Russ.).
- Bulgakova, L. A. (2001a). Problems of integration in the field of social assistance in pre-revolutionary Russia. In: *Charity in Russia: Social and historical research*. St. Petersburg: Liki Rossii". 313—323. ISBN 5-87417-137-1. (In Russ.).
- Fomichev, I. V. (2015). Charitable assistance to refugee children and orphans during the First World War. *Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities*, 25: 196—199. (In Russ.).
- Gritsaeva, A. N. (2008). *Charity in Russia during the First World War (1914 — February 1917): experience in helping victims of military operations*. PhD Diss. Moscow. 289 p. (In Russ.).
- Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917: in 4 volumes, 1*. (1998). St. Petersburg: Nauka. 221—222. ISBN 5-02-028394-0. (In Russ.).
- Ivanova, N. M. (2016). Charitable activity of the Russian Orthodox Church during the First World War. *Klio*, 12 (120): 65—73. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2008). Financial aspects of the activities of Russian wartime charitable organizations (July 1914 — February 1917). In: *Charity in the history of Russia: New documents and research*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 369—396. (In Russ.).
- Lindenmayer, A. (2008). Discovering Atlantis: trends and prospects of studying the history of Russian charity. In: *Charity in the history of Russia: New documents and research*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 95—107. ISBN 978-5-9818-7238-9. (In Russ.).
- Matveeva, N. L. (2004). *Charity and the Imperial family during the First World War*. Moscow: Moscow State University Publishing House. 189 p. ISBN 5-7045-0591-0. (In Russ.).
- Pavlova, I. P. (2001). Charity lotteries in pre-revolutionary Russia. In: *Charity in Russia: Social and Historical Research*. St. Petersburg: Faces of Russia. 429—435. (In Russ.).
- Pavlova, I. P. (2003). *Social care in Russia during the First World War*. Krasnoyarsk: Publishing Center of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 150 p. ISBN 5-94617-016-3. (In Russ.).
- Pokotilova, T. E. (2023). Charitable assistance to victims of the First World War: examples of public-state cooperation. *Humanitarian and legal studies*, 10 (4): 614—620. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.4.8. (In Russ.).
- Pokotilova, T. E. (1998). *Charity in the social history of pre-revolutionary Russia: Worldview and historical experience*. Doct. Diss. Stavropol. 443 p. (In Russ.).
- Pokotilova, T. E. (2018). Russian philanthropy and the First World War (based on the materials of the Tersk region). *Humanitarian and legal studies*, 4: 86—92. DOI: 10.37494/2409-1030-2018-4-86-92. (In Russ.).

- Richter Jude Philanthropy and Welfare in Russia, 1914—18. (2016). In: *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914—22*. Indiana: Slavica Publishers. 11—30.
- Shilova, R. R. (2017). Charitable activity of women of the Ufa province during the First World War. *Bulletin of Vyatka State University*, 3: 45—49. (In Russ.).
- Ulyanova, G. N. (2014). Charitable assistance of the society to the victims of the war in 1914—1918: controversial issues and the content of the problem. In: *Russia during the First World War. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, September 30 — November 3, 2014)*. Moscow: IRI RAS. 230—237. (In Russ.).
- Ulyanova, G. N. (2005). *Charity in the Russian Empire: XIX — beginning. XX century: monograph*. Moscow: Nauka. 402 p. ISBN 5-02-033509-6. (In Russ.).

*The article was submitted 21.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Ерохина О. В. Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914—1917 годы) / О. В. Ерохина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 390—408. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-390-408.

Erokhina, O. V. (2024). Status of Germans in Russian Empire during First World War (1914-1917). *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 390-408. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-390-408. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914—1917 годы)

Ерохина Ольга Викторовна ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5158-7110

Scopus Author ID: 57210936427

доктор исторических наук, доцент,

¹ профессор кафедры
история России;

² главный научный сотрудник
erohina1@mail.ru

¹ Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)

² Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда и
Санкт-Петербургского научного фонда
№ 23-18-20025,
<https://rscf.ru/project/23-18-20025>

Status of Germans in Russian Empire during First World War (1914-1917)

Olga V. Erokhina ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5158-7110

Scopus Author ID: 57210936427

Doctor of History, Associate Professor,

¹ Professor of the Department
of Russian History;

² chief research scientist
erohina1@mail.ru

¹ Moscow Pedagogical
State University
(Moscow, Russia)

² Pushkin Leningrad State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation
and the Saint Petersburg Science
Foundation Grant,
project number 23-18-20025,
<https://rscf.ru/project/23-18-20025>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена характеристике повседневной жизни, настроений и положения немцев, которые в 1914—1917 годах проживали на территории российского государства. Для этого автором были проанализированы письма, написанные представителями разных социальных групп, национальностей и возрастов в этот период, а также привлечены материалы периодической печати. Особое внимание уделяется таким значимым для немецкого населения событиям, как изменение названий населенных пунктов с немецких на русские, разработка и применение в отношении их «ликвидационного законодательства» в 1914—1915 годах, взаимоотношения в армии между немецкими и русскими военнослужащими. На основе изученных материалов делается вывод, что немцы неоднозначно воспринимали происходившие в стране социально-политические события. Одни стремились слиться с толпой и не выпячивать свою национальную принадлежность, другие пытались привлечь внимание депутатов Государственной Думы к своим проблемам. Они не понимали, как могут доказать свою лояльность властям и почему их приписали к «внутренним врагам», хотя они являлись российскими подданными. Наибольшую неудовлетворенность выражали солдаты, которые воевали не хуже русских, получая заслуженные военные награды, но вынуждены были терпеть унижения со стороны начальства и сослуживцев.

Ключевые слова:

перлюстрация; военная цензура; Первая мировая война; Петроград; военная переписка; российские немцы; немецкие колонисты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on characterizing the everyday life, moods, and situation of Germans residing in the territory of the Russian state from 1914 to 1917. The author analyzed letters written by representatives of different social groups, nationalities, and ages during this period, as well as materials from periodical publications. Special attention is given to significant events for the German population, such as the renaming of settlements from German to Russian names, the development and application of “liquidation legislation” towards them in 1914-1915, and the interactions in the army between German and Russian military personnel. Based on the materials studied, it is concluded that Germans had mixed perceptions of the socio-political events in the country. Some sought to blend in with the crowd and not emphasize their national identity, while others tried to draw the attention of State Duma deputies to their issues. They did not understand how to prove their loyalty to the authorities and why they were labeled as “internal enemies”, despite being Russian subjects. The most dissatisfaction was expressed by soldiers who fought as well as Russians, received deserved military awards, but were subjected to humiliations by their superiors.

Key words:

secret viewing of personal correspondence; military censorship; World War I; Petrograd; military correspondence; Russian Germans; German colonists.

Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914—1917 годы)

© Ерохина О. В., 2024

1. Введение = Introduction

До начала XXI века письма были самым распространенным способом общения между людьми и в отличие от других эго-документов в них фиксировалась и передавалась информация непосредственно в период происходившего события. Лишенные возможности видеться в силу разных жизненных обстоятельств, люди через переписку обменивались новостями и эмоциональными переживаниями, что способствовало их социальному взаимодействию и сближению. Особенно востребованными письма становились в годы войны, когда, находясь под психологическим прессингом, люди обращались к воспоминаниям довоенной жизни, хотели узнать о судьбе родственников или друзей, а также давали оценку происходившим событиям. Поэтому «богаче материала, чем в письмах, в данном случае ничего не может быть. Вся жизнь с ее мельчайшими подробностями проходит и отражается в письмах как на экране кинематографа» [Асташов, 2014, с. 120].

Именно переписка между частными лицами носит, по нашему мнению, наиболее информативный характер и позволяет в полной мере раскрыть положение российских немцев в период Первой мировой войны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

С середины 90-х годов XX века проблема положения немецкого населения в годы Первой мировой войны в Российской империи начинает привлекать внимание исследователей. Наиболее плодотворно ею занимались в рамках конференций, проводимых Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев с 1994 года.

О проведении антинемецкой кампании в разных регионах страны писали Т. Н. Плохотнюк [Плохотнюк, 1999], А. Воронежцев [Воронечев, 2002], И. К. Агасиев [Агасиев, 2005] и др. Ход и результаты депортационных мероприятий царизма освещены в работах С. Г. Нелиповича [Нелипович, 1994; Нелипович, 1997].

Состоянию антинемецких настроений в российском обществе и отношению российских немцев к происходящему были посвящены диссертационные исследования Н. В. Савиновой [Савинова, 2008], Н. В. Морозовой [Морозова, 2010], А. Н. Шубиной [Шубина, 2012].

Хотелось бы отметить, что, несмотря на относительную степень изученности различных сфер общественной жизни немецкого этноса указанного периода, исследователи практически не обращают внимания на реакцию самих российских немцев на действия властей и антинемецкие настроения общества накануне и в период Первой мировой войны.

Источниковой базой исследования послужили опубликованные и неопубликованные материалы. К первым мы относим письма Ф. О. Краузе к своей невесте, а потом и жене А. И. Доброхотовой, написанные в 1914—1917 годах [Краузе, 2017], и периодическую печать. Кроме того, нами были использованы письма и выписки из писем, сделанные цензорами или перлюстраторами, найденные в центральных и региональных архивах (ГАРФ, РГИА, РГВИА, ЦГИА СПб, ЦГАСО), которые позволили установить отношение немцев к основным мероприятиям антинемецкой кампании. Примечательно то, что писавшие их люди были откровенны в своих суждениях, и это дало нам возможность выделить несколько тем для рассмотрения в нашей статье: переименование Санкт-Петербурга в Петроград, изменение фамилий с немецких на русские, «ликвидационное законодательство», депортационная политика, положение солдата-немца на фронте.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Перлюстрация и цензура накануне войны 1914 года

Письма могли быть открытыми или закрытыми. Именно содержание последних больше всего интересовало представителей власти. Поэтому для получения сведений они «должны быть распечатываемы со всею осторожностью и по прочтении вновь тщательно запечатываемы, дабы адресат не мог впасть в сомнение» [Чехов, 1975, с. 124].

А. П. Чехов в своем произведении как раз и раскрыл способ получения этой информации властями: перлюстрацию и военную цензуру. Перлюстрация — тайное чтение писем правительством, согладатайство в почтовой переписке [Даль, 1865, ч. 3, с. 91]. На государственном уровне ее существование отрицалось, а работа чиновников регулировалась секретными инструкциями.

Исследователи отмечают, что впервые она была применена в период правления Екатерины II для просмотра почты иностранных дипломатов и государственных деятелей, а новый импульс в своем развитии получила в связи с необходимостью контроля переписки польских ссыльнопоселенцев в 1860-е годы [Чукарев, 2005; Измозик, 2015; Шайдуров и др., 2022].

Для вскрытия писем создавались «черные кабинеты» в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе, Харькове, Казани, Киеве и Тифлисе «под вывеской цензуры иностранных газет и журналов» [Измозик, 2015, с. 345]. Первоначально они подчинялись почтовым ведомствам, а потом их перевели в подчинение Министерства внутренних дел. Общее руководство перлюстрационной работой осуществлял старший цензор Петербургского почтамта, и он же исправлял должность помощника начальника Главного управления почт и телеграфов.

Старший цензор Петербургского почтамта М. Г. Мардарьев в одном из докладов писал, что чиновников для работы в «черных кабинетах» отбирали не только по политической благонадежности, но и по знанию «хотя бы трех европейских языков» [ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1001, л. 93]. Были и такие, кто знал от 8 до 15 языков [Заварзин, 1924; Майский, 1922]. При этом, как отмечает исследователь В. С. Измозик, больше половины из них имели только среднее или незаконченное среднее образование ($\approx 57\%$) [Измозик, 2015, с. 210].

В начале XX века в Санкт-Петербурге просматривалось около 2—3 тыс. писем ежедневно, в то время как в других «черных кабинетах» вскрывалось от 100 до 500 писем [Перегудова, 2000, с. 278]. Однако до 1914 года объем почтовых отправок постоянно увеличивался.

Военно-цензурный комитет был создан в Российской империи в 1836 году и просуществовал до 1858 года. На смену ему пришли военно-цензурные учреждения, которые работали только во время военных событий (русско-турецкой войны 1877—1878 годов и русско-японской войны 1904—1905 годов). В 1905 году их деятельность приостановили, и о необходимости использования военной цензуры заговорят только накануне Первой мировой войны [Белобородова, 2010, с. 16].

Военная цензура — одна из форм контроля (надзора) со стороны военных и других государственных органов открытых видов информации, а иногда и частной переписки с целью не допустить опубликования и оглашения в них сведений, составляющих тайну военную и государственную [Козлов, 1980, с. 407]. 20 июля 1914 года было принято «Временное положение о военной цензуре», которым руководствовались цензоры при просмотре солдатских и офицерских писем [Временное положение ..., 1914]. Главная задача, стоявшая перед ними, — проверять, чтобы в письмах не было написано «то, что может вызвать беспокойство на местах, тревогу или панику, о каких-либо общественных бедствиях, вздорных слухах, отрицательных явлениях в общественной жизни, а также о различных сетованиях против войны» [Там же].

На основании ст. 6 и 7 Положения цензура делилась на полную и частичную. Если полная применялась для театра военных действий, то ча-

стичная заключалась в «просмотре и выемке международных почтовых отправок и телеграмм, а также ... в отдельных случаях ... внутренних почтовых отправок и телеграмм» [Там же, с. 2]. Однако просмотр почты должен был производиться только в помещениях почтово-телеграфного ведомства (ст. 50).

Несмотря на то, что их численность постоянно увеличивалась, но в полной мере справиться с возрастающим объемом писем им не удавалось. Например, в начале 1915 года в Петроградской губернии военная цензура была введена в 18 населенных пунктах [Белькова, 2016, с. 136]. В течение войны цензоры по армиям и военным округам проверили всего 2—3 % писем [Асташов, 2014, с. 119]. Барон А. П. Будберг писал: «Несмотря на неоднократные напоминания военным цензорам на более строгое применение военной цензуры, все же повторяются случаи, указывающие, что цензура почтовых отправок не всюду применяется в полной мере» [РГВИА, ф. 2144, оп. 1, д. 925, л. 4].

Если в годы Первой мировой войны письма в тыл и на фронт подвергались просмотру со стороны военной цензуры, то переписка частных лиц и представителей российской элиты внутри страны по-прежнему перлюстрировалась почтово-телеграфными служащими. Например, о настроениях российского общества в военные годы мы можем судить из аналитического отчета о перлюстрации за 1915 год [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1042].

Авторы писем были представителями разных слоев населения, верований и национальностей, отличавшимися еще и по уровню грамотности. В этом плане показателен анализ данных «Военно-статистического ежегодника армии за 1912 год». Из него следует, что по вероисповеданию доминировали православные, составлявшие 70 %, затем магометане — 10,83 %, католики — 8,9 %, протестанты — 4,85 %, иудеи — 4,05 %, армяно-грегориане — 0,96 %. По национальному составу преобладали русские — 66 %, потом шли турецко-татарские племена — 10,6 %, поляки — 5,8 %, финны — 4,5 %, евреи — 3,9 %. Грамотность солдат в империи в целом была довольно низкой: «...из 1000 душ населения грамотных лишь 211, или 21 %» [Военно-статистический ежегодник ..., 1914, с. 473—519].

3.2. Антинемецкая кампания в России

Объявление о начале войны привело российское общество в состояние эмоционального потрясения. По мере того, как развивались события на фронте и нагнеталась обстановка в тылу, власти сконцентрировали свое внимание на поиске «виновных» внутри страны.

Военное министерство прилагало немало усилий, чтобы держать этот вопрос под контролем. В конце 1914 года издаются постановления, запрещающие на немецком языке разговаривать, иметь вывески, печатать газе-

ты и книги, затем вводится запрет на прием и пересылку почтовых отправлений на немецком языке [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1062, л. 20, 94—97; ф. 1276, оп. 11, д. 736, л. 3; РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 28, л. 3].

Первым мероприятием, по нашему мнению, открывшим борьбу с «немецким засильем», было издание Николаем II указа о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград [Об именовании ..., 1914, ст. 2284]. В газетах по этому поводу публиковались восторженные статьи и стихотворения [Е. К., 1914, с. 3; Столица Петроград ..., 1914, с. 2; Копыткин, 1914, с. 1]. Однако не все придерживались такого мнения. Ю. П. Анненков, русский живописец и график, отмечал: «Я помню... каким нелепым показалось мне переименование Санкт-Петербурга в “Петроград”» [Пархоменко, 2015, с. 2].

Представители немецкой интеллигенции тоже не остались в стороне от обсуждения этого вопроса. Например, военный врач Ф. О. Краузе, служивший старшим врачом на Юго-западном фронте, и его невеста А. И. Доброхотова, работавшая в Морозовской больнице, в письмах друг к другу были единодушны по этому поводу. Им хотелось к слову «Петроград» применить слово «убожество» [Краузе, 2017, с. 43].

На переименование столицы откликнулись и немецкие поселяне-собственники. Например, жителю колонии Карамышевка Саратовской губернии И. Бругу родственник писал, что не знает, кем себя считать: «... формально я считаюсь совершенно русским, но если царь перекрестил Петербург в Петроград, то мое понимание считать себя русским получает уже поражение» [Воронежцев, 2002, с. 81]. Вслед за столицей переименовывались остальные населенные пункты, имевшие немецкие названия. Петроградское губернское присутствие приняло решение вместо слова *колония* писать «село, селение, поселок в зависимости от количества народонаселения данной местности» [ЦГИА СПб, ф. 259, оп. 1, д. 2797, л. 116], чтобы ничто не указывало на население, проживающее в ней.

Усиление антинемецких настроений в российском обществе заставляло немцев «бежать от свободы» [Фромм, 1990]. Изменение фамилии давало им возможность скрыть свою национальную принадлежность: «Настало время, когда нам стало тяжело носить иностранную фамилию и считаться чуть ли не иностранцами... нам трудно окончательно отказаться от своей фамилии» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1906]. Некоторые корреспонденты, комментируя борьбу с лицами, носящими немецкие фамилии, писали, что власти вместо дела «занимались науськиванием» одной части населения на другую [РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1184, л. 85].

Выбор фамилии мог быть произвольным, но зачастую брали девичью фамилию жены. Если меняющий фамилию находился на государственной

службе, то газеты стремились тут же опубликовать разоблачающую информацию. Так произошло с членом Государственного Совета А. Б. Нейдгардтом, которому по Высочайшему соизволению разрешили взять фамилию жены — Талызиной; ротмистром Отдельного корпуса жандармов Б. Келлером, ставшим Лиховским [Перемена ..., 1915б, с. 2; Перемена ..., 1915а, с. 2].

Ф. О. Краузе вообще не понимал, как может измениться отношение коллег к тем, с кем работаешь не один год, только из-за того, что человек носит немецкую фамилию. Он с большим трудом мог допустить, «что к незнакомым людям враждебной нации можно относиться с подозрением», но не к тем, кого хорошо знаешь [Краузе, 2017, с. 27]. Князь С. М. Волконский давал собственное объяснение такому явлению: «Пошло гонение на немецкие фамилии; люди меняли их на русские, даже отчество меняли, отрекались от отца... и в новом созвучии своего имени искали... безопасности» [Волконский, 1992, с. 227].

В ноябре 1914 года властями были определены учреждения и правила приема ходатайств для решившихся изменить фамилию: 1) в Департамент герольдии Правительствующего Сената подавали прошения дворяне и почетные граждане; 2) остальные сословия могли обращаться с такой же просьбой в Канцелярию прошений на Высочайшее имя.

Следует отметить, что периодическая печать принимала активное участие в «обсуждении немецкого вопроса», зачастую разжигая антинемецкие настроения. Общий смысл статей сводился к принижению вклада немецкой культуры в общемировую, выявлению исконной грубости немецкого народа, описанию немецких зверств на войне.

Газетные публикации также являлись одной из тем, обсуждаемых в письмах. А. И. Доброхотова писала о том, что ее охватывает ужас и боль при чтении газет, «не смерть, витающая кругом ... страшна, а озверение человечества». С ней был согласен Ф. О. Краузе отмечавший, что очень часто публиковались «непроверенные, явно ложные известия» о немцах [Краузе, 2017, с. 27—28]. Некоторые авторы предлагали не молчать, а защищаться, посылая письма от российских немцев в газеты, чтобы «высказать испытываемую нами боль вследствие инсинуаций, оскорблений и лживых обвинений в русской печати» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1988].

С осени 1914 года в Государственной Думе началось обсуждение «ликвидационных» законов, которые будут приняты 2 февраля и 13 декабря 1915 года. Газета «Земщина» в связи с этим писала, что их собираются применить к «немцам, хотя бы и русским подданным, но явно чуждым по духу России» [Немцы-землевладельцы ..., 1914, с. 3]. Слух об этом дошел и до немецких колонистов, считавших, что у них «все отнимут... что всех немцев вышлют», и поэтому они чувствовали себя так, словно сидели «на

бочке с порохом» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 53]. В ряде писем отмечалось, что подобная политика не только создаст опасный прецедент для других инородцев, но и будет на руку революционерам [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 999, л. 1821, 1845; д. 1000, л. 1904].

Законопроекты стали предметом обсуждения в многочисленной переписке между людьми разных социальных групп. Представители интеллигенции видели в принятии «этих законов ненужную, недальновидную и вредную жестокость, которая принесет только дурные плоды» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1050, л. 296]. В одном письме автор сообщал, что некий Оскар (не удалось установить его данных. — *О. Е.*) ездил в Петербург на встречу с депутатами партий и даже общался с лидерами семи фракций (прогрессивные националисты, правые октябристы, левые октябристы, прогрессисты, кадеты, трудовики и социал-демократы). Он увидел, что в Думе царит полная растерянность: никто не знает, как приступить к делу, не знает самого дела и не может разъяснить, кто такой поселенин-собственник. Им был сделан вывод: «Вся Государственная Дума — это, в большинстве, серая, безгласная масса, идущая за своими лидерами» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1047, л. 13].

Ф. Андерега в письме к сыну писал, что немцы, у которых заберут землю на основании разрабатываемых законов, — «...будущие граждане Америки», куда они станут переселяться при первой возможности, потому что их нынешнее отечество очень негостеприимно [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1050, л. 282]. Однако попытки защитить немцев порой не получали одобрения не только со стороны российского общества, но даже политических организаций, членами которых они состояли.

Профессор Московской сельскохозяйственной академии К. Э. Линдемман был товарищем председателя Центрального комитета московского «Союза 17 октября». В октябре и ноябре 1914 года им были опубликованы статьи в поддержку немецких колонистов Российской империи в газетах «Речь», «Русское слово», «Petrograder Zeitung», и за это на него очень рассердились представители комитета октябристов.

20 ноября 1914 года Линдемман написал в Петроград члену Государственной Думы Е. П. Ковалевскому письмо, в котором объяснял свои публикации тем, что действовал в соответствии с взглядами руководителей партии, но главное — хотел убедить власти в несправедливости и необоснованности разрабатываемых мер. При этом Карл Эдуардович выражал надежду на поддержку его кандидатуры однопартийцами на ближайших выборах [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1902].

Вероятно, взвесив все за и против, он принял решение не бороться за пост вице-председателя «Союза 17 Октября». Сын Владимир понимал, ка-

ким тяжелым было это решение для отца, но считал, что «везде, где есть толпа, где вопросы решаются глупым большинством, путем голосования, люди, резко отличающиеся от этого большинства, оказываются, в конце концов, в меньшинстве или даже совсем одинокими <...> наступило полное торжество демократической посредственности» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1908].

Проводя борьбу с «немецким засильем», военные власти предпринимали усилия к тому, чтобы не давать немцам занимать руководящие должности, особенно в общественном управлении. Конечно, не всегда это удавалось осуществить, и случалось, что население большинством голосов могло избрать на выборные должности и немцев [ЦГИА СПб, ф. 258, оп. 23, д. 149, л. 1; оп. 25, д. 404, л. 5].

Из переписки мы узнаем, что в основном их старались вытеснить из земских управ и им приходилось ездить по колониям и селам с агитацией, чтобы на выборах за них проголосовали, хотя они сами сомневались в полезности своих действий. Кроме того, они сокрушались, что сельское хозяйство придет в упадок, потому что из земств убирают агрономов, считая их деятельность бесполезной [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 354в.].

В сентябре 1914 года военными властями было принято решение о выселении в кратчайшие сроки немцев-колонистов старше 15 лет из прифронтовых земель, которые владели в сельских местностях землей или другим недвижимым имуществом, а также безземельных и приписанных к обществам колонистов, даже если они проживали в городах [РГВИА, ф. 1759, оп. 4, д. 1725, л. 42; ф. 2003, оп. 2, д. 991, л. 1]. Под колонистами подразумевали «всех крестьян — русских подданных немецкой национальности» [Нелипович, 1994, с. 54—55].

Эти предложения «борьбы с внутренним немцем» в России поддерживали наиболее реакционно настроенные слои населения, высказывавшие в письмах призывы к их «уничтожению с корнем» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1039, л. 2127]. Представители же другой стороны писали о вопиющих случаях, когда колонистов высылали этапом и без гроша в кармане. Они подчеркивали главное: их братья и сыновья воюют на фронте, многие убиты или ранены, но «никто даже об этом не задумывается» [РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1184, л. 129об].

Действительно, не имея денег и теплой одежды, они оказывались заложниками политической ситуации и непродуманности действий властей. Пастору люди писали, что урожай с полей высланных немцев был продан за копейки, хотя они надеялись, что оставшимся удастся выручить больше и прислать деньги им, так как многие выехали без денег [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2054, л. 164]. Управляющий Астраханской губернией писал, что

прибывшие русские поданные немцы жили в полицейских участках, так как им некуда было идти и есть тоже нечего. Поэтому он их кормил за счет фонда военнопленных и просил выделить деньги на их содержание [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 1222, л. 71].

Российские немцы не могли понять, почему их стали причислять к врагам России. Многие из них в письмах обращали внимание на факт принятия ими русского подданства, так как их предки приехали в страну более ста лет назад и принесли присягу до 1880 года. Я. Гартман, проживавший в Екатеринославской губернии, писал в Самарскую губернию своему родственнику: «Когда началась война с Японией... вместе с русскими отстаивали Россию; тогда мы были хороши, а теперь — нас считают врагами» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 999, л. 1801].

3.3. Положение российских немцев-солдат на фронте

Последствия проводимой антинемецкой политики коснулись не только немцев в тылу. Солдаты, находившиеся на фронте с первых дней войны (а некоторые ушли туда добровольцами), испытывали не меньший пресинг со стороны командиров и своих же сослуживцев.

Позиция военных властей также была однозначной в отношении призванных на фронт солдат из немецких колонистов. В начале 1915 года Генеральным штабом было издано распоряжение не направлять на фронт колонистов старше 30 лет и «по возможности не возлагать ответственных обязанностей» на них [РГВИА, ф. 1720, оп. 3, д. 225, л. 11]. Затем принято решение о переводе всех немцев с Западного фронта на Кавказский. Солдаты писали своим родным, что «переводимых конвоируют при усиленной охране, как будто бы они совершили страшное преступление», «многие плакали, ибо вели как арестантов под конвоем», «партиями по 200 человек» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2052, л. 414, 440].

Но там им тоже были не рады. В письме неизвестного автора из 117 запасного пехотного батальона говорится: батальонный командир в Манглисе встретил их словами «здорово немцы» и заявлением, что, если бы ему дали власть, он всех бы перестрелял [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 55]. При этом в письмах рассказывалось о реальном положении армии и ее готовности к войне: «Говорят народу у нас много, но ввиду того, что ощущается сильный недостаток в вооружении, то вооруженная наша сила слаба» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2052, л. 322].

Не меньший интерес представляет организация питания в условиях войны. В большинстве корреспонденции отмечалось, что еда была отвратительная или ее почти не было. Так, солдат 259 Самарской пешей дружины М. Рюгер писал жене: «...мы не получаем мясного супа, а питаемся: пшеном, капустой и грибами... на днях нам подали щи с червяками» [ЦГАСО,

ф. 468, оп. 1, д. 2052, л. 272а]. Г. Г. Изаак советовал своему знакомому не выбирать Шварцвальд, когда будет распределение по казармам, потому что «здесь совершенно отучают от еды» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2054, л. 49].

Как свидетельствует из переписки, чаще всего солдат кормили супами и кашами из чечевицы, фасоли, гороха; в письмах нередко сообщалось об отсутствии мяса и уменьшении выдачи хлеба. Из 723 пехотного полка писали: «На обед варят чечевицу с гнилой рыбой, на ужин то же самое, хлеба дают мало, даже двух фунтов нет» [РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1486, л. 296]. Военно-цензурное отделение при просмотре переписки сделало вывод о «хронической склонности деятелей тыла к корыстной наживе» и злоупотреблениях непосредственных начальников солдат [РГВИА, ф. 2144, д. 925, л. 304].

Иногда попадают письма, в которых авторы вполне довольны жизнью на фронте. К таким можно отнести тех, кто имел возможность использовать свое служебное положение в личных целях. Например, старший унтер-офицер Б. Ротермель писал, что ему живется хорошо, потому что занимается закупкой сена и овса для лошадей [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 250].

Довольно часто встречаются сообщения, что авторы не могут подробно описывать свои условия быта из-за того, что им это запрещается. В случае нарушения цензура могла уведомить полковое начальство об этом, и тогда их ждало 100 ударов розгами.

Чтобы поддержать мужчин, находящихся на фронте, из тыла присылали посылки с самым необходимым не только их семьи, но и благотворительные общества. Д. К. Миллер, солдат 2 роты 612 Акмолинской дружины, отмечал, что русские получали каждый брюки, рубаху, мыло, табак, полотенце, платок, пряники и многое другое. Им же отдавали соль, пшено, горох, крупы и пакет с конфетами, единственное, что можно было есть, остальное же все пришлось выкидывать. Своей жене он советовал: «Ничего не жертвуй на войну, потому что не пойдёт по назначению, все продается и пропивается» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2054, л. 355—355 об].

В письмах солдат содержались просьбы присылать им посылки, потому что русские однополчане получали их из дома, а у них как будто нет родителей или родственников. При этом перечисляли вещи, которые были им необходимы: теплые рубахи, кальсоны, брюки, бумагу и конверты. Но были и личные просьбы. Например, А. Я. Беккер просил родителей передать его фотографию барышне А. А. Таль, с которой познакомился, еще находясь в Санкт-Петербурге [ЦГИА СПб, ф. 254, оп. 1, д. 16822, л. 18, 20]. Однако встретиться им не пришлось, потому что на следующий день после отправления письма родителям он погиб. Об этом в открытом письме сообщили из части.

Российские немцы в переписке с родными жаловались и на издательства, которые они вынуждены были терпеть в армии. Они выражали желание обратиться за помощью к пасторам и общественным организациям. «Если мы, — писал Г. И. Вейман, — не достойны русского оружия или звания русского солдата, то пусть нас отпускают по домам» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2054, л. 474].

Авторы корреспонденции подозревали, что их письма подвергаются перлюстрации, но были уверены, что если их писать на иностранном языке, то перлюстратор или цензор не сможет прочесть текст из-за незнания немецкого языка. Например, А. Цитц объяснял О. И. Триппель, почему пишет на немецком языке: «... здесь все письма вскрываются и читаются. Поэтому вы пишете так же <...> Немецкое они ведь не так читать будут» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 261]. В одном из писем брат даже давал совет сестре: «... будешь мне писать, и пожелаешь написать что-нибудь запрещенное, то пиши на ниже-немецком наречии, это проходит, это они не понимают» [РГВИА, ф. 13842, оп. 1, д. 7, л. 147—148].

Несмотря на то, что в стране уже было запрещено пользоваться немецким языком, немцам важно было его сохранить. Они не только сами продолжали на нем говорить, но и хотели, чтобы жены и дети его изучали и не забывали. Например, Ф. Краузе на протяжении 1914—1915 годов неоднократно спрашивал свою жену про успехи изучения языка, поясняя, почему ему это важно: «Вот когда ты научишься немецкому языку, мы с тобой много будем читать вместе, и ты тогда конкретно убедишься, что не гнилая, не варварская нация создала эту литературу, эту философию, эту музыку и эту науку» [Краузе, 2017, с. 20, 119].

Военно-цензурное отделение при Северном фронте отмечало, что после запрета писать на немецком языке переписываться стали на других иностранных языках, и «даже на древних, но только не на русском» [РГВИА, ф. 2031, оп. 4, д. 321, л. 14]. Кроме того, цензоры понимали, что солдаты догадывались о цензуре и искали способа ее избежать. В одном из сводных отчетов сообщалось: «Сравнительная бесцветность корреспонденции отчасти объясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка происходит помимо цензуры» [Солдатские письма ..., 1927, с. 7].

Начальники почтово-телеграфных контор отмечали, что отправители договаривались с прислугой в поезде, проезжающими частными лицами или своими сослуживцами, которые выезжали по какой-то необходимости или в отпуск за пределы театра военных действий, о том, чтобы они опустили письма в любом населенном пункте, находящемся за пределами фронтовых действий [РГВИА, ф. 2144, оп. 1, д. 925, л. 26]. Подтверждением этих слов может служить письмо вольноопределяющегося из 75-го

маршевого батальона, писавшего из Брянска в Вольск Саратовской губернии: «Здесь ужасная дисциплина, над солдатами издеваются ужасно, бьют никого не щадя. Кадры все звери, нам-то еще ничего — хорошо, но жалко солдат... Так как такое письмо послать из роты нельзя, то посылаю его с почты с знакомым денщиком» [Воронежцев, 2006, с. 23].

Из-за цензуры корреспонденция могла не дойти до адресата. И тогда в письмах от родных встречались упреки на редко получаемые письма или отсутствие ответов со стороны служащих. В таком случае солдаты ответили бы так, как сделал это А. Беккер: «... приблизительно сосчитайте, сколько Вы ... прислали писем. Я на каждое письмо отвечаю, да и окромя этого еще пишу особенно» [ЦГИА СПб, ф. 254, оп. 1, д. 16822, л. 17об].

Перевод изъятого письма или его части сопровождался сведениями об отправителе и получателе. Это дает нам возможность установить возраст, место жительства, социальную принадлежность и сферу профессиональной деятельности корреспондентов. Например, в донесении унтер-офицера жандармского управления содержались сведения об отправителе письма в действующую армию Николае Ивановиче Ротэрмеле, которому было 65 лет. Имел шестерых детей: четверо находились в армии (Павел — врач, Иван и Николай — прапорщики, Федор — доброволец), Александр был пастором в с. Раузенгейн, а Валентин учился в Петроградском университете и являлся членом студенческой немецкой корпорации «Необалтия».

Н. И. Ротэрмель был поселянином-собственником с. Орловского Самарской губернии и владел механическим заводом для производства сельскохозяйственных орудий. Сделал много пожертвований на нужды армии и помогал бедному населению. На собственные средства построил школу для глухонемых детей. Ранее состоял членом III Государственной Думы [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 31—32, 77].

Немцы, выехавшие в конце XIX — начале XX веков в Северную Америку, были обеспокоены тем, что происходило в России. В письмах интересовались: «...как вам живется в настоящее время в России...не притесняют ли вас русские» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2052, л. 255]. Некоторые радовались тому, что смогли вовремя уехать из страны и война их не затронула.

Авторы писем были не чужды философии, обобщений, наблюдений. Российские немцы задумывались о том, как сильно изменилось представление о немцах. Раньше это был булочник, который по утрам открывал свой «васисдас» и был олицетворением мещанской добродетели — аккуратности, порядочности и самодовольной ограниченности. Теперь же это суровый человек, без колебаний идущий к намеченной цели, «безжалостный и неумолимый железный человек... человек с гипертрофией воли и рассудка и атрофией чувств» [Краузе, 2017, с. 216].

4. Заключение = Conclusions

В условиях Первой мировой войны у российских властей возникала необходимость знать о настроениях в армии и тылу. Сделать это можно было с помощью перлюстрации и военной цензуры. Тем более что принятое в 1914 году «Временное положение о военной цензуре» легализовало такую возможность. За время войны в ходе просмотра корреспонденции были сделаны многочисленные выписки и конфискованы нежелательные по содержанию письма.

Для нас особую ценность представляет корреспонденция российских немцев, писавших родным, друзьям и просто знакомым. Тематика переписки была самая разнообразная. Авторы писем не подозревали о том, что переписка цензурируется, и сообщали родным о своих чувствах, переживаниях, восприятии событий и политических мер, проводимых властями. Они не понимали, зачем переименовывать населенные пункты или переселять немцев в другие губернии, не обеспечив минимальные условия проживания. Им тяжело было слышать обвинения в свой адрес, так как в действительности они были лояльными российскому государству.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Асташов А. А. Корреспонденция фронтовая / А. А. Асташов // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918 : Энциклопедия : в 3 т. К-П. — Москва : РОССПЭН, 2014. — Т. 2. — С. 119—122. — ISBN 978-5-8243-1886-9.
2. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. — Санкт-Петербург : Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. — 519 с.
3. Волконский С. М. Мои воспоминания / С. М. Волконский. — Москва : Искусство, 1992. — 383 с. — ISBN 5-210-02336-2.
4. Временное положение о военной цензуре. — Петроград : [б. и.], 1914. — 15 с.
5. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102, Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 71. Д. 1222 ; Оп. 265. Д. 999, 1000, 1039, 1042, 1047, 1050 ; Ф. 1467, Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Оп. 1. Д. 1001.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. В 4 ч. — Москва : Типография Лазаревского института восточных языков, 1865. — Ч. 3. — 508 с.
7. Е. К. Русскому народу — русская столица // Земщина : [газета]. — 1914. — 22 августа. — С. 3.
8. Козлов М. А. Цензура военная / М. А. Козлов // Советская военная энциклопедия. — 1980. — Т. 8. — С. 407—408.
9. Копыткин С. Петроград / С. Копыткин // Петербургский листок : [газета]. — 1914. — 21 августа. — С. 1.

10. Краузе Ф. Письма с Первой мировой войны (1914—1917 гг.) / Ф. Краузе. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — 544 с. — ISBN 978-5-4469-0168-5.
11. Майский С. «Черный кабинет» : Из воспоминаний бывшего цензора / С. Майский. — Петроград : Былое, 1922. — 23 с.
12. Немцы-землевладельцы // Земщина : [газета]. — 1914. — 14 октября.
13. Об именовании впредь города С.-Петербурга — Петроградом // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. — 1914. — № 234. — Ст. 2284.
14. Перемена ..., 2015а — *Перемена фамилий* // Земщина : [газета]. — 1915. — 1 декабря. — С. 2.
15. Перемена ..., 2015б — *Перемена фамилий* // Утро России : [газета]. — 1915. — 4 июля. — С. 2.
16. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 821, Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 133. Д. 1062 ; Ф. 1276, Совет министров. Оп. 11. Д. 736.
17. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 1720, Штаб Казанского военного округа. Оп. 3. Д. 225 ; Ф. 1759, Штаб Киевского военного округа. Оп. 4. Д. 1725 ; Ф. 2003, Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 1. Д. 1468 ; Оп. 2. Д. 991 ; Ф. 2005, Военно-политическое и гражданское управление при верховном главнокомандующем. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 ; Ф. 2031, Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. Оп. 1. Д. 1184 ; Ф. 2144, Штаб 10-й армии. Оп. 1. Д. 925. Л. 4 ; Ф. 13842, Самарский военно-цензурный пункт. Оп. 1. Д. 7.
18. *Солдатские письма 1917 года*. — Москва, Ленинград : [б. и.], 1927. — 165 с.
19. *Столица Петроград* // Петербургский листок : [газета]. — 1914. — 20 августа. — С. 2.
20. ЦГАСО — *Центральный государственный архив Самарской области*. Ф. 468, Самарское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 2052, 2053, 2054.
21. ЦГИА СПб — *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга*. Ф. 254, Петроградское губернское жандармское правление. Оп. 1. Д. 16822 ; Ф. 258, Петроградское губернское присутствие. Оп. 23. Д. 149 ; Оп. 25. Д. 404 ; Ф. 259, Петроградское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2797.
22. *Чехов А. П. Новейший письмовник* / А. П. Чехов — В книге : Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1975. — Т. 3. — С. 124—126.

Литература

1. Агасиев И. К. особенности осуществления «ликвидационных законов» в немецких колониях Вольни и Азербайджана (сравнительный анализ) / И. К. Агасиев // Российские немцы в инонациональном окружении : проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы международной научной конференции : Саратов, 14—19 сентября 2004 г. — Москва : МСНК-пресс, 2005. — С. 246—260. — ISBN 5-98355-022-5.
2. Белобородова А. А. Защита государственной тайны в Российской империи / А. А. Белобородова // Военно-исторический журнал. — 2010. — № 7. — С. 16—20.
3. Белькова Г. И. Петроград — главный центр цензуры в годы Первой мировой войны / Г. И. Белькова // Культура. Наука. Образование. — 2016. — № 2 (39). — С. 133—137.
4. Воронезцев А. В. Из истории военной цензуры в период первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) / А. В. Воронезцев // Проблемы истории

Саратовского края и документальное наследие : материалы научных конференций Саратовского областного отделения РОИА. — Саратов : Архитектор-С, 2006. — С. 18—29.

5. *Воронежцев А. В.* Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) / А. В. Воронежцев // Немцы России : социально-экономическое и духовное развитие (1871—1941 гг.) : материалы 8-й международной научной конференции, Москва, 13—16 октября 2001 г. — Москва : МДЦ Холдинг, 2002. — С. 71—94. — ISBN 5-94586-010-7.

6. *Заварзин П. П.* Работа Тайной полиции / П. П. Заварзин. — Париж : Тип. Франко-русская печать, 1924. — 174 с.

7. *Измозик В. С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII — начало XX вв. / В. С. Измозик. — Москва : НЛО, 2015. — 696 с. — ISBN 978-5-4448-1936-4.

8. *Морозова Н. В.* Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 — февраль 1917 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. В. Морозова. — Волгоград, 2010. — 279 с.

9. *Нелипович С. Г.* В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России (1914—1917) / С. Г. Нелипович // Первая мировая война и участие в ней России. 1914—1918 : Сб. материалов. — Москва : ГПИБ, 1994. — Ч. 1. — С. 54—64.

10. *Нелипович С. Г.* Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич : «немецкую пакость уволить и без нежностей...»: депортация в России 1914—1918 гг. / С. Г. Нелипович // Военно-исторический журнал. — 1997. — № 1. — С. 42—51.

11. *Пархоменко Т. А.* Первая мировая война и интеллигенция России / Т. А. Пархоменко // Культурологический журнал. — 2015. — № 1 (19). — С. 1—15.

12. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880—1917 гг.) / З. И. Перегудова. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2000. — 432 с. — ISBN 5-8243-0063-1.

13. *Плохотнюк Т. Н.* Действие «ликвидационных законов» на Северном Кавказе в 1915—1917 гг. / Т. Н. Плохотнюк // Немцы России в контексте отечественной истории : общие проблемы и региональные особенности : Материалы международной научной конференции, Москва, 17—20 сентября 1998 г. — Москва : Готика, 1999. — С. 223—237. — ISBN 5-7834-0037-8.

14. *Савинова Н. В.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы первой мировой войны : 1914—1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. В. Савинова. — Санкт-Петербург, 2008. — 249 с.

15. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. — Москва : Прогресс, 1990. — 269 с. — ISBN 5-01-001914-0.

16. *Чукарев А. Г.* Тайная полиция России : 1825—1855 гг. / А. Г. Чукарев. — Москва ; Жуковский : Кучково поле, 2005. — 704 с. — ISBN 5-86090-120-8.

17. *Шайдуров В. Н.* Власть и ссыльные поляки в Сибири XIX в. (по материалам эпистолярных источников) / В. Н. Шайдуров, Т. А. Новгородский // Журнал фронтирных исследований. — 2022. — Т. 7. — № 1 (25). — С. 294—311. — DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.380>.

18. *Шубина А. Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого засилья в России в годы Первой мировой войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Н. Шубина. — Москва, 2012. — 346 с.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2024,
одобрена после рецензирования 07.06.2024,
подготовлена к публикации 16.06.2024.*

Material resources

- Astashov, A. A. (2014). Front-line correspondence. In: *Russia in the First World War. 1914—1918: Encyclopedia: in 3 volumes*, 2. Moscow: ROSSPEN. 119—122. ISBN 978-5-8243-1886-9. (In Russ.).
- Peremena ..., 2015a — Change of surnames. (1915). *Zemshchyna: [newspaper]. December 1*. P. 2. (In Russ.).
- Peremena ..., 2015b — Change of surnames. (1915). *Morning of Russia: [newspaper]. July 4*. P. 2. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1975). The newest letter writer. In: Chekhov, A. P. *Complete works and letters: In 30 volumes*, 3. Moscow: Nauka. 124—126. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1865). *Explanatory dictionary of the Zhivago Great Russian language*, 3. At 4 a.m. Moscow: Printing house of the Lazarev Institute of Oriental Languages. 508 p. (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).
- Kopytkin, S. (1914). *Petrograd. Petersburg leaflet: [newspaper]. August 21*. P. 1. (In Russ.).
- Kozlov, M. A. (1980). Military censorship. *Soviet Military Encyclopedia*, 8: 407—408. (In Russ.).
- Krause, F. (2017). *Letters from the First World War (1914—1917)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 544 p. ISBN 978-5-4469-0168-5. (In Russ.).
- Maysky, S. (1922). *“Black cabinet”: From the memoirs of a former censor*. Petrograd: Bygone. 23 p. (In Russ.).
- Military Statistical Yearbook of the Army for 1912*. (1914). St. Petersburg: Military Printing House of Empress Catherine the Great. 519 p. (In Russ.).
- On henceforth naming the city of St. Petersburg as Petrograd. (1914). *Collection of legalizations and orders of the government, issued under the Governing Senate*, 234: St. 2284. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. (In Russ.).
- Russian people — The Russian capital. (1914). *Zemshchyna: [newspaper]. August 22*. P. 3. (In Russ.).
- Soldier's letters of 1917*. (1927). Moscow, Leningrad: [b. i.]. 165 p. (In Russ.).
- Stolitsa Petrograd. (1914). *St. Petersburg leaflet: [newspaper]. August 20*. P. 2. (In Russ.).
- Temporary regulation on military censorship*. (1914). Petrograd: [b. i.]. 15 p. (In Russ.).
- The Germans are landowners. (1914). *Zemshchyna: [newspaper]. October 14th*. (In Russ.).
- TsGASO — *Central State Archive of the Samara region*. (In Russ.).
- TsGIA SPb — *Central State Historical Archive of St. Petersburg*. (In Russ.).
- Volkonsky, S. M. (1992). *My memories*. Moscow: Iskustvo. 383 p. ISBN 5-210-02336-2. (In Russ.).

References

- Agasiev, I. K. (2005). Features of the implementation of “liquidation laws” in the German colonies of Volhynia and Azerbaijan (comparative analysis). In: *Russian Germans in a foreign environment: problems of adaptation, mutual influence, tolerance. Proceedings of the international scientific conference: Saratov, September 14—19, 2004*. Moscow: MSNK-press. 246—260. ISBN 5-98355-022-5. (In Russ.).
- Belkova, G. I. (2016). Petrograd — the main center of censorship during the First World War. *Culture. Science. Education*, 2 (39): 133—137. (In Russ.).
- Beloborodova, A. A. (2010). Protection of state secrets in the Russian Empire. *Military Historical Journal*, 7: 16—20. (In Russ.).

- Chukarev, A. G. (2005). *The Secret Police of Russia: 1825—1855*. Moscow: Zhukovsky: Kuchkovo field. 704 p. ISBN 5-86090-120-8. (In Russ.).
- Fromm, E. (1990). *Escape from freedom*. Moscow: Progress. 269 p. ISBN 5-01-001914-0. (In Russ.).
- Izmozik, V. S. (2015). *“Black cabinets”. The history of Russian perustration. XVIII — early XX centuries*. Moscow: NLO. 696 p. ISBN 978-5-4448-1936-4. (In Russ.).
- Morozova, N. V. (2010). *The German question and the Central Periodical Press of Russia (July 1914 — February 1917)*. PhD Diss. Volgograd. 279 p. (In Russ.).
- Nelipovich, S. G. (1994). In search of the “inner enemy”: the deportation policy of Russia (1914—1917). In: *The First World War and Russia’s participation in it. 1914—1918: Collection of materials, I*. Moscow: GPIB. 54—64. (In Russ.).
- Nelipovich, S. G. (1997). General of Infantry N. N. Yanushkevich: “to dismiss German filth without tenderness...”: deportation in Russia 1914—1918. *Military Historical Journal, 1*: 42—51. (In Russ.).
- Parkhomenko, T. A. (2015). The First World War and the intelligentsia of Russia. *Cultural Journal, 1* (19): 1—15. (In Russ.).
- Peregudova, Z. I. (2000). *Political investigation of Russia (1880—1917)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 432 p. ISBN 5-8243-0063-1. (In Russ.).
- Plokhotnyuk, T.N. (1999). The effect of “liquidation laws” in the North Caucasus in 1915—1917. In: *Germans of Russia in the context of national history: general problems and regional peculiarities: Proceedings of the international scientific conference, Moscow, September 17—20, 1998*. Moscow: Gothic. 223—237. ISBN 5-7834-0037-8. (In Russ.).
- Savinova, N. V. (2008). *Russian nationalism and German pogroms in Russia during the First World War: 1914—1917*. PhD Diss. St. Petersburg. 249 p. (In Russ.).
- Shaidurov, V. N., Novogrodsky, T. A. (2022). Power and exiled Poles in Siberia of the XIX century (based on epistolary sources). *Journal of Frontier Studies, 7 / 1* (25): 294—311. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.380>. (In Russ.).
- Shubina, A. N. (2012). *The attitude of government and society to the problem of the so-called dominance in Russia during the First World War*. PhD Diss. Moscow. 346 p. (In Russ.).
- Voronezhstsev, A. V. (2002). German colonists in the Volga region during the First World War (based on the materials of the Saratov and Samara provinces). In: *Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871—1941). Materials of the 8th International scientific conference*. Moscow, October 13—16, 2001. Moscow: MDC Holding. 71—94. ISBN 5-94586-010-7. (In Russ.).
- Voronezhstsev, A. V. (2006). From the history of military censorship during the First World War (based on the materials of the Saratov province). In: *Problems of the history of the Saratov Region and documentary heritage. Materials of scientific conferences of the Saratov regional branch of the ROIA*. Saratov: Architect-S. 18—29. (In Russ.).
- Zavarzin, P. P. (1924). *The work of the Secret Police*. Paris: Type. Franco-Russian press. 174 p. (In Russ.).

*The article was submitted 18.04.2024;
approved after reviewing 07.06.2024;
accepted for publication 16.06.2024.*

Информация для цитирования:

Ильин П. В. П. Я. Ренненкамф : незамеченный декабрист-заговорщик / П. В. Ильин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 409—436. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436.

Ilyin, P. V. (2024). Pavel Rennenkampf: Unnoticed Decembrist Conspirator. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 409-436. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**П. Я. Ренненкамф:
незамеченный
декабрист-заговорщик**

Ильин Павел Владимирович
orcid.org/0000-0001-6058-2186
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
pavilyn1970@gmail.com

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

**Pavel Rennenkampf:
Unnoticed Decembrist
Conspirator**

Pavel V. Ilyin
orcid.org/0000-0001-6058-2186
PhD in History,
senior research scientist
pavilyn1970@gmail.com

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье освещается вопрос о неправильно идентифицированном историками участнике южного заговора декабристов, полковнике гвардейского Генерального штаба Павле Яковлевиче Ренненкампе (1790—1857), оправданном по результатам следственного процесса. Цель автора — выявить документальные основания, которые позволяют говорить о П. Я. Ренненкампе как декабристе. Собрав и сопоставив указания имеющегося комплекса источников (следственных показаний, полицейских донесений, служебной переписки, мемуаров), автор приходит к выводу о том, что этот офицер был участником декабристской конспирации, посвященным в тайну военного заговора и его политические цели, играл значительную роль в планах С. И. Муравьева-Апостола по организации восстания Черниговского полка. Новизна исследования состоит в том, что в нем затрагивается неизученная фигура в истории декабризма, которая не становилась предметом специального внимания в историографии. Актуальность работы определяется вкладом в изучение важнейших событий в истории декабристского движения — южного заговора и восстания. В статье обсуждается вопрос о том, почему выявленные следствием данные, раскрывающие вовлеченность П. Я. Ренненкампа в тайное общество, не были приняты во внимание в ходе процесса и остались практически не замеченными историками. Автор дает объяснение, почему в историографии вместо П. Я. Ренненкампа долгое время ошибочно фигурировал его родственник К. П. Ренненкампф.

Ключевые слова:

декабристы; тайные общества; неизвестные участники; восстание Черниговского полка; Ренненкампф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the misidentification of Colonel Pavel Rennenkampf, a member of the Southern Decembrist conspiracy and a colonel in the General Staff (1790-1857), by historians. Through the examination of investigative materials, police reports, official correspondence, and memoirs, the author aims to establish the documentary evidence supporting Pavel Rennenkampf's involvement in the Decembrist movement. It is concluded that this officer played a significant role in S. I. Muravyov-Apostol's plans for organizing the uprising of the Chernigov Regiment, dedicated to the secrecy of the military conspiracy and its political goals. The research novelty lies in shedding light on an understudied figure in Decembrist history, previously overlooked by historiography. The relevance of this study lies in its contribution to understanding key events in the Decembrist movement — the Southern conspiracy and uprising. The article discusses why the incriminating evidence indicating P. Ya. Rennenkampf's involvement in clandestine societies was disregarded during historical proceedings and remained largely unnoticed by historians. The author provides an explanation for the long-standing misattribution of K. P. Rennenkampf instead of P. Ya. Rennenkampf in historical accounts.

Key words:

Decembrists; secret societies; unknown participants; Chernigov Regiment uprising; Rennenkampf.

П. Я. Ренненкампф: незамеченный декабрист–заговорщик

© Ильин П. В., 2024

1. Введение = Introduction

В декабристской историографии, как в любой области исторических исследований, имеющей дело с большим количеством персоналий, встречаются ошибки в установлении биографических данных, в том числе неправильная идентификация исторических лиц. К такого рода ошибкам относится случай Павла Яковлевича Ренненкампфа, осложненный крайне запутанным вопросом о степени его причастности к тайному обществу и военному заговору декабристов.

Вопрос о принадлежности П. Я. Ренненкампфа к декабристам наделен особым значением, потому что входит составной частью в проблему участия в декабристском движении тех персоналий, которых традиционно относят либо к предполагаемым членам тайных обществ, либо к вовсе не причастным. Изучение участников движения, которые до сих пор находятся в тени исследований, представляет особую научную проблему, которая актуальна в нескольких отношениях. Во-первых, введение в оборот сведений о вновь установленных декабристах уточняет круг декабристских персоналий, выявляет новые имена деятелей тайных обществ, что само по себе служит развитию существующих представлений. Во-вторых, это обогащает биографические данные об исторических лицах, в том числе государственных и военных деятелях, которые играли заметную роль в истории России. В-третьих, малоизвестные и неизвестные участники движения, как правило, оказываются связанными с многими важнейшими эпизодами событий 1825—1826 годов, недостаточно освещенными фактами и обстоятельствами.

Новизна исследования определяется тем, что в нем освещается практически не затронутая научным изучением фигура в истории декабризма, доказывается иная степень участия полковника Ренненкампфа в декабристском заговоре по сравнению с той, что устоялась в литературе. Настоящая статья продолжает цикл наших трудов, затрагивающих проблему неизученных участников декабристского движения, которых принято оце-

нивать как лиц, причастных к нему, но не состоявших в тайных обществах [Ильин, 2004; Ильин, 2009; Ильин, 2013]. В ней существенно дополнены и уточнены сделанные ранее выводы об участии Ренненкампа в декабристском движении.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основная цель статьи — установление подлинной степени участия П. Я. Ренненкампа в тайном обществе и южном заговоре декабристов. Кроме того, автор ставил задачей выяснение причин оправдательного решения по делу Ренненкампа, принятого по итогам следствия. Еще одной задачей явилось установление оснований, в силу которых факт участия Ренненкампа в декабристском заговоре не закрепился в историографии, а его личность была неправильно идентифицирована.

В статье, главным исследовательским методом которой является критика документов следствия, в центре внимания находятся следственные материалы (вопросные пункты, показания, записи допросов). Поскольку персональное дело на Ренненкампа не заводилось, привлекался итоговый документ следствия — справочный свод лиц, привлеченных к процессу, излагающий основные выявленные обстоятельства. Эти источники критически анализируются и сопоставляются между собой, при этом выявляются имеющиеся в них противоречия и умолчания. Важной методологической задачей стало выяснение тех вопросов, которые следствие не стало расследовать, реконструкция причин его незавершенности. Это позволяет понять, насколько следствие было объективно, а его выводы — обоснованными. Помимо следственных материалов, привлечены донесения полицейских агентов и служебная переписка, имеющая отношение к расследованию заговора в 1-й армии. Привлечены личная переписка и ретроспективные источники (мемуары), дополняющие картину важными деталями и характеристиками, которых не могут содержать в себе документы официального следствия.

В центре внимания автора находится вопрос, почти не затронутый исследователями. Во многих трудах, посвященных выступлению Черниговского полка, имя Ренненкампа не упоминается [Базилевич, 1926; Довнар-Запольский, 1917; Нечкина, 1925; Нечкина, 1927; Оксман, 1929; Порох, 1954; Федоров, 1992; Эйдельман, 1980]. Но если он и фигурировал в литературе, то как лицо, предположительно причастное к декабристам, подозревавшееся в принадлежности к заговору, но в нем не состоявшее, поскольку историки опирались на формальный вердикт следствия о «невиновности» полковника; упоминания о причастности Ренненкампа к декабристскому союзу не стали предметом изучения [Лысенко и др., 2016].

Авторы других работ исходили из того, что Ренненкампфу удалось скрыть более серьезную причастность к заговору декабристов на юге, нежели та, что отразилась в материалах следствия [Добровольский, 1926; Нечкина, 1955]. О. И. Киянской принадлежит заслуга установления корректных биографических данных Ренненкампфа, а также первый опыт реконструкции его отношений с руководителями заговора на юге [Киянская, 1997, с. 90—97]. Исследовательница полагает, что участие Ренненкампфа в декабристском движении было более основательным по сравнению с тем, каким оно видится историкам, писавшим о восстании черниговцев. В наших работах вопрос о Ренненкампфе как участнике общества декабристов получил новое освещение на основе углубленного анализа и сопоставления документальных свидетельств [Ильин, 2004, с. 243—250].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Следственные показания: противоречия в свидетельствах

Полковник гвардейского Генерального штаба, обер-квартирмейстер входившего в состав 1-й армии 4-го пехотного корпуса, соединения которого располагались по соседству с 3-м пехотным корпусом (к которому относился Черниговский полк), П. Я. Ренненкампф был назван как лицо, участвующее в заговоре и причастное к выступлению черниговцев, в ходе следствия при главной квартире 1-й армии. Имя офицера фигурировало в показаниях участника выступления Черниговского полка, разжалованного из штабс-капитанов рядового Д. М. Грохольского от 8 и 9 апреля 1826 года [ВД, 1929, с. 308—311; ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 245, л. 27].

Однако о связях лидера южного восстания декабристов С. И. Муравьева-Апостола с Ренненкампфом стало известно значительно раньше — из донесения капитана В. С. Сотникова, старшего адъютанта главного штаба 1-й армии, агента военной полиции, специально посланного руководством армии для выяснения обстоятельств заговора в частях 3-го пехотного корпуса. Донесение было отправлено Сотниковым из Киева еще до подавления восстания и датировано 2 января 1826 года. В нем говорилось: «Подполковник Муравьев за несколько дней до возмущения был в Киеве и старался внушить свои правила ... полковнику Ренненкампфу, но оный отклонил его предложение. Также внушал подобное квартирмейстерским офицерам, при штабе 4 пехотного корпуса находящимся, но и сии поступили подобно Ренненкампфу. После сего Муравьев, сказав, что он будет опять чрез пять дней в Киеве, уехал. О всем сем рассказывал мне сам Ренненкампф» [ВД, 1929, с. 17].

Из донесения В. С. Сотникова не ясно, с каким «предложением» обращался С. И. Муравьев-Апостол к корпусному обер-квартирмейстеру за

несколько дней до восстания, однако весь контекст свидетельства говорит о том, что речь шла о содействии готовящемуся военному выступлению. Любопытно, что сведения поступили от самого Ренненкампа, который обращал внимание правительственного агента на свой отказ от содействия Муравьеву-Апостолу. Очевидно, полковник хотел подстраховать себя на случай появления уличающих его данных в ходе неминуемого в будущем расследования. Закономерные подозрения, возникающие при ответе на вопрос, почему Муравьев-Апостол обращался за содействием именно к нему, Ренненкампа, как можно полагать, надеялся лишить обвинительного значения сообщением о своем решительном отказе от предложений лидера мятежного полка — отказе, который подразумевал несогласие с намерениями заговорщиков. Вместе с тем, раскрывая этот эпизод, Ренненкампа рисковал попасть под ответственность за «недонесение» о замыслах мятежа, которые, как следовало из этого признания, стали ему известны еще до начала восстания.¹

На основании полученных от В. С. Сотникова данных, а также, по всей видимости, неизвестных нам сведений², Ренненкампа был привлечен к допросам, которые снимались при штабе 1-й армии (г. Могилев; точная дата допроса неизвестна); началось расследование его связей с тайным обществом. Конкретных данных, находился он под арестом или допрашивался неарестованным, нет, но следует полагать, опираясь на подобные случаи, что был избран второй вариант³.

На допросе Ренненкампа повторил свои слова, сказанные ранее Сотникову, показав, что Муравьев-Апостол «пред самым возмущением» Черниговского полка «предлагал... действовать для перемены правления», но получил в ответ решительный отказ. Как утверждал Ренненкампа, Муравьев-Апостол на встрече с ним говорил: «Наступило время, где надо действовать решительно, переменить образ правления, которое дальше терпеть невозможно». Однако на это Ренненкампа, по его уверению, категорически возразил: «...не наше дело преобразовывать правительство», и

- 1 «Недонесение» по делам о «государственных преступлениях» грозило как административным, так и судебным наказанием. В качестве примера сошлемся на осужденного по делу декабристов М. И. Пущина, вина которого заключалась в том, что он «знал о приговоре к мятежу, но не донес» [ВД, 1980, с. 234].
- 2 Мы не знаем в точности, получены ли были в январе 1826 года показания от участников выступления Черниговского полка, касающиеся Ренненкампа, поскольку полный комплекс материалов следствия при главном штабе 1-й армии не опубликован.
- 3 См. случаи привлечения к допросам неарестованными Александра З. Муравьева и М. М. Гротенгельма [ВД, 1927, с. 234—237, 237—238]. Командиром 4-го пехотного корпуса А. Г. Щербатовым в Киеве был допрошен без ареста поручик А. Н. Крупеников, о чем сообщалось в рапорте А. Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армией Ф. В. Остен-Сакену от 2 января 1826 года [ВД, 1929, с. 18—19].

просил «его и подчиненных ему офицеров оставить в покое» [Алфавит ..., 1988, с. 309]. Формулировки и выражения, открывающие значительную степень осведомленности полковника в целях и намерениях заговорщиков, принадлежали, таким образом, самому Ренненкампу.

Согласно же упомянутым показаниям Д. М. Грохольского, 25 декабря 1825 года, после получения известия о разгроме выступления на Сенатской площади в Петербурге, Муравьев-Апостол отправил М. П. Бестужеву-Рюмину письмо, в котором просил его «как можно поспешнее» приехать в Киев для встречи с полковником Ренненкампом [ВД, 1929, с. 308]. Это письмо не дошло до адресата: на квартире Муравьева-Апостола в расположении Черниговского полка, ввиду отсутствия Бестужева-Рюмина, его вскрыли офицеры-заговорщики. В присутствии автора показания Грохольского и будущих участников выступления черниговцев (В. Н. Соловьев, И. И. Сухинов, А. Д. Кузьмин, В. Н. Петин, А. С. Войнилович, Ф. М. Башмаков) еще один офицер, участник заговора М. А. Щепилло зачитал содержание письма. Кроме просьбы отправиться в Киев, в нем сообщалось о выступлении в Петербурге, упоминались имена С. П. Трубецкого и А. И. Якубовича, говорилось, очевидно, об «открытии» тайного общества правительством. По словам Грохольского, цель поездки к Ренненкампу в письме не раскрывалась [ВД, 1929, с. 308, 311; Азадовский, 1992, с. 103]. Эта цель могла состоять в привлечении офицеров штаба 4-го пехотного корпуса к реализации задуманного на случай начала арестов плана действий заговорщиков.

В связи с показаниями Грохольского и самого Ренненкампа в Петербурге был допрошен Муравьев-Апостол. Он утверждал, что не делал никакого предложения полковнику, а содержание разговора с ним представлено в предъявленных показаниях «ошибочно», письмо же к Бестужеву-Рюмину было написано с целью уведомления о поражении восстания в Петербурге. Запрошенный следствием Бестужев-Рюмин, со своей стороны, также отверг наличие в этом письме просьбы отправиться к Ренненкампу, но вместе с тем показал, что неоднократно виделся с полковником, разговаривал с ним «о разных злоупотреблениях» в государственном управлении и считал его готовым к поступлению в члены тайного общества. Как утверждал Бестужев-Рюмин, он еще ранее сообщил Муравьеву-Апостолу, что Ренненкампу «кажется, можно открыться, и чтобы он рассмотрел его, но почему ему казалось сие возможным, сам не знает». По словам декабриста, Муравьев-Апостол после этого «адресовался» к Ренненкампу (вероятно, отдельным письмом), «но без успеха» [Алфавит ..., 1988, с. 309; ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 245, л. 54—55, 72 — (показания Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина)].

Из показаний важнейших свидетелей со всей очевидностью вытекало, что связи Ренненкампа с руководителями декабристского союза (не только с Муравьевым-Апостолом, но и с Бестужевым-Рюминым) носили хронологически протяженный характер: встреча была не одна. Выявленные факты свидетельствовали о том, что Ренненкампа считался готовым кандидатом в члены тайного общества, а незадолго до выступления черниговцев ему было направлено письмо, вероятно, с предложением оказать содействие заговорщикам.

Очевидные противоречия между показаниями, с одной стороны, Ренненкампа и Грохольского, с другой — Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, а также новые важные обстоятельства, отраженные в показаниях последнего, судя по всему, не повлекли за собой дальнейших шагов со стороны следствия, которое предпочло считать показания Грохольского и Бестужева-Рюмина неподтвержденными, сделав, очевидно, вывод о полной искренности Ренненкампа в его оправданиях и доверившись показаниям основных свидетелей, которые снимали с полковника подозрения в действительном участии в заговоре и прямом содействии «бунту» [Алфавит ..., 1988, с. 308—309].

3.2. Официальное оправдание, недостатки в проведении следствия

По результатам скоротечного расследования полковник Ренненкампа был официально оправдан, освобожден от дальнейших допросов и привлечения к ответственности, как непричастный к тайным обществам и военному заговору [Алфавит ..., 1988, с. 309].

В справке итогового следственного документа — «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...», составленного делопроизводителем следствия А. Д. Боровковым, тем не менее приводятся извлеченные из показаний Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина факты неоднократных встреч руководителей Васильковской управы Южного общества с Ренненкампом, расчетов на него, касающихся поддержки восстания Черниговского полка, «адресования» к нему Муравьева-Апостола в письме, посланном Бестужеву-Рюмину. Упомянуто в справке и главное обстоятельство, раскрытое самим Ренненкампом: предложение, сделанное ему Муравьевым-Апостолом, — действовать «для перемены правления». Однако все перечисленные данные, позволявшие со значительной долей уверенности говорить об участии полковника в заговоре в 1-й армии или, по крайней мере, осведомленности о целях и намерениях заговорщиков, остались без последствий.

Обращение к документальным свидетельствам заставляет усомниться в официальном итоге расследования и, по крайней мере, подводит к выводу о том, что следствие не рассмотрело ряд важных обстоятельств дела,

было свернуто и не доведено до конца. В частности, не было в полной мере расследовано содержание разговоров Ренненкампа с лидерами Васильковской управы до выступления Черниговского полка, причины «надежд», которые они возлагали на полковника, содержание письма, посланного ему руководителями заговора, характер «предложений», сделанных ему Муравьевым-Апостолом в канун выступления, причины направления Бестужева-Рюмина к этому офицеру непосредственно перед выступлением.

В результате оказался до конца не проясненным тот объем сведений о тайном обществе, который был открыт Ренненкампу в ходе его встреч с лидерами заговорщиков. В стороне остался ключевой вопрос о том, было ли реализовано предложение Бестужева-Рюмина принять Ренненкампа в члены Южного общества, которое, как свидетельствовал сам декабрист, высказывалось им письменно и адресовалось главе Васильковской управы Муравьеву-Апостолу.

Показательно, что Муравьев-Апостол вовсе уклонился от показаний, касающихся его отношений с Ренненкампом до начала восстания Черниговского полка и предполагаемого приема полковника в тайный союз, а следствие не стало настаивать на выяснении этого вопроса.

3.3. Причины оправдательного вердикта, сопоставление следственных показаний

В чем причины благополучного для Ренненкампа исхода следствия? Прежде всего, бросается в глаза отрицание как самим Ренненкампом, так и Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым факта согласия полковника на содействие мятежу. Эта причина была, по-видимому, основной. Принципиальный отказ от поддержки целей и намерений инициаторов восстания — не только содействовать восстанию, но и «преобразовывать правительство» (то есть несогласие с политической целью тайного общества), на чем усиленно настаивал Ренненкампф в своем показании, до некоторой степени снижал его ответственность за «недонесение» о ставшем ему известным заговоре.

Подразумевалось, что это обстоятельство резко снижает и значение вопроса о том, состоял ли Ренненкампф в тайном обществе. Ведь даже если полковник вошел в ряды заговорщиков, его отказ от содействия в столь важный момент, как начало открытого восстания, снимал с него большую степень «виновности». Именно поэтому Ренненкампф усиленно апеллировал к своим словам в канун выступления черниговцев, начиная с того момента, когда он открыл этот эпизод агенту полиции Сотникову. Но о причинах обращения к нему Муравьева-Апостола и расчетов на него заговорщиков, о характере своих отношений с ними он умалчивал. Такая линия поведения в ходе следствия могла привести к оправданию, если по-

дозреваемый придерживался ее твердо и последовательно, настаивая на своем принципиальном несогласии с планами мятежа.

Полковник Ренненкампф был офицером, искушенным в области различного рода разысканий и расследований. Он имел опыт в сфере военной дипломатии и разведки — участвовал в военно-дипломатических (в т. ч. разведывательных) миссиях в Австрию, итальянские земли, Персию, что видно из его формулярного списка [Киянская, 1997, с. 156]. В обязанности офицеров квартирмейстерской части входили разведка и сбор данных об армии противника и местности, на которой разворачиваются военные действия [Военная энциклопедия ..., 1912, с. 234]. Штабные офицеры имели сформированные понятия о методах и приемах сбора информации, различного рода расследованиях. Исходя из этого, вполне вероятно, что в условиях начавшегося следствия опытный и квалифицированный офицер-штабист Ренненкампф оценил, какие вопросы более всего интересуют следствие, влекут за собой тяжелое обвинение и соответствующее наказание. Этими вопросами были, очевидно, согласие принять участие в военном выступлении или содействовать ему, а также принадлежность к тайному обществу, что подразумевало согласие с его политической целью.

Сознавая это, Ренненкампф сделал всё возможное, чтобы представить свои контакты с лидерами декабристского союза, особенно встречу, связанную с обсуждением подготовки мятежа, в благоприятных для себя тонах. Выгораживая себя, он старался придать центральное значение решительному несогласию со сделанным ему предложением — содействовать готовящемуся мятежу. Всю оправдательную силу своей защиты Ренненкампф вложил в передачу собственной ответной реакции на предложение Муравьева-Апостола: по заверениям полковника, категорически отрицательной. Наконец, в своем показании он настаивал на своем несогласии с политическими целями и планами заговорщиков.

Эта позиция Ренненкампфа, судя по всему, была выдержана им до конца. Успех «самозащиты» во многом зависел от линии поведения основных «свидетелей по делу» Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Они не должны были выступить авторами уличающих свидетельств. В целом, их показания не содержали явно обличающих полковника данных о непосредственном участии в заговоре и содержали множество умолчаний, что, как можно полагать, сыграло ключевую роль в вынесении оправдательного решения.

Однако показания лидеров заговора, как мы видели, не во всем совпадали с позицией Ренненкампфа, а некоторые из их утверждений вызывают подозрение в сокрытии уличающих обстоятельств. Так, по сюжету о письме Муравьева-Апостола, направленном Бестужеву-Рюмину 25 декабря 1825 года, оба «свидетеля», как признают исследователи, явно «хотели

выгородить Ренненкампфа», скрывая от следствия обращение к нему за содействием в канун восстания [Азадовский, 1992, с. 103].

Муравьев-Апостол, если он действительно получил от Ренненкампфа решительный отказ во время встречи накануне восстания, мог прямо и недвусмысленно сообщить об этом в своих показаниях, чтобы доказать «невиновность» подозреваемого офицера. Ознакомившись с показаниями Ренненкампфа, он мог согласиться с ними или хотя бы частично подтвердить рассказ полковника, тем самым обеспечив ему снятие всех подозрений. Между тем он не подтвердил версию, представленную Ренненкампом. Напротив, лидер южного восстания отверг сам факт опасного разговора — как можно полагать, по той причине, что эта встреча была доказательством того, что руководители мятежа рассчитывали на содействие штаба 4-го пехотного корпуса, а это, в свою очередь, открывало возможность для выдвижения новых обвинений и арестов новых причастных к делу лиц, служивших в корпусном штабе¹. Таким образом, значительно усиливалась «вина» самого лидера заговорщиков, вовлекшего в тайное общество значительно большее число лиц. Поэтому, возможно, Муравьев-Апостол старался не столько выгородить Ренненкампфа, сколько скрыть усилия заговорщиков по подготовке «военной революции» в широком ареале полков и соединений 1-й армии, включая 4-й пехотный корпус, расчеты на поддержку восстания со стороны офицеров в высоких чинах. Не приходится сомневаться в том, что надежды на содействие Ренненкампфа представляли собой важное звено в цепи договоренностей с офицерами, вошедшими в сферу влияния тайного союза, — цепи, которая формировалась в течение 1824—1825 годов и в значительной мере осталась скрытой от следствия. Эти договоренности шли рука об руку с процессом вовлечения в ряды декабристского союза новых участников из числа офицеров, имевших под своей командой войсковые части или влиявших на их передвижения (штабные офицеры). Не все из них были обнаружены в ходе следствия: вспомним указания из донесения В. С. Сотникова о том, что Муравьев-Апостол встречался в Киеве, кроме Ренненкампфа, с неназванными офицерами корпусного штаба [ВД, 1929, с. 17].

Следствие по делу Ренненкампфа отмечено любопытными особенностями. Прежде всего, это противоположное по своему смыслу освещение переговоров полковника с главным инициатором мятежа в показаниях самого Ренненкампфа и Муравьева-Апостола. Совершенно очевидно, что

1 Следствие выявило немногих заговорщиков в 4-м пехотном корпусе — все они не служили в корпусном штабе: подполковник А. М. Миклашевский, к 1825 году утративший связь с декабристским обществом, юнкер Ф. Я. Скарятин, подполковники А. В. Капнист и И. Н. Хотяинцев [Декабристы ..., 1988, с. 112, 261, 319, 333—334].

одна из сторон пытается скрыть правду. Крайне интересно, что содержание опасного разговора с лидером заговорщиков обнаружилось благодаря самому подозреваемому. Зачем ему было придумывать содержание переговоров с Муравьевым-Апостолом, особенно в условиях, когда полковник только подозревался в содействии заговорщикам? Наиболее вероятным видится следующий ответ: полагая, что следствие может доказать факт его встречи с лидером мятежа и раскрыть содержание состоявшегося разговора, Ренненкампф признал этот факт и был вынужден осветить часть имевших место переговоров. Вместе с тем он попытался представить свою версию содержания этой встречи — ту, которая могла способствовать прощению вины и освобождению от наказания. Поэтому во главу угла была поставлена декларация своего решительного несогласия с политическими целями мятежников.

Бестужев-Рюмин, как и Муравьев-Апостол, в своих противоречивых показаниях утверждал, что перед восстанием лидеры заговорщиков не обращались к Ренненкампфу, но раскрыл другие факты, не упомянутые во всех прочих показаниях: полковника считали готовым принять участие в тайном обществе и к нему «адресовались» письменно с целью привлечения к заговору.

Линия защиты Ренненкампфа не была безупречной. «Смягчающие обстоятельства», которые содержали его показания (возражения на агитацию членов декабристского общества — по собственному утверждению, полагал, что злоупотребления происходили «без ведома императора», отказ от предложения содействовать организаторам восстания), в других случаях подозреваемых лиц не являлись препятствием для вынесения наказания. Но в случае Ренненкампфа выяснение обстоятельств его связей с заговорщиками было остановлено. Как представляется, дело не только в линии поведения, избранной на следствии Ренненкампфом. Снятию с него подозрений содействовали ключевые «свидетели» по его делу, исходя, по всей видимости, из своих целей «самозащиты». Спасло Ренненкампфа и то, что эти обвиняемые не представили следствию важных обвинительных данных, не подтвердили чрезвычайно опасную для подозреваемого информацию о разговоре в канун выступления Черниговского полка, которую содержали показания самого полковника.

Подводя итог сопоставлению следственных показаний, следует заключить, что показания полковника представляются в целом более достоверными и соответствующими логике событий, нежели отрицание «политического разговора» накануне восстания черниговцев со стороны Муравьева-Апостола, который был не заинтересован в том, чтобы следствие установило все звенья «сети поддержки» заговорщиков в полках 1-й армии, тем самым утяжелив его собственную виновность. Неубедитель-

ным выглядит и отрицание «главными свидетелями» поручения Муравьева-Апостола, отданного Бестужеву-Рюмину — отправиться в Киев для связи с Ренненкампом. Показания этих свидетелей опровергаются логикой событий. Если не было контактов между заговорщиками и Ренненкампом до начала восстания, не было никаких договоренностей между ними, касающихся поддержки будущего выступления, а руководители восстания едва знали о взглядах Ренненкампа, то почему они адресовались к нему в канун выступления? Если же, как показал Бестужев-Рюмин, контакты руководителей заговора с полковником имели место длительное время, а последний считался «кандидатом» для вступления в тайный союз или уже вступил в него, то обращение к нему перед началом военного выступления обретает вполне надежное и убедительное основание.

3.4. Факты и обстоятельства, опровергающие оправдательный вердикт

Полученные в ходе расследования показания открыли значительную степень «посвященности» Ренненкампа в деятельность декабристской конспирации, его осведомленность о целях заговорщиков («перемена правления», «преобразование правительства»), обнаружили те надежды, которые питали в отношении полковника инициаторы выступления Черниговского полка. Как видно из показаний, они рассматривали его, по крайней мере, как готового кандидата для вступления в тайный союз, считая, что ему «можно открыться». Таким образом, результат встреч руководителей Васильковской управы с Ренненкампом привел их к убеждению, что на полковника можно положиться в деле будущего военного выступления. Как могли зародиться расчеты такого рода? На чем они основывались?

Подчеркнем, что в условиях фактически незаконченного расследования уличающие данные, тем более — не подтвержденные в ходе допросов, не всегда содержат прямые и безоговорочные указания на членство в тайном обществе. В случае Ренненкампа это именно так. Но и в этих условиях даже сверхосторожные показания лидеров южного восстания, скрывающие от официального расследования многие факты и обстоятельства, содержат данные о том, что они имели намерение принять Ренненкампа в тайный союз. Судя по показаниям Бестужева-Рюмина, это намерение возникло еще до встречи Муравьева-Апостола с Ренненкампом, которая явилась главным предметом обвинения в деле полковника. Такое намерение не могло возникнуть без серьезных оснований: оно стало результатом длительных контактов, выяснения «образа мысли» офицера, его готовности принять участие в политической деятельности.

Однако от ответа на вопрос, был ли совершен прием в тайное общество, авторы показаний уклонились. Тем не менее по косвенным указани-

ям, опираясь на степень осведомленности Ренненкамппа о целях и деятельности заговорщиков на юге, исследователь вправе заключить, что он был присоединен к тайному союзу.

Визит Муравьева-Апостола к Ренненкамппу состоялся не позднее 24 декабря 1825 года (с этого дня все передвижения инициатора восстания документируются сохранившимися источниками; в них нет данных о посещении Киева, где жил полковник), как уже отмечалось — «за несколько дней» до начала «мятежа». По-видимому, в это время Муравьев-Апостол еще не имел намерения приступить к практической подготовке восстания: в условиях междоусобицы речь шла о собирании сил и сравнительно отдаленной во времени перспективе возмущения. 24 декабря было получено сообщение о первых арестах в Тульчине (П. И. Пестеля), 25 декабря — о поражении восстания в Петербурге; эти сообщения послужили сигналом к практической подготовке выступления [ВД, 1927, с. 295; ВД, 1929, с. 193; Порох, 1954, с. 155—156, 159; Нечкина, 1955, с. 348—352].

Почему лидеры заговора обратились за содействием именно к Ренненкамппу и штабным офицерам 4-го пехотного корпуса? Занимаемая полковником должность обер-квартирмейстера соседнего с Черниговским полком корпуса могла быть крайне значимой с точки зрения содействия восстанию. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» (1812), офицеры-квартирмейстеры в ряду других обязанностей (размещение войск, топографические съемки, составление карт, сбор статистических данных, ведение служебной, в т. ч. секретной, переписки и т. д.) занимались заблаговременной подготовкой военных операций, не исключая тех распоряжений, что производились в тайне, составляли диспозиции и другие распоряжения для войск, наконец, организовывали рекогносцировки и другие маневры. Выполняя в армии функции офицеров Генерального штаба, корпусные квартирмейстеры имели отношение к циркуляции приказов командования, к которому были близки по служебному положению, в силу чего могли воздействовать на решения начальства. Кроме того, они выполняли в значительной мере функции офицеров связи. Квартирмейстеры влияли на расположение и передвижение полков, передавали полковому командованию распоряжения вышестоящего начальства, относившиеся к маршрутам походов и, таким образом, от имени командования могли определять начало маневров полков или их блокирование [Военная энциклопедия ..., 1912, с. 235—236; Глиноецкий, 1883, с. 223—226]. Таким образом, спектр функций квартирмейстеров был широк и значим, секретность ряда направлений их деятельности могла существенно помочь заговорщикам вовлечь в военное выступление полки соседнего корпуса. Поэтому важность фигуры корпусного обер-квартирмейстера для лидеров

восстания трудно переоценить. Ренненкампф, находясь в этой должности, имел возможность влиять на передвижение частей, квартировавших в Киеве, от имени военного начальства определять маршруты походов, а также связывать между собой действия заговорщиков в полках. От него могло непосредственно зависеть то, какие части 4-го пехотного корпуса и когда выступают в поддержку черниговцев.

Следует признать, что разговор с Ренненкампфом был для Муравьева-Апостола крайне важным: он имел целью организовать содействие штаба 4-го пехотного корпуса для планируемого, а затем уже готовящегося выступления. Возможно, Муравьев-Апостол через офицеров штаба надеялся оказать влияние на приказы о передвижениях полков, привлечь к участию в возмущении конкретные части, в которых находились заговорщики, или обеспечить со стороны офицеров штаба отсутствие мер по блокированию Черниговского полка и других частей, находившихся под влиянием декабристов, в случае начала открытых действий. Такой разговор не мог не сопровождаться открытием самого факта существования тайного союза и его политической цели, что перекликается с показаниями самого Ренненкампфа, согласно которым он отказался действовать в пользу «перемены правления» [Алфавит ..., 1988, с. 309].

Исходя из этого, окончательно обрисовывается цель, с которой лидер восстания обращался к полковнику Ренненкампфу (как минимум, трижды — незадолго, в самый канун и, как увидим далее, во время восстания). Так это расценило и официальное следствие, заключив об эпизоде с отправлением Муравьевым-Апостолом в Киев подчиненных ему прапорщика А. Е. Мозалева и четырех солдат: он сделал это, «надеясь там найти какого-нибудь единомышленника и требуя пособия (то есть содействия, поддержки. — *П. И.*)» [Донесение ..., 1980, с. 60].

Содержание разговоров Ренненкампфа с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, отраженное в показаниях, раскрывает уровень осведомленности полковника о намерениях заговорщиков: ему предлагалось действовать с целью «преобразования правительства». Степень осведомленности говорит о том, что руководители Васильковской управы посвятили полковника в существование тайного общества, его главные политические цели. Согласно полученным показаниям, они считали этого офицера подготовленным к вступлению в тайное общество еще до декабрьского кризиса 1825 года, собирались «рассмотреть» возможность его приема, «открыться» ему¹. Обращение к полковнику за содействием в момент практической подготовки выступления ставится в контекст планомерной деятельности лиде-

1 По мнению М. К. Азадовского, встречи Ренненкампфа с Бестужевым-Рюминым следует датировать ноябрем — началом декабря 1825 года [Азадовский, 1992, с. 75].

ров заговора на юге по приему в декабристский союз офицеров в больших чинах и полковых командиров¹. Именно они должны были обеспечить вовлечение в восстание численно значительной вооруженной силы.

Предлагая содействовать готовящемуся восстанию, лидеры заговора должны были не только видеть в Ренненкампе единомышленника, разделяющего политическую цель тайного союза, но и рассчитывать на то, что он будет согласен поддержать предлагаемый ими способ достижения цели — открытое вооруженное выступление. Очевидно, положительное мнение на этот счет Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин могли вынести только из своих предыдущих встреч с полковником.

Все сказанное заставляет отнестись с большим сомнением к ключевому пункту «самозащиты» Ренненкампа на следствии: его решительному отказу не только поддержать военное возмущение, но и вообще действовать с целью «переменить образ правления». Скорее всего, это было не так. Письмо Муравьева-Апостола, адресованное Бестужеву-Рюмину, с просьбой отправиться к Ренненкампу в Киев, написанное 25 декабря, доказывает, что надежды на содействие этого офицера планам заговорщиков сохранялись и после известной встречи, о которой шла речь на следствии.

В этой связи неслучайно, что наиболее опытные и рассудительные лица из военного командования, несмотря на последовавший вскоре оправдательный вердикт по делу Ренненкампа, высказывали в его отношении совсем другое мнение. Так, начальник штаба 1-й армии К. Ф. Толь, который курировал следствие при главной квартире в Могилеве и лично допрашивал Ренненкампа [Алфавит ..., 1988, с. 309], пришел к заключению, сходному с нашими выводами. Сопоставляя показания Ренненкампа и Муравьева-Апостола, он специально обратил внимание на обер-квартирмейстера 4-го пехотного корпуса: «Полагаю я, что подозрение на Ренненкампа... основательно относительно... принадлежности его к тайному обществу, ибо общество сие, наблюдавшее столь большую осторожность в вербовке своих членов, и в коем Муравьев[-Апостол] был одним из главных, конечно, не побудило бы сего последнего делать формальные предложения в столь важном предприятии человеку, к обществу вовсе не принадлежащему» (из копии донесения К. Ф. Толя) [Киянская, 1997, с. 95; РГВИА, ф. 14414, оп. 1, д. 196, ч. 2, л. 191 об.].

Выводы К. Ф. Толя, хорошо знакомого с практикой разведки, сбора и анализа информации, в контексте разобранных выше следственных показаний и анализа контактов Ренненкампа с деятелями тайного общества

1 О приеме офицеров в больших чинах в Васильковскую управу Южного общества см.: [Ильин, 2004, с. 408—409, 421—432; Ильин, 2009, с. 45—49, 59—60; Ильин, 2013, с. 131—133].

представляются логически вытекающими из отрывочных и явно неполных данных, которыми мы располагаем. Очевидно, расчеты заговорщиков на Ренненкампа опирались на полученное ранее согласие полковника быть участником политического движения.

3.5. Ренненкампф во время восстания Черниговского полка: мемуарное свидетельство И. И. Горбачевского

Если расчеты лидеров южного заговора на содействие Ренненкампа имели место в канун выступления черниговцев, то логично полагать, что они должны были проявить себя и после его начала, в тот момент, когда особенно требовалась помощь товарищей по заговору. Действительно, следы такого обращения обнаруживаются в свидетельствах мемуарного источника — записок И. И. Горбачевского. Историки связывают новое обращение инициаторов уже начавшегося восстания с одним из его эпизодов — «командировкой» 31 декабря 1825 года в Киев прапорщика Черниговского полка А. Е. Мозалевского и четырех нижних чинов. У нас нет оснований подвергать это сомнению.

Киевская миссия Мозалевского, насколько можно судить по данным следствия, была неудачной: посланцу черниговцев не удалось встретиться ни с одним из офицеров, к которым он был направлен. По сведениям Горбачевского, Муравьев-Апостол адресовал прапорщика к трем участникам заговора [Горбачевский, 1963, с. 73—74], по данным следствия — к одному; но в показаниях солдата Курского пехотного полка, к которому обращался Мозалевский, есть указание на интерес офицера-черниговца еще к одному лицу в Киеве, живущему на Печерске [ВД, 1929, с. 23].

Рассказ Горбачевского о командировке Мозалевского в Киев живописен и подробен. Однако историки относятся к мемуарам Горбачевского критически, и на это есть основания: в записках обнаруживается множество ошибок, нестыковок и указаний, не находящихся подтверждения в документах, даже элементы художественного вымысла (Оксман, 1929, с. XXXIV—XXXVI, LV—LVI; Порох, 1954, с. 125—127; Нечкина, 1955, с. 391; Киянская, 1997, с. 96]. Наряду с этим записки содержат достоверные, проверяемые уникальные данные, автор опирался на рассказы участников событий — офицеров Черниговского полка, оказавшихся вместе с ним в Сибири, поэтому полностью отвергать свидетельства мемуариста нельзя.

Рассказ Горбачевского о встречах Мозалевского с киевскими заговорщиками (в т. ч. неким «генералом», в котором угадывается Ренненкампф [Нечкина, 1955, с. 370]), по-видимому, является вымыслом. Достоверность его могла быть подкреплена тем, что последовательность встреч Мозалевского, согласно мемуаристу, была такой: сначала он увиделся с жившим на Печерске «генералом» (предполагаемым Ренненкампом), а затем с офи-

цером Курского пехотного полка Крупениковым [Горбачевский, 1963, с. 75—76]. Следствие было занято только встречами с последним, о первой же встрече в ходе дознания умалчивалось, из чего можно было бы заключить вероятность первой встречи. Но показания солдата Курского полка о том, что Мозалевский, находясь в расположении полка, разыскивал лицо, живущее на Печерске, заставляют считать рассказ мемуариста о разговоре офицера-черниговца с «генералом» недостоверным. Однако наличие письма Муравьева-Апостола, адресованного «генералу», само намерение направить на встречу с ним Мозалевского — следствие не опровергло, потому что не затронуло этих обстоятельств. Подвергать же сомнению эти указания мемуариста, кажется, нет никаких серьезных оснований.

Для нас важен сам факт нового обращения лидеров восстания к «генералу» (под которым подразумевается Ренненкамampf), что означает: после начала «мятежа» Муравьев-Апостол и его товарищи продолжали надеяться на полковника, считая его единомышленником, готовым оказать содействие, — возможно, своей главной опорой в Киеве. Этот красноречивый факт, несомненно, корректирует «оправдательную тактику» Ренненкампфа во время следствия, о которой шла речь выше.

Содержание письма, направленного предполагаемому Ренненкампфу 31 декабря, неизвестно. Но заслуживают внимания поручения, которыми Муравьев-Апостол снабдил Мозалевского, отдавая письмо к «генералу». Их передает в своих записках Горбачевский, опираясь, очевидно, на рассказ «из первых рук» (Мозалевского), одного из информаторов мемуариста при создании записок. Муравьев-Апостол просил пересказать «генералу» «о всем случившемся в Черниговском полку, узнать от него, что думают другие члены о происшествии 14 декабря и восстании Черниговского полка, и расспросить его о мерах, какие они со своей стороны думают принять; объявить ему о надеждах С. Муравьева на Киев, где находится так много членов русского и польского обществ...». Наконец, согласно мемуаристу, лидер восстания требовал узнать от киевских членов тайного общества «о мерах, принятых правительством против нас... какие именно полки назначены воспрепятствовать нашим успехам, и кто ими будет командовать» [Горбачевский, 1963, с. 73—74].

Как видим, обращение к Ренненкампфу в условиях начавшегося выступления включало в себя не только информирование о развернувшихся событиях: речь шла о практической поддержке вооруженной силой. Руководитель восстания вновь просил о содействии, сообщая, что надеется на поддержку офицеров в Киеве. В этом обращении к «генералу» последний выступает как средоточие конспиративных контактов: он связан с многочисленными участниками заговора в Киеве, причем как русского,

так и польского тайных обществ. По мнению главы заговора, «генерал» должен был обладать сведениями о настроениях членов тайных союзов и принятых ими решениях. Здесь угадывается роль офицера-квартирмейстера, который мог иметь связи с большим числом офицеров, свободно перемещаться из одной части в другую. Лидер выступления пытался выяснить, какие меры были приняты начальством, какие части «назначены» для блокирования черниговцев, чтобы, вероятно, оценить, могут ли эти части примкнуть к мятежному полку. Эти, безусловно, секретные данные, как мы видели, находились в компетенции обер-квартирмейстера.

Таким образом, содержание обращения Муравьева-Апостола к «генералу» подтверждает вывод о том, что этим офицером, скорее всего, был Ренненкампф, а надежды лидера мятежных черниговцев на поддержку и участие в восстании полковника сохранялись в полной мере.

3.6. Реконструкция участия Ренненкампфа в тайном обществе декабристов

Впервые в историографии реконструкция отношений, связывавших Ренненкампфа с лидерами восстания Черниговского полка, была предложена О. И. Киянской [Киянская, 1997, с. 89—96]. Она отмечала: «Полковник Ренненкампф... личность довольно странная, полумифическая. Он не привлекался к следствию [в Петербурге], и единственным общедоступным источником сведений о нем, кроме показаний Грохольского, является... “Алфавит...”, составленный А. Д. Боровковым» [Киянская, 1997, с. 90]. Исследователь пришел к выводу: Ренненкампф состоял в тайном обществе и «обещал восставшим поддержку» [Киянская, 2008, с. 191]. Однако О. И. Киянская связывает участие Ренненкампфа в заговоре с командующим 4-м пехотным корпусом А. Г. Щербатовым, полагая, что полковник выступал «соединительным звеном» между декабристами и генералом. Документальных свидетельств, подтверждающих эту схему, не приводится — очевидно, эта интерпретация основана на представлениях автора о взглядах командующего корпусом [Киянская, 1997, с. 96—97; Киянская, 2005, с. 286; Киянская, 2008, с. 191—192]. У нас нет оснований возлагать на Ренненкампфа такую роль, поскольку нет свидетельств, позволяющих обнаружить связь Щербатова с тайным обществом.

Нами проведена альтернативная реконструкция участия Ренненкампфа в декабристском союзе и заговоре в полках 1-й армии [Ильин, 2004, с. 243—250]. Чтобы понять характер отношений, связывавших полковника с заговорщиками, следует обратиться к обстоятельствам его биографии. Отметим, что с 1815 года он служил в гвардейском Генеральном штабе — средоточии прогрессивно настроенных офицеров декабристского круга; причем, по словам летописца Генерального штаба, «тогда считался в ряду

лучших... офицеров», наиболее способных и образованных [Глиноецкий, 1894, с. 44]. Его сослуживцами в то время являлись учредители первых тайных обществ (А. Н., М. Н., Н. М. Муравьевы, И. Г. Бурцов и др.). Переписка этих лиц с Н. Н. Муравьевым (Карским) обнаруживает, что Ренненкампф входил в дружеское окружение участников «Священной артели» в Петербурге — сообщества офицеров, в котором созрела идея учреждения тайного союза с политической целью. Достоверно известно, что в 1810-е годы Ренненкампф был знаком с М. И. Муравьевым-Апостолом, старшим братом лидера южного восстания, находился с ним в переписке [Из эпистолярного... 1975, с. 86, 105—106; Киянская, 1997, с. 186 (формулярный список Ренненкампфа)]. По-видимому, именно тогда возникли контакты Ренненкампфа с другими деятелями декабристских союзов, в частности, близким приятелем перечисленных лиц С. П. Трубецким, который с мая 1819 года занимал должность старшего адъютанта Главного штаба, начальник которого возглавлял и Генеральный штаб¹. Не исключено, что поступление Ренненкампфа в число членов Союза спасения оборвало его служебное перемещение на Кавказ. Ренненкампф вошел в состав русской дипломатической миссии в Персию 1816—1817 годов, вместе с участниками декабристских союзов Н. П. Воейковым и Е. Е. Лачиновым; всем троим было поручено составление топографического описания местности, ведение «журнала» миссии. В 1817—1821 годах Ренненкампф служил при командующем Кавказским корпусом и главноуправляющем гражданской частью в Грузии, Кавказской и Астраханской губерниях А. П. Ермолове, где его окружали члены Союза благоденствия и будущие участники тайных обществ Н. Н. Муравьев (Карский), Е. Е. Лачинов, А. И. Якубович и др. [Киянская, 1997, с. 156 — формулярный список; Из эпистолярного... 1975, с. 86, 105, 106, 128, 293; Лачинов, 1985, с. 44]. Здесь же, на Кавказе, Ренненкампф сдружился со служившим при Ермолове А. С. Грибоедовым, завязались дружеские отношения с испанским эмигрантом-«конституционалистом» Х. Ван Галеном, поступившим на русскую службу [Нечкина, 1977, с. 233, 242, 668, 671]. Как видим, на протяжении многих лет Ренненкампф находился в дружеских отношениях с деятелями декабристских обществ, он входил в число лиц, составлявших дружеское окружение декабристов, разделявшее в значительной степени их взгляды. Многолетние связи Ренненкампфа с декабристским кругом, его отношения с испанским сторонником конституционного правления указывают на то,

1 Трубецкой, заняв в мае 1819 года указанную должность, отправился в заграничный отпуск; вернувшись в сентябре 1821 года, оставался на этой должности до назначения дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса в Киев в декабре 1824 года [Декабристы ..., 1988, с. 178].

что соответствующие политические идеалы не были чужды его мировоззрению, не отталкивали его, а скорее привлекали.

С конца 1824 года Трубецкой являлся дежурным офицером штаба 4-го пехотного корпуса (место расположения — Киев). Не приходится сомневаться в том, что Ренненкампф, занявший 13 февраля 1825 года должность обер-квартирмейстера этого же корпуса [Киянская, 1997, с. 150 — формулярный список], возобновил с ним постоянное дружеское общение. Их тесным контактам, несомненно, способствовало то, что по служебному положению они занимали равные и смежные должности: один заведовал квартирмейстерской частью корпуса, другой — «дежурной» частью [Глиноецкий, 1883, с. 226]. Неудивительно, что С. И. Муравьев-Апостол показал на следствии, что познакомился с Ренненкампом именно в квартире Трубецкого в Киеве [Киянская, 1997, с. 92; РГВИА, ф. 14414, оп. 1, д. 196, ч. 2, л. 262]. После отъезда последнего в Петербург в начале ноября 1825 года [ВД, 1925, с. 10] Ренненкампф приглашал Муравьева-Апостола к себе, если тот окажется в Киеве. Так и произошло: он виделся с Ренненкампом в начале декабря [Киянская, 1997, с. 92, 94]¹. Тогда же происходили встречи с Бестужевым-Рюминым. Очевидно, к этому времени следует отнести сближение руководителей Васильковской управы и, в будущем, южного восстания с Ренненкампом. Это сближение сопровождалось откровенными политическими разговорами и привело к предложению участвовать в заговоре с целью «перемены правления». Из показаний Бестужева-Рюмина явствует, что его встречи с Ренненкампом проходили на протяжении длительного времени, причем один из лидеров Васильковской управы находил возможным прием полковника в члены тайного союза.

Но имеющиеся показания не отвечают на вопрос: состоялся ли прием «готового кандидата» в декабристское общество? Имеются лишь косвенные данные, подкрепляющие вывод о состоявшемся приеме. Причины такой ситуации кроются прежде всего в свертывании следственных разысканий. О. И. Киянская справедливо полагает, что «реальные отношения Муравьева [Апостола] с полковником Ренненкампом остались неясными как для следствия, так и для историков» [Киянская, 1997, с. 90].

Какие же данные обосновывают мнение о вступлении Ренненкампа в Южное общество? Несомненно, лидеры Васильковской управы имели

1 О. И. Киянская полагает, что встреча Муравьева-Апостола с Ренненкампом в декабре 1825 года была одна, и они по-разному свидетельствовали о ней на следствии [Киянская, 1997, с. 93—94]. Историк ассоциирует встречу «за несколько дней» до начала восстания черниговцев с той, что описана в показаниях Муравьева-Апостола, хотя прямых оснований для отождествления нет. Нам представляется очевидным, что встреч было несколько, в показаниях указанных лиц речь шла о разных встречах, в силу чего эти показания имеют разное содержание.

с Ренненкампом не одну встречу; уже первая из них могла сопровождаться открытием существования декабристского союза и предложением вступить в него. Содержание переговоров на встрече с Муравьевым-Апостолом в канун восстания Черниговского полка указывает на посвященность полковника в политические цели и конкретные планы военного выступления, что подразумевает ту или иную степень принадлежности к тайному обществу. Вероятно, оценка Бестужева-Рюмина полковника Ренненкампа как «кандидата», которого нужно «рассмотреть» для приема в тайный союз, послужила руководством к действию для Муравьева-Апостола, который сначала письменно «адресовался» к полковнику, а затем лично встречался с ним. В связи с этим правомерно полагать, что в ходе первых встреч с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым Ренненкампф был ознакомлен с существованием тайного общества, его планами и дал согласие на содействие. Именно это создавало почву для последующих расчетов лидеров заговора на содействие полковника. Если со стороны Ренненкампа не было никакого согласия на содействие намерениям заговорщиков, то такие расчеты вообще не могли бы существовать.

Последняя встреча Ренненкампа с Муравьевым-Апостолом, предложившим полковнику действовать для «перемены правления», письмо Бестужеву-Рюмину с наказом отправиться в Киев для встречи с полковником, а затем письмо, возможно, посланное во время восстания, — всё это говорит о том, что Ренненкампф продолжал рассматриваться как единомышленник, готовый к содействию. Надежды на его поддержку сохранялись, несмотря на то несогласие с намерениями заговорщиков, о котором полковник заявлял в показаниях. Судя по всему, на него продолжали рассчитывать и в условиях начавшегося восстания. Представляется, что это стало следствием предварительного согласия полковника содействовать «возмущению» в частях 1-й армии.

Отраженная в показаниях, очевидно, далеко не в полной степени последовательность событий — ранние встречи Ренненкампа с Трубецким и руководителями Васильковской управы, оформившееся среди лидеров управы мнение о полковнике как готовом кандидате для поступления в ряды заговорщиков, предложение «открыться» ему, сделанное Бестужевым-Рюминым после встреч с Ренненкампом, «адресация», а затем личная встреча Муравьева-Апостола с полковником в канун восстания, последовавшее после этой встречи письмо Муравьева-Апостола к Бестужеву-Рюмину с предложением ехать в Киев в момент практической подготовки мятежа, свидетельством чему являются показания Грохольского, и, наконец, обращение к полковнику в ходе начавшегося восстания, — всё это показывает, что Ренненкампф был извещен о существовании тайного

общества и его планах, что означало если не состоявшийся прием в декабристский союз, то начало этой процедуры.

3.7. Ложная идентификация: два полковника Ренненкамппа

Случай Павла Яковлевича Ренненкамппа осложнен еще и тем, что в литературе о декабристах долгое время имела место неверная идентификация этого лица. Вместо П. Я. Ренненкамппа в статьях, комментариях, справочных указателях фигурировал его родственник Карл Павлович Ренненкампп (1788—1848), тоже имевший чин полковника, служивший в квартирмейстерской части и занимавший аналогичную должность корпусного квартирмейстера, но в штабе 2-го пехотного корпуса той же 1-й армии [Глиноецкий, 1894, с. 102; Декабристы ..., 1988, с. 155].

Впервые неверные сведения о полковнике Ренненкамппе, судя по всему, были помещены в именном указателе к публикации «Алфавита...» А. Д. Боровкова — фундаментальной работе, принадлежащей Б. Л. Модзалевскому и А. А. Сиверсу, допустившим в этом случае досадную ошибку [Модзалевский и др., 1925, с. 386]. Там же ошибочно утверждается, что Ренненкампп был обер-квартирмейстером 2-й армии. В дальнейшем указатель стал базовым фондом биографических сведений о декабристах, к которому постоянно обращались исследователи, что повлекло за собой воспроизведение ошибочной информации в трудах историков. Неверная идентификация сохранилась и в биографическом справочнике «Декабристы» [Декабристы ..., 1988, с. 155]. Заслуга восстановления подлинных биографических данных полковника Ренненкамппа, причастного к декабристскому заговору, принадлежит О. И. Киянской [Киянская, 1997, с. 90—91].

Причина возникшей путаницы состояла, как видится, не только в принадлежности обоих родственников к офицерам-квартирмейстерам и общему для них чину полковника, но также в недостаточном внимании к обстоятельствам биографии, в частности — месту службы в 1825 году. К. П. Ренненкампп, ошибочно указанный Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом как лицо, причастное к южному заговору декабристов, служил, по их данным, обер-квартирмейстером во 2-й армии, а значит, никак не мог быть полезен заговорщикам — офицерам 3-го пехотного корпуса, входившего в состав 1-й армии. Подлинное место службы К. П. Ренненкамппа (2-й пехотный корпус 1-й армии) также находилось в значительном удалении от Киева. П. Я. Ренненкампп, служивший по своей должности в Киеве, естественным образом оказывался в сфере интересов руководителей Васильковской управы.

Недостаточное внимание к месту службы полковника Ренненкамппа повлекло за собой ошибочный выбор историками К. П. Ренненкамппа в качестве лица, причастного к южному заговору декабристов и подготовке военного выступления в Киеве и его окрестностях.

4. Заключение = Conclusions

Отсутствие четких и недвусмысленных данных об участии П. Я. Ренненкампа в тайном обществе декабристов обусловлено неучетом важнейших показаний в период следствия и сознательным сокрытием определенной части конспиративных связей главными «свидетелями» Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Это сопровождалось игнорированием в ходе официального дознания уличающих данных, незавершенностью следственных разысканий. Свою роль в том, что имя Ренненкампа как декабриста оказалось незамеченным, сыграла неверная идентификация причастного к деятельности южных заговорщиков полковника, утвердившаяся в литературе. Освобождение Ренненкампа от наказания и признание его «невиновным» привели к тому, что содержание показаний ведущих фигур южного заговора, противоречия между этими показаниями и ответами Ренненкампа не стали предметом расследования, а впоследствии прошли мимо внимания историков.

Оправдательный вердикт следствия послужил основанием для «выведения» Ренненкампа из числа не только членов тайного общества, но и лиц, участвовавших в заговоре декабристов на юге¹. Однако привлеченные в настоящей статье свидетельства источников говорят о противоположном. При критическом анализе и сопоставлении показаний открываются обстоятельства, говорящие о несомненном участии Ренненкампа в тайном обществе.

Критический подход к изучению материалов следствия и других источников позволяет реконструировать следующую картину. Ренненкампф на протяжении многих лет был знаком с участниками декабристских союзов, входя в число прогрессивно мыслящих офицеров Генерального штаба. Оказавшись в штабе 4-го пехотного корпуса в Киеве, он вошел в непосредственный контакт с лидерами Васильковской управы Южного общества, планировавшими военное выступление. Незадолго до восстания Черниговского полка на нескольких встречах с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым Ренненкампф узнал о существовании тайного союза, его политических целях, был сочтен готовым к участию в заговоре и согласился войти в него. Как можно полагать, сначала он дал согласие действовать планируемому восстанию (возможно, в отдаленном будущем). В дальнейшем, в ходе драматически ускорившегося развития событий, когда возник вопрос о безотлагательной поддержке выступления, расчеты руководителей Васильковской управы на Ренненкампа не оправдались.

1 См. итоговый вывод о Ренненкампе, отраженный в биографическом справочнике «Декабристы»: «Следствием установлено, что членом тайных обществ декабристов не был» [Декабристы ..., 1988, с. 155].

Хотя первоначально он обещал свое участие, но затем, как и ряд других заговорщиков, реального содействия инициаторам выступления Черниговского полка не оказал.

Несмотря на оправдательный вердикт, вынесенный в результате скоротечного и неполного официального дознания, у исследователя есть все основания отнести П. Я. Ренненкампа к участникам заговора декабристов в 1-й армии, вовлеченным в ряды декабристской организации в ноябре — декабре 1825 года, на содействие которых рассчитывали руководители южного восстания.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...» [А. Д. Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — С. 215—345.
2. ВД — *Восстание декабристов. Материалы.* — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — Т. I. — 540 с.
3. ВД — *Восстание декабристов. Материалы.* — Москва; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. — Т. IV. — 488 с.
4. ВД — *Восстание декабристов. Материалы.* — Москва : Гос. изд-во, 1929. — Т. VI. — 462 с.
5. ВД — *Восстание декабристов. Документы.* — Москва : Наука, 1980. — Т. XVII. — 296 с.
6. *Военная энциклопедия. Воинская честь — гимнастика.* — Санкт-Петербург : тип. И. Д. Сытина, 1912. — Т. 7. — 385 с.
7. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации.* Ф. 48 (Следствие и суд по делу декабристов). Ф. 48. Оп. 1. Д. 245.
8. *Горбачевский И. И. Записки, письма / И. И. Горбачевский.* — Москва : Изд. Академии наук, 1963. — 354 с.
9. *Декабристы.* Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — 448 с. — ISBN 5-02-009485-4.
10. *Донесение Следственной комиссии // Восстание декабристов. Документы.* — Москва : Наука, 1980. — Т. XVII. — С. 24—61.
11. *Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому.* — Москва : Изд. Гос. ист. музея, 1975. — Т. 1. — 340 с.
12. *Лачинов Е. Е. Дневник следования посольства [в Персию] / Е. Е. Лачинов // Декабристы об Армении и Закавказье.* — Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1985. — Ч. 1. — С. 34—45.
13. *Модзалевский Б. Л. Именной указатель к «Алфавиту...» [А. Д. Боровкова] / Б. Л. Модзалевский, А. А. Сиверс // Восстание декабристов. Материалы.* — Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — Т. VIII. — С. 263—432.
14. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив.* Ф. 14414 (Главный штаб 1-й армии). Ф. 14414. Оп. 1. Д. 196. Ч. 2.

Литература

1. Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов / М. К. Азадовский // Страницы истории декабризма. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. — Т. 2. — С. 3—236. — ISBN 5-7424-0350-X.
2. Базилевич В. М. Декабристы. Очерки 1—2. Восстание Черниговского полка. Восстание декабристов в Киев / В. М. Базилевич. — Киев : Тип. Киевского политех. инсти-тута, 1926. — 49 с.
3. Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. 1698—1825 гг. / Н. П. Глиноецкий. — Санкт-Петербург : Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского воен. окр., 1883. — Т. 1. — 437 с.
4. Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. 1826—1855 гг. / Н. П. Глиноецкий. — Санкт-Петербург : Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского воен. окр., 1894. — Т. 2. — 288 с.
5. Добровольский Л. П. Повстання Чернігівського полку / Л. П. Добровольский // Повстання декабристів на Україні. — Харків : [б. и.], 1926. — С. 43—167.
6. Довнар-Запольский М. В. Декабрьская революция 1825 г. / М. В. Довнар-Запольский // Голос минувшего. — 1917. — № 7/8. — С. 5—75.
7. Ильин П. В. Г. В. Новицкий — незамеченный участник Южного обще-ства / П. В. Ильин // Декабристы в Україні. Дослідження й матеріали [Декабристы в Украине. Исследования и материалы]. — Киев : УкрСИЧ, 2013. — Т. 7. — С. 128—155. — ISBN 978-966-2531-18-3.
8. Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаружен-ные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — 664 с. — ISBN 5-98187-034-6.
9. Ильин П. В. П. А. Набоков и Ф. С. Панютин — неизвестные члены Васильков-ской управы Южного общества / П. В. Ильин // Декабристы в Україні. Дослідження й матеріали. [Декабристы в Украине. Исследования и материалы]. — Киев : Изд. С. Е. Цымбаленко, 2009. — № 6. — С. 42—65. — ISBN 978-966-96992-4-4.
10. Киянская О. И. Южный бунт. Восстание Черниговского полка / О. И. Киян-ская. — Москва : Изд. РГГУ, 1997. — 192 с. — ISBN 5-7281-0004-X.
11. Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в прав-ление Александра I / О. И. Киянская. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — 302 с. — ISBN 978-5-98187-323-2.
12. Киянская О. И. Декабристы / О. И. Киянская. — Москва : Молодая гвардия, 2015. — 384 с. — ISBN 978-5-235-03803-5.
13. Лысенко Н. Н. Восстание Черниговского полка. Южное общество декабристов / Н. Н. Лысенко, Л. Н. Нужа. — Москва : Грифон, 2016. — 325 с. — ISBN 978-5-98862-267-3.
14. Нечкина М. В. Восстание Черниговского полка / М. В. Нечкина // Каторга и ссылка. — 1925. — № 8. — С. 87—112.
15. Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы / М. В. Нечкина. — Москва : Худ. лите-ратура, 1977. — 735 с.
16. Нечкина М. В. Движение декабристов / М. В. Нечкина. — Москва : Изд. Акаде-мии наук, 1955. — Т. 2. — 506 с.
17. Нечкина М. В. Общество соединенных славян / М. В. Нечкина. — Москва : Гос. изд-во, 1927. — 248 с.
18. Оксман Ю. Г. Восстание Черниговского полка / Ю. Г. Оксман // Восстание дека-бристов : материалы. — Москва : Гос. изд-во, 1929. — Т. VI. — С. IX—LXVII.

19. Порох И. В. Восстание Черниговского полка / И. В. Порох / Очерки из истории движения декабристов. — Москва : Гос. изд-во полит. литературы, 1954. — С. 121—185.
20. Федоров В. А. Декабристы и их время / В. А. Федоров. — Москва : Изд-во МГУ, 1992. — 272 с. — ISBN 5-211-02205-X.
21. Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей : повесть о С. Муравье-Апостоле / Н. Я. Эйдельман. — Москва : Госполитиздат, 1980. — 365 с.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

- “Alphabet to members of former malicious secret societies and persons involved in the case...” [A. D. Borovkova]. (1988). In: *The Decembrists. Biographical reference book*. Moscow: Nauka. 215—345. (In Russ.).
- From the epistolary legacy of the Decembrists. Letters to N. N. Muravyov-Karsky, 1.* (1975). Moscow: Publishing House of State. ist. Museum. 340 p. (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).
- Gorbachevsky, I. I. (1963). *Notes, letters*. Moscow: Ed. Academy of Sciences. 354 p. (In Russ.).
- Lachinov, E. E. (1985). Diary of the embassy’s journey [to Persia]. In: *Decembrists about Armenia and Transcaucasia, 1*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. 34—45. (In Russ.).
- Military encyclopedia. (1912). *Military honor is gymnastics, 7*. St. Petersburg: I. D. Sytina type. 385 p. (In Russ.).
- Modzalevsky, B. L., Sievers, A. A. (1925). Nominal index to the “Alphabet...” [A. D. Borovkova]. In: *The Decembrist Uprising. Materials, VIII*. Leningrad: State Publishing House. 263—432. (In Russ.).
- Report of the Investigative Commission. (1980). *The Decembrist Uprising. Documents, XVII*. Moscow: Nauka. 24—61. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. (In Russ.).
- The Decembrists. Biographical reference book*. (1988). Moscow: Nauka. 448 p. ISBN 5-02-009485-4. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XVII*. (1980). Moscow: Nauka. 296 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Materials, VI*. Moscow: State Publishing House. 462 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Materials, 1*. (1925). Moscow; Leningrad: State Publishing House. 540 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Materials, IV*. (1927). Moscow; Leningrad: State Publishing House. 488 p. (In Russ.).

References

- Azadovsky, M. K. (1992). The lost and lost works of the Decembrists. In: *Pages of the history of Decembrism, 2*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 3—236. ISBN 5-7424-0350-H. (In Russ.).
- Bazilevich, V. M. (1926). *Decembrists. Essays 1—2. The uprising of the Chernigov regiment. The Decembrist Uprising and Kiev*. Kiev: Type. Kiev Polytechnic University. Institute. 49 p. (In Russ.).

- Dobrovolsky, L. P. (1926). Insurgency of the Chernigivsky regiment. In: *Insurgency of the Decembrists in Ukraine*. Harkiv: [b. i.]. 43—167. (In Ukr.).
- Dovnar-Zapolsky, M. V. (1917). The December Revolution of 1825. *Voice of the past*, 7/8: 5—75. (In Russ.).
- Eidelman, N. Ya. (1980). *Apostol Sergei: the story of S. Muravyov the Apostle*. Moscow: Gospolitizdat. 365 p. (In Russ.).
- Fedorov, V. A. (1992). *The Decembrists and their time*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 272 p. ISBN 5-211-02205. (In Russ.).
- Glinetsky, N. P. (1883). *The history of the Russian General Staff. 1698—1825, 1*. St. Petersburg: Type. Headquarters of the Guard troops and the St. Petersburg Military District. 437 p. (In Russ.).
- Glinetsky, N. P. (1894). *The history of the Russian General Staff. 1826—1855, 2*. St. Petersburg: Type. Headquarters of the Guard troops and the St. Petersburg Military District. 288 p. (In Russ.).
- Gunpowder, I. V. (1954). *The uprising of the Chernigov regiment*. Moscow: State Publishing House of polit. Literature. 121—185. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2004). *New about the Decembrists. Forgiven, acquitted and undetected by the investigation participants in secret societies and military actions of 1825—1826*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 664 p. ISBN 5-98187-034-6. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2009). P. A. Nabokov and F. S. Panyutin — unknown members of the Vasilkovsky board of the Southern Society. In: *The Decembrists in Ukraine. Research and materials, 6*. Kiev: Publishing house of S. E. Tsybalenko. 42—65. ISBN 978-966-96992-4-4. (In Ukr.).
- Ilyin, P. V. (2013). G. V. Novitsky — an unnoticed participant of the Southern Society. In: *The Decembrists in Ukraine. Research and materials, 7*. Kiev: Ukr. 128—155. ISBN 978-966-2531-18-3. (In Ukr.).
- Kiyanskaya, O. I. (1997). *Southern Rebellion. The Uprising of the Chernigov regiment*. Moscow: Publishing House of the Russian State University. 192 p. ISBN 5-7281-0004-X. (In Russ.).
- Kiyanskaya, O. I. (2008). *Essays from the history of the social movement in Russia during the reign of Alexander I*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 302 p. ISBN 978-5-98187-323-2. (In Russ.).
- Kiyanskaya, O. I. (2015). *Decembrists*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 384 p. ISBN 978-5-235-03803-5. (In Russ.).
- Lysenko, N. N., Nuzha, L. N. (2016). *The Uprising of the Chernihiv regiment. The Southern Society of Decembrists*. Moscow: Gryphon. 325 p. ISBN 978-5-98862-267-3. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1925). The Uprising of the Chernigov regiment. *Hard labor and exile*, 8: 87—112. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1927). *Society of the United Slavs*. Moscow: State Publishing House. 248 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1955). *The movement of the Decembrists, 2*. Moscow: Ed. Academy of Sciences. 506 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1977). *Griboyedov and the Decembrists*. Moscow: Khud. Literature. 735 p. (In Russ.).
- Oxman, Yu. G. (1929). The uprising of the Chernigov regiment. In: *The Decembrist Uprising. Materials, VI*. Moscow : State Publishing House. IX—LXVII. (In Russ.).

*The article was submitted 19.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Науменко О. Н. Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков / О. Н. Науменко, У. И. Абдуллаев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 437—455. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455.

Naumenko, O. N., Abdullaev, U. I. (2024). Adaptation of Sharia Law to Russian Criminal Law by Population of Western Turkestan and Siberian Bukharans in Late 18th - Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 437-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков

Науменко Ольга Николаевна^{1,2}

[orcid.org/ 0000-0002-4601-987X](https://orcid.org/0000-0002-4601-987X)

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории,
корреспондирующий автор
oolgann@mail.ru

Абдуллаев Уткир Исмаилович¹

orcid.org/0009-0000-1156-0167

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории
utkir112@mail.ru

¹ Ургенчский
государственный университет
(Ургенч, Узбекистан)

² Ургенчский
инновационный университет
(Ургенч, Узбекистан)

Adaptation of Sharia Law to Russian Criminal Law by Population of Western Turkestan and Siberian Bukharans in Late 18th — Early 20th Centuries

Olga N. Naumenko^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4601-987X

Doctor of History, Professor
Department of History,
Corresponding author
oolgann@mail.ru

Utkir I. Abdullaev¹

orcid.org/0009-0000-1156-0167

Doctor of History, Professor,
Department of History
utkir112@mail.ru

¹ Urgench State University
(Urgench, Uzbekistan)

² Urgench Innovation University
(Urgench, Uzbekistan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается государственная политика по сближению мусульманского права с российским законодательством в разных культурно-исторических условиях. Доказано, что апробация механизма проводилась на сибирских бухарцах в конце XVIII века, а со второй половины XIX века эти методы были применены к Западнему Туркестану, находившемуся под протекторатом Российской империи. В качестве источников привлекаются документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске. Методология исследования основана на теории систем К. Л. фон Берталанфи. Используются сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы исследования. Авторы приходят к выводу, что диссонанс между законодательством России и Западного Туркестана отразил не только различия между двумя разными по содержанию правовыми системами и религиозно-правовыми культурами, но главное — разрыв между средневековыми и современными для того времени юридическими представлениями. Адаптация Западного Туркестана к российскому законодательству формировала единые правовые представления и стала шагом к превращению многоконфессионального населения Российской империи в единый гражданский организм. Именно это подготовило почву для существования Узбекистана и России в составе СССР и позднее обеспечило развитие независимого Узбекистана с использованием законодательства, близкого российскому и европейскому.

Ключевые слова:

Туркестан; Средняя Азия; Российская империя, Россия, правовая система; шариат; Западная Сибирь; уголовное право; ссылка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the state policy of aligning Muslim law with Russian legislation in different cultural-historical contexts. It is demonstrated that the implementation of this mechanism was carried out among the Siberian Bukharans in the late 18th century, and from the second half of the 19th century, these methods were applied to Western Turkestan under the protectorate of the Russian Empire. Sources include documents from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan and the State Archive of the Tyumen Region in Tobolsk. The research methodology is based on the systems theory of K. L. von Bertalanffy, utilizing comparative-historical and comparative-legal research methods. The authors conclude that the dissonance between Russian legislation and Western Turkestan not only reflected differences between two distinct legal systems and religious-legal cultures but primarily highlighted the gap between medieval and contemporary legal concepts for that time. The adaptation of Western Turkestan to Russian legislation shaped unified legal concepts and paved the way for transforming the multi-confessional population of the Russian Empire into a unified civic entity. This laid the groundwork for the coexistence of Uzbekistan and Russia within the USSR and later facilitated the development of an independent Uzbekistan using legislation closely aligned with Russian and European legal systems.

Key words:

Turkestan; Central Asia; Russian Empire; Russia; legal system; Sharia law; Western Siberia; criminal law; adaptation.

Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков

© Наumenko O. N., Абдуллаев У. И., 2024

1. Введение = Introduction

Современные международные процессы, отражающие сближение России и Узбекистана на разных уровнях взаимодействия, требуют более глубокого исследования совместной истории двух государств с обнаружением и анализом тех точек соприкосновения, которые оказались взаимовыгодными для обеих сторон. Как и в настоящее время, в дореволюционный период представители среднеазиатских народов мигрировали в Россию, преимущественно в Западную Сибирь, оседая вдоль Великого Шелкового пути. В России они получили обобщающее название «сибирские бухарцы».

Переселенцы укоренялись на новом месте жительства, сливаясь с коренным населением — сибирскими татарами. Новые поколения, родившиеся в Сибири, вполне принимали правила, установленные российским правительством, если таковые не угрожали потере их религиозной идентичности. Между тем из Средней Азии прибывали новые мигранты — не только торговцы, но и беженцы, уходя от военной опасности. В 1867 году было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство — орган российской государственной власти по управлению Средней Азией. Под его юрисдикцию попал Западный Туркестан, основными территориями которого считались Хивинское и Кокандское ханства и Бухарский эмират, — именно эти земли стали основой будущего Узбекистана.

В конце XVIII — начале XX веков Западный Туркестан не был единым государством: его отдельные части находились в состоянии борьбы друг с другом, а некоторые политические центры, такие как Хива, долго сопротивлялись России. Архивные документы за 1893 год не случайно упоминают «скопление подданных Хивинского ханства в пределах русской территории» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 29, д. 1039, л. 3 об.]. Оставаясь в Западной Сибири, они также становились «бухарцами» и подлежали российскому законодательству, которое противоречило их нормам адатно-шариатного

права. Таким образом, проблема правовой адаптации мигрантов из Средней Азии существовала всегда, и Российское правительство ее решало.

Во второй половине XIX века шел процесс установления российского протектората над территориями Западного Туркестана, при этом был использован опыт по адаптации шариата к законам Российской империи, полученный в Западной Сибири. Комментируя архивные документы по Бухаре того периода, Б. М. Бабаджанов отметил, что «богословы хорошо знали нормы шариата и видели все прецеденты отхода от него» [Туркестан..., 2016, с. 36], а условия российского протектората давали местным казиям возможность более быстрой корректировки устаревших норм. На землях Западного Туркестана и Западной Сибири Российским правительством была поставлена одна и та же задача, что позволяет определить общий механизм ее реализации, характерный для разных исторических периодов и регионов.

Научная новизна статьи заключается в том, что российская политика по изменению уголовно-правовых норм шариата у народов Западного Туркестана рассматривается: 1) в разных историко-политических условиях (миграция в православную Россию и жизнь на мусульманском Востоке); 2) через призму тюремной реформы 1879 года по гуманизации обращения с заключенными; 3) с использованием взаимодополняющих материалов из архивов России и Узбекистана, что создает полную картину уголовного наказания в связи «шариат — российское право — сибирская каторга и ссылка».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — определить механизм адаптации шариата к российскому уголовному праву на примере разных групп населения Западного Туркестана, проживавших в отличающихся культурно-исторических условиях.

Учеными пока не решалась проблема, поставленная в статье, однако опубликованные научные труды подготовили базу для такого исследования. Б. М. Бабаджанов опубликовал несколько статей о политике генерала Черняева, который правил Ташкентом в соответствии с местной традицией и нормами шариата [Бабаджанов, 2012, Бабаджанов, 2013 и др.]. Наиболее популярной темой является управление Средней Азией и реформирование там судебной системы в соответствии с российским законодательством [Обушиев и др., 2007; Sartory, 2008; Morrison, 2008; Салиев, 2016]; отдельно отметим издание «Туркестан в имперской политике России», где реформированию судебной системы Средней Азии посвящено несколько сотен страниц с опубликованными архивными документами и комментариями к ним [Туркестан..., 2016]. Эти же вопросы затрагивались другими учеными при исследовании административного управления Хивинского ханства [Бегалиева, 2019], становления института потерпевшего в Средней Азии [Сайфиди-

нов, 2021], при рассмотрении торгово-дипломатических отношений царской России с центральноазиатскими ханствами [Рачабов, 2022] и др.

Отдельно отметим широкий пласт научных исследований по истории сибирских бухарцев. Монография Х. Зияева «Узбеки в Сибири (XVII — XIX века)», изданная на русском и узбекском языках [Зияев, 1968], отразила один из правовых аспектов исследуемой проблемы: изменение статуса сибирских бухарцев и ташкентцев (так автор определил группы переселенцев в Западную Сибирь) в сфере беспошлинной торговли. Отметим, что изменение их правового статуса хронологически совпадает с этапами распространения на сибирских бухарцев российского законодательства. В монографии есть информация о шариате: упоминание мусульманских судов и женщин в парандже, сведения об образованности сибирских бухарцев, которые учили местных мусульман Корану (соответственно, и шариату), и т. д. [Зияев, 1968, с. 30, 66—67]. Между тем содержание мусульманского права и механизм адаптации его норм к российскому законодательству автором не рассматривались, — но это было и невозможно в идеологических условиях 1960-х годов, когда была издана монография.

В начале 2000-х годов Тюменский госуниверситет стал центром реализации масштабного научного проекта «Ислам на краю света», который завершился изданием трехтомника под руководством д.и.н. А. П. Яркова [Ислам..., 2007; Ислам..., 2015; Ислам..., 2019]. Кроме обско-угорского компонента, обусловившего «специфику сибирского ислама» (как его принято называть в Западной Сибири), авторский коллектив собрал и проанализировал уникальный источниковедческий материал о роли сибирских бухарцев в распространении, утверждении, а после 1991 года — и в возрождении ислама на территории Западной Сибири. Хронологически исследование охватывает период от суфийского ордена Накшбандия эпохи Средневековья до начала 2000-х годов. Трехтомник «Ислам на краю света» содержит богатый фактический материал по теме исследования, включая роль Ембаевского медресе в обучении исламу и мусульманскому праву. Монография отразила историю Бухарской волости Тобольской губернии, численность сибирских бухарцев, «Сборник обычного права сибирских инородцев» и другие аспекты исследуемой проблемы [Ислам..., 2015, с. 71—74]. Между тем авторский коллектив не ставил цель изучить механизм поэтапной трансформации норм шариата у сибирских бухарцев.

Одновременно с работой над трехтомником «Ислам на краю света» издавались индивидуальные научные труды. Наиболее близка к теме исследования монография Т. Г. Бакиевой, которая посвящена правовой культуре сибирских татар в Тобольской губернии, но с акцентом на гражданское и семейное право [Бакиева, 2011]. Другие опубликованные исследования ка-

саются истории сибирских бухарцев в целом [Самигулов и др., 2018 и др.]. Таким образом, пока нет исследований, которые рассмотрели бы механизм трансформации норм шариата и применения российского уголовного права в сравнительном контексте, в двух культурно-исторических зонах, с учетом миграционного фактора.

Исследование выполнено на основе двух групп источников.

Первая группа включает материалы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (г. Ташкент) и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске. В Ташкенте находятся документы об управлении Туркестаном представителями российской власти, в том числе о введении норм российского законодательства во второй половине XIX века; там же дается характеристика системы наказаний согласно местным представлениям шариата. В Тобольске — бывшей «столице» сибирской каторги и ссылки — находятся документы: 1) характеризующие условия отбывания наказания по российскому законодательству, в том числе для представителей Западного Туркестана; 2) судебные дела, которые иллюстрируют результат согласования шариата и российского права для сибирских бухарцев. Таким образом, архивные документы позволяют исследовать научную проблему достаточно полно.

Среди архивных документов встречаются метрические книги XIX века из мечетей Тобольской губернии, написанные на старо-персидском языке в арабской графике. По теме исследования в них обнаружено свидетельство, характеризующее противоречие между шариатом сибирских бухарцев и регионами Востока: это запись о смерти торговца из юрт Казанских, который в 1852 году не вернулся из Персии. В комментариях о смерти указан большой долг, который не был выплачен [ГАТО в г. Тобольске, ф. И-494, оп. 1, д. 22, л. 3]; вероятно, торговца казнили по персидским законам, хотя в России такое наказание не применялось. Обнаруженное свидетельство оказалось важным источником для понимания условий, в которых происходила адаптация шариата к российскому законодательству. Эта запись показывает, что сибирские бухарцы вынуждены были существовать в трех правовых реальностях: во-первых, знать местные нормы шариата; во-вторых, — российское законодательство; и, в-третьих, — мусульманское право стран Востока.

Вторая группа источников — нормативные акты и сборники «правовых обычаев» мусульман в Западной Сибири. Для исследования использованы статьи Соборного уложения 1647 года, Артикула воинского 1715 года, соответствующие представлениям шариата (в частности, об отрубании рук). В 1830-х годах все эти нормативные акты были включены в Полное собрание законов Российской империи преимущественно в качестве уже уста-

ревших уголовно-правовых норм. Частично они были использованы при создании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Это Уложение представляет собой отдельный том (№ 15) Собрания законов Российской империи, которое объединило в себе все действующие уголовно-правовые нормы после их кодификации в 1830-е годы, с исключением устаревших статей. Поэтому Уложение, с учетом его последующих редакций, является единственным и полным законодательным источником российского уголовного права после 1845 года.

В целом эти нормативные документы позволяют определить степень противоречий между шариатом и российским правом и, соответственно, сложность задачи по их сближению, поставленной правительством. Четыре сборника норм шариата в Западной Сибири созданы в период с 1785 года по 1820-е годы; оригиналы трех из них хранятся в Тобольске и цитируются по тексту и переводу Г. Т. Бакиевой [Бакиева, 2011]; четвертый опубликован в Варшаве в 1870-х годах [Сборник..., 1876]. Сравнение текстов этих сборников позволяет выявить результат политики по сближению шариата с российским уголовным правом.

Методология исследования основана на теории систем К. Л. фон Берталанфи [Von Bertalanfy, 1968]. В рамках этой теории российская правовая среда (в одном случае — при переселении «бухарцев» в Западную Сибирь, в другом — при завоевании Средней Азии) становилась фактором, который привел в движение функционировавшую систему шариата, его внутреннее содержание и механизм применения. На обеих территориях наибольшему воздействию подверглись уголовные нормы, — они пришли в хаос, что создавало условие для изменений. Постепенно представления об уголовном наказании, характерные для мусульманской уммы на протяжении длительного периода, обретали иное содержание и складывались в другой последовательности, в результате образуя обновленную систему, соответствующую российскому законодательству. Этот процесс был объективным для тех исторических условий, так как соответствовал изменениям, происходившим внутри самого мусульманского сообщества под воздействием внешней культурной среды — Российской империи.

Методы исследования — сравнительно-исторический и сравнительно-правовой — применены для анализа разных сфер, отражающих процесс трансформации шариата. Первый метод также позволяет сравнить культурно-исторические условия Западного Туркестана и Западной Сибири, в которых происходили изменения в мусульманском праве. Второй метод заключается в сопоставлении норм уголовного законодательства на этих двух территориях, а также в оценке соответствия их Уголовным Уложениям Российской империи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Шариат сибирских бухарцев и российское законодательство

Сибирские бухарцы — обобщающее название представителей Средней Азии, переселившихся в Западную Сибирь в разные исторические периоды; этот термин использовался в российской деловой документации до начала XX века. Исследователь сибирского ислама Г. Т. Бакиева пришла к выводу, что еще в XVI веке большинство из норм шариата не просто было известно сибирским бухарцам, — их знания опирались на мнения известнейших правоведов, толкователей священных текстов Корана и Сунны: в текстах фигурируют имена Алимана, Мухтазара, Фаранза, Хидая, Шархи-Выкая [Бакиева, 2011, с. 7]. Изучение таких юридически-богословских трудов обычно входило в программу духовного образования в медресе Бухары, Самарканда и других классических центров ислама, откуда прибывали переселенцы.

В XVII веке процесс сближения уголовных норм шариата с российским правом еще не был выражен отчетливо, кроме изъятия из ведения мусульманской уммы дел по государственной измене. В тот период основная часть статей Соборного уложения 1647 года еще не вступала в системное противоречие с наказаниями по мусульманскому праву: помимо многочисленных сюжетов о смертной казни и других наказаниях, в Уложении действовали статьи об отсечении рук. Глава VII, ст. 29: «А будет кто на службе у кого украдет лошадь, и ему за те татьбу руку отсечь»; глава III, ст. 9: «А будет тот же тать пойман будет с краденым в государеве дворе в третьие, и ему за то отсечь рука, чтобы на то смотря иным неповадно было...»; глава III, ст. 4: «А будет кто при государе вымет на кого какое ни буди оружие, а не ранит, и не убьет... отсечь рука»; отсечение руки фигурирует и в ст. 5 этой же главы. В Соборном уложении нет статей о забивании камнями, но зато есть о «залитии горла» раскаленным металлом (глава V, ст. 1). Нечто подобное содержится в архивных документах Узбекистана, в данных Туркестанского генерал-губернаторства: «Два офицера из отряда Алимбека за трусость и бегство от русских были умерщвлены вливанием в рот и на тело кипяченой воды» (читаем: «кипящей воды») [ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 25, л. 179—180].

Ситуация сохранилась в начале XVIII века. Артикул воинский 1715 года дополнил составы преступлений, за которые предполагалась смертная казнь, и дополнительно ввел отсечение руки за богохульство: «Кто пресвятую мать божию деву Марию и святых ругательными словами поносит, оный имеет, по состоянию его особы и хуления, телесным наказанием отсечения сустава наказан» (Глава 1. Артикул 4).

Во второй половине XVIII века процесс сближения шариата с российским законодательством приобрел более отчетливые очертания. В Тоболь-

ской губернии мурзам Кульмаметевым, получившим право управления мусульманами, было поручено сделать записи шариата: все дела по «магометанскому закону... препоручены в единственное их ведение» [Самигулов и др., 2018, с. 102]. Так как уголовное судопроизводство в России носило светский характер, то «суд и расправа», а также формирование «кодексов» мусульманского права в Западной Сибири также были поручены представителям светской, а не духовной власти. Это обстоятельство подтверждает, что в регионе уже шел процесс адаптации уголовных и уголовно-процессуальных норм шариата к российскому праву.

Соборное уложение и Артикулы считались действующими нормативными актами России вплоть до систематизации законодательства в 1830-е годы, хотя многие статьи в них уже устарели и фактически не применялись. При Екатерине II был начат процесс переработки законов Российской империи в соответствии с новыми направлениями правовой и этноконфессиональной политики: в 1773 году провозглашена реформа по «укреплению начал веротерпимости». Предполагалась частичная унификация религиозных представлений иноверцев в соответствии с христианскими канонами: вводилась архитектура мечетей по проектам православных храмов, изменялись подходы к мусульманскому искусству и т. д. [Бортникова, 2014]. В 1788 году решение этой задачи было возложено на Уфимское духовное магометанского закона собрание, со временем получившее название *Оренбургское магометанское духовное собрание* (ОМДС). Оно стало влиятельной государственной структурой по унификации мусульманского права, иногда в неожиданном для себя ракурсе. Например, когда от правительства поступило требование перенести правила захоронения мусульман с первого дня на третий, как это было принято в России, то согласие сопровождалось обоснованием: «Оренбургский Муфтий вместе с Оренбургским Магометанским Духовным Собранием не принимает Магометанских законов в таком строгом смысле» [Цит. по: Бортникова, 2014, с. 58—59].

Запись мусульманского права теоретически давала возможность систематизировать положения шариата: убрать уже не применявшиеся нормы, дополнительно обратиться к трудам мусульманских богословов и по возможности согласовать «обычай» с российским уголовным правом. Антироссийские бунты, измена государю и другие подобные действия уже в XVII веке карались по российскому законодательству. Документы зафиксировали такие сюжеты по отношению к коренному населению Западной Сибири [Науменко, 2020]. Наказания за другие тяжкие преступления (убийства, грабежи, разбой и т. д.) также постепенно изымались из ведения уммы, и конец XVIII века стал в этом плане переломным. Мурзы уже имели законное право «производить между татарами всякую распра-

ву» и — обратим внимание — «за малые вины самим наказывать» [Бакиева, 2011, с. 18]. Таким образом, в XVIII веке «тяжкие вины» (то есть серьезные уголовные преступления) уже отсутствовали среди полномочий мурз, но в разных регионах Западной Сибири процесс таких изменений шел с разной скоростью.

В частности, сборник 1785 года «О законе и обряде... ясажных магометан...» (г. Тобольск) отразил ответственность по шариату лишь за незначительные преступления и гражданско-правовые проступки, что детально исследовано Г. Т. Бакиевой [Бакиева, 2011, с. 5]. В то же время «Сборник обычного права сибирских инородцев» (г. Омск), созданный в 1820-е годы, содержит наказания и за тяжкие уголовные преступления: «Виновный в неосторожном убийстве человека платит 100 верблюдов...»; «За грабеж полагалось лишение руки или ноги, а потом предание смерти...» [Сборник..., 1876, с. 18, 23]. Расхождение в содержании двух текстов подтверждает, что в одном из них (1785 год) произошло редактирование шариата в соответствии с российским уголовным законодательством; во втором же еще сохранились устаревшие нормы.

В 1820-е годы создавались и другие сборники, так как представления об исламе отличались в разных регионах Тобольской губернии. Например, одна из рукописей отразила шариат татар Ялуторовского уезда. Эта территория расположена на юге региона; там ранее проживало обско-угорское население, которое было ассимилировано татарами и привнесло в культуру последних черты доисламских верований. Эти религиозные особенности зафиксированы А. А. Ярзуткиной [Ярзуткина, 2002]. Характерно, что записи шариата, сделанные Кульмаметевыми в 1785 году, к 1820-м годам так и не стали универсальными для всех мусульман Западной Сибири: омский и ялуторовский сборники отличаются от тобольского даже спустя 35—40 лет.

Однако в конце периода, отведенного для формирования этих сборников, содержание уголовных норм мусульманского права уже не могло признаваться властью в первоначальном варианте. В 1801 году указом Александра I были запрещены истязания и пытки [Куликова, 2023, с. 230]. В российском уголовном праве с этого момента в качестве «болезненных» видов наказаний остались только удары плетью и клеймение, поэтому членовредительные практики средневекового понимания шариата подпадали под запрет. Таким образом, формально переход к российскому уголовному праву (в части тяжких преступлений) был завершен.

Между тем оставалось несовершенным само российское право; периодически встал вопрос, что конкретно нужно считать тяжким уголовным преступлением, чтобы изъять его из ведения уммы. Получившийся результат характеризуется материалами судебного дела о краже коня, со-

вершенной в Тобольской губернии сибирским бухарцем Ниясом Ренгуловым [ГАТО в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 9, д. 362]. Он увел коня, принадлежащего Абалакскому православному монастырю, и отказался возвращать. Все, что смог сделать монастырь в рамках закона, — это через 9 лет взыскать стоимость украденного. Уголовное дело не было возбуждено; бухарец оказался подсуден только мусульманскому («народному») суду, а там должностные лица бездействовали. Однако ни по местному варианту шариата, ни по Соборному уложению 1647 года за это преступление бухарец больше не подлежал «отрубанию руки». В дальнейшем, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, конокрадство стало пониматься как тяжкое преступление: за это полагалась ссылка или заключение в исправительном отделении [Зарубина, 2023, с. 62]. Соответственно, с 1845 года это преступление однозначно изымалось из мусульманских судов. Однако бухарец совершил кражу до введения в действие Уложения, когда применение наказания еще не было отрегулировано. В целом дело о бухарце Н. Ренгулове иллюстрирует пример полного ухода от ответственности за конокрадство и отражает начало новой стадии в процессе адаптации шариата к российскому праву, когда государственная власть начала ликвидировать подобные правовые пробелы.

Во второй половине XIX — начале XX века ситуация изменилась. Действие норм шариата осталось в гражданско-правовых спорах, семейных отношениях, а также при совершении незначительных преступлений. Статистика осужденных в Тобольской каторжной тюрьме свидетельствует, что уже в конце XIX века за преступления насильственного или политического характера к мусульманам активно применялась каторга и ссылка. Подсчеты, сделанные на основе мусульманских имен каторжан Тобольских тюрем, показали рост их числа: если в 1891 году магометане (многие с суффиксом «оглы») там составляли 23 % от общего числа заключенных, то в 1905 году — уже 73,5 % [ГАТО в г. Тобольске, ф. И-17, оп. 1, д. 1, 2, 25, 31, 36]. В этот период к мусульманам применялась и ссылка: в 1906 году в г. Березов Тобольской губернии «за антиправительственные речи» был отправлен мулла Шакир Абдул-Бакиев Шарыпов, проживавший в Бухарской волости Тобольского уезда [ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 59].

Таким образом, к началу XX века механизм адаптации шариата сибирских бухарцев к российскому уголовному праву прошел несколько стадий (этапов): от признания его в почти неизменном виде на первом этапе до замены ряда наказаний на сибирскую каторгу и ссылку — на завершающем этапе. Во время последней стадии уже шел процесс присоединения территории Западного Туркестана к Российской империи, и апробированный механизм был запущен вновь.

3.2. Распространение на Западный Туркестан уголовного права Российской империи

С момента установления российского протектората над Средней Азией население Хивинского, Кокандского и Бухарского ханств оказалось в сфере целенаправленной государственной политики по адаптации местной системы шариата к российскому уголовному праву. С одной стороны, у России уже был опыт подобной практики; с другой стороны, условия для ее реализации теперь были иными. В Средней Азии российская власть пришла на территорию ислама, где существовала сложившаяся веками иная правовая система. Хронологический промежуток для адаптации местного законодательства к российскому праву также оказался коротким: в запасе не было двух-трех столетий, как это произошло в Западной Сибири. Кроме этого, в отличие от XVII века, когда жестокость наказаний по российскому уголовному праву еще не вступала в серьезный диссонанс со средневековыми представлениями шариата, при завоевании в XIX веке Западного Туркестана разница стала ощутимой и порой шокировала представителей российской администрации.

В качестве иллюстрации приведем свидетельство за 1853 год: «Взятый живым Мусульман-Кул привезен был в Кокан и казнен особенно торжественным образом. Сделан был помост из досок, вышиною до 3 аршин, на который посадили его для позора на высокой табуретке и окованного цепями по всему телу. Сюда в течение двух суток приводили всех захваченных кипчаков и резали их беспощадно на глазах его. До 600 человек кипчаков погибло таким образом. На третий день поставили возле помоста виселицу и вздернули на ней бывшего Мин-Баши... Чиновники из кипчаков, попадавшие в руки преследователей своих, умирали большею частью в самых жестоких пытках: из них вымогали всеми средствами, где находятся деньги их и пожитки. Так, приятель Крылова, некто Сафарбай, бит был сначала палками, потом выворачивали ему руки и ноги, затем давили голову между свинцовых досок, так что глаза выкатывались изо лба; наконец, обливали всего вскипяченным маслом и в заключение зарезали» [ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 14, л. 401—403].

В качестве сравнения приведем аналог уголовного наказания в Западной Сибири с эшафотом и позорным столбом в эти же годы. Процедура называлась *торговой казнью* и заключалась в сочетании «позорящего» и телесного наказания. В 1951 году Тобольское губернское правление купило 9 разборных эшафотов, в комплектацию которых входили «позорные столбы» [ГАТО в г. Тобольске, ф. 1, оп. 1, д. 573, л. 4]. При наказании винный прикреплялся цепями к столбу (над головой дворянина дополнительно переламывалась шпага — этот символический ритуал означал лишение

титула); далее в течение нескольких часов любой человек мог «позорить» преступника, как хотел, но без причинения ему физической боли (например, бросить в него тухлыми яйцами); после этого следовало наказание розгами, нередко имеющими несколько хвостов. После экзекуции преступники выживали: это наказание не было связано с лишением жизни.

Таким образом, противоречия между российским уголовным законодательством и нормами местного адатно-шариатного права, сложившиеся на территории Западного Туркестана, были достаточно глубоки. Тем не менее анализ архивных документов показывает, что при корректировке шариата в Средней Азии присутствовали те же стадии и приемы, которые были апробированы ранее на сибирских бухарцах. Однако на этот раз примененный механизм оказался более четко выраженным.

На первой стадии демонстрировалось абсолютное невмешательство в местное законодательство, хотя сфера тяжких преступлений по возможности сразу изымалась из ведения шариата. В 1865 году генерал М. Г. Черняев завоевал Ташкент, после чего продекларировал почтение местным законам, но все же сослался на обязательное действие российского уголовного права: «О, жители Ташкента! Вершите свои дела, не отступая ни в коем случае ни йоту от повелений Благословенного и Всевышнего Бога и разясняющего религию (пророка) Мухаммада — благословения и приветствие Аллаха ему и всей его семье! — а также, не отступая от предписаний благородного шариата Пророка и его сподвижников — благословение и приветствие им! Исполняйте [свои] обычаи, как это издревле было принято в этом краю... Если человек убьет другого человека или будут ограблены торговцы и караваны, таких преступников будем судить по русским законам» [ЦГА РУз, ф. И-17, оп. 1, д. 9679, л. 116—116 об.].

На второй стадии необходимо было сделать записи новой трактовки шариата. Этим занимались местные казии. В Ташкенте процесс начался уже в 1860-е годы при генерале Черняеве, так как богословы понимали необходимость реформирования и участвовали в нем [Туркестан..., 2016, с. 36]. Спустя почти полвека, в 1910 году один из чиновников Туркестанского управления свидетельствовал: «...самый крупный факт конца XIX века — появление русских — совершенно меняли этот строй, и под определение шариата услужливыми муллами подводилось новое содержание...» [ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 2, д. 369, л. 33—40 об.].

На третьей стадии необходимо было уточнить, какие противоправные деяния нужно считать тяжкими уголовными преступлениями, а какие — нет. По этому поводу шли дискуссии. В 1892 году было принято «Положение об управлении Туркестанского края», где в статье ст. 141 были перечислены составы преступлений, подсудные Российской империи, а не

местному мусульманскому «народному суду». В 1898 году эта статья была дополнена положениями о некоторых деяниях насильственного характера, а также делах «о ростовщичестве, подрывающем экономическое благосостояние населения края» [Туркестан..., с. 158—159, 164] и т. д.

На четвертой стадии уголовное законодательство стало применяться уже в соответствии с российским правом; вначале это произошло в пенитенциарных учреждениях, расположенных на территории Западного Туркестана, а позднее — в условиях сибирской каторги и ссылки. Однако принцип гуманности в Средней Азии был принят не всеми; одной из причин Андижанского восстания 1898 года стали именно изменения в системе наказаний, введенные российской властью: «Прежде, при ханах, всякое преступление каралось строго: за воровство в первый раз отрубали руку, а во второй — голову, народ боялся; теперь за все лишь сажают в острог, сытно кормят, чисто держат, бояться нечего» [Головина, 1902]. Эта характеристика местного зиндана соответствовала проведенной в России реформе по гуманизации тюремного заключения по европейскому образцу.

После антирусского Андижанского восстания 1898 года к представителям Западного Туркестана впервые была применена сибирская каторга; ею заменили смертную казнь. Участники восстания отбывали первую часть наказания в Тобольске: упоминание об «андижанских среднеазиатцах» есть в воспоминаниях Д. И. Менделеева, посетившего каторжную тюрьму в 1899 году [Уральская..., 1900, с. 434]. Второй случай сибирской каторги, примененный к жителям Западного Туркестана, был связан с Хивинским восстанием 1916 года [Отегенов, 2019, с. 35].

На рубеже XIX—XX веков в Тобольском тюремном комплексе в качестве эксперимента уже применялись новые стандарты: улучшалось питание, медицинское обслуживание, менялись условия привлечения к труду и т. д. Степень гуманизации условий содержания опасных преступников (чаще всего рецидивистов) была непривычной и непонятной даже в России [Науменко и др., 2023]. Поэтому на сибирской каторге лидеры восстаний оказались в двойственной ситуации: выступив против введения в Западном Туркестане российских уголовных законов, они смогли сохранить свои жизни именно с их помощью. Примененные к каторжанам меры, основанные на российском законодательстве, формально не были связаны с казнью, пыткой, мучительными видами экзекуции и даже телесными наказаниями, что представляется серьезным гуманным шагом в положении осужденных. После 1917 года большинство таких заключенных были объявлены борцами с царским режимом и получили статус бывших политических каторжан.

4. Заключение = Conclusions

Государственная политика по сближению шариата народов Западного Туркестана с российским законодательством реализовывалась дважды: вначале при Екатерине II относительно сибирских бухарцев и позднее при вхождении Средней Азии в состав Российской империи.

Сибирские бухарцы привносили в мусульманскую умму России представления об исламе, сложившиеся в Бухаре, Самарканде, Хорезме и других культурных центрах Западного Туркестана. Процесс сближения культур не только духовно обогащал мусульман Сибири, но оказывал воздействие на самих переселенцев. Происходило заимствование российских правовых норм, которые в итоге оказывались общими, формировали единые правовые представления и становились шагом к превращению многоконфессионального населения Российской империи в единый гражданский организм.

В историческом прошлом между законодательством России и Западного Туркестана существовал серьезный диссонанс. Он сложился не просто между двумя разными по содержанию правовыми системами, но главное — между средневековыми и современными для того времени юридическими представлениями, еще и функционировавшими в отличающихся религиозно-правовых культурах. Усиление этого внутреннего конфликта обуславливалось тем фактом, что именно в период присоединения Средней Азии в России началась тюремная реформа 1879 года, предполагавшая гуманизацию условий содержания по европейскому образцу. Не все в Западном Туркестане приняли такие изменения. Тем не менее к разрешению этого противоречия мусульманское сообщество в целом было готово: с его стороны поступал «социальный запрос» на правовую реформу.

Сближение норм шариата с российским уголовным правом не просто гуманизировало правовые представления населения Западного Туркестана, но постепенно превращало его в часть многонационального народа Российской империи. Это подготовило почву для сосуществования России и Узбекистана в составе единого государства — СССР. Советский период завершил начатый процесс по унификации права и после 1991 года обеспечил его дальнейшее функционирование в рамках отдельной, но близкой по содержанию к российской, системе законодательства.

Таким образом, в течение последних столетий все правовые противоречия между законодательством России и современного Узбекистана были преодолены, а это — один из важнейших факторов, создающих возможность для гармоничного существования разных народов в условиях миграционных процессов, культурных и научных обменов, деловых и личных контактов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО в г. Тобольске — *Государственный архив Тюменской области* в г. Тобольске.
2. *Головнина Ю. Д.* На Памирах. Записки русской путешественницы [Электронный ресурс] / Ю. Д. Головнина. — Москва, 1902. — Режим доступа : <https://rus-turk.livejournal.com/105248.html> (дата обращения 24.03.2024).
3. *Сборник* обычного права сибирских инородцев. — Варшава : Изд. Д. Я. Самовасова, 1876. — 282 с.
4. *Уральская железная промышленность* в 1899 году. — Санкт-Петербург : Типография В. Демакова, 1900. — 866 с.
5. ЦГА РУз — *Центральный Государственный архив Республики Узбекистан.*

Литература

1. *Бабаджанов Б. М.* Российский генерал-конквистадор в русском Туркестане. Взлеты и падения М. Г. Черняева / Б. М. Бабаджанов // *Восток свыше.* — 2012. — № 4. — С. 63—72.
2. *Бабаджанов Б. М.* Туркестанский конквистадор : Взлеты и падения генерала Черняева / Б. М. Бабаджанов // *Восток свыше.* — 2013. — № 1. — С. 51—67.
3. *Бакиева Т. Г.* Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII — начале XX в. / Т. Г. Бакиева. — Новосибирск : Гео, 2011. — 213 с. — ISBN 978-5-904682-52-1.
4. *Бегалиева Д. Э.* Хива хонлиги маъмурий бошқарув тарихи / Д. Э. Бегалиева // *История науки.* — 2019. — № 1—2 (83). — С. 55—57.
5. *Бортникова Ю. А.* Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона : 1773—1991 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. А. Бортникова. — Кемерово, 2014. — 265 с.
6. *Зарубина К. А.* Конокрадство, как опасный криминальный промысел в дореволюционной России, или как наказывали за кражу лошадей? / К. А. Зарубина // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.* — 2023. — Т. 9. — № 3. — С. 61—65.
7. *Зияев Х.* Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.) / Х. Зияев. — Ташкент : Фан, 1968. — 77 с.
8. *Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Источники и историография* / Под ред. А. П. Яркова. — Тюмень : Колесо, 2007. — Т. 1. — 417 с. — ISBN 978-5-903644-10-0.
9. *Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Сибирский ислам в Средние века и Новое время* / Под ред. А. П. Ярков. — Москва : [б. и.], 2019. — Т. 2. — 366 с. — ISBN 978-5-89394-308-5.
10. *Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Трансформация Уммы в XIX — XXI вв.* // Под ред. А. П. Ярков. — Москва : [б. и.], 2015. — Т. 3. — 444 с. — ISBN 978-5-89394-268-2.
11. *Куликова А. К.* К вопросу об истории развития российского законодательства об ответственности за истязание и пытку / А. К. Куликова // *Закон и право.* — 2023. — № 11. — С. 228—232. — DOI: 10.24412/2073-3313-2023-11-228-232.

12. *Науменко О. Н.* Коренные народы Севера и инквизиционный характер тюрем Ямала и Югры в XVII — начале XX вв. / О. Н. Науменко // Былые годы. — 2020. — № 58 (4). — С. 2315—2323. — DOI: 10.13187/bg.2020.4.2315.
13. *Науменко О. Н.* Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири) / О. Н. Науменко, М. Ш. Альмухаметова, М. Г. Пинигин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 436—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453.
14. *Обушиев С. П.* Судебная политика в национальных окраинах Российской империи в XIX веке (Дальний Восток, Сибирь, Степное Предкавказье, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия) / С. П. Обушиев, Г. Б. Умерова // Право и политика. — 2007. — № 5. — С. 111—120.
15. *Отегенов Х.* К оценке восстаний в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе в 1916 г. / Х. Отегенов // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2019. — № 2 (59). — С. 31—36.
16. *Рачабов С. О.* Муносибатҳои тичоратию дипломатии Русияи подшоҳӣ бо хониғарихоӣ осӣёи марказӣ дар шароити сиёсати мустамликадорӣ / С. О. Рачабов // Маҷаллаи академии ҳуқуқ. — 2022. — № 3 (43). — С. 168—174.
17. *Сайфидинов Ф. Ф.* Становление института потерпевшего в Кокандском и Хивинском ханствах, а также Бухарском эмирате / Ф. Ф. Сайфидинов // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. — 2021. — № 1 (49). — С. 115—123.
18. *Самигулов Г. Х.* Новые источники по истории мурз Кульмаметевых / Г. Х. Самигулов, З. А. Тычинских // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2018. — № 1 (40). — С. 99—107. — DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-099-107.
19. *Салиев А. Л.* Судебная политика российского самодержавия в кочевых регионах Туркестана : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. Л. Салиев. — Бишкек, 2016. — 396 с.
20. *Сман А.* О праве и правах человека (историко-правовой взгляд) / А. Сман, Е. Н. Латкина, Р. Т. Аккулов // Международный научный журнал. — 2016. — № 5 (33). — Т. 2. — С. 188—193.
21. *Туркестан* в имперской политике России : монография в документах / Б. М. Бабджанов, Т. В. Котюкова (отв. ред.), О. А. Махмудов, С. Н. Абашин ; Ин-т всеобщ. истории РАН, Сектор истории Центральной Азии XIX—XX вв. — Москва : Кучково поле, 2016. — 878 с. — ISBN 978-5-9950-0695-4.
22. *Ярзуткина А. А.* «Идолопоклонство» сибирских татар : история изучения вопроса и опыт систематизации этнографических материалов / А. А. Ярзуткина // Тюркские народы : матер. V Сибирского симпозиума. — Омск : ОмГПУ, 2002. — С. 77—91.
23. *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand 1868—1910. A Comparison with British India / A. Morrison // Oxford. — 2008. — Chapter 7. — DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199547371.001.0001.
24. *Sartory P.* Judicial Elections as a Colonial Reform : The Qadis and Biys in Tashkent, 1868—1883 / P. Sartory // Cahiers du Monde russe. — 2008. — № 49/1. — Pp. 79—100. — DOI:10.2307/40419105.
25. *Von Bertalanfy L.* General System Theory. Foundations, Development, Applications / L. Von Bertalanfy. — New York : G. Braziller, 1968. — 289 p.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024,
одобрена после рецензирования 15.06.2024,
подготовлена к публикации 24.06.2024.

Material resources

- Central State Archive of the Republic of Uzbekistan*. (In Russ.).
- Collection of customary law of Siberian foreigners*. (1876). Warsaw: Publishing house of D. Ya. Samokvasov. 282 p. (In Russ.).
- GATO in Tobolsk — *The State Archive of the Tyumen region in Tobolsk*. (In Russ.).
- Golovnina, Yu. D. (1902). *In The Pamirs. Notes of a Russian traveler*. Moscow. Available at: <https://rus-turk.livejournal.com/105248.html> (date of appeal 03/24/2024). (In Russ.).
- The Ural iron industry in 1899*. (1900). St. Petersburg: V. Demakov Printing House. 866 p. (In Russ.).

References

- Babajanov, B. M. (2012). Russian conquistador general in Russian Turkestan. The ups and downs of M. G. Chernyaev. *Vostok svyshe*, 4: 63—72. (In Russ.).
- Babajanov, B. M. (2013). Turkestan conquistador: The ups and downs of General Chernyaev. *Vostok svyshe*, 1: 51—67. (In Russ.).
- Bakieva, T. G. (2011). *Custom and law. Essays on the legal culture of the Siberian Tatars in the XVIII—early XX century*. Novosibirsk: Geo. 213 p. ISBN 978-5-904682-52-1. (In Russ.).
- Begalieva, D. E. (2019). Khiva honligi mamuriy boshkaruv tarikhii. *Internauka*, 1—2 (83): 55—57. (In Russ.).
- Bortnikova, Yu. A. (2014). *State policy as a factor in the evolution of Muslim artistic culture in the Tyumen region: 1773—1991*. PhD Diss. Kemerovo. 265 p. (In Russ.).
- Islam at the edge of the world. The history of Islam in Western Siberia. Sources and historiography*, 1. (2007). Tyumen: Koleso. 417 p. ISBN 978-5-903644-10-0. (In Russ.).
- Islam at the edge of the world. The history of Islam in Western Siberia. Siberian Islam in the Middle Ages and Modern Times*, 2. (2019). Moscow: [b. i.]. 366 p. ISBN 978-5-89394-308-5. (In Russ.).
- Islam at the edge of the world. The history of Islam in Western Siberia. Transformation of the Ummah in the XIX—XXI centuries*, 3. (2015). Moscow: [b. i.]. 444 p. ISBN 978-5-89394-268-2. (In Russ.).
- Kulikova, A. K. (2023). On the question of the history of the development of Russian legislation on liability for torture and torture. *Law and law*, 11: 228—232. DOI: 10.24412/2073-3313-2023-11-228-232. (In Russ.).
- Morrison, A. (2008). Russian Rule in Samarkand 1868—1910. A Comparison with British India. *Oxford*, 7. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199547371.001.0001.
- Naumenko, O. N. (2020). Indigenous peoples of the North and the inquisitorial nature of prisons in Yamal and Yugra in the XVII — early XX centuries. *Bygone years*, 58 (4): 2315—2323. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2315. (In Russ.).
- Naumenko, O. N., Almukhametova, M. Sh., Pinigin, M. G. (2023). Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18th — Early 21st Centuries (Western Siberia). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 436—453. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453> (In Russ.).
- Obushiev, S. P., Umerova, G. B. (2007). Judicial policy in the national outskirts of the Russian Empire in the XIX century (Far East, Siberia, Steppe Pre-Caucasus, Transcaucasia, Kazakhstan and Central Asia). *Law and politics*, 5: 111—120. (In Russ.).
- Otegenov, H. (2019). To assess the uprisings in the Khanate of Khiva and the Amudarya department in 1916. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (59): 31—36. (In Russ.).

- Rachabov, S. O. (2022). Munosabati tirati diplomacy Rusiai podshoh Bo hungariae of ociee Marcas gift of charoite of Casati multiplicador. *Journal of the Academy uu*, 3 (43): 168—174. (In Tajik).
- Saifidinov, F. F. (2021). The formation of the institute of the victim in the Kokand and Khiva khanates, as well as the Bukhara Emirate. *Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*, 1 (49): 115—123. (In Russ.).
- Saliev, A. L. (2016). *Judicial policy of the Russian autocracy in the nomadic regions of Turkestan*. PhD Diss. Bishkek. 396 p. (In Russ.).
- Samigulov, G. H. (2018). New sources on the history of the murz Kulmametevs. *Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography*, 1 (40): 99—107. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-099-107. (In Russ.).
- Sartory, P. (2008). Judicial Elections as a Colonial Reform: The Qadis and Biys in Tashkent, 1868—1883. *Cahiers du Monde russe*, 49/1: 79—100. DOI: 10.2307/40419105.
- Sman, A. (2016). On law and human rights (historical and legal view). *International Scientific Journal*, 5 (33) / 2: 188—193. (In Russ.).
- Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents*. (2016). Moscow: Kuchkovo Pole. 878 p. ISBN 978-5-9950-0695-4. (In Russ.).
- Von Bertalanfy, L. (1968). *General System Theory. Foundations, Development, Applications*. New York: G. Braziller. 289 p.
- Yarzutkina, A. A. (2002). “Idolatry” of the Siberian Tatars: the history of studying the issue and the experience of systematization of ethnographic materials. In: *Turkic peoples: mater. V Siberian Symposium*. Omsk: OmGPU. 77—91. (In Russ.).
- Zarubina, K. A. (2023). Horse theft, as a dangerous criminal trade in pre-revolutionary Russia, or how were they punished for stealing horses? *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 9 (3): 61—65. (In Russ.).
- Ziyaev, H. (1968). *Uzbeks in Siberia (XVII—XIX centuries)*. Tashkent: Fan. 77 p. (In Russ.).

*The article was submitted 19.04.2024;
approved after reviewing 15.06.2024;
accepted for publication 24.06.2024.*

Информация для цитирования:

Озтюрк М. Сталинградская битва: отражение событий и оценка в турецкой прессе периода Второй мировой войны / М. Озтюрк, М. М. Вагабов, А. А. Газиева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 456—474. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-456-474.

Öztürk, M., Vagabov, M. M., Gazieva, A. A. (2024). Battle of Stalingrad: Reflection of Events and Evaluation in Turkish Press during Period of World War II. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 456-474. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-456-474. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сталинградская битва: отражение событий и оценка в турецкой прессе периода Второй мировой войны

Озтюрк Мустафа¹

orcid.org/0000-0002-3974-7924

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра международных отношений,
факультет экономики и управления
mustafaozturk@akdeniz.edu.tr

Вагабов Махач Мустафаевич²

orcid.org/0000-0002-6949-9490

доктор исторических наук, профессор
кафедры гуманитарных дисциплин
9162803@mail.ru

Газиева Абидат Абдулаевна³

orcid.org/0000-0002-8109-2861

младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии
и этнографии,

корреспондирующий автор

gazieva.abidat@mail.ru

¹ Университет Акдениз
(Анталия, Турция)

² Московский
политехнический университет
(Москва, Россия)

³ Дагестанский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук
(Махачкала, Россия)

Battle of Stalingrad: Reflection of Events and Evaluation in Turkish Press during Period of World War II

Mustafa Öztürk¹

orcid.org/0000-0002-3974-7924

PhD in History, Associate Professor,
Department of International Relations,
Faculty of Economics and Management
mustafaozturk@akdeniz.edu.tr

Makhach M. Vagabov²

orcid.org/0000-0002-6949-9490

Doctor of History, Professor
of the Department of Humanities
9162803@mail.ru

Abidat A. Gazieva³

orcid.org/0000-0002-8109-2861

junior research scientist,
Institute of History, Archaeology
and Ethnography,

Corresponding author

gazieva.abidat@mail.ru

¹ Akdeniz University
(Antalya, Türkiye)

² Moscow Polytechnic University
(Moscow, Russia)

³ Daghestan Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Makhachkala, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу репрезентации Сталинградской битвы на страницах турецкой печати. Источниковой базой исследования послужили газеты региональных турецких изданий, функционирующие в годы Второй мировой войны, материалы которых, освещающие Сталинградскую битву, вводятся в научный оборот впервые. В исследовании показано, что турецкое правительство избежало негативного воздействия напряженной дипломатической атмосферы военного периода. Однако по этой причине газеты, которым было поручено предоставлять населению точную информацию, в первые годы войны подвергались цензуре и ограничениям. После успеха Красной Армии на Сталинградском фронте освещение вопросов войны на страницах турецкой прессы резко изменилось в пользу СССР, стало более объективным. Новизна исследования видится в новом ракурсе поставленной исследовательской задачи. Вводятся в научный оборот новые источники турецкой периодики. Авторы приходят к выводу о том, что политика двойственности в дипломатии Турции имела четкую проекцию на страницы газет, которые подвергались жесткой цензуре и были вынуждены работать в соответствии с государственными установками.

Ключевые слова:

пресса; газеты; Сталинградская битва; международные отношения; Турция; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article delves into the representation of the Battle of Stalingrad in the pages of the Turkish press. Drawing upon regional Turkish newspapers from the years of World War II, materials shedding light on the Battle of Stalingrad are introduced into scholarly discourse for the first time. The study reveals that the Turkish government managed to navigate the tense diplomatic atmosphere of the war-time period effectively. However, this led to censorship and restrictions imposed on newspapers tasked with providing accurate information to the population during the early war years. Following the Red Army's success on the Stalingrad front, coverage of war-related issues in the Turkish press shifted significantly in favor of the USSR, becoming more objective. The novelty of the research lies in a fresh perspective on the research question posed. New sources from Turkish periodicals are introduced into scholarly circulation. The authors conclude that Turkey's policy of diplomacy duality had a clear impact on newspaper pages, subjecting them to strict censorship and requiring alignment with state directives.

Key words:

press; newspapers; Battle of Stalingrad; international relations; Turkey; USSR.

УДК 94(47).084.8:070(410)“1942/1943”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-456-474

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сталинградская битва: отражение событий и оценка в турецкой прессе периода Второй мировой войны

© Озтюрк М., Вагабов М. М., Газиева А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Вопрос освещения места и роли Советского Союза во Второй мировой войне по материалам зарубежных средств массовой печати является весьма актуальным, так как изучение прессы того периода раскрывает различные аспекты внешнеполитических ориентиров государства, особенности внутреннего курса в условиях войны, а также позволяет проследить геостратегическую инициативу в контексте исторического процесса.

В рамках данной темы особый интерес представляют газетные, журнальные публикации турецкого медиаполя, освещавшие ход Сталинградской битвы.

Целью данного исследования является глубокий анализ имеющейся в нашем распоряжении турецкой прессы периода Сталинградской битвы.

Аналогичные исследования на основании отечественных газет и журналов встречаются среди работ современных российских историков. Так, освещению хода событий, мужеству бойцов и смене тактической инициативы посвящено исследование В. И. Горбенко [Горбенко, 2023]. Анализу американской прессы о событиях в Сталинграде 1942—1943 годов посвящена статья А. Шепеля [Шепель]. В статье коллектива авторов М. Озтюрка, Ю. Г. Кокориной, М. М. Вагабова раскрывается вопрос репрезентации Сталинградской битвы на страницах региональной прессы Великобритании [Озтюрк и др., 2024].

Проблемы отражения событий битвы на Волге в мировой прессе стали предметом обсуждения на 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы, которая проходила в Москве 23 октября 2023 года [Сталинградская битва..., 2023]. Мы в своем исследовании обращаем внимание на турецкую прессу и ее видение событий Сталинградской битвы, в чем заключается принципиальная новизна исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой исследования стали газетные статьи региональных турецких печатных изданий. Нами были выбраны турецкие СМИ с наиболее крупным тиражом выпуска, имеющие различную политическую ориентацию — «Нация», «Республика», «Родина», «Время», «Новое утро», «Вечер», «Тасвир-и Эфкар», материалы которых впервые вводятся в научный оборот. В исследовании анализируется содержание выпусков периода Сталинградской битвы, а также рассматривается вопрос политической ориентации турецких печатных изданий в годы Второй Мировой войны в контексте дипломатии Турции и геополитических установок государственной политики.

В качестве основного метода исследования нами используется историко-типологический, который позволяет рассматривать турецкие газеты и их содержание в контексте дипломатии и боевых действий Второй мировой войны.

Типологический анализ турецкой прессы позволяет выявить ряд критериев, раскрывающих место и роль печатного органа в политической жизни страны, его региональную специфику (в соответствии с потребностями определенного региона Турции), политическую ориентацию газеты. Такой анализ позволяет понять цели и задачи издания, влияние его на формирование государственной информационной среды.

Данная тема не исследовалась ранее, что подчеркивает ее научную значимость. Турция продолжала свои дипломатические усилия, чтобы держаться в стороне от Второй мировой войны. Она решила управлять своей внешней политикой и деятельностью средств массовой информации, формирующих общественность, в соответствии с этой стратегией. Ключевым фактором, определяющим политическую ориентацию газет, является состояние войны и желание правительства держаться дальше от войны.

Именно и турецкое правительство, пришедшее к власти, пытались держать прессу под контролем с помощью принятых ими законов. Оппозиционные СМИ были закрыты. В этом процессе одним из методов контроля над прессой были депутаты-журналисты. Журналисты, избранные членами парламента, также получили возможность заниматься журналистской деятельностью в соответствии с законом, принятым правительством. Через депутатов-журналистов взгляды однопартийного режима доносились до соотечественников и представителей зарубежной общественности.

Во время Второй мировой войны в Великом национальном собрании Турции работали 75 депутатов-журналистов. Среди этих депутатов доля авторов (пишущих для изданий) и главных редакторов, определяющих общую публикационную политику, была выше, чем репортеров. В рассма-

триваемые годы 53 % журналистов, входивших в состав Великого национального собрания Турции, были владельцами газет, писателями и редакторами; 39 % из них — репортеры [Tahsin Banguoğlu, 1986].

Печатные СМИ Турции, в начальный период Второй мировой войны занимавшие нейтральную позицию, стремились представить обе стороны конфликта, оба военно-политических блока. В период господства Оси проводилась политика, близкая к немцам, и эта она также нашла отражение в трудах депутатов-журналистов. После того, как союзники начали брать верх, в статьях депутатов-журналистов снова нашла выражение просоюзническая ориентация.

В рамках данной темы на сегодняшний день нуждается в освещении вопрос о том, какое отношение к СССР транслировалось на страницах печатных изданий Турции. Все газеты, за исключением «Джумхуриет», «Тасвир-и Эфкар» и «Икдам», объявили своим читателям о начале войны в соответствии с политикой правительства в тот период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общее состояние дипломатических отношений между Турцией и СССР перед Сталинградской битвой

Начало Второй мировой войны в Европе в 1939 году сильно обеспокоило Турцию. Страна, которая не смогла восстановить экономику после Первой мировой войны, имела доход в размере 250 миллионов лир и ежегодные расходы в размере 248 миллионов лир. Развитие оборонного комплекса турецкого государства зависело от европейских поставок оружия.

Обстоятельства приема министра иностранных дел Турции Шюкрю Сарачоглу во время его визита в Москву в октябре 1939 года и подписание германо-советского договора о ненападении привели к определенной потере доверия Турции к Советскому Союзу. Обеспокоенная тем, что баланс сил в Европе может качнуться в пользу Советского Союза, если союзными силами удастся победить Германию, Турция начала проводить еще более осторожную дипломатическую линию [Önder, 2010, S. 136].

В своем вступительном слове перед парламентом 1 ноября 1939 года президент Турции Исмет Иненю упомянул о визите Сарачоглу в Москву и заявил, что, хотя они (турецкая сторона) хотели укрепить двусторонние отношения и подписать соглашение в рамках взаимной выгоды, но этого не произошло. Несмотря на это, он выразил решимость Турции поддерживать отношения с Советским Союзом следующими словами: «Вы знаете, что дружба между двумя соседними странами основана на твердых принципах. Условия и невозможности, вытекающие из временных потребностей этого периода, не должны нарушать эту дружбу. Мы будем искренне

следовать дружественному курсу турецко-советских отношений как в прошлом, так и в настоящем» [TBMM ZABIT CERIDESI, 1939, S. 3].

Было принято решение, что министр иностранных дел Турции Сарачоглу посетит Москву с делегацией для проведения серии встреч. При этом незадолго до присоединения к переговорам Сарачоглу сказал послу Германии Папену, что он «скорее пойдет на риск войны с Москвой, чем сдастся советской диктатуре», [Deringil, 2000, S. 92]. Эти шаги во всей их противоречивости свидетельствуют об избранной турецким правительством политике лавирования и о его прогерманском настрое.

Во время советско-турецких переговоров И. Сталин и В. Молотов сообщили Сарачоглу, что соглашение, которое должно быть заключено с Турцией на основании действующего советско-германского соглашения, может быть принято только при наличии пунктов, препятствующих вступлению турецкой республики в возможную войну с Германией. В результате встреч был разработан предварительный протокол из одиннадцати статей, включавший совместную оборону проливов и не позволявший проходить через проливы военным кораблям государств, не имеющих выхода к побережью Черного моря. Однако Сарач оглу завершил переговоры, заявив, что это противоречит Конвенции Монтрё. Таким образом, за три недели переговоров не удалось достичь никакого результата [Önder, 2010, S. 35]. Данные переговоры показали зависимое положение турецкого правительства от Германии.

Сложившаяся геополитическая ситуация способствовала турецко-британскому сближению. После возвращения Сарачоглу из Москвы Турция, желая соблюсти международный баланс сил, подписала Тройственный пакт с Англией и Францией. Советский Союз не одобрил это соглашение и через некоторое время известил о решении прекратить поставки нефти в Турцию. Заместитель министра иностранных дел СССР В. Молотов резюмировал: «Поступая таким образом, Турция продвигала свою политику благоразумного нейтралитета и была вовлечена в развязывание европейской войны... Пожалее ли когда-нибудь Турция об этом шаге?» [Armaoğlu, 2010, S. 148].

В июле 1940 года, когда немцы опубликовали документы, подтверждающие, что Турция разрешила самолетам союзных государств проходить через воздушное пространство с целью бомбить бакинскую нефть, посол в Москве — Актай — предпринял некоторые попытки исправить сложившуюся политическую ситуацию. На встрече с С. А. Лозовским 11 июля, представив доказательства того, что документы, о которых идет речь, были фальсифицированы, он подчеркнул: «Лучшая мера, чтобы избежать этой пагубной уловки, — это чтобы обе стороны установили более тесный контакт друг с другом и говорили с открытым сердцем» [Türkiye..., 1973, S. 94].

В телеграмме, отправленной в Лондон 2 ноября 1940 года, английский посол Х. Хугессен, основываясь на информации, полученной со слов Менеменджи оглу, сообщал, что Турция проделывает определенную работу, чтобы покупать военную технику и нефть у Советского Союза [Deringil, 2000, S. 107]. Это подтверждает попытки Турции уже в тот период смягчить отношения с Советским Союзом.

3.2. Влияние Сталинградской битвы на внешнюю политику Турции

Пока Турция продолжала придерживаться своего курса осторожной дипломатии, чтобы не оказаться зажатой между двумя мощными международными блоками, произошло событие, кардинально изменившее расстановку сил: нападение Германии на Советский Союз. Многие военные историки Турции, изучавшие Вторую мировую войну, как и ученые других стран, считают нападение Гитлера на СССР 22 июня 1941 года крупной военно-стратегической ошибкой, что отражено в турецкой исторической литературе [Armaoğlu, 2010; Oran, 2003; Hüner, 2012].

В турецкой прессе исследуемого периода эта ситуация сравнивалась с московской кампанией Наполеона 1812 года [Tasvir-i Efkâr, 1942, S. 1]. Гитлеровская операция «Барбаросса» была решением, сопряженным с большими рисками [Beevor, 2020, S. 35]. В турецкой исторической науке ряд исследователей занимают критическую позицию в отношении действий немецкого военного командования и политического руководства того периода.

Первый год войны наглядно продемонстрировал все просчеты военного прогнозирования и избранных немецким руководством стратегий. Не сумев добиться блестящей победы в блокаде Ленинграда, Германия сконцентрировала силы на сталинградском направлении, но вскоре и здесь немецкая армия оказалась в тупиковом положении, попав в мертвую хватку советских войск. Длившаяся 200 дней — с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года — битва стала решающей во Второй мировой войне. Это был переломный момент. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года потери немецко-фашистских войск под Сталинградом составили более 800 тысяч человек. За все время этого масштабного противостояния немецко-фашистские войска потеряли около 1,5 млн солдат и офицеров [Beevor, 2020, S. 411—421]. С 1943 года Германия постепенно, но неуклонно утрачивала стратегическую инициативу во Второй мировой войне. После поражения Германии в феврале на всем восточном фронте начался общий упадок. После 5 июля 1943 года немцы предприняли очередную попытку наступления, но вновь безуспешно. Общее состояние упадка немецких войск еще усугубилось после начала наступательной операции СССР с 15 июля того же года [Koçak, 1986, S. 141].

Эта война на Волге была также войной идеологии и пропаганды. Ее основным инструментом была периодическая печать. В напряженные дни, когда не у всех было радио и радиотрансляции были ограничены, на первый план вышли газеты.

Газетные публикации были ключом к пониманию внешней политики государства. Любое масштабное событие освещалось мировыми печатными СМИ в разных ракурсах среди, с различных идеологических позиций. Подобная ситуация наблюдалась и в турецкой печати. Турецкое правительство информировало общественность о том, что происходит в воюющих странах, о международной политике, размещало сводки с полей боевых сражений, но это происходило под правительственным контролем и в первую очередь через государственные газеты с большим тиражом [Şeker, 2011, S. 13].

Через несколько дней после того, как Германия подписала с Турцией Соглашение о дружбе и ненападении [TBMM ZABIT CERIDESI, 1941], она напала на Советский Союз. 24 июня 1941 года посол Турции в Москве Актай передал в министерство иностранных дел СССР ноту о нейтралитете Турции перед лицом этой войны. С таким настроением Турция действовала в рамках договора о дружбе 1925 года и декларации от 25 марта 1941 года [Türkiye..., 1973, S. 123].

3.3. Турецкие газеты в рамках отношений правительства и прессы в годы войны

Турецкое правительство осознавало, что начало войны будет иметь для страны ужасные последствия. Анкара, не желавшая портить отношения с немцами [Trumpener, 1999, S. 129—153], в то же время нуждалась в дружбе с СССР, в частности, из-за вопроса эксплуатации черноморских проливов. Кроме того, для национальных интересов Турции было важно развивать дружественные дипломатические отношения с Францией и Англией в Средиземноморье, что не устраивало Германское правительство [Türkiye Siyasetinden..., 1939, S. 1].

Турция искала способы держаться в стороне от боевых действий, используя дипломатические инструменты больше, чем когда-либо прежде в своей истории [Millî Şefin, 1939, S. 1]. По этой причине, хотя в турецких газетах были талантливые редакторы и журналисты, они, несомненно, находились в тени политики.

В годы войны самыми читаемыми газетами в Турции были «Акшам», «Анадолу», «Сегодня», «Джумхуриет», «Хабер», «Сонтелеграф», «Тан», «Танин», «Гасвир-и Эфкар», «Улус», «Вакит», «Ватан», «Йени Асыр» и «Йени Сабах». Их деятельность регламентировалась «Законом о печати», принятым 25 июля 1931 года. Согласно этому закону, обновленная редакция которого вышла в 1938 году, правительство должно было осуществлять

контроль материалов при издании газет. Процедура цензуры будет отменена лишь в 1946 году. С началом войны усилилось давление правительства на прессу. В соответствии со статьей № 50 «Закона о печати», правительство могло действовать решительно в реалиях того времени: издание газет и журналов могло быть временно приостановлено по решению делегации исполнительных депутатов, если публикации затрагивали вопросы политики [Salimoğlu, 2022, S. 96]. На основании применения этой статьи закона было прекращено или приостановлено издание целого ряда газет.

Еще одним аспектом строгого контроля над прессой до конца Второй мировой войны было «военное положение», введенное 20 ноября 1940 года в шести провинциях, включая Стамбул. Властям было дано право закрывать газеты, издававшиеся в провинциях, где действовало военное положение. Большинство крупных владельцев газет и писателей также были депутатами народно-республиканской партии (далее НРП), которые следили за исполнением законов и постановлений, касающихся печатных изданий. В качестве примеров журналистов-депутатов можно привести Юнуса Нади («Джумхуриет»), Асыма Уса («Тайм»), Хусейна Джахита Ялчина («Танин»), Фалиха Рыфки Атая («Улус»). Невозможно было ожидать, что депутаты-журналисты станут в своих публикациях отклоняться от партийного курса и выскажут по какому-либо вопросу точку зрения, противоречащую внутрипартийной дисциплине НРП [Bakacak, 2002, S. 1—22].

Как можно видеть, *трехсторонняя сеть контроля*, сформированная правительством, военным положением и НРП, создавала значительное давление на турецкую прессу во время Второй мировой войны. На практике газеты «Ватан», «Акшам» и «Танин» в целом были на стороне Германии. «Тан» освещали события как в Германской печати, так и в Советской. «Джумхуриет» и «Тасвир-и Эфкар» казались прогерманскими. «Атсыз» и «Отюкен» — пресса туранистов и националистов — симпатизировали немцам. Представители правительства в своих выступлениях перед иностранной общественностью, заявляли, что турецкая пресса свободна, хотя это не соответствовало действительности.

Турецкая пресса была неофициальным рупором государства в период Второй мировой войны.

Таким образом, принцип беспристрастности был сохранен как видимость, и страны, с которыми Турция состояла в дипломатических отношениях, могли видеть достаточно объективную картину происходящих событий. Турецкая дипломатия, за которой следили на международной арене, обрела гибкость [Manka, 2008, S. 22—31].

Средний ежедневный тираж газет в Турции, население которой во время Второй мировой войны составляло 18 млн человек [Nüfusun dörtte...],

варьировался от 4000 экземпляров (Son Telgraf (Последняя телеграмма), İkdam (Подвеска)) до 12000—16000 экземпляров (Tan (Заря), Ulus (Нация), Cumhuriyet (Республика) [Çelik, 2018, S. 319].

Правительство поставило задачу унифицировать информационное поле печатных изданий, чтобы существенно ограничить разнообразие политических позиций. Полномочия правительства по закрытию газет в условиях военного положения время от времени использовались для этой цели [Kabacalı, 1990, S. 133—134] в исследуемый период. Так, по решению Государственного исполнительного комитета и Администрации Орфи было прекращено издание целого ряда газет [Güvenir, 1991].

Кроме закрытия множества газет, государство регламентировало всю структуру и содержание номеров. Правительством были наложены многочисленные запреты на неуместные публикации, редакциям газет давались строгие указания, на какой полосе печатать тот или иной материал, под каким заголовком, такая политика касалась даже прогноза погоды.

В этот период газета «Улус» ни разу не подвергалась ограничительным мерам, поскольку являлась печатным органом НРП, работала в условиях самоцензуры. Однако следует отметить, что при изучении содержания статей этой газеты за данный период мы не обнаружили ни новостей, ни комментариев о цензурных практиках в печати. Эту ситуацию следует рассматривать как издательскую политику «Улуса» [Bakasak, 2002, S. 122—123].

Во время Второй мировой войны турецкие газеты «Акшам», «Ватан», «Танин» и «Тан» в целом поддерживали демократический фронт, а «Тасвир-и Эфкар» выступали за установление тесных отношений с Германией [Güvenir, 1991, S. 209—214], что проявлялось в их публикациях.

Следует отметить следующую практику государства в отношении СМИ. После снятия военного положения, давшего правительству неограниченную власть, газеты часто закрывались на длительный или короткий период времени [Çavdar, 2007, S. 462—465]. Газета «Джумхуриет» оставалась закрытой в продолжение 5 месяцев и 9 дней. Газета «Тан» была закрыта на 12 месяцев 13 дней, газета «Ватан» — на 7,5 месяцев 9 дней, «Тасвир-и Эфкар» — на 3 месяца, «Вакит» — на 12 дней, «Йени Сабах» — на 6 дней, «Акбаба» — на 47 дней, «СонПоста» — на 11 дней и «Хабер» — на 10 дней. В этот период многие печатные издания были закрыты. Среди них даже литературные журналы, не затрагивающие политических вопросов. Поводом к закрытию некоторых газет послужило то, что вместо *Советская Россия* было написано *Россия* [Sertel Zekeriyâ..., 1968, S. 208].

Зекерия Сертель, рассказывающий об этом периоде в своих мемуарах, указывал, что закрывались даже самые неполитизированные издания. Он упоминает, что Совет Министров, который имел право прекращать изда-

ние газет, часто использовал это право, редакции газет и журналисты были напуганы. Писать статьи в газеты и отстаивать неудобные мнения было довольно сложно. Он говорил: «Мы не могли высказывать свое мнение.... Мы задыхались от удушья» [Sertel, 1968, S. 209].

3.4. Отражение событий Сталинградского фронта в турецких газетах

В дни ожесточенных сражений между Германией и Советским Союзом под Сталинградом значительно увеличилось количество прогерманских статей в турецкой прессе. Таким образом, вера в то, что Германия выиграет войну, влияла на турецкое общественное мнение. Стоит отметить, что газеты, придерживающиеся антиправительственной и антигерманской ориентации, были закрыты.

Между тем в брошюре под названием «Игольная бочка» политика Германии в отношении евреев поддерживалась, хотя и неявно: турецким гражданам советовали не вести дела с евреями, а евреям советовали удалиться из секторов турецкой экономики. В газете «Тан» Сабиха Сертель публично выступает против подобных публикаций и излагает теоретические принципы и империалистические цели фашизма, не вступая в личную полемику. Кроме того, в своих статьях она подчеркивает, что, по Конституции Республики, каждый человек, проживающий на территории Турции, платящий налоги государству и выполняющий свои гражданские обязанности, независимо от расы, национальности или языка, считается гражданином. Кроме того, ее статьи привлекали внимание к газете «Тан», где они публиковались, в связи с ее заявлениями о том, что турецкий национализм является антиимпериалистическим национализмом и служит только для защиты национального существования от иностранного капитала, эксплуатирующего страну. В результате дискуссий, вызванных этими статьями, Управление печати и публикаций запретило Сабихе Сертель писать статьи для газеты «Тан» на два месяца [Vural, 2008, S. 386].

Битва под Сталинградом получала все более широкое и разностороннее освещение на страницах турецкой прессы.

Хотя немецкая армия впервые была вынуждена отступить после контратаки Советского Союза в ноябре-декабре 1941 года, в 1942 году она продолжила свои территориальные завоевания в южно-русском стратегическом районе вплоть до Волги и нефтяного района Северного Кавказа. Однако Сталинград сопротивлялся до зимы, заставив немцев пережить русскую зиму во второй раз с недостаточными припасами. В начале ноября, когда дороги достаточно промерзли, чтобы тяжелая военная техника могла передвигаться, советские танки взяли в окружение оставшиеся девяносто тысяч полумиллионной немецкой армии. Это было величайшее поражение немецкой армии, изменившее ход войны [Oran, 2001, S. 413].

Победа советских войск под Сталинградом и поражение в Северной Африке немецкого маршала Роммеля по прозвищу «Лис пустыни» сделали союзников более амбициозными, и давление на Турцию усилилось. От Турции ожидали вступления в войну. Англия старалась вовлечь Турцию в боевые действия для усиления своих позиций, а также чтобы в дальнейшем, после окончания войны, использовать Турцию, как противовес СССР, о чем и шла речь в Адане на встрече Черчилля и Инёню, которая закончилась 31 января 1943 года. Эти прогнозы и планы на самом деле проистекали из беспокойства о равновесии сил в Европе [Yalçın, 2011, S. 707—714].

В это время сталинградский фронт занял свое место на первых полосах почти всех газет, регулярно выходивших в Турции с первого дня войны. Это сражение носило решающий характер, ситуация оценивалась как критическая, ее результаты могли сильно повлиять на внешнюю политику и международное положение Турции.

Генерал в отставке Эмир Эркилет в своей колонке в газете «Джумхуриет» от 10 сентября 1942 года, в статье «Падение Новороссийска и Сталинградская операция» констатирует, что ситуация сложилась в пользу немцев. В той же газете в статье под названием «Советское военное коммюнике», напротив, сообщалось, что советские войска отходят на новые позиции на Сталинградском фронте. В статье «Германское военное извещение» приводились факты, что немцы захватили важную высоту недалеко от города и сбили 137 русских самолетов [Novorosisk'in Düşmesi ve..., 1942, S. 1] Такие разнохарактерные сообщения позволяют делать вывод о личной позиции журналиста и его политических взглядах как ключевом факторе репрезентации событий.

После Сталинградской битвы во внешнеполитических статьях Зеке-рия Сертеля стала ощущаться мягкая критика политики правительства в отношении Германии. В своих письмах от 18—19 августа 1943 года он уже открыто защищал политику, проводимую Советским Союзом [Sertel Zekeriya..., 1943, S. 1].

«Тасвир-и Эфкар», еще одна газета с большим тиражом, по меркам Турции того времени, делилась со своими читателями тем, что происходило на Сталинградском фронте.

27 октября 1942 года: «В районе Сталинграда идут очень ожесточенные бои» [Stalingrad bölgesinde..., 1942, S. 1].

23 ноября 1942 года: «Советская Армия предприняла ожесточенное наступление на Южном фронте» [Sovyet Orduları Güney..., 1942, S. 1]; «По сообщениям из Москвы, немецкие рубежи расколоты на фронте в 30 км севернее и 25 км южнее Сталинграда» [Askeri, 1942, S. 1].

24 ноября 1942 года: «Усилился советский натиск в районе Сталинграда» [Stalingrad bölgesinde..., 1942, S. 1]; «Четыре города отбиты у нем-

цев, 25-я немецкая дивизия находится под угрозой окружения советской армией, наступающей с севера и юга» [Stalingrad kesiminde Sovyet..., 1942, S. 1].

25 ноября 1942 года: По сообщениям англичан, три советские армии пытаются окружить немецкую армию численностью 300 тыс. человек. Потери немцев в Сталинграде составили 50 000 пленными и ранеными; «Советское наступление развивается, взято 5 городов» [Sovyet Taaruzu İnkişaf..., 1942, S. 1].

27 ноября 1942 года: «Наступление советских войск в Сталинграде ослабло, советские войска ведут ожесточенное наступление в центральной части фронта» [Askeri Vaziyet..., 1942, S. 1].

Данное печатное издание отображало реальное положение дел.

Газета «Вакит» от 25 декабря 1942 года указывает: «Советы снова взяли в плен 16 400 человек. Шесть крупных городов на Украине отвоеваны» [Sovyetler yeniden..., 1942, S. 1], — и упоминает об успехах советской армии на Дону. 29 декабря 1942 года газета «Вечер» под заголовком «Москва сообщает о новых и значительных достижениях» [Moskova Yeni ve Mühim..., 1942, S. 1] сообщает, что немцы были отброшены далеко назад к юго-западу от Сталинграда. Упоминалось, что советские войска находились на расстоянии 30 км от реки Дон и 100 км от города Ростов. 1 февраля 1943 года советское спецсообщение: «Главкомандующий сталинградской армией взят в плен. Генерал Паулюс был произведен в фельдмаршалы за несколько часов до плена» [Sovyet Hususi Tebliği..., 1943, S. 1]. Это было прямое сообщение о разгроме немцев на Сталинградском фронте.

В новостях газеты «Улус» на первой странице выпуска от 14 февраля 1943 года было два важных заголовка. В первой статье, с отсылкой к данным, предоставленным Москвой, сообщалось о взятии Новочеркасска, ст. Лихая, Зерово, Золочева и Новошахтинска, а также о том, что в Краснодаре немцы были отрезаны от Тамани и Новороссийска. В другой же статье говорилось: «По данным Берлина, Краснодар был эвакуирован по плану сокращения фронта. Советы потерпели поражение в атаках и были отбиты» [Moskova'ya Göre..., 1943, S. 1].

Сталинградская битва изменила ход войны. Победа СССР под Сталинградом сразу нашла отклик в турецких газетах. 2 февраля 1943 года журналист Орхан Рахми Гёкче в своей статье под названием «Немцам нужно чудо!», опубликованной в газете «Анадолу», отмечает, что в годовщину прихода к власти нацистского правительства в 1943 году произносил речь не Гитлер, как было в прежние годы, а министр пропаганды Геббельс. Журналист объясняет этот факт тем, что ни одно из данных Гитлером обещаний не выполнено, началось отступление немецких частей в Сталинграде.

де. Автор подчеркивает, что Германия показывала чудеса развития за последние десять лет, но эпоха чудес закончилась, и у Германии нет никакого плана, чтобы избежать опасности, в которой она находится [Bir Mucize Lazimdir..., 1943].

4. Заключение = Conclusions

Влияние итогов Сталинградской битвы на направление турецкой внешней политики очевидно. После того, как наметилась тенденция к поражению немцев на Сталинградском фронте, Турция стала проводить более смелую и объективную политику в отношении Германии. Война создала импульс в пользу Москвы во внешней политике Турции. В Анкаре сложилось мнение, что СССР станет сильнее после войны и начнет оказывать давление в связи со своим интересом к Черному морю, проливам и Кавказу. Хотя Турция формально объявила войну Германии и Японии 23 февраля 1945 года, но это имело лишь символическое значение для обеспечения ее участия в конференции в Сан-Франциско и вступления в ООН.

Поскольку Великобритания, с трудом восстанавливаясь после войны, частично утратила свои международные позиции, МИД Турции с того времени ориентировался все более и более на поддержку Вашингтона. Послевоенное усиление Советского Союза еще больше сблизило Турцию с Западом.

Турецкие печатные издания прошли трансформационный процесс за период Второй Мировой войны, что было обусловлено геополитическими установками правительства. В период боевых действий, особенно Сталинградской битвы, правительство страны следило за тем, чтобы освещение военных вопросов в газетных изданиях не выходило на первый план и чтобы преобладала местная тематика. Практика сдерживания и ангажирования печатных изданий носила повсеместный характер, послабления наметились только после победы на Сталинградском фронте — в вопросе освещения роли СССР во Второй мировой войне, а в целом демократические тенденции оформились уже после 1946 года, в некоторых регионах после 1947 года. Кроме мер правительственного контроля над печатными изданиями, свою деятельность вели депутаты-журналисты, которые отбирали, сортировали материалы газеты, не допуская в печать статьи, расходившиеся с официальным государственным курсом. Все издания, в зависимости от политических ориентаций, придерживались различных позиций в освещении событий Второй мировой войны, акцентируя внимание избирательно на тех или иных фактах и мнениях. Также важную роль в представлении информации с полей сражений играла личность самого автора, редактора, которые, в зависимости от личных политических взгля-

дов, презентовали новостные сводки в соответствующем ракурсе. Сталинградская битва в репрезентации турецкой печати стала индикатором смены внешнеполитического курса турецкого правительства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Шепель А.* Сталинград в аду : о чем писали газеты США [Электронный источник] / А. Шепель. — Режим доступа : <https://naukatehnika.com/stalingrad-v-adu-o-chem-pisali-gazetyi-ssha.html> (дата обращения 01.03.24).
2. *Askeri Vaziyet. Tasvir-i Efkâr.* — 25 Kasım 1942. — S. 1.
3. *Bir Mucize Lazımdır Amma! Anadolu Gazetesi.* — 2 Şubat 1943.
4. *Milli Şefin Dünkü Nutku, Vakıt.* — 2 Kasım 1939. — S. 1.
5. *Moskova Yeni ve Mühim Muvaffakiyetler Bildiriyor, Akşam.* — 29 Aralık 1942. — S. 1.
6. *Moskova'ya Göre, Ulus.* — 14 Şubat 1943. — S. 1.
7. *Novorosisk'in Düşmesi ve Stalingrad Harekâtı. Cumhuriyet.* — 10 Eylül 1942. — S. 1.
8. *Nüfusun dörtte biri kentlerde yaşarken dörtte üçü kırdı yaşamaktaydı. Statistica-Indicators 1923—2009* [Electronic resource]. — Access mode : https://web.archive.org/web/20160129141153/http://www.tuik.gov.tr/yillik/Ist_gostergeler.pdf (accessed 11.10.2023).
9. *Sertel Zekeriya, Tan Gazetesi.* — 18 Ağustos 1943. — S. 1.
10. *Sertel Zekeriya, Hatırladıklarım.* — İstanbul : Yaylacık Kitabevi, 1968. — 310 s.
11. *Sovyet Hususi Tebliği: Stalingrad Ordusu Baş Komutanı esir edildi. General Pavlus esaretinden birkaç saat evvel mareşalliğe terfi etmişti*”, Vakıt. — 1 Şubat 1943. — S. 1.
12. *Sovyet Orduları Güney Cephesinde şiddetli bir taarruza geçtiler*”, Tasvir-i Efkâr. — 23 Kasım 1942. — S. 1.
13. *Sovyet Taarruzu İnkişaf ediyor*”, Tasvir-i Efkâr. — 25 Kasım 1942. — S. 1.
14. *Sovyetler yeniden 16400 esir aldılar. Altı büyük şehir geri alındı ve Ukrayna'ya girildi*”, Vakıt. — 25 Aralık 1942. — S. 1.
15. *Stalingrad bölgesinde Sovyet baskısı şiddetini arttırdı*”, Tasvir-i Efkâr. — 24 Kasım 1942. — S. 1.
16. *Stalingrad kesiminde Sovyet taarruzları devam ediyor*”, Tasvir-i Efkâr. — 24 Kasım 1942. — S. 1.
17. *Tahsin Banguoğlu. Milli Şef Dönemi Hatıraları // Tercüman.* — 17 Mayıs 1986.
18. *Tasvir-i Efkâr.* — 23 Kasım 1942. — S. 1.
19. *TBMM ZABIT CERİDESİ* [Parliament Chambers]. — 1.11.1939. — S. 3.
20. *TBMM ZABIT CERİDESİ* [Parliament Chambers]. — D.6, İ.2, Cilt : 19, 25.06.1941.
21. *Türkiye Siyasetinden Almanlar Memnun Değillermiş*”, Vakıt. — 8 Ekim 1939. — S. 1.

Литература

1. *Горбенко В. И.* Битва под Сталинградом на страницах газеты «Красная звезда» (к 80-летию Сталинградской битвы) / В. И. Горбенко // Гуманитарная подготовка в медицинском вузе : проблемы и перспективы : материалы межвузовской научно-практиче-

ской конференции. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. — С. 48—54.

2. *Озтюрк М.* Сталинградская битва в зеркале региональной британской прессы (на материале газеты «Western Post», 1942—1943) / М. Озтюрк, Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 448—465. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-448-465>.

3. *Сталинградская битва : правда и вымыслы (по материалам мировой печати) : материалы 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы, Москва, 23 октября 2023 года.* — Москва : Московский политехнический университет, 2023. — 215 с. — ISBN 978-5-276-02819-4.

4. *Armaoğlu F. Yüzyıl Siyasi Tarihi / F. Armaoğlu.* — Ankara : Alkım Yayınevi, 2010. — 1200 s.

5. *Bakacak A. İkinci Dünya Savaşı Dönemi'nde Ulus Gazetesi'nin İç ve Dış Politika Değerlendirmeleri, Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi / A. Bakacak.* — Ankara : Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü, 2002. — S. 1—22.

6. *Bakacak A. İkinci Dünya Savaşı Dönemi'nde Ulus Gazetesi'nin İç ve Dış Politika Değerlendirmeleri, Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi / A. Bakacak.* — Ankara : Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü, 2002. — S. 122—123.

7. *Beevor A. Stalingrad / A. Beevor.* — İstanbul : Çev. Nurettin Elhüseyni, Yapı Kredi Yay, 2020. — 460 s.

8. *Çavdar T. İz Bırakan Gazeteler ve Gazeteciler / T. Çavdar.* — Ankara : İmge Kitabevi, 2007. — 559 s.

9. *Çelik A. İkinci Dünya Savaşı'nda Hükümet-Basın İlişkileri ve Gazeteci Mebuslar / A. Çelik* // Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2018. — Cilt 28, Sayı 2. — S. 315—331.

10. *Deringil S. Denge Oyunu / S. Deringil.* — İstanbul : Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2000. — 282 s.

11. *Güvenir M. Siyasala İktidarın Basını Denetlemesi ve Yönlendirmesi / M. Güvenir.* — İstanbul : Gazeteciler Cemiyeti Yayınları, 1991. — 236 s.

12. *Hüner T. İsmet İnönü'nün Dış Politikası (1938—1950) İkinci Dünya Savaşı'nda Türkiye / T. Hüner.* — İstanbul : Kaynak Yayınları, 2012. — 224 s.

13. *Kabacalı A. Başlangıçtan Günümüze Türkiye'de Basın Sansürü / A. Kabacalı.* — İstanbul : Gazeteciler Cemiyeti Yayınları, 1990. — 314 s.

14. *Koçak C. Türkiye'de Milli Şef Dönemi / C. Koçak.* — Ankara : Yurt Yayınevi, 1986. — Cilt : 11. — 573 s.

15. *Manka A. G. İkinci Dünya Savaşı Yıllarında Anadolu Ajansı'nın Dış Haber Politikası, T. C. Ankara Üniversitesi SBE Halkla İlişkiler ve Tanıtım Anabilim Dalı Yayımlanmamış Doktora Tezi [Un published PhD Thesis] / A. G. Manka.* — Ankara, 2008. — 234 s.

16. *Oran B. Türk Dış Politikası (1919—1980) / B. Oran.* — İstanbul : C. I, İletişim, 2001. — 1536 s.

17. *Oran B. Türk Dış PolitikasıI / B. Oran.* — İstanbul : İletişim Yayınları, 2003. — 900 s.

18. *Önder Z. İkinci Dünya Savaşı'nda Türk Dış Politikası / Z. Önder.* — Ankara : Bilgi Yayınevi, 2010. — 472 s.

19. *Salimoğlu M. Matbuat Kanunu'nun 50. Maddesi Odağında Türkiye'de Basın Özgürlüğü : Cumhuriyet Gazetesi Örneği (1945—1947) / M. Salimoğlu // Liberal Düşünce.* — 2022. — Sayı 107. — S. 95—129.

20. *Şeker K. “İnönü Dönemi Basın Hayatı ve 1948-50 Arasında CHP ile Muhalefet Arasında Basın Alanında Yaşanan Tartışmalarda Merzifon Örneği” / K. Şeker // SDÜ Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi.* — 2011. — S. 42—43.

21. *Trumpener U.* “Almanya ve Osmanlı İmparatorluğu’nun Sonu” / *U. Trumpener // Osmanlı İmparatorluğu’nun Sonu ve Büyük Güçler.* — İstanbul : Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1999. — S. 129—153.
22. *Türkiye Dış Politikasında 50. Yıl İkinci Dünya Savaşı Yılları (1939-1946) / Dışişleri Bakanlığı. Araştırma ve Siyaset Planlama.* — Ankara : Genel Müdürlüğü, 1973. — 316 s.
23. *Vural M. K.* “İkinci Dünya Savaşı Türkiye’sinde Bir Muhalefet Örneği Olarak “TAN” Gazetesi” / *M. K. Vural // ÇTTAD.* — 2008. — VII/16-17. — S. 381—395.
24. *Yalçın O.* “İkinci Dünya Savaşında İsmet İnönü ve Churchill Arasında Yapılan Adana Görüşmesi” / *O. Yalçın // Atatürk Yolu Dergisi.* — 2011. — Cilt 12 Sayı 47. — S. 701—731.

*Статья поступила в редакцию 12.12.2023,
одобрена после рецензирования 03.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.*

Material resources

- Askeri Vaziyet. (1942). *Tasvir-i Efkâr.* 25 Kasım. S. 1. (In Turk.).
- Bir Mucize Lazımdır Amma! (1943). *Anadolu Gazetesi.* 2 Şubat. (In Turk.).
- Milli Şefin Dünkü Nutku, Vakıt. (1939). 2 Kasım. S. 1. (In Turk.).
- Moskova Yeni ve Mühim Muvaffakiyetler Bildiriyor. (1942). *Akşam.* 29 Aralık. S. 1.
- Moskova’ya Göre, Ulus. (1943). 14 Şubat. S. 1. (In Turk.).
- Novorosisk’in Düşmesi ve Stalingrad Harekâtı. (1942). *Cumhuriyet.* 10 Eylül. S. 1. (In Turk.).
- Nüfusun dörtte biri kentlerde yaşarken dörtte üçü kırdı yaşamaktaydı. *StatisticalIndicators 1923—2009.* Available at: https://web.archive.org/web/20160129141153/http://www.tuik.gov.tr/yillik/Ist_gostergeler.pdf (accessed 11.10.2023). (In Turk.).
- Sertel Zekeriya, Tan Gazetesi. (1943). 18 Ağustos. S. 1. (In Turk.).
- Sertel Zekeriya. (1968). *Hatırladıklarım.* İstanbul: Yayılcık Kitabevi. S. 208. (In Turk.).
- Shepel, A. *Stalingrad in Hell: what the US newspapers wrote about.* Available at: <https://naukatehnika.com/stalingrad-v-adu-o-chem-pisali-gazetyi-ssha.html> (accessed 01.03.24). (In Russ.).
- Sovyet Hususi Tebliği: Stalingrad Ordusu Baş Komutanı esir edildi. General Pavlus esaretinden birkaç saat evvel mareşallığe terfi etmişti”. (1943). *Vakit.* 1 Şubat. S. 1. (In Turk.).
- Sovyet Orduları Güney Cephesinde şiddetli bir taarruza geçtiler”, *Tasvir-i Efkâr.* (1942). 23 Kasım. S. 1. (In Turk.).
- Sovyet Taarruzu İnkişaf ediyor”, *Tasvir-i Efkâr.* (1942). 25 Kasım. S. 1. (In Turkish.).
- Sovyetler yeniden 16400 esir aldılar. (1942). Altı büyük şehir geri alındı ve Ukrayna’ya girildi”. *Vakit.* 25 Aralık. S. 1. (In Turk.).
- Stalingrad bölgesinde Sovyet baskısı şiddetini arttırdı”. (1942). *Tasvir-i Efkâr.* 24 Kasım. S. 1. (In Turk.).
- Stalingrad kesiminde Sovyet taarruzları devam ediyor”. (1942). *Tasvir-i Efkâr.* 24 Kasım. S. 1. (In Turk.).
- Tahsin Banguoğlu. (1986). Milli Şef Dönemi Hatıraları. In: *Tercüman.* 17 Mayıs. (In Turk.).
- Tasvir-i Efkâr.* (1942). 23 Kasım. S. 1. (In Turk.).
- TBMM ZABIT CERİDESİ. (1939). 1.11. S. 3. (In Turk.).
- TBMM ZABIT CERİDESİ. (1941). D.6, İ.2, Cilt: 19, 25.6. (In Turk.).
- Türkiye Siyasetinden Almanlar Memnun Değillermiş”. (1939). *Vakit.* 8 Ekim. S. 1. (In Turk.).

References

- Armaoğlu, F. (2010). *Yüzyıl Siyasi Tarihi*. Ankara: Alkım Yayınevi. 1200 s. (In Turk.).
- Bakacak, A. (2002). *İkinci Dünya Savaşı Dönemi'nde Ulus Gazetesi'nin İç ve Dış Politika Değerlendirmeleri, Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi*. Ankara: Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü. 1—22. (In Turk.).
- Bakacak, A. (2022). *İkinci Dünya Savaşı Dönemi'nde Ulus Gazetesi'nin İç ve Dış Politika Değerlendirmeleri, Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi*. Ankara: Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü. 122—123. (In Turk.).
- Battle of Stalingrad: Truth and Fiction (based on the materials of the world press): materials of the 5th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad, Moscow, October 23, 2023.* (2023). Moscow: Moscow Polytechnic University. 215 p. (In Russ.).
- Beevor, A. (2020). *Stalingrad*. İstanbul: Çev. Nurettin Elhüseyni, Yapı Kredi Yay. 460 s. (In Turk.).
- Çavdar, T. (2007). *İz Bırakan Gazeteler ve Gazeteciler*. Ankara: İmge Kitabevi. 559 s. (In Turk.).
- Çelik, A. (2018). İkinci Dünya Savaşı'nda Hükümet-Basın İlişkileri ve Gazeteci Mebuslar. *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 28 (2): 315—331. (In Turk.).
- Deringil, S. (2000). *Denge Oyunu*. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları. 282 s. (In Turk.).
- Gorbenko, V. I. (2023). The Battle of Stalingrad on the pages of the newspaper Krasnaya Zvezda (to the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad). In: *Humanitarian training at a medical university: problems and prospects. Materials of the interuniversity scientific and practical conference*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. 48—54. (In Russ.).
- Güvenir, M. (1991). *Siyasala İktidarın Basını Denetlemesi ve Yönlendirmesi*. İstanbul: Gazeteciler Cemiyeti Yayınları. 236 s. (In Turk.).
- Hüner, T. (2012). *İsmet İnönü'nün Dış Politikası (1938—1950) İkinci Dünya Savaşı'nda Türkiye*. İstanbul: Kaynak Yayınları. 224 s. (In Turk.).
- Kabacalı, A. (1990). *Başlangıçtan Günümüze Türkiye'de Basın Sansürü*. İstanbul: Gazeteciler Cemiyeti Yayınları. 314 s. (In Turk.).
- Koçak, C. (1986). *Türkiye'de Milli Şef Dönemi, II*. Ankara: Yurt Yayınevi. 573 s. (In Turk.).
- Manka, A. G. (2008). *İkinci Dünya Savaşı Yıllarında Anadolu Ajansı'nın Dış Haber Politikası, T.C. Ankara Üniversitesi SBE Halkla İlişkiler ve Tanıtım Anabilim Dalı Yayımlanmamış Doktora Tezi, [Un published PhD Thesis]*. Ankara. 234 s. (In Turk.).
- Oran, B. (2001). *Türk Dış Politikası (1919—1980)*. İstanbul: C. I. İletişim. 1536 s. (In Turk.).
- Oran, B. (2003). *Türk Dış Politikası I*. İstanbul: İletişim Yayınları. 900. (In Turk.).
- Önder, Z. (2010). *İkinci Dünya Savaşı'nda Türk Dış Politikası*. Ankara: Bilgi Yayınevi. 472 s. (In Turk.).
- Öztürk, M., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2024). Stalingrad Battle in Mirror of Regional British Press (*Western Post Newspaper, 1942—1943*). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 448—465. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-448-465> (In Russ.).
- Salimoğlu, M. (2022). Matbuat Kanunu'nun 50. Maddesi Odağında Türkiye'de Basın Özgürlüğü: Cumhuriyet Gazetesi Örneği (1945—1947). *Liberal Düşünce*, 107: 125—129. (In Turk.).
- Şeker, K. (2011). “İnönü Dönemi Basın Hayatı ve 1948-50 Arasında CHP ile Muhalefet Arasında Basın Alanında Yaşanan Tartışmalarda Merzifon Örneği”. In: *SDÜ Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 42—43. (In Turk.).

- Trumpener, U. (1999). “Almanya ve Osmanlı İmparatorluğu’nun Sonu”. In: *Osmanlı İmparatorluğu’nun Sonu ve Büyük Güçler*. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları. 129—153. (In Turk.).
- Türkiye Dış Politikasında 50. Yıl İkinci Dünya Savaşı Yılları (1939-1946) Republic of Turkish ministry of foreign affairs* (1973). 316 s. (In Turk.).
- Vural, M. K. (2008). “İkinci Dünya Savaşı Türkiye’sinde Bir Muhalefet Örneği Olarak “TAN” Gazetesi”. *ÇTTAD. VII/16-17*: 381—395. (In Turk.).
- Yalçın, O. (2011). İkinci Dünya Savaşında İsmet İnönü ve Churchill Arasında Yapılan Adana Görüşmesi. *Atatürk Yolu Dergisi, 12 (47)*: 701—731. (In Turk.).

*The article was submitted 12.12.2023;
approved after reviewing 03.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*

Информация для цитирования:

Сагимбаев А. В. Фактор коммунализма в эволюции политической ситуации в Британской Индии (1920—1930-е годы) / А. В. Сагимбаев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 475—493. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-475-493.

Sagimbaev, A. V. (2024). Communalism Factor in Evolution of Political Situation in British India (1920s-1930s). *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 475-493. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-475-493. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Фактор коммунализма в эволюции политической ситуации в Британской Индии (1920—1930-е годы)

Сагимбаев Алексей Викторович

orcid.org/0000-0002-1872-7297

доктор исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории
и международных отношений
sagimbaev@yandex.ru

Брянский государственный
университет имени академика
И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 23-28-00293,
<https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

Communalism Factor in Evolution of Political Situation in British India (1920s-1930s)

Alexey V. Sagimbaev

orcid.org/0000-0002-1872-7297

Doctor of History, Associate Professor,
Department of General History
and International Relations
sagimbaev@yandex.ru

Bryansk State Academician
I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out
with the financial support
of the Russian Science Foundation
project № 23-28-00293,
<https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются отдельные аспекты сложных политических процессов, происходивших в межвоенные десятилетия в Британской Индии и послуживших основой для последующей деколонизации Индостана. На основании анализа документальных источников и произведений дается обобщенная характеристика факторов формирования индийского коммуналлизма, а также концептуальных взглядов его представителей в рассматриваемый период. Сделан вывод о противоречивом характере колониальной политики в рассматриваемый период. С одной стороны, она, способствуя формированию элементов политической культуры индийского общества, в то же время обусловила складывание основ будущей федеративной системы постколониальной Индии. С другой, она имела своей целью углубление раскола между различными этноконфессиональными и социальными группами индийского населения с целью закрепления контроля над ключевым звеном британской колониальной системы. Действия колониальных властей в немалой степени способствовали обострению к концу 1930-х годов взаимоотношений между ключевыми этноконфессиональными группами индийского населения и предопределили последовавшие после Второй мировой войны драматические процессы, связанные с разделом Британской Индии на два государственных образования, сложные отношения между которыми в немалой степени определяют современный характер международных отношений в Южной Азии.

Ключевые слова:

Британская Индия; национально-освободительное движение; коммуналлизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article delves into specific aspects of complex political processes that unfolded in the interwar decades in British India, serving as the foundation for the subsequent decolonization of Hindustan. Drawing from an analysis of documentary sources and literary works, a comprehensive overview is provided regarding the factors shaping Indian communalism and the conceptual perspectives of its proponents during the period under review. The study concludes on the contradictory nature of colonial policy during this period. On one hand, it contributed to the formation of elements of political culture within Indian society and to some extent laid the groundwork for India's future federative system. On the other hand, its aim was to deepen divisions among various ethno-confessional and social groups of the Indian population to solidify control over a key segment of the British colonial system. The actions of colonial authorities significantly exacerbated relations between key ethno-confessional groups of the Indian population by the late 1930s, setting the stage for the dramatic post-World War II processes leading to the partition of British India into two sovereign entities. The complex relations between these entities largely shape the contemporary character of international relations in South Asia.

Key words:

British India; nationalist movement; communalism.

УДК 94(54)“192/193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-475-493

Научная специальность ВАК

5.6.2. Всеобщая история

Фактор коммунализма в эволюции политической ситуации в Британской Индии (1920—1930-е годы)

© Сагимбаев А. В., 2024

1. Введение = Introduction

На протяжении нескольких столетий своего существования система колониализма претерпела достаточно сложный процесс эволюции, оказывая при этом громадное воздействие на мировые социально-экономические и политические процессы. На фоне вариативности моделей европейского колониализма британский колониализм отличался максимальной гибкостью, а также разнообразием форм и методов реализации собственного влияния. Динамика развития британской колониальной системы на протяжении длительного исторического периода представляла собой взаимодействие либерального и консервативного начал.

Типичным проявлением данного взаимодействия являлась политика правительства Великобритании в ключевой колонии, которая по праву признавалась стержнем империи, — в Британской Индии. В силу огромного стратегического значения, которое Индия имела в составе империи, её не могли не коснуться те важные изменения, которые начались в системе британского колониализма после окончания Первой мировой войны. Они отражали начало общего кризиса имперской системы и побуждали английскую политическую элиту к поиску новых форм и методов отстаивания традиционных колониальных интересов. Несмотря на определённые расхождения, представители либеральной и консервативной тенденций сходились в негативной оценке способности индийцев к управлению своей страной. Концентрация всей полноты власти в руках англичан объяснялась сложной этноконфессиональной и кастовой структурой населения Индии, косностью и консерватизмом мышления индийцев, основанного на традиционных религиозно-философских нормах, отсутствием у них элементов политической культуры в европейском её понимании. На фоне последовавшего за завершением Первой мировой войны подъема антиколониального движения британские власти стремились максимально использовать к своей выгоде возмужавшую политическую активность отдельных этноконфессиональных групп индийского

населения, и в первую очередь постепенно усиливавшийся индуистско-мусульманский антагонизм.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования являются этнополитические процессы на территории Британской Индии в межвоенный период. Предмет анализа — процессы эволюции идеологии индийского коммунизма в контексте административно-политических преобразований британских колониальных властей. В ходе исследования применялся системный подход, предполагающий диалектический способ рассмотрения исторических событий. На основе всестороннего анализа конкретно-исторических факторов, а также системной обработки доступной эмпирической и теоретической информации предполагается выявление характера и специфики процессов этнополитической консолидации в Британской Индии в межвоенные десятилетия.

Проанализирован ряд делопроизводственных и нормативно-правовых источников, содержащихся как в фондах Архива внешней политики Российской Федерации [АВП РФ, ф. 69], так и в опубликованных сборниках документов (Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History) [Documents ..., 2012]. Анализ данных источников позволяет детально и всесторонне осветить особенности политики англо-индийского правительства, а также охарактеризовать влияние административно-политических преобразований, проводившихся колониальными властями, на социально-политические процессы в индийском обществе.

Отдельные аспекты реализации британской колониальной стратегии и ее влияние на этнополитические процессы в Британской Индии явились предметом внимания ряда исследователей. Так, британский историк Д. Джадд [Judd, 2001] останавливается на характеристике идеологических основ британской колониальной экспансии и рассмотрении специфики её различных политико-правовых форм. В монографии британского исследователя Д. Э. Лоу «Британия и Индийский национализм: отпечаток двусмысленности, 1929—1942» [Low, 2002] детально рассматривается процесс развития национально-освободительного движения в Индии и характеризуется его роль в процессе нарастания кризисных тенденций в колониальном механизме Великобритании. На основе разнообразных по своему характеру источников, автор приходит к оригинальным выводам, характеризующим мотивы сложной трансформации стратегии британской правящей элиты в условиях резкого обострения ситуации в индийских владениях.

Изучению различных аспектов истории Индии колониального периода, в том числе этнополитических процессов, посвящены исследования индийских историков. В их ряду следует упомянуть труды Р. Гопала,

К. К. Тумаллы, Дж. Н. Сахни и др. [Gopal, 1957; Gopal, 1959; Krishna, 2003; Sahni, 1982] Для индийской историографии характерно в целом критичное осмысление опыта британского правления. В то же время в работах индийских исследователей уделяется значительное внимание анализу воздействия колониальной политики Великобритании на трансформацию традиционной структуры индийского социума, а также на процесс становления общественно-политических институтов Индии, важный этап которого пришёлся на межвоенные десятилетия.

Данная статья является продолжением начатого ранее исследования, связанного с анализом различных аспектов этноконфессиональной политики англо-индийского правительства на территории Британской Индии в начале XX века, а также ее воздействия на социально-политические процессы в индийском обществе [Сагимбаев, 2023, с.109—111]. В ней уделяется отдельное внимание процессу оформления идеологии коммуналлизма в контексте развития индийского национально-освободительного движения и эволюции стратегии колониальных властей в межвоенные десятилетия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социально-политический контекст складывания идеологии индийского коммуналлизма в 1920-х годах

В целях совершенствования системы управления в ключевом колониальном владении на завершающем этапе Первой мировой войны британским правительством было инициировано проведение в Британской Индии определенных административно-политических преобразований, предполагавших введение элементов федеративного устройства, включая создание в отдельных провинциях однопалатных законосовещательных советов и частично подотчетных им правительств [Government of India Act, 1919]. В рамках созданной в 1920 году избирательной системы сохранялись многие принципы куриального голосования, введённые в 1909 году в рамках реформы Морли-Минто [Сагимбаев, 2023, с. 111].

Реализация реформы Монтэгу-Челмсфорда на рубеже 1910—1920-х годов проходила на фоне резкой активизации антибританских протестов. Многих представителей британской администрации в Индии беспокоило возможное негативное воздействие начавшихся преобразований на общественно-политическую обстановку в различных индийских регионах, с учётом сложного этноконфессионального состава их населения. 9 марта 1922 года Э. Монтэгу было получено специальное послание англо-индийского правительства, в котором выражалась серьёзная тревога относительно возможного негативного влияния событий в Турции на настроения многочисленной мусульманской общины в Индии. «Мы чувствуем необ-

ходимость, — отмечалось в документе, — прояснить правительству Его Величества настроения индийцев, связанные с необходимостью пересмотра Севрского договора. Правительство Индии и Индийская гражданская служба находятся в сложной ситуации, поскольку вынуждены принять во внимание вклад индийских мусульман в наши военные усилия, а также их единодушную политическую позицию. Их можно свести к трём ключевым позициям: во-первых, это эвакуация Константинополя, во-вторых — признание сюзеренитета султана над мусульманскими святынями в Мекке и Медине, и, в-третьих — возвращение под турецкий контроль зоны проливов, Андрианополя (в источнике так. — *А. С.*) и Смирны. Выполнение всех трёх пунктов является абсолютно необходимым для сохранения политической стабильности в Индии [АВП РФ, Референтура по Англии, л. 35].

Специфика формирования индийского национально-освободительного движения в первые десятилетия XX века состояла в преобладании секуляристского компонента, ориентированного на сохранение индуистско-мусульманского единства. Тем не менее в последующем секуляристскому течению не удалось стать ключевым элементом развивающегося индийского политического движения и предотвратить раскол Британской Индии. Согласно имеющейся в историографии точке зрения, лидеры Индийского национального конгресса (ИНК) в период развития национально-освободительного движения не смогли принять во внимание всю глубину и сложность социально-экономических и идеологических факторов, определявших развитие коммуналистских тенденций. Не получила должного информационного обеспечения также политика ИНК в сфере преодоления кастовых различий и в борьбе против угнетения неприкасаемых.

Лидеры ИНК признавали этническое многообразие индийского населения. Основной проблемой развивавшегося в Британской Индии политического движения являлось отсутствие сложившейся политической индийской нации. С точки зрения видных идеологов партии задача формирования единой индийской идентичности предполагала детальный учет региональных конфессиональных, кастовых, этнических и языковых различий. В программных документах ИНК отмечалась необходимость поддержки автономистских настроений отдельных этнолингвистических групп в области сохранения собственного языка и культуры [Indian's Struggle ..., 2016, p. 330]. С 1921 года одним из важных элементов партийного строительства становится создание провинциальных и районных комитетов по лингвистическому принципу, а не в соответствии с навязанным колониальными властями полиэтническим административно-территориальным делением.

Индийское национально-освободительное движение после завершения Первой мировой войны складывалось как массовое народное движение,

объединившее представителей различных социальных страт и слоев индийского общества ради достижения общей объединяющей цели. В то же время разные слои индийского населения по-разному воспринимали цели антиколониальной борьбы. Исходя из специфики интересов отдельных этнических, конфессиональных, социальных групп индийского социума, руководство ИНК в межвоенный период было вынуждено маневрировать, выстраивая максимально широкую и в немалой степени аморфную стратегию деятельности после обретения независимости [Martin et al., 2015, p. 109].

Активное развитие общественно-политических процессов в Британской Индии в межвоенные десятилетия способствовало становлению идеологических и институциональных основ индийского коммунизма. Важным фактором данного процесса явилось растущее осознание различными слоями индийского общества религии в качестве важного механизма обеспечения социальной консолидации, а также реализации общих экономических, политических и культурных интересов. Одной из значимых особенностей формирования элементов политического движения в Британской Индии являлась их консолидация на базе определенных религиозно-ценностных систем. Религиозные общности являлись ключевыми элементами, влиявшими на трансформацию социальной структуры индийского общества. Социально-политическая активность индийцев была ориентирована преимущественно на реализацию корпоративных интересов религиозных общностей, консолидировавшихся в рассматриваемый период вокруг определенных политических движений и их лидеров.

Поликонфессиональный характер индийского общества порождал объективные расхождения политических, экономических, социокультурных интересов различных религиозных общин. Дополнительным фактором, способствовавшим углублению разногласий крупных конфессиональных групп индийского населения, являлась политика колониальных властей, стремившихся путем углубления внутриндийских противоречий ослабить потенциал растущего национально-освободительного движения [Юрлов и др., 2010, с. 66].

В условиях роста политической активности различных слоев индийского общества представители формировавшегося коммунизма пришли к убеждению в том, что интересы представителей различных конфессиональных групп индийского населения принципиально не могут быть совместимы друг с другом. В связи с этим они ставили под вопрос потенциальную возможность их дальнейшего политического сосуществования в рамках независимого индийского государства. Несмотря на враждебность в отношении друг друга индуистский, мусульманский и сикхский национализм складывались в Британской Индии на принципиально одинаковой основе.

В 1920-х — первой половине 1930-х годов коммунизм как партикулярная форма индийского национализма развивался преимущественно в умеренной, относительно либеральной форме. Основой идеологической концепции умеренного коммунизма являлась попытка сочетания ценностей национализма, либерализма и гуманизма. Исходя из собственного толкования объективных противоречий, существующих между крупными конфессиональными группами индийского населения, умеренные коммунисты признавали возможным формирование определенного «модуса вивенди», основанного на компромиссе общеиндийских интересов и устремлений отдельных религиозных общностей. Большинство коммунистских движений межвоенного периода, включая индуистскую партию Хинду Махасабха и Мусульманскую Лигу, функционировали в рамках умеренного коммунизма [Tummala, 1994, p. 570].

Поворотным моментом в эволюции индийского коммунизма стали события 1937 года, связанные с проведением выборов в провинциальные законодательные ассамблеи на основе нового закона об управлении Индией, а также формированием ответственных правительств на уровне отдельных провинций. Возникшие в процессе создания и последующей деятельности провинциальных правительств индуистско-мусульманские противоречия способствовали радикализации до того момента достаточно умеренных коммунистских настроений.

К концу 1930-х годов в рамках индуистских и мусульманских политических движений складывается представление о принципиально отличающихся друг от друга «индуистской» и «мусульманской» культурных традициях, находящихся под угрозой подавления и уничтожения. Естественным ответом на возникшие угрозы явилась идея о формировании на основе крупных конфессиональных общностей отдельных «политических наций», претендующих на создание собственной государственности. В отличие от умеренного направления, радикальные коммунисты не были ориентированы на поиск каких-либо точек соприкосновения в интересах различных конфессий. К концу 1930-х годов Мусульманская лига, Хинду Махасабха, Раштрия Сваямсевак Сангх (RSS) исходили из принципиального антагонизма индуистско-мусульманских отношений и невозможности эффективного поиска компромисса между позициями крупнейших в Индии религиозных общностей. Радикализация настроений в рамках коммунистского политического движения и все более заметная готовность его представителей к насильственным формам борьбы за реализацию своих настроений явились, в числе прочего, и следствием опосредованного влияния на внутрииндийские процессы обострявшейся международной ситуации.

Специфика формирования коммунализма, ставшего одним из важных политических процессов в Британской Индии межвоенного периода, предполагала акцент исключительно на религиозных различиях между отдельными конфессиональными группами. В то же время к концу 1930-х годов индуисты и мусульмане не имели принципиально отличающихся друг от друга социально-экономических интересов как на общеиндийском уровне, так и на уровне отдельных провинций.

Одним из первых центров формирования индийского коммунализма явился Пенджаб, где в период осуществления реформы Морли-Минто в 1909 году появилось движение «Хинду Сабха [Indian's Struggle ..., 2016, p. 303]. Его основатели У. Н. Макержи и Лала Чанд заложили многие важные основания идеологии и политической практики индийского коммунализма. Они подвергли жесткой критике ИНК, обвинив его руководство в попытке искусственно объединить индийцев в единую нацию и в «принесении в жертву индуистских интересов» ради умиротворения мусульман [Ihbert, 1922, p. 119—122]. В своей брошюре «Самоотречение в политике» Лала Чанд характеризовал ИНК как «несчастье, причиненное индусами самим себе» [The Hindu Nationalist ..., 2007, p. 133]. В связи с этим индуисты должны быть готовы к «очищению от яда и избавлению от зла». «Индуист, — подчеркивал Лала Чанд, — обязан не только верить, но и сделать неотъемлемой частью своего организма, своей жизни и своего поведения понимание того, что он в первую очередь индуист и лишь затем индеец» [Ibid., p. 138].

Первая сессия Хинду Махасабхи состоялась в апреле 1915 года под председательством махараджи Касима Базара. Первоначально коммуналистское движение не являлось значимым фактором политической ситуации в Британской Индии. Колониальные власти ориентировались на поддержку зарождавшегося мусульманского движения и негативно воспринимали индуистский коммунализм. Тем не менее неудачные административные преобразования лорда Керзона в Бенгалии и последующая реформа Морли-Минто способствовали активизации националистических тенденций в общественно-политической жизни ряда индийских провинций. В соответствии с особенностями введенной избирательной системы избиратели-мусульмане (а позднее сикхи и представители других религиозных групп) были распределены по отдельным избирательным округам, от которых только мусульмане могли выдвигать свои кандидатуры и в которых только мусульмане могли голосовать. Подобная система голосования превращала выборы и законодательные советы в арены для межобщинных конфликтов. Поскольку кандидаты выдвигались исключительно в рамках одной конфессиональной группы, в рамках предвыборной кампании им не нужно было апеллировать и искать поддержки у представителей других конфессий [Robinson, 1922, p. 119].

Важным импульсом к дальнейшему развитию индуистского коммунализма явился подъем индийского общественно-политического движения в годы Первой мировой войны и последовавшая затем кампания массового неповиновения, инициированная ИНК. Одновременно происходила и радикализации политических настроений мусульманской общины, связанная с движением в поддержку халифата. На фоне роста мусульманской политической активности в начале 1920-х годов произошло заметное усиление позиций Хинду Махасабхи, в политической программе которой все более заметное место занимала антимусульманская повестка. Своей ключевой целью партия провозглашала «поддержание, защиту и продвижение индуистской расы, индуистской культуры и индуистской цивилизации...» [Horne, 1922, p. 83].

Коммуналистские идеи оказывали заметное влияние на развивающееся индийское национально-освободительное движение, способствуя нарастанию в нем внутренних разногласий. Группа известных деятелей, включавшая Л. Рая, М. М. Малавию, Н. К. Келкара, поддержала лозунги Хинду Махасабхи, призвав вновь сформированные в рамках реформы Монтэгю-Челмсфорда провинциальные органы управления объединиться вокруг защиты индуистских общинных интересов. Сторонники более радикальных взглядов развернули кампанию критики руководства ИНК, обвиняя его в чрезмерных уступках требованиям мусульманских политических сил. Параллельно происходила постепенная радикализация настроений внутри мусульманской общины. Ряд представителей халифатского движения заняли непримиримую позицию в отношении ИНК, охарактеризовав его политику как стремление обеспечить доминирование индуистской общины и подчинить мусульман ее интересам. Коммуналисты заметно укрепили свои позиции в течение 1920-х годов на фоне сложностей в реализации административно-политических преобразований и роста протестной активности в различных регионах Британской Индии [Williamson, 1992, p. 83].

3.2. Коммуналистское движение в условиях обострения общественно-политической ситуации в Британской Индии на рубеже 1920—1930-х годов

В 1928 году в рамках реакции на деятельность комиссии Дж. Саймона представителями ряда индийских политических сил была предпринята попытка организации общенациональных конференций в целях урегулирования межобщинных противоречий и согласования позиций относительно разработки конституции Индии. В декабре 1927 года лидеры мусульманских политических движений по итогам переговоров в Дели сформулировали четыре основных требования: 1) Синд должен быть выделен в отдельную провинцию; 2) Северо-Западной пограничной провинции следует придать равный с другими провинциями конституционный статус; 3) мусульманам

необходимо предоставить треть мест в центральном законодательном совете; 4) в Пенджабе и Бенгалии доля представительства должна быть установлена в зависимости от процентного соотношения конфессиональных групп, обеспечивая, таким образом, мусульманское большинство, а в других провинциях, где мусульмане составляли меньшинство, для них должна быть сохранена система резервирования мест [Documents ..., 2012, p. 312].

Предложения ИНК, ставшие реакцией на итоги деятельности комиссии Дж. Саймона, были оформлены в докладе Дж. Неру, принятом общепартийным комитетом и утвержденном на съезде партии в декабре 1928 года. В данном документе впервые был зафиксирован принцип будущего федеративного устройства Индии, основанный на административно-территориальном делении по лингвистическому принципу, а также автономном статусе отдельных провинций. Выборы в местные и центральные законодательные органы в соответствии с предложениями Дж. Неру должны были осуществляться в рамках совместных избирательных округов, с последующим выделением квот, пропорциональных численности отдельных конфессиональных групп в каждом округе. Кроме того, положениями документа рекомендовалось выделение из провинции Бомбей отдельной территории Синда, а также осуществление конституционной реформы в Северо-Западной пограничной провинции [Documents ..., 2012, p. 325].

Предложения Дж. Неру не получили единогласной поддержки со стороны участников конференции в Калькутте. Значительная часть представителей Мусульманской лиги выступили против их принятия, требуя сохранения отдельных мусульманских округов для мусульман. Хинду Махасабха и Сикхская лига отрицательно оценили предложения, касавшиеся Синда, Северо-Западной провинции, Бенгалии и Пенджаба. Ключевыми в ходе обсуждения доклада Дж. Неру оказались противоречия между ИНК и Мусульманской лигой. Руководство ИНК отказалось принять предложения, которые могли привести к ослаблению центральной власти в рамках будущей политической системы Индии. Попытка выработки компромиссного решения между представителями индуистских, мусульманских и сикхских политических сил завершилась неудачей.

События, связанные с обсуждением проекта Дж. Неру, продемонстрировали, молчаливое согласие руководства ИНК с постепенным укреплением позиций политических сил, выступавших от имени трех отдельных конфессиональных групп. Политические изменения были связаны также с заметным ослаблением влияния светски настроенных деятелей, представлявших интересы мусульман и других крупных религиозных общин Британской Индии. Стремясь сохранить единство позиций в условиях колониальной борьбы, ИНК был вынужден в ходе переговорного процесса

идти на определенные уступки набравшим силу коммуналистским политическим силам в вопросах определения квот в законодательных собраниях, а также введения квотной системы в отдельных сферах профессиональной деятельности. Вместе с тем заметной тенденцией стало сужение поля для возможного компромисса между интересами индуистских, сикхских и мусульманских коммуналистов [Copland, 2014, p. 67].

В качестве основной социальной опоры индийского коммунализма в данный период выступают средние слои индийского общества, тяготившиеся своим подчиненным положением в условиях сохранявшейся колониальной системы. Вместе с тем в 1920-е годы коммунализм еще не получил повсеместного распространения, будучи общественно-политическим явлением, присущим преимущественно образованным слоям населения крупных городов. Развивавшееся в это время индийское профсоюзное движение, политические организации, представлявшие интересы крестьянства и индийской молодежи были преимущественно светскими с точки зрения своих идеологических установок.

Протестное движение, связанное с итогами деятельности комиссии Дж. Саймона, и последовавшая затем вторая кампания массового неповиновения вновь способствовали консолидации настроений различных слоев индийского общества и привели к тому, что коммуналистские настроения на определенное время отошли на второй план. На рубеже 1920—1930-х годов национальное движение впервые охватило преимущественно мусульманские регионы, включая Северо-Западную пограничную провинцию и Кашмир.

Лояльно настроенные по отношению к колониальным властям индуистские и мусульманские коммуналистские организации согласились принять участие в инициированной Великобританией в начале 1930 года конференции Круглого стола в Лондоне. Данное решение было связано со стремлением части консервативно настроенных политических сил заручиться британской поддержкой в отстаивании интересов собственных общинных интересов. В 1933 году на очередной конференции Хинду Махасабха один из видных лидеров партии Бхай Пармананд подчеркивал: «Я чувствую, что индуисты охотно сотрудничали бы с Великобританией, если бы их статус и ответственное положение как ведущей общины в Индии были признаны в рамках политической системы новой Индии» [Indian's Struggle ..., 2016, p. 158].

Коммуналистские партии продолжали играть второстепенные роли в общественно-политической жизни Британской Индии вплоть до выборов, прошедших после принятия Закона об управлении Индии в 1935 году. Во второй половине 1930-х годов индийский коммунализм начинает принимать более радикальные формы проявления. Для умеренно-либерально-

го фланга развивающегося коммуналистского движения было характерно восприятие населения Индии в качестве конгломерата конфессиональных общин, интересы которых зачастую вступали в противоречие друг с другом. В то же время данная точка зрения предполагала возможность формирования в результате длительного и сложного эволюционного процесса из данной совокупности религиозных общин единой индийской национальной общности. Национальное единство, которое должно было свести воедино интересы индуистов, мусульман, сикхов, христиан и представителей других религий, признавалось в качестве ключевой цели развития политической системы Индии после обретения ею независимости. Либеральный коммунизм, ориентировавшийся преимущественно на интересы средних и высших слоев индийского общества, предполагал продвижение к общей цели путем взаимных уступок и компромиссов.

3.3. Причины и особенности процесса радикализации идеологии индийского коммунизма в 1930-х годах

Оформившаяся во второй половине 1930-х годов радикальная версия коммунизма апеллировала к иррациональным чувствам ксенофобии, ненависти и страха. Подчеркивая непримиримый характер межконфессиональных противоречий, представители радикальных группировок разжигали чувства вражды в отношении представителей других конфессиональных групп. Трансформация коммунизма в радикальную форму была обусловлена рядом факторов развития внутренней ситуации в Индии. Вследствие повсеместной победы на выборах 1937 года ИНК пришли в упадок политические партии, отражавшие интересы землевладельцев и некоторых других влиятельных социальных групп. Приток в национально-освободительное движение большого количества крестьян и рабочих, а также молодежи явился дополнительным фактором радикализации экономической и политической позиции ИНК. В данных условиях помещики, а также представители других имущих слоев увидели в коммунизме возможную политическую платформу для защиты своих интересов. Подобные процессы наблюдались в Соединенных провинциях, Бихаре и в ряде других провинций. В Западном Пенджабе крупные землевладельцы и образованная часть мусульманской общины в конце 1930-х годов сделали ставку на поддержку близкой к коммунизму Юнионистской партии. Подобная ситуация сложилась и в Бенгалии. В то же время индуистские помещики, торговцы и ростовщики в Северной и Западной Индии также стали в большей степени ориентироваться на индуистские партии и общественные объединения. Для того чтобы обеспечить себе поддержку влиятельных социальных сил, один из лидеров Хинду Махасабхи В. Д. Саваркар выступил с осуждением «эгоистичной классовой борьбы» между землевладельцами и арендаторами. Аналогичным образом

в Пенджабе индуистские коммуналисты активно лоббировали интересы торгово-ростовщических групп [Judd, 2004, p. 181].

К концу 1930-х годов поддержка коммунизма превращается в важный инструмент стратегии колониальных властей, направленной на раскол индийского национально-освободительного движения. В ходе подготовки к выборам в провинциальные законодательные собрания британским властям не удалось найти эффективных методов, способных существенно повлиять на итоговый успех ИНК.

Следствием выборов 1937 года стало доминирование ИНК в политической жизни большинства индийских провинций. В то же время большинство альтернативных политических сил, в том числе ориентировавшихся на интересы землевладельцев и других представителей средних слоев, оказались в состоянии кризиса. С другой стороны, немалая часть молодежи, а также рабочих и крестьян стали склоняться на сторону левых политических сил. Одной из ключевых тенденций политического развития Британской Индии в данный период становится радикализация значительной части индийского национального движения. Осознавая невозможность эффективного отстаивания своих экономических и политических интересов в рамках существующей партийной системы, влиятельные слои индийских заминдаров переориентировались на коммуналистские силы. К концу 1930-х годов подобная ситуация сложилась в Объединенных провинциях, Бихаре, а также Пенджабе и Бенгалии [Low, 2002, p. 315].

В Пенджабе крупные землевладельцы, а также чиновничья бюрократия в своей значительной части делали ставку на лоялистскую Юнионистскую партию, чья программа основывалась на традиционалистских принципах кастового устройства общества. После выборов 1937 года на фоне слабости юнионистов провинциальная элита все больше связывала надежды на обеспечение своих долгосрочных интересов с Мусульманской лигой. Подобным образом ситуация развивалась также и в Бенгалии. Влиятельные индуистские слои со своей стороны все больше поддерживали коммуналистские политические партии и группы. Со своей стороны руководство Хинду Махасабха на уровне отдельных провинций солидаризировалось с интересами крупных землевладельцев, выступая с осуждениями «эгоистичных» требований крестьян-арендаторов [Indian's Struggle ..., 2016, p. 180].

Важным фактором роста радикализма явилась также политика колониальных властей, которые на фоне заметного усиления индийского национально-освободительного движения стали рассматривать коммуналистские силы в качестве ключевого инструмента реализации стратегии «разделяй и властвуй», опираясь на которую британская политическая элита надеялась сохранить контроль над Индией.

Одним из факторов роста радикализма в рамках политически активной части индуистской общины явились также процессы, происходившие внутри ИНК. Они были связаны с недовольством значительной части сторонников ведущей политической партии Индии курсом партийного руководства, направленным на уступки интересам мусульман. В первой половине 1930-х годов в рамках законодательных изменений, завершившихся принятием нового Закона об управлении Индией, были приняты практически все требования, выдвигавшиеся ранее Мусульманской лигой. В этих условиях перед коммуналистами возникла проблема выработки новой стратегии, ориентированной на формирование политической системы независимого государства. Вплоть до 1937 года представители умеренных индуистских и мусульманских коммуналистских сил пользовались возможностью осуществлять свою деятельность в рамках ИНК. Однако после прошедшей в соответствии с новым законодательством в 1937 году избирательной компании, а также усиления внутри ИНК левых настроений партийное руководство во главе с Дж. Неру резко ужесточило свое отношение к коммуналистам. Наряду с отказом от поддержки коммуналистов в ходе избирательных кампаний, в 1938 году было принято решение об их исключении из состава партии. Фактический разрыв с ИНК, произошедший к концу 1930-х годов, привел к дальнейшей радикализации политической повестки коммуналистов [Sahni, 1982, p. 448].

К концу 1930-х годов на смену умеренным с точки зрения своих политических взглядов лидерам коммуналистского движения приходит новое поколение политических деятелей, идеологические взгляды которых все более эволюционировали в сторону религиозного и национального радикализма. Одним из наиболее заметных представителей данного направления являлся В. Д. Саваркар, ставший лидером возникшего первоначально на территории Махараштры радикального коммуналистского движения Раштрия Сваямсевак Сангх. К концу 1930-х годов деятельность данного движения вышла за рамки Махараштры и приобрела общеиндийский характер.

Основой пропагандистской кампании Раштрия Сваямсевак Сангх явился тезис о нарастающей угрозе для индуистской общины мусульманского доминирования в Индии. В 1937 году В. Д. Саваркар заявил о том, что мусульмане стремятся к тому, чтобы «уничтожить индуистскую и другие немусульманские традиции... и обеспечить собственное господствующее положение», а также «низвести индусов до положения илотов на их собственных землях» [Indian's Struggle ..., 2016, p. 203]. В опубликованном в 1939 году буклете он подчеркивал, что если требования конфессиональных меньшинств, попытки реализации которых были предприняты в ходе преобразований 1930-х годов, будут выполнены, «национальное существование индустов рискует быть разрушенным» [Ibid., p. 224]. На-

ряду с мусульманами представители РСС выступали с резкой критикой политики ИНК, обвиняя руководство крупнейшей индийской партии в поддержке «закоренелых врагов» индуистов, что ставит под угрозу дальнейшее существование индуистской общины. Один из лидеров радикальных коммуналистов Голвакар заявил: «Мы позволили одурачить себя, заставив поверить, что наши враги — наши друзья... Реальной опасностью сегодняшнего дня является наша наивность, когда мы считаем наших старых и злейших врагов нашими друзьями» [The Hindu Nationalist ..., 2007, p. 131].

Подвергая сомнению возможность реализации в рамках будущей политической модели федеративного принципа устройства Индии, Голвакар подчеркивал необходимость обеспечения доминирующих позиций индуистской общины. «Неиндуистские народы в Хиндустане, — отмечал он, — должны либо принять индуистскую культуру и язык, либо научиться уважать и с почтением относиться к индуистской религии, не должны питать никаких идей, кроме идей прославления индуистской расы и культуры, то есть они должны не только отказаться от своего отношения нетерпимости и неблагодарности по отношению к этой земле и ее вековым традициям, но и вместо этого культивировать позитивное отношение любви и преданности — одним словом, они должны перестать быть иностранцами и стать гражданами страны, полностью подчиняясь индуистской нации, ни на что не претендуя, не заслуживая никаких привилегий, а тем более какого-либо льготного отношения...» [Ibid., p. 142]. Призывая ориентироваться на опыт фашистской Италии и нацистской Германии, где «возродился древний расовый дух», Голвакар выступал с призывами к «пробуждению расового духа индуистов», таким образом, обосновывая их право на изгнание мусульман [Ibid., p. 150]. Политика британских властей, а также действия ИНК, по мнению радикальных коммуналистов, создавали непосредственную угрозу «сохранению индуистской веры, индуистской культуры и санскрита как ее основы» [Ibid., p. 151].

4. Заключение = Conclusions

Произошедший в 1947 году раздел Британской Индии на два доминиона и образование на полуострове Индостан двух новых независимых государств явились следствием длительных и сложных этнополитических процессов, связанных как с политикой колониальных властей, так и со специфическими особенностями развития индийского национально-освободительного движения. Административно-политические преобразования, предпринимавшиеся британской колониальной администрацией в межвоенные десятилетия, способствовали определенной децентрализации системы управления и складыванию элементов федеративного устройства. В то же время формировавшаяся с периода реализации реформы Морли-Минто

квотная система голосования и распределения мест в законодательных собраниях объективно способствовала углублению раскола индийского населения по этноконфессиональному критерию. Рост политической активности мусульманской общины, а также определенные просчеты и непоследовательность действий ИНК, ставшего после завершения Первой мировой войны ведущей политической силой формировавшегося в Британской Индии национально-освободительного движения, способствовали постепенному идеологическому и институциональному оформлению индийского коммунизма. В течение межвоенных десятилетий коммуналистское движение претерпело сложную эволюцию. Появившись в качестве умеренной, ориентированной на поиск компромиссов формы, оно в итоге трансформировалось в радикальное течение, предполагавшее использование насильственных методов для достижения господства индуистской общины и противостояния другим крупным конфессиональным группам, в первую очередь мусульманам. Активное формирование радикального коммунизма в конце 1930-х годов явилось одним из следствий противоречивого характера реализации Закона об управлении Индией 1935 года, а также избирательной кампании 1937 года. Оно было связано также с радикализацией позиции Мусульманской лиги, открыто вставшей на путь сепаратизма, а также с нарастанием внутренних противоречий внутри ИНК. Произошедшая к моменту начала Второй мировой войны существенная радикализация политических настроений двух крупнейших конфессиональных общин Британской Индии сделала практически невозможным их дальнейшее сосуществование в рамках единого независимого государства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АВП РФ — *Архив внешней политики Российской Федерации*. Ф. 69 (Референтура по Англии). Ф. 69, Оп. 10, П. 25, Д. 79.
2. *Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History*. — Calcutta : Nabu Press, 2012. — 492 p. — ISBN 978-12-9077-013.
3. *Government of India Act* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/> (accessed 05.01.2024).

Литература

1. *Сагимбаев А. В.* Этноконфессиональный аспект реформы Монтэгю-Челмсфорда в Британской Индии / А. В. Сагимбаев // Вестник Брянского государственного университета. — 2023. — № 3. — С. 109—119. — DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-109-119.
2. *Юрлов Ф. Н.* История Индии. XX в. / Ф. Н. Юрлов, Е. С. Юрлова. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2010. — 920 с. — ISBN 978-5-89292-434-7.

3. *Copland I.* India 1885—1947 : The Unmaking of an Empire (Seminar Studies in History Series) / I. Copland. — Harlow and London : Routledge, 2014. — 156 p. — ISBN 978-11-7877-844.
4. *Gopal R.* The Viceroyalty of Lord Irwin, 1926—1951 / R. Gopal. — Oxford : Clarendon Press, 1957. — 152 p. — ISBN 019-98-006-69.
5. *Gopal R.* Indian Muslims : A Political History / R. Gopal. — London : Asia Publishing House 1959. — 351 p. — ISBN 978-9030-04-254-9.
6. *Horne E. A.* The Political System of British India / E. A. Horne. — Oxford : The Clarendon Press, 1922. — 184 p. — ISBN-10 1287362915.
7. *Ilbert C. P.* The Government of India. Third Edition revised and updated / C. P. Ilbert. — London and New York : Clarendon Press, 1922. — 408 p. — ISBN-10 1278060014.
8. *Indian's* Struggle for Independence / B. Chandra, M. Mukherjee et al. — London : Penguin UK, 2016. — 600 p. — ISBN 978-81-8475-183-3.
9. *Judd D.* Empire : The British Imperial Experience, 1756 to the Present / D. Judd. — New York : Phoenix, 2001. — 518 p. — ISBN 978-1-84212-498-7.
10. *Judd D.* The Lion and the Tiger : the Rise and Fall of the British Raj, 1600—1947 / D. Judd. — Oxford : OUP Oxford, 2004. — 248 p. — ISBN 978-019-28-057-99.
11. *Krishna K.* Public Administration in India / K. Krishna. — Mumbai : A.P.H. Pub., 2003. — 520 p. — ISBN 978-81-237-44-64-3.
12. *Low D. A.* Britain and Indian Nationalism : the imprint of ambiguity, 1929—1942 / D. A. Low. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 376 p. — ISBN 978-05218-9-261-2.
13. *Martin T.* Crises of Empire : Decolonization and Europe's Imperial States, 1918—1975 / T. Martin, B. Moore, L. J. Butler. — London : Bloomsbury Publishing, 2015. — 480 p. — ISBN 978-1472-53-018-9.
14. *Robinson H.* The Development of the British Empire / H. Robinson. — Boston, New York, Chicago, San Francisco : Houghton Mifflin, 1922. — 475 p. — ISBN-13 978-1016756976.
15. *Sahni J. N.* Fifty Years of Indian Politics, 1921—1971 / J. N. Sahni. — New Delhi : Allied, 1982. — 557 p. — ISBN 978-81200-0-385-9.
16. *The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics: 1925 to the 1990s: Strategies of Identity-building, Implantation and Mobilization (with Special Reference to Central India)* / Ed. by Ch. Jaffrelot. - Princeton: Princeton University Press, 2007. - 405 p. - ISBN 978-0140-246-02-5.
17. *Tummala K. K.* Public Administration in India / K. K. Tummala. — Mumbai : Marshall Cavendish Intl, 1994. — 767 p. — ISBN 10 9812100512.
18. *Williamson P.* National Crisis and National Government : British Politics, the Economy and Empire, 1926—1932 / P. Williamson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — 569 p. — ISBN 978-0521-52-141-3.

*Статья поступила в редакцию 02.05.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 24.06.2024.*

Material resources

Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. (2012). Calcutta: Nabu Press. 492 p. ISBN 978-12-9077-013.

Government of India Act. Available at: <https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/> (accessed 05.01.2024).

The WUA of the Russian Federation — *Archive of the foreign policy of the Russian Federation.* (In Russ.).

References

- Chandra, B., Mukherjee, M. et al. (2016). *Indian's Struggle for Independence*. London: Penguin UK. 600 p. ISBN 978-81-8475-183-3.
- Copland, I. (2014). *India 1885—1947: The Unmaking of an Empire (Seminar Studies in History Series)*. Harlow and London: Routledge. 156 p. ISBN 978-11-7877-844.
- Gopal, R. (1959). *Indian Muslims: A Political History*. London: Asia Publishing House. 351 p. ISBN 978-9030-04-254-9.
- Gopal, R. (1957). *The Viceroyalty of Lord Irwin, 1926—1951*. Oxford: Clarendon Press. 152 p. ISBN 019-98-006-69.
- Horne, E. A. (1922). *The Political System of British India*. Oxford: The Clarendon Press. 184 p. ISBN-10 1287362915.
- Ilbert, C. P. (1922). *The Government of India. Third Edition revised and updated*. London and New York: Clarendon Press. 408 p. ISBN-10 1278060014.
- Judd, D. (2001). *Empire: The British Imperial Experience, 1756 to the Present*. New York: Phoenix. 518 p. ISBN 978-1-84212-498-7.
- Judd, D. (2004). *The Lion and the Tiger: the Rise and Fall of the British Raj, 1600—1947*. Oxford: OUP Oxford. 248 p. ISBN 978-019-28-057-99.
- Krishna, K. (2003). *Public Administration in India*. Mumbai: A.P.H. Pub. 520 p. ISBN 978-81-237-44-64-3.
- Low, D. A. (2002). *Britain and Indian Nationalism: the imprint of ambiguity, 1929—1942*. Cambridge: Cambridge University Press. 376 p. ISBN 978-05218-9-261-2.
- Martin, T., Moore, B., Butler, L. J. (2015). *Crises of Empire: Decolonization and Europe's Imperial States, 1918—1975*. London: Bloomsbury Publishing. 480 p. ISBN 978-1472-53-018-9.
- Robinson, H. (1922). *The Development of the British Empire*. Boston, New York, Chicago, San Francisco: Houghton Mifflin. 475 p. ISBN-13 978-1016756976.
- Sagimbayev, A. V. (2023). The ethno-confessional aspect of the Montague-Chelmsford reform in British India. *Bulletin of Bryansk State University*, 3: 109-119. DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-109-119.
- Sahni, J. N. (1982). *Fifty Years of Indian Politics, 1921—1971*. New Delhi: Allied. 557 p. ISBN 978-81200-0-385-9.
- The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics: 1925 to the 1990s: Strategies of Identity-building, Implantation and Mobilization (with Special Reference to Central India)*. (2007). Princeton: Princeton University Press. 405 p. ISBN 978-0140-246-02-5.
- Tummala, K. K. (1994). *Public Administration in India*. Mumbai: Marshall Cavendish Intl. 767 p. ISBN 10 9812100512.
- Williamson, P. (1992). *National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926—1932*. Cambridge: Cambridge University Press. 569 p. ISBN 978-0521-52-141-3.
- Yurlov, F. N. (2010). *History of India. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 920 p. ISBN 978-5-89292-434-7. (In Russ.).

*The article was submitted 02.05.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 24.06.2024.*

Информация для цитирования:

Слезин А. А. Изъяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы : взгляд крестьянства / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 494—515. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-494-515.

Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2024). Shortcomings of 'Everyday Revolution' in Soviet Russia in 1920s: A Peasant Perspective. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 494-515. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-494-515. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Изъяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы: взгляд крестьянства

Слезин Анатолий Анатольевич

orcid.org/0000-0002-9559-7553

WoS ResearcherID: A-8944-2018

ScopusAuthorID 57200087498

доктор исторических наук, профессор

anatoly.slezin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович

orcid.org/0000-0003-1756-3515

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

корреспондирующий автор

kuzma.yakimov@mail.ru

Тамбовский государственный

технический университет

(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено

за счет гранта Российского

научного фонда № 22-18-00132,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Shortcomings of 'Everyday Revolution' in Soviet Russia in 1920s: A Peasant Perspective

Anatoly A. Slezin

orcid.org/0000-0002-9559-7553

WoS ResearcherID: A-8944-2018

ScopusAuthorID 57200087498

Doctor of History, professor

anatoly.slezin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov

orcid.org/0000-0003-1756-3515

PhD in History,

Senior Researcher,

Corresponding author

kuzma.yakimov@mail.ru

Tambov State

Technical University

(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported

by the Russian Science Foundation,

grant № 22-18-00132, <https://rscf.ru/>

[project/22-18-00132/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется вопрос о взаимоотношениях крестьян поколения «революционного перелома» (те, кто родились в конце XIX века) с «детьми революции», чье детство и юность пришлось на первое советское пятнадцатилетие. Комсомольцы заметно выделялись в сельской среде своей активностью, стремлениями к преобразованиям. Показано противоречивое отношение крестьян к борьбе комсомола с «пережитками прошлого» в быту. Авторы статьи приходят к выводу о постепенном обострении конфликта поколений, перешедшего в конце 1920-х в стадию межпоколенческого разлома. Во многом это было связано с тем, что, хотя комсомол нередко весьма успешно проявлял себя в созидательной деятельности, внимание к созиданию не стало определяющим в его стиле. Сказывалось отсутствие опыта, низкий культурный уровень преобразователей. При этом комсомольские риторика и практика совершенно не соответствовали традиционным ценностям и религиозности сознания крестьян старшего поколения. Большинство сельчан негативно восприняло стремления к полному обобществлению быта. Неприятие крестьянства было связано и с радикализмом в подходах комсомольцев к проблемам сельской повседневности, с бездумным отрицанием ими традиций и ценностей, а иногда и с негативно-девиантным поведением сельской молодежи.

Ключевые слова:

крестьянство; поколения; революционный перелом; молодежь; пережитки прошлого.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the dynamics between peasants of the “revolutionary generation” (those born in the late 19th century) and the “children of the revolution” whose childhood and youth coincided with the first fifteen years of Soviet rule. The Komsomol members stood out in rural areas due to their activism and transformative aspirations. The article reveals the conflicting attitudes of peasants towards the Komsomol’s struggle against “vestiges of the past” in everyday life, leading to a gradual escalation of intergenerational conflict by the late 1920s. While the Komsomol often excelled in constructive activities, their focus on creation did not define their style, lacking experience and cultural refinement. The Komsomol’s rhetoric and practices clashed with the traditional values and religious beliefs of older peasants, who largely rejected the push towards complete socialization of daily life. Peasants disapproved of the radical approaches of the Komsomol towards rural issues, their thoughtless denial of traditions and values, and at times, the negative-deviant behavior of rural youth.

Key words:

Peasantry; Generations; Revolutionary Transition; Youth; Vestiges of the Past.

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-494-515

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Изыяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы: взгляд крестьянства

© Слезин А. А., Якимов К. А., 2024

1. Введение = Introduction

Большое значение для взаимоотношений крестьянских поколений имела активно проводимая коммунистической молодежью посредством комсомольских ячеек борьба с «пережитками прошлого» в быту, которую нередко называли «революцией в быту». Причем непримиримость в отношениях со старшими поколениями, которой отмечены действия комсомола в начале 1920-х годов, в середине десятилетия молодежный союз старался приглушить, осознавая, что без учета интересов крестьян невозможно изменить к лучшему и их отношение к коммунистическим организациям. Чтобы смягчить конфликты, в ходе осуществления политики «лицом к деревне» комсомол поменял многие формы и методы своей деятельности. Подробный рассказ о позитивных результатах данной трансформации и реакции на него крестьянства заслуживает отдельного исследования.

В данной статье мы попытаемся выяснить, почему взаимоотношения поколений в сельской местности под влиянием данных изменений не сумели предотвратить стадию межпоколенческого разлома. При этом первоочередное внимание будет направлено на изучение изменений в крестьянском быту и организации досуга сельской молодежи. Важное место отводится анализу особенностей восприятия крестьянами старшего поколения «революции в быту». Таким образом, научная новизна исследования заключается в попытке объяснить взаимосвязь трансформации крестьянского быта и обострения межпоколенческих противоречий в советской деревне в 1920-е годы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проведенное авторами исследование основывается на междисциплинарном подходе «поколенческой истории», принципах историзма и объективности. Следует заметить, что в последние годы все более популярным становится изучение истории через призму смены поколений. Причем при попытке определить, выделить то иное поколение обращается внимание не только на возраст, но и на те исторические события, которые «связыва-

ют» в поколение отдельные личности. Как верно заметил Т. Шанин, изучение поколенческой истории позволяет воссоздать более точную научную картину изучаемой эпохи [Шанин, 2005, с. 11]. Изучая влияние молодежи на старших, обращаем внимание читателей на вывод М. Мид, видевшей общественное предназначение молодежи в расчистке почвы для будущего общества — «социальном бульдозировании» [Mead, 1970]. Методологическую основу исследования составили дедуктивный, историко-сравнительный и ретроспективный методы. Предметом нашего изучения являются взаимоотношения крестьян поколения «революционного перелома» (родившиеся в основном в 1890-е годы и активно участвовавшие в событиях 1905—1930 годов [Левада, 2001, с. 7]) с представителями младшего поколения советской деревни («детей революции»).

Отрадно осознать, что в современной историографии произошла своеобразная «реабилитация» истории быта как научной проблематики. Появилось множество интереснейших исследований и крестьянского быта нэповского периода [Багдасарян, 2009]. Причем если этнографы обычно воссоздают бытовые реалии и практики того или иного периода, то историческая наука прежде всего призвана анализировать человеческие реакции на бытовые реальности. Для более тщательного понимания историографических тенденций в изучении нэповского быта целесообразно обратиться к трудам А. Б. Оришева, В. Н. Тарасенко, В. В. Кулачкова [Оришев и др., 2016; Кулачков, 2021, с. 45—50]. Множество исследований описывают попытки комсомольцев коренным образом преобразовать быт деревни [Вишнева, 2014, с. 112—116; Козлов, 2010, с. 301—306; Полянскова, 2017]. Прислушаемся к мнению О. А. Гайлит: «Разрыв молодежи с традиционной крестьянской культурой проявлялся прежде всего в демонстративном отказе от наследия предков, в том числе и религиозного» [Гайлит, 2012, с. 298]. Неслучайно современные исследователи все чаще обращаются к теме конфликта поколений: [Мищенко, 2020, с. 34—40; Рожков, 2016, с. 164—182; Слезин, 2023, с. 446—477].

В ходе исследования значительное внимание уделялось введению в научный оборот новых источников, освещающих проблему взаимоотношений поколений в контексте рассмотрения модернизации крестьянского быта. Основу источниковой базы настоящего исследования составили документы Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ). Особую значимость для нужд настоящего исследования имело обращение к материалам Фонда Центрального Комитета комсомола (Ф. М — 1), в котором сохранились многочисленные докладные записки и отчеты комсомольских организаций, иллюстрирующие результативность работы сельских комсомольских ячеек. В ряде региональных архивов Там-

бовской и Воронежской областей изучались протоколы и стенограммы комсомольских организаций, содержащие ценные сведения об особенностях работы комсомольцев в реализации задач преодоления дореволюционного быта в деревне. Не менее значимым оказалось обращение к сборникам опубликованных архивных документов, а также материалам советской периодической печати, позволившим более детально рассмотреть процесс трансформации сельского быта и ментальных установок крестьянства в условиях обострения межпоколенческих конфликтов в период нэпа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Комсомол в реализации задач модернизации деревенского быта: восприятие крестьянством

Изучая объективную картину «революции в быту», мы вынуждены признать, что в практической деятельности комсомола внимание к созидательным мерам в рассматриваемый период не было определяющим его стиль. Во-первых, зачастую сказывалась элементарная нехватка материальных возможностей. Показателен, например, факт из истории Красночетаевской волости Ядринского уезда, где пункт ликвидации неграмотности разместили в церковной сторожке. Николай угодник, спрятанный в будни за красным флагом, по праздникам открывался для молящихся [Маторин, 1929, с. 158].

У явного меньшинства крестьян вызывало сочувствие стремление к полному обобществлению быта. В большинстве же своем они были настроены решительно против ломки общинных и тем более семейных устоев. Между тем с середины 1920-х годов практически новый быт в работах советских идеологов подавался лишь как быт коллективный. Провозглашалась необходимость вытеснения домашнего хозяйства, превосходства общественного начала над личным [Рабочий..., 1925, с. 36].

Санитарная и прочая просветительская работа развивалась, как правило, далеко не повсюду, прежде всего благодаря отдельным энтузиастам. Прав был крестьянин И. Денисов, писавший И. В. Сталину из деревни Репьевки Ульяновской губернии, что если бы все крестьянки знали о возможностях медицины и своих правах при советской власти, то «уцепились бы за советскую власть» и голосовали бы только осознанно [Письма во власть..., 1998, с. 462]. На деле даже в Московской губернии и в 1928 году комсомольцы деревни признавались, что у большинства из них «нечистые зубы, сомнительной чистоты нижняя рубашка, “траур” под ногтями, грязная шея», «культурность ребят проявляется не в повседневном быту, а лишь по праздникам»; если в некоторых крестьянских избах и чисто, то это не заслуга комсомольцев [За культурный досуг..., 1928, с. 20].

Агропропаганда также развита была очень слабо. Обусловлено это было не только неподготовленностью комсомольцев, но и отсутствием во многих местах квалифицированных агрономов. При этом среди наиболее предприимчивой части крестьян поколения «революционного перелома» возросло осознание значимости и потребности в грамотных агрономах. Рассмотрим характерный отрывок из письма крестьянина, направленного в редакцию газеты «Беднота», со следующей просьбой: «Нам нужна практическая агрономическая помощь, то есть точные и определенные указания, как поднять крестьянское хозяйство» [Беднота, 1922, 13 декабря, с. 2]. Похожие настроения выражал крестьянин Тверской губернии Антипов после посещения агрономического диспута в Москве: «Мы ждем, что советская власть возьмет курс на агронома-практика, любящего землю, живущего радостями и печальми крестьянина» [Там же].

Однако в результате отсутствия практической помощи от квалифицированных агрономов крестьяне продолжали верить в приметы и всякого рода предсказания. «Знахарство в агрономии процветает повсюду», — сделал вывод исследователь воронежского села И. П. Тарадин [Тарадин, 1926, с. 47] и подробно описал, как крестьяне по-прежнему приурочивали поверья и к природным явлениям, и к конкретным праздникам. Тем исследователям, которые отмечают рост сельскохозяйственной пропаганды в каком-либо отдельном регионе, стоит прислушаться к С. А. Есикову, обратившему внимание на невероятную трудность в убеждении крестьян что-то изменить в дедовских технологиях: «Крестьянин должен своими глазами увидеть, своими руками пощупать, прежде чем скажет, хорошо это или плохо» [Есиков, 2010, с. 71].

Нельзя сбрасывать со счетов то, что радикальное реформирование быта не имело каких-либо примеров в историческом опыте. Власть сама признавала: «У нас нет совершенно никаких образцов, по которым могли бы строить большинство наших учреждений по обслуживанию быта»; «Каждый организует то или иное учреждение по-своему, совершенно не зная о проделанных в том же направлении опытах и совершенно не использует сделанного другими» [Как строить..., 1925, с. 7, 9]. Попытки распространения этого опыта настойчивыми признать трудно. Подробные инструкции об организации общественных учреждений практически игнорировались, так как отсутствовало какое-либо материальное подкрепление грандиозных планов.

Крестьян, как правило, волновали проблемы, более связанные с повседневной жизнью. Лозунги комсомольцев и их наставников по существу «разбивались» о неустроенный крестьянский быт. В связи с этим обратим внимание на данные по Больше-Верейской волости Воронежской губернии. В 1926 году 97 % бедноты имели избы, состоящие из одной комнаты.

Даже у зажиточных крестьян избы из двух комнат насчитали только у половины. Ветхими были названы 45 % всех изб. В половине изб бедноты и почти у трети середняков вместо стекла нижняя половина или 2/3 окна были заложены тряпками, кирпичами, забиты досками. Дровами печи топили менее 4 % хозяев. Большинство использовало для отопления кизяки, соломю, ветошь. В 75 % изб в зимнее время располагались скот и птица. Ламповое освещение было зафиксировано в 15 % бедняцких и 49 % середняцких хозяйств. Сами хозяева свидетельствовали, что в 85 % жилищ были в наличии насекомые. В 90 % хозяйств на дворе отсутствовали отхожие места. Только 3 % крестьянских семей спали на кроватях (7 % — на полу, 15 % — на скамьях, 50 % — на печи) [Железнов, 1926, с. 23—26].

В слободе Ровеньки беднячка-вдова на вопрос о сне отвечала: «Пид голову кулак, пид бок кирпич и зверху шарафан» [Тарадин, 1926, с. 84]. Зачастую проблемой было просто наесться. Несмотря на существенное смягчение налоговой политики в годы нэпа (вплоть до середины 1920-х годов) крестьяне нередко страдали от настоящего голода [Ипполитов, 2023, с. 336—362]. Отрывок из стихотворения крестьянина Простого (уроженец Тверской губернии, деревни Понтелеево) достаточно наглядно отражает экономическое положение сельчан: «Своя рубашка к телу ближе, / Хоть я не прочь голодным дать, / Да только после не пришлось бы / И самому мне голодать!» [Беднота, 1922, 15 февраля, с. 2].

С. Г. Струмилин определил, что в «средней» избе жили 4,5 души, на каждую из которых приходилось не более 1,2 кубов воздуха вместо требующихся по гигиенической норме 3 кубов. По данным С. Г. Струмилина, только 48,9 % крестьян спали на постелях, 10,3 % — просто на полу. Лишь 28 % из числа обследованных крестьянских жилищ оказались незараженными паразитами. Общая продолжительность трудового дня у русского крестьянина летом достигала 14—15 часов. Причем у женщин с учетом домашних обязанностей оставалось времени на треть меньше, чем у мужчин. При этом С. Г. Струмилин справедливо отмечал, что, поскольку продукты домашнего труда на рынок не поступали, крестьяне не ценили этот труд, считали «непроизводительным». На основании такого отношения крестьян к работе по дому он делал вывод о незавидном положении крестьянок. Интересно исследование годового бюджета рабочего времени крестьянства именно поколения «революционного перелома». По данным С. Г. Струмилина, труд занимал 3848 часов, отдых — 2609 часов. Наемный труд значительно больше времени отнимал у молодежи. Объем домашнего труда увеличивался с повышением возраста. Затраты времени на самовоспитание были наиболее оптимальными как раз у крестьян поколения «революционного перелома». По сравнению с рабочими крестьяне меньше спали, меньше развлекались. Культурные расходы на

книги, газеты в крестьянских семьях были в несколько раз меньше по сравнению с семьями рабочих. На отдых отводилось около 8 % досуга крестьянина (менее 0,5 часа в день), на развлечения — 48 часов в год [Струмилин, 1924, с. 123, 126, 124, 125, 43—44, 46, 68—71, 73—75, 104].

Стремление комсомольцев в клубы, избы-читальни И. Тарадин связал с неустроенностью их быта. 32 % комсомольцев жили в наем. Да и в родительских хатах у них, как правило, не было даже своего угла. 37 % комсомольцев спало на одной кровати с отцом или с братом, сестрой. Даже отсутствие нормального учета в организации объяснялось бытовыми трудностями. Не хватало бумаги до такой степени, что учет приходилось вести на каких-то оборванных клочках или просто «держать в голове» [Тарадин, 1926, с. 103, 105]. Очевидно, что у большей части несоюзной сельской молодежи бытовые условия были не лучше.

В силу низкого личного культурного уровня комсомольцы нередко выбирали методы ликвидации «пережитков», граничащие с абсурдом. Особенно это проявлялось в начале 1920-х годов, когда ячейка могла вынести постановление и о физических наказаниях носителей «пережитков» в собственных рядах [ГАСПИТО, ф. П. — 1204, оп. 1, д. 90. л. 10; ГАОПИ ВО, ф. П. — 6, оп. 1, д. 122, л. 27]. А уж запреты на курение, сквернословие, танцы и другие развлечения, ввод новых обращений друг к другу использовали многие сельские ячейки, чем вызывали откровенное возмущение представителей прежде всего крестьянских поколений не очень старых возрастов.

Многие бытовые начинания крестьяне в принципе приветствовали, но конкретное их воплощение в жизнь иногда вызывало самый настоящий ужас. Так, летом 1926 года в письме в «Крестьянскую газету» из деревни Лезно Чудовской волости Новгородской губернии рассказывалось о положении детей в местных яслях. Фактически присмотр за ними был в яслях лишь формальным, дети были полуголодными, нередко травмировались [Голос народа..., 1997, с. 166—167].

Нравственное преимущество, сопряженное с изьянами образа жизни старших поколений крестьянства, по большому счету, отрицалось самой коммунистической молодежью. Проявления негативно-девиантного поведения комсомольские руководители и их партийные наставники также называли «пережитками прошлого». Постыдным в комсомоле считали сами знания о ценностных идеалах прошлого, подчас бездумно и беспрерывно расширяя сферу борьбы с «пережитками». Фольклор тех лет напоминает об этом так: «Люди старые в народе // Ноне тоже уж не в моде, — // Молодежь наша кругом // Стару жизнь вертит верх дном» [Частушки красноармейцев..., 1925, с. 14].

Новые идеалы, направления бытового новаторства часто зависели даже не от провозглашаемых сверху принципов, а от культурного уровня местно-

го актива. Обычной была картина, когда на довольно многолюдных собраниях комсомольцы, ставя вопрос о новом быте, выкрикивали привлекательные и для многих крестьян лозунги: «Долой ругню», «Долой курение!» и т. п. Но, как рассказывал И. П. Тарадин, в той же комнате, где проходили эти собрания, было постоянно накурено, доклады были оторваны от реальной жизни, фактически усилия тратились бесполезно [Тарадин, 1926, с. 101]. В целом же в середине 1920-х годов в отношении крестьян к новому быту преобладали негативные оценки. Так, анализ писем крестьян Уральской области в областную «Крестьянскую газету» 1925—1927 годов показал, что 78,8 % оценок бытовых изменений — негативные [Безденежных, 2011, с. 104].

3.2. Культурно-досуговая и просветительская работа комсомола как фактор обострения межпоколенческих отношений в деревне

Следует заметить, что в деревне периода нэпа мало кто мог воспринимать пропагандистские выступления комсомольцев как объяснение научных теорий. Пропаганда ориентировалась в основном на слои, податливые к упрощенным схемам. В частности, этнографы 1920-х годов отмечали распространенность и среди молодежи упрощенного объяснения таинственного и непонятного [Комсомол в деревне..., 1926, с. 73].

Чаще всего молодые пропагандисты предпочитали не убеждать, а запугивать. Бесспорно, это понижало неформальный авторитет комсомола среди сельчан, все более обостряло конфликт поколений. Современный историк Р. В. Рыбаков небезосновательно заявлял о дополнительном импульсе стремлений молодежи расширить отводимые культурные рамки, реализовать запретные влечения в условиях массового нигилизма 1920-х годов [Рыбаков, 2016, с. 125].

Многие комсомольские активисты проявили радикальные подходы к самым разным проблемам обыденной жизни. Как утверждали Е. М. Ярославский и К. Цеткин, даже В. И. Ленин считал, что от теории «стакана воды», проповедующей простоту удовлетворения половых потребностей, молодежь «прямо взбесилась» [Ярославский, 1955, с. 48]. Правда, в основном ее сторонники проявили себя в крупных городах. Но эксцессы случались и на селе. По свидетельству В. Кузьмина, «Комсомольская правда» была завалена письмами, авторы которых перехватывали любовные записки комсомольцев и просили фельетонистов «намылить им головы». В селе Карагай Пермского округа застигнутые на свидании у реки Обвы комсомольцы доставлялись связанными для обсуждения на заседании комитета комсомола [Кузьмин, 1926, с. 30, 31].

Комсомольцам, которые после сухого доклада свистели, радикалы обещали путь меньшевиков и эсеров. Носящих галстуки объявляли карьеристами, практикующих рукопожатия — разносчиками заразы. В письмах

в «Комсомольскую правду» клеймили и тех, кто, заходя в «красный угол», не снимает головной убор перед портретом Ленина [Там же, с. 29]. Даже игры и танцы выглядели в глазах некоторых активистов «пережитками», которые могут быть разрешены только беспартийной молодежи (в силу ее культурной отсталости). Весьма иллюстративны в этом отношении наблюдения сельского комсомольца Соколова (деревня Тограево, Северный Кавказ): «Вечеринка. Начинаются танцы. Танцуют только беспартийные ребята. Комсомольцы стоят в стороне и по-разному ухмыляются. Одни “соблазняются”: хочется и колется — боятся нарушить комсомольскую этику. Другие с сожалением смотрят на танцующих: какие, дескать, скоты, танцуют!» [Комсомольская правда, 1925, 31 октября, с. 3].

Кстати, в данной сфере настроения комсомольских радикалов и крестьян поколения «революционного перелома» в конечном счете совпадали. Если первые отвергали современные танцы из индивидуализма и западного происхождения, то крестьяне видели в них прежде всего угрозу старым народным танцам. В. А. Мурин писал в 1926 году: «Если пять лет тому назад далеко не каждая деревенская девушка умела танцевать краковяк, польку, то в 1924 году в деревне уже танцуют танго, падекатр, этранж и пр. Это даже не танцы, это механически заученные движения ногами: лишь бы выходило сколько-нибудь похоже на танец — и ладно!» [Мурин, 1926, с. 82—83]. Руководство Томской комсомольской организации в 1925 году отмечало, что деревенская молодежь стала увлекаться «дурными» сторонами городского быта, критикуя копирование девушками мод кофточек, юбок и причесок [РГАСПИ, ф. М.-1, оп. 23, д. 435, л. 49].

Крестьяне обычно ограничивались ворчанием. Некоторые не пускали своих младших членов семьи на танцы, подчас высмеивая их увлечение [Там же]. А комсомольские активисты пытались вложить в массовые пляски физкультурное содержание, внедрить в сельский быт идеологически выдержанные танцы. Зафиксировано множество попыток установить правила проведения вечеринок, сделать популярными «игры под музыку» («Красные и белые», «Газетчики и танцы»), новые «народные» танцы («Дашь здоровый быт!», «Колхозный», «Ликбезный»).

В популяризируемых коммунистической молодежью играх многих крестьян раздражало и все большее проявление их военизации [Корнильева-Радица и др., 1929; Любимов и др., 1929; Черняк, 1929]. В современной историографии в основном положительно оценивают военизацию игровой практики. Прежде всего обращается внимание на то, что военизированные игры были рассчитаны на выработку у пионеров дисциплинированности, точности, силы воли и других качеств, особенно пригодившихся тогдашним детям и юношам в годы Великой Отечественной войны [Ефимова,

2014, с. 61—68]. Крестьяне же 1920-х годов были недовольны тем, что и в этой сфере их детей обучали «как-то странно». Понятно, что с болью в сердце воспринимались многими крестьянами игры военно-исторической тематики. Ведь для многих еще не утихла боль Гражданской войны, а в этих играх все подавалось слишком однозначно, в сценариях планировались не просто победы красных, а их героизация.

Крестьянство явно раздражали крайности в поведении комсомольцев, в том числе, например, идея «полезного» аскетизма. Понятно, почему в деревне Холопово крестьянские девушки, например, пели: «Ох... по дороге колокольцы, / Словно сердце прыгает... / Ах... не влюбляйся в комсомольца, / Скукою измывает» [Быт и молодежь ..., 1926, с. 70]. Если совсем пожилые крестьяне, старики могли и похвалить комсомольцев, относящихся к ним уважительно и не злоупотребляющих хулиганством, то ровесники из числа неорганизованной молодежи и крестьяне из числа старших, но еще не старых прямо заявляли: «Терпенья нету: песни воспевают петь, танцевать нельзя, того нельзя, этого нельзя... слухай, чего они говорят, а мы слушаем и не понимаем...» [Там же].

В среде комсомольских лидеров данная проблема некоторыми вполне осознавалась. Так, известный в 1920-е годы журналист и общественный деятель А. Слепков высказывал возмущение относительно того, что большая часть комсомольского актива живет лишь политикой, в быту многие из активистов отталкивали от себя схожестью с чеховскими героями в «футлярах». А. Слепков отмечал у них «полное пренебрежение к тому, что не импонирует». Оторванность от повседневных забот «засушивала» молодежь. Он говорил: «Молодежь зачастую перестает походить на молодежь». По его мнению, многие комсомольцы «потеряли способность юношески воспринимать жизнь». Даже комсомольские игры, в частности «политфанты», по его мнению, напоминали политпроверку («ее не то, что беспартийная молодежь, комсомольцы рядовые как огня боятся»). «Нам ведь нужна жизнь и без полит», — цитировал А. Слепков другого активиста [Там же, с. 23—27]. Не менее показательны рассуждения комсомольского работника села Покровское-Глебово Московского уезда Романюка, который так охарактеризовал настроения молодежи на комсомольских докладах и беседах: «Девушки нам говорят: у вас одна политика. Беспартийную молодежь лихие звуки гармошки легко отвлекают от комсомольских собраний» [Комсомольская правда, 1925, 31 октября, с. 3].

Много говорилось о необходимости развития в деревне привлекательной для крестьян культурно-просветительной работы. Одной из самых легких и доступных форм преобразования крестьянского досуга стали драматические кружки. Во многих местах процветали спектакли с самоде-

ятельными артистами, нехитрой бутафорией, совсем простым гримом. С. Абрамсон замечал: «В ряде мест ребята настолько наловчились играть, что своими хорошими постановками создают себе большую популярность во всей округе» [Комсомол деревне ..., 1926, с. 14].

Даже в далекой северной деревушке Выемково к 1924 году удалось организовать деревенский кружок, который посещали около 80 человек, в том числе и девушки. Постепенно их спектакли смогли привлечь внимание и некоторых крестьян («Смолкала постоянная ругань в семье») [Там же, с. 27]. Но в то же время про кружковцев распространялись сплетни, клуб назывался местом распространения разврата и заразы [Там же, с. 26]. Крестьяне и крестьянки средних лет часто были не против сходить на представление, но боялись злых пересудов. Через год не сумела набрать новых членов местная комсомольская ячейка, а без комсомольских организаторов и поддержки взрослых вскоре прекратил свою деятельность и культурно-просветительный кружок. Настороженное и недоверчивое отношения со стороны старшего поколения деревни наблюдалось и в отношении комсомольских изб-читален. Например, в Харьковской губернии среди крестьян были следующие настроения: «Как побыла в хате, так и сына жди» [Комсомольская правда, 1926, 3 июня, с. 2].

В Московской губернии в 1926 году 75 % занимающихся в драмкружках составляла молодежь. Причем отмечалось много случаев, когда не комсомол был инициатором кружка, а культурно-просветительное объединение молодежи создавало из своего ядра комсомольскую ячейку (например, в деревне Ковшево Костромской губернии, в селе Булатниково Московской губернии) [Деревенский Театр, 1926, с. 3].

Элементы развлечения содержали в себе диспуты, собиравшие огромную аудиторию даже в сельской местности. Нередко диспут превращался в спор молодежи и «стариков» [Трудовой Дон, 1923, с. 3]. «Правда» в самих сценариях закреплялась за молодыми борцами с «пережитками». Но поскольку в ряде случаев обвиняемая сторона выставила весьма образованных сильных полемистов (особенно это проявилось в диспутах по вопросам религии), власть взяла курс на свертывание и данной формы просвещения.

Сочетая индоктринацию с развлечением, вовлечению широких масс крестьянства в агитационно-пропагандистскую работу явно способствовали агитационные суды. И. В. Сидорчук вполне обоснованно отмечал активное вовлечение зрителей в псевдосудебные споры на сцене как главный фактор большей эффективности агитсудов даже по сравнению со спектаклями или лекциями [Сидорчук, 2021, с. 39].

Специальные методические издания и сценарии выпускали в целях популяризации агитсудов [Андреев, 1926; Виленкин, 1926; Медынский и др.,

1923; Ребельский, 1926]. Книга Я. П. Резвушкина, например, представляла собой разработку антирелигиозного вечера — суда, который был уже апробирован. Уже в самом сценарии «Суда над Богом» закладывались механизмы для обострения межпоколенческого конфликта. По сценарию юный свидетель резко отзывается не только о старых обычаях, но и об их исполнителях, даже о своей бабушке («одна нога в гробу»). Говорит, что она «бьет лбом» «перед размаленной доской», высмеивает ее поведение. Красноречиво стиль пропаганды раскрывают названия разделов книги: «Бог — величайший преступник мира», «Не бог создал человека, а человек бога», «Церковь как крепостническая и капиталистическая организация» и др. [Резвушкин, 1925]. Среди самих комсомольцев особым успехом пользовались суды над участвующими в религиозных обрядах комсомольцами. Как правило, под бурное одобрение зрителей им выносился однозначно обвинительный приговор, ведущий к исключению из молодежного союза. Антирелигиозный аспект обязательно имел место на санитарно-просветительных судах, пытавшихся внедрить в сознание крестьян мысль о том, что Бог, молитвы не спасут от болезней и бед [Авдеев, 1926; Деев, 1924; Лапин, 1924].

Впрочем, далеко не всегда в крестьянской аудитории срабатывал обвинительный запал агитсудов. Сельчане и особенно сельчанки подчас проявляли сочувствие и сострадание к «подсудимым». Иногда слова «подсудимых» вызывали даже слезы зрителей [Изба-читальня, 1928, с. 45].

3.3. Брачный вопрос и межпоколенческие конфликты в крестьянских семьях

Основным нервом межпоколенческих противоречий в деревне был, пожалуй, брачный вопрос. Фольклор русской деревни, который можно считать одним из индикаторов общественных настроений крестьянства, неустанно отмечал брачные новшества: «Все опели уши нам, — / Не ходить в церковь, к попам, — / А итти лишь в Загс велят, / Счастье только там сулят» [Хребес, 1929, с. 57], «Нам в попах нужды не стало, / И без них теперь права, / Без подарочков запишут / в исполкоме у стола» [Частушки красноармейские..., 1925, с. 20], «Батка любит покричать, / Чтоб нас в церкви обвенчать, / А я батюшке в ответ: / — Отвези меня в совет» [Комсомольское Рождество, 1925, с. 150], «Ноне легкая женитьба / Со советским со листом / Называли это раньше — / Под ракитовым кустом» [Красная новь, 1926, № 11, с. 179]. Указывалось на несовместимость коммунистических браков с религиозностью: «С комсомольцами гулять — / Надо измениться / Крест на шее не носить, / Богу не молиться» [Комсомол в деревне..., 1926, с. 142], «Коммуниста полюбила — / Сразу изменилась, / Все иконы порубила — / Ни разу не молилась», «Я умру — не хороните / Не носите в церковь / У меня милой комсомолец / Комсомолочка и я» [Ком-

сомольская правда, 1926, 16 января, с. 3]. Для комсомольца часто главным условием вступления в брак становился разрыв невесты с церковью: «Урезонивал Машутку: / Говорю тебе не в шутку / Плюнь на церковь и попа, / Нет — прощай же навсегда» [Комсомол в деревне..., 1926, с. 148].

Для девушек связь с комсомольцем или коммунистом зачастую вела к обострению семейных конфликтов: «Коммунист ты, коммунист, / Рубашечка сатиновая, / Из-за тебя я, коммунист, / Дом родной покинула» [Там же, с. 144], «Меня тетенька ругает, / Меня маменька бранит: / Комсомольца молодого / Не велят мене любить» [Комсомольская правда, 1925, 2 августа, с. 1], «Хоть ругайте, не ругайте, / Но по-вашему не быть, / Комсомольца молодого / Не закажите любить» [Там же]. Для того чтобы успокоить верующих родственников, действовавшие в русле советской политики молодожены шли на ухищрения. Так, комсомольская пресса зафиксировала немало упоминаний о просьбах женихов исключить их из комсомола временно. Особенно смешным выглядит заявление комсомольца из Тверской губернии, который ради венчания просил считать его «не-комсомолом» всего три часа [Комсомольская правда, 1927, 27 апреля, с. 3].

В сложившихся обстоятельствах комсомольские активисты нередко вынужденно исполняли предписания комсомола, но в частной жизни продолжали следовать традиционным ритуалам. Встречается много примеров, когда новобрачные заключали гражданский брак, а потом пытались тайно венчаться. Например, в Вятской губернии комсомолец, который вел антирелигиозную пропаганду в деревне, венчался в церкви [РГАСПИ, ф. М.-1, оп. 23, д. 504, л. 256]. Но обычно среди товарищей находились «доброжелатели», раскрывающие тайну. Правда, для комсомольцев это не всегда заканчивалось исключением из союза. Их руководителя вынуждены были смягчать свою позицию хотя бы потому, что строгости в этой сфере оттачивали новичков от комсомола.

В свою очередь крестьяне поколения «революционного перелома» с непониманием относились к двойным стандартам комсомольской молодежи в вопросах заключения брака. Рассмотрим характерный пример крестьянских настроений Вятской губернии: «Какая-то власть лживая. Наверное, только нас, темных масс обманывают, а сами то что делают? Зачем едут в церковь? Приняли венцы и таинства по обряду церковному, а опять состоят в комсомоле и партии и пользуются доверием от власти и получают за это от нее только выговор» [Там же].

В то же время именно церковными браками членов союза зачастую объяснялась «засоренность», плохая работа ячеек [РГАСПИ, ф. М.-1, оп. 23, д. 130, л. 18—19]. Не найдя невесты в своей ячейке или хотя бы в деревне, некоторые комсомольцы просили уездные комитеты «прислать жену». Же-

нившихся на беспартийных подчас исключали из комсомола [Бюллетень..., 1925, с. 5]. В борьбе с церковным браком старались доказать девушкам, что они равноправны с мужчиной, что именно советский способ заключения брака гарантирует им определенные права даже после развода. И в частушках комсомольцы указывали, что материальная составляющая брака безнадежно устарела: «За женою брать добро — / Ныне это уж старо — / Не по времени! Со свету / Надо выжить моду эту: / Пусть мужья берут жену, / А не женину казну [ГАТО, ф. Р.-1, оп. 1, д. 829, л. 238—239]».

Запечатлели частушки и стремления многих даже причастных к власти сельчан обойти запреты на церковные браки. Кроме того, часто крестьяне были недовольны не только легкостью заключения гражданских браков, но и беспечной готовностью к разводам. Чтобы развестись, с 1926 года не требовалось даже присутствие и согласие второй стороны. При этом среди самих комсомольцев нередким было легкомысленное отношение к заключению брака и разводу. В частности, один из членов сельской комсомольской ячейки Томской области мотивировал свой развод после рождения ребенка тем, что «она неряха, красоту не соблюдает и не поддается никакой обработке» [РГАСПИ, ф. М.-1, оп. 23, д. 435. л. 49].

Между тем весьма сложным было отношение к упрощенному разводу среди крестьян поколения «революционного перелома». В большинстве своем они по-прежнему связывали крепость брака с церковными узами. Любопытно, что крестьяне называли брак «венчанием», даже если венчания как такового и не было. Однако остались свидетельства о том, что крестьяне слободы Ровеньки хорошее видели в том, что «як ошибся, плоху бабу взяв, можно и переменить». Но тут же обращали внимание, что благодаря этому хозяйство разоряется, дети остаются сиротами. Все-таки крестьяне приходили к выводу, что нужны определенные ограничения. Сельчанки хоть и обращали внимание на тяжелое экономическое положение разведенных женщин, говорили: «Когда есть развод теперь, то бабе больше независимости от мужика. Соввласть хорошо делает для баб» [Тарадин, 1926, с. 96]. В ходе опроса об отношении к разводам выяснилось, что 64,8 % мужчин и 88,5 % женщин высказались против [Там же]. Частушки также сохранили память о различиях в крестьянских оценках упрощенных разводов: «В брачном деле мой брательник — / Нового поборник / Он женился в понедельник, / Развелся во вторник» [Синяя блуза, 1926, № 47—48, с. 70].

Среди крестьян поколения «революционного перелома» преобладали практические представления об отношениях полов. Некоторые из них прямо говорили о том, что комсомол и не растет в первую очередь из-за нежелания парней и девушек остаться холостыми. Так, крестьянин из деревни Матвеевки Жигаевской волости Льговского уезда Курской губернии раз-

мышлял: «Располагая быть дома, девушка в комсомол никогда не вступит. Комсомолец, располагая быть дома, говорит: “Век неженатому не быть”» [Голос народа..., 1997, с. 174].

По вопросу «Нужно ли бить жену?» зафиксирована крайняя противоречивость суждений. Так, в Ровеньках за то, что бить нужно, высказалось больше даже женщин, чем мужчин [Тарадин, 1926, с. 97—98].

Скептически относились крестьяне Ровенек к участию местных жительниц в женотделах. Обилие забот по хозяйству приводило к тому, что стоящая крестьянка-хозяйка не в состоянии была отлучаться на всякого рода собрания. И получалось, что в женотделах активность в основном проявляли особы, мало связанные с сельским хозяйством, вдовы (по словам крестьян, «которые по базару шукуют пудры и мыло и работать не хотят»). Крестьяне откровенничали: «Хозяйство и раньше незавидное у таких женщин, когда они начинают отдаваться общественной работе, еще больше ухудшается». В среде середняков преобладала схожая точка зрения: «Ходить туды на собрания только хозяйство разрушать, так як заседания там каждый день» [Там же, с. 100].

Впрочем, и среди молодых девушек отношение к общественной работе значительно изменялось после начала семейной жизни. Очевидно, после замужества бытовые заботы начинали отнимать существенную часть свободного времени, а потому становилось затруднительно регулярно посещать комсомольские собрания. Нередко в это время крестьянские девушки мотивировали свой выход из комсомола следующим образом: «Замуж вышла. Теперь и без комсомола работы много! Нечего хвост трепать» [Комсомольская правда, 1926, 17 февраля, с. 3].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, «революция в быту» многофакторно повлияла на характер общественных настроений крестьянства. Важнейшую роль в обострении противоречий между поколениями крестьян сыграло усилившееся в годы нэпа влияние комсомольских ячеек в деревне, в то время как сами комсомольцы стали главными проводниками «нового быта». Однако, несмотря на проявившееся различие в представлениях о «правильном» быте, по некоторым направлениям модернизации сельского быта позиции поколений практически совпадали. Но поскольку созидательные черты деятельности комсомола и поддерживающей его молодежи в рассматриваемый период не стали определяющими их стиль, в основном крестьянство старших поколений негативно восприняло борьбу с «пережитками прошлого», рассматривая ее как попытку перевернуть сельскую иерархию, отказаться от наследия «отцов», проигнорировать интересы «старших бра-

тьев». Проявившиеся в 1920-е годы противоречия в мировоззренческих ценностях «отцов» и «детей» во многом предопределили межпоколенческий раскол и усиление конфронтации в советской деревне, достигшие своего апогея в период коллективизации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Авдеев В.* Шептуны и знахари. Инсценированный агит-суд над знахарством в 3-х карт. для деревенского театра / В. Авдеев. — Ленинград : Прибой, 1926. — 32 с.
2. *Андреев Б.* Суд над старым бытом / Б. Андреев. — Москва : Долой неграмотность, 1926. — 31 с.
3. *Беднота.* — 1922. Февраль ; Декабрь.
4. *Бюллетень IV Всесоюзной конференции РЛКСМ.* № 5. — Москва : Молодая гвардия, 1925. — 334 с.
5. *Виленкин А. Я.* Как поставить агит-суд в избе читальне / А. Я. Виленкин. — Ленинград : Гос. изд., 1926. — 24 с.
6. ГАОПИ ВО — *Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области* Ф. П. — 6. Оп. 1. Д. 122. Л. 27.
7. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области* Ф. П. — 1204. Оп. 1. Д. 90. Л. 10.
8. *Голос народа.* Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / сост. С. В. Журавлев и др. ; Предисл. А. К. Соколов. — Москва : РОССПЭН, 1997. — 328 с.
9. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области.* Ф. Р. — 1. Оп. 1. Д. 829. Л. 238—239.
10. *Деев Д. И.* Суд над заразившим сифилисом жену (санитарная пьеса) / Д. И. Деев. — Екатеринбург : Отд. здравоохранения и доркультура Екатеринбург. ж. д., 1924. — 31 с.
11. *Деревенский Театр.* — 1926. — № 8.
12. *Железнов Ф. А.* Больше-Верейская волость : (экономика и быт деревни) / Ф. А. Железнов. — Воронеж : Воронежск. краевед. о-во, 1926. — 38 с.
13. *За культурный досуг молодежи: Информационный обзор.* — Москва : Мособлгаграф, 1928. — 36 с.
14. *Изба-читальня.* — 1928. — № 17.
15. *Как строить новый быт: практические советы и указания жилищно-арендным кооперативам.* — Москва : Вопросы труда, 1925. — 120 с.
16. *Комсомол в деревне. (Наш опыт) : Сборник* / сост. Гр. Краснощеков, А. К. Кузнецов, Б. Трейвас. — Москва : Новая Москва, 1926. — 153 с.
17. *Комсомольская правда.* — 1925. — Август ; Октябрь ; 1926. — Январь ; Февраль ; Июнь ; 1927. — Апрель.
18. *Комсомольское Рождество : Сборник материалов к празднованию комсомольского рождества* / под общ. ред. М. Лисовского. — Ленинград : Госиздат, 1925. — 182 с.

19. *Красная новь*. — 1926. — № 11.
20. Кузьмин В. О «молодой старости», аскетизме и казенщине / В. Кузьмин // Быт и молодежь. — Москва : Правда; Беднота, 1926. — 75 с.
21. Лапин Д. В. Суд над бациллой Коха / Д. В. Лапин, С. А. Степанов. — Москва : Нар. ком. здрав., 1924. — 51 с.
22. Маторин Н. М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь : язычество-ислам-православие-сектантство / Н. М. Маторин. — Москва : Безбожник, 1929. — 174 с.
23. Медынский Е. Н. Агитсуды / Е. Н. Медынский // Энциклопедия внешкольного образования. — Москва : Гос. изд., 1923. — 138 с.
24. Мурин В. А. Быт и нравы деревенской молодежи / В. А. Мурин. — Москва : Новая Москва, 1926. — 158 с.
25. *Письма во власть*. 1917—1927 : Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лифшин, И. Б. Орлов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 664 с.
26. *Рабочий, строй свою кооперацию!* : Сборник-пособие рабочим клубам по кооперативной агитпропаганде / под ред. Ник. Масленикова Главполитпросвет Агит. отделение. — Москва : Долой неграмотность, 1925. — 143 с.
27. Ребельский И. В. Инсценированные суды : (Как их организовывать и проводить) / И. В. Ребельский. — Москва : Труд и книга, 1926. — 84 с.
28. Резвушкин Я. П. Суд над богом : Антирелигиозный сборник / Я. П. Резвушкин. — Москва : Гос. изд., 1925. — 134 с.
29. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 130. Л. 18—19, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 435. Л. 49, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 504. Л. 256Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 580. Л. 120.
30. Синяя блуза. — Москва : Труд и книга, 1926. — № 47—48. — 80 с.
31. Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 гг. / С. Г. Струмилин. — Москва : Вопросы труда, 1924. — 160 с.
32. Тарадин И. П. Слобода Ровеньки / И. П. Тарадин. — Воронеж : Воронежское краевед. о-во, 1926. — 171 с.
33. *Трудовой Дон*. — 1923. — 16 марта.
34. Хребес И. Современные крестьянские песни : холостая жизнь, любовь, брак, семья, новые пути : с приложением типовых напевов / И. Хребес. — Москва : Гос. изд., 1929. — 98 с.
35. Цеткин К. Из записной книжки / К. Цеткин // Воспоминания о В. И. Ленине. — Москва : Госполитиздат, 1955. — 72 с.
36. *Частушки* красноармейские и о Красной Армии. — Москва : Гос. военное изд., 1925. — 28 с.
37. Ярославский Е. М. Мораль и быт пролетариата в переходный период / Е. М. Ярославский. — Ленинград : Прибой, 1926. — 74 с.

Литература

1. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа : историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / С. Д. Багдасарян. — Новочеркасск : Лик, 2015. — 312 с. — ISBN 978-5-906758-77-4
2. Безденежных А. Ю. Проблема просвещения в деревне в середине 1920-х гг. В контексте крестьянских писем из Уральской области / А. Ю. Безденежных // Педагогическое образование в России. — 2011. — № 4. — С. 102—105.

3. Вишнева О. Г. Участие Псковской губернской комсомольской организации в кампаниях по переВыборам Советов в 1920-е гг. / О. Г. Вишнева. — Псков : [б. и.], 2014. — № 40. — С. 112—116.

4. Гайлит О. А. Религия в «молодом» обществе : заметки о становлении советской повседневности / О. А. Гайлит // Антропологический форум. — 2012. — № 16. — С. 288—308.

5. Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа : к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) / С. А. Есиков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 246 с. — ISBN 978-5-8243-1383-3.

6. Ефимова Е. А. Военные игры в воспитании подрастающего поколения (II половина 1920-х — 1930-е гг.) / Е. А. Ефимова // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2014. — С. 61—68.

7. Ипполитов В. А. Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 336—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362.

8. Козлов Ф. Н. Антирелигиозная пропаганда в Чувашии в начале 1920-х гг. / Ф. Н. Козлов // Эхо веков. — 2010. — № 3—4. — С. 301—306.

9. Кулачков В. В. Трансформация статуса крестьянок в эпоху новой экономической политики (историографические заметки) / В. В. Кулачков // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России : история и современность. — 2021. — № 10 (2). — С. 45—50.

10. Левада Ю. А. Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5. — С. 7—14.

11. Мищенко Т. А. Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. В деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40.

12. Орищев А. Б. Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа : историографический анализ / А. Б. Орищев, В. Н. Тарасенко. — Москва : РИОР, 2016. — 150 с. — ISBN 978-5-369-01460-8.

13. Полянская Л. Ю. Формирование нового социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья в период нэпа / Л. Ю. Полянская. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 239 с. — ISBN 978-5-8243-2173-9.

14. Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.

15. Рыбаков Р. В. «Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал» : из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. / Р. В. Рыбаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 11. — С. 122—126.

16. Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни : влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920 — 1930-х годов / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 446—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477.

17. Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. — New York : Natural History Press, 1970. — 91 p.

18. *Peris D. Storming the Heavens* / D. Peris. — Ithaca and London : Cornell university Press, 1998. — 237 p.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024,
одобрена после рецензирования 16.06.2024,
подготовлена к публикации 24.06.2024.

Material resources

- Andreev, B. (1926). *The trial of the old way of life*. Moscow: Down with illiteracy. 31 p. (In Russ.).
- Avdeev, V. (1926). *Whisperers and healers. Staged agitation trial of witchcraft in 3 cards. for the village theater*. Leningrad: Priboy. 32 p. (In Russ.).
- Blue blouse*, 47—48. (1926). Moscow: Trud i kniga. 80 p. (In Russ.).
- Bulletin of the IV All-Union Conference of the Russian Communist League*, 5. (1925). Moscow: Molodaya Gvardiya. 334 p. (In Russ.).
- Deev, D. I. (1924). *The trial of a wife infected with syphilis (a sanitary play)*. Yekaterinoslav: Department of Health and dorcultran Yekaterininsk. zh. d. 31 p. (In Russ.).
- For the cultural leisure of youth: An information review*. (1928). Moscow: Mospoligraf. 36 p. (In Russ.).
- GAOPI VO — *State Archive of Socio-political history of the Voronezh region*. (In Russ.).
- GASPITO — *State Archive of Socio-political History of the Tambov region*. (In Russ.).
- GATO — *State Archive of the Tambov region*. (In Russ.).
- How to build a new way of life: practical tips and instructions for housing and rental cooperatives*. (1925). Moscow: Questions of labor. 120 p. (In Russ.).
- Hrebes, I. (1929). *Modern peasant songs: single life, love, marriage, family, new ways: with the application of standard tunes*. Moscow: State Publishing House. 98 p. (In Russ.).
- Izba-reading room*, 17. (1928). (In Russ.).
- Komsomol Christmas: A collection of materials for the celebration of Komsomol Christmas*. (1925). Leningrad: Gosizdat. 182 p. (In Russ.).
- Komsomol in the village. (Our experience): Collection*. (1926). Moscow: New Moscow. 153 p. (In Russ.).
- Komsomolskaya Pravda*. (1925, 1926, 1927). (In Russ.).
- Krasnaya Novy, 11*. (1926). (In Russ.).
- Kuzmin, V. (1926). About the “young old age”, asceticism and the treasury. In: *Everyday life and youth*. Moscow: Pravda; Bednota. 75 p. (In Russ.).
- Labor Don*. (1923). (In Russ.).
- Lapin, D. V. (1924). *The trial of Koch's bacillus*. Moscow: Nar. com. zdrav. 51 p. (In Russ.).
- Letters to the authorities. 1917—1927: Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders*. (1998). Moscow: ROSSPAN. 664 p. (In Russ.).
- Matorin, N. M. (1929). *Religion among the peoples of the Volga-Kama Region before and now: paganism-Islam-Orthodoxy-sectarianism*. Moscow: Godless. 174 p. (In Russ.).
- Medynsky, E. N. (1923). Agitsudy. In: *Encyclopedia of extracurricular education*. Moscow: State Publishing House. 138 p. (In Russ.).
- Murin, V. A. (1926). *Life and customs of village youth*. Moscow: New Moscow. 158 p. (In Russ.).
- Rebelsky, I. V. (1926). *Staged trials: (How to organize and conduct them)*. Moscow: Trud i kniga. 84 p. (In Russ.).

- Red Army ditties and about the Red Army.* (1925). Moscow: State Military Publishing House. 28 p. (In Russ.).
- Rezvushkin, Ya. P. (1925). *Judgment on God: An antireligious collection.* Moscow: State Publishing House. 134 p. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-political History.* (In Russ.).
- Strumilin, S. G. (1924). *The budget of the time of the Russian worker and peasant in 1922—1923.* Moscow: Voprosy truda. 160 p. (In Russ.).
- Taradin, I. P. (1926). *Sloboda Rovenki.* Voronezh: Voronezh Regional History. About. 171 p. (In Russ.).
- The poor.* (1922). (In Russ.).
- Tsetkin, K. (1955). From a notebook. In: *Memoirs of V. I. Lenin.* Moscow: Gospolitizdat. 72 p. (In Russ.).
- Vilenkin, A. Ya. (1926). *How to put an agitation court in a reading room hut.* Leningrad: State Publishing House. 24 p. (In Russ.).
- Village Theatre,* 8. (1926). (In Russ.).
- Voice of the people. Letters and responses of ordinary Soviet citizens about the events of 1918—1932.* (1997). Moscow: ROSSPAN. 328 p. (In Russ.).
- Worker, build your cooperation!: Collection-manual for worker's clubs on cooperative agit-propaganda.* (1925). Moscow: Down with illiteracy. 143 p. (In Russ.).
- Yaroslavsky, E. M. (1926). *Morality and the way of life of the proletariat in the transition period.* Leningrad: Priboy. 74 p. (In Russ.).
- Zheleznov, F. A. (1926). *More-Vereyskaya volost: (economy and life of the village).* Voronezh: Voronezh. local historian. About. 38 p. (In Russ.).

References

- Bagdasaryan, S. D. (2015). *Life, labor and family of peasants of the NEP era: the historical daily life of a South Russian village in the 1920s.* Novocherkassk: Lik. 312 p. ISBN 978-5-906758-77-4. (In Russ.).
- Bezdenzhnykh, A. Y. (2011). The problem of education in the countryside in the mid — 1920s. In the context of peasant letters from the Ural region. *Pedagogical education in Russia,* 4: 102—105. (In Russ.).
- Efimova, E. A. (2014). War games in the upbringing of the younger generation (II half of the 1920s — 1930s). In: *Education as a factor in the development of the intellectual and moral potential of the individual and modern society.* St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 61—68. (In Russ.).
- Gailit, O. A. (2012). Religion in a “young” society: notes on the formation of Soviet everyday life. *The Anthropological Forum,* 16: 288—308. (In Russ.).
- Ippolitov, V. A. (2023). Impact of Famine of 1924—1925 on Social and Political Mood of Peasantry in Tambov Province. *Nauchnyi dialog,* 12 (2): 336—362. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362> (In Russ.).
- Kozlov, F. N. (2010). Antireligious propaganda in Chuvashia in the early 1920s. *Echo of Centuries,* 3—4: 301—306. (In Russ.).
- Kulachkov, V. V. (2021). Transformation of the status of peasant women in the era of new economic policy (historiographical notes). *Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: history and modernity,* 10 (2): 45—50. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes,* 5: 7—14. (In Russ.).

- Mead, M. (1970). *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. New York: Natural History Press. 91 p.
- Mishchenko, T. A. (2020). The younger generation in the construction of a new political identity in the 1920s. In the village of the South-West of Russia. *Manuscript*, 13 (10): 34—40. (In Russ.).
- Orishev, A. B., Tarasenko, V. N. (2016). *The daily life of a Soviet man in the era of the NEP: a historiographical analysis*. Moscow: RIOR. 150 p. ISBN 978-5-369-01460-8. (In Russ.).
- Peris, D. (1998). *Storming the Heavens*. Ithaca and London: Cornell university Press. 237 p.
- Polyanskova, L. Y. (2017). *Formation of a new socio-cultural image of the peasantry of the Middle Volga region during the NEP period*. Moscow: Political Encyclopedia. 239 p. ISBN 978-5-8243-2173-9. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in the conditions of the intergenerational gap (1920s). *Voice of the past*, 3—4: 164—182. (In Russ.).
- Rybakov, R. V. (2016). “Socialist culture lacks some virtuous principles”: from the experience of educating Soviet youth in the 1920s. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 11: 122—126. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023). Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of “Anti-Religious Offensive” of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 446—477. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477> (In Russ.).
- Vishneva, O. G. (2014). *Participation of the Pskov provincial Komsomol organization in the campaigns for the re-election of Soviets in the 1920s*, 40. Pskov: [b. i.]. 112—116. (In Russ.).
- Yesikov, S. A. (2010). *The Russian village in the years of the NEP: on the issue of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)*. Moscow: ROSSPEN. 246 p. ISBN 978-5-8243-1383-3. (In Russ.).

*The article was submitted 18.04.2024;
approved after reviewing 16.06.2024;
accepted for publication 24.06.2024.*

Информация для цитирования:

Суслова Л. Н. Правительственная политика по отношению к сектантам и ее реализация в Тобольской губернии в XIX веке / Л. Н. Суслова, Е. В. Костецкая, В. А. Аксенова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 516—541. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-516-541.

Suslova, L. N., Kostetskaya, E. V., Aksenova, V. A. (2024). Government Policy towards Sectarians and Its Implementation in Tobolsk Province in 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 516-541. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-516-541. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Правительственная политика по отношению к сектантам и ее реализация в Тобольской губернии в XIX веке

Суслова Людмила Николаевна

orcid.org/0000-0002-2426-2967

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания
корреспондирующий автор
lnsuslova@yandex.ru

Костецкая Екатерина Викторовна

orcid.org/0000-0002-1138-8157

кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Аксенова Валерия Александровна

orcid.org/0009-0002-5354-3343

исследователь
leraxenova@gmail.com

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Government Policy towards Sectarians and Its Implementation in Tobolsk Province in 19th Century

Lyudmila N. Suslova

orcid.org/0000-0002-2426-2967

PhD in History, Associate Professor
Department of History, Law,
Social and Economic Disciplines
and Teaching Methods
Corresponding Author
lnsuslova@yandex.ru

Ekaterina V. Kostetskaya

orcid.org/0000-0002-1138-8157

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Law,
Social and Economic Disciplines
and Teaching Methods
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Valeriya A. Aksenova

orcid.org/0009-0002-5354-3343

Researcher
leraxenova@gmail.com

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрен процесс формирования нормативно-правовой основы взаимоотношений государства с представителями религиозного сектантства, особенности политики Русской православной церкви по отношению к сектантству в Tobolsk губернии. Выполнен комплексный анализ опубликованных и неопубликованных архивных материалов. Выделены направления работы центральных и местных органов управления по предупреждению и пресечению деятельности сект, получивших распространение на территории Tobolsk губернии во второй половине XIX века. Обращение к судебно-следственным делам и материалам периодической печати позволило оценить степень эффективности правительственных мероприятий на территории Tobolsk губернии в указанный период. Показано, что совершенствование законодательной базы было тесно связано со сбором сведений о вероучениях и обрядовой практике сектантов и уточнением типологии религиозного сектантства. Сделан вывод о том, что меры пресечения распространения сектантского вероучения сводились к применению наказаний в виде лишения всех прав состояния и ссылки сектантов в отдаленные районы страны (Кавказ, Западная и Восточная Сибирь). Следствием реализации комплекса антисектантских мер светских и церковных губернских органов управления явилось изменение обрядовой практики сектантов, затруднявшей властям способы выявления принадлежности к сектам. Это свидетельствовало о невысокой степени эффективности применяемых правительственных мер.

Ключевые слова:

сектантство; конфессиональная политика; Tobolsk губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of establishing the legal framework for the state's relations with representatives of religious sectarianism, focusing on the peculiarities of the Russian Orthodox Church's policy towards sectarianism in Tobolsk Province. A comprehensive analysis of published and unpublished archival materials is conducted, highlighting the efforts of central and local governing bodies to prevent and suppress the activities of sects that had spread in Tobolsk Province during the second half of the 19th century. By examining judicial records and periodical publications, the effectiveness of government measures in Tobolsk Province during this period is evaluated. It is demonstrated that improving the legislative basis was closely linked to gathering information about the beliefs and ritual practices of sectarians and refining the typology of religious sectarianism. The conclusion is drawn that measures to curb the spread of sectarian doctrines involved imposing penalties such as deprivation of all rights and exile of sectarians to remote regions of the country (Caucasus, Western and Eastern Siberia). The implementation of a comprehensive set of anti-sectarian measures by secular and ecclesiastical provincial governing bodies resulted in changes to the ritual practices of sectarians, making it difficult for authorities to identify sect affiliations, indicating a low level of effectiveness of the government's actions.

Key words:

sectarianism; confessional policy; Tobolsk Province.

Правительственная политика по отношению к сектантам и ее реализация в Тобольской губернии в XIX веке

© Суслова Л. Н., Костецкая Е. В., Аксенова В. А., 2024

1. Введение = Introduction

Многонациональный состав и поликонфессиональная структура Российского государства исторически предопределили богатство ее духовной истории. Изучение разнообразных аспектов религиозных процессов вызывает в настоящее время интерес исследователей многих областей научного знания: историков, философов и религиоведов, социологов и политиков, юристов. Анализ и обобщение российского опыта взаимодействия государства, религиозных организаций и общества способствуют созданию действенных, эффективных мер в сфере укрепления гражданского согласия в российском социуме. Актуальным представляется и региональный аспект исследования религиозной жизни российского общества.

Одним из элементов конфессиональной структуры Российской империи являлось религиозное сектантство, которое долгое время преследовалось за изменения традиционного христианского вероучения и официально утвержденной практики богослужения. В современных исследованиях по избранной теме в сектантстве как религиозном движении нестарообрядческого типа выделяют два направления: мистическое (мистико-экстатическое) и рационалистическое (движения протестантского типа) [Коновалов, 1908; Кориков, 2011]. Необходимо уточнить, что в рассматриваемый период светские и церковные органы власти видели в сектантстве две разные по происхождению группы христиан: с одной стороны, ряд радикальных направлений, близких к беспоповским старообрядческим толкам и соглашениям, с другой — пришедшие в Россию варианты европейского протестантизма.

Статистические сведения уездных и волостных правлений, отчеты тобольских губернаторов в Министерство внутренних дел свидетельствуют о наличии на территории Тобольской губернии во второй половине XIX века последователей скопчества, христововерия, духоборчества, штундистов, немоляков, субботников, баптистов, адвентистов, молокан, меннонитов. Проведенный анализ данных этих источников позволил выявить рост числа сектантов на протяжении второй половины XIX века со ста восьмидесяти двух

человек в 1855 году до одной тысячи четырехсот семидесяти трех человек в 1913 году. Заметим, что почти десятикратное увеличение сектантов за половину столетия также может быть следствием совершенствования способов выявления сектантов и методов сбора местными светскими и церковными властями статистических данных [Сулова, 2017, с. 203].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение истории правительственной политики по отношению к сектантам ведется практически одновременно с ее проведением. К данной теме обращались как церковные, так и светские исследователи. Богословский подход представлен трудами Т. И. Буткевича [Буткевич, 1910], В. В. Розанова [Розанов, 1914]. Авторы подробно рассмотрели историю появления отдельных сект, распространенных на территории Российской империи, выявили их догматическую и вероучительную специфику. Работы указанных авторов отличает описательный подход, поскольку они не ставили своей целью представить полное и всесторонне исследование сектантства.

В условиях активизации в 1880—1890-е годы миссионерской деятельности Русской православной церкви практическую значимость имели пособия П. П. Оболенского, Л. А. Рождественского и О. П. Новицкого, посвященные специфике вероучения отдельных сект и призванные оказать помощь православным священнослужителям в их противосектантской миссии. Эта целевая установка предопределила субъективизм в оценках авторов [Оболенский, 1903; Южнорусский штундизм ..., 1889; Новицкий, 1882]. П. С. Смирнов в монографии, посвященной истории старообрядчества, рассматривая законодательную политику правительства Александра II по отношению к расколу, обратил внимание на деятельность комиссий Панина (1864 год) и Лобанова-Ростовского (1870 год), призванных пересмотреть прежнее законодательство о раскольниках и сектантах [Смирнов, 1893].

Работы церковных авторов, посвященные сектантству Западной Сибири, и в частности Тобольской губернии, начинают появляться с 80-х годов XIX века. Труды Л. Соловьева, Г. Шореца [Соловьев, 1909, с. 497—498; Шорец, 1915, с. 698—706] содержат ценные сведения о появлении и распространении сектантов в регионе. При написании работ авторы использовали архив Тобольской духовной консистории, часть дел которого не сохранилась. Они пытались показать сектантство как «вредное» явление, которое необходимо искоренять путем административно-полицейских мер. Данная позиция церковных деятелей усилилась после объявления свободы вероисповедания 17 апреля 1905 года и широкого развития сектантства в регионе.

В конце XIX — начале XX веков выходят работы историка-марксиста В. Д. Бонч-Бруевича, этнографа и публициста А. С. Пругавина [Бонч-

Бруевич, 1909; Бонч-Бруевич, 1911; Пругавин, 1905; Пругавин, 1906]. А. С. Пругавина интересовали правовые, экономические и бытовые аспекты быстрого развития религиозной оппозиции. В его работах мы находим интересный материал, полученный им в результате посещения мест проживания сектантов и контактов с ними. Ценность работ В. Д. Бонч-Бруевича заключается в создании и применении на практике специальной программы исследования хозяйственной и обрядовой жизни сектантов-баптистов, штундистов, молокан и др.

В советский период историки, занимавшиеся изучением сектантства, рассматривали его как специфическую форму антифеодального протеста. В работе Н. М. Никольского «История русской церкви» подробно проанализированы причины появления сектантства, выявлены те слои, которые стали их социальной опорой, а также охарактеризовано распространение различных сект в России [Никольский, 1983].

Большой вклад в изучение истории сектантства во второй половине XIX — начале XX веков внес А. И. Клибанов. В работе «История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века — 1917 год)» автор подробно рассмотрел распространение, экономическое и социальное положение рационалистического сектантства на территории Российской империи. Характерным для работ советского периода является утверждение А. И. Клибанова, что сектантство в России не являлось чисто религиозным. Зародившись в XVIII веке сектантские общины к середине XIX века превращаются в социальные общности, в пределах которых развиваются буржуазные отношения и, как следствие этого, классовая борьба [Клибанов, 1965].

С начала 1990-х годов наблюдается активизация научного интереса к избранной теме. Государственная политика по отношению к раскольникам во второй половине XIX — начале XX веков рассмотрена в монографии О. П. Ершовой [Ершова, 1996]. Основные проблемы в выработке и реализации конфессиональной политики государства и церкви по отношению к сектантству в XVIII—XIX веках исследованы В. Ю. Далецкой [Далецкая, 2005]. Отдельные аспекты религиозной политики государства затронуты в статьях П. Ю. Мельникова [Мельников, 2006]. Представляет интерес диссертационное исследование А. В. Тонконогова, посвященное рассмотрению истоков и сущности современного сектантства как социального феномена. Автор приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что «распространение сектантства в современной России связано с кризисом в духовной жизни общества и отсутствием общегосударственной национальной политики» [Тонконогов, 2004].

Научный интерес к проблемам изучения исторических причин возникновения, классификации и сущности сектантства в последние годы под-

тверждается рядом диссертационных исследований А. Г. Бермана, И. Ю. Гагариной, Д. Г. Корикова, В. А. Плоткина, Т. С. Оленич, проведенных как на общероссийской современной источниковой базе, так и на региональных материалах Среднего Поволжья, Южного Урала [Берман, 2006; Гагарина, 2011; Кориков, 2011; Оленич, 2005]. В этот период появляются работы историков, занимавшихся изучением религиозной ситуации и поликонфессиональной структуры Западной Сибири и Тобольской губернии. Однако проблему сектантства исследователи либо не затрагивали, либо ограничивались высказываниями о его малочисленности. Таким образом, историографический анализ избранной темы позволяет заключить, что исследование сектантства в территориальных границах Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX веков до настоящего времени не предпринималось.

Наиболее эффективными методами для авторов исследования стали научные принципы системности, историзма, а также историко-сравнительный и историко-юридический методы, позволившие системно рассмотреть комплекс правительственных и церковных мероприятий по отношению к сектантам. Духовная и политическая жизнь общества исследуется комплексно, во взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Правительственная политика по отношению к сектантам рассматривается в эволюционном развитии.

Круг источников по истории правительственной политики в отношении сектантов на территории Тобольской губернии включает законодательные акты центральной светской и духовной властей, распоряжения местных органов управления, делопроизводственные, главным образом судебно-следственные документы и отчеты православных миссионеров, учетные и статистические материалы, материалы периодической печати.

К законодательным источникам относятся нормативно-правовые акты, которые регулировали функционирование религиозных сект, определяли правовой статус сектантов, цели и содержание конфессиональной политики правительства [ПСЗ РИ, 1830—1884; Российское законодательство ..., 1988; Устав о предупреждении ..., 1857]. Нормативные акты центральных органов гражданской власти, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (г. Москва) и фондах Государственного архива г. Тобольска, дают представление о правовом положении сектантов на территории всей империи. Документы местных органов управления позволяют выявить специфику в процессе реализации вероисповедного законодательства в отношении сектантов на территории Тобольской губернии. Большинство высочайших и сенатских указов, министерских циркуляров содержится в фонде общего губернского управления архива г. Тобольска [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. и152]. Вторую группу источников составляют

делопроизводственные материалы: переписка с департаментом духовных дел, внутренние просительные документы, отчеты епархиальных священников, полицейских управлений, судебно-следственные дела. Данные источники позволяют проследить процесс реализации конфессиональной правительственной политики на территории Тобольской губернии. Указанная группа источников представлена в основном неопубликованными материалами, извлечёнными из фондов РГАДА, и документами Тобольского общего губернского управления, Тобольской духовной консистории Государственного архива в г. Тобольске [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. и152, и156]. Неопубликованные материалы сохранились в фондах Тобольского общего губернского управления, Тобольского статистического комитета и Тобольской духовной консистории [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. и152, и156, и417]. Ценность данного вида источников заключается в возможности определить динамику численности сектантства в регионе на протяжении второй половины XIX века, территории распространения разновидностей религиозного сектантства и его основные центры. Можно заключить, что источники, привлеченные для анализа формирования комплекса правительственных мер по отношению к сектантам второй половины XIX века и их реализации в рассматриваемом регионе, отличается полнота и репрезентативность содержащейся в них информации. По сравнению с предшествующим периодом их отличает количественное и качественное разнообразие, что свидетельствует об изменении отношения центральных и местных властей к этому социально-религиозному феномену.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Правовое положение сектантов в 1850—60-е годы

Правовой статус сектантов в Российской империи долгое время оставался неразработанным, тем не менее накопленный с XVII века значительный комплекс актовых источников требовал упорядочения и систематизации. Предпринятая Вторым отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии кодификация российского законодательства привела к систематизации нормативно-правового материала о старообрядцах и сектантах. К середине XIX века основу правительственной политики по отношению к сектантам составляли указы и распоряжения, вошедшие в состав пятнадцатитомного Свода действующих законов Российской империи, вступившего в силу 1 января 1835 года. Последующие законоположения вошли во второе и третье издания Свода 1842 и 1857 годов [Российское законодательство ..., с. 160—161]. Большая часть правовых норм о сектантах была включена в третий раздел XVI тома Свода законов под названием «Устав о предупреждении и пресечении распространения расколов и ересей между

православными» [Устав о предупреждении ..., 1857]. Таким образом, регламентирование положения сектантов в империи по месту в системе российского права и содержанию норм носило уголовно-правовой характер и рассматривалось в неразрывной связи со старообрядчеством.

К началу второй четверти XIX века правительство обязало губернские власти ежегодно составлять «ведомости о числе раскольников разных сект» и отправлять их в Министерство внутренних дел. Сбор интересующей информации рекомендовалось проводить по трем группам: а) молокане, духоборцы и иконоборцы, б) субботники, в) последователи мистических сект. Н. В. Варадинов отметил, что данная классификация отразила стремление выделить сектантов по степени опасности для государства. В меньшей степени власти интересовались особенностями религиозных взглядов сектантов [Варадинов, 1863, с. 75].

К началу 1830-х годов изучение правительством вопроса церковного раскола и сектантства, результатов применяемых мер привело к выводу о том, что проводимая ранее по отношению к раскольникам политика имела достаточно мягкий характер, в результате чего являлась неэффективной. Законотворческая работа второй четверти XIX века была направлена на разработку нового правового основания, ограничительно-запретительного и карающего характера, направленного на искоренение существующего раскола через его интеграцию в систему официального православия.

Рассмотрим особенности законодательной базы, сформированной ко второй половине XIX века и регулирующей взаимоотношения государства с сектантами. Основным регулятором взаимоотношений раскольников и государственной власти было положение, принятое еще 17 июня 1667 года и без изменений вошедшее в статью 60 Устава о предупреждении и пресечении преступлений Свода законов издания 1857 года [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 60, с. 18]. Согласно статье 60, раскольники не преследуются за мнение их о вере, но им запрещается «совращать или склонять кого-либо в раскол <...> чинить какие-либо дерзости противу православной церкви» или священнослужителей и вообще уклоняться от законных правил. Необходимо отметить противоречивость данного положения, что выразилось в отсутствии конкретности в толковании понятий «совращать и склонять в раскол», «чинить дерзости противу православной церкви» или «уклоняться от общих правил благоустройства» [Там же]. Это не могло не отразиться на правоприменительной практике. Таким образом, по мнению законодателя, право следовать той или иной вере сводилось лишь к фактам внешнего подтверждения какими-либо действиями своей принадлежности к вероучению.

Статьи 61 и 62 (по Своду 1842 года и 1857 года) содержат положение, по которому раскольникам запрещалось строить или «переделявать» мо-

литвенные дома. В 1842 году было внесено дополнение, согласно которому молитвенные здания, построенные до 17 сентября 1826 года, разрешалось оставить без изменений, но впредь не разрешалось строительство новых, а также переделка и возобновление старых зданий.

В Устав о пресечении и предупреждении преступлений вошли также указы, регулирующие действия местных властей по отношению к сектантам на местах (ведение метрических книг, действия духовных и гражданских властей в отношении раскольников). В обязанность местной полиции (городской, земской и сельской) вменялся учет численности «иноверцев», ведомости подавались ежегодно гражданскому начальству [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 64, 67, с. 19].

Анализ законодательства позволяет заключить, что для контроля за состоянием раскола и сектантства на местах в Российской империи существовала определенная двухступенчатая система: нижнюю ступень занимала духовная власть, верхнюю — гражданское начальство. Данная система функционировала следующим образом: священники доносили епархиальному начальству о положении дел на местах с описанием своих действий и получали от него наставления «в сем важном предмете служения его». Епископ мог оказать представителям духовенства «пособие сношением с гражданским начальством» [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 74—76, с. 20], но только в случае возникновения угрозы «к внешним доказательствам ереси и к действиям, могущим производить соблазн», а также оскорбления в адрес церкви. Следует отметить, что в законе отсутствует точная характеристика действий гражданского начальства по отношению к раскольникам. Это давало им возможность применять и действия физического принуждения.

78, 79 и 81 статьи носили дискриминационный характер. Первая содержит требование, согласно которому выбранные к общественным должностям лица предварительно давали «подписки» в том, что они не принадлежат ни к одной из раскольнических сект и скопчеству. За выявленный факт сокрытия принадлежности к расколу последователи особенно вредных сект подлежали ссылке из внутренних губерний в Закавказский край, а из него и Ставропольской губернии в Сибирь. При этом для скопцов мера наказания была иной. Они подлежали ссылке в Восточную Сибирь с «поручением строжайшему надзору» гражданского начальства [Устав о предупреждении ..., примечание к ст. 78, 1857, с. 22]. Для духоборцев, иконоборцев, молокан, иудействующих сделана оговорка: они не могут занимать общественные должности «с правом власти и начальства... там, где есть православное население» [Устав о предупреждении ..., 1857, с. 22—23]. Закон был принят 31 декабря 1842 года. Таким образом, в статье 79 видно,

что правовое положение последователей сектантских учений было различным. В соответствии с 81 статьей запрещалось приписываться к городским обществам в Бессарабской области и пограничных западных губерниях раскольникам всех сект и согласий.

На результат законодательных и распорядительных мероприятий правительства оказала существенное влияние проведенная Министерством внутренних дел работа по сбору и анализу сведений об особенностях вероучения и распространения ряда сект на протяжении второй четверти XIX века. Эта аналитическая работа позволила разработать классификацию раскольников и сектантов. Все существующие на территории империи старообрядческие согласия и сектантские толки были разделены на три категории:

— «повреждающие веру», но наименее опасные в гражданском отношении последователи старообрядческих согласий, принадлежавших к поповскому направлению;

— «особенно вредные» раскольники беспоповского направления, признающие молитву за царя и церковный брак;

— «изуверные», учение которых сопряжено с проявлением крайнего фанатизма, к которым отнесены все секты и последователи беспоповского направления старообрядчества, не приемлющие молитву за царя и отказывающиеся от заключения брака [Варадинов, 1863, с. 225].

Таким образом, основным критерием, которым руководствовалась власть при распределении сект, являлись не их догматические убеждения, не суть и особенности вероучения, а степень «опасности» религиозной оппозиции государству. Отсутствие четких формулировок, по которым происходило деление сект на категории, давало возможность по-разному трактовать те или иные положения. Так, например, в законе не объяснялось понятие «противонравственные гнусные действия». Также следует отметить, что власть смотрела на данное явление довольно поверхностно и не стремилась объяснить исходные причины и исторические условия отхода населения от православия. При таком подходе власть не делала различия между старообрядцами и сектантами, что нашло отражение в данной классификации и разработке законодательства.

Общими для всех сект являются положения статей 72, 73 и 77. Им запрещалось заводить и распространять свою веру среди населения (только православного). В свою очередь, последние должны были доносить об основателях и распространителях сектантского вероучения гражданскому начальству. Раскольникам и сектантам запрещались «хула и насмешки» в адрес православной церкви и вообще «всякое действие при христианине, противное его вере». Эти действия законодательство определяет как «со-

блазн» к вовлечению православного человека в свою веру. Раскольники также не имели права внешне проявлять свою принадлежность к какой-либо секте (колокольный звон, громкое пение, ношение особенной одежды) и давать повод к «соблазну для православных».

Последователям сект, отнесенных к «особенно вредным», запрещалось принимать к себе в семейство детей православной веры. За распространение сектантского учения и вовлечение новых адептов, а также за обвинение и изобличение «в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви» и православного духовенства предписывалось сектантов предавать суду [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 77, с. 21].

В отдельную группу можно отнести законы, ограничивавшие действия секты жидовствующих [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 84—86, с. 23—24]. Им запрещалось следующее: для перемещения по территории Российской Империи выдавать паспорта, как и скопцам; принуждать малолетних детей к совершению обрядов по своим правилам. Евреям запрещалось находиться в уезде, где существует секта жидовствующих. Если этот закон был нарушен, то евреев и «давших им приют» подвергали заключению в тюрьму или денежному взысканию.

Законодательство Российской империи предусматривало не только предотвращение и пресечение преступлений в сфере религиозных отношений среди населения, но и наказание за них. Этому были посвящены нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Проект «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» был утвержден Николаем I 15 августа 1845 года и вступил в силу 1 мая 1846 года. Вторая часть «О преступлениях против веры и о нарушениях ограждающих оную постановлений» Уложения содержала в себе законы о «ересях и расколах» и являлась продолжением Устава о предупреждении и пресечении преступлений [Уложение о наказаниях ..., 1845, с. 57—60]. Главное отличие между этими правовыми источниками состояло в том, что первый носил запретительный характер, второй определял меру государственного воздействия по отношению к лицу, совершившему преступление.

Наказанию подвергались «лица православного исповедания, уклоняющиеся от исповеди и причащения св. тайн, по нерадению или небрежению», а также «родители, не приводящие к исповеди детей своих, достигнувших уже положенного на сие возраста (начиная с семи лет)» [Там же, ст. 219, с. 78]. На данном примере мы видим, что в этот исторический период приверженность к официальной религии является не правом, а обязанностью для населения Российской империи, и поэтому государство в вопросе защиты православия действовало совместно с Русской православной церковью, а иногда и вместо нее. Статья 220 в качестве наказания

предусматривала «особое внушение» от духовного начальства и замечания от местных гражданских властей [Там же, 1845, ст. 220, с. 78].

Наказанию подлежали как проступки, совершенные ввиду недобросовестности и небрежности населения, так и более серьезные преступления, которые рассматривались со всей обстоятельностью. Согласно закону, сектанты изначально приравнивались к преступникам. Так, в статьях 190—196 был установлен запрет на переход из православия в другие христианские и нехристианские вероисповедания. Наказание предусматривалось не только для лиц, отказавшихся от официальной религии, но и для тех, «кто знал, что жена его или дети, или другие лица, за коими ему предоставлено законом наблюдение и попечение, намерены отступить от православного вероисповедания». Старообрядцы поповского и беспоповского направлений не преследовались за принадлежность к расколу и за совершение богослужения и духовных треб по своим обрядам, если таковые не были запрещены законом [Там же, ст. 190—196, с. 71].

Группа статей (ст. 196, 197 и 200) Уложения устанавливала наказание за распространение и заведение новых «ересей», а также «сворачивание» православного населения. За данное преступление раскольники подлежали лишению всех прав состояния и ссылке в Закавказский край, Сибирь или «отдаленнейшие оной места». Последователи сект, признанных «особенно вредными», подлежали также ссылке, но для «водворения особо от других поселенцев и старожилов». Скопцы всех регионов империи, обрядовая практика которых предусматривала физическое «свиноепое изуверство», а также фанатичное «посягательство на жизнь» свою или других, должны были ссылаться в Восточную Сибирь с «поручением их строжайшему надзору» гражданского начальства. Если распространение «лжеучения» сектантами сопровождалось насилием «или другими увеличивающими вину обстоятельствами», то они подлежали лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу в рудники сроком от 12 до 15 лет. Также последователи «особенно вредных» сект наказывались за утаивание своей принадлежности к такой секте при приписке к городам или на выборах в общественные должности и за наем вместо себя в рекруты православных людей. Для скопцов мера наказания была увеличена за данное преступление [Уложение о наказаниях ..., 1845, ст. 196, 197, 200, с. 68—71].

Для того чтобы избежать притворного раскаяния со стороны сектантов, государство вводило суровое наказание. Безвозвратная ссылка и лишение всех прав состояния предусматривались тем лицам, которые повторно отказывались от официального православия.

Статьи 201 и 202 были направлены против распространения скопчества. Так, для них было определено наказание за оскпление «других по

заблуждению и фанатизму» или самого себя. В первом случае предусмотрена ссылка на рудники, в последнем — в Восточную Сибирь [Там же, ст. 201—202, с. 71].

Таким образом, с позиции государственных властей проблема раскола и сектантства в Российской империи существовала как временное явление, которое наносило серьезный ущерб официальному православию. Этим и объясняется ограничительно-запретительный и карающий характер правовой системы, которая была ориентирована на то, чтобы искоренить или уничтожить данную проблему.

Следует отметить, что законодательная система второй четверти XIX века четко определила статус сектантов. За приверженность к «своей» вере они считались преступниками. Однако мера их преступления и наказания были разными. Так, например, отчетливо видно, что законодательство разделяет все секты на «особенно вредные» (духоборцы, молокане, жидовствующие и иконоборцы) и те, которые в своем учении используют насилие. Но в законодательстве не было указано, кого именно относить к последней группе. Особенно сурово преследовались скопцы, так как основой их учения было телесное «изуверство» — оскотечение.

Отсутствие четких формулировок в законодательной системе являлось следствием возникновения большого количества спорных ситуаций между сектантами и исполнительными и судебными органами. Издавая законы, верховная власть не могла спрогнозировать результаты реализации принятых мер на местах. В результате многие из них были малоэффективны и не могли остановить распространения сектантства. Главная роль в борьбе с сектантством принадлежала гражданской власти, мало сведущей в вопросах религиозной догматики. Она занималась государственными вопросами (сбор информации, сыск, расследование преступлений, суд и т. д.). Дела, связанные с религиозными отношениями, возлагались на духовенство (вразумление, наставление на путь истинный).

3.2. Деятельность правительственных комитетов 1864 и 1875 годов

Ко второй половине XIX века правительством был накоплен разнообразный материал по истории и современному состоянию старообрядчества и сектантства в империи, что позволило определить степень опасности сект по отношению к официальной религии и государству, а также разработать комплекс законодательных мер, направленных на борьбу с сектантами. В обстановке готовящихся реформ 1860-х годов все большее количество общественных деятелей выступали за либерализацию правительственной политики в отношении сектантов. В том числе высказывалось мнение о недопустимости уголовного преследования людей за их взгляды. Данные обстоятельства послужили началом нового этапа

антисектантской политики государства и побудили правительство к поиску новых способов борьбы с противниками православия.

В законах, принимаемых правительством Александра II, прослеживается попытка привлечь сектантов к православной церкви путем предоставления обращающимся в православие некоторых уступок. В январе 1858 года был издан закон, согласно которому раскольники и сектанты за исключением скопцов, проживающие в Западной Сибири и выразившие согласие обратиться из раскола в православие, получали трехлетнюю льготу от уплаты податей и освобождались от надзора полиции [ПСЗ РИ, 1858, т. XXXIII, № 32699, с. 24]. Также им было предоставлено право «переходить» в городские и сельские общества без согласия на то последних. Своеобразной уступкой в отношении последователей «особенно вредных» сект (за исключением скопцов) можно считать указы, согласно которым им разрешалось приписываться к городским и сельским обществам в «пограничных западных губерниях» и к городским обществам «вновь открытых» городов Приамурского края [ПСЗ РИ, 1800, т. XXXV, № 35910, с. 762, 1863, т. XXXVII, № 40334, с. 265]. Приписка в этих регионах расширила права раскольников, однако такой шаг был предпринят не из лояльного отношения правительства к сектантам. В западных губерниях империи, где проживало значительное число населения неправославного христианского вероисповедания, раскольники и сектанты составляли единственный элемент русскоязычного населения. В данном случае вопрос государственной стабильности занимал приоритетное положение, что в определенной степени повлияло на конфессиональную политику.

Неспешность местной губернской администрации в решении проблемы сектантства можно объяснить незавершенностью работы по формированию правительственного курса, на который должны были ориентироваться учреждения, занимавшиеся делами раскольников и сектантов. В 1858 году был образован Секретный комитет для обсуждения вопросов и выработки «новой системы действий» в религиозном вопросе. Александр II выделил три проблемы, требующие немедленного обсуждения и решения: 1. Отсутствие специальных исследований и статистических данных по расколу, что порождает неправильное о нем суждение; 2. Неправомерно широкий круг действий Секретного комитета; 3. Необходимость ведения раскольничьих дел общим порядком, предписанным для всех подданных императора.

В результате обсуждения Секретный комитет постановил: «1. Предоставить министру внутренних дел сделать распоряжение о составлении в скорейшем сколь возможно времени: а) подробного и по возможности полного изложения догматического учения разных раскольничьих сект... б) собрание числовых данных о раскольниках разных сект... 2. Предоставить Секретному

комитету обсуждение общей системы действий правительства в отношении к расколу. 3. Дела законодательные по расколу вносить в Государственный Совет после подготовительных работ в самом Комитете, высшие административные в Комитет министров, а судебные производить установленным в законе 10 июня 1853 года порядком...» [Ершова, 1996, с. 135].

В 1860-е годы большое внимание уделяется развитию системы образования в Российской империи как важной мере просвещения населения и снижения привлекательности раскола и сектантства. Так, постановлением от 4 ноября 1863 года [ПСЗ РИ, 1863, т. XXXVII, № 40215, с. 164—165] были внесены изменения в статью 75 Свода Законов, в которой шла речь о вразумлении православных, совратившихся в раскол. До 1863 года данная статья предусматривала назидательную работу духовенства: вначале местными приходскими священниками, затем епархиальным начальством через тех же священников. Если принятые меры не приносили должного результата, то с совратившимися проводил «увещания» сам архиерей в духовном правлении или консистории. Отдельно оговаривались меры воздействия в отношении совратителей. Вся эта сложная система действия была отменена, и статья 75 приобрела следующее содержание: «Православные, в случае совращения в раскол, назидаются, по усмотрению духовного начальства, в истинной вере и увещаются через местных священников, миссионеров или других лиц, назначаемых епархиальным начальством. Но такие увещания и назидания производятся без отвлечения от места жительства и обыкновенных трудов и занятий» [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 75, с. 20].

Важная роль в проведении антисектантской правительственной политики в виде усиления мер «духовно-нравственного влияния» возлагалась по-прежнему на центральные и местные церковные органы управления. Отмечалось, что «при ныне царствующем Государе Императоре дана полная свобода совести и раскол больше не преследуется, за исключением лишь только тех сект, которые идут вразрез с физиологией и началами нравственности». «Земским полициям в их сношениях с раскольниками, Тобольскими губернаторами предписывалось в каждом частном случае действовать обдуманно и с величайшей осторожностью. Епархиальное начальство со своей стороны предлагало сельскому духовенству действовать на раскольников в духе кротости и по возможности убеждать их словами...» [Римский, 1996, с. 43]. Делу просвещения должны были служить и многочисленные братства, которые в это время создавались в крупных городах.

Подготовка и проведение военных реформ с начала 1860-х годов также затронули положение сектантов. В частности, статья 20 манифеста «О произведении в 1863 году рекрутского набора с обеих полос империи» разрешала последователям «особенно вредных» сект, к которым были отнесены мо-

локане, духоборцы, иконоборцы, иудействующие, скопцы, нанимать за себя в рекруты людей (охотников), а также покупать зачетные рекрутские квитанции «наравне с прочими сословиями» [ПСЗ РИ, 1863, т. XXXVIII, № 39799, с. 706—710]. До этого сектанты не могли нанимать за себя в рекруты не принадлежащих к их вере людей, а покупка зачетных рекрутских квитанций была запрещена. В этом же году были упорядочены действия военного начальства в случае обнаружения раскольников в регулярных сухопутных и морских войсках. Военному начальству, которое должно было действовать «единодушно» с духовным, предписывалось следить за раскольниками, дабы они не распространяли своего учения [ПСЗРИ, 1863, т. XXXVIII, отд. II, № 39766а, п. 1—2, с. 8]. В случае обнаружения факта совращения православного в свою веру необходимо было производить формальное следствие, а «совратителя» предать суду. Судебные дела окончательно должны были утверждаться генерал-аудитором. Данные правила относились к тем случаям, когда распространение своих идей раскольниками среди православных было совершенно точно установлено. Если же «совратитель действует тайно, но начальство в этом убеждено», тогда его необходимо было перевести в другую часть (на Кавказ или в отдельные Сибирский или Оренбургский корпуса) и передать священнику [Там же, п. 4, с. 9]. В случае, если священник установит факт отпадение от православия, «совратитель» должен был предстать перед военным судом [Там же, п. 10, с. 10].

В 1864 году вышел закон, по которому, «солдатские дети молоканской секты» должны быть исключены из военного ведомства. Находящиеся же на военной службе в день обнародования манифеста 26 августа 1856 года могли подать «просьбы» на исключение их из службы. Исключенные из военной службы дети молокан отдавались не родителям, «состоящим в расколе», а на попечение «посторонних благотворителей Православного вероисповедания» [ПСЗРИ, 1864, т. XXXIX, отд. II, № 41603, с. 543—544].

Несовершенство типологии сектантства, отсутствие различий в правовом статусе последователей старообрядческих согласий беспоповского направления и сектантов-мистиков попытался устранить образованный весной 1864 года правительственный специальный комитет под руководством графа В. Н. Панина [Суслова, 2017, с. 205—206]. Граф предложил разделить секты на две категории — более и менее вредные [Смирнов, 1893, с. 225]. Следует отметить, что в данном случае В. Н. Панин основным критерием деления назвал не только отношение раскольников к государству и общественной жизни, но и их религиозные убеждения, противоречащие православной церкви (признание Иисуса Христа, таинств). В зависимости от степени вредности тех или иных сект законодательством были установлены определенные «послабления». Анализ «извлечений» из журнала за-

седаний Комитета, приведенных в сочинении В. И. Ясевич-Бородаевской, позволяет заключить, что Комиссия предлагала наделить последователей менее вредных сект такими гражданскими правами, как перемещение внутри империи, замещение общественных должностей, занятие различными видами деятельности. Помимо прав предоставлялась и религиозная свобода, которая могла быть реализована в виде закрытых религиозных собраний и богослужений [Ясевич-Бородаевская, 1912, с. 11—19]. Выводы комиссии были рассмотрены московским митрополитом Филаретом и 16 августа 1864 года получили одобрение императора [Ясевич-Бородаевская, 1912, с. 11]. Однако изменение правового статуса сектантов потеряло свою значимость на фоне проведения военной, судебной и других реформ.

Из всех предложений комиссии В. Н. Панина спустя десять лет получил юридическую силу только закон о регистрации раскольничьих браков от 19 апреля 1874 года. Прежние нормы Свода гражданских законов разрешали следующее: «Брак правоверных с раскольниками допускается не иначе как по принятии сими последними Церкви святой соединения с присягой». Венчание в православном храме для раскольников не только являлось важным и необходимым обрядом для заключения брака, но и означало факт перехода от «неверной» религии к официальному православию. Требование смены веры становилось непреодолимым препятствием для многих последователей сект и делало факт присоединения к православной церкви фиктивным. Согласно закону 1874 года «...раскольники, записанные в сказках X ревизии (1857 г.) мужем и женою, признаются состоявшими в законном браке супругами...» [ПСЗ РИ, 1874, т. XLIX, № 53391, § 2, ст. 1, с. 652]. Раскольничьи браки признавались законными и приобретали юридическую силу посредством записи в специальных метрических книгах. Ведение записей возлагалось на гражданские власти, а «...исполнение соблюдаемых между раскольниками брачных обрядов ведению полицейских чинов при сем не подлежит» [Там же, ст. 9, с. 654].

Тем не менее закон 1847 года разрешал проблему лишь частично. Во-первых, основой определения и закрепления религиозной принадлежности была установлена X ревизия (1857 год). В случае если ранее человек был записан православным, то его регистрация в число раскольников была невозможна. Во-вторых, незаконными и недействительными считались «...браки, заключенные между лицами, которые не принадлежат к расколу от рождения или состоят в браке, совершенном по правилам Православной Церкви» (то есть раскольники по факту в юридическом плане оставались православными прихожанами) [Там же, ст. 19 с. 655].

Для того чтобы ускорить решение раскольничьего и сектантского вопроса, в 1875 году Александром II был образован комитет под руководством

А. Б. Лобанова-Ростовского. Экспертом по делам раскола и сектантства был приглашен известный специалист в этой области П. И. Мельников. Одним из итогов работы новой комиссии стало создание классификации сект, в основу которой были положены исключительно гражданские критерии. В итоге предлагалось к более вредным сектам отнести изуверские, опасные в гражданском отношении — скопцов и хлыстов, а всех остальных наделить гражданскими правами [Смирнов, 1893, с. 226]. Сворачивание либеральных начинаний правительства, вызванное активизацией деятельности революционных народников, покушениями и гибелью императора Александра II, привело к тому, что идеи и рекомендации комиссии не получили практической реализации.

3.3. Реализация политики в отношении сектантов на территории Тобольской губернии

Действия местных светских и духовных властей второй четверти XIX века состояли в проведении административно-контрольных, полицейских, судебно-процессуальных и просветительно-увещательных мероприятий. Важной составляющей правительственной политики на местах был сбор статистической информации о старообрядцах и сектантах, которая включалась в отчеты тобольских губернаторов и ежегодно отправлялась в МВД на протяжении 1836—1862 годов. В отличие от центральных губерний империи, Тобольская губерния, так же, как и другие, более отдаленные территории Сибири, была местом отбывания наказания ссыльных сектантов. В губернию ссылали представителей различных сект. Контроль за их пребыванием, а также статистический учет возлагался на органы местной полиции. Нагляднее всего эта область деятельности местных властей затронула последователей скопчества, относящихся к категории «особо вредных сект». В 1826 году появляются первые официальные данные о численности сектантов в Тобольской губернии. В тот период на территории Сибири находилось 14 скопцов [Варадинов, 1863, с. 167]. Со второй половины XIX века эта цифра постоянно увеличивалась ввиду массовых репрессий сектантов, для которых ссылка в Западную Сибирь являлась основным наказанием за соращение в раскол. В 1841 году на территории Тобольской губернии численность скопцов составила 109 человек. В 1855 году — 123 человека являлись представителями различных сект, из которых 119 состояли в секте скопцов. Наибольшее количество скопцов проживало в Ялуторовском, Ишимском, Березовском и Тобольском уездах, хлыстовщины — в Курганском и Тюменском уездах [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И152, оп. 31, д. 1307, л. 2 об, 30, 38—39]. Сведения о представителях различных сект собирались негласно до 1917 года [Там же, ф. И329, оп. 3, д. 54, л. 7—7 об]. Неуклонный рост численности скопцов явился следствием практики распределения местными властями ссылаемых, по 2—3 человека на волость, в места

проживания православного населения, и активной пропаганды сектантами своих взглядов с целью вовлечения новых адептов в свои сообщества. Так, в ходе следственных мероприятий и судебных процессов второй половины XIX века были открыты факты осклоплений мещан Тобольска В. и Д. Кузнецовых, совершенных в 1828 году трапезниками тобольской Воскресенской Захарьевской церкви А. Балахонцевым и Г. Дроздовым [РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 3684, л. 3—6 об].

В октябре 1858 года в Тобольске были получены «Наставления для руководства при исполнительных действиях и совещательных по делам, до раскола относящихся» [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. И329, оп. 5, д. 398]. Из документа видно, что неудачи в борьбе с сектантством в предыдущие периоды «происходят не от самой системы действий..., но от неточного и не правильного исполнения оной». «Наставления» должны были урегулировать совместные действия гражданского и духовного начальства для «искоренения раскольнических заблуждений». На нижней ступени борьбы с расколом ставилось духовенство, ограничивавшееся «кругом действий чисто духовных», а все полицейские распоряжения принадлежали гражданской власти. Причем отмечалось, что старообрядцы и сектанты, состоящие в расколе от рождения, не преследуются за мнение их о вере [Там же, д. 398, л. 2—6 об].

В 1860-е годы в Тобольской епархии была учреждена противораскольническая миссия. Однако результаты деятельности миссии явно не оправдали ожиданий. Нововведённая должность миссионера требовала крупных финансовых затрат и увеличила объем работы делопроизводства, но не привела к существенным переменам в борьбе с раскольниками. За время существования миссии были известны единичные случаи перехода из раскола в православие. В 1856 году противораскольническая миссия была закрыта [Суслова, 2002, с. 21].

В 1862 году молоканам города Мариинска Томской губернии были дарованы «временные» права. Если они принадлежали к сословию крестьян и не были сами сосланы в Сибирь на поселение, им разрешалось вместе с семействами записываться в мещане и купцы, получать паспорта и билеты для передвижения по территории Западной Сибири [ПСЗ РИ, 1862, т. XXXVII дополнение, № 39090д, с. 45]. 28 ноября 1863 года «временные» права молокан были распространены «на молокан всех городов Западной Сибири» на постоянной основе [ПСЗ РИ, 1863, т. XXXVIII, № 40327, с. 255]. До этого данные права распространялись лишь на молокан, проживающих на территории Закавказского края — являвшегося также как и Западная Сибирь, местом ссылки сектантов. Закон, вступивший в силу 5 апреля 1864 года, разрешал молоканам Минусинского округа Енисейской губернии для реализации своей продукции получать паспорта для отлучки

(на время до четырех месяцев). Характерной особенностью данных постановлений является то, что все они носили временный характер; чтобы воспользоваться правом на отлучку молоканам требовалось разрешение начальника губернии; во время отсутствия за ними должно было устанавливаться наблюдение полиции [ПСЗ РИ, 1864, т. XXXIX, № 40759, с. 325].

О послаблении контроля за сектантами, свидетельствуют материалы судебного дела, которое рассматривалось в 1863 году тобольским земским судом по предписанию Тобольского губернского правления [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. И464, оп. 1, д. 283]. Главное управление Западной Сибири потребовало данные о количестве раскольников из государственных крестьян. Выяснилось, что некоторые сектанты (скопцы) только числятся на бумаге в том или ином уезде, а сами находятся «в неизвестной отлучке» [Там же, д. 283, л. 3—4]. Несмотря на особенно строгое отношение гражданских и духовных властей к секте скопцов, тем не менее в рассматриваемый период перемещение их по Тобольскому региону не контролировалось. Прекращение преследований сектантов в 1850—1860-х годах привело к росту количества последователей рационалистического направления сектантства с 59 человек по данным за 1855 год до 140 человек в 1867 году [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И152, оп. 31, д. 1307, л. 38—39].

Таким образом, действия местных гражданских властей, направленные на борьбу с религиозной оппозицией, способствовали выявлению сектантских общин или отдельных ее представителей, но не смогли остановить процесс распространения сектантских и раскольнических вероучений среди жителей губернии.

4. Заключение = Conclusions

Анализ процесса формирования нормативной основы взаимоотношений государства и религиозного сектантства и ее реализации в Тобольской губернии позволил выделить три этапа правительственной политики по отношению к сектантам: отказ от преследования и применение либеральных мер в первой четверти XIX века; период ужесточения правительственной политики по отношению к старообрядцам и сектантам во второй четверти XIX века; поиск продуманных, лояльных по отношению к старообрядчеству и сектантству мер в третьей четверти XIX века.

Сложность и отсутствие постоянной организационной структуры как отдельных сект, так и сектантства как социально-религиозного феномена, динамизм вероучительных положений являлись внутренними объективными факторами того, что в рассматриваемый период не получили завершение классификация религиозного сектантства и процесс формирования системы взаимодействия светских и церковных властей по отношению

к сектантам как в центре, как и на местах. Трудности представлял сам факт отнесения к сектантству последователей некоторых сект (в частности, выявленного в 1820-х годах на территории Тобольской губернии скопчества), поскольку многие из них формально принадлежали к православию. Это обстоятельство существенным образом затрудняло и применение мер пресечения распространения их учения. Указы, принимаемые в этот период, не имели ограничительного, запретительного и тем более карающего характера. Большинство из них было нацелено на то, чтобы в той или иной степени вовлечь сектантов в общественную жизнь. Правительство пыталось учесть специфику регионов (Западная Сибирь, Закавказье), в которых находились ссыльные сектанты или их потомки. Постановления данного характера похожи на эксперимент, который в будущем (в 1883 году) должен был распространиться на раскольников по всей России.

Преследования сектантов второй четверти XIX века, учреждение и кратковременный период деятельности противосектантской миссии в Тобольской епархии в 1850-е годы не смогли остановить процесс возникновения новых сект и распространение уже существовавших. Не способствовал успехам правительственной политики, направленной на формирование единых мер в зависимости от характера вероучения, сложный характер религиозных взглядов сектантов. Выявленные источники свидетельствуют, что последователи хлыстовства и скопчества, стремясь избежать преследования, фиктивно состояли в официальном православии и посещали церковь.

В 1860—1870-х годах увеличению численности сектантов способствовала практика расселения сектантов, ссылаемых в Тобольскую губернию, рядом с православным населением, следствием чего явилось формирование крупных общин сектантов в Березовском, Тарском, Тобольском и Курганском уездах.

Реализация правительственных мер в отношении сектантов на местах возлагалась на уездные и губернские светские и церковные органы управления. При этом выявление и ведение противосектантских бесед с целью исправления отступивших от православия, по мысли законодателя, становились задачами приходского духовенства. Однако уровень образования для проведения такого рода бесед, невысокое материальное положение при обширности приходов не позволяли им в полной мере выполнять задачи по предотвращению распространения сектантства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бонч-Бруевич В. Д.* Животная книга духоборцев / В. Д. Бонч-Бруевич. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1909. — 370 с.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.* — Ф. И152. Тобольское губернское правление. Оп. 3. Д. 54 ; Оп. 11. Д. 1052 ; Оп. 31. Д. 670, 1307 ; Оп. 32. Д. 51, 554 ; Оп. 35. Д. 846. Ф. И156. Тобольская духовная консистория. Оп. 11. Д. 1052, 1848 ; Оп. 27. Д. 1103 ; Оп. 29. Д. 2455. Ф. И329. Общее губернское правление. Оп. 3. Д. 54. Ф. И464. Тобольский земский суд. Оп. 1. Д. 283.
3. *Оболенский П. П.* Критический разбор вероисповедания русских сектантов-рационалистов : духоборцев, молокан и штундистов : с прил. сведений по истории рационалистических сект магистра богословия П. Оболенского / П. П. Оболенский. — 3-е изд., вновь пересмотр. и доп. — Казань : Типо-литография Университета, 1903. — 419 с.
4. ПСЗ РИ — *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание II (с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.).
5. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов.* Ф. 1431. Дела местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах. Оп. 1. Д. 3709, 3913, 3914.
6. *Российское законодательство X—XX веков.* Законодательство первой половины XIX века. — Москва : Юридическая литература, 1988. — Т. 6. — 432 с.
7. *Соловьев Л.* Сведения о современном состоянии раскола в Тобольской епархии / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909. — № 19 — С. 497—498.
8. *Соловьев Л.* Четвертый всероссийский миссионерский съезд в Киеве 12—26 июня 1908 г. / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909. — № 3. — С. 38—47.
9. *Списки населенных мест Российской империи,* составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1861—1885. — Выпуск 60. — CCLXXII. — 196 с.
10. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных* // Российское законодательство X—XX веков. Законодательство первой половины XIX века. — Москва : Юридическая литература, 1988. — Т. 6. — С. 160—430.
11. *Устав о предупреждении и пресечении преступлений* // Свод законов Российской Империи. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. — Т. XIV. — С. 292—389.
12. *Южнорусский штундизм.* Исследование священника Арсения Рождественского / А. Рождественский. — Санкт-Петербург : Типография Департамента уделов, 1889. — 295 с.
13. *Ясевич-Бородаевская В. И.* Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов / В. И. Ясевич-Бородаевская. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. — 696 с.

Литература

1. *Берман А. Г.* Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX — первой половине XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 24.00.01 / А. Г. Берман. — Чебоксары, 2006. — 19 с.
2. *Бонч-Бруевич В. Д.* «Новый Израиль» / В. Д. Бонч-Бруевич. — Санкт-Петербург : Типография Б. М. Вольфа, 1911. — 485 с.

3. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков / Т. И. Буткевич. — Харьков : Типография губернского правления, 1910. — 608 с.
4. Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1863. — Книга 8. — 667 с.
5. Гагарина И. Ю. Русское мистическое сектантство XVIII — начала XXI в. : исторический и социально-психологический аспекты : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Ю. Гагарина. — Москва, 2011. — 191 с.
6. Далецкая В. Ю. Политика российского государства и церкви в отношении сектантов в XVIII—XIX веках : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Ю. Далецкая. — Москва, 2005. — 16 с.
7. Ершова О. П. Старообрядчество и власть / О. П. Ершова. — Москва : Уникум-центр, 1996. — 203 с. — ISBN 5-7825-0055-7.
8. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.— 1917 г.) / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1965. — 348 с.
9. Кориков Д. Г. Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. Г. Кориков. — Челябинск, 2011. — 26 с.
10. Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве / Д. Г. Коновалов. — Сергиев Посад, 1908. — 258 с.
11. Мельников П. Ю. Правовое положение христианских сектантов Российской Империи во второй половине XIX века / П. Ю. Мельников. — Саратов : Издательство Саратовского университета (СГУ), 2006. — С. 126—133.
12. Надеждин Н. И. Исследование о скопческой ереси / Н. И. Надеждин ; предисл. В. И. Кельсиева. — Изд. 2-е. — Москва : URSS, 2012. — 347 с. — ISBN 978-5-397-02968-1.
13. Никольский Н. М. История Русской церкви / Н. М. Никольский. — Изд. 3-е. — Москва : Политиздат, 1983. — 448 с.
14. Новицкий О. П. Духоборцы, их история и вероучение / О. П. Новицкий. — Изд. 2-е. — Киев : Унив. тип. (И. Завадзкого), 1882. — 282 с.
15. Оленич Т. С. Трансформация русского религиозного сектантства : философско-культурологический анализ : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.13 / Т. С. Оленич. — Ростов-на-Дону, 2005. — 44 с.
16. Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни / А. С. Пругавин. — Москва : Типография Товарищества И. Д. Сытина 1905. — 95 с.
17. Пругавин А. С. Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства / А. С. Пругавин. — Москва : Посредник, 1906. — 252 с.
18. Римский С. В. Церковная реформа Александра II / С. В. Римский // Вопросы истории. — 1996. — № 4. — С. 32—48.
19. Розанов В. В. Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы) / В. В. Розанов. — Санкт-Петербург : Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1914. — 207 с.
20. Смирнов П. С. История раскола русского старообрядчества / П. С. Смирнов. — Рязань : Типография В. О. Тарасова, 1893. — 275 с.
21. Суслова Л. Н. Проблемы классификации и типологии сект (по материалам Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX вв.) / Л. Н. Суслова, В. И. Звоныгина, И. В. Яркова // Научный диалог. — 2017. — № 3. — С. 202—214.
22. Суслова Л. Н. Старообрядчество и власти в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XIX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. Н. Суслова. — Екатеринбург, 2002. — 24 с.

23. Тонконогов А. В. Сектантство как социальный феномен (исследование в среде осуждённых к лишению свободы) : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.11 / А. В. Тонконогов. — Москва, 2004. — 22 с.

24. Шорец Г. Сектантство в Тюкалинском уезде Тобольской губернии / Г. Шорец // Тобольские епархиальные ведомости. — 1915. — № 44. — С. 698—706.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024,
одобрена после рецензирования 02.06.2024,
подготовлена к публикации 15.06.2024.

Material resources

- Bonch-Bruevich, V. D. (1909). *Animal book of dukhobortsev*. St. Petersburg: [b. i.]. 370 p. (In Russ.).
- GBUTO GA in Tobolsk — *The State budgetary institution of the Tyumen region, the State Archive in Tobolsk*. (In Russ.).
- Lists of populated places of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs*, 60. (1861—1885). St. Petersburg: Publishing House of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).
- Obolensky, P. P. (1903). *A critical analysis of the religion of Russian sectarian rationalists: dukhobortsev, Molokans and shtundists: with an appendix of information on the history of rationalist sects of the Master of theology P. Obolensky*. Kazan: Typo-lithography of the University. 419 p. (In Russ.).
- PSZ RI — *The complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly II (from December 12, 1825 to February 28, 1881)*. (In Russ.).
- RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1431. Cases of local judicial institutions on Old Believers and sectarians*. (In Russ.).
- Russian legislation of the X—XX centuries. Legislation of the first half of the XIX century*, 6. (1988). Moscow: Legal Literature. 432 p. (In Russ.).
- Solovyov, L. (1909). Information on the current state of the schism in the Tobolsk diocese. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 19: 497—498. (In Russ.).
- Solovyov, L. (1909). The fourth All-Russian Missionary Congress in Kiev on June 12—26, 1908. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 3: 38—47. (In Russ.).
- South Russian Stundism. The study of the priest Arseny Rozhdestvensky*. (1889). St. Petersburg: Printing House of the Department of Estates. 295 p. (In Russ.).
- The Code of Criminal and correctional punishments. (1988). In: *Russian legislation of the X—XX centuries. Legislation of the first half of the XIX century*, 6. Moscow: Legal Literature. 160—430. (In Russ.).
- The Statute on the Prevention and Suppression of Crimes. (1857). In: *The Code of Laws of the Russian Empire, XIV*. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 292—389. (In Russ.).
- Yasevich-Borodaevskaya, V. I. (1912). *The struggle for faith. Historical and everyday essays and a review of legislation on Old Believers and sectarianism in its consistent development with the application of articles of the law and the highest decrees*. St. Petersburg: State Printing House. 696 p. (In Russ.).

References

- Berman, A. G. (2006). *Mystical sectarianism in the Middle Volga region in the XIX—first half of the XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Cheboksary. 19 p. (In Russ.).
- Bonch-Bruevich, V. D. (1911). "New Israel". St. Petersburg: Printing house of B. M. Wolf. 485 p. (In Russ.).
- Butkevich, T. I. (1910). *Review of Russian sects and their interpretations*. Kharkov: Printing house of the provincial government. 608 p. (In Russ.).
- Daletskaya, V. Yu. (2005). *The policy of the Russian state and the Church in relation to sectarians in the XIII—XIX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).
- Gagarina, I. Y. (2011). *Russian mystical sectarianism of the XVIII — early XXI century: historical and socio-psychological aspects*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 191 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1965). *History of religious sectarianism in Russia (60s of the XIX century — 1917)*. Moscow: Nauka. 348 p. (In Russ.).
- Kononov, D. G. (1908). *Religious ecstasy in Russian mystical sectarianism*. Sergiev Posad. 258 p. (In Russ.).
- Korikov, D. G. (2011). *The state, the church and sectarianism in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 26 p. (In Russ.).
- Melnikov, P. Yu. (2006). *The legal status of Christian sectarians of the Russian Empire in the second half of the XIX century*. Saratov: Saratov University Press (SSU). 126—133. (In Russ.).
- Nadezhdin, N. I. (2012). *Research on the Catholic heresy. 2nd edition*. Moscow: URSS. 347 p. ISBN 978-5-397-02968-1. (In Russ.).
- Nikolsky, N. M. (1983). *History of the Russian Church. 3rd edition*. Moscow: Politizdat. 448 p. (In Russ.).
- Novitsky, O. P. (1882). *Dukhobortsy, their history and doctrine. 2nd edition*. Kiev: Univ. type (I. Zavadzky). 282 p. (In Russ.).
- Olenich, T. S. (2005). *Transformation of Russian religious sectarianism: philosophical and cultural analysis*. Author's abstract of Doct. Diss. Russian Federation, Rostov-on-Don. 44 p. (In Russ.).
- Prugavin, A. S. (1906). *Religious renegades. Essays on modern sectarianism*. Moscow: Intermediary. 252 p. (In Russ.).
- Prugavin, A. S. (1905). *Schism and sectarianism in Russian folk life*. Moscow: Printing house of the I. D. Sytin Partnership. 95 p. (In Russ.).
- Rimsky, S. V. (1996). The Church reform of Alexander II. *Questions of history*, 4: 32—48. (In Russ.).
- Rozanov, V. V. (1914). *The Apocalyptic sect (khlysty and skoptsy)*. St. Petersburg: Printing House F. Weisberg and P. Gershunin. 207 p. (In Russ.).
- Shorets. (1915). Sectarianism in Tyukalinsky district of Tobolsk province. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 44: 698—706. (In Russ.).
- Smirnov, P. S. (1893). *The history of the split of the Russian Old Believers*. Ryazan: V. O. Tarasov Printing House. 275 p. (In Russ.).
- Suslova, L. N. (2002). *Old Believers and the authorities in the Tobolsk province at the end of the XVIII — early XIX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).

- Suslova, L. N., Zvorygina, V. I., Yarkova, I. V. (2017). Problems of Sects Classification and Typology (on Materials of Tobolsk Governorate of the Second Half of XIX — Early XX Century). *Nauchnyi dialog*, 3: 202—214. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-202-214. (In Russ.).
- Tonkonogov, A. V. (2004). *Sectarianism as a social phenomenon (research among those sentenced to imprisonment)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Varadinov, N. V. (1863). *History of the Ministry of Internal Affairs*, 8. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 667 p. (In Russ.).
- Yershova, O. P. (1996). *Old Believers and power*. Moscow: Unique Center. 203 p. ISBN 5-7825-0055-7. (In Russ.).

*The article was submitted 03.04.2024;
approved after reviewing 02.06.2024;
accepted for publication 15.06.2024.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакommunikation и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // *Вопросы психолингвистики*. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // *Научный диалог*. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // *Journal of Philosophical Logic*. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Aleshin, A. S.</i> Proverbs of Comparative Semantics on Poverty and Wealth in Swedish and Russian Languages: Structural and Linguacultural Approaches.....	9
<i>Vasilyeva, G. M., Vinogradova, M. V.</i> Dynamics of Ecological Issues Reflection in Semantic Content of Lexeme ‘zelenyy’ [green] (Dictionary Definitions and Associative Experiments).....	28
<i>Danilov, I. A.</i> Sakha Language in a Northern Industrial Monotown: Linguistic Distribution in Speech Repertoire of Sakha People.....	48
<i>Dubovitskaya, M. A.</i> Shifting Communicative Roles through Subcode Switching and Blending in Works of Zadie Smith.....	67
<i>Kuleshova, A. V., Slastnikova, T. V.</i> Discourse Markers in Works of Russian Linguists: Functional-Pragmatic and Functional-Semantic Approaches.....	84
<i>Onoshko, V. N.</i> Lexical and Stylistic Features of Translating Old Russian Literary Monuments into Russian and English Languages (“The Tale of Igor’s Campaign”).....	104
<i>Riabtseva, N. K.</i> Cross-Linguistic Scientific Communication, Contemporary Digital Terminological Neologisms in English, and Translation Issues	124
<i>Shulezhkova, S. G.</i> Orthodoxy and Literacy as Factors in Preserving Nagaibak Ethnic Group	140

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Boltuts, O. A., Luchinsky, Yu. V.</i> Literary and Local History Themes of Resort Press of Black Sea Province.....	161
<i>Grishina, K. V. Shchetinin, M. V.</i> Media and Social Networks about Labor Discrimination of Women in 21st Century	180

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Baretskaya, A. E.</i> Classicist Development of FATHER-SON Topos in “The Adventures of Telemachus” by Fénelon	198
<i>Zhdanov, S. S.</i> Representation of Novorossiia in “Journey Across Crimea and Bessarabia in 1799” by Pavel Sumarokov	215
<i>Kikhney, L. G., Ustinovskaya, A. A.</i> Translation of Michelangelo’s Fifth Sonnet by Vyacheslav Ivanov: Issue of Equivalency and Translation Transformations.....	240
<i>Kuzmina, A. A.</i> Russian World in Yakut Heroic Epic Olonkho	256
<i>Meng Lingdi, Sai Na.</i> Reception of Work of Afanasy Fet in China	274

<i>Ushakova, E. V.</i> Poetics of Title in Ivan Bunin's Short Story "The Emerald"	290
<i>Sharypina, T. A.</i> Other and Alien: Faces of Medea in Dramatic and Stage Interpretations of 20th-21st Centuries	304
<i>Shestakova, E. Yu.</i> Representation of Russia in Autobiographical Prose about Childhood by A. N. Tolstoy and I. S. Shmelev	335

HISTORY

<i>Bondarev, V. A.</i> Agitational and Propagandistic Measures to Activate Cossack Volunteer Movement in Don Region during Great Patriotic War	353
<i>Bukalova, S. V.</i> Social Support Organization in Russian Empire During World War I: Financial Aspects	371
<i>Erokhina, O. V.</i> Status of Germans in Russian Empire during First World War (1914-1917)	390
<i>Ilyin, P. V.</i> Pavel Rennenkampf: Unnoticed Decembrist Conspirator	409
<i>Naumenko, O. N., Abdullaev, U. I.</i> Adaptation of Sharia Law to Russian Criminal Law by Population of Western Turkestan and Siberian Bukharans in Late 18th - Early 20th Centuries	437
<i>Öztürk, M., Vagabov, M. M., Gazieva, A. A.</i> Battle of Stalingrad: Reflection of Events and Evaluation in Turkish Press during Period of World War II	456
<i>Sagimbaev, A. V.</i> Communalism Factor in Evolution of Political Situation in British India (1920s-1930s)	475
<i>Slezin, A. A., Yakimov, K. A.</i> Shortcomings of 'Everyday Revolution' in Soviet Russia in 1920s: A Peasant Perspective	494
<i>Suslova, L. N., Kostetskaya, E. V., Aksenova, V. A.</i> Government Policy towards Sectarians and Its Implementation in Tobolsk Province in 19th Century	516
TO AUTHORS	542